

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА: МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ДИАЛОГ

Сборник научных статей обучающихся
по материалам межвузовского круглого стола

6 ноября 2025 г.

2026

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ПРАВА:
МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ДИАЛОГ**

Сборник научных статей обучающихся
по материалам межвузовского круглого стола
6 ноября 2025 г.

Белгород 2026

УДК 34
ББК 67
А 65

Рецензенты:

В.Ю. Туранин, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Юридического института НИУ «БелГУ»;

А.В. Максименко, кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

А 65 **Актуальные проблемы современного права: межотраслевой диалог:** сборник научных статей обучающихся по материалам межвузовского круглого стола 6 ноября 2025 г./ отв. ред. Р.Н. Шалайкин. – Белгород: ЦПП НИУ «БелГУ», 2026. – 537 с. – URL: <http://dspace.bsuedu.ru/handle/123456789/66241>. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-9571-4000-9

Сборник содержит материалы научных исследований, посвященных актуальным вопросам современного права в контексте межотраслевого взаимодействия. В работах рассматриваются общие проблемы интеграции и коллизии правовых норм различных отраслей, определяются тенденции развития законодательства в условиях его усложнения и цифровизации, проводится анализ вызовов, требующих комплексных решений. Особое внимание уделяется вопросам правоприменения, судебной практике и совершенствованию законодательства.

Сборник адресован научным и практическим работникам, аспирантам, магистрантам, студентам юридических факультетов, а также всем, кто интересуется современными проблемами права и тенденциями его развития.

Минимальные системные требования
Yandex (20.12.1) или Google Chrome (87.0.4280.141) и т. п.
скорость подключения – не менее 5 Мб/с, Adobe Reader и т. п.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-9571-4000-9

© НИУ «БелГУ», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Авдеева В.Н., Григоренко А.С. Правовое регулирование использования и охраны земельных ресурсов: проблемы и перспективы.....	9
Агарков Д.Е. Уполномоченный по защите права предпринимателей как публично-организационный элемент экономического пространства России.....	14
Акопян В.К., Бурдюк Н.А. Роль прокуратуры в координации деятельности правоохранительных органов по противодействию экстремизму и терроризму.....	18
Алейникова В.А. Энергетическая безопасность: уголовно-правовые вызовы.....	21
Александрова М.А. О некоторых проблемах антимонопольного регулирования отношений в сфере электроэнергетики.....	23
Алферова Д.А., Глотова В.О. Правовая защита окружающей среды в условиях изменения климата.....	26
Анисимов С.В. Особенности привлечения к ответственности за экологические нарушения в энергетике.....	31
Анисимова Е.В. Роль антимонопольного законодательства в контроле цен и тарифов на энергоресурсы	35
Анохина А.А. Договор коммерческой концессии: понятие и особенности правового регулирования.....	39
Бардакова В.Д., Сметская А.И. Коррупционные проявления в сфере охраны окружающей среды.....	42
Безлепкина А.А., Оганян Г.Г. Международные энергетические споры и способы их разрешения	45
Бекетов С.С. Правовой режим объектов энергетики в гражданском обороте: проблемы квалификации недвижимого имущества в контексте развития возобновляемой энергетики	49
Билык К.В. О некотором зарубежном опыте конституционного закрепления вопросов воспитания личности	55
Болгова А.Е. Аудиовизуальные материалы как вид судебного доказательства	59
Бондарева А.А. Гражданско-правовые средства защиты от злоупотребления доминирующим положением на энергетическом рынке.....	63
Борисова В.Е. Проблемы правоприменительной практики при возмещении экологического вреда.....	66
Борченко П.А. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму.....	70
Борщевская А.В. Цифровизация договорной работы: новые риски и возможности для юридического отдела компании	74
Босова А.С. Роль органов прокуратуры в обеспечении прав субъектов предпринимательской деятельности.....	77
Булдыгеров М.Н., Дерябин И.С. Особенности прокурорской проверки деятельности религиозных объединений на предмет экстремизма.....	81
Васильев И.А. Правовые механизмы защиты бизнеса в условиях внешнего санкционного давления.....	85
Васильева А.А. Энергетическая безопасность России в условиях санкционного давления: вызовы и перспективы	89
Вашева А.А. Юридическая ответственность за экологические правонарушения в сфере производства и распределения электроэнергии	96
Великородная В.О. Проблемы «зеленого» тарифа и сертификатов происхождения электроэнергии: правовой режим и злоупотребления.....	99
Вербилева А.С. Выявление и пресечение злоупотреблений при банкротстве: пробелы взаимодействия с арбитражными управляющими и ФНС	102
Вербилева А.С., Медведева П.Н. Проблемы выявления и пресечения финансирования экстремистской и террористической деятельности.....	105

Визирякина А.С., Шопина В.К. Правовые механизмы сокращения выбросов углерода в энергетическом секторе	108
Власова У.А. Государство как представитель интересов народа	113
Волков М.С. Пожизненное лишение свободы в России: проблемы и спорные вопросы	116
Гайдыдей О.Е., Самойлова А.С. Влияние трагедии на Чернобыльской АЭС на формирование современного экологического права постсоветских государств и международного экологического права. Вопросы атомной энергетики в глобальной климатической стратегии	120
Гасимова С.С. Правовое регулирование перехода к «зеленой» энергетике в РФ: проблемы и перспективы	124
Галич Д.В., Листвина Е.Б. Действие уголовного закона во времени: проблемы теории и практики	127
Глазунова Э.Е. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод военнослужащих – участников военной операции	130
Глазунова Э.Е. Современные проблемы реализации прокурорского надзора за соблюдением бюджетного законодательства	133
Гончарова А.Н. Международное сотрудничество России в сфере энергетической безопасности: вызовы и новые форматы взаимодействия	136
Гончарова Д.В. Состав преступления как основание уголовной ответственности	139
Гридчин Д.В., Литвяк Л.И. Экологические права коренных малочисленных народов и их защита	143
Григорьева А.И. Защита интересов потребителей на рынке коммунальных (энергетических) услуг: современные проблемы и пути их решения	146
Гуляева Е.В. Прокурорский надзор как инструмент обеспечения экономической безопасности государства	149
Давыдова А.В. Проблема достоверности показаний подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе	153
Даньшина А.С. Особенности юридической ответственности в сфере энергоснабжения	157
Добудько В.А. Заключение предпринимательских договоров на торгах и аукционе: теория и современная практика	161
Доронин М.А. Отдельные аспекты, касающиеся оценки заключения специалиста как доказательства в уголовном процессе	165
Дряхлова А.А., Твердохлеб М.А. Экологическое право и топливно-энергетический комплекс	169
Дьяченко Д.О. Актуальные проблемы правового регулирования в сфере энергетики в Российской Федерации	173
Евдокимов Д.В. Энергетический суверенитет: понятие и правовые механизмы его обеспечения	175
Ежелев Н.С. Малахинский И.Д. Правовые механизмы предотвращения нелегального оборота природных объектов	180
Жидков А.Р., Калюжный А.Р. Вопросы квалификации преступлений, связанных с возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ)	183
Заболоцкая А.О., Попкова А.И. Роль экологического права в решении задач по защите окружающей среды от загрязнений	187
Заика Я.С., Маслова Д.О. Место энергетического права в системе права	191
Зайнутдинов Б.Б. К вопросу об использовании технологий искусственного интеллекта и больших данных для формирования доказательств в уголовном судопроизводстве: процессуальные и тактические аспекты	196
Заскока М.В., Шевченко Р.Р. Основные проблемы и тенденции развития современного экологического права в России	200
Зацепина С.С., Карпук Э.А. Необходимая оборона в сфере домашнего насилия	204

Илющенко А.А. Проблемы осуществления прокурорского надзора за соблюдением антимонопольных требований в деятельности госкомпаний	207
Илющенко А.А., Путилина В.Р. Проблемы противодействия прокуратурой экстремизму в сети интернет.....	210
Ищенко Н.Е., Коробельников Н.А. Правовые механизмы предотвращения и ликвидации последствий маловодья и засух в Российской Федерации	214
Ищенко М.О., Чуйкова А.А. Правовое регулирование энергетического перехода к возобновляемым источникам энергии: вызовы и перспективы развития для России	218
Карабутова Е.А. Государственное регулирование энергетического сектора: эволюция моделей и современные вызовы	221
Кириносенко Д.И., Аниканова А.О. Вопросы квалификации жестокого обращения с животными ст. 245 УК РФ	225
Козин Е.А., Насонова А.И. Проблемы расследования экологических преступлений в современной России.....	229
Козлова Д.А., Фотеева Е.Е. Хищение электроэнергии: проблемы квалификации и расследования	233
Колесникова В.Е. Проблемы прокурорского надзора за соблюдением пенсионных прав граждан	238
Колочко Е.С., Переверзев Л.А. Энергетическое законодательство в России и Китае: сравнительно-правовой анализ.....	241
Кондратюк С.В. Гражданско-правовая ответственность в сфере микроэнергетики и распределенной генерации электроэнергии	244
Коптева В.А., Чечина А.Р. Субъективная сторона преступления: проблема установления косвенного умысла.....	248
Костина Д.И., Исаева А.В. Энергетическая стратегия Российской Федерации, её нормативно-правовое обеспечение.....	251
Крупкин Д.А. К вопросу понятия и особенностей осуществления страхования предпринимательского риска	254
Крупкин Д.А. Понятие и особенности осуществления личного страхования в отечественном законодательстве.....	258
Крюкова Е.В. Прокурорский надзор за соблюдением прав лиц, находящихся в учреждениях исполнения наказаний	262
Крюкова Е.В. Прокурорский надзор за органами предварительного следствия и оперативно-розыскными подразделениями в сфере расследования и раскрытия преступлений экономической направленности	265
Кувшинников Д.В., Волосов А.П. Юридическая ответственность за экологические правонарушения в энергетическом секторе: проблемы правоприменения и пути совершенствования	271
Кулишова В.В., Коломиец В.А. Актуальные проблемы правового регулирования обращения с радиоактивными отходами	274
Кукеев А.К. Аспекты государственной политики в области возобновляемых источников энергии в республике Казахстан и ее влияние на предупреждение изменения климата: проблемы и перспективы.....	278
Курлова Ю.О. Обеспечение права на защиту при применении мер пресечения: судебная практика и пробелы регулирования	283
Кутько Е.Ю., Капнин А.В. Правовой режим национальных парков в Российской Федерации	286
Кушик А.С., Лисукова А.А. Сравнительно-правовой анализ моделей регулирования энергопотребления майнинговых ферм на примере различных стран.....	289
Левин С.Д., Минаш Е.С. Проблема изменения контрактов на поставку энергоресурсов в условиях международных санкций	293
Левченко А.С. Полномочия прокурора по надзору за соблюдением трудовых прав и свобод человека и гражданина	296

Ледков К.А. Энергетическое право с позиций единства и дифференциации	299
Лесовский Ю.Ю. Энергетическая безопасность России: правовые механизмы защиты в условиях киберугроз и цифровизации энергетики	302
Мальгин И.В. Правовая защита водных ресурсов	305
Маматов В.А. Проблемы при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением природоохранного законодательства.....	309
Масич П.А. Становление и развитие договора электроснабжения в российском гражданском праве.....	312
Махамат А.Д. Перспективы международного сотрудничества России и стран Африки в области атомной энергетики.....	318
Медведева П.Н. Прокурорский надзор за законностью предотвращения нецелевого расходования бюджетных средств	321
Мещерина В.Д. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности	325
Мещерина В.Д. Об усилении прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в условиях военного конфликта	329
Мещеряков Д.Г. Кибербезопасность критической энергетической инфраструктуры РФ ...	332
Митрофанова М.А., Степанченко С.П. Проблемы реализации института экстрадиции в международном и национальном праве	335
Митрофанова М.А. Цифровые доказательства в уголовном судопроизводстве по делам о преступлениях в сфере энергетики: проблемы собирания и оценки	338
Мирзаянов Б.Ю. Модернизация энергетического законодательства России.....	341
Мищенко Д.В. Роль Росгвардии Российской Федерации в обеспечении общественной безопасности	343
Мокшина А.Ю. Основные тенденции развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.....	345
Наволокина А.С. Расширенная ответственность производителя (РОП) в энергетике: правовые аспекты утилизации оборудования возобновляемых источников энергии (ВИЭ)	349
Нальгиева Х.В. Преступная халатность при авариях на энергообъектах	352
Нестеренко Р.Д. Вопросы применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ)	355
Нестерович А.В. Правовой аспект обеспечения объектов топливно-энергетического комплекса защитными конструкциями от беспилотных летательных аппаратов	358
Омаров Т.И., Еськин Е.В. Вопросы квалификации преступлений, связанных с мошенничеством	361
Павлюс И.В. Понятие и правовая природа договоров, содействующих торговле: теоретический анализ	364
Петина Л.С. Проблемы разграничения злоупотребления и превышения должностных полномочий в правоприменительной деятельности	367
Пивоварова Д.А. Особенности нормативно-правового регулирования возобновляемых источников энергии	370
Пилипенко Е.В. Юридическая ответственность за экологический ущерб в энергетической отрасли: сравнительный анализ подходов и перспективы гармонизации	374
Плёхова В.В. Анализ правовых механизмов стимулирования развития возобновляемых источников энергии в Российской Федерации	377
Подрейко С.С. Что Россия переняла из мирового опыта в области энергетического права?	380
Польская Т.С. Защита добросовестных сторон в договорных обязательствах: актуальные проблемы	384
Пригарина О.А. Проблемы обжалования решения прокурора об отказе в удовлетворении жалобы	387
Пригарина О.А. Прокурорский надзор в сфере государственного оборонного заказа	391
Путилина В.Р. Трансформация нормативного правового регулирования использования атомной энергии в условиях цифровизации	395

Романенко В.Н. Современные проблемы оценки цифровых доказательств в уголовном процессе	398
Сагрунян Д.В. Правовые полномочия адвоката в уголовном процессе	401
Самойлова А.С. Внутреннее убеждение судьи как критерий оценки доказательств: психологические и правовые аспекты	404
Семикопенко Д.С., Васильев А.Ю. Проблемные аспекты права государственной собственности на объекты животного мира	407
Сероштан А.С. Экологические фонды: правовые проблемы и решения	411
Ситникова А.В. Смешанные договоры в предпринимательской деятельности	416
Скурят Э.В. Об актуальных проблемах законодательства республики Беларусь в сфере «зеленой энергетики»	421
Сойников Д.О. Правовая природа договора на оказание услуг по обращению с ТКО с региональным оператором: проблемы публичности и принуждения	427
Солодовникова В.Д., Савин В.Д. Право на благоприятную окружающую среду: конституционная гарантия и ее реализация.....	430
Степанченко С.П. Особенности признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики	435
Степуков К.М. Проблемы разобщенности и коллизий в экологическом законодательстве.....	438
Стешенко Д.Р. Проблемы установления объективной истины, как цели доказывания в уголовном процессе	442
Стогнев К.О. Правовые основы перехода к устойчивой энергетике в контексте обеспечения экологической безопасности.....	445
Субцельная Е.Е. Защита прав участников энергетического рынка в условиях санкционного давления.....	448
Сукач А.Н. Стратегическое планирование в сфере энергетической безопасности: национальные приоритеты и международные риски	452
Тарасов М.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве.....	457
Тесленко Е.А. Особая роль суда как субъекта доказывания в уголовном судопроизводстве.....	462
Тонконог Т.В. Проблемы прокурорского контроля законности миграционного учета иностранных граждан	465
Тонконог Т.В. Прокурорское реагирование на нарушения законодательства о банкротстве: проблемы выявления фиктивных и преднамеренных банкротств	468
Трегубчак Е.Р., Сергиенко И.И. Особенности заключения договоров по энергоснабжению	472
Усов А.А., Бондарев Д.Ю. Государственный экологический контроль и надзор: современное состояние и перспективы реформирования	475
Фандюшин И.Н., Марченко С.С. Правовое регулирование охраны водных объектов в условиях климатических изменений и возрастающего антропогенного воздействия	479
Фендрикова Е.В. Проблема необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел и роль прокурора в их устранении	483
Храмова П.С. Экспертное заключение как доказательство в уголовном процессе: современные особенности и проблемы.....	487
Худобердина Д.В., Ключева Е.С. Правовые механизмы обеспечения кибербезопасности и устойчивости цифровой энергетической инфраструктуры	491
Худобина А.И. Ответственность гарантирующих поставщиков за качество электроэнергии: стандарты и судебная практика.....	495
Цыбина С.С. Показания свидетелей в уголовном процессе: проблемы достоверности и оценки.....	498
Чебукин С.С. Международно-правовые акты как основа международного сотрудничества органов прокуратуры	501
Чубукова С.А., Бочарникова В.О. Проблемы субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 205.2 УК РФ.....	504

Чепурных Е.А. Информационная безопасность как ключевой элемент системы национальной безопасности России: баланс между неотвратимостью ответственности и гарантией прав в условиях цифровых угроз	507
Шальнева Е.В. Правовые механизмы стимулирования развития возобновляемых источников энергии: сравнительный анализ	510
Шарапова П.А. Адаптация российского энергетического законодательства к санкционным ограничениям.....	513
Шеина Е.А. Взаимодействие органов прокуратуры с контрольно-надзорными органами в сфере охраны и использования земель.....	517
Шепель Е.Н. Прокурорский надзор за соблюдением законности в сфере топливно-энергетического комплекса как фактор энергетической безопасности в условиях санкционного давления.....	520
Шепель Е.Н. Совершенствование правового регулирования рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации.....	523
Шлемова Д.А., Чернобок Д.А. Анализ и обобщение стратегических и концептуальных документов основополагающего уровня правового регулирования энергетической безопасности РФ.....	526
Шрамкова А.А. Развитие прокурорского надзора за соблюдением законов в экономической сфере	531
Яровая К.Р. Публично-правовые образования как субъекты предпринимательской деятельности: проблемы ответственности и равноправия	534

Авдеева Виктория Николаевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного
национального исследовательского университета (Белгород, Россия)

Григоренко Андрей Сергеевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного
национального исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые аспекты правового регулирования использования и охраны земельных ресурсов в Российской Федерации. Анализируются действующее законодательство, выявлены существующие проблемы и противоречия в правоприменительной практике. Особое внимание уделяется вопросам устойчивого землепользования, рационального использования сельскохозяйственных земель, охраны природных ландшафтов и предотвращения деградации почв. Исследуются перспективы развития земельного законодательства, направленные на повышение эффективности использования земельных ресурсов, обеспечение продовольственной безопасности и сохранение экологического баланса.*

***Ключевые слова:** земельные ресурсы, правовое регулирование, земельное законодательство, охрана земель, использование земель, землепользование, сельскохозяйственные земли, деградация почв, устойчивое развитие, земельный контроль, земельная политика.*

Земельные ресурсы являются основой для жизнедеятельности человека, производства сельскохозяйственной продукции, размещения объектов инфраструктуры и сохранения биоразнообразия. Эффективное и рациональное использование земель, а также их охрана от деградации и истощения – важнейшие задачи, стоящие перед любым государством.

В Российской Федерации, обладающей огромной территорией и разнообразными природно-климатическими условиями, правовое регулирование земельных отношений приобретает особую актуальность.

Ильина В.Ю., Иншина Ю.Ю., Козырева Е.В. пишут, что «земельный участок как объект земельных отношений представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи. Земля представляет собой единый природный комплекс, ее части имеют различные природные свойства и качества, представляющие особый хозяйственный интерес, который в данном контексте используется определенным образом, т.е. в определенных целях. И так как земля представляет огромную ценность для государства, не стоит забывать об ее охране, ее правильном использовании и сохранении» [6].

Проблемы, связанные с нерациональным землепользованием, деградацией почв, незаконным изъятием земель, снижением плодородия, требуют глубокого анализа и поиска

эффективных правовых решений. Правовая база в этой сфере постоянно развивается, однако сохраняется ряд проблем, требующих дальнейшего исследования и совершенствования.

Правовое регулирование использования и охраны земельных ресурсов осуществляется на основе комплекса нормативно-правовых актов, основной из которых – Земельный кодекс Российской Федерации [2].

Помимо Земельного кодекса Российской Федерации, к сфере регулирования относятся: Федеральные законы: «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «Об охране окружающей среды», «О государственной регистрации недвижимости», «О переводе земель из одной категории в другую» и др.

К подзаконным актам можно отнести Постановления Правительства РФ, приказы федеральных органов исполнительной власти (Минсельхоз, Росреестр, Минприроды и др.), устанавливающие порядок предоставления земель, проведения кадастровых работ, мониторинга земель, оценки их состояния.

Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации регулируют отдельные аспекты земельных отношений, не противоречащие федеральному законодательству.

Муниципальные правовые акты касаются вопросов использования земель на территории муниципального образования.

Система правового регулирования направлена на установление правил:

- приобретения и прекращения прав на земельные участки;
- использования земель различных категорий и видов разрешенного использования;
- охраны земель от деградации, загрязнения и истощения;
- экономического стимулирования рационального землепользования;
- осуществления государственного и муниципального земельного контроля.

Несмотря на значительные изменения в земельном законодательстве, сохраняется ряд острых проблем:

1. Неэффективное использование земель сельскохозяйственного назначения: значительные площади сельскохозяйственных угодий выведены из оборота из-за нерационального хозяйствования, недостатка инвестиций, банкротства сельхозпредприятий. Использование земель сельхозназначения под строительство, добычу полезных ископаемых без должной оценки последствий. Приобретение земельных участков с целью их последующей перепродажи по более высокой цене без реального использования.

В России на сегодня существует чёткий перечень веществ, применение которых на земельных участках сельскохозяйственного назначения строго запрещено действующим законодательством или просто нежелательно для использования из-за серьёзной опасности для урожая.

Прежде всего, речь идёт об удобрениях и стимуляторах роста, содержащих такие тяжёлые металлы как ртуть, свинец, кадмий и некоторые другие. Эти химические элементы из-за своей высокой токсичности наносят непоправимый вред, прежде всего, жизни и здоровью самого человека. Их «коварство» в том, что они в больших количествах накапливаются в почве и растениях, с которыми контактирует фермер. Несмотря на то, что об опасности вышеназванных веществ уже многое известно, потребители всё равно продолжают использовать их. Следует отметить, что в особенной степени это касается стимуляторов роста, которые зачастую применяются в погоне за быстрым и более простым увеличением продуктивности. Также отметим, что польза этих продуктов для растений сильно переоценена.

2. Деградация почв и экологические проблемы: эрозия почв вызвана неправильной распашкой, недостаточным применением противоэрозионных мероприятий. Загрязнение почв отходами производства, бытовыми отходами, пестицидами, тяжёлыми металлами. Интенсивное земледелие без достаточного восстановления плодородия. Следствие неправильного мелиоративного строительства или естественных процессов, усугубляемых нерациональным землепользованием.

3. Несовершенство механизмов государственного и муниципального земельного контроля: формализм, отсутствие действенных мер реагирования на выявленные нарушения.

Недостаточное информирование землепользователей о требованиях законодательства. Коррупционные риски при оформлении земельных отношений.

И.С. Гарбузов, К.А. Пчёлкин, С.И. Оборотов обращают внимание на то, что «одну из ключевых проблем, связанную с проблемами правового регулирования использования и охраны земельных ресурсов. В данном случае речь идет об использовании и охране земли и земельных ресурсов коренных и малочисленных народов Российской Федерации. Большинство представителей коренных малочисленных народов проживает на территории арктической зоны» [4].

В научном труде К.Н. Радионова, «посвященному анализу проблем государственного регулирования в сфере земельных отношений, автор прямо указывает на то обстоятельство, что существуют проблемы, связанные с арендой земель сельскохозяйственного значения. В частности, представленные проблемы, по мнению автора, затрагивают процесс использования земельных ресурсов» [7].

Большинство арендаторов сельскохозяйственных земель не знают, за что они несут ответственность. Согласно судебной практике, которую приводит автор, судами сформирована такая позиция, что арендатор обязан вести сохранность тех объектов, которые непосредственно расположены на участке.

4. Проблемы разграничения государственной, муниципальной и частной собственности на землю: длительные и затратные процедуры, бюрократические препятствия. Отсутствие точных сведений о границах, ошибки в кадастровом учете.

5. Недостаточное экономическое стимулирование рационального землепользования: не всегда арендная плата соответствует реальной рыночной стоимости использования земли. Отсутствие эффективных механизмов субсидирования или налоговых льгот для землепользователей, внедряющих природоохранные технологии.

Неэффективное использование земель сельскохозяйственного назначения	• Зброшенность земель • Нецелевое использование • Спекулятивные операции с землей
Деградация почв и экологические проблемы	• Эрозия почв • Загрязнение почв • Истощение плодородия • Заболачивание, засоление
Несовершенство механизмов государственного и муниципального земельного контроля:	• Недостаточная эффективность проверок • Слабая профилактическая работа • Коррупционные риски
Проблемы разграничения государственной, муниципальной и частной собственности на землю	• Сложности с оформлением прав • Споры о границах земельных участков
Недостаточное экономическое стимулирование рационального землепользования	• Низкая арендная плата • Слабые экономические стимулы для охраны земель

Рис. 1. Проблемы правового регулирования использования и охраны земельных ресурсов

Направления совершенствования правового регулирования использования и охраны земельных ресурсов включают:

1. Развитие института устойчивого землепользования:

- внедрение принципов экологически безопасного земледелия (органические методы, севообороты, сохранение биоразнообразия);
- стимулирование применения ресурсосберегающих технологий;
- совершенствование системы оценки и мониторинга состояния земель.

А.В. Ераносян считает, что «реальным механизмом наведением порядка в землепользовании может стать возобновление планирования и организация рационального использования земель. Материалы общегосударственного значения о приоритетных направлениях развития землевладений и землепользований в стране на перспективу содержатся в Генеральной схеме землеустройства территории РФ. Данная схема в последние годы не разрабатывается» [5].

2. Усиление государственного и муниципального земельного контроля:

- переход к проактивным методам контроля (мониторинг данных дистанционного зондирования Земли, использование геоинформационных систем);
- повышение прозрачности процедур контроля, минимизация административных барьеров;

3. Совершенствование оборота земель сельскохозяйственного назначения:

- создание прозрачных и эффективных механизмов предоставления земель в аренду и собственность;

– усиление контроля за использованием сельхозземель по целевому назначению;

– разработка мер поддержки добросовестных сельхозпроизводителей;

4. Экономические механизмы охраны и рационального использования земель:

- ведение дифференцированных налоговых ставок в зависимости от состояния земель и применяемых природоохранных технологий;
- предоставление субсидий и льготных кредитов для внедрения агроэкологических практик;

– развитие рынка экологических услуг, связанных с охраной земель.

5. Цифровизация земельных отношений:

– развитие Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН).

– внедрение современных геоинформационных систем для мониторинга земель.

– создание цифровых платформ для упрощения процедур оформления земельных прав.

6. Усиление ответственности за деградацию земель – разработка более строгих мер ответственности за нарушение правил землепользования, ведущее к деградации почв.

Таким образом, правовое регулирование использования и охраны земельных ресурсов является основой для обеспечения устойчивого развития страны, сохранения природного потенциала и продовольственной безопасности. Несмотря на наличие развитого законодательства, в сфере землепользования сохраняется ряд серьезных проблем, таких как неэффективное использование земель, их деградация, несовершенство контрольных механизмов. Для решения этих проблем необходим комплексный подход, включающий дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, внедрение современных технологий мониторинга и контроля, применение экономических стимулов для рационального землепользования и усиление ответственности за нарушения. Перспективы развития связаны с переходом к принципам устойчивого землепользования, цифровизацией земельных отношений и активным привлечением граждан и бизнеса к процессу охраны и эффективного использования земельных ресурсов.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – №31. – 2014. – Ст. 4398.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 №136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №44. – Ст. 4147.
3. Воронина Я.В., Рущицкая О.А., Симачкова Н.Н., Кружкова Т.И., Фетисова А.В. К проблеме эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения в АПК // Право и управление. – 2024. – № 5. – С. 101-105.
4. Гарбузов И.С., Пчёлкин К.А., Оборотов С.И. Актуальные проблемы правового регулирования использования и охраны земельных ресурсов // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 108-4. – С. 181-183.
5. Ераносян А.В. Современные проблемы государственного регулирования эффективного использования земельных ресурсов. В сборнике: научные достижения и открытия современной молодёжи. Сборник статей победителей международной научно-практической конференции: в 2 частях. – Москва, 2017. – С. 448-450.
6. Ильина В.Ю., Иншина Ю.Ю., Козырева Е.В. Нормативно-правовое регулирование в сфере использования и охраны земельных ресурсов. В сборнике: Роль молодых ученых в решении актуальных задач АПК. Сборник по материалам международной научно-практической конференции молодых учёных. – Москва, 2018. – С. 250-254.
7. Радионова К.Н. Актуальные проблемы государственного регулирования в сфере земельных отношений и их решение // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – С. 237-239

Агарков Денис Евгеньевич,
аспирант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК ПУБЛИЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

***Аннотация.** В статье рассмотрен институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей как специализированный публично-организационный элемент экономического пространства Российской Федерации. Автор раскрывает двойственную природу института – сочетание черт государственного органа и института гражданского общества, анализирует его многофункциональную роль в защите прав бизнеса, выявлении системных проблем и обеспечении обратной связи между предпринимательским сообществом и властью. Особое внимание уделено проблеме отсутствия императивных полномочий и предложению по конституционализации статуса Уполномоченного.*

***Ключевые слова:** уполномоченный по защите прав предпринимателей, экономическое пространство, защита, контроль, государство, доклад.*

Российский институт уполномоченного по правам человека в специальной разновидности представлен Уполномоченным по защите прав предпринимателей (федеральный уровень и субъекты Федерации). Мы солидарны с аргументацией появления данного института в качестве «моделирования отношений власти и бизнеса в Российской Федерации» [8, с. 729-734]; «дополнительной гарантии защиты конституционного права на предпринимательскую деятельность со стороны государства... и площадки для совместного обсуждения наиболее острых вопросов ведения бизнеса в стране» [2, с. 9-16]. Справедливо и мнение А.А. Кирилловых о создании данного института в связи с «необходимостью преодоления имеющих место на практике административных барьеров, бюрократического давления, коррупционных проявлений в предпринимательской среде со стороны органов государственной власти и их должностных лиц, которые не в силах самостоятельно разрешить субъекты предпринимательской деятельности» [5, с. 26-34].

При этом «по замыслу федерального законодателя, деятельность уполномоченного по защите прав предпринимателей должна дополнять существующие средства государственной защиты прав и законных интересов предпринимателей, при этом он не должен вмешиваться в компетенцию государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и законных интересов предпринимателей» [4, с. 13-21]. Таким образом, уполномоченный по защите прав предпринимателей обоснованно рассматривается как внесудебный элемент защиты прав предпринимателей [7, с. 964-965].

Вместе с тем, деятельность уполномоченного по защите прав предпринимателей «в некоторых случаях носит публичный характер, поскольку непосредственно связана с выполнением правозащитной функции» [5, с. 26-34]. Кроме того, несомненна и очевидна контрольная функция Уполномоченного, которая наиболее часто связывается с контролем над соблюдением прав предпринимателей органами государственной и местных властей [5, с. 26-34].

Правовой статус Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах России формализован Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ) [1]. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и его рабочий аппарат являются государственным органом с правом юридического лица, обеспечивающим гарантии государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и соблюдения указанных прав органами государственной власти, органами местного самоуправления и должностными лицами (ч. 2 ст. 1). Как отмечается в комментариях к законодательству, сам по себе аппарат Уполномоченного юридическим лицом не является. Однако при осуществлении своей деятельности аппарат Уполномоченного наделяется правами и обязанностями, присущими юридическому лицу [3].

Основные задачи Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей отражены в ст. 2 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ. В их числе: защита прав и законных интересов российских и иностранных субъектов предпринимательской деятельности; осуществление контроля за соблюдением прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности; содействие развитию общественных институтов, ориентированных на защиту прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности; взаимодействие с предпринимательским сообществом; участие в формировании и реализации государственной политики в области развития предпринимательской деятельности, защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Основным направлением деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей является рассмотрение жалоб (ст.ст. 4, 5). Вместе с тем, деятельность многогранна и объединяет в себе взаимодействие с государством в лице Президента Российской Федерации, государственными органами как компетентными органами по различным вопросам, региональными представителями, а также субъектами предпринимательского сообщества. Важно в таком взаимодействии сохранять баланс, чтобы ни одна из сфер деятельности не теряла качества и результативности [6, с. 324-335].

Законодательно предусмотрено право Уполномоченного создавать экспертные, консультативные и общественные советы, рабочие группы и иные совещательные органы, действующие на общественных началах, и привлекать для участия в их деятельности представителей органов государственной власти, органов местного самоуправления, предпринимательского сообщества, общественных организаций (ч. 4 ст. 7). Примеры таких интеграций – Межведомственная рабочая группа по защите прав предпринимателей, Общественный экспертный совет, Координационный совет [10].

Межведомственная рабочая группа по защите прав предпринимателей рассматривает системные проблемы и нарушения прав предпринимателей в различных сферах государственного регулирования, в том числе [10]:

- при осуществлении уголовного преследования предпринимателей;
- в рамках контрольно-надзорной деятельности;
- при формировании тарифов на услуги естественных монополий и системы налогообложения;
- при осуществлении государственных закупок и погашении задолженностей перед подрядчиками по государственным и муниципальным контрактам;
- в ходе реализации функции распоряжения государственным имуществом и оказании государственных и муниципальных услуг;
- в вопросах государственной поддержки субъектов предпринимательской деятельности;
- в связи и неисполнением судебных решений органами власти.

В качестве результата деятельности Межведомственной рабочей группы по защите прав предпринимателей за 2012-2023 г.г. следует назвать рассмотрение 264 обращений в защиту прав бизнеса, по 76 из которых достигнут положительный результат [10].

Координационный совет объединяет представителей крупнейших предпринимательских объединений; участвует в обсуждении кандидатур общественных представителей Уполномоченного и региональных уполномоченных; решений Уполномоченного о приостановлении ненормативных актов органов местного самоуправления и иных вопросов.

Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей вправе назначать общественных представителей, действующих на общественных началах (ч. 1 ст. 7).

Палата общественных представителей объединяет общественных представителей Уполномоченного по 42 направлениям деятельности, которые каждый в своей сфере – организуют работу по рассмотрению обращений предпринимателей, а также выстраивают работу с профильными ведомствами.

Важное место в деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей отведено подготовке ежегодного доклада Президенту Российской Федерации «о результатах своей деятельности, содержащий в том числе оценку условий осуществления предпринимательской деятельности в Российской Федерации, а также предложения о совершенствовании правового положения субъектов предпринимательской деятельности в части, относящейся к компетенции Уполномоченного» (ч. 1 ст. 3).

Доклад представляет собой текстовое и графическое изложение материалов, относящихся к компетенции Уполномоченного, объединяющих конституционно-правовые инструменты и результаты их применения. Он является информативным способом отчетности о проделанной работе по истечении календарного года [6, с. 324-335].

В докладе о результатах деятельности уполномоченного должна содержаться оценка условий осуществления предпринимательской деятельности, а также предложения о совершенствовании правового положения субъектов предпринимательской деятельности [9, с. 111-137]. Крайне важно поддержать намеченные к реализации бизнесом инициативы и обеспечить дополнительную поддержку на тех направлениях, где адаптация продолжается или где необходимы экстренные меры вмешательства в связи с изменениями в экономике [6, с. 324-335].

В лаконичном варианте нами представлены ключевые направления деятельности бизнес-омбудсмена в России. В порядке выводов представим следующие тезисы.

Заявленный институт представляет собой специализированный публично-организационный элемент экономического пространства, сочетающий в себе черты государственного органа и института гражданского общества. Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ, Уполномоченный и его аппарат являются государственным органом с правом юридического лица, что подчеркивает его официальный статус в системе публичной власти. В то же время его деятельность тесно связана с предпринимательским сообществом, общественными советами и экспертными структурами, что придает ему черты «гибридного» института, действующего на стыке государства и бизнеса.

Уполномоченный выполняет многофункциональную роль: защищает нарушенные права предпринимателей в индивидуальных случаях, выявляет системные проблемы, формирует правотворческие инициативы и обеспечивает обратную связь между бизнесом и властью.

Несмотря на значительные достижения (погашение многомиллиардной задолженности по госконтрактам, снижение налоговых претензий, внедрение «индекса административного давления» и формирование Реестра системных проблем) остается нерешенной ключевая проблема – отсутствие императивных полномочий у Уполномоченного. Его влияние основано преимущественно на авторитете, межведомственном взаимодействии и политической поддержке, что делает его эффективность зависимой от воли конкретных чиновников. В этой связи авторское видение совершенствования института заключается в конституционализации статуса Уполномоченного по защите прав предпринимателей. Представляется целесообразным дополнить ст. 83 Конституции России подпунктом, предусматривающим, что Президент Российской Федерации назначает Уполномоченного по защите прав

предпринимателей с учётом мнения предпринимательского сообщества и с наделением его правом законодательной инициативы в вопросах, касающихся предпринимательской деятельности. Это не только усилит легитимность института, но и придаст его ежегодному докладу статус официального источника для правотворчества, как это уже практикуется в отношении докладов Уполномоченного по правам человека.

Таким образом, Уполномоченный по защите прав предпринимателей – структурный элемент устойчивости экономического пространства России, обеспечивающий баланс между государственным регулированием и частной инициативой. Полагаем, его дальнейшее развитие должно идти по пути институционального укрепления, расширения полномочий императивного характера и интеграции в конституционный порядок как гаранта экономических свобод и условий для устойчивого развития национальной экономики.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 07.05.2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» (ред. от 14.10.2024 г.) // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.
2. Абакумова Е.Б. Практические аспекты функционирования института уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации // Право и экономика. 2018. № 6. С. 11-16; № 7. С. 9-16.
3. Вершинина И.Ф., Деменева А.В., Новикова А.Е., Дурнова И.А. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 26.02.1997 №1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2012.
4. Дудко И.Г., Нагорнов А.В. Особенности правового статуса уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации // Проблемы права. 2018. № 4 (68). С. 13-21.
5. Кирилловых А.А. Уполномоченный по правам предпринимателей: основы правового статуса в системе правозащитных институтов // Законодательство и экономика. 2013. № 11. С. 26-34.
6. Плахова Е.С. Ежегодный доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей как гарантия государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 3. С. 324-335.
7. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М.: Норма; Инфра-М, 2020. 992 с.
8. Фадеева В.А. Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей в РФ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Экономика. Управление. Право. 2013. № 4-2. С. 729-734.
9. Эмих В.В. Омбудсмены, содействующие защите прав предпринимателей: мировой опыт и перспективы развития // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. № 3. С. 111-137.
10. https://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2023.html (дата обращения 11.09.2025 г.).

Акопян Владимир Карленович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Бурдюк Никита Александрович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Боев Дмитрий Вячеславович,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

***Аннотация.** В статье уделяется внимание роли прокуратуры в координации деятельности правоохранительных органов по противодействию экстремизму и терроризму. В настоящей статье проанализированы нормативные основы, определяющие статус прокуратуры Российской Федерации как главного участника, выполняющего координирующую функцию, рассмотрены основные способы выполнения данной функции. Сделан вывод о том, что прокуратура консолидирует усилия правоохранительных органов в борьбе с преступностью, определяет вектор их деятельности, а ее многолетний опыт в роли координирующего актора позволяет совершенствовать формы правоохранительной деятельности в борьбе с экстремизмом и терроризмом.*

***Ключевые слова:** противодействие терроризму, противодействие экстремизму, координация деятельности, прокуратура, правоохранительные органы, меры противодействия.*

Сегодня все чаще на повестке дня можно услышать об угрозе экстремисткой и террористической деятельности национальным интересам Российской Федерации. Издание в 2024 году Указа Президента России от 28 декабря 2024 г. №1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [4] в дополнении к тем нормативным правовым актам, которые уже ранее составляли основу реализации мер противодействия экстремизму и терроризму, еще раз лишь подчеркнуло злободневность данной проблемы. Опасность экстремизма в современных условиях геополитического противостояния заключается в том, что спецслужбы и правительства иностранных государств становятся непосредственными источниками финансирования данной деятельности в других государствах, преследуя цель дестабилизации гражданского мира, подрыва общественной и государственной безопасности.

Противодействие экстремизму и терроризму в Российской Федерации обеспечивается реализацией комплекса мер, которые в своей совокупности образуют целостную систему. Рассмотрение роли каждого элемента, функционирующего в рамках институциональной системы противодействия экстремисткой и террористической деятельности, позволит выявить отдельные проблемы и направления их преодоления.

Прежде всего, следует сфокусировать внимание на вопросе слаженного и согласованного функционирования государственных органов, на которые прямо или косвенно

возлагается реализация мер противодействия терроризму и экстремизму в России. Особое значение в контексте настоящей статьи имеет выявление роли прокуратуры в координации деятельности правоохранительных органов по противодействию экстремизму и терроризму.

Законность – это одна из незыблемых ценностей правового и демократического государства. Только в государствах, в которых высоко чтится закон, может гарантироваться стабильность государственного и политического строя. Прокуратуру Российской Федерации можно назвать одним из важных органов, реализующих правоохранительную функцию, обеспечивающих точное и неукоснительное соблюдение законов, действующих в Российской Федерации. Более того, в настоящее время именно прокуратуре Российской Федерации придается один из важных статусов – она действует как орган, обеспечивающий согласованное взаимодействие правоохранительных органов в борьбе с преступностью, о чем следует из ст. 8 Федерального закона от 17 января 1992 г. №2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» [6], Указа Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» [3].

Прокуратура Российской Федерации становится центром координации усилий правоохранительных органов в противодействии экстремизму и терроризму. Во-первых, в рамках осуществления прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской и террористической деятельности прокуратурой выявляются основные факты нарушения российского законодательства, а также центры формирования экстремизма и терроризма. Во-вторых, за прокуратурой признаются дискреционные полномочия в области организации и координации работы органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. В-третьих, под руководством российской прокуратуры происходит совместный анализ, выполнение программ, выработка мер правоохранительными органами в борьбе с экстремизмом и терроризмом. В-четвертых, прокуратура Российской Федерации всегда выступает непосредственным участником координационных совещаний, на которые выносятся вопросы, касающиеся выявления, предупреждения и пресечения преступлений экстремисткой и террористической направленности.

Порядок координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью также разрешается на уровне ведомственных нормативных правовых актов прокуратуры. Во вступительной части Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов Прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» отмечается, что в современное время возросла потребность и значимость обеспечения взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с преступностью [2]. Так, с точки зрения криминологической характеристики преступность приобрела иные масштабы: бытовая преступность сократилась и ушла на второй план, но возросла общественная опасность и распространенность таких преступлений как терроризм, экстремизм и другие. Согласованное функционирование правоохранительных органов в борьбе с преступностью направлено на предотвращение таких опасных последствий как вовлечение в террористическую и экстремистскую деятельность несовершеннолетних, а совместная и слаженная работа правоохранительных органов должна компенсировать недостатки в деятельности отдельных органов по предупреждению и выявлению преступлений.

В доктрине также отмечается высокая роль российской прокуратуры в обеспечении согласованного взаимодействия правоохранительных органов. Например, Ю.А. Гудков и Н.В. Филина убеждены: «координация противодействия экстремизму становится в настоящее время универсальным направлением контрольно-надзорной деятельности органов прокуратуры, которые в соответствии с Конституцией России наделены полномочиями по осуществлению надзора за законностью действий всех акторов противодействия экстремизму» [1, с. 707].

По мнению, П.П. Фантров, И.Т. Захарья: «Роль органов прокуратуры в рамках противодействия экстремизму проявляется в координационной деятельности, предусматривающей совместные проверки общественных учреждений и СМИ, религиозных организаций, составление и реализацию межведомственных планов по борьбе с рассматриваемым деструктивным феноменом, обсуждение проблем и выработку консолидированных решений на координационных совещаниях» [5, с. 176].

Таким образом, прокуратура Российской Федерации – главный участник, координирующий деятельность правоохранительных органов в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Деятельность прокуратуры в данном направлении крайне важна. Экстремистская и террористическая деятельность приобрели глобальный масштаб и особую общественную опасность. Прокуратура консолидирует усилия правоохранительных органов в борьбе с преступностью, определяет вектор их деятельности, а ее многолетний опыт в роли координирующего актора позволяет совершенствовать формы правоохранительной деятельности в борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Список используемых источников:

1. Гудков Ю.А., Филина Н.В. О противодействии экстремизму в Российской Федерации // Журнал прикладных исследований. 2022. № 11. С. 705-709.
2. Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов Прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» // СПС Гарант (дата обращения: 11.10.2025).
3. Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства. 1996. № 17. Ст. 1958.
4. Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. №1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС Гарант (дата обращения: 11.10.2025)
5. Фантров П.П., Захарья Т.И. Совершенствование деятельности органов прокуратуры в контексте исполнения законодательства о противодействии экстремизму // Legal Concept. 2023. Т 22. № 2. С.170-178.
6. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.

Алейникова Валерия Андреевна,
ассистент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ

***Аннотация.** Энергетическая безопасность является одной из ключевых составляющих национальной безопасности любого современного государства. Однако энергетическая безопасность не закрыта от негативного криминального воздействия. Отмечаются новые уголовно-правовые вызовы, требующие пристального внимания. В статье рассматриваются некоторые из существующих современных вызовов энергетической безопасности Российской Федерации. Особое внимание уделяется уголовно-правовой регламентации составов преступлений, устанавливающих ответственность за противоправные деяния в данной области, а также вопросам международного сотрудничества.*

***Ключевые слова:** энергетическая безопасность, вызовы, уголовная политика, преступления, ответственность, международное сотрудничество.*

Задачей любого государства является обеспечение национальной безопасности. Понятие национальной безопасности обширно и включает в себя сразу несколько составляющих, в том числе и безопасность энергетическую. Поддержание энергетической безопасности позволяет государству развивать стабильные социальные отношения, а также обеспечивать устойчивое развитие государства. Поддержание энергетической безопасности – важнейшая задача Российской Федерации, направленная в конечном итоге на формирование условий для дальнейшего укрепления позиций российской государственности.

Однако любое государство, в том числе и Российская Федерация, сталкивается с внешними и внутренними вызовами, игнорирование которых может повлечь за собой крайне негативные последствия. Энергетическая безопасность России также может сталкиваться с подобными вызовами, в том числе и уголовно-правовыми. Исследование уголовно-правовых вызовов энергетической безопасности Российской Федерации является важнейшей частью механизма укрепления стабильности в обществе и устойчивого развития государства.

Прежде всего определим, что следует подразумевать под энергетической безопасностью государства. Легальное определение данного понятия сформировано в указе Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации». В данном указе приводится следующее определение: энергетическая безопасность – состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливо– и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации [1].

Однако в юридической доктрине встречаются и иные, более емкие определения. П.В. Шестопалов, к примеру, приводит следующее определение энергетической безопасности: «состояние защищенности отдельных граждан, общества и экономики в целом от угроз надежному топливо– и энергообеспечению» [4, С. 140].

В качестве одной из возможных угроз энергетической безопасности выступает возможность совершения преступлений, посягающих на топливо– и энергообеспечение. Уголовно-правовая политика в данной области давно вызывает оживленный интерес среди правоведов. В.А. Авдеев и О.А. Авдеева, к примеру, отмечают, что современное уголовное законодательство ограничивается лишь минимумом норм, расположенных в УК РФ, предусматривающих ответственность за посягательства на указанные объекты [2, С. 90]. Ряд

научных деятелей выступает за расширение составов преступлений, предусматривающих ответственность за посягательства на объекты топливо– и энергообеспечения и объединение их в единую, отдельную главу в рамках УК РФ.

Однако существует и иная позиция. Ее придерживаются, к примеру, С.Л. Нудель, Е.В. Горенская и О.И. Семькина, которые считают, что увеличение подобных составов преступлений в УК РФ в зависимости от сферы их совершения не требуется [3, С. 79]. В целом мы поддерживаем указанную точку зрения, поскольку представляется, что сформированные на сегодняшний день конструкции составов преступлений в рассматриваемой области всецело охватывают те противоправные деяния, которые могут посягнуть на объекты энергетики.

Вместе с тем в рамках отдельных составов преступлений возможны определенные изменения, которые, на наш взгляд, могут оказать благоприятное влияние на развитие уголовно-правовой политики в данной области. Преступления, направленные на подрыв энергетической безопасности, в определенных случаях могут совершаться лицами, имеющими в силу своей профессии доступ к объектам энергетики. Представляется, что на такие субъекты возлагается повышенная ответственность за их сохранность и, как следствие, усиленная ответственность за совершение преступлений, хотя УК РФ пока такого механизма не предусмотрел. Ввиду этого считаем, что в ряде статей (ст. 215.3, ст. 217 УК РФ и некоторые иные) следует предусмотреть еще один квалифицирующий признак – использование лицом своего служебного положения. Это позволит привлекать к повышенной уголовной ответственности тех лиц, которые в силу своей профессии имеют непосредственный доступ к объектам энергетики. Введение такого квалифицирующего признака позволит оказать и превентивное воздействие на потенциальных нарушителей.

В тоже время нормы УК РФ требуют и своего дополнительного разъяснения. К примеру, в ч. 5 ст. 215.3 УК РФ содержится такая формулировка как «иные тяжкие последствия». Данная формулировка носит оценочный и субъективный характер. Представляется, что указанные «иные тяжкие последствия» требуют более детальной конкретизации в виде разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Отметим, что обеспечение энергетической безопасности является задачей не только Российской Федерации, но и всего мирового сообщества. Зачастую такие преступления имеют транснациональный характер, что предполагает необходимость и активного межгосударственного сотрудничества в исследуемой сфере. Развитие международных отношений в рамках энергетической безопасности станет положительной тенденцией, позволяющей минимизировать преступления подобного рода.

Таким образом, энергетическая безопасность Российской Федерации может быть подвергнута негативному воздействию посредством совершения преступлений. Уголовно-правовые вызовы отнюдь не исключены. Ввиду этого целесообразным видится дальнейшее совершенствование российского законодательства и уголовно-правовой политики, а также укрепление международных связей в данной области.

Список используемых источников:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44252> (дата обращения 11.11.2025)
2. Авдеев В. А., Авдеева О. А. Энергетическая безопасность как вид общественной безопасности: доктринально-методологические и уголовно-правовые аспекты реализации // Вестник ЮГУ. – 2021. – №1 (60). – С. 87-96.
3. Нудель С.Л., Горенская Е.В., Семькина О.И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере энергетики // Союз криминалистов и криминологов. – 2024. – № 4. – С. 78-87.
4. Шестопалов П.В. Энергетическая безопасность как составляющая национальной безопасности государства // Вестник университета. – 2014. – № 5. – С. 140-142.

Александрова Мария Александровна,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ

***Аннотация.** Настоящая научная статья посвящена изучению сложных, проблемных вопросов, связанных с особенностями антимонопольного регулирования в электроэнергетическом секторе Российской Федерации. Актуальность исследования связана с тем, что эффективность антимонопольного регулирования играет ключевую роль в обеспечении устойчивости национальной экономики и защите интересов потребителей в условиях сложной организационной структуры российского энергетического сектора. Цель научной статьи – выявление основных проблем антимонопольного регулирования в электроэнергетике и разработка предложений по совершенствованию правовых норм и практик контроля для улучшения ситуации на российском энергорынке. Исследование показало необходимость совершенствования методов мониторинга, внедрения цифровых инструментов анализа и укрепления институциональных механизмов антимонопольного контроля для снижения рисков манипуляций ценами и стимулирования здоровой конкуренции в секторе энергетики.*

***Ключевые слова:** антимонопольное регулирование, электроэнергетика, конкуренция, тарифы, антимонопольный комплаенс, цифровизация, энергетическое право.*

Современная экономика зависит от надежного функционирования энергетической отрасли, поскольку энергетика обеспечивает стабильное развитие промышленности, социальной сферы и транспорта. Регулирование взаимоотношений в сфере производства, передачи и потребления электрической энергии представляет собой сложную проблему, обусловленную спецификой такого ресурса, как электроэнергия, обладающего свойствами естественной монополии и подверженного постоянным изменениям конъюнктуры рынков. Именно поэтому эффективность антимонопольного регулирования выступает ключевым фактором обеспечения стабильности национальной экономики и защиты интересов потребителей. Усиление роли Федеральной антимонопольной службы (ФАС) обусловлено необходимостью устранения дисбалансов и предотвращением негативных последствий нарушения конкурентных правил.

Следует сразу обозначить, что российская электроэнергетика отличается многослойностью своей организационной структуры, включающей сегменты естественных монополий (электропередача и распределение электроэнергии) и конкурентные секторы (производство и торговля энергией) [2]. Такой дуализм усложняет процесс антимонопольного контроля, создавая особые требования к формированию прозрачных процедур проверки и оценки деятельности хозяйствующих субъектов. Проблема состоит в том, что именно в сегментах естественного монопольного характера легко создаются условия для манипулирования условиями поставки ресурсов, что нарушает баланс сил на рынке и ограничивает возможности развития конкуренции.

Основной документ, определяющий «правила игры» на рынке электроэнергии, – Федеральный закон от 26.03.2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [1]. Однако этот акт имеет ряд недостатков, среди которых выделяется отсутствие конкретных показателей качества услуг и точности алгоритмов выявления случаев злоупотребления доминирующим положением [3, с. 76; 5, с. 49]. Дополнительно, существует неопределенность в применении отдельных положений закона, особенно касающихся механизма установления предельных уровней тарифов и порядка расчета стоимости электроэнергии [6]. Такое положение вещей создает риски принятия неправомерных решений, препятствуя справедливой конкуренции и экономическому росту.

Итак, одним из наиболее острых вопросов является невозможность полноценного осуществления антимонопольного контроля над процессом формирования цены на электроэнергию. Общие критерии определения необоснованного завышения стоимости остаются неясными, что порождает значительную свободу интерпретации действий компаний производителями электроэнергии. Данная проблема тесно связана с отсутствующими стандартами раскрытия ценовой информации и слабыми механизмами привлечения виновных лиц к ответственности [6]. Таким образом, возникает значительный разрыв между заявленными принципами свободного рынка и реальной ситуацией, в которой потребители сталкиваются с высокими тарифами и невозможностью выбора поставщика.

Иностранные рынки демонстрируют успешные решения, применяемые для предотвращения антиконкурентных действий. Европейские страны разработали комплаенс-системы, которые взаимодействуют с соответствующими подразделениями компаний (например, Unilever), что позволяет более многосторонне, эффективно и системно бороться с несоблюдением требований антимонопольного законодательства и предотвращать нарушения. Применяя подобные механизмы в отечественной практике, можно существенно снизить уровень коррупции и создать благоприятные условия для инвестиций в инфраструктуру электроснабжения, но, увы, в настоящее время в России практика разработки и применения комплаенс-политик пока отстает от зарубежного опыта [4, с. 119-120, 128].

Далее, необходимо упомянуть о том, что российский сектор электроэнергетики сталкивается с рядом серьезных трудностей, включая высокую степень изношенности оборудования, дефицит финансовых ресурсов для модернизации сетей и серьезные перекосы в структуре тарифов [7]. Недостаточная активность государственных институтов по обеспечению равноправных условий на рынке ведет к снижению привлекательности отрасли для инвесторов и повышению рисков сбоев в работе энергосистемы. Поэтому повышение уровня доверия к институтам антимонопольного регулирования и усиление полномочий соответствующих ведомств становятся необходимыми мерами для стабилизации положения на рынке.

Мониторинг ситуаций на рынке осуществляется преимущественно посредством сбора статистической информации и проведения регулярных проверок [3, с. 77-78]. Тем не менее, используемые методики пока не позволяют оперативно реагировать на случаи злоупотребления компаниями своим положением. Несовершенство методик приводит к длительным процедурам рассмотрения жалоб и санкционирования мероприятий по устранению нарушений. Для достижения целей эффективного контроля необходим переход к комплексному применению современных технологий обработки больших объемов данных и аналитики рыночного поведения участников.

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить существенные недостатки действующего режима антимонопольного регулирования, отрицательно сказывающиеся на работе электроэнергетического сектора России. Необходимым условием успешного функционирования электроэнергетического рынка является создание действенных механизмов предупреждения нарушений антимонопольного законодательства. Анализ текущего состояния работы ФАС свидетельствует о наличии определенных достижений в части противодействия нарушениям конкуренции, однако наблюдается недостаток инициативы и решительности в пресечении сложных схем злоупотребления доминирующим положением. К числу перспективных шагов можно отнести установление предельных уровней тарифов и порядка расчета стоимости электроэнергии, формирование автоматизированных систем отслеживания изменений ценового индекса, внедрение электронного документооборота и регулярную публикацию отчетов о состоянии рынка.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 марта 2003 г. № 13 Ст. 1177.
2. Методические рекомендации по разделению видов деятельности субъектами электроэнергетики (утв. ФАС России 01.01.2006) // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. 2006. № 2 (ч. II) – 11 (ч. II).
3. Ананьев А.А. Антимонопольный контроль в электроэнергетике (проблемы правовой регламентации предмета) // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 4 (32). С. 72-79.
4. Князева И.В., Дозмаров К.В. Антимонопольный комплаенс – профилактика компаниями рисков нарушения конкурентного законодательства // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2020. № 4. С. 110-129.
5. Лобода А.Е. Проблемы антимонопольного регулирования: административно-правовой аспект // Современная конкуренция. 2013. № 6 (42). С. 48-53.
6. Логинов А.А. Антимонопольный контроль в сфере электроэнергетики и правовые особенности государственного регулирования цен (тарифов) // Юридический мир. 2025. № 7. URL: <https://lawinfo.ru/releases/1045/yuridiceskii-mir-7-2025> (дата обращения: 03.11.2025).
7. Энергетическая отрасль России столкнулась с проблемой устаревания электросетей // Энергетика и промышленность России (eprussia.ru). 2024. URL: <https://www.eprussia.ru/news/base/2024/401218.htm> (дата обращения: 03.11.2025).

Алферова Дарья Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Глотова Владислава Олеговна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

***Аннотация.** В статье проводится комплексный анализ современных правовых механизмов защиты окружающей среды в условиях нарастающего кризиса, вызванного изменением климата. Автор исследует эволюцию международно-правового регулирования климатической проблематики – от Рамочной конвенции ООН об изменении климата до Парижского соглашения, выявляя их сильные и слабые стороны. Особое внимание уделяется анализу отечественного эколого-климатического законодательства, его адаптации к новым вызовам и интеграции в глобальную правовую архитектуру. В работе доказывается, что существующая правовая парадигма, основанная на антропоцентрическом подходе, демонстрирует недостаточную эффективность. В качестве альтернативы рассматривается модель «климатического права» (Climate Law) как самостоятельной, динамично развивающейся отрасли, сочетающей инструменты публичного и частного права. На основе проведенного исследования формулируются конкретные предложения по совершенствованию национального законодательства, включая закрепление цели углеродной нейтральности, внедрение системы торговли квотами на выбросы и развитие климатического судопроизводства.*

***Ключевые слова:** экологическое право, изменение климата, Парижское соглашение, правовые механизмы, климатическая политика, декарбонизация, экологическая безопасность, климатическое судопроизводство.*

Антропогенное воздействие на планетарные системы достигло масштабов, при которых изменение климата перестало быть гипотетической угрозой, превратившись в осязаемую реальность, детерминирующую социально-экономическое развитие и экологическую безопасность государств. Глобальное потепление, обусловленное ростом концентрации парниковых газов в атмосфере, провоцирует каскадные последствия: учащение экстремальных метеорологических явлений, таяние криосферы, повышение уровня Мирового океана, нарушение биохимических циклов. Эти процессы создают беспрецедентные вызовы для всей системы международного и национального права, требуя переосмысления традиционных подходов к охране окружающей среды.

Правовая защита окружающей среды в условиях климатических трансформаций представляет собой комплексную межотраслевую проблему, находящуюся на стыке экологического, энергетического, экономического и даже уголовного права. Несмотря на

наличие обширного массива нормативно-правовых актов как на международном, так и на национальном уровнях, их действенность зачастую ставится под сомнение ввиду недостаточной скоординированности, декларативности и отсутствия действенных механизмов принуждения.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ и оценка эффективности существующих правовых механизмов защиты окружающей среды в контексте изменения климата, а также разработка научно обоснованных предложений по их оптимизации и развитию.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Проследить эволюцию и проанализировать современное состояние международно-правового регулирования климатической сферы.
2. Исследовать особенности имплементации международных климатических обязательств в национальное законодательство Российской Федерации.
3. Выявить системные пробелы и противоречия в действующем эколого-климатическом законодательстве.
4. Сформулировать концептуальные основы и конкретные меры по формированию адекватной правовой реакции на климатические вызовы.

Методология исследования базируется на совокупности общенаучных и частно – правовых методов: диалектического, формально-логического, системно-структурного, сравнительно-правового и формально-юридического анализа.

1. Эволюция международно-правового режима противодействия изменению климата

Формирование международно-правового реагирования на проблему изменения климата прошло несколько этапов, характеризующихся постепенным усилением нормативной плотности и расширением круга участников.

Отправной точкой стало принятие Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) 1992 года. Данный документ заложил концептуальные основы, определив общую цель – «стабилизацию концентраций парниковых газов в атмосфере на уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему» [10]. РКИК ООН ввела ключевые принципы, такие как принцип общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей, принцип предосторожности, что позволило учесть различный вклад и экономический потенциал государств [3]. Однако, будучи рамочным документом, Конвенция не устанавливала конкретных количественных обязательств по сокращению выбросов, что ограничивало ее практическую эффективность.

Вторым, более конкретным шагом стал Киотский протокол 1997 года, который ввел в практику международного права рыночные механизмы снижения выбросов: международную торговлю квотами, проекты совместного осуществления и механизм чистого развития. Протокол закрепил юридически обязательные цели по сокращению или ограничению выбросов для стран Приложения I (развитые страны и страны с переходной экономикой). Несмотря на новаторский характер, эффективность Киотского протокола была ограничена ввиду неподписания его крупнейшим эмитентом – США, а также выходом из него Канады и отсутствием обязательств для быстроразвивающихся экономик (Китай, Индия), что создавало дисбаланс в распределении климатической нагрузки [12].

Качественно новым этапом стало принятие Парижского соглашения 2015 года, которое ознаменовало переход от императивного к договорно-кооперативному режиму. Его ключевая особенность – децентрализованный подход, основанный на Определяемых на национальном уровне вкладах (ОНУВ). Каждое государство-участник самостоятельно определяет свои цели и меры по сокращению выбросов, что позволило достичь практически универсального участия. Соглашение поставило амбициозную цель – удержать прирост глобальной средней температуры «намного ниже» 2 °C и приложить усилия для ограничения роста температуры до 1,5 °C [9].

Анализ правовой природы Парижского соглашения позволяет выявить его сильные и слабые стороны. К первым относится гибкость, стимулирующая широкое участие, и наличие глобальной цели. Ко вторым – отсутствие действенных механизмов принуждения к

выполнению ОНУВ и санкций за их невыполнение, что делает выполнение глобальной цели зависимым от доброй воли суверенных государств [5]. Таким образом, международно-правовой режим, пройдя значительную эволюцию, все еще остается компромиссом между экологической необходимостью и политико-экономической целесообразностью.

2. Имплементация климатических обязательств в правовую систему Российской Федерации: современное состояние и противоречия

Российская Федерация, являясь стороной РКИК ООН, Киотского протокола и Парижского соглашения, осуществляет последовательную имплементацию взятых на себя обязательств в национальное законодательство. Однако данный процесс отличается известной инерционностью и фрагментарностью.

Фундаментальной основой является Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», который в 2021 году был существенно дополнен положениями, касающимися климатической проблематики. В законе были введены базовые понятия: «климатические проекты», «углеродная единица», «целевой показатель сокращения выбросов парниковых газов» [6]. Закон закрепляет цели и задачи государственного регулирования выбросов парниковых газов, включая создание системы их мониторинга.

Знаковым событием стало принятие Федерального закона от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов». Данный нормативный акт устанавливает:

- Обязательность представления субъектами хозяйственной деятельности отчетности о выбросах парниковых газов (с определенного уровня эмиссии).

- Основы для проведения экспериментов по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах РФ (например, на Сахалине).

- Правовые основы для ведения реестра углеродных единиц [7].

Тем не менее, действующее законодательство содержит ряд системных пробелов:

1. Отсутствие четкой национальной цели. Несмотря на Указ Президента РФ № 666 от 06.11.2022 «О целях социально-экономического развития РФ до 2030 года», где поставлена задача по достижению углеродной нейтральности к 2060 году [8], данная цель не имеет прямого законодательного закрепления и не подкреплена детализированной дорожной картой, что снижает ее обязывающую силу.

2. Незрелость экономических стимулов. Законодательная база для системы торговли квотами на выбросы (Emissions Trading System – ETS) находится в зачаточном состоянии. Пилотный региональный эксперимент не создает единого национального углеродного рынка, что снижает его эффективность и привлекательность для инвестиций [3].

3. Недостаточность адаптационного компонента. Правовые меры в основном сосредоточены на смягчении антропогенного воздействия на климат (митигации), тогда как механизмы адаптации к неизбежным последствиям изменения климата (разработка планов, финансирование, защита уязвимых территорий) проработаны слабо, что особенно актуально для российской Арктики и прибрежных регионов.

4. Слабая интеграция климатической повестки в отраслевое законодательство. Требуется внесение изменений в лесное, земельное, градостроительное, энергетическое законодательство, чтобы обеспечить их синхронизацию с целями декарбонизации [1].

3. Формирование «климатического права» как новая правовая парадигма

В научной доктрине все чаще звучат предложения о признании «климатического права» (Climate Law) в качестве формирующейся самостоятельной комплексной отрасли [4]. Ее предметом являются общественные отношения, возникающие в связи с регулированием антропогенного воздействия на климатическую систему и адаптацией к его последствиям.

Структурно «климатическое право» может включать следующие институты:

- Институт регулирования выбросов парниковых газов (системы квотирования и торговли, углеродный налог, стандарты выбросов).

- Институт климатического планирования и отчетности (разработка и реализация ОНУВ, национальных планов адаптации).

- Институт климатического финансирования (зеленые облигации, климатические фонды, механизмы трансфера технологий).
- Институт климатического судопроизводства (разрешение споров, связанных с климатом).

Особенностью данной отрасли является ее транснациональный характер, поскольку климат – глобальный общечеловеческий ресурс. Это обуславливает необходимость тесной гармонизации национальных правовых систем. Как отмечают зарубежные исследователи, климатическое право представляет собой гибридную отрасль, заимствующую инструментарий из экологического, энергетического, международного и финансового права [13]. Его развитие свидетельствует о сдвиге от реактивного к проактивному правовому регулированию, нацеленному на управление системными рисками.

4. Климатическое судопроизводство как инструмент правовой защиты

В последние годы наблюдается взрывной рост количества климатических исков по всему миру. Истцами выступают как физические лица и общественные организации, так и целые государства против крупных корпораций – основных эмитентов парниковых газов, а также против правительств, обвиняемых в бездействии.

Правовые основания для таких исков разнообразны:

- Нарушение прав человека (право на жизнь, здоровье, благоприятную окружающую среду), гарантированных международными конвенциями и национальными конституциями [11].
- Несоблюдение принципа «не навреди» (*duty of care*) в корпоративном праве.
- Невыполнение государством своих же законодательно установленных целей по снижению выбросов.

Прецеденты, такие как дело *Urgenda Foundation v. The Netherlands* (Нидерланды), где суд обязал правительство ужесточить климатическую политику, ссылаясь на обязанность защиты прав граждан, или дело *Neubauer et al. v.*

Germany (Германия), где была оспорена неадекватность Федерального климатического закона с точки зрения защиты будущих поколений, демонстрируют, что судебная власть становится мощным актором в климатической политике, заставляя законодательную и исполнительную власти действовать более решительно [13].

В Российской Федерации данное направление находится в начальной стадии. Отсутствует специализированная судебная практика по чисто «климатическим» искам, однако потенциал для ее развития заложен в нормах Конституции РФ (ст. 42 – право на благоприятную окружающую среду) и в прецедентах Европейского суда по правам человека. Развитие этого института является следующим логическим шагом в эволюции правовых механизмов защиты окружающей среды от климатических угроз.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что существующая система правовой защиты окружающей среды в условиях изменения климата представляет собой динамичную, но пока еще недостаточно эффективную конструкцию. Международно-правовой режим, основанный на Парижском соглашении, обеспечивает необходимую гибкость, но страдает от дефицита механизмов принуждения. Национальное законодательство Российской Федерации, хотя и демонстрирует прогресс, остается фрагментарным и нуждается в систематизации и усилении.

Для формирования адекватного и эффективного правового ответа на климатические вызовы предлагается следующий комплекс мер:

1. Принятие Рамочного Федерального Климатического Закона, который бы:

- Четко закрепил цель по достижению углеродной нейтральности Российской Федерации к 2060 году.
- Установил поэтапные, измеримые и обязательные для исполнения целевые показатели сокращения выбросов по секторам экономики.
- Определил правовые основы для создания и функционирования общенациональной системы торговли квотами на выбросы парниковых газов.

2. Развитие адаптационного законодательства. Необходимо принять отдельный федеральный закон или целевую государственную программу, регламентирующую порядок

разработки, финансирования и реализации планов адаптации для всех субъектов РФ и отраслей экономики, особо уязвимых к климатическим изменениям.

3. Стимулирование «зеленого» финансирования и низкоуглеродных технологий. Требуется внесение изменений в бюджетное и налоговое законодательство, предусматривающих налоговые льготы, субсидии и гарантии для проектов в области ВИЭ, энергоэффективности и устойчивого транспорта.

4. Интеграция климатического критерия в процедуру ОВОС. Следует законодательно обязать проводить оценку климатических последствий (как вклад в выбросы, так и уязвимость проекта) в рамках оценки воздействия на окружающую среду для всех крупных инвестиционных проектов.

5. Развитие потенциала судебной системы. Целесообразно подготовить и направить в суды обзоры зарубежной климатической судебной практики, а также рассмотреть вопрос о специализации судей в сфере разрешения экологических и климатических споров.

Только комплексный, системный и опережающий подход к развитию климатического законодательства позволит Российской Федерации не только выполнить свои международные обязательства, но и минимизировать экономические и социальные риски, связанные с глобальным изменением климата, обеспечив тем самым устойчивое развитие и экологическую безопасность для будущих поколений.

Список используемых источников:

1. Боголюбов С.А. Экологическое право: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 435 с.
2. Бринчук М.М. Экологическое право: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2021. – 670 с.
3. Выпханова Г.В. Правовое обеспечение низкоуглеродного развития и климатической политики в России и за рубежом // Экологическое право. – 2022. – № 3. – С. 12–18.
4. Игнатьева И.А. Климатическое право: формирование новой отрасли // Журнал российского права. – 2021. – № 8 (296). – С. 45–59.
5. Воронин Б.А, Воронина Я.В. Организационно-правовые аспекты обеспечения продовольственной безопасности в субъектах Российской Федерации (на примере Свердловской области) // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 1 (217). – С. 22–26.
6. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
7. Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5060.
8. Указ Президента РФ от 06.11.2022 № 666 «О целях социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 45. – Ст. 7568.
9. Парижское соглашение (заключено в г. Париже 12.12.2015) // Бюллетень международных договоров. – 2016. – № 10. – С. 3–11.
10. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (заключена в г. Нью-Йорке 09.05.1992) // Бюллетень международных договоров. – 1996. – № 12. – С. 3–14.

Анисимов Станислав Витальевич,
аспирант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ В ЭНЕРГЕТИКЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются правовые и организационные особенности привлечения к ответственности за экологические нарушения в сфере энергетики. Особое внимание уделяется анализу многоуровневой системы ответственности, включающей административные, уголовные, гражданско-правовые и дисциплинарные меры, а также вопросам определения субъектов экологических правонарушений и специфике энергетических объектов как источников повышенной экологической опасности. В работе выявлены основные проблемы действующего механизма ответственности, связанные с несовершенством нормативной базы, недостаточной эффективностью контроля и сложностью доказывания причинно-следственных связей между деятельностью предприятий и экологическим вредом. Предложены направления совершенствования правового регулирования, включающие усиление государственного и общественного контроля, внедрение современных технологий мониторинга и развитие принципа неотвратимости наказания. Полученные выводы могут быть использованы при разработке мер по повышению экологической безопасности энергетического комплекса и совершенствованию законодательства в области охраны окружающей среды.*

***Ключевые слова:** экологические нарушения, энергетика, экологическая ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность, гражданско-правовая ответственность, экологическая безопасность.*

Потребность людей в использовании энергетических ресурсов постоянно возрастает. На текущий момент для выработки энергии применяется каменный уголь, природный газ, вода и атомное ядро. Все это используется для жизнеобеспечения населенных пунктов, что приводит к ухудшению экологической обстановки в местности

Энергетическая отрасль отлично работает в отношении экономики, но этого, увы, нельзя сказать про экологическую обстановку. Кроме того, в процессе эксплуатации происходит истощение природных ресурсов, которые не всегда являются возобновимыми.

Не менее серьезная проблема применения энергетического оборудования заключается в его небезопасности. Тепловая или атомная электростанция способна уничтожить жителей населенного пункта, в черте которого располагается. Крупные атомные реакторы угрожают жизни всего человечества.

Привлечение к ответственности за экологические нарушения в энергетике имеет ряд особенностей, связанных с высокой опасностью энергетических объектов для окружающей среды и необходимостью соблюдения специальных экологических норм [1, с. 127].

Многоуровневая система ответственности за экологические нарушения в энергетике предполагает одновременное применение различных видов юридической ответственности – административной, уголовной, гражданско-правовой и дисциплинарной. Административная ответственность наступает за нарушение требований экологической безопасности при эксплуатации энергетических объектов, например, за превышение нормативов выбросов или сбросов загрязняющих веществ, нарушение правил обращения с отходами, а также несоблюдение условий лицензий и разрешений. Уголовная ответственность применяется в случаях, когда деяния привели к существенному загрязнению окружающей среды, причинению вреда здоровью людей или повлекли тяжкие последствия, например при нарушении правил обращения с экологически опасными веществами и отходами, загрязнении

вод и атмосферы. Гражданско-правовая ответственность выражается в обязанности возместить причинённый экологический вред – как имущественный, так и вред, нанесённый природным объектам [2].

Кроме того, дисциплинарная ответственность может применяться к работникам энергетических предприятий, допустившим нарушения требований экологической безопасности при исполнении служебных обязанностей. Таким образом, многоуровневая система ответственности обеспечивает возможность воздействия на нарушителей на всех уровнях – от работников и должностных лиц до крупных энергетических компаний, что способствует повышению экологической дисциплины и предотвращению негативных последствий для окружающей среды.

Специфика субъектов ответственности за экологические нарушения в энергетике заключается в том, что в этой сфере основными нарушителями выступают не отдельные граждане, а крупные хозяйствующие субъекты – предприятия, эксплуатирующие опасные производственные объекты. К таким субъектам относятся энергетические компании, организации, осуществляющие добычу, переработку и транспортировку топлива, а также предприятия, обеспечивающие выработку и распределение электроэнергии и тепла. Они несут ответственность как юридические лица, обладающие правом владения и эксплуатации объектов, оказывающих воздействие на окружающую среду.

При этом важную роль играет персональная ответственность должностных лиц – руководителей и специалистов, на которых возложены обязанности по соблюдению экологических требований. Их действия или бездействие могут привести к авариям, загрязнению природных объектов или другим последствиям, создающим угрозу экологической безопасности.

Особенность заключается и в том, что энергетические объекты часто являются источниками повышенной экологической опасности, поэтому к субъектам этой сферы предъявляются более строгие требования, а меры ответственности носят усиленный характер. Это обеспечивает персонализацию вины и стимулирует компании внедрять эффективные механизмы экологического контроля и управления рисками [3].

Особенности объектов и источников опасности за экологические нарушения в энергетике связаны с тем, что предприятия этой отрасли относятся к числу наиболее экологически значимых и потенциально опасных для окружающей среды. Энергетические объекты, такие как тепловые, гидравлические, атомные электростанции, а также предприятия нефтегазового комплекса, в процессе своей деятельности неизбежно оказывают воздействие на атмосферный воздух, водные ресурсы, почвы и экосистемы. Они являются источниками выбросов углекислого газа, сернистых соединений, твердых частиц и других загрязняющих веществ, а также сбросов сточных вод с химическими примесями.

Для гидроэнергетики характерно изменение гидрологического режима рек и разрушение природных экосистем водоемов, тогда как атомная энергетика связана с риском радиационного загрязнения. Объекты нефтегазовой отрасли несут опасность утечек нефти, газа и нефтепродуктов, способных привести к загрязнению больших территорий. Именно поэтому энергетические предприятия подлежат обязательной экологической экспертизе, проходят процедуру оценки воздействия на окружающую среду, а их деятельность регулируется системой разрешений и лимитов на выбросы, сбросы и размещение отходов. Наличие потенциальной экологической опасности требует постоянного производственного контроля и внедрения наилучших доступных технологий, направленных на снижение негативного воздействия.

Таким образом, особенность энергетических объектов заключается в сочетании высокой технологической сложности, масштабности деятельности и значительного экологического риска, что обуславливает необходимость строгого соблюдения природоохранных требований и повышенного внимания со стороны государства.

Проблемы привлечения к ответственности за экологические нарушения в энергетике имеют системный характер и связаны как с несовершенством законодательства, так и с

особенностями функционирования самой отрасли. Одной из ключевых проблем является сложность установления причинно-следственной связи между действиями предприятия и наступившими экологическими последствиями. В энергетике загрязнение зачастую носит накопительный характер, проявляется через годы и сопровождается воздействием множества факторов, что затрудняет определение конкретного виновника и размера ущерба. Дополнительные трудности создаёт недостаточная прозрачность производственных процессов и ограниченность доступа общественности к информации о состоянии окружающей среды в районах размещения энергетических объектов [4].

Серьёзной проблемой остаётся неэффективность государственного экологического контроля. Надзорные органы часто испытывают кадровый и технический дефицит, а применяемые методы проверки не всегда позволяют выявить нарушения на ранних стадиях. Контроль нередко носит формальный характер, а санкции за выявленные нарушения оказываются несоразмерно малы по сравнению с экономической выгодой от несоблюдения экологических норм. В результате компании могут рассматривать штрафы как обычные издержки бизнеса, а не как стимул к соблюдению природоохранных требований.

Правовая база, регулирующая экологическую ответственность в энергетике, также требует совершенствования. Несмотря на существование принципа «загрязнитель платит», на практике он реализуется не в полной мере. Размер возмещения вреда часто определяется исходя из устаревших нормативов, а судебные процедуры по экологическим делам затягиваются на годы. Кроме того, отсутствует единый механизм оценки вреда, причинённого биоразнообразию и экосистемным услугам, что снижает точность расчётов и справедливость компенсаций [5].

Пути решения данных проблем связаны с модернизацией подходов к экологическому надзору и ответственности. Одним из перспективных направлений является внедрение современных технологий мониторинга, включая системы непрерывного контроля выбросов и спутниковое наблюдение за загрязнением атмосферы и водных объектов. Такие инструменты позволяют фиксировать нарушения в режиме реального времени и формировать достоверную доказательную базу. Не менее важно развивать систему экологического аудита и внутреннего контроля на предприятиях, чтобы ответственность за предотвращение загрязнения переносилась с государства на бизнес.

Кроме того, требуется совершенствование законодательства в части определения размера вреда и установления более строгих санкций за экологические преступления в энергетике. Усиление роли общественного контроля и повышение прозрачности деятельности энергетических компаний могут способствовать формированию устойчивой экологической культуры и стимулировать компании к внедрению наилучших доступных технологий. Эффективное взаимодействие государства, бизнеса и общества, опирающееся на современные методы мониторинга и реальные экономические стимулы, является ключом к повышению результативности механизма привлечения к ответственности за экологические нарушения в энергетике.

В заключение следует отметить, что проблема привлечения к ответственности за экологические нарушения в энергетике имеет стратегическое значение для обеспечения устойчивого развития и экологической безопасности государства. Энергетическая отрасль, являясь основой экономического роста, одновременно представляет собой один из наиболее опасных источников негативного воздействия на окружающую среду. Это обуславливает необходимость формирования эффективной системы правового регулирования, сочетающей строгость ответственности с превентивным характером мер воздействия. Современная практика показывает, что существующие механизмы ответственности нуждаются в дальнейшем совершенствовании, поскольку не всегда обеспечивают неотвратимость наказания и восстановление нарушенного экологического баланса.

Повышение результативности правоприменения возможно при условии комплексного подхода, основанного на усилении роли экологического мониторинга, цифровизации надзорных функций и внедрении принципов наилучших доступных технологий в деятельность энергетических предприятий. Важно, чтобы ответственность за нарушение природоохранных норм рассматривалась не только как карательная мера, но и как инструмент

стимулирования устойчивого развития и экологической модернизации отрасли. Формирование культуры экологической ответственности в энергетике требует согласованных действий государства, бизнеса и общества, направленных на укрепление правовых основ и повышение экологической осведомлённости.

Таким образом, совершенствование института ответственности за экологические правонарушения в энергетике является необходимым условием перехода к экологически ориентированной экономике, где приоритетом становится не только энергетическая эффективность, но и сохранение природных ресурсов для будущих поколений.

Список используемых источников:

1. Энергетическое право: учебник / С.В. Василькова. – Москва: КНОРУС, 2025. – 272 с.
2. Брянцева Н.В., Желтов В.А., Гибадулинова Л.Р. Правовая ответственность за нарушения экологической безопасности в ядерной энергетике // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – №2.
3. Брянцева Н.В., Желтов В.А., Червякова А.Ю. О проблемах совершенствования российского законодательства в атомной энергетике // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – №2.
4. Городов О.А. К понятию энергетического права // Вестник СПбГУ. – Серия 14. – Право. – 2010. – №1.
5. Свечникова Н.В. Проблемы правового регулирования в сфере энергетики в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – №6.

Анисимова Елена Владимировна,
аспирант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

РОЛЬ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНТРОЛЕ ЦЕН И ТАРИФОВ НА ЭНЕРГОРЕСУРСЫ

***Аннотация.** В статье рассматривается роль антимонопольного законодательства в регулировании цен и тарифов на энергоресурсы как ключевого инструмента обеспечения устойчивого функционирования энергетического рынка и защиты интересов потребителей. Анализируются правовые и экономические механизмы, направленные на предотвращение злоупотреблений со стороны субъектов естественных монополий, а также методы государственного контроля за формированием тарифов. Особое внимание уделяется взаимодействию антимонопольных органов с регулирующими структурами, вопросам прозрачности ценообразования и поддержанию конкурентной среды в энергетическом секторе.*

***Ключевые слова:** антимонопольное законодательство, ценообразование, тарифное регулирование, энергетические ресурсы, естественная монополия, конкурентная среда, государственный контроль.*

Роль антимонопольного законодательства в контроле цен и тарифов на энергоресурсы – ключевая в обеспечении справедливой конкуренции, защите потребителей и устойчивости энергетического рынка.

Государственное регулирование цен (тарифов) в сфере электроэнергетики в Российской Федерации представляет собой комплекс мер, направленных на обеспечение стабильности и доступности электроэнергии для потребителей, а также на поддержание устойчивости энергетической отрасли. Основной целью данного регулирования является защита интересов конечных потребителей электроэнергии (в особенности домохозяйств и социально значимых объектов), надежности энергоснабжения и обеспечения при разумной компенсации затрат производителей.

Государственное регулирование цен (тарифов) осуществляется прежде всего в сферах, где ограничена конкуренция, а также в сферах деятельности субъектов естественных монополий.

Правовым вопросам тарифного регулирования и в целом развитию регулирования рынков электрической энергии посвящены многие работы, данная тема не теряет своей актуальности. Как отмечает В.В. Романова правовой анализ выносимых на обсуждение вопросов свидетельствует о том, что правовое регулирование энергетических рынков заслуживает глубокого правового анализа и проработки правовых решений, отвечающих современному этапу развития общества и энергетической отрасли.

Сущность антимонопольного регулирования в энергетике заключается в обеспечении баланса между интересами государства, потребителей и хозяйствующих субъектов, действующих в условиях ограниченной конкуренции. Энергетическая отрасль, как правило, относится к сфере естественных монополий, где создание параллельных сетей или инфраструктуры экономически нецелесообразно. В таких условиях свободное ценообразование может привести к злоупотреблению доминирующим положением, завышению тарифов и ограничению доступа к услугам [1, с. 164].

Антимонопольное регулирование призвано устранить эти риски. Оно устанавливает на рынке четкие и прозрачные правила, контролируя деятельность ведущих энергетических компаний. Регуляторы пресекают завышение цен и дискриминацию, а также следят за соблюдением баланса интересов между поставщиками и потребителями. Важнейшая задача – обеспечить экономически обоснованное ценообразование и равный для всех доступ к сетям и ресурсам.

В итоге, антимонопольный контроль в энергетике – это ключевой механизм для обеспечения устойчивого развития отрасли, повышения её эффективности и защиты общества от злоупотреблений, вызванных доминирующим положением на рынке.

Антимонопольное законодательство играет важную роль в контроле цен и тарифов на энергоресурсы, поскольку именно оно обеспечивает баланс между интересами производителей, потребителей и государства. Его ключевая функция заключается в предотвращении злоупотреблений со стороны компаний, занимающих доминирующее положение на рынке. В энергетике это особенно актуально, так как здесь действуют естественные монополии, контролирующие транспортировку и распределение ресурсов. Без внешнего регулирования такие компании могли бы устанавливать завышенные цены, ограничивать доступ к инфраструктуре и тем самым подрывать конкурентные механизмы [2].

Законодательство устанавливает рамки, в которых осуществляется тарифное регулирование, определяя, какие методы расчёта цен считаются экономически обоснованными. Оно требует от субъектов энергетического рынка прозрачности в формировании затрат и прибыли, а также исключает включение в тарифы излишних расходов. В этом проявляется функция защиты потребителей – антимонопольные органы следят за тем, чтобы цена на электроэнергию, газ или тепло соответствовала реальной стоимости их производства и доставки, а не формировалась исходя из интересов монополиста.

Вторая важная функция заключается в поддержании конкурентной среды в тех сегментах энергетики, где это возможно. Законодательство способствует развитию рыночных механизмов, стимулирует появление альтернативных поставщиков и независимых производителей, регулирует доступ к сетям и инфраструктуре на недискриминационной основе. Это обеспечивает равные условия для всех участников рынка и способствует снижению цен за счёт конкуренции.

Кроме того, антимонопольные нормы позволяют государству вмешиваться в ситуации, когда компании вступают в сговор или создают искусственный дефицит энергоресурсов для повышения тарифов. В таких случаях применяется антикартельное регулирование, предусматривающее штрафы и обязательное изменение ценовой политики. Тем самым поддерживается стабильность энергетического рынка и предотвращаются резкие скачки цен, способные вызвать социальное напряжение.

В совокупности антимонопольное законодательство выполняет не только надзорную, но и экономическую функцию – оно направлено на рациональное распределение ресурсов, стимулирование эффективности и технологического развития отрасли. Благодаря этому обеспечивается предсказуемость тарифной политики, защита интересов потребителей и энергетическая безопасность государства [3].

Сущность инструментов антимонопольного контроля цен и тарифов на энергоресурсы проявляется в сочетании нормативных, экономических и принудительных мер, направленных на то, чтобы рыночная цена отражала реальную стоимость производства и доставки, а не волю монополиста. Регуляторный блок инструментов выражается в разработке и применении методик тарифообразования: через установление допустимой базы активов и нормативной прибыли, через механизмы «потолка» на рост тарифов или через корректировки на изменение затрат, государственные органы задают математические правила, по которым компании могут формировать свои доходы. Эти методики предполагают прозрачность расчётов, обязательную отчётность о затратах и параметрах инвестпроектов, а также публичное обсуждение тарифных решений, что делает процесс менее произвольным и доступным для контроля со стороны общества и независимых экспертов.

Контроль за рынком реализуется через постоянный мониторинг и аналитическую работу: сбор данных по оптовым и розничным ценам, объёмам поставок, загрузке сетей и маржинальности, проведение сравнительного анализа и бенчмаркинга. На основе этих данных антимонопольные органы инициируют углублённые рыночные исследования, выявляют структурные проблемы и оценивают, насколько поведение отдельных игроков влияет на ценообразование. В тех ситуациях, когда есть признаки нарушения – ценовой дискриминации,

вертикальной интеграции, сговора или создания искусственного дефицита – применяются процедуры расследования, которые включают запросы документов, финансовые аудиты и выездные проверки; при необходимости регулятор вправе требовать немедленного приостановления спорных практик до выяснения обстоятельств.

Принудительный инструментарий обеспечивает измеримый эффект: регулятор выносит предписания об устранении нарушений, устанавливает административные штрафы, накладывает обязательства по корректировке тарифов и может закреплять в решениях обязательные поведенческие или структурные обязательства для компаний. Такие решения иногда сопровождаются соглашениями о контролируемых изменениях цен с последующим мониторингом выполнения условий и возможностью введения дополнительных мер в случае невыполнения. В особо тяжёлых случаях вмешательство может принимать форму реструктуризации бизнеса с целью восстановления конкуренции – это реализуется через требования по нефинансовому разделению функций, обеспечению недискриминационного доступа к сетевой инфраструктуре или в ряде юрисдикций – через принудительную отчуждаемость части активов [4].

Контроль за операционной доступностью сетей и инфраструктуры является важной составляющей: через регулирование доступа третьих лиц и тарифов на передачу энергии антимонопольные органы препятствуют злоупотреблению сетевым доминированием, обеспечивая равные условия для независимых производителей и поставщиков. Одновременно в практическом измерении регулируется архитектура оптовых рынков – правила торгов, прозрачность аукционов и механизмов балансирования – поскольку именно на этих сегментах формируются базовые ценовые ориентиры для конечных тарифов. Поиск балансирующих мер включает и стимулирование входа новых участников, где сама регуляторная политика может создавать условия для конкуренции: открытые тендеры на генерирующие мощности, упрощённые процедуры подключения и предсказуемые тарифные формулы для инвестиций.

Наряду с реактивными инструментами действуют превентивные меры, которые направлены на снижение рисков ценовых злоупотреблений в будущем. Сюда относятся требования к корпоративной прозрачности и внедрению программ комплаенса, системы предупреждения картельных соглашений и программы поощрения сотрудничества с регулятором в обмен на смягчение санкций при выявлении нарушений. Комбинация превентивных и наказующих механизмов формирует среду, в которой нарушение правил становится менее выгодным, а инвестиционная отдача – более предсказуемой для добросовестных участников [5].

Эффективность этих инструментов во многом зависит от координации между антимонопольными органами и профильными регуляторами, наличия технической экспертизы и оперативного доступа к экономическим данным. Без достаточной аналитической базы и механизмов оперативного вмешательства меры могут оказаться запаздывающими или неадекватными, а чрезмерно жёсткое регулирование, напротив, разрушать стимулы для инвестиций в инфраструктуру. Поэтому практика контроля цен и тарифов в энергетике всегда представляет собой компромисс между защитой потребителя и созданием условий для устойчивого развития отрасли, где инструменты антимонопольного законодательства выступают ключевым элементом этого баланса.

Таким образом, антимонопольное законодательство формирует основу для честного и устойчивого регулирования цен на энергоресурсы. Оно обеспечивает не только правовой контроль, но и способствует экономической стабильности и социальной защищённости.

Особенность энергетики – в сочетании рыночной конкуренции и государственного управления. Антимонопольные нормы гармонично встраиваются в эту систему, корректируя рыночные процессы для общественного блага. Они предотвращают завышение цен, стимулируют развитие конкуренции, повышают эффективность и, как следствие, укрепляют общественное доверие к действиям власти в экономической сфере.

Таким образом, антимонопольное регулирование является неотъемлемым элементом современной энергетической политики. Его роль заключается не только в ограничении

монополизма, но и в обеспечении справедливого распределения ресурсов, устойчивости цен и доступности энергоресурсов для всех категорий потребителей. В долгосрочной перспективе эффективное применение антимонопольных принципов способствует формированию конкурентоспособной и сбалансированной энергетической системы, способной отвечать на вызовы экономического и технологического развития.

Список используемых источников:

1. Энергетическое право: учебник / С.В. Василькова. – Москва: КНОРУС, 2025. – 272 с.
2. Ананьев А.А. Антимонопольный контроль в электроэнергетике (проблемы правовой регламентации предмета) // Российское конкурентное право и экономика. – 2022. – №4 (32).
3. Непринцева Е.В., Шубин С.А. Проблемы антимонопольного регулирования в электроэнергетике // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – №5.
4. Паламарчук С.И. Что сдерживает эффективную работу рынков в электроэнергетике // ЭКО. – 2014. – №4 (478).
5. Бахтеева Н.З., Галимзянов Л.А., Шацких З.В. Конкурентный оптовый рынок электроэнергии и мощности: состояние и новые вызовы // Известия вузов. Проблемы энергетики. – 2016. – №5-6.

Анохина Алёна Алексеевна,
магистрант юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Федорященко Алексей Сергеевич,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ДОГОВОР КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена комплексному анализу договора коммерческой концессии, представляющего собой один из наиболее динамично развивающихся инструментов ведения бизнеса в современной экономике. В работе исследуется сущность данного правового института, его ключевые характеристики и особенности правового регулирования, как на национальном, так и на международном уровне. Особое внимание уделяется гибридной природе договора, сочетающего элементы интеллектуального права, обязательственного права и конкурентного регулирования. Приводятся примеры из законодательства, судебной практики и реальной коммерческой деятельности, а также мнения ведущих ученых-правоведов, что позволяет сформировать всестороннее представление о предмете исследования.*

***Ключевые слова:** коммерческая концессия, франчайзинг, интеллектуальная собственность, правовое регулирование, Гражданский кодекс, ноу-хау, товарный знак, предпринимательская деятельность.*

Договор коммерческой концессии, широко известный в международной практике как франчайзинг, является одним из наиболее эффективных и гибких механизмов расширения бизнеса и распространения успешных коммерческих моделей в условиях глобализации и интенсивной конкуренции. Его сущность заключается в предоставлении одной стороной (правообладателем, или франчайзером) другой стороне (пользователю, или франчайзи) права использовать в предпринимательской деятельности комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие объекты интеллектуальной собственности, предусмотренные договором, в частности, на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау), при условии сохранения единых стандартов ведения бизнеса и под контролем правообладателя. Это не просто передача отдельных прав, а, как справедливо отмечает Кулеева И.Ю., «передача целостной бизнес-системы, включающей не только объекты интеллектуальной собственности, но и наработанный опыт, деловую репутацию, технологии и методы управления, что делает его уникальным и многогранным правовым явлением» [4].

Особенности правового регулирования договора коммерческой концессии обусловлены его комплексной, гибридной природой. В российском законодательстве основные положения закреплены в главе 54 Гражданского кодекса Российской Федерации (статьи 1027-1039), однако регулирование не исчерпывается только этими нормами. Договор тесно переплетается с нормами об интеллектуальной собственности, обязательственном праве, а также антимонопольном законодательстве, что создает определенные сложности в его

толковании и применении. Так, М.И. Брагинский и В.В. Витрянский в своих трудах подчеркивают, «что договор коммерческой концессии является ярким примером комплексного договора, элементы которого пронизывают различные отрасли права, требуя особого подхода к его анализу» [2, с. 647].

Ключевой особенностью является предмет договора – это не просто набор исключительных прав, а их комплекс, направленный на обеспечение узнаваемости и единообразия коммерческой деятельности пользователя. Например, при заключении договора с такой известной сетью, как McDonald's, франчайзи получает не только право использовать товарный знак и фирменное наименование, но и доступ к уникальным рецептурам, технологиям приготовления, стандартам обслуживания клиентов, маркетинговым стратегиям и даже дизайну помещений. Все это составляет единую систему, позволяющую потребителю получать идентичный продукт и сервис в любой точке мира, что является основой успеха франчайзинговой модели. Без такого комплексного подхода, как отмечают эксперты, франчайзинг теряет свой смысл, поскольку именно узнаваемость бренда и предсказуемость качества являются его главными преимуществами.

Еще одной важной особенностью является наличие императивных требований к форме договора и его государственной регистрации. Согласно статье 1028 ГК РФ, договор коммерческой концессии должен быть заключен в письменной форме и подлежит государственной регистрации в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатенте).

Несоблюдение письменной формы влечет недействительность договора, а отсутствие регистрации делает его недействительным в отношениях с третьими лицами. Эта норма направлена на защиту интересов как самих сторон, так и добросовестных третьих лиц, обеспечивая публичность и достоверность сведений о передаче прав. В зарубежных правовых системах, например, в США, хотя федерального требования о регистрации договоров франчайзинга нет, многие штаты имеют свои законы о регистрации и раскрытии информации (disclosure laws), которые обязывают франчайзеров предоставлять потенциальным франчайзи подробную информацию о своей системе до заключения договора, что также направлено на повышение прозрачности и защиту интересов сторон.

Обязанности сторон по договору коммерческой концессии также имеют свои особенности. Правообладатель обязан предоставить пользователю комплекс исключительных прав, обеспечить его технической и консультационной поддержкой, обучить персонал, контролировать качество товаров (работ, услуг), производимых (оказываемых) пользователем. Пользователь же, в свою очередь, обязуется использовать товарный знак и другие объекты интеллектуальной собственности правообладателя в соответствии с его инструкциями, обеспечивать качество товаров (работ, услуг), соответствующее качеству товаров (работ, услуг) правообладателя, соблюдать конфиденциальность ноу-хау, а также выплачивать правообладателю вознаграждение, которое может быть выражено в форме паушального взноса, роялти или их комбинации. Как пример: сети кофеен Starbucks требуют от своих франчайзи строгого соблюдения рецептур напитков, стандартов обслуживания и дизайна интерьера, чтобы каждый посетитель, независимо от местоположения, получал одинаковый "Starbucks experience" [3, с. 20].

Важным аспектом правового регулирования является солидарная ответственность правообладателя и пользователя по требованиям, предъявляемым к пользователю как изготовителю продукции (работ, услуг). Статья 1034 ГК РФ предусматривает, что правообладатель несет субсидиарную ответственность по требованиям, предъявляемым к пользователю о несоответствии качества товаров (работ, услуг), а по требованиям, предъявляемым к пользователю как изготовителю продукции (работ, услуг) правообладателя, – солидарную ответственность. Эта норма является существенной гарантией для потребителей, поскольку позволяет им предъявлять претензии к более финансово устойчивой стороне – правообладателю, который, по сути, и формирует стандарты качества.

Значительное внимание при регулировании коммерческой концессии уделяется аспектам конкурентного права, что вполне оправданно. Действительно, соглашения о франшизе нередко

включают положения, которые по своей природе могут ограничивать конкуренцию. К таким относятся территориальные ограничения, запрещающие концессионеру вести аналогичную деятельность в определенной географической зоне; предписания, исключающие продажу товаров конкурентов; или даже условия, касающиеся ценообразования на продукцию или услуги. В России и многих других юрисдикциях, включая страны Европейского Союза, подобные оговорки подлежат строгой антимонопольной проверке. Цель такого анализа – предотвратить возможное злоупотребление доминирующим положением и обеспечить справедливые рыночные условия, защищая при этом интересы потребителей.

Например, Европейская комиссия разработала специальные регламенты, известные как «положения об исключениях по категориям» (block exemptions), которые устанавливают конкретные условия, при соблюдении которых определенные ограничения конкуренции во франчайзинговых соглашениях автоматически считаются допустимыми без необходимости индивидуальной оценки. Этот подход позволяет достичь тонкого баланса между необходимостью защиты инвестиций и уникальной бизнес-модели правообладателя (франчайзера) и стремлением общества поддерживать здоровую конкурентную среду, способствующую инновациям и выбору потребителей.

Таким образом, можно заключить, что договор коммерческой концессии представляет собой не просто правовой механизм, а стратегически важный инструмент, без которого сложно представить современную мировую экономику. Его правовое регулирование находится в постоянном движении, оперативно реагируя на глобальные тенденции, такие как стремительная цифровизация бизнеса, появление новых онлайн-моделей и расширение трансграничного присутствия франчайзинговых сетей. Это гибкое соглашение служит мощным катализатором экономического роста: оно предоставляет малым и средним предприятиям уникальную возможность получить доступ к проверенным, успешным бизнес-моделям, узнаваемым брендам и ценному опыту, минимизируя стартовые риски. В то же время, крупным корпорациям концессия позволяет эффективно масштабировать свою деятельность, расширять географическое присутствие и осваивать новые рынки со значительно меньшими капитальными затратами и более высокой скоростью. Глубокое понимание его сущности, особенностей формирования и применения, а также нюансов правового регулирования абсолютно критично для всех участников рынка, стремящихся к устойчивому развитию, инновациям и достижению конкурентных преимуществ в условиях динамичной и непредсказуемой глобальной среды. Несмотря на продолжающиеся дискуссии в академической доктрине и практической деятельности относительно некоторых аспектов его толкования и применения, договор коммерческой концессии остается одним из фундаментальных столпов предпринимательской активности и ключевым драйвером экономического прогресса.

Список используемых источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. № 5 ст. 410
2. Брагинский М.И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 1055 с.
3. Климова С.В. Договор франчайзинга: анализ основных элементов // Юрист. 2009. № 12. С. 18–25.
4. Кулеева И.Ю. Теоретические и практические проблемы соотношения договора коммерческой концессии и франчайзинга // Современное право. 2021. № 2.

Бардакова Валерия Дмитриевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Смецкая Алина Ивановна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

***Аннотация.** В статье проводится анализ коррупционных проявлений в области охраны окружающей среды, как комплексное социально-правовое явление, которое оказывает негативное воздействие на эффективную защиту природы и устойчивому развитию общества. А также рассматриваются основные причины и механизмы коррупционной деятельности в данной области, установлены ее негативные последствия для экологии и правопорядка. Особое внимание уделяется регламентации антикоррупционных мер в современном законодательстве и практике органов государства, а также возможным путям модернизации системы предупреждения и борьбы с коррупционными рисками в окружающей среде.*

***Ключевые слова:** коррупция, охрана окружающей среды, антикоррупционное законодательство, правоприменение, устойчивое развитие, экологические преступления, государственный контроль.*

Охрана окружающей среды выступает наиболее значимой и актуальной задачей современного общества, которая направлена на соблюдение природного баланса и обеспечение благоприятных условий для жизни. Но, несмотря на важность данного института, коррупционные проявления в данной области подрывают эффективность принятых мер и способствуют дальнейшему ухудшению экологической ситуации.

Об актуальности борьбы с коррупционными проявлениями в органах и структурах, ответственных за охрану окружающей среды, свидетельствует то, что подобная деятельность воздействует не только на законодательной и административный процесс, но и наносит значимый урон на современные экологические системы, действующие в настоящее время [1, с.32].

На наш взгляд, коррупция в области экологического права подразумевает собой злоупотребление служебным положением и использование власти для получения незаконных выгод, которые тесно взаимодействуют с выдачей разрешений, проведением проверок, контролем за соблюдением норм экологического законодательства. В данной области коррупционная деятельность может выражаться совершенно в разных формах, а именно:

- взятничества при оформлении экологической документации;
- подделки или сокрытия данных о загрязнении и экологическом ущербе;

- «крышевании» предприятий, нарушающих современные нормы охраны природы;
- фальсификации результатов мониторинга экологического назначения [2, с.106].

Вышеуказанные действия не только нарушают нормы экологического законодательства, но и одновременно угрожают устойчивому развитию и сохранению биологического разнообразия.

Как отмечает М.И. Бузулуцкий: «За серьёзные экологические преступления, такие как незаконная вырубка лесов, загрязнение водоёмов, незаконная добыча природных ресурсов и другие, предусмотрена уголовная ответственность. Для решения проблемы коррупции в природоохранной сфере предлагают, в частности, совершенствовать законодательство, усиливать правоприменение, повышать прозрачность и подотчётность, усиливать экологическое образование и просвещение и так далее» [3, с.154].

В настоящее время ключевыми причинами развития коррупционной деятельности в области экологии выступают следующие факторы:

1) Низкий уровень прозрачности и подотчетности. Стоит сказать, что неотчетные государственные органы и низкий контроль со стороны общества формируют среду для развития схем коррупционной деятельности.

2) Недостаток финансирования и материальных стимулов у уполномоченных лиц, как показывает практика, приводит к поиску дополнительных доходов за счет исполнения незаконных сделок.

3) Сложность и техническая специфика и структура современного экологического законодательства, прежде всего, затрудняет определение и установление нарушений, а также способствует определенным манипуляциям.

4) Конфликты интересов и отсутствие наиболее эффективных механизмов профилактики. В этой связи отметим, что контролирующим государственным органам в таком положении трудно сохранить независимость, в частности при сильном воздействии бизнеса [4, с.136].

Коррупционная деятельность в области охраны окружающей среды может привести к крайне негативным результатам, а именно:

- к росту экологических правонарушений и ухудшению состояния экологической обстановки. Такой рост обуславливается из-за отсутствия должного внимания, контроля и санкций;

- к подрыву доверительного отношения общественности к государственным институтам, и впоследствии, утрата гарантий социального назначения;

- к нарушениям принципам верховенства права. а также к подрыву правопорядка в целом;

- к потерям экономического характера, в связи с деградацией природных ресурсов и неотъемлемостью мероприятий, направленных на восстановление окружающей среды [5, с.22];

Отметим, что в российском государстве в настоящее время сформирована законодательная база о государственном контроле в области охраны природы и открытости решений государственного характера, а также практика работы общественных экологических советов и мониторинг деятельности.

Как отмечает И.В. Лавыгина: «В Российской Федерации осуществляется государственный, производственный, муниципальный, общественный надзор и контроль в области охраны окружающей среды. Государственный надзор осуществляют специальные государственные органы и инспекции, которые в своей деятельности не зависят от администрации контролируемых предприятий. Это Прокуратура РФ, Федеральная служба лесного хозяйства РФ, Госкомитет РФ по земельной политике, Министерство природных ресурсов России, Федеральный горный и промышленный надзор России, Федеральный надзор России по ядерной и радиационной безопасности, Росгидромет, Государственный комитет санитарно-эпидемиологического надзора РФ (Госкомсанэпиднадзор России), Министерство РФ по атомной энергии и др. Государственный экологический контроль осуществляется федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ в лице государственных инспекторов в области охраны окружающей среды» [6, с.122].

Для повышения эффективности борьбы с коррупционной деятельностью в области охраны окружающей среды необходимо выполнить следующее:

- 1) повысить уровень квалификации и мотивации работников природоохранных органов;
- 2) развивать цифровые технологии, которые в дальнейшем помогут автоматизировать контроль и отчетность документации;
- 3) усилить общественное участие и прозрачность принятия решений в области экологии;
- 4) разработать определенные специализированные профилактические программы коррупционной деятельности с межведомственным сотрудничеством;
- 5) расширить сотрудничество на международной арене для обмена опытом и установления трансграничных коррупционных схем.

Изложенное позволяет нам сделать вывод о том, что коррупционные проявления в области охраны окружающей среды в настоящее время подразумевают собой наиболее значимую угрозу устойчивому и динамичному развитию и качеству жизни. Только системный подход и комплексное правовое регулирование, которое в тоже время подкреплено мерами практического характера и общественным контролем, способны в значительной степени снизить уровень коррупционной деятельности и повысить эффективность экологической деятельности.

Список используемых источников:

1. Агеев, А.А., Волков, В.А., Жигунова, Л.К. Комплексный естественно-научный подход, как показатель экологической культуры / А.А. Агеев, В.А. Волков, Л.К. Жигунова // Вестник экологического образования в России. – 2025. – Т. 2. – С. 31-33.
2. Боголюбов, С.А. Особенности юридической ответственности в системе экологических правоотношений / С.А. Боголюбов // Журнал российского права. – 2019. – № 4. – С. 105-119.
3. Бузулуцкий, М.И. Совершенствование стандартов экологической сертификации в жилищной сфере РФ / М.И. Бузулуцкий // Стратегическое эколого-экономическое развитие регионов и муниципальных образований в условиях глобализации // Материалы международной научно-практической конференции. – 2023. – С. 153-164.
4. Воронцов, С.А., Понеделков, А.В., Нувахов, Т.А. Экологическая безопасность как составная часть национальной безопасности России: проблемы и направления их разрешения / С.А. воронцов, А.В. Понеделков, Т.А. Нувахов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 3 (82). – С. 134-137.
5. Дубовик, О.Л. Экологическая преступность в Российской Федерации: состояние, тенденции и связи с транснациональной, коррупционной и организованной преступностью / О.Л. Дубовик // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2020. – № 1. – С. 22-23.
6. Лавыгина, И.В. Модель экологического сознания в контексте предупреждения экологической преступности / И.В. Лавыгина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2025. – Т. 9. – № 3. – С.121-136.

Безлепкина Анна Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Оганян Гаяне Геворговна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Лукиянчикова Елена Федоровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ СПОРЫ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

***Аннотация.** В статье анализируются категории международных энергетических споров, связанных с нарушением условий договоров поставки энергетического оборудования. Приводится классификация наиболее распространённых видов нарушений договорных обязательств. Далее внимание уделяется вопросам конфиденциальности арбитражного разбирательства. Приведены примеры из арбитражной практики, связанные с международными спорами в сфере поставок природного газа. Анализируется сложившаяся практика включения в контракты арбитражных оговорок о передаче таких споров на рассмотрение иностранных арбитражных институтов. Рассматриваются положения законодательства России, направленные на защиту прав лиц, в отношении которых введены иностранные санкции. Анализируется судебная практика по применению антиисковых запретов в России.*

***Ключевые слова:** энергетическое право, споры в энергетике, международная арена, арбитраж, урегулирование споров, конфликтная ситуация.*

Актуальность темы исследования заключается в том, что даже при тщательной проработке и детализированных условиях договоров в международных энергетических проектах между участниками могут возникать разногласия. Конфликтные ситуации, способные негативно повлиять на реализацию таких проектов, нередко обусловлены как действиями самих участников, так и объективными экономическими факторами – мировыми кризисами, колебаниями рынков и другими глобальными процессами. Кроме того, источником напряжённости могут становиться политические противоречия и конфликты на международной арене.

Международные энергетические споры могут возникать в зависимости от специфики заключённого договора и касаться различных аспектов сотрудничества. Такие разногласия нередко проявляются в рамках контрактов на поставку энергетического оборудования, строительного подряда, ЕРС-договоров, соглашений об оказании возмездных услуг и других аналогичных соглашений.

Условно подобные споры можно классифицировать следующим образом:

– несоблюдение установленных договором сроков исполнения обязательств (в частности, задержка поставки оборудования, нарушение сроков выполнения проектных, строительных или монтажных работ, просрочка оказания услуг либо несвоевременная оплата);

- отклонения от договорных условий в части количества поставляемого товара (например, поставлено меньше, чем предусмотрено контрактом);
- нарушения договорных положений, регулирующих размер, порядок и сроки платежей;
- несоответствие качества поставленного оборудования, выполненных работ или предоставленных услуг условиям договора;
- неисполнение обязательств, связанных с обеспечением исполнения контракта, страхованием и другими предусмотренными договором гарантиями [5, с. 7-8].

Рассмотрим примеры положений о конфиденциальности, содержащихся в регламентах и правилах международных коммерческих арбитражных институтов различных стран.

Так, в статье 30 Регламента Лондонского международного арбитражного суда установлены нормы, направленные на обеспечение конфиденциальности арбитражного разбирательства. Согласно этим положениям, стороны обязаны соблюдать принцип конфиденциальности в отношении арбитражных решений, всех материалов дела, а также документов, представленных противоположной стороной в ходе процесса, если такие документы не являются общедоступными. Исключения допускаются лишь в случаях, когда раскрытие информации требуется для исполнения юридических обязанностей стороны или необходимо для защиты её прав при обращении в государственный суд либо иной компетентный орган с целью обжалования или приведения решения в исполнение.

В соответствии с пунктом 46 Правил арбитража международных коммерческих споров, действующих в Международном коммерческом арбитражном суде (МКАС) при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (ТПП РФ), установлены положения, направленные на обеспечение конфиденциальности арбитражного разбирательства. Согласно этим правилам, если стороны не пришли к иному соглашению, арбитражное производство считается конфиденциальным. В документе также указано, что, если стороны не договорились об ином и иное не предусмотрено применимым законодательством, стороны, их представители, а также любые иные лица, привлечённые ими к участию в арбитражном разбирательстве, обязаны сохранять конфиденциальность и не разглашать сведения, полученные ими в связи с рассмотрением дела в МКАС [4].

В открытом доступе представлено значительное количество сведений, касающихся споров, возникающих при экспорте природного газа. В качестве примера можно обратиться к данным, опубликованным в финансовом отчёте ПАО «Газпром» за 2022 год.

26 января 2022 года компания ENGIE S.A. подала в Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма уведомление о начале арбитражного разбирательства против ООО «Газпром экспорт», потребовав пересмотра цен, установленных в контрактах на поставку природного газа. В ответ на это «Газпром экспорт» направил в арбитражное учреждение ответное уведомление и встречное заявление.

Позднее, 20 мая 2022 года, компания ENI S.p.A. также инициировала арбитражное производство в отношении ООО «Газпром экспорт». Основанием для обращения стали разногласия, вызванные исполнением **Указа Президента Российской Федерации от 31 марта 2022 года № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа». Компания ENI S.p.A. заявила, что действие данного Указа не должно распространяться на их договорные отношения, либо потребовала предоставить дополнительные гарантии, обеспечивающие исполнение обязательств с учётом положений этого нормативного акта.

Можно сделать вывод, что арбитражные оговорки предусматривали передачу международных энергетических споров на рассмотрение иностранных арбитражных институтов. Подобная практика сформировалась исторически: в течение длительного времени в контрактах по внешнеэкономическим, в том числе энергетическим, операциям нередко закреплялось условие о рассмотрении возможных споров в зарубежных арбитражных судах [6, с. 32-34].

Положение, закреплённое в пункте 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 года № 53, разъясняет, что согласно подпункту «а»

пункта 1 статьи V Конвенции 1958 года вопросы, касающиеся заключения, действительности, толкования и исполнимости арбитражного соглашения, определяются в соответствии с правом, применимым к данному соглашению. Стороны имеют право самостоятельно выбрать норму права, регулирующую арбитражное соглашение. Принцип автономии арбитражного соглашения предполагает возможность применения к нему иного права, отличного от права, регулирующего основной договор либо арбитражное разбирательство. Если же стороны не осуществили соответствующий выбор, применяется право той страны, на территории которой было вынесено или должно быть вынесено арбитражное решение [3].

В 2020 году с целью обеспечения правовой защиты и гарантий соблюдения законных интересов лиц, в отношении которых недружественные иностранные государства применили ограничительные меры, был принят Федеральный закон от 8 июня 2020 года № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» [2].

В соответствии с данным законом Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ) был дополнен статьями 248.1 и 248.2.

Статья 248.1 АПК РФ устанавливает исключительную компетенцию арбитражных судов Российской Федерации по рассмотрению споров, участниками которых являются лица, подпадающие под действие ограничительных мер.

Статья 248.2 АПК РФ, в свою очередь, закрепляет запрет на возбуждение либо продолжение судебных или арбитражных разбирательств по делам с участием таких лиц в иностранных юрисдикциях [1].

Судебная практика, связанная с применением антиисковых запретов, в последние годы получила широкое развитие. Рассмотрим несколько показательных примеров.

По данным, опубликованным в открытых источниках, Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области вынес определение, согласно которому польской компании Europol Gaz было запрещено продолжать арбитражное разбирательство против ООО «Газпром экспорт» в Арбитражном институте Торговой палаты Стокгольма. Кроме того, суд установил для компании санкцию в размере 1,5 млрд долларов США за нарушение данного запрета. Согласно судебным материалам, именно такую сумму Europol Gaz, являющаяся владельцем польского участка газопровода «Ямал – Европа» и компрессорных станций, заявляла в своих требованиях к российской стороне.

Также, по информации из открытых источников, российский арбитражный суд запретил НАК «Нафтогаз Украины» продолжать арбитражное разбирательство с ПАО «Газпром» в иностранных юрисдикциях. Как сообщалось агентством «Интерфакс», в случае нарушения данного запрета суд постановил взыскать с украинской компании в пользу «Газпрома» 150 млн долларов США, что соответствует сумме, заявленной «Нафтогазом» в изначальном иске. Аналогичный запрет ранее был вынесен и в отношении компании EuRoPol GAZ, которой также предписано прекратить арбитражное разбирательство с «Газпром экспорт» в стокгольмском арбитраже. Указанные дела связаны с исполнением транзитного контракта 2019 года, регулирующего поставки и передачу природного газа между Россией и Украиной через пункты «Суджа» и «Сохрановка».

Итак, основными способами урегулирования международных энергетических споров являются:

1. Переговоры и медиация – гибкие формы досудебного урегулирования, позволяющие сторонам достичь взаимоприемлемого решения без существенных затрат времени и ресурсов.

В качестве иллюстрации можно привести подписание в ноябре 2016 года Венского соглашения о сокращении добычи нефти, направленного на стабилизацию мировых цен на данный ресурс. Решение о необходимости заключения этого соглашения было принято в Алжире в ходе Международной энергетической конференции. Примером успешных и результативных переговоров, учётом интересов всех участников и особенностей их

положения стало то, что в процессе обсуждений страны – члены ОПЕК пришли к согласию, что Иран, как государство, ранее пострадавшее от западных санкций, будет освобождён от обязательства сокращать добычу нефти, при этом ему была установлена квота в размере 3,8 миллиона баррелей в сутки.

2. Арбитражное разбирательство – основной способ разрешения энергетических конфликтов, обеспечивающий независимость, конфиденциальность и признание решений на международном уровне. В энергетической сфере широко применяются регламенты Лондонского международного арбитражного суда, Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма.

3. Судебное разбирательство – применяется в случаях, когда стороны связаны юрисдикцией национальных судов или действуют в условиях ограничений, установленных законодательством, например в связи с введением иностранных санкций. Российское законодательство (статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ) предусматривает особые меры защиты участников таких споров, включая исключительную компетенцию арбитражных судов РФ и антиисковые запреты.

4. Межгосударственные механизмы и дипломатические средства – используются при спорах, затрагивающих государственные интересы или международные соглашения, особенно в случаях, связанных с транзитом и экспортом энергоресурсов [7, с. 28-30].

В заключение хочется отметить, что система разрешения международных энергетических споров формируется на основе сочетания международных и национальных правовых инструментов. Современная практика демонстрирует тенденцию к укреплению роли национальных судов в защите интересов отечественных компаний, при одновременном сохранении значимости международного арбитража как универсального и признанного способа урегулирования трансграничных энергетических конфликтов.

Список используемых источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г., N 30, ст. 3012.

2. Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» от 08.06.2020 N 171-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354472/

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 N 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/

4. Правила арбитража международных коммерческих споров (приложение 2 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 N 6). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215530/

5. Ермакова Е.П. Формы и способы разрешения споров в области энергетики: монография / Е.П. Ермакова, И.Н. Чумаченко. – М.: Перо, 2016. – 76 с.

6. Курбанов Р.А. Энергетическое право: учебник для магистратуры и бакалавриата / Р.А. Курбанов, К.И. Налетов. – М.: Проспект, 2023. – 352 с.

7. Романова В.В. Энергетическое право. Учебник для подготовки кадров высшей квалификации. – М.: Издательская группа «Юрист», 2021. – 288 с.

Бекетов Савва Сергеевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЪЕКТОВ ЭНЕРГЕТИКИ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

***Аннотация.** Статья посвящена комплексному анализу гражданско-правовых проблем, связанных с квалификацией объектов энергетики, в особенности использующих возобновляемые источники энергии (ВИЭ), в качестве недвижимого имущества. Актуальность темы обусловлена энергетическим переходом и интенсивным развитием «зеленой» энергетики, технологические особенности объектов которой ставят под сомнение применимость традиционных критериев недвижимости. В статье исследуются противоречия современного правового регулирования, характеризующегося как достаточно раздробленное, анализируются подходы судебной практики и зарубежный опыт. Особое внимание уделено таким проблемам, как квалификация сложных технологических комплексов в статусе единого недвижимого комплекса, противоречия в учете и регистрации, а также вопросы оборота новых активов, таких как «зеленые» сертификаты. В заключение формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства, направленные на преодоление правовой неопределенности и содействие инвестициям в сектор возобновляемых источников энергии.*

***Ключевые слова:** объекты энергетики, возобновляемые источники энергии, гражданский оборот, недвижимое имущество, правовой режим, единый недвижимый комплекс, квалификация, «зеленая» энергетика, энергетический переход.*

Современный этап развития мировой экономики характеризуется эпохальным событием – энергетическим переходом, представляющим собой существенную трансформацию структуры источников энергии в энергетической системе с увеличением доли возобновляемых источников (солнечной, ветровой энергии и др.) и постепенной заменой традиционных ископаемых ресурсов, таких как уголь, нефть и газ. Энергетический переход может быть определен как совокупность значимых изменений в способах получения энергии при условии, что определенный источник или группа источников энергии доминирует на рынке в течение определенного периода времени, и в конечном счете заменяется другим ведущим источником или источниками энергии.

Как полагает А.А. Сизов, следует выделить четыре энергетических перехода.

1. Первым считается переход от древесины (биомассы) к углю. Он начал происходить во второй половине XIX века и завершился к 1900 году. За это время доля угля в мировом энергодобавлении выросла с 5% до 50%.

2. Второй энергопереход возник за счёт увеличения доли нефти в получении первичной энергии. Если в 1915 году на нефть приходилось 3% приходной части мирового топливного баланса, то к 1975 г. ее доля выросла до 45 %.

3. Третий энергопереход произошёл благодаря расширению использования газа (1930 год – 3 %, 2017 год – 23 %) в промышленности и энергетике. Особенностью этого этапа стало отсутствие доминирующего ресурса в структуре потребления.

4. С начала 2000-х происходит четвёртый энергопереход. Он связан с внедрением ВИЭ и постепенным вытеснением углеводородов» [1].

Энергетический переход, являясь частью процесса формирования нового уклада, соответствующего высокотехнологичному промышленному производству, имеет важное техническое и правовое значение.

В Российской Федерации, как и во многих других странах, развитие возобновляемой энергетики остро ставит вопрос о гражданско-правовом статусе ее объектов. Ключевой проблемой, от решения которой напрямую зависят порядок государственной регистрации прав, налогообложение, возможность заключения сделок и использования объектов в качестве залога, является их квалификация в качестве недвижимого имущества. Отсутствие единых и ясных квалификационных критериев генерирующих объектов, функционирующих на основе использования ВИЭ создает значительную правовую неопределенность, которая в свою очередь создает труднопреодолимые препятствия на пути внедрения подобных технологий.

По мнению С.А. Свиркова, ключевым элементом правового статуса объектов ВИЭ является административная квалификация объекта. Автор подчеркивает то обстоятельство, что «признание генерирующих объектов функционирующими на основе использования ВИЭ квалифицированными генерирующими объектами осуществляется уполномоченной организацией коммерческой инфраструктуры, в качестве которой постановлением Правительства РФ от 28.12.2023 № 2359 определено ООО «Центр энергосертификации» (ОГРН 1237700572471)». Однако он критикует эту модель, полагая, что «принятие подобных решений, очевидно, должно возлагаться на уполномоченный государственный орган», так как речь идет непосредственно о наделении определенным правовым статусом. Правовой режим объектов, функционирующих на основе ВИЭ, представляет собой сложный институт, сочетающий частноправовые и публично-правовые элементы, как отмечает С.А. Свирков, «особенностью законодательства в сфере альтернативной энергетики является присутствие в нем двух блоков правовых норм: публично-правового регулирования и частноправового регулирования» [2].

В российской правовой доктрине энергетическое право признается молодой, комплексной отраслью. Так, С.С. Селиверстова определяет энергетическое право как «комплекс правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе хозяйственной, инвестиционной и регулятивной деятельности субъектов частного и публичного права, связанной с разведкой, добычей, производством, переработкой, хранением, транспортировкой, распределением, торговлей и потреблением энергетических ресурсов» [3]. Энергетическое право регулирует общественные отношения в сфере энергетики, но при этом тесно взаимодействует с иными отраслями права, что обуславливает смешение подходов при определении правовой природы ее объектов.

К недвижимым вещам согласно части 1 статьи 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) относятся: земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства [4].

Применительно к традиционным объектам энергетики (таким, как крупные **Государственные районные электрические станции (ГРЭС) или Гидроэлектростанции (ГЭС)**) судебная практика зачастую признает их едиными недвижимыми комплексами (ЕНК), руководствуясь тем, что энергетический комплекс представляет собой единый комплекс конструктивно сочлененных зданий, сооружений, линейных объектов (ЛЭП, трубопроводов) и технологического оборудования (котлов, турбин), которые не могут функционировать раздельно, а их перемещение без нанесения несоразмерного ущерба невозможно. В качестве примера можно привести **определение Верховного Суда РФ от 18.09.2023 №306-ЭС23-**

16674 по делу №А55-28635/2021, в котором он установил, что ГЭС – это комплекс объединённых единым производственным назначением и технологическим режимом работы зданий, сооружений и иных вещей, которые возведены по единому проекту и расположены на одном земельном участке. Каждый входящий в комплекс предмет может выполнять свои функции только в составе комплекса, а не самостоятельно [5]. Понятие ЕНК, закрепленное в ст. 133.1 ГК РФ, становится ключевым инструментом для квалификации сложных технологических объектов.

Однако российское законодательство демонстрирует фрагментарный подход к регулированию в области ВИЭ, то есть подход, при котором правовое регулирование в определённой сфере осуществляется **разрозненно**, без единого подхода, который бы охватывал все аспекты отношений. Как справедливо отмечает Е.В. Хаблак, «правовой режим генерирующих объектов регулируется подзаконными актами министерств и ведомств, устанавливающих организационные процедуры, определяющие порядок функционирования таких объектов» [6], что создает значительные сложности для формирования единообразной правоприменительной практики. Эта фрагментарность напрямую влияет и на их гражданско-правовой статус, оставляя множество вопросов относительно применения к ним классических гражданско-правовых конструкций.

Объекты, функционирующие на основе ВИЭ, обладают рядом технологических особенностей, которые ставят под сомнение прямолинейное применение к ним критериев недвижимости.

Объекты ВИЭ обладают технологической подвижностью в противовес правовой статичности. В отличие от капитальной угольной ТЭЦ, многие объекты ВИЭ (например, солнечные панели, установленные на наземных трекерах (системах слежения за солнцем), или сборные модули биогазовых комплексов) обладают меньшей степенью капитальности и большей мобильностью. Это ставит под сомнение наличие у них классического признака «прочной связи с землей», так как их перемещение может быть сопряжено со значительными затратами, но не всегда с «несоразмерным ущербом» в традиционном понимании. Также важно указать существование проблемы «сложной вещи» и «единого недвижимого комплекса». Объекты ВИЭ, такие как солнечная электростанция, зачастую представляют собой совокупность множества однотипных, стандартизированных и заменяемых элементов (панелей, инверторов, преобразователей), которые функционируют как единое целое. Возникает закономерный вопрос: является ли вся такая электростанция единым объектом недвижимости (ЕНК) или же это совокупность самостоятельных движимых вещей, объединённых общим назначением – сложная вещь согласно ст. 134 ГК РФ («Если различные вещи соединены таким образом, который предполагает их использование по общему назначению (сложная вещь), то действие сделки, совершенной по поводу сложной вещи, распространяется на все входящие в нее вещи, поскольку условиями сделки не предусмотрено иное»? От ответа на него зависят порядок регистрации прав и оборота как станции в целом, так и ее составных частей.

Отсутствие единообразия в учете и регистрации в достаточной мере влияет на то, что на практике собственники и добросовестные приобретатели сталкиваются с двойственным подходом регуляторов. С одной стороны, для целей налогообложения на имущество организаций налоговые органы и суды нередко склонны признавать такие объекты недвижимостью, стремясь к пополнению бюджета. С другой стороны, для целей государственной регистрации права в Росреестре могут возникать непреодолимые сложности из-за отсутствия у объекта индивидуально-определённых характеристик, присущих объекту капитального строительства, или разрешительной документации, выдаваемой в рамках градостроительного законодательства.

Бурное развитие «зеленой» энергетики порождает и принципиально новые, бестелесные активы, такие как Renewable Energy Credits (RECs) (или же зеленые сертификаты – «green certificate») – торгуемые сертификаты, удостоверяющие право собственности на «зеленые» атрибуты произведенной электроэнергии, юридически удостоверяющие происхождение

электроэнергии из возобновляемых источников и позитивные экологические эффекты чистой генерации, позволяющие передавать права на них заинтересованным потребителям. В зарубежной практике (США, ЕС) RECs последовательно признаются объектом вещных прав, что создает для их владельца исключительное право заявлять об использовании определенного объема возобновляемой энергии. В российском праве правовая природа подобных сертификатов (мощности, «зеленых» сертификатов) остается дискуссионной, что создает дополнительные барьеры для их оборота. В России в соответствии с Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 489-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об электроэнергетике" юридическим и физическим лицам предоставлена возможность приобретать общепринятые в мировой практике инструменты, такие как атрибуты генерации и сертификаты происхождения электроэнергии (наименование зеленых сертификатов в России).

Обращение к зарубежному опыту позволяет выявить различные подходы к решению схожих проблем, вызванных энергетическим переходом. Например, подход, основанный на правах собственности в США. В США ключевым аргументом в пользу развития ВИЭ является защита прав собственности землевладельца на решение об использовании земли для размещения солнечных или ветряных электростанций, владение землей и контроль над ней является необходимым условием для владения солнечным светом, который на нее падает, или, по крайней мере, для превращения его в электричество, которое затем можно продать как товар [7]. При этом важно указать, что «зеленые» сертификаты в 24 штатах США признаются самостоятельным объектом имущественных прав, что способствует не только формированию гибкого рынка возобновляемой энергии, но и защите прав собственников «зеленых сертификатов» (например, владелец «зеленого» сертификата становится правомочным в предъявлении иска к лицу, в результате действий которого наносится вред ценности «зеленого» сертификата) [8]. Также комплексный регуляторный подход, который реализуется, например, в Канаде, является важным примером реализации подконтрольного энергетического перехода. В Канаде на федеральном уровне действует Canadian Energy Regulator Act, который устанавливает комплексное регулирование для объектов межпровинциальных и международных линий электропередачи, а также для проектов в области морской возобновляемой энергетики. Закон рассматривает такие объекты как регулируемые сооружения, что подразумевает их особый правовой статус, вытекающий из их функционального назначения и масштаба, а не только из физических характеристик. Правовой основой для развития возобновляемой энергетики во всех секторах экономики ЕС выступает принятая в 2009 г. «Директива ЕК 2009/28», выдвинувшая цель к 2030 г. достичь доли возобновляемых источников в валовом конечном потреблении энергии Европейским союзом, по меньшей мере, в 20%. Также существует Директива ЕС 2018/2001, принятая в рамках пакета «Чистая энергия для всех европейцев». В обновленной директиве цель по ВИЭ была поднята до 32% к 2030 году. Все новые инициативы ЕС соотносит с климатической программой «Fit for 55», которая предполагает сокращение выбросов парниковых газов к 2030 году на 55% по сравнению с уровнем, фиксировавшимся в 1990 году, а также с Европейским климатическим законом, обязывающим регион стать климатически нейтральным к 2050 году [9].

Стимулирующий подход и роль государства имеет отнюдь не последнее значение в достижении поставленной цели. Во многих юрисдикциях подчеркивается особая роль государства в энергопереходе, которая состоит в создании понятных и прозрачных механизмов реализации климатических проектов. Для этого используются унифицированные методы правового регулирования, включая экономическое стимулирование, налоговые льготы, программы господдержки, установление льготных «зеленых» тарифов, а также снятие административных барьеров. Важной мерой является и правовое закрепление ответственности государства за обеспечение стабильного инвестиционного климата и включение проектов «зеленой» экономики в сферу концессионных соглашений и государственно-частное партнерство.

Для преодоления правовой неопределенности и формирования благоприятных условий для оборота объектов возобновляемой энергетики в России целесообразно:

- 1) Закрепить на законодательном уровне специальные критерии отнесения объектов ВИЭ к недвижимости. Эти критерии должны быть гибкими и учитывать не только физические

характеристики (степень капитальности, связь с землей), но и функциональное назначение и технологическую целостность объекта. Понятие «единый недвижимый комплекс» применительно к ВИЭ требует детализации в актах высшей юридической силы. Целесообразно предусмотреть признание технологически целостного генерирующего объекта на основе ВИЭ ЕНК, если его основное оборудование смонтировано на фундаментах, а его перемещение требует значительных затрат.

2) Унифицировать судебную и административную практику. Необходимо выработать и закрепить единые подходы для судов и регистрирующих органов, которые позволили бы однозначно квалифицировать объекты ВИЭ. Это позволит снизить риски налоговых споров и проблем с оборотом, обеспечив предсказуемость и стабильность правового режима.

3) Четко определить правовой статус «зеленых» сертификатов (атрибутов). В целях развития рыночных механизмов поддержки ВИЭ необходимо на законодательном уровне определить, являются ли такие сертификаты вещными правами, обязательственными правами требования или особым видом имущества. Это создаст основу для формирования прозрачного рынка и позволит компаниям легитимно подтверждать использование «зеленой» энергии.

Проведенное исследование показало, что проблема квалификации объектов энергетики, особенно на основе ВИЭ, в качестве недвижимого имущества является системной и отражает общий вызов, стоящий перед правом в условиях технологических изменений. Существующее в России регулирование, характеризующееся фрагментарностью, оно отстает от практических потребностей развивающегося рынка «зеленой» энергетики.

Для успешной интеграции объектов ВИЭ в гражданский оборот необходим комплексный подход, сочетающий четкие законодательные критерии отнесения к недвижимости, основанные на функциональном и технологическом единстве объектов, единообразную правоприменительную практику и развитие специальных норм энергетического права. Реализация предложенных мер будет способствовать снятию правовых барьеров, притоку инвестиций и достижению целей энергетического перехода в Российской Федерации.

Список используемых источников:

1. Сизов А.А. Концепция энергетического перехода: история понятия и эволюция явления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-energeticheskogo-perehoda-istoriya-ponyatiya-i-evolyutsiya-yavleniya> (дата обращения: 19.10.2025).

2. Свирков С.А. Частноправовое регулирование в сфере возобновляемой энергетики: особенности и проблемы развития // Актуальные проблемы российского права. 2025. №2 (171). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnopravovoe-regulirovanie-v-sfere-vozobnovlyaemoy-energetiki-osobennosti-i-problemy-razvitiya> (дата обращения: 29.10.2025).

3. Селиверстов С.С. К вопросу о понятии энергетического права / С.С. Селиверстов // Энергетическое право. – 2008. – № 1. – С. 52-58

4. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. ст. 3301.

5. Письмо ФНС России "Об Обзоре определяющей судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по спорам, завершнным в IV квартале 2023 г., по вопросам налогообложения имущества" от 07.02.2024 № БС-4-21/1311@ // Газета "Учет. Налоги. Право" – "Официальные документы". – 2024 г. – № 7

6. Хаблак Е.В. Особенности правового режима генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии // Образование и право. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-rezhima-generiruyuschih-obektov-funktsioniruyuschih-na-osnove-vozobnovlyaemyh-istochnikov-energii> (дата обращения: 20.10.2025).

7. James McCarthy To own the land is to own the sunlight: the significance of land tenure for solar power // Sustain Science. – 2025. – 29.04.2025. – С. 1535-1539 URL: <https://doi.org/10.1007/s11625-025-01674-y> (дата обращения: 02.11.2025)

8. Скоробогатов Виктор Владимирович ПРАВОВАЯ ПРИРОДА "ЗЕЛЕННЫХ" СЕРТИФИКАТОВ В ПРАВЕ США // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-zelenyh-sertifikatov-v-prave-ssha> (дата обращения: 02.11.2025).

9. Колосов А.М. Нормативно-правовые основы политики ЕС в области экологии // Российский совет по международным делам (РСМД). – 2024. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/normativno-pravovye-osnovy-politiki-es-v-oblasti-ekologii/> (дата обращения: 29.10.2025).

Билык Кирилл Владимирович,
аспирант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Нифанов Алексей Николаевич,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

О НЕКОТОРОМ ЗАРУБЕЖНОМ ОПЫТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ВОПРОСОВ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

***Аннотация.** В условиях усиления внимания к ценностным основам общества и роли государства в формировании гражданской идентичности возрастает научный и практический интерес к конституционно-правовым механизмам воспитания личности за рубежом. Актуальность темы обусловлена необходимостью выявления разнообразных подходов к закреплению воспитания в конституциях стран Азии, Латинской Америки и Дальнего Востока, что позволяет расширить представления о возможных моделях правового регулирования воспитательных отношений. Целью статьи является сравнительно-правовой анализ конституционных норм указанных государств с акцентом на правовой статус семьи, роль государства и институциональные формы реализации воспитательной функции. В ходе исследования установлено, что в большинстве рассматриваемых стран воспитание формализуется преимущественно как обязанность родителей, тогда как государство выступает активным субъектом воспитательной политики – от обеспечения поддержки семей до прямого участия в патриотическом, нравственном и физическом формировании личности. Особое внимание уделено интеграции воспитания в различные сферы публичной власти, включая молодежную, спортивную и даже уголовно-исполнительную политику.*

***Ключевые слова:** воспитание личности, родители, обязанность, государство, гарантии, перевоспитание.*

В условиях глубоких трансформаций ценностных основ общества и усиления внимания к вопросам формирования гражданской идентичности особую значимость приобретает анализ правовых механизмов, обеспечивающих воспитательный процесс на конституционном уровне. Воспитание личности, традиционно воспринимаемое как сфера частной жизни и семейной ответственности, всё чаще становится объектом государственной политики и предметом конституционно-правового регулирования [11, с. 3-8; 12, с. 154-161; 13, с. 54-58]. В этом контексте представляет научный интерес изучение того, как государства Азии, Латинской Америки и Дальнего Востока интегрируют воспитание в свои основные законы – какие функции приписываются семье, какие обязательства возлагаются на государство и как обеспечивается баланс между индивидуальной свободой и общественными интересами. Несмотря на разнообразие политических систем и культурных традиций, в конституциях ряда стран данной группы прослеживаются устойчивые тенденции: акцент на родительской обязанности, активная роль государства в формировании гражданских качеств, а также расширение понимания воспитания за пределы образовательной сферы – вплоть до уголовно-исполнительной политики. Цель настоящей статьи – сравнительно-правовой анализ

конституций заявленной группы государств на предмет легализации основ воспитания личности.

Итак, в странах Азии, Латинской Америки и Дальнего Востока нет норм о воспитании в конституциях Аргентины, Бахрейна, Восточного Тимора, Доминиканы, Индонезии, Ливана, Канады, Коста-Рики, Малайской Федерации и Таиланда.

Что касается непосредственно воспитания личности, то выявлены единичные нормы, преимущественно в аспекте обязанности граждан и ответственности. Так, в ст. 229 Конституции Бразилии, ст. 76 Конституции Венесуэлы отражена обязанность родителей по воспитанию своих несовершеннолетних детей. Согласно ст. 77 Конституции Никарагуа «Воспитание детей является первейшей обязанностью родителей» [2]. В ст. 17 Конституции Монголии предписана обязанность каждого гражданина воспитать детей [5]. На основании ч. 2 ст. 31 Конституции Южной Кореи «все граждане, воспитывающие детей, несут ответственность по крайней мере за их начальное образование, а также за другое образование, предписанное законом» [9].

Хотя можем предположить, что воспитание детей является и правом родителей в рассматриваемой группе стран. Такой вывод можно сделать на основании п. 2 ст. 2 Конституции Филиппин, согласно которому государство осуществляет следующие меры «...без ущемления естественных прав родителей на воспитание собственных детей, начальное образование является обязательным для всех детей школьного возраста» [10].

Отметим, что только в Конституции Венесуэлы выявлена норма, закрепляющая право детей и подростков «жить, воспитываться и развиваться в лоне семьи их происхождения» (ст. 75) [1].

Более распространены нормы, сопоставляющие государство и воспитание личности. К примеру, согласно п. б ст. 17 Конституции Бангладеш «Государство принимает эффективные меры с целью... переориентации образования на удовлетворение потребностей общества и воспитание надлежащим образом подготовленных и мотивированных граждан, которые бы соответствовали данным потребностям» [6]. Как видим, согласно приведенной формулировке «государство принимает эффективные меры». Таким образом, можем расценивать приведенные меры в качестве гарантий со стороны государства.

В ст. 111 Конституции Венесуэлы установлено, что «государство рассматривает занятия спортом и отдых как политику воспитания и поддержания общественного здоровья и гарантирует выделение средств для их обеспечения» [1].

Уточним, что в конституциях Корейской Народно-Демократической Республики и Филиппин государство само позиционируется как субъект воспитания. В частности, государство:

- «воспитывает всех членов общества в духе традиций рабочего класса и превращает все общество в товарищески спаянный коллектив» (ст. 10) [3];
- «путем последовательного осуществления культурной революции воспитывает всех людей строителями социализма и коммунизма» (ст. 40) [3];
- «претворяя в жизнь принципы социалистической педагогики, воспитывает подрастающее поколение стойкими революционерами, борющимися во имя общества и народа, людьми нового, коммунистического склада, гармонически сочетающими в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство» (ст. 43) [3];
- «государство воспитывает детей дошкольного возраста в детских яслях и садах за счет государства и общества» (ст. 49) [3].

Согласно ст. 15 Конституции Филиппин – «государство ... воспитывает у людей сознательное отношение к своему здоровью» [10].

Далее представим конституционные нормы, легализующие в гарантирующем ключе полномочия различных органов власти в связи с воспитанием личности. Так, согласно ст. 12 Конституции Филиппин «Правительство оказывает поддержку родителям в осуществлении их естественных и основных прав и обязанностей, которыми являются воспитание готовой к исполнению своего гражданского долга молодежи и развитие ее моральных качеств» [10].

На основании ст. 78 Конституции Никарагуа «неимущим родителям предоставляется право обращаться к Государству за пособием на воспитание детей» [7].

В гарантирующем смысле сформулирована ч. II ст. 217 Конституции Бразилии, закрепляющая принцип «использования публичных средств для приоритетного стимулирования спорта в воспитательных целях» [2].

Различные виды воспитания выступают целью деятельности ряда органов публичной власти. Так, согласно ст. 274 Конституции Венесуэлы «Органы, осуществляющие гражданскую власть, обязаны в соответствии с Конституцией и законом ...налаживать просветительскую работу в качестве созидательного процесса воспитания чувства гражданского долга» [1]. Здесь же целесообразно указать ст. 278 Конституции Венесуэлы, согласно которой «Республиканский совет по вопросам морали поощряет ... воспитание любви к Родине» [1].

В ст. 3 Конституции Мексики говорится, что «Образование, предоставляемое Государством – Федерацией, штатами, муниципиями, – имеет целью развитие всех человеческих способностей и в то же время воспитание любви к родине и сознания международной солидарности в духе независимости и справедливости» [4].

Следуя п. 5 ст. 18 Конституции Филиппин Комиссия по правам человека ... «Разворачивает бессрчную программу по проведению исследовательской работы, образованию и информированию населения с целью воспитания уважения к правам человека» [10].

Различные уровни образования могут выступать предметов ведения определенных уровней власти. Так, дошкольное воспитание отнесено к компетенции муниципии в п. 5 ст. 178 Конституции Венесуэлы.

В качестве оригинальных можно определить ряд норм Конституции Филиппин, поскольку в них перечислены различные политические и социальные феномены, оказывающие воспитательное воздействие. В частности,

- программы всех образовательных учреждений «прививают патриотизм и национальное самосознание, воспитывают человеколюбие» (п. 2 ст. 3) [10];

- «государство признает ведущую роль образования, науки и технологий, искусства, культуры и спорта в воспитании патриотизма и национализма, ускорении социального прогресса, а также во всеобщем освобождении и развитии человечества» (ст. 17) [10];

- «государство способствует развитию физической культуры и содействует проведению спортивных программ, соревнований и развитию любительского спорта, ... которые воспитывают самодисциплину, умение работать в команде и оттачивают мастерство, что благоприятствует развитию здоровых и активных граждан» (ч. 1 ст. 19) [10].

Также в качестве оригинальной отметим норму ст. 102 Конституции Никарагуа о то, что «во всех учебных заведениях уделяется внимание нравственному воспитанию детей» [8].

В конституциях Никарагуа и Перу предназначением тюрем и уголовной судебной системы обозначено перевоспитание преступников (ст. 51 и п. 22 ст. 138 соответственно).

В заключении осуществленного исследования представим его ключевые выводы. Так, воспитание личности в конституциях рассматриваемых стран чаще всего формализуется как обязанность родителей, а не как их субъективное право. Это особенно характерно для Бразилии, Венесуэлы, Монголии и Никарагуа, где прямо закрепляется родительский долг по воспитанию несовершеннолетних.

Вместе с тем, в отдельных государствах (например, Филиппины) признаются естественные права родителей на воспитание детей.

Государство выступает активным субъектом воспитательной политики: оно не только гарантирует поддержку семьям (Бангладеш, Никарагуа, Филиппины), но и напрямую участвует в формировании гражданских, патриотических и нравственных качеств личности (КНДР, Мексика, Венесуэла).

В ряде конституций воспитание интегрировано в различные сферы публичной деятельности: от молодёжной и спортивной политики (Венесуэла, Филиппины) до деятельности специализированных органов, таких как Республиканский совет по вопросам морали (Венесуэла) или Комиссия по правам человека (Филиппины).

В конституциях Латинской Америки и Азии прослеживается широкое понимание воспитания – оно включает не только моральное и патриотическое формирование, но и физическое развитие, экологическое сознание, уважение к правам человека и даже борьбу с социальными пороками.

Наконец, в уголовно-исполнительной сфере (Никарагуа, Перу) воспитание трансформируется в цель перевоспитания, что подчеркивает репаративную функцию наказания.

Таким образом, несмотря на отсутствие системного закрепления воспитания в конституциях ряда стран, в тех государствах, где такие нормы присутствуют, они демонстрируют многоуровневый, институционализированный подход, в котором воспитание выступает как инструмент формирования социально ответственного, патриотически ориентированного и морально устойчивого гражданина.

Список используемых источников:

1. Конституция Боливарианской Республики Венесуэла от 30.12.1999 г. // <https://constitutions.ru/?p=9864&ysclid=m5il6k2k5b195536004> (дата обращения 12.11.2024 г.).
2. Конституция Бразилии от 05.10.1988 г. // <https://constitutions.ru/?p=8282&ysclid=m5il5lr851808509384> (дата обращения 12.11.2024 г.).
3. Конституция Корейской Народно-Демократической Республики от 08.09.1948 г. // <https://worldconstitutions.ru/?p=30&ysclid=m4puxd4k5k122177839> (дата обращения 01.12.2024 г.).
4. Конституция Мексики от 05.02.1917 г. // <https://constitutions.ru/?p=96&ysclid=m5ilbwmfq0367273038> (дата обращения 12.11.2024 г.).
5. Конституция Монголии от 13.01.1992 г. // <https://constitutions.ru/?p=59&ysclid=m4pv3e7b6y36390250> (дата обращения 01.12.2024 г.).
6. Конституция Народной Республики Бангладеш от 16.12.1972 г. // <https://constitutions.ru/?p=1183&ysclid=m4puqlb8sm279743455> (дата обращения 01.12.2024 г.).
7. Конституция Никарагуа от 09.01.1987 г. // <https://worldconstitutions.ru/?p=52&ysclid=m5ildbyb4v302252284> (дата обращения 12.11.2024 г.).
8. Конституция Перу от 29.12.2993 г. // <https://constitutions.ru/?p=8121&ysclid=m5ilemcnxc990360926> (дата обращения 12.11.2024 г.).
9. Конституция Республики Корея (Южная Корея) от 17.07.1948 г. // <https://constitutions.ru/?p=67&ysclid=m4puuho3zb778054858> (дата обращения 01.12.2024 г.).
10. Конституция Республики Филиппины от 12.10.1986 г. // <https://constitutions.ru/?p=2846&ysclid=m4pv4cyp8l13091274> (дата обращения 01.12.2024 г.).
11. Гриб В.В. Правовое развитие общественного контроля в сфере образования и науки // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 4. С. 3-8.
12. Петюкова О.Н. Форсайт университетского юридического образования и правовой потенциал воспитания молодежи // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 12. С. 154-161.
13. Радаева С.В., Агафонова Н.Ю. Актуальные проблемы реализации конституционного права на высшее образование // Образование и право. 2021. № 6. С. 54-58.

Болгова Анна Евгеньевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ВИД СУДЕБНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

***Аннотация.** Данная работа посвящена исследованию аудиовизуальных материалов как самостоятельного вида судебных доказательств. В работе анализируются их специфические свойства и классификация, а также рассматриваются актуальные проблемы, связанные с оценкой их допустимости, достоверности и относимости в рамках уголовного и гражданского процесса. Особое внимание уделяется вопросам процессуального оформления и экспертного исследования цифровых записей, который могут быть подвержены модификациям.*

***Ключевые слова:** аудиовизуальные материалы, судебные доказательства, допустимость доказательств, достоверность доказательств, видеозапись, аудиозапись, цифровые доказательства.*

В эпоху цифровых технологий аудиовизуальные материалы (АВМ) стали неотъемлемой частью повседневной жизни, что закономерно отразилось и на судебной практике. Повсеместное распространение систем видеонаблюдения, мобильных устройств с функцией записи, а также средств цифровой коммуникации привело к значительному увеличению доли таких материалов в качестве доказательств по уголовным и гражданским делам. Однако, отметим, что их повседневность и кажущаяся простота использования порождают целый комплекс процессуальных и технических проблем. В связи с этим, актуальной задачей современной юриспруденции является разработка четких критериев для их процессуального использования.

Согласно пункту 1 статьи 1263 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Аудиовизуальным произведением является произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств. Аудиовизуальные произведения включают кинематографические произведения, а также все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы и другие подобные произведения), независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации» [1]. Исходя из законодательного определения, можно выделить ключевые характеристики аудиовизуального материала, имеющее значение для его использования в судопроизводстве – это зафиксированная последовательность изображение и (или) звука, предназначенная для восприятия с помощью технических средств. Однако, отметим, что в контексте гражданского и уголовного процесса данного определения недостаточно, поскольку правовой режим аудиовизуальных материалов как судебных доказательств устанавливается, прежде всего, нормами процессуальных кодексов.

Отметим, что в отличие от гражданского законодательства, в процессуальных кодексах Российской Федерации отсутствует определение аудио– и видеозаписей, но в научной литературе под аудиозаписью принято понимать звуковую информацию, зафиксированную любым способом звукозаписи, а под видеозаписью – изобразительную и (или) звуковую информацию, зафиксированную любым способом видеозаписи [2]. При этом материальным носителем такой информации выступают объекты материального мира (флеш-накопители, жесткие диски, мобильные устройства и т.д.), с помощью которых данные доказательства фиксируются и предоставляются в суд. Ключевое процессуальное требование к представлению таких материалов в гражданском процессе закреплено в статье 77 ГПК РФ, где: «Лицо, представляющее аудио– и (или) видеозаписи на электронном или ином носителе либо ходатайствующее об их истребовании, обязано указать, когда, кем и в каких условиях осуществлялись записи» [3]. Несоблюдение этого правила, на практике является одним из основных оснований для признания доказательств недопустимыми, так, Верховный Суд РФ разъяснил, что суд обоснованно не принимает во внимание записи, если в материалах дела отсутствуют достоверные данные, позволяющие проверить их происхождение и условия создания [4].

Для использования в суде, аудиовизуальный материал должен в первую очередь отвечать критериям допустимости и достоверности (ст. 60 ГПК РФ и п.3 ст. 67 ГПК РФ) [3], где допустимость означает, что материал получен законным путем, без нарушения прав участников процесса, в том числе права на частную жизнь. Носитель информации подлежит осмотру и подробному описанию в протоколе следственного действия с обязательным указанием характеристик устройства записи, времени, места и условий создания файла [5]. В случае возникновения сомнений в подлинности записи или наличия признаков монтажа, назначается судебная экспертиза, которая впоследствии устанавливает, не подвергался ли материал редактированию. Таким образом, процессуальное закрепление и экспертиза выступают ключевыми гарантиями достоверности этого вида доказательств.

Не менее значимым критерием для использования аудиовизуальных материалов является их относимость (ст. 59 ГПК РФ), где относимость предполагает, что представленная запись содержит сведения о фактах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения конкретного дела. Суд обязан оценить, существует ли логическая связь между содержанием материала и обстоятельствами, подлежащими доказыванию, например, видеозапись, фиксирующая момент дорожно-транспортного происшествия, будет прямо относима к делу об установлении виновного, в то время как запись частного разговора, не связанного с предметом спора, не может быть признана относимым доказательством. Таким образом, даже при соблюдении всех требований допустимости, материал не будет иметь доказательственной силы, если он не направлен на установление значимых для дела обстоятельств.

Важным аспектом, на наш взгляд, является классификация аудиовизуальных материалов по источнику их происхождения. Как верно отмечают авторы научной работы, все материалы аудио– и видеозаписи по их происхождению можно подразделить на три основные группы [6]:

1. Полученные в ходе осуществления процессуальных действий;
2. Истребованные уполномоченными органами у юридических и физических лиц;
3. Представленные участниками процесса по собственной инициативе.

Данная классификация имеет непосредственное значение для оценки их допустимости, ведь материалы, созданные в ходе следственных действий (например, видеозапись обыска), изначально отвечают требованиям процессуальной формы, в то время как записи, представленные участниками процесса, требуют от суда тщательной проверки законности их получения, включая возможные нарушения прав на неприкосновенность частной жизни, что зачастую вызывает наибольшие сложности на практике. Так, например, судебная практика выработала четкий подход к оценке материалов, полученных скрытым способом, в частности, не могут быть признаны допустимыми доказательствами записи и фотографии, тайно сделанные в жилище человека или ином месте, гарантирующем приватность. Как указал Конституционный Суд РФ, подобные действия, связанные с фиксацией личных и интимных подробностей жизни гражданина без его ведома, представляют собой недопустимое

вмешательство в частную жизнь [7]. Однако, из этого правила существуют исключения, так например, Верховный Суд РФ разъяснил, что запись разговора, осуществленная одним из его участников, может быть принята судом, если беседа касалась исключительно предмета возникших правоотношений между сторонами, к примеру, в споре о признании долга общим была признана допустимой аудиозапись телефонного разговора, поскольку она фиксировала обстоятельства, непосредственно связанные с договорными отношениями сторон, и не затрагивала интимную или личную сферы [8]. Таким образом, решающее значение имеет не сам факт скрытой записи, а ее содержание и контекст, а именно обсуждение сугубо деловых аспектов взаимоотношений может легитимизировать использование такого доказательства.

Особую сложность в современной судебной практике представляет оценка относимости и достоверности аудиовизуального материала в условиях развития цифровых технологий. Актуальной проблемой, на наш взгляд, остается определение юридической силы материалов, полученных с использованием систем искусственного интеллекта, например, записей, обработанных нейросетями [9] для улучшения качества, или созданных с помощью технологий глубокого обучения (deepfake). Такие материалы требуют разработки специальных методов экспертного исследования, поскольку традиционные методики могут оказаться недостаточно эффективными для выявления признаков целенаправленной модификации контента.

Еще одним значимым аспектом, на наш взгляд, является вопрос использования материалов из закрытых источников (мессенджеры и социальные сети), доступ к которым ограничен настройками приватности. В таких случаях суды сталкиваются с необходимостью балансирования между интересами правосудия и защитой права на тайну связи, что требует тонкого процессуального регулирования, поскольку современная судебная практика демонстрирует тенденцию к признанию юридической силы за перепиской в мессенджерах при соблюдении определенных условий. Яркой иллюстрацией данного подхода является Постановление АС Поволжского округа от 9 февраля 2021 г. № Ф06-69728/20, где переписка в WhatsApp была признана допустимым доказательством наличия договорных отношений [10]. В рамках данного дела кассационная инстанция указала, что в условиях современного экономического оборота взаимодействие хозяйствующих субъектов посредством мессенджеров и иных технических средств мгновенной коммуникации является обычной практикой. Суд подчеркнул, что непринятие в качестве доказательства договорных отношений переписки в мессенджере без тщательного исследования обстоятельств дела (в том числе полномочий лиц, включенных в групповой чат, фактического использования проектов), нельзя признать обоснованным.

Аналогичный подход демонстрируют и другие судебные инстанции, так, в постановлениях Арбитражного Суда Дальневосточного округа от 22.09.2020 № Ф03-3648/20 [11] и Арбитражного Суда Центрального округа от 20.07.2020 № Ф10-1241/20 [12] переписка в мессенджерах также была признана допустимым доказательством исполнения договорных обязательств при условии, что она осуществлялась лицами, обладающими соответствующими полномочиями. Вместе с тем, некоторые суды исходят из того, что подобный способ взаимодействия сторон имеет юридическое значение лишь в том случае, если договором между ними предусмотрен обмен сообщениями через определенные номера мобильных телефонов [13]. Таким образом, судебная практика демонстрирует дифференцированный подход, ведь с одной стороны, признается возможность использования материалов из закрытых источников при соблюдении баланса интересов, а с другой – требуется тщательная проверка законности их получения и установления круга лиц, участвовавших в переписке.

Проведенное исследование позволяет нам сделать вывод о том, что аудиовизуальные материалы представляют собой сложный и многогранный вид судебных доказательств, значение которого в современном правосудии неуклонно возрастает. Несмотря на отсутствие единого законодательного определения, судебная практика выработала системный подход к использованию АВМ, основанный на комплексной оценке их относимости, допустимости и достоверности. Ключевыми гарантиями их процессуальной доброкачественности в гражданских делах выступают соблюдение требований ст. 77 ГПК РФ, а также проведение судебных экспертиз при возникновении обоснованных сомнений. Анализ классификации по источнику происхождения показал, что наиболее сложные вопросы допустимости возникают

в отношении материалов, представленных участниками процесса, что требует от суда тонкого балансирования между интересами правосудия и защитой прав на неприкосновенность частной жизни. Современные вызовы, связанные с развитием технологий искусственного интеллекта и использованием материалов из закрытых мессенджеров, указывают на необходимость дальнейшего совершенствования как методик экспертного исследования, так и процессуальных правил доказывания. Таким образом, несмотря на значительную проработку проблематики в теории и на практике, стремительная цифровизация общества продолжает порождать новые правовые вопросы, требующие современного осмысления и адекватного законодательного регулирования.

Список используемых источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвёртая от 18 декабря 2006 года №230-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 05.11.2025).
2. Гражданский процесс: Учебник (5-е издание, переработанное и дополненное) / Под ред. М.К. Треушников. М.: Статут, 2014. СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №46. – Ст. 4532; 2021. – №27 (часть I). – Ст. 5071.
4. Определение Верховного Суда РФ от 14.04.2015 № 33-КГ15-6 // СПС КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=426702#WTq1h1VOWW WB1Kou> (дата обращения: 05.11.2025).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп. От 01.09.2025) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.11.2025).
6. Талынева З. З., Давыдова С. Р. К вопросу о доказательственном значении материалов аудио– и видеозаписи в уголовном процессе // Вестник УЮИ. 2018. №4 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dokazatelstvennom-znachenii-materialov-audio-i-videozapisi-v-ugolovnom-protseesse> (дата обращения: 05.11.2025).
7. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 №1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133029/ (дата обращения 05.11.2025).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.12.2016 N 35-КГ16-18 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты российской федерации URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-06122016-n-35-kg16-18/> (дата обращения: 05.11.2025).
9. Как работает нейросеть в видеонаблюдении // Goal city URL: https://www.goal.ru/videonabludenie/what-is_neuralnetwork/ (дата обращения: 05.11.2025).
10. Постановление Арбитражного Суда Поволжского округа от 9 февраля 2021 г. № Ф06-69728/20 // СПС Гарант URL: <https://base.garant.ru/39331777/> (дата обращения: 05.11.2025).
11. Постановление Арбитражного Суда Дальневосточного округа от 22 сентября 2020 г. № Ф03-3648/20 // СПС Гарант URL: <https://base.garant.ru/37214802/> (дата обращения: 05.11.2025).
12. Постановление Арбитражного Суда Центрального округа от 20 июля 2020 г. № Ф10-1241/20 // СПС Гарант URL: <https://base.garant.ru/40244348/> (дата обращения: 05.11.2025).
13. Постановление Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 25.01.2021 № Ф07-15530/20 // СПС Гарант URL: <https://base.garant.ru/41349659/> (дата обращения: 05.11.2025).

Бондарева Александра Александровна,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шалайкин Руслан Николаевич,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМИНИРУЮЩИМ ПОЛОЖЕНИЕМ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ РЫНКЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются гражданско-правовые механизмы защиты от злоупотребления доминирующим положением на энергетическом рынке Российской Федерации. На основе анализа положений Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции», Гражданского кодекса Российской Федерации и процессуального законодательства исследуются правовые основания, формы и процессуальные особенности применения исков о возмещении убытков, возврате неосновательного обогащения и признании сделок недействительными. Особое внимание уделено обеспечительным мерам как средству пресечения противоправных действий доминирующих субъектов и сохранения возможности исполнения судебных решений. Показана взаимосвязь гражданско-правовой и антимонопольной защиты, а также специфика доказательственной базы и расчёта убытков в сфере энергетики.*

***Ключевые слова:** злоупотребление доминирующим положением, энергетический рынок, гражданско-правовая защита, неосновательное обогащение, антимонопольное право, обеспечительные меры, гражданский иск.*

Гражданско-правовая защита от злоупотреблений субъектами, занимающими доминирующее положение на энергетическом рынке, является значимым компонентом правовой инфраструктуры экономики. Отрасль энергетики характеризуется устойчивым уровнем концентрации рыночных сил, включая наличие признаков естественных монополий в ряде сегментов. Эти обстоятельства создают потенциальные условия для злоупотреблений доминирующими участниками рынка, которые могут повлечь ограничения конкурентоспособности, ущемление законных интересов партнеров и конечных пользователей услуг, а также негативно повлиять на стабильность взаимосвязанных секторов экономики. Российское законодательство предусматривает комплекс мер гражданской ответственности, позволяющих пострадавшим лицам эффективно защищать свои права, компенсировать понесенные убытки и предотвращать дальнейшее нарушение правовых норм.

Основным нормативным источником, регулирующим отношения, связанные с недопустимостью злоупотребления доминирующим положением, является Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции». В соответствии с данным законом, злоупотреблением доминирующим положением признаются действия хозяйствующего субъекта, которые приводят или могут привести к ограничению конкуренции, ущемлению интересов других участников рынка либо потребителей. Закон не запрещает само доминирующее положение, но устанавливает запрет на его использование во вред добросовестной конкуренции. К числу таких злоупотреблений относятся установление

монопольно высоких или низких цен, навязывание контрагентам невыгодных условий, экономически или технологически необоснованные отказы от заключения договоров, создание препятствий доступу на рынок.

Вместе с антимонопольными мерами воздействия, находящимися в компетенции Федеральной антимонопольной службы, гражданское законодательство предоставляет участникам оборота возможность защищать свои права в судебном порядке. Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет универсальные механизмы защиты, применимые ко всем видам имущественных отношений, включая случаи злоупотребления рыночной властью. Так, в силу статьи 15 ГК РФ лицо, чьё право нарушено, имеет право на полное возмещение причинённых убытков, включающих как реальный ущерб, так и упущенную выгоду. Статья 1064 ГК РФ устанавливает общие основания деликтной ответственности – обязанность возместить вред, причинённый личности или имуществу другого лица. Если нарушение произошло в рамках договорных отношений, применяются положения статьи 393 ГК РФ, предусматривающей ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства [1].

Особое значение для энергетического рынка имеет институт неосновательного обогащения, закреплённый в статьях 1102-1109 ГК РФ [1]. Этот механизм позволяет требовать возврата имущества или денежных средств, полученных без законных оснований. Например, если доминирующий субъект получил сверхдоход за счёт навязывания завышенных тарифов или дискриминационных условий поставки, пострадавший может обратиться в суд с требованием вернуть незаконно полученные суммы. В отличие от иска о возмещении убытков, который требует доказательства размера ущерба и причинной связи, иск о неосновательном обогащении базируется на факте неправомерного приобретения выгоды и потому нередко оказывается процессуально более удобным.

На энергетическом рынке злоупотребление доминированием чаще всего проявляется в ограничении доступа к инфраструктуре, дискриминации по ценам, навязывании дополнительных обязательств при заключении договоров и экономически необоснованных отказах от поставки энергии. Субъекты в таком случае имеют право предъявить требования о возврате неосновательного обогащения, о возмещении убытков, признании сделок недействительными или об обязании совершить определенные действия, направленные на восстановление нарушенного права. Ускоренными и предварительными средствами защиты является применение обеспечительных мер, таких как наложение ареста на имущество, введение запрета на осуществление определенных действий либо временное прекращение действий, способных создать препятствия для исполнения решений суда.

Стоит отметить, что важное значение в использовании гражданско-правовых способах защиты имеют доказательства. Истец должен подтвердить противоправность действий ответчика, наличие убытков и причинно-следственную связь между ними. При этом результаты антимонопольных расследований ФАС России часто используются как доказательство в гражданских делах. Как отмечают Москвитин О.А. и Березгов А.С., «отсутствие в материалах дела аналитического отчёта, а равно непроведение анализа состояния конкуренции... является нарушением единообразия практики применения антимонопольного законодательства» [3].

Важным процессуальным аспектом является корректное формулирование претензии и указание конкретных оснований квалификации действий по ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции. Как подчёркивает ФАС России в своих методических обзорах, «действия хозяйствующего субъекта не могут быть квалифицированы по части 1 статьи 10 без указания конкретного пункта» [4]. Это имеет непосредственное значение и для построения доказательной стратегии в гражданском процессе.

Кроме того, при анализе рисков следует учитывать влияние цифровизации. По мнению Ефимцевой Т. В. и Баймукановой В. С., «цифровизация экономики кроме благ несет в себе и риски, связанные с монополизацией товарных рынков» [2]. Эти выводы справедливы и для энергетической инфраструктуры, где всё активнее внедряются цифровые платформы управления и распределения энергии.

Таким образом, гражданско-правовые инструменты защиты от злоупотреблений доминирующим положением в сфере энергетики образуют динамичный и многоступенчатый механизм, способствующий не только привлечению виновных лиц к ответственности, но и восстановлению равновесия интересов участников рынка. Их эффективность во многом зависит от грамотной правовой стратегии: сочетания гражданских исков с обращением в антимонопольные органы, точного выбора предмета иска, тщательной подготовки доказательств и использования процессуальных инструментов обеспечения. Современное российское законодательство – Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции», Гражданский кодекс, Арбитражный процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы – формируют комплексную систему правовой защиты, способную эффективно противодействовать злоупотреблениям экономически сильных участников и обеспечивать справедливое распределение рисков и выгод на стратегически важном энергетическом рынке.

Список используемых источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Российская газета от 10.2.1996 г.
2. Ефимцева Т. В., Баймуканова В. С. К вопросу о запрете на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением с использованием сетевых эффектов в рамках «пятого антимонопольного пакета» // Конкурентное право. 2023. № 4. URL: <https://lawinfo.ru/articles/4550/k-voprosu-o-zaprete-na-zloupotreblenie-hozyaistvuyushhim-subektom-dominiruyushhim-polozeniem-s-ispolzovaniem-setevyx-effektov-v-ramkax-pyatogo-antimonopolnogo-paketa> (дата обращения: 05.11.2025).
3. Москвитин О. А., Березгов А. С. Актуальные позиции коллегияльных органов ФАС России по вопросам применения антимонопольного законодательства при рассмотрении дел о злоупотреблении доминирующим положением (на примере дел, рассмотренных в IV квартале 2022 г.) // Российское конкурентное право и экономика. 2023. № 2 (34). С. 45-56.
4. Федеральная антимонопольная служба РФ. Обзор практики применения антимонопольного законодательства коллегияльными органами ФАС России. М., 2023. URL: https://competitionsupport.com/wp-content/uploads/2019/06/Обзор_практики_применения.pdf (дата обращения: 05.11.2025).

Борисова Валерия Евгеньевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА

***Аннотация.** В данной статье комплексно анализируются актуальные и наиболее важные проблемы правоприменительной практики в сфере возмещения экологического вреда в Российской Федерации. Так, в настоящей статье, рассматриваются ключевые трудности, которые находят свою связь с доказыванием размера причинённого ущерба и причинно-следственной связи, использование устаревших и несовершенных методик исчисления вреда, которые в свою очередь приводят к занижению сумм взыскания, а также низкой эффективности механизмов принудительного взыскания. Особое внимание уделяется регулярным противоречиям судебной практики и должной реализации положений законодательных актов в условиях его реформирования. На основе тщательно проведённого исследования предлагаются конкретные меры по совершенствованию правового регулирования и правоприменительной практики для обеспечения полной и справедливой компенсации ущерба, который был причинён окружающей среде.*

***Ключевые слова:** возмещение экологического вреда, правоприменительная практика, экологический ущерб, причинение вреда окружающей среде, судебные споры, методики исчисления вреда, экологическая ответственность, восстановление природной среды.*

В настоящий момент практическая важность темы экологического вреда в условиях современности не подлежит сомнению. Несмотря на провозглашение права на благоприятную окружающую среду одним из фундаментальных прав человека в статье 42 Конституции РФ, его реализация на практике остается ограниченной [1]. Анализ официальной статистики и судебной практики позволяет заключить, что в действующей правовой системе данная норма сохраняет в значительной степени декларативный характер. При этом Конституционный Суд РФ, указывает, что экологический вред «включает экологический вред окружающей среде; вред, причиняемый здоровью человека (социальный вред); вред имуществу, находящемуся в частной или публичной собственности (экономический вред)» [2].

Самый главный парадокс, который находит своё отражение в современном российском экологическом праве заключается в том, что при наличии богатой законодательной базы, которая ставит на первое место принцип «загрязнитель должен заплатить», правоприменительная практика в ряде случаев использует механизм возмещения неэффективно. Ярким примером данной установки служит разлив мазута в керченском проливе, по-настоящему экологическая катастрофа, которая произошла в декабре 2024 года. Причиной данной катастрофы стал авария, которая произошла сразу на двух корпусах российских нефтяных танкеров («Волгонефть-212» и «Волгонефть-239»). В момент, когда танкеры, перевозившие мазут, проходили Керченский пролив, случился шторм, в результате которого и случился разлом, и «часть» мазута попала в акваторию Чёрного моря. Несмотря на то, что факт загрязнения очевиден и неопровержим, сам процесс

правовой квалификации и исчисления суммы ущерба вызвал ряд коллизий. Дело в том, что изначально была дана неправильная оценка утечке: 3-4 тысяч тонн из перевозимых 9 тысяч тонн, но позже пришло сообщение о том, что из воды удалось извлечь только 1,5 тысячи тонн мазута, при этом 5 тысяч тонн всё ещё остаются под водой. Если следовать методике Минприроды, то сумма должна составить 33,4 млрд рублей в отношении только водных объектов, однако позже расчёты были снижены до 26,9 млрд рублей [3]. В соответствии с решением по иску Черноморо-Азовского морского управления Росприроднадзора к ЗАО «ВОЛГАТРАНСНЕФТЬ» о возмещении вреда, причиненного водному объекту (акватории Черного моря) в результате разлива мазута и затопления судна «Волгонефть-239» в Керченском проливе. В результате исковые требования удовлетворены в полном объеме, а с ответчика взыскано 35 483 862 830 рублей [4].

Похожая ситуация уже происходила. Тогда, в ноябре 2007 года в акватории Керченского пролива из-за сильного шторма произошел инцидент с танкером «Волгонефть-139», который перевозил мазут и в результате штормовых нагрузок получил серьезные повреждения. В окружающую среду попало порядка 2000 тонн нефтепродуктов, что привело к массовой гибели птиц, оцениваемой в 35 тысяч особей. Финансовые обязательства по ликвидации аварии были распределены между Российской Федерацией и Украиной. Изначально Южная транспортная прокуратура оценила экологический ущерб в 30 миллиардов рублей, однако в ходе судебных разбирательств эта сумма существенно уменьшилась. В июне 2012 года Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области вынес окончательный вердикт, обязав судовладельца – компанию «Волготанкер» – выплатить 438 миллионов рублей. При этом суд разрешил владельцу судна ограничить свою ответственность суммой в 116 миллионов рублей. Оставшуюся часть компенсации, около 322 миллионов рублей, покрыл Международный фонд компенсации за разливы нефти (IOPC Funds). Согласно данным фонда, изначально заявленные требования по компенсации составляли 8,3 миллиарда рублей, однако организации, занимавшиеся ликвидацией последствий, не смогли документально подтвердить расходы в таком объеме. Отдельно рассматривался иск Росприроднадзора, который требовал возместить ущерб, нанесенный водным ресурсам, на сумму 6 миллиардов рублей. Однако в этом судебном процессе ведомство не добилось успеха, и его иск остался без удовлетворения [5].

Эксперт Владимир Чупров обращает внимание на то, что выделенные компенсации за ликвидацию аварии несопоставимы с реальными затратами, требующимися для масштабных и долговременных работ по восстановлению морской экологии и береговой линии. Он указывает на явное несоответствие сложившейся практики принципу полного возмещения экологического ущерба, который закреплен в статье 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды» [6]. Для исправления этой ситуации, по мнению специалиста, необходимы системные изменения. Одним из решений могло бы стать формирование объединения крупных морских перевозчиков, которое взяло бы на себя солидарную финансовую ответственность в случае аварий небольших компаний. Другим вариантом является создание государственного страхового фонда, формируемого за счет взносов предприятий, занятых в сфере добычи, хранения и транспортировки нефти на российской акватории. Подобный механизм гарантировал бы наличие средств для оперативного реагирования на чрезвычайные происшествия с разливами углеводородов и помогал бы не допускать масштабного загрязнения природы.

Данный прецедент обнажил фундаментальную проблему: несовершенство и чрезмерная «таксовость» методик исчисления вреда, которые не отражают реальной стоимости восстановления нарушенной экосистемы. Такой таксовый подход, будучи удобным для применения, зачастую носит условный и абстрактный характер, не учитывая уникальность и комплексный характер ущерба каждой конкретной территории». В случае с Керчью это проявилось в полной мере: расчет велся по формальным критериям (объем разлива, площадь загрязнения), но не включал в полной мере оценку долгосрочных последствий для хрупкой экосистемы – нарушения путей миграции животных, воздействия на здоровье населения, ущерба биологическому разнообразию, нарушение рекреационной системы. Как справедливо

отмечает исследователь А.О. Иншакова, такой подход противоречит закреплённому в ст. 77 Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» принципу приоритета восстановительной стоимости, так как упрощённые таксы ее не покрывают [7].

Другой краеугольный камень правоприменительной практики – проблема установления причинно-следственной связи – наглядно проявилась в деле о хроническом загрязнении реки Днепр промышленными стоками предприятий в Смоленской области. Истцу – региональному управлению Росприроднадзора – необходимо было доказать, что именно сбросы конкретного завода являются источником превышения ПДК по ряду загрязняющих веществ. Однако, как констатировал в своем решении Арбитражный суд, на состояние реки оказывали влияние множественные факторы: диффузный сток с сельхозугодий, несанкционированные сбросы с близлежащих населенных пунктов, а также накопленный исторический ущерб. В силу действия ст. 79 Закона «Об охране окружающей среды», которая устанавливает презумпцию вины причинителя вреда, бремя доказывания отсутствия своей вины лежало на ответчике. Но в условиях множественности потенциальных источников загрязнения истцу было крайне сложно предоставить неопровержимые доказательства, что привело к отказу во взыскании ущерба.

Эта ситуация является прямым отражением научной дискуссии о распределении бремени доказывания в экологических спорах. Как отмечают Н.Г. Жаворонкова и Г.В. Выпханова, «гражданское право не содержит наиболее точных механизмов оценки экологического вреда, поскольку не учитывает его специфические особенности: невозможность восстановления экосистем, нарушение внутрисистемных связей, трансграничный характер последствий и их латентность» [8]. В условиях современного производства, использующего сложные технологии, именно хозяйствующий субъект, а не контролирующий орган или частное лицо, обладает всей полнотой информации о характере своих выбросов и их потенциальном воздействии. Следовательно, в случаях со сложными, кумулятивными загрязнениями суды должны активнее использовать презумпцию, заложенную в законе, и требовать от предприятия не просто отрицать свою вину, а предоставить исчерпывающие и технически обоснованные доказательства непричастности, включая данные собственного производственного экологического контроля, что зачастую не выполняется [9].

Таким образом, анализ двух резонансных примеров – Керчь и загрязнения Днепра – в свете позиций ведущих ученых-экологов демонстрирует, что системные проблемы правоприменения носят не технический, а концептуальный характер. Они укоренены в противоречии между объективной сложностью экологических систем, требующих комплексного и затратного подхода к восстановлению, и упрощёнными, зачастую архаичными правовыми механизмами, предназначенными для его обеспечения. Преодоление этого разрыва требует не точечных изменений, а глубокого пересмотра как методической базы, так и процессуальных подходов к доказыванию, что и составляет основную задачу дальнейшего реформирования института возмещения экологического вреда.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье-нефть»» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3547.

3. Ущерб от разлива мазута в Черном море оценили в 84,9 млрд рублей // Forbes.ru : [сайт]. – URL: <https://www.forbes.ru/sustainability/534330-userb-ot-razliva-mazuta-v-cernom-more-ocenili-v-84-9-mlrd-rublej> (дата обращения: 29.10.2025)
4. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 14 августа 2025 г. по делу № А32-31618/2025 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d58137a0-4838-4a65-9743-9c3b843fa0cf/52d627ed-0795-4ca5-958b-20f408d51127/A32-31618-2025_20250814_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 29.10.2025).
5. Анисимов А.П., Устюкова В.В., Чикильдина А.Ю. Эколого-правовая ответственность за причинение вреда окружающей среде: проблемы обоснования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12, № 4. С. 133–161.
6. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
7. Гаджиев Н.Г. и др. Теоретические аспекты эффективности применения оценки экономического ущерба в сфере экологического аудита: проблемы и пути решения // Юг России: экология, развитие. – 2020. – №. 4 (57). – С. 137-144.
8. Жаворонкова Н.Г., Выпханова Г.В. Теоретико-правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Lex russica. 2018. № 3 (136). С. 52–57.
9. Шубин Ю.П. Принцип возмещения экологического вреда как основополагающий принцип охраны окружающей среды // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 14–1. С. 301–304.

Борченко Полина Александровна
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Боев Дмитрий Вячеславович,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

***Аннотация.** Статья представляет собой исследование актуальных проблем прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму. В статье анализируется система правового регулирования данного направления прокурорского надзора, выявляются недостатки в нормативно-правовых и подзаконных актах. По результатам проведенного анализа делается вывод о необходимости совершенствования механизмов прокурорского надзора путем упразднения существующих бюрократических процедур и создания специализированных инструментов взаимодействия органов прокуратуры с образовательными и досуговыми учреждениями и организациями для несовершеннолетних.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, прокуратура, противодействие экстремизму, противодействие терроризму, исполнение законодательства.*

Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму является динамичным механизмом, который реализуется на практике с целью решения приоритетных государственных задач в области противодействия данным негативным социальным явлениям. Проблемы, которыми характеризуется такой надзор, могут существенно сказываться на его эффективности, что свидетельствует о необходимости их своевременного устранения, особенно, в условиях постоянно возрастающей угрозы терроризма.

Рассматриваемая разновидность прокурорской деятельности предполагает сочетание превентивных и репрессивных мер, интегрированных в общую систему обеспечения национальной безопасности. Предмет надзора находит свое непосредственное определение в статье 21 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и предполагает контроль не только за должностными лицами, но и субъектами коммерческой деятельности [6]. Последний аспект имеет высокое значение, так как данные субъекты могут быть задействованы в террористической или экстремистской деятельности, например, посредством финансирования каких-либо организаций, созданных с целью совершения соответствующих преступлений [1, с. 281].

Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [8] в статье 5 определяет обязанность государственных и муниципальных органов, выраженную в необходимости регулярного проведения профилактических мероприятий, направленных на предупреждение деяний экстремистской направленности. Помимо этого, в статье 4 этого же документа за органами исполнительной власти всех уровней закрепляется обязанность по осуществлению деятельности, направленной на противодействие экстремизму. Аналогичное положение, но в контексте

борьбы с терроризмом, можно обнаружить в тексте статей 5 и 5.1 Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [7]. Перечисленные обязанности возлагаются и на органы прокуратуры, действующие в пределах своей компетенции.

Полномочия прокуроров в сфере рассматриваемой формы надзора детализированы в Приказе Генпрокуратуры России от 21 марта 2018 года № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» [5] и Приказе Генпрокуратуры России от 17 мая 2018 г. № 295 (ред. от 24.03.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму» [4].

Анализируя положения представленных выше нормативно-правовых и подзаконных актов, можно сделать вывод, что под объектами прокурорского надзора в сфере исполнения законодательства о противодействии экстремизму и терроризму следует понимать совокупность общественных отношений и отдельные сферы деятельности, которые регулируются антиэкстремистским и антитеррористическим законодательством Российской Федерации и подлежат проверке в соответствии с нормами российского права. В частности, к объектам может быть отнесена деятельность средств массовой информации, которая может сопровождаться распространением экстремистских материалов, разжигающих ненависть или вражду по отношению к отдельным группам физических лиц [9, с. 59].

Механизм прокурорского надзора предлагаем рассмотреть на примере реагирования на сообщение о распространении экстремистских материалов на отдельных ресурсах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Опираясь на нормы Приказа Генпрокуратуры России от 21 марта 2018 года № 156, можно сделать вывод, что в качестве одного из оснований для инициации проверки выступает поступление обращения граждан в орган прокуратуры, содержащее информацию о нарушении действующего законодательства. Такое обращение в обязательном порядке передается в прокуратуру субъекта Российской Федерации, на которую возлагается обязательство по проведению всесторонней проверки, в некоторых случаях, требующей использования специальных знаний посредством производства судебной экспертизы соответствующих материалов. В ситуации, если устанавливается факт нарушения законодательства о противодействии экстремизму, собранные материалы передаются в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, на уровне которой подготавливается требование об ограничении доступа к определенному ресурсу. Срок подготовки такого требования не может превышать тридцати суток с момента поступления материалов. После этого, требование может быть направлено в Роскомнадзор, который наделен полномочиями по ограничению доступа к интернет-ресурсам во внесудебном порядке [2, с. 151].

Следует согласиться с Р.Р. Гумеровой и О.А. Чиненковой в том, что действующий порядок является достаточно «громоздким» и требует прохождения через значительное количество бюрократических процедур, существенно сказывающихся на оперативности прокурорского реагирования [3, с. 73].

Действительно, актуальная процедура представляется достаточно объемной и может на практике негативно сказаться на решении тех задач, которые поставлены перед деятельностью в сфере надзора за соблюдением законодательства о противодействии экстремизму. В то же время, следует учитывать, что рассматриваемая форма надзора в обязательном порядке должна предполагать обеспечение баланса между оперативностью и объективностью, т.е. решение сложившейся ситуации не должно негативно сказаться на всесторонности анализа материалов, свидетельствующих о том или ином нарушении.

Аналогичный аспект касается и надзора в сфере противодействия терроризму. В этой связи, наиболее рациональным представляется исключение одного звена из исследуемого механизма – Генеральной прокуратуры Российской Федерации. На наш взгляд, целесообразно на уровне органов прокуратуры субъектов Российской Федерации создавать специальные подразделения, в состав которых должны входить компетентные прокуроры, обладающие полномочиями по направлению требований в Роскомнадзор напрямую при условии, если будут выявлены какие-либо материалы экстремистской или террористической направленности. Такой

подход сократит сроки проверки материалов без утраты объективности, так как Генпрокуратура России, на текущий момент времени, фактически не осуществляет проверочных действий в отношении таких материалов, а лишь подготавливает требование.

Следующая проблема свидетельствует о наличии пробелов в прокурорском надзоре за профилактикой экстремизма и терроризма в молодежной среде. На текущий момент времени отсутствуют специальные нормы, регламентирующие координацию деятельности органов прокуратуры, образовательных и досуговых учреждений для несовершеннолетних, что качественно сказывается на эффективности надзора [11, с. 93].

Несовершеннолетние лица являются наиболее склонными к радикализации субъектами, особенно в современных условиях, когда активно развиваются цифровые технологии, а информация, в том числе и негативного содержания, становится все более доступной. Данная проблема обладает системным характером, так как отсутствие норм о регулярных аудитах соответствующих организаций и учреждений приводит к игнорированию ранних признаков, свидетельствующих о вовлечении подростков в экстремистскую или террористическую деятельность [10, с. 645].

Таким образом, можно констатировать, что механизм прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму требует своего совершенствования. Произведенный анализ наглядно демонстрирует, что на текущий момент времени такой надзор обременен чрезмерными бюрократическими барьерами, которые снижают реактивность прокурорского реагирования и, как следствие, негативно сказываются на оперативности профилактических мер, а также мер по пресечению незаконной деятельности. В этой связи, целесообразным решением может выступить создание на уровне органов прокуратуры Российской Федерации специальных подразделений, включающих в свой состав прокуроров, уполномоченных на проведение самостоятельных проверок и направление прямых требований в Роскомнадзор для блокировки материалов экстремистской и террористической направленности. Аналогичным образом должны быть упразднены и барьеры при взаимодействии с иными органами исполнительной власти, например, с Центральным Банком Российской Федерации или Росфинмониторингом, что может позволить повысить эффективность превентивных мер, направленных на предупреждение финансирования экстремистских и террористических организаций. Помимо этого, следует разработать специальные механизмы координации и взаимодействия органов прокуратуры с досуговыми и образовательными учреждениями и организациями для несовершеннолетних граждан, включающие в себя проведение регулярных аудитов с целью выявления факторов риска, свидетельствующих о вовлечении подростков в незаконную деятельность.

Список используемых источников:

1. Абдулгазиев, Р.З., Аршинов, А.С., Прокопенко, И.Ю. Состояние надзора за исполнением законов о противодействии экстремизму и терроризму / Р.З. Абдулгазиев, А.С. Аршинов, И.Ю. Прокопенко // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2025. – С. 280-282.
2. Абинов, И.О. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии терроризму / И.О. Абинов // Молодой ученый. – 2022. – № 28 (423). – С. 150-152.
3. Гумерова, Р.Р., Чиненкова, О.А. Прокурорский надзор в сфере противодействия распространению терроризма и экстремизма в сети Интернет / Р.Р. Гумерова, О.А. Чиненкова // Аллея науки. – 2022. – Т. 2. – № 6 (69). С. 71-74.
4. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму: Приказ Генпрокуратуры России от 17 мая 2018 г. № 295 (ред. от 24.03.2023) // Законность. – № 7. – 2018.
5. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности: Приказ Генпрокуратуры России от 21 марта 2018 г. № 156 (ред. от 24.03.2023) // Законность. – № 6. – 2018.

6. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-І (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
7. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
8. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
9. Чукреев, В.А. К вопросу о проблемах прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму / В.А. Чукреев // Бизнес, менеджмент и право. – 2020. – № 1 (45). – С. 58-62.
10. Хохлов, А.А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму / А.А. Хохлов // Молодой ученый. – 2024. – № 51 (550). – С. 644-646.
11. Юденков, А.В. Прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму и терроризму / А.В. Юденков // Социальное управление. Электронное приложение к научно-практическому журналу «Правопорядок: история, теория, практика». – 2020. – Т. 2. – № 1-2. – С. 89-95.

Борщевская Анна Владимировна
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Федорященко Алексей Сергеевич
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДОГОВОРНОЙ РАБОТЫ: НОВЫЕ РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОТДЕЛА КОМПАНИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые тенденции цифровизации договорной работы компаний и ее влияние на деятельность юридических подразделений. Проанализированы преимущества внедрения автоматизированных систем и онлайн-механизмов заключения договоров, включая модели «click-wrap» и «browse-wrap». Особое внимание уделено рискам, связанным с использованием смарт-контрактов на базе блокчейна, включая невозможность изменения условий и цепочный характер юридических последствий. По итогам исследования предложены подходы к минимизации данных рисков, основанные на сочетании технических решений и правовых механизмов контроля и адаптации договоров.*

***Ключевые слова:** цифровизация договоров, смарт-контракты, блокчейн, электронные сделки, юридический отдел, автоматизация документооборота.*

Современные компании все активнее переходят к цифровым инструментам в сфере договорной работы, что, на наш взгляд, обусловлено стремлением повысить скорость и прозрачность внутренних процессов. Такой переход не выглядит однозначным: с одной стороны, цифровизация облегчает хранение и анализ договорных данных, снижает риск человеческой ошибки, а также создает новые форматы взаимодействия между подразделениями. С другой, по нашему мнению, появляются и дополнительные вызовы, связанные с кибербезопасностью, корректностью электронного документооборота, а также необходимостью адаптации правовых подходов к изменяющейся среде. Мы полагаем, что многие юридические отделы компаний сталкиваются с ситуацией, когда привычные методы работы уже недостаточны, но комплексных решений и устоявшихся практик пока не существует. В итоге возникает необходимость не только использовать новые цифровые инструменты, но и критически переосмысливать их влияние на правовую природу договорных отношений и ответственность сторон. Именно поэтому исследование преимуществ и рисков цифровизации договорной работы представляется своевременным и практически значимым для корпоративной юридической практики.

Как отмечает О.В. Лазарева, «для оптимизации управленческой деятельности в крупных компаниях договорная работа постепенно автоматизируется» [1, с. 28]. Этому способствуют такие информационные системы, как «1С: Договоры», Directum RX, SAP ERP, «ТЕЗИС». Как отмечает А.А. Рыкова, проведя сравнительный анализ информационных систем для введения договорной работы, «не все системы имеют функцию сохранять все версии договора, а также отправлять согласованный договорной документ на специализированные площадки для электронного подписания. Наложить на согласованный договор штрих-код, тем самым его запарафировать, позволяет только программное обеспечение SAP ERP» [2, с. 56]. Следовательно, при выборе информационной системы необходимо учесть функции, которые она может выполнить.

Также согласимся с И.А. Уваровым и Д.О. Грядуновым, которые утверждают, что «современные предприниматели, ориентируясь на неограниченное число контрагентов и потребителей, не могут заключать традиционные бумажные сделки с каждым отдельным лицом. Вместо этого они применяют интернет-конструкции договоров, такие как «click-wrap» и «browse-wrap», с целью оптимизации своих бизнес-процессов» [3].

Указанная позиция представляется весьма логичной, поскольку в условиях цифровой экономики компании действительно действуют в пространстве, где число потенциальных контрагентов практически не имеет границ. Традиционный бумажный формат договоров, предполагающий последовательное согласование условий, обмен подписанными экземплярами и физическое хранение документов, объективно оказывается слишком медленным и затратным. Поэтому, как нам кажется, использование «click-wrap»– и «browse-wrap»-механизмов становится естественным ответом бизнеса на необходимость быстрого и массового формализования правоотношений. Такие форматы позволяют заключать договоры фактически мгновенно, обеспечивая юридическую фиксацию воли сторон без участия юристов на каждом этапе и при этом сохраняя достаточную юридическую определенность.

Вместе с тем, по нашему мнению, подобная трансформация договорной практики несет в себе и специфические риски, которые нельзя игнорировать. Упрощение заключения сделок может повлечь снижение уровня осознанности пользователей в отношении принимаемых обязательств, а также возникновение спорных ситуаций, связанных с доказательством факта согласия с условиями. Кроме того, автоматизированный характер таких соглашений требует строгого соблюдения технических и юридических стандартов, чтобы сохранить баланс между оперативностью и правовой защитой. Таким образом, подход, обозначенный И.А. Уваровым и Д.О. Грядуновым, отражает объективную тенденцию к оптимизации бизнес-процессов, но одновременно подчеркивает необходимость развития правового регулирования и практик толкования электронных договорных конструкций.

Одновременно с этим, нельзя не обойти стороной вопрос рисков цифровизации договорной работы. По задумке, цифровые сделки должны заключаться в формате так называемых смарт-контрактов. В их основе лежат блокчейн-технологии. Первая проблема – в рамках блокчейна невозможно внести изменения в уже заключенный договор, даже если у его сторон появилась такая необходимость. Второй негативный аспект – риски нарушения прав участников целой цепочки договоров и оспаривания сразу всех связанных между собой сделок, если у первичного договора в цепочке выявлен порок.

На наш взгляд, описанные риски действительно отражают один из ключевых парадоксов внедрения блокчейна в договорную сферу: стремление к абсолютной неизменности записей, с одной стороны, обеспечивает высокую степень доверия к данным, но одновременно лишает стороны гибкости при необходимости корректировки условий сделки. В практическом плане это может быть особенно проблематичным для долгосрочных или сложных договоров, где обстоятельства объективно могут меняться. По нашему мнению, минимизировать этот риск можно за счет комбинированных моделей: например, предусматривать в смарт-контракте специальные механизмы внесения изменений через дополнительное соглашение, подтвержденное цифровыми подписями сторон, или использовать гибридную архитектуру, где критическая часть условий фиксируется в блокчейне, а изменяемые параметры хранятся во внешних реестрах. Такой подход, как кажется, позволит сохранить устойчивость цифровой фиксации сделки при одновременном обеспечении разумной адаптивности.

Что касается риска цепочного нарушения прав участников нескольких взаимосвязанных сделок, то он вытекает из природы распределенных реестров, где ошибка или дефект в изначальном договоре действительно способен «развернуть» негативные последствия на всю систему. Мы полагаем, что для юридических отделов компаний важно заранее выстраивать систему проверки исходных данных и юридической корректности первичных договоров до их включения в блокчейн. Это может выражаться как в более тщательной юридической экспертизе, так и в использовании внутренних регламентов,

предусматривающих обязательную верификацию контрагентов и условий сделки. Кроме того, целесообразно закреплять в смарт-контрактах специальные оговорки о последствиях признания договора недействительным и механизмы распределения рисков между участниками. В совокупности такие меры способны, по нашему мнению, снизить вероятность масштабных юридических последствий и обеспечить более устойчивое функционирование цифровой договорной инфраструктуры.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

Во-первых, цифровизация договорной работы, по нашему мнению, действительно открывает для юридических отделов значительные перспективы ускорения и оптимизации процессов, позволяя автоматизировать подготовку, согласование и хранение документов. Вместе с тем она требует от юристов пересмотра привычных подходов, более глубокого понимания цифровых инструментов и выработки новых регламентов, обеспечивающих надежность и правовую защищенность электронных сделок.

Во-вторых, анализ показывает, что наряду с очевидными преимуществами цифровые форматы договоров и технологии смарт-контрактов несут в себе и серьезные риски, связанные с неизменяемостью договорных условий и цепочным характером последствий ошибок. На наш взгляд, их минимизация возможна при условии комплексного внедрения механизмов юридической экспертизы, гибридных моделей фиксации условий и продуманного распределения рисков между участниками сделок, что позволит совместить технологическую эффективность с правовой устойчивостью.

Список используемых источников:

1. Лазарева О.В. Технология ведения юристами договорной работы в условиях цифровизации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 4 (153). С. 24-28.
2. Рыкова А.А. Анализ ИТ-ресурсов для автоматизации процесса введения договорной работы в коммерческих организациях // Бизнес-образование в экономике знаний. 2023. № 1. С. 53-56. С. 56.
3. Уваров И.А., Грядунов Д.О. Трансформация договорных правоотношений в эпоху цифровизации // ИНФРА-М: сайт. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/69138/view?ysclid=mhl38qxyz055520986> (дата обращения: 04.11.2025).

Босова Алина Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация.** Статья направлена на анализ роли органов прокуратуры в обеспечении прав субъектов предпринимательской деятельности. В работе рассмотрены основные направления нормотворческой и надзорной деятельности органов прокуратуры в данной сфере, обозначен вектор их сотрудничества с органами государственной власти и субъектами хозяйствования по вопросам предпринимательской деятельности в современных условиях. Акцентировано внимание на средствах, используемых для защиты отечественного предпринимательства и пресечении возможных посягательств на его деятельность.*

***Ключевые слова:** предприниматель, предпринимательская деятельность, субъект предпринимательской деятельности, прокурорский надзор, деятельность органов прокуратуры, контролирующий орган, обеспечение законности.*

Одним из важнейших факторов экономического развития страны является предпринимательская деятельность. В соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ, предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [2].

Данный вид деятельности выступает катализатором социальных изменений и работает на общее благо государства, а сам предприниматель выступает гарантом стабильности и устойчивого развития не только государства в целом, но и гражданского общества, а также экономической и политической жизни его граждан.

Единого нормативного акта, который бы гарантировал права субъектов предпринимательской деятельности во всех сферах, не существует. Однако, стоит отметить, что права субъектов предпринимательства в Российской Федерации регулируются широким кругом нормативных актов. К ним относятся Конституция РФ [1], в которой устанавливается свобода экономической деятельности, различные общепризнанные принципы и нормы международного права, федеральное законодательство и подзаконные акты. Причем деятельность предпринимателей регламентирована отраслями и частного, и публичного права.

Тем не менее, в настоящее время существует немало правовых и административных барьеров для развития бизнеса, все чаще нарушаются права предпринимателей, повышается уровень различных юридических рисков, наблюдаются случаи оказания административного давления со стороны органов государственной власти и местного самоуправления и их излишнее вмешательство в деятельность лиц, занимающихся предпринимательством. При этом, данный список не исчерпывающий. В определенной мере пошатнули предпринимательскую деятельность и современные условия, отягощенные санкционными обязательствами.

В таких условиях крайне необходима защита предпринимательской деятельности, обеспечение гарантий предпринимателей и создание благоприятных условий для развития бизнеса. Так, в Российской Федерации значительная роль в решении данной задачи отведена прокуратуре, деятельность которой проявляется как в нормотворчестве, так и в надзоре за работой самих предпринимателей и контролирующих их органов.

Одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры выступает обеспечение соблюдения прав субъектов предпринимательской деятельности, важность которого подчеркнута Приказом Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 31.08.2023 № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности» [8]. Согласно данному приказу, прокурорский надзор в рассматриваемой сфере нацелен на гарантирование соблюдения прав, свобод и законных интересов предпринимателей. Для реализации указанной задачи используются различные направления деятельности прокуратуры.

В качестве одного из таких направлений прокурорской деятельности выделяют обеспечение законности правовых актов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ, а также органов местного самоуправления. Необходимо отметить, что в рамках данного направления деятельность прокуратуры носит превентивный характер. Это связано с тем, что в поле зрения прокуроров находятся не только нарушения в действующих нормативных актах, но и в их проектах, находящихся на стадии изучения и оценки. Так, например, реализуя названную задачу, органы прокуратуры при прокурорских проверках выявляют нормативные правовые акты, нарушающие права предпринимателей.

Также немаловажно обеспечение оперативного принятия нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов, органами местного самоуправления и государственными контролирующими органами. В противном случае это может повлечь за собой ряд неблагоприятных последствий. Например, таких, как: ограничение прав и законных интересов хозяйствующих субъектов (отказ в предоставлении льготных кредитов); незаконное вмешательство в деятельность (бесосновательные проверки или изъятия документов); допущение нарушений законодательства при государственном контроле; ограничение свободы предпринимательской деятельности (которая гарантирована ст. 34 Конституции РФ) [1], а также многие другие. Для решения данной проблемы прокурор наделяется полномочиями в правотворческой деятельности и по выступлению с законодательной инициативой [9, С. 84].

Следующим направлением деятельности прокуратуры в сфере предпринимательства, является надзор за законностью деятельности государственных контролирующих и иных органов, уполномоченных на осуществление разрешительных, лицензионных, регистрационных и других процедур. Данное направление реализуется через активное участие прокуратуры в утверждении нормативных актов, принимаемых данными органами, надзоре за исполнительной властью, в инициировании уголовных или административных дел (когда контролирующие органы нарушают закон в отношении предпринимателей), в вынесении актов прокурорского реагирования (например, предостережения, направленного на профилактику нарушений).

В целях исполнения ФЗ от 26.12.2008 № 294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [3] Генеральной прокуратурой России 29.03.2009 принят приказ № 93 [6]. Положения данных актов устанавливают, что органы прокуратуры осуществляют проверку проектов ежегодных планов проведения плановых проверок центральных аппаратов федеральных органов исполнительной власти. Этим занимается Главное управление по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Помимо этого, данным ведомством организуется контроль за деятельностью прокуратур субъектов РФ по согласованию проведения внеплановых выездных проверок хозяйствующих субъектов органами контроля (надзора). Результатом представленной деятельности является формирование прокурорами ежегодного сводного плана проверок

субъектов предпринимательства. Работа по данному направлению дает возможность существенно снизить административное давление на предпринимательский сектор.

Исходя из положений ст. 10 ФЗ от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [4], следует отметить, что субъекты предпринимательской деятельности в случае нарушения их прав могут обратиться с заявлениями в прокуратуру.

Отдельно обращается внимание на соблюдение прав инвесторов. Так, прокурорам предписано лично контролировать рассмотрение поступивших обращений от инвесторов, на заседаниях межведомственных рабочих групп по защите прав предпринимателей, выработать конкретные меры по обеспечению их прав. Прокурорам необходимо проверять законность использования бюджетных средств, выделенных на поддержку инвесторов, выполнения органами государственной власти, местного самоуправления и организациями мероприятий по созданию инфраструктуры территорий опережающего социально-экономического развития, полноту исполнения государственных и муниципальных контрактов в рамках реализации государственных и иных программ, предусматривающих социально-экономическое развитие отдельных территорий РФ.

Безусловно, представленный выше перечень направлений деятельности прокуратуры в сфере предпринимательства не является полным. Так, в вопросах защиты интересов бизнеса прокурорами осуществляется эффективное взаимодействие с Уполномоченным по защите прав предпринимателей, проводятся мероприятия для представителей бизнес-сообщества. Указом президента Российской Федерации № 1381 [5] был утвержден день российского предпринимательства 18 октября 2007 г., а Распоряжением Генерального прокурора РФ от 03.03.2017 №139/7р [7] был установлен Всероссийский день приёма предпринимателей в первый вторник каждого месяца. Этот день посвящен общению работников прокуратуры с предпринимателями по волнующим их вопросам. С целью своевременного получения информации о возможных нарушениях закона в прокуратуре области организована круглосуточная «горячая линия» по вопросам защиты прав предпринимателей. Совместно с органами прокуратуры систематически проводятся открытые форумы с участием представителей предпринимательства, органов государственной власти и контрольно-надзорных органов, что способствует конструктивному межведомственному взаимодействию и решению стоящих перед нами задач.

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что роль органов прокуратуры в обеспечении прав субъектов предпринимательской деятельности сложно переоценить. Стоит отметить, что основные ключевые направления деятельности прокуратуры регламентируются на законодательном уровне и реализуются через различные формы прокурорского надзора. В свою очередь данные формы представляют собой те виды деятельности, которые осуществляет прокурор с целью обеспечения законности, выявления, устранения и предупреждения нарушений закона в сфере предпринимательской деятельности. Это означает, что для гарантирования соблюдения прав и свобод субъектов предпринимательской деятельности прокурор сосредотачивает свои силы на надзоре за законностью правовых актов в данной сфере и их соблюдению, а также надзоре за законностью деятельности государственных контролирующих и иных органов. Во исполнение вышеназванной цели прокурор может выносить акты прокурорского реагирования, чтобы предупредить и устранить нарушения прав и законных интересов предпринимателей. Помимо этого, органы прокуратуры проводят проверки (составляют ежегодные планы и ведут их единый реестр), защищают интересы субъектов предпринимательства в суде, ведут информационно-просветительскую и профилактическую деятельность в данной сфере. В совокупности, это позволяет защитить права и свободы субъектов предпринимательской деятельности, предотвратить административное давление в отношении них, усилить межведомственное взаимодействие органов прокуратуры с иными органами государственной власти, влияющими на деятельность субъектов хозяйствования и тем самым создать благоприятную среду для экономического развития нашего государства.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6–ФКЗ, от 30.12.2008 № 7–ФКЗ, от 05.02.2014 № 2–ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994 г. – № 32. – Ст. 3301.
3. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2025).
4. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2025).
5. О Дне российского предпринимательства: Указ Президента Российской Федерации от 18.10.2007 № 1381 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2025).
6. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля (вместе с «Порядком согласования в органах прокуратуры проведения внеплановых выездных проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»): Приказ Генпрокуратуры России от 27.03.2009 № 93 (ред. от 09.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2025).
7. Об организации проведения в органах прокуратуры Российской Федерации Всероссийского дня приема предпринимателей: Распоряжение Генпрокуратуры России от 03.03.2017 № 139/7р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2025).
8. Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции: Приказ Генпрокуратуры России от 10.10.2022 № 581 (ред. от 07.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2025).
9. Кириллова, Н.П. Прокурорский надзор: учебник и практикум для вузов / Н.П. Кириллова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 349 с.

Булдыгеров Максим Николаевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Дерябин Илья Сергеевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Боев Дмитрий Вячеславович,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА ПРЕДМЕТ ЭКСТРЕМИЗМА

***Аннотация.** Статья представляет собой исследование актуальных вопросов, связанных с особенностями прокурорской проверки деятельности религиозных объединений на предмет экстремизма. Авторами определяется понятие и специфика религиозного экстремизма, деятельности религиозных объединений как объекта прокурорского надзора. Отдельное внимание уделяется конкретным процедурам плановых и внеплановых прокурорских проверок и практическим проблемам. В заключении делается вывод о необходимости модернизации законодательства о противодействии экстремизму.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, прокурорская проверка, противодействие экстремизму, религиозные объединения, религиозный экстремизм.*

В современных реалиях, когда доступность информации существенно повышается в следствии цифровизации, а глобализационные вызовы на постоянной основе возрастают, вопросы, связанные с проведением прокурорских проверок деятельности религиозных объединений на предмет экстремизма, приобретают особую актуальность и требуют более детального научного исследования.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что религиозный экстремизм, как негативный социальный феномен, представляет собой искаженное толкование религиозных доктрин, которое чаще всего направлено на оправдание насильственных действий, разжигание ненависти по отношению каким-либо группам населения по признаку вероисповедания или этнической принадлежности, что отличает его от традиционных форм фундаментализма, по большей части, ориентированных на внутреннюю консолидацию внутри общности граждан [9, с. 361]. Более того, в современных реалиях данный вид экстремизма не редко становится реакцией на модернизацию, которая предполагает мобилизацию усилий маргинализированных групп индивидов, преследующих своей целью противостояние глобальным процессам и социальным конфликтам [6, с. 158].

Прокуратура Российской Федерации является одним из ключевых институтов универсального государственного надзора, который сочетает в себе превентивные и репрессивные функции, что гарантирует соблюдение и исполнение действующего

законодательства о противодействии экстремизму. Совокупность таких принципов находит свое непосредственное закрепление в тексте Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2]. Актуальная модель отечественного прокурорского надзора обладает дуалистическим характером, так как сочетает в себе общий надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации и специальный надзор в конкретных областях, характеризующихся повышенными рисками для национальной безопасности Российской Федерации и иных охраняемых законодательством объектов [8, с. 89]. В случае с религиозными объединениями такой надзор проявляется в профилактике возникающих экстремистских рисков без нарушения определенного в Конституции Российской Федерации [1] и Федеральном законе от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» [3] фундаментального принципа светского государства, а также иных основ действующего законодательства.

Как уже было отмечено ранее, в условиях технологического развития, выражающегося в цифровизации значительного числа сфер человеческой жизни, возрастает угроза распространения экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», что требует обновления подходов к прокурорскому надзору за деятельностью религиозных объединений.

Прокурорская проверка – один из наиболее значимых и важных инструментов прокурорского надзора, так как она позволяет своевременно выявить нарушения законодательства о противодействии экстремизму, предпринять меры для их устранения и привлечения виновных лиц к ответственности. Специфические полномочия прокуроров позволяют издавать акты прокурорского реагирования, направляемые религиозным организациям, с целью предъявления им требования о прекращении деятельности, нарушающей действующее законодательство. Помимо этого, прокуроры обладают возможностью инициировать административные производства, направлять заявления в уполномоченные органы государства в ситуации, если нарушения совершаются многократно (систематически). В контексте цифровизации прокурорские полномочия были расширены, что нашло свое отражение в обновлении модели взаимодействия с Роскомнадзором, допускающей возможность блокировки интернет-ресурсов, распространяющие религиозные материалы экстремистской направленности [10, с. 67].

Процедура прокурорской проверки находится в прямой зависимости от ее вида. Так, плановые проверки предполагают обязательное уведомление за 3 дня, а также допускают возможность проведения осмотра помещений, опроса граждан, исследования документа на предмет выявления в них материалов экстремистской направленности, например, призывов к насилию или дискриминации. Внеплановые проверки инициируются в ситуации, если в орган прокуратуры поступает какой-либо сигнал о нарушении законодательства религиозным объединением. Ключевое преимущество таких проверок – отсутствие требования о предварительном уведомлении, которое исключает возможность уничтожения информации, свидетельствующей об экстремистской направленности деятельности организации. Кроме того, основанием для инициации такой проверки могут выступать и сведения, полученные в ходе системного мониторинга интернет и иных ресурсов [5, с. 861].

При проведении проверки также должна учитываться и специфика деятельности религиозных объединений. Так, она не должна затрагивать догматические вопросы, связанные с содержанием текстов религиозных писаний, которые не были каким-либо образом искажены, т.е. остались в первоизданном виде. В связи с этим, предметом данных проверок является анализ публикаций религиозной организации, ее публичных действий, к числу которых также относятся и проповеди. В отличие от коммерческих организаций, проверки религиозных требуют акцента именно на профилактике радикализации.

В то же время, несмотря на наличие развитой нормативной базы, значительного опыта в противодействии экстремизму, некоторые вопросы, связанные с проведением прокурорских проверок религиозных организаций, обладают проблемами, сказывающимися на их эффективности. Среди таких проблем можно выделить:

– отсутствие законодательно закрепленных полномочий прокуроров, которые учитывают специфику прокурорского надзора за религиозными объединениями, что сказывается на координации деятельности органов исполнительной власти, качестве их взаимодействия (например, Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4] содержит только общие положения о профилактике экстремизма и роли в ней органов прокуратуры, не конкретизируя отдельные направления деятельности и механизмы координации деятельности властных структур);

– отсутствие методических рекомендаций, определяющих критерии, разграничивающие легитимные религиозные практики и действия экстремистской направленности, приводящее к ошибкам при квалификации противоправных деяний;

– низкий уровень мониторинга интернет-ресурсов на предмет выявления экстремистской деятельности религиозных объединений, приводящий к повышению уровня ее латентности, сказывающийся на эффективности превентивных функций прокурорского надзора [7, с. 21].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что прокурорская проверка является ключевым инструментом профилактики и пресечения экстремистской деятельности религиозных объединений, позволяющий своевременно выявить факт совершения противоправного деяния и предпринять необходимые меры для обеспечения законности. Вместе с тем, недостаточная законодательная регламентация полномочий органов прокуратуры в области проведения данного рода проверок напрямую сказывается на их эффективности. В этой связи, представляется необходимым обновить законодательство о противодействии экстремизму, с целью включения в него исчерпывающего перечня полномочий прокуроров, а также способов и методов организационно-тактического взаимодействия органов прокуратуры с другими органами государственной власти в рамках деятельности по противодействию экстремизма религиозных объединений. Повышению практической эффективности может также поспособствовать разработка актуальных методических рекомендаций, содержащих сведения о критериях отнесения тех или иных действий или материалов к экстремистским.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2009, 21 января; Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

3. О свободе совести и о религиозных объединениях : Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

4. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

5. Агапов, П.В., Смыслова, В.Н. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения: вопросы теории и практики / П.В. Агапов, В.Н. Смыслова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 6. – С. 855-871.

6. Евдокимов, К.Н. Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности в Российской Федерации / К.Н. Евдокимов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 3 (102). – С. 155-169.

7. Иванченко, Е.А. Актуальные проблемы прокурорского надзора за соблюдением законодательства о свободе совести и вероисповедания / Е.А. Иванченко // Сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 19-23.
8. Кузнецов, К.В. Роль прокуратуры в противодействии экстремизму и терроризму. организация проведения прокурорских проверок, а также требования к форме и содержанию актов прокурорского реагирования / К.В. Кузнецов // Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции. – Симферополь, 2024. – С. 86-92.
9. Токарева, Е.А. Деятельность прокурора по выявлению, предупреждению и профилактике религиозного экстремизма и проявлений религиозного экстремизма в молодежной среде / Е.А. Токарева // Сборник научных статей по материалам VI Национальной заочной научно-практической конференции. – Ставрополь, 2024. – С. 360-363.
10. Чуркин, А.П. Решение о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения, осуществляющего экстремистскую деятельность, как акт прокурорского реагирования / А.П. Чуркин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2022. – № 3. – С. 64-70.

Васильев Иван Алексеевич,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Федорященко Алексей Сергеевич,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕГО САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

***Аннотация.** Статья направлена на рассмотрение актуальных вопросов, связанных с определением правовых механизмов защиты бизнеса в условиях внешнего санкционного давления. В исследовании определяется нормативная основа антисанкционных мер в Российской Федерации; характеризуются меры государственной поддержки бизнеса в условиях санкций; анализируются особенности судебной защиты субъектов предпринимательской деятельности, валютного регулирования и защиты интеллектуальной собственности. В заключении определяются дальнейшие перспективы совершенствования государственной антисанкционной политики.*

***Ключевые слова:** предпринимательское право, предпринимательство, бизнес, санкционное давление, международные санкции.*

Современная экономическая обстановка характеризуется масштабным санкционным давлением на Российскую Федерацию, которое началось в 2014 году и существенно активизировалось после 2022 года. Санкции, которые были введены рядом иностранных государств, оказали существенное влияние на большинство сфер экономической деятельности, в особенности на бизнес, который ориентируется на международное сотрудничество, импорт и экспорт технологий и оборудования. В подобных условиях особую актуальность приобретают вопросы, связанные с необходимостью формирования эффективной правовой системы защиты субъектов предпринимательской деятельности, способной компенсировать негативные последствия от текущих и возможных внешних ограничений, а также обеспечить устойчивость рыночной среды.

Конституция Российской Федерации в статье 8 определяет, что на территории нашего государства «гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности» [1, с. 8]. Данные положения обладают фундаментальным характером и сохраняют свою законную силу даже в условиях ограничительных мер, обеспечивая нормативную основу для защиты предпринимателей.

Важнейшим актом также является Федеральный закон от 31 декабря 2014 года № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», который направлен на стимулирование импортозамещения и поддержку отечественных производителей [5, с. 41]. С целью развития данного нормативно-правового акта Правительство Российской Федерации на постоянной основе реализует программы поддержки российской промышленности, в том числе посредством деятельности Фонда развития промышленности.

Помимо этого, Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» определяет понятие экономической безопасности, которая предполагает состояние

защищенности экономики, в том числе, от внешних и внутренних угроз [4, с. 2]. В условиях санкционного давления экономическая безопасность приобретает тесную связь с правовыми механизмами защиты бизнеса, поскольку именно частный сектор отечественной экономики выступает в качестве главного носителя производственного потенциала всего государства.

С усилением международных экономических санкций указы Президента Российской Федерации приобрели ключевую роль как инструмент оперативного реагирования на вновь возникающие вызовы. Среди таких подзаконных актов отдельно следует выделить:

- Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 года № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» [6, с. 1465], определяющий валютные ограничения, а также особый порядок заключения сделок с иностранными лицами и обязательство по продаже экспортной валютной выручки;

- Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед отдельными иностранными кредиторами» [8, с. 1472], который позволил отечественным компаниям исполнять свои обязательства перед нерезидентами в рублях, хранящихся на специальных счетах;

- Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 года № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» [7, с. 1466], которым были введены ограничения на проведение отдельных валютных операций.

Перечисленные выше указы позволили разработать и ввести в действие систему контролируемого финансового оборота, которая не допустила оттока капитала и защитила российские компании от внезапных требований со стороны зарубежных контрагентов. Кроме того, они выступили в качестве своеобразной «правовой подушки безопасности» для субъектов предпринимательства, чья деятельность обладает трансграничным характером [11, с. 259].

В условиях санкций приоритетное значение приобрела государственная поддержка частного сектора. Сегодня она осуществляется не только в рамках общих институтов, например, при реализации предписаний Федерального закона от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [3, с. 4006], но и посредством специальных программ, обладающих антикризисным характером. В частности, среди актуальных направлений поддержки можно выделить:

- субсидирование процентных ставок по кредитам, которые предоставляются субъектам малого и среднего бизнеса;

- предоставление отсрочки или рассрочки уплаты налогов и страховых взносов;

- реализация программ льготного кредитования при участии Банка России и государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ»;

- введение моратория на проверки малого и среднего бизнеса в рамках реализации мероприятий по государственному контролю деятельности субъектов предпринимательства [9, с. 50].

Помимо этого, в качестве одного из приоритетных направлений рассматривается импортозамещение, предполагающее практическую реализацию мер по локализации производства на территории Российской Федерации, стимулирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), а также упрощению процедур осуществления закупок у отечественных производителей различной продукции [12, с. 198].

Санкционное давление спровоцировало ряд споров между отечественными компаниями и их иностранными контрагентами, что актуализировало потребность в выработке новых подходов к судебной практике. В частности, Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал на то, что санкционные риски подлежат обязательному учету при оценке обстоятельств конкретного дела. Так, в обзоре судебной практики от 2022 года прямо отмечается, что применение в отношении российских юридических лиц санкций может быть рассмотрено в качестве форс-мажорного

обстоятельства при условии, если оно в силу объективных причин препятствует исполнению обязательства [13]. Такой подход позволил российским судам защищать интересы бизнеса в соответствующих категориях споров. Данные тенденции отражают гибкость судебной системы и ее адаптацию, направленную на обеспечение баланса между сохранением деловых связей и минимизацией ущерба.

Одним из наиболее уязвимых направлений в условиях санкций является финансовая сфера. С целью защиты национальной экономики и обеспечения ее устойчивости были введены новые механизмы контроля за валютными операциями, интегрированные в текст Федерального закона от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [2, с. 59]. Сегодня данный документ включает в себя совокупность временных мер, которые направлены на:

- введение ограничений, распространяющихся на вывоз капитала за пределы Российской Федерации;
- обязательную продажу части валютной выручки экспортерам;
- установление запретов, не допускающих возможности предоставления кредитов лицам, которые являются резидентами недружественных стран.

Подобные меры направлены на стабилизацию состояния внутреннего валютного рынка, а также обеспечение предсказуемости финансовых потоков, что особенно важно для бизнеса, находящегося в существенной зависимости от внешнеэкономических операций.

Некоторые правовые механизмы защиты также затронули сферу интеллектуальной собственности. Санкции обострили проблему доступа отечественных компаний к иностранным технологиям, программному обеспечению и патентам. Именно по этой причине, в качестве ответной меры была принята совокупность решений, направленных на создание независимой от внешнего воздействия системы защиты интеллектуальной собственности, что обеспечило возможность развития отечественного сектора информационных технологий и усиление технологического суверенитета России в целом [10, с. 5].

В качестве подведения итога можно сделать вывод, что в условиях продолжающегося внешнего санкционного давления на Российскую Федерацию правовые механизмы защиты отечественного бизнеса выступают в качестве ключевого инструмента обеспечения экономической безопасности. Реализуемая на текущий момент времени государственная политика направлена на формирование устойчивых институтов правовой, финансовой и организационной поддержки предпринимательства, что обеспечивается за счет реактивных мер, принимаемых в ответ на вновь возникающие вызовы, обусловленные действиями недружественных стран.

В то же время, эффективность подобных мер в значительной степени зависит от их дальнейшего совершенствования, а также адаптации к новым экономическим реалиям, требуя объединения усилий бизнеса и государства. Представляется, что развитие правовых механизмов защиты бизнеса должно быть ориентировано на:

- совершенствование процедур, обеспечивающих возможность получения компенсации убытков, причиненных санкциями;
- создание специальных страховых механизмов для субъектов предпринимательства, которые участвуют во внешнеэкономической деятельности;
- усиление защиты инвестиций посредством заключения большего количества двусторонних соглашений с дружественными странами.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе

- общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 1. – Ст. 8.
2. О валютном регулировании и валютном контроле : Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 48-59.
3. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.
4. О безопасности : Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 2.
5. О промышленной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1. – Ст. 41.
6. О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций : Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 20.05.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 10. – Ст. 1465.
7. О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 01 марта 2022 № 81 (с изм. от 20.05.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 10. – Ст. 1466.
8. О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами : Указ Президента РФ от 05 марта 2022 г. № 95 (ред. от 01.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 10. – Ст. 1472.
9. Безыргаян, В.В. Формы и механизмы защиты гражданских прав в предпринимательском обороте / В.В. Безыргаян // Социальное управление. Электронное приложение к научно-практическому журналу «Правопорядок: история, теория, практика». – 2021. – Т. 3. – № 2. – С. 47-51.
10. Кауракова, М.В. Санкции и их влияние на отечественный бизнес / М.В. Кауракова // Безопасность бизнеса. – 2024. – № 2. – С. 2-8.
11. Лиликова, О.С., Мартынова, А.И. Актуальные проблемы защиты прав предпринимателей на фоне санкций / О.С. Лиликова, А.И. Мартынова // Человек. Социум. Общество. – 2023. – № 5. – С. 257-264.
12. Рябус, О.А., Трифонов, С.Г. К вопросу об отдельных способах защиты прав предпринимателей в современных условиях / О.А. Рябус, С.Г. Трифонов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 9 (172). – С. 197-198.
13. Обзор судебной практики, связанной с введением после 22.02.2022 антироссийских санкций и антисанкционных мер Российской Федерации // ГАРАНТ. – URL: https://base.garant.ru/77186356/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 07.11.2025).

Васильева Алина Алексеевна,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Мирошников Евгений Васильевич,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры административного права и процесса,
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию влияния санкций на энергетическую безопасность России. На основе анализа технологических, финансовых и торговых ограничений, авторы выявляют основные угрозы, включая задержки капиталоемких проектов, рост операционных расходов и структурные изменения в логистике экспорта. В работе обосновывается системная стратегия адаптации, направленная на достижение технологического и финансового суверенитета, правовое противодействие ограничительным мерам и географическую диверсификацию экспортных потоков. Особое внимание уделено правовому анализу фискальной устойчивости и оценке международно-правовых рисков, связанных с арбитражем. В заключении формулируются прогнозы развития энергетического сектора и оценивается эффективность адаптационных мер.*

***Ключевые слова:** энергетическая безопасность, санкции, торговые барьеры, технологическое эмбарго, финансовые ограничения, диверсификация, импортозамещение, санкционное давление, энергетический сектор.*

Энергетический сектор является ключевым стратегическим элементом российской экономики, формирующим значительную часть государственного бюджета и экспортных поступлений. Как подчеркивает А.А. Родыгин, с 2022 года энергетический комплекс столкнулся с многосторонним санкционным воздействием, включая ограничения в финансовой сфере, технологические запреты, а также торговые барьеры, в частности, механизм ограничения цен [5, с. 242]. Применяемые меры создают системную угрозу энергетической безопасности страны. В связи с этим глубокое изучение правовых, экономических и технологических последствий данных вызовов, а также исследование адаптационных механизмов, является крайне актуальной задачей.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ обусловленных санкционным давлением вызовов энергетической безопасности Российской Федерации, определение ключевых направлений адаптации и долгосрочных перспектив развития отрасли. Особое внимание уделено юридическому осмыслению и правовому регулированию контрмер, предпринятых Российской Федерацией.

Энергетическая безопасность является комплексной категорией, которая выходит за рамки простого наличия ресурсов. В контексте современной геополитики, она определяется как состояние защищенности страны, ее граждан, общества, государства, экономики от угроз надежному топливно– и энергообеспечению. Угрозы определяются как внешними (геополитическими, макроэкономическими, конъюнктурными) факторами, так и состоянием и функционированием энергетического сектора страны. [0]. Согласно общепринятым методологиям, энергетическая безопасность включает четыре ключевых компонента.

Ключевым фактором в этой системе является доступность энергоносителей, то есть наличие достаточного объема энергоресурсов (запасов и мощностей) для удовлетворения текущего и прогнозируемого спроса [5, с. 242].

Вторым элементом является надежность, которая подразумевает гарантии бесперебойных поставок, включая устойчивость инфраструктуры (трубопроводы, электросети) к техническим сбоям и внешним воздействиям. Третий компонент – экономическая целесообразность, обеспечение поставок по ценам, приемлемым для потребителей и производителей, исключая негативное влияние на макроэкономическую стабильность. Заключительным элементом является экологичность, которая минимизирует негативное воздействие энергетического сектора на окружающую среду, что в условиях санкций может временно отходить на второй план, но по-прежнему остается долгосрочным приоритетом [6].

Санкции в отношении энергетического сектора России представляют собой многоуровневый инструмент геополитического и экономического принуждения. Для целей данного анализа их требуется классифицировать по типу воздействия, что необходимо для обеспечения энергетической безопасности [2]. Таким образом, выделяют четыре типа воздействия: финансовое, технологическое, торговое и персональное. Рассмотрим каждый из вышеперечисленных типов подробнее.

Первый тип – финансовое воздействие, направленное на ограничение расчётов, движения капитала, а также доступа к международным финансовым рынкам. В качестве примера можно привести отключение от SWIFT и «заморозку» активов. Второй тип – технологическое воздействие, которое подразумевает запрет на поставки важного оборудования и технологий, прежде всего, для высокотехнологичных и капиталоемких проектов, таких как сжиженный природный газ (СПГ), глубоководное бурение. Следующим типом выделяют торговое воздействие, которое проявляется в прямых эмбарго или косвенных ценовых ограничениях, направленных на сокращение экспортной выручки (механизм «потолка цен»). Заключительный тип – персональное воздействие, представляющее собой ограничения в отношении руководителей и ключевых специалистов компаний, что непосредственно влияет на принятие управленческих решений.

Российский энергетический комплекс характеризуется доминированием ископаемого топлива и глубокой интеграцией в мировую экономику. До введения санкций ключевыми особенностями были: преобладание сырой нефти, нефтепродуктов и трубопроводного газа с основными направлениями в Европу, наличие критической зависимости от импорта высокотехнологичного оборудования (турбины Siemens, насосы Halliburton и специализированное программное обеспечение), а также сектор выступал главным донором федерального бюджета, обеспечивающего финансовую устойчивость государства [5].

Далее проведем анализ влияния санкций на энергетический сектор страны. Отметим, что финансовые санкции, введенные против энергетического сектора (ключевого донора бюджета и участника глобальных рынков), стали первой и наиболее болезненной мерой. Они оказали немедленное и масштабное влияние на отрасль, сделав невозможным привычный режим работы.

Отключение от системы SWIFT и ограничение доступа к капиталу привели к тому, что крупнейшие энергетические и финансовые институты были исключены из международной системы обмена сообщениями, что резко усложнило трансграничные платежи. Параллельно замораживание суверенных и корпоративных активов лишило компании возможности привлекать долгосрочное финансирование на западных рынках, что обусловило переход на механизмы внутреннего фондирования и расчеты в национальных валютах. Также ограничение кредитования привели к полному прекращению инвестиционного сотрудничества с западными партнерами по капиталоемким проектам (включая СПГ) [2]. В то же время, как отмечает В. С. Палишкин, даже при сохранении санкционного давления мировой интерес к СПГ-проектам остается высоким – подтверждением значимой роли СПГ на мировом рынке является большое количество строящихся мощностей по сжижению в 2026-2027 гг., в основном расположенных на территории США и Катар [3, с. 45].

Если финансовые ограничения нанесли удар по инвестиционной и расчетной составляющим, то технологическое эмбарго представляет собой структурный и наиболее долгосрочный вызов для энергетической безопасности России, поскольку влияет на поддержание и наращивание добычи энергоресурсов. Данные меры направлены на запрет поставки оборудования и ограничение доступа к ПО и инжинирингу. Ограничения затронули

оборудование для разведки и добычи в проектах, требующих сложного инжиниринга (шельфовые месторождения, нетрадиционные ресурсы (сланцевая нефть)), а также производство СПГ, критически зависящее от технологий сжижения (турбин). В свою очередь уход западных сервисных компаний (Schlumberger, Halliburton, Baker Hughes) также создал осложнения в геологоразведке и буровых работах, требующих высокоточного программного обеспечения и уникальной экспертизы.

В дополнение к долгосрочным рискам, создаваемым технологическим эмбарго, торговые ограничения были введены с целью немедленного и прямого снижения экспортной выручки России, воздействуя на ключевой компонент энергетической безопасности – экономическую целесообразность. Таким образом, эмбарго на поставки нефти и нефтепродуктов в Европейский союз и Соединенные Штаты Америки привело к коллапсу исторически сложившейся логистики, вынуждая искать новые рынки сбыта. Введение механизма «потолка цен», то есть установление предельной цены на российскую нефть, перевозимую судами стран большой семерки (США, Японии, Германии, Великобритании, Италии, Франции и Канады), вынуждает Россию использовать «теневой флот» и не западное страхование, что значительно увеличивает транзакционные и логистические издержки. Как отмечает А. А. Родыгин, для обхода ограничений был задействован теневой наливной флот, насчитывающий около 600 судов. [5, с. 242]. Также резкое сокращение и фактическое прекращение поставок трубопроводного газа в Европу (ключевой рынок сбыта) привело к необходимости консервации части добывающих мощностей и форсированной переориентации на восточное направление [5].

Таким образом, разнонаправленный санкционный режим (финансовый, торговый и технологический) оказал как немедленное, так и стратегическое воздействие на энергетический сектор. Однако для полной оценки рисков энергетической безопасности важен детализированный анализ операционных последствий, возникающих на уровне конкретных высокотехнологичных проектов и влияющих на ключевые компоненты – надежность и доступность энергоснабжения.

Проведенный анализ задержек в реализации капиталоемких проектов, таких как «Арктик СПГ-2», вызванных прекращением поставок ключевых технологических модулей сжижения (по данным 2024 года, задержки для второй и третьей линии проекта составляют 2 года, а запуск третьей линии официально перенесен на 2028 год), наглядно демонстрирует прямое влияние технологических санкций [3].

Кроме того, увеличились затраты на техническое обслуживание и ремонт, связанные с необходимостью реверс-инжиниринга (то есть создания новых инженерных команд, закупки оборудования для производства аналогов) и сложной логистикой «серого» импорта оборудования (через третьи страны: Китай, Турция, ОАЭ и др.). Данные события ведут к значительной наценке (на 20-50%), сложностям с технической поддержкой и гарантиями, а также к рискам контрабанды и реэкспорта.

В свою очередь прогноз снижения коэффициента извлечения нефти (КИН) на зрелых месторождениях в среднесрочной перспективе связан с прекращением доступа к современному программному обеспечению и эффективным западным технологиям повышения нефтеотдачи (ТПН), что неизбежно ведет к уменьшению извлекаемых запасов.

Снижение эффективности добычи и технологические задержки, описанные выше, имеют прямое экономическое выражение. Перейдем к количественному анализу, необходимому для оценки операционных и технологических угроз в конкретных экономических потерях, а также эффективности вынужденной переориентации экспортных потоков.

Анализ показывает, что после 2022 года экспорт нефти и нефтепродуктов из России в ЕС сократился на 63,64% (с 220 млн. тонн до 80-90 млн. тонн), таким образом, сокращение составит 140 млн. тонн, тогда как экспорт трубопроводного газа сократился на 1,9% до 45,4 млрд кубометров (рис. 1) [4].

Снижение европейского спроса частично компенсировано резким увеличением поставок в страны Азиатско-Тихоокеанского региона в 2024 году, в первую очередь в Китай и Индию (рис. 2).

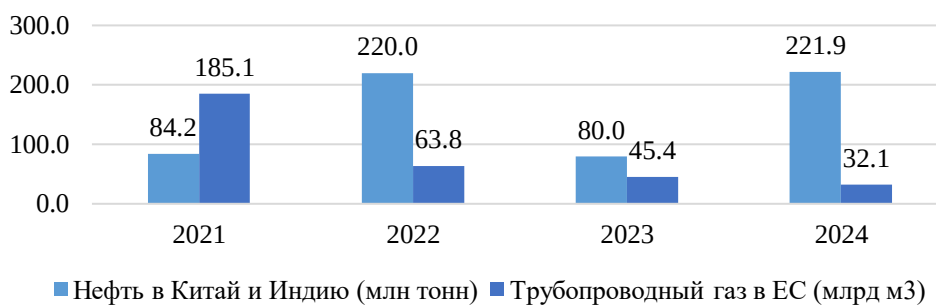

Рис. 1. Динамика переориентации экспорта энергоресурсов РФ

Рис. 2. Географическая диверсификация экспорта нефти

Азиатско-Тихоокеанский регион стал доминирующим направлением экспорта, который обеспечивает более 85% всех поставок, что закрепило структурную зависимость российского нефтяного экспорта от нескольких ключевых азиатских потребителей, что тем самым провоцирует возникновение новых рисков, связанных с переговорной силой покупателей и перегрузкой восточной логистической инфраструктуры [4].

Расчёт потерь выручки прямо связан с величиной дисконта Urals к Brent, который в пиковые периоды 2023 года достигал \$33,6 за баррель (рис. 3), а также со снижением премиальной выручки от поставок трубопроводного газа в страны Европы по долгосрочным контактам, что повлекло многомиллиардные потери в долларовом эквиваленте [5].

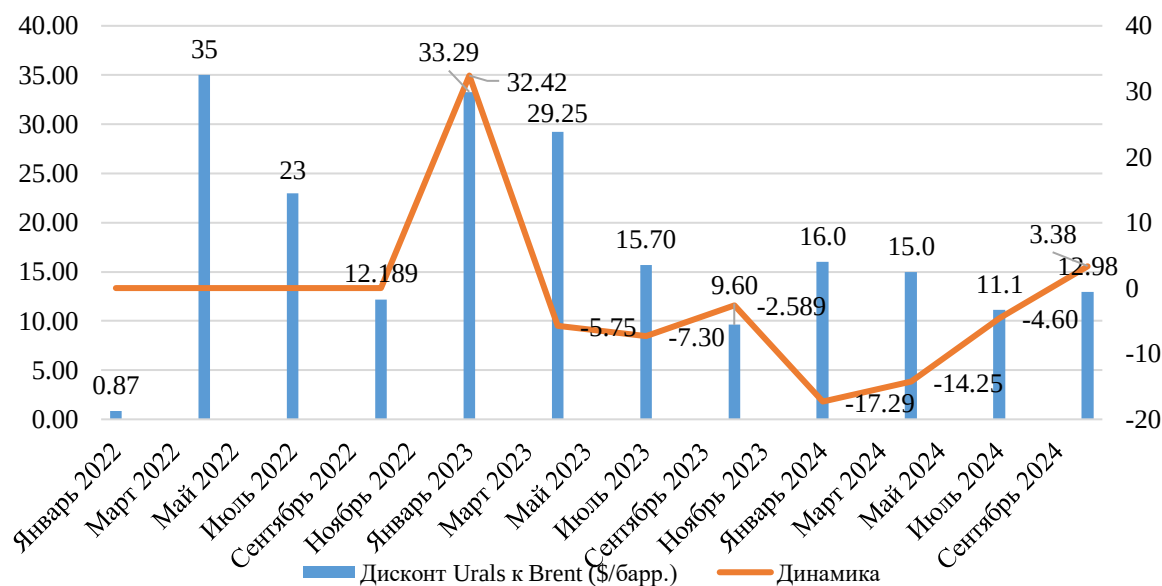

Рис. 3. Динамика среднего дисконта Urals к Brent

Таким образом, можно сделать вывод, что финансовые ограничения нанесли немедленный удар по экономической целесообразности и инвестициям, технологическое эмбарго сформировало долгосрочную угрозу надежности и доступности добычи, а торговые барьеры сократили экспортную выручку, вынуждая к глобальной перестройке логистики.

Данные последствия и структурные деформации, вызванные внешним давлением, не являются исчерпывающими, однако они обуславливают ряд ключевых стратегических вызовов для российской энергетической безопасности в среднесрочной и долгосрочной перспективе [7].

Основным вызовом энергетической безопасности России является риск технологической деградации, так как уход западных поставщиков создает серьезную угрозу для поддержания технологического суверенитета, который, как указал А. А. Родыгин, «является составной частью современного этапа экономического развития Российской Федерации» [5, с. 237]. Данная проблема наиболее остро проявляется в сфере импортозамещения высокотехнологичного оборудования, такого как газовые турбины большой мощности, насосы высокого давления, сложное буровое оборудование и катализаторы для нефтепереработки. Критическая зависимость сохраняется в наукоёмких направлениях (проекты СПГ, глубоководного бурения и гидроразрыв пласта), где западные аналоги не имеют полноценной отечественной замены. Проведенный анализ показывает, что, несмотря на активное сотрудничество с Китаем и Индией, закупаемое оборудование не всегда соответствует западным стандартам по производительности, надёжности и долговечности.

Для оценки устойчивости энергетической безопасности необходимо проанализировать правовые и фискальные механизмы, которыми государство реагирует на данные риски. Снижение экспортной выручки и рост дисконта Urals к Brent создали критический фискальный риск для государства, что обусловило необходимость оперативного вмешательства в правовое регулирование. Изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации в части регулирования налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) направлены на фиксацию минимального уровня налогообложения. Такие меры обеспечили пополнение бюджета за счет привязки налоговой базы к минимальному дисконту и подтвердили эффективность правовых механизмов в управлении фискальными рисками [5].

Нарушение традиционных финансовых потоков и необходимость технологической перестройки также обострили кадровую проблему, связанную с уходом западных специалистов и острой потребностью в подготовке нового персонала для работы в изменившихся условиях. Совокупность стратегических вызовов оказывает непосредственное влияние на формирование и функционирование международно-правовой системы. Санкция – это мера, применяемая в случаях нарушения какой-либо нормы национального или международного права. Она имеет несколько целей: наказание виновного, охрана общественного порядка и официальное подтверждение того, что данное положение права сохраняет свое действие, несмотря на его нарушения [7].

Санкционное давление требует не только экономического, но и международно-правового осмысления, так как затрагивает принципы суверенитета и международной торговли. Большинство юристов-международников признают односторонние санкции (без резолюции СБ ООН) спорными с точки зрения универсального международного права и расценивают их как меру экономического принуждения, выходящую за рамки многосторонних торговых систем (ВТО). Правовая оценка указов Президента РФ, запрещающих поставки при соблюдении «потолка цен», показывает, что контрсанкции рассматриваются как законная мера самозащиты, направленная на защиту национальных интересов. В контексте массовых нарушений договорных связей существенно возрастает вероятность судебного или арбитражного оспаривания. Успешная защита позиций сторон обусловлена императивом предоставления доказательств наступления обстоятельств, относящихся к категории форс-мажора, либо объективной невозможности исполнения. Для минимизации юрисдикционных рисков необходима разработка альтернативных площадок разрешения споров с дружественными странами, в частности, через механизмы арбитража в рамках БРИКС [7].

Правовой анализ рисков вторичных санкций США показывает, что устойчивость таких расчетов зависит от готовности национальных юрисдикций противостоять экстратерриториальному давлению. Правовое оформление контрмер и создание новой финансовой инфраструктуры являются частью более широкой стратегии по адаптации. Все рассмотренные вызовы требуют системного ответа через конкретные меры государственной поддержки и стратегического планирования.

В рамках мер адаптации и перспектив развития реализуется государственная поддержка через льготное кредитование и субсидии для развития отечественного оборудования в рамках импортозамещения и локализации производства. Основной упор делается на импорт комплектующих и совместные разработки с Китаем, Индией, Ираном. Локализация критических технологий (например, в нефтепереработке) является успешной стратегией снижения технологического риска, несмотря на высокие первоначальные затраты и задержки. Ключевой приоритет географической диверсификации экспорта – увеличение пропускной способности газопроводов «Сила Сибири» и развитие морских портов, а также активное заключение долгосрочных контрактов со странами Глобального Юга. Риски «теневого флота» (страхование, вторичные санкции) и роста транзакционных издержек морских перевозок компенсируются государственными гарантиями и собственным страховым покрытием. Развитие внутреннего рынка включает стимулирование внутренней переработки для создания продуктов с высокой добавленной стоимостью, менее чувствительных к ценовым ограничениям, и развитие газомоторного топлива и газификации для создания внутреннего спроса на газ.

Стратегическая роль СПГ в условиях снижения поставок по трубопроводам обеспечивает гибкость поставок и критически важна для реализации стратегии диверсификации. Финансовая устойчивость достигается переходом на расчеты в национальных валютах (рубли, юани) и созданием независимой финансовой инфраструктуры, что обеспечивает устойчивость к отключению от западных платежных систем и защищает экспортную выручку от замораживания [3; 7].

Подводя итоги, отметим, что санкционное давление, оказываемое на российский энергетический сектор, носит системный характер, затрагивая все ключевые компоненты энергетической безопасности: надежность, доступность и экономическую целесообразность. Проведенный анализ показал, что технологические и финансовые ограничения, наряду с торговыми барьерами (эмбарго и «потолок цен»), привели к срыву сроков капиталоемких проектов, росту операционных расходов и структурным изменениям в логистике экспорта, что подтверждается количественными данными о дисконте Urals и сокращении поставок в Европу. В ответ на вышеупомянутые вызовы Российская Федерация предпринимает системные меры адаптации, опирающиеся на три стратегических столпа: достижение технологической суверенности (через импортозамещение и кооперацию), географическую диверсификацию экспорта и укрепление правовой и финансовой устойчивости.

Несмотря на неизбежно высокие первоначальные затраты и логистические риски, реализуемая адаптационная стратегия демонстрирует значительный потенциал энергетического комплекса России к структурной перестройке. Долгосрочная траектория развития отрасли заключается в установлении суверенной и технологически независимой модели функционирования при одновременной максимизации географической диверсификации. Подобная макроэкономическая и отраслевая перестройка соответствует мировому тренду на создание многополярной структуры глобальных энергетических рынков.

Список используемых источников:

1. Аникин, В.И. Энергетическая безопасность как основа национальной безопасности России в современных условиях / В.И. Аникин, В.И. Анненков, А.В. Моисеев, И.В. Сурма // Национальная безопасность. – 2021. – №. 2. – С. 161-176.
2. Овакимян, М.С. Энергетический кризис: нефтегазовый товарооборот России в условиях санкционного давления Запада / М.С. Овакимян, Г.Э. Юсупов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – №. 10. – С. 54-69.

3. Палишкин, В.С. Перспективы увеличения объемов экспорта российского сжиженного природного газа в условиях внешнеполитической нестабильности / В. С. Палишкин // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2025. – № 3. – С. 42-53.
4. Последствия сокращения экспорта российской нефти в Европу // Рамблер/новости. – 2022. – 23 мая. – URL: <https://news.rambler.ru/weapon/50636401-opisany-posledstviya-sokrascheniya-eksporta-rossiyskoy-nefti-v-evropu/> (дата обращения: 21.10.2025).
5. Родыгин, А.А. Энергетическая безопасность России в условиях санкций / А. А. Родыгин // Управленческий учет. – 2023. – №. 12. – С. 237-245.
6. Сендеров, С. Энергетическая безопасность сегодня и основные методики ее обеспечения / С. Сендеров, В. Рабчук // Энергетическая политика. – 2022. – №. 11 (177). – С. 56-69.
7. Ходаковский, Е.А. Энергетическая безопасность России в условиях трансформации миропорядка: вызовы, угрозы, возможности / Е.А. Ходаковский, А.А. Сизов // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14. – №. 5. – С. 97-102.

Вашева Алина Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шалайкин Руслан Николаевич,
заведующей кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

***Аннотация.** В данной статье исследуется вопрос юридической ответственности за экологические правонарушения в области производства и распределения электрической энергии. Автором рассматриваются основные типы экологических правонарушений, совершенных предприятиями-операторами и поставщиками электроэнергии, и правовые основания привлечения к ответственности виновных лиц. Особое внимание уделяется современным тенденциям и изменениям в законодательстве, связанным с повышением уровня ответственности за экологические правонарушения в энергетическом секторе.*

***Ключевые слова:** электроэнергия, энергетическое право, юридическая ответственность, экологические правонарушения, энергетический сектор, окружающая среда.*

Производство и распределение электроэнергии, безусловно, сопровождается высокими экологическими рисками, такими как загрязнение воздуха выбросами тепловых станций, отходы ТЭС, электромагнитное излучение высоковольтных линий электропередач и другими негативными воздействиями на окружающую среду. Все это делает охрану окружающей среды при производстве и распределении электроэнергии крайне важной задачей.

Согласно статистическим данным, в 2024 году было рассмотрено более 100 тысяч дел по экологическим правонарушениям [1]. Подобные цифры свидетельствуют о действительной актуальности исследуемой темы, ввиду распространенности случаев нарушения как КоАП, так и УК РФ в сфере охраны окружающей среды.

Основными формами экологических правонарушений в сфере электроэнергетики являются:

- загрязнение атмосферного воздуха вредными веществами, выбрасываемыми тепловыми электростанциями;
- нарушение санитарных зон вокруг высоковольтных линий электропередач;
- неисправность очистных сооружений и фильтров, приводящая к загрязнению водоемов и почвы;
- утечка токсичных веществ и нефтепродуктов при транспортировке топлива и другие.

За экологические правонарушения в энергетической отрасли предусмотрены различные виды юридической ответственности, каждая из которых отличается степенью тяжести проступка и характером неблагоприятных последствий.

Первой и, пожалуй, самой распространенной является административная ответственность, наступающая за нарушения, которые наносят небольшой или средний ущерб окружающей среде и здоровью людей. При этом основным видом наказания являются

штрафы, размер которых устанавливается в зависимости от тяжести нарушения и статуса виновного лица (гражданин, должностное лицо, организация).

Самым популярным нарушением в области производства электроэнергии является нарушение правил охраны атмосферного воздуха, регламентируемое статьей 8.21 КоАП [2]. За данное деяние в 2024 году было осуждено 16 граждан и организаций.

Как отмечает в своем исследовании Ю.Н. Путинцева: «совершенствование применения данного вида юридической ответственности должно проходить посредством дальнейшего развития норм административного законодательства, а также перестройки деятельности правоохранительных органов» [3, с 129].

Следующим видом ответственности является гражданско-правовая, которая проявляется в возмещении материального ущерба, причиненного окружающей среде и гражданам. Порядок возмещения регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации и предусматривает обязанность виновного возместить ущерб, нанесенный в результате загрязнений, повреждения природных объектов или иного негативного воздействия на природу.

Для полноценного понимания данного вида ответственности обратимся к материалам судебной практики, в частности, к Решению Центрального районного суда г. Красноярск по делу № 2-2557/2023 от 24 октября 2023 года [4].

Так, в данном деле прокурор обратился с иском к Красноярской энергетической компании о взыскании ущерба, причиненного атмосферному воздуху. В результате проведенной прокурорской проверки было выявлено нарушение, заключающееся в эксплуатации котельной, негативно влияющей на атмосферный воздух.

В ходе проверки проведено измерение промышленных выбросов от источника загрязнения атмосферного воздуха, о чем был составлен акт и протокол результатов измерения промышленных выбросов. Нормативы оксида углерода были превышены более чем в 85 раз.

Суд, рассматривая дела, опирался на различные нормативные акты в сфере охраны природы, а также ГК РФ и отмечал обязанность юридических лиц соблюдать технологии и требования в области охраны окружающей среды, а также возместить вред окружающей среде в полном объеме в случае его причинения на основании статьи 1064 ГК РФ.

Опираясь на законодательство и материалы прокурорской проверки, суд пришел к выводу о целесообразности поданного иска и удовлетворил его, взыскав с энергетической компании более 6 миллионов рублей за ущерб атмосферному воздуху ввиду эксплуатации предприятия.

Анализ данного судебного решения дает основания полагать, что суд является эффективным органом по реализации юридической ответственности за экологические правонарушения в области электроэнергетики.

Что касается уголовной ответственности, то она предусмотрена за наиболее опасные экологические преступления, которые приводят к катастрофическому ущербу природе и здоровью граждан.

Работники энергетических предприятий, виновные в нарушениях экологических норм, могут нести и дисциплинарную ответственность, которая реализуется работодателями внутри предприятия в виде выговоров, увольнений и других мер дисциплинарного воздействия.

На наш взгляд, мерами по предупреждению экологических правонарушений являются:

- повышение уровня экологической ответственности руководителей предприятий;
- внедрение инновационных технологий очистки и утилизации отходов;
- обучение персонала правилам безопасной эксплуатации оборудования;
- проведение независимого экологического аудита и сертификации предприятий.

В.В. Кванина по этому поводу в своем исследовании обращает внимание на то, что «экоаудит является показателем эффективности управления качеством окружающей среды, позволяет уменьшить экологический риск организации, повысить уровень социальной ответственности бизнеса» [5, с. 29].

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что необходимость надежной защиты окружающей среды в сфере электроэнергетики диктуется

растущими экологическими рисками и угрозой деградации экосистем. Следовательно, усиливается внимание к ответственности за экологические правонарушения и разрабатываются меры по предотвращению и ликвидации нарушений.

Мы считаем, что стабилизация экологической обстановки возможна только при условии комплексного подхода и скоординированных действий всех участников процесса производства и распределения электроэнергии.

Список используемых источников:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
2. Кванина, В.В. Экологический аудит: анализ, проблемы и перспективы // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2020. № 1. С. 33-45.
3. Путинцева, Ю.Н. Административная ответственность за экологические правонарушения в сфере топливно-энергетического комплекса // Молодой ученый. 2021. № 8 (350). С. 127-130.
4. Решение Центрального районного суда г. Красноярск по делу № 2-2557/2023 от 24 октября 2023 года // Закон РФ. Суды общей юрисдикции: сайт. URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-6256d2b6-d136-5641-b227-169f9a134edf/> (дата обращения: 01.11.2025).
5. Административные правонарушения // Судебная статистика РФ: сайт. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/68> (дата обращения: 01.11.2025).

Великородная Валерия Олеговна,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ «ЗЕЛЕННОГО» ТАРИФА И СЕРТИФИКАТОВ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ: ПРАВОВОЙ РЕЖИМ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ

***Аннотация.** Данная статья направлена на исследование вопросов, связанных с определением современного состояния регулирования возобновляемых источников энергии в Российской Федерации. Основной акцент делается на рассмотрении особенностей «зеленых» тарифов и сертификатов происхождения электроэнергии. Отдельное внимание уделяется проблемам правового регулирования и выявлению последствий в виде злоупотреблений, к которым они приводят, а также определяются основные направления совершенствования действующего законодательства, призванные устранить выявленные проблемы, повысив эффективность института возобновляемых источников энергии.*

***Ключевые слова:** энергетическое право, возобновляемые источники энергии, «зеленый» тариф, сертификат происхождения электроэнергии, зеленая энергетика, злоупотребление правом.*

В последние годы все большее внимание ученых и исследователей уделяется вопросам, связанным со снижением негативного воздействия человека на окружающую среду. Именно по этой причине, развитие возобновляемых источников энергии, а также переход к низкоуглеродной экономике, повышают актуальность института «зеленого» тарифа и системы сертификатов происхождения электроэнергии.

Под «зеленым» понимается специальный тариф, в соответствии с которым возобновляемая или низкоуглеродная генерация получает финансовую поддержку, предполагающую повышение ставки или наличие иных льготных условий [7, с. 35]. Иными словами, те электростанции, которые не используют уголь или газ для выработки электроэнергии, заменяя их на возобновляемые источники, получают дополнительную поддержку от государства, которая рассматривается в качестве ключевой меры стимуляции инвесторов на постройку соответствующих электростанций, например, солнечных или ветровых. С целью такой стимуляции выдвигается предложение о покупке электроэнергии по более выгодной цене или предоставлении сертификата, утверждающего, что она является «зеленой», позволяющего ряду субъектов осуществлять ее покупку [6, с. 37].

В отечественном праве отсутствуют устоявшиеся подходы к определению «зеленого» тарифа как обязательной ставки, однако, схожие стимулы реализуются в рамках механизмов государственной поддержки возобновляемых источников энергии [5, с. 260]. Так, ст. 23.1 Федерального закона от 26 мая 2003 года № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» устанавливает возможность предоставления надбавки, прибавляемой «к равновесной цене оптового рынка для определения цены электрической энергии, произведенной на функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии квалифицированных генерирующих объектах» [2]. Таким образом, отечественное законодательство хоть и не употребляет термина «зеленый» тариф, но уже предусматривает схожие меры, предполагающие, что за генерацию электроэнергии с использованием возобновляемых источников, может быть предусмотрена надбавка к существующим тарифами.

Отдельно также следует оговориться о сертификатах происхождения электроэнергии, которые представляют собой юридически значимый документ, удостоверяющий атрибут генерации, передаваемый отдельно от самой электроэнергии. Такие сертификаты позволяют потребителям подтвердить факт «зелености» своего потребления электроэнергии, используя его при маркировке продукции, в составлении корпоративных отчетов и иной деятельности [8, с. 88]. Сертификаты происхождения электроэнергии в Российской Федерации регулируются положениями ст. 41.2 Федерального закона «Об электроэнергетике».

Относительная новизна института сертификатов происхождения электроэнергии, который был учрежден только в 2023 году, а также «зеленого» тарифа, неизбежно приводят к недостаткам действующего законодательства, а также злоупотреблениям со стороны участников общественных отношений. Среди наиболее распространенных видов злоупотребления выделяют:

1. Двойной учет электроэнергии, которая производится на объектах, использующих возобновляемые источники энергии. Он заключается в том, что один и тот же объем вырабатываемой энергии два и более раза отражается в учетных системах, в том числе в реестре атрибутов генерации, что позволяет осуществить повторный выпуск сертификатов происхождения и способствует созданию фиктивного оборота «зеленой» электроэнергии [9, с. 45].

Представляется, что причиной таких злоупотреблений является несовершенство законодательного регулирования. В частности, ст. 41.2 Федерального закона «Об электроэнергетике» определяет лишь общие принципы, связанные с формированием и обращением соответствующих сертификатов, однако, не включает в себя конкретных требований, которые распространялись бы на деятельность контролирующих субъектов по проверке уникальности предоставляемых данных, сверке объемов генерации с данными системного оператора и гарантирующего поставщика. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2023 года № 2359, определяющее правила сертификации, также не конкретизирует обозначенных аспектов, что приводит к формальному выполнению обязанностей учетных органов и, как следствие, образованию почвы для злоупотреблений, препятствующей реализации целей государственной политики в области поддержки возобновляемых источников энергии [4].

2. Манипулирование сведениями о происхождении электроэнергии, в рамках которого обычная энергия, например, произведенная из углеводородного топлива, выдается за «зеленую», что сопровождается предоставлением фиктивных или недействительных сертификатов, утверждающих ее происхождение от возобновляемых источников. Несмотря на то, что Федеральный закон «Об электроэнергетике» вводит требование об установлении факта генерации энергии на объекте, использующем возобновляемые источники, детальный порядок проведения проверки регламентируется только на уровне подзаконных актов, которые не могут охватить все без исключения категории источников и всех участников рынка. Помимо этого, законодателем не было определено строгих требований, предъявляемых к аудиту генерации, что создает условия для использования фиктивных сведений при получении сертификатов [11, с. 112].

3. Использование «зеленых» тарифов с целью получения субсидий в ситуации, когда отсутствуют законные основания предоставления данного вида выплат. Отдельные авторы отмечают [10, с. 221], что на практике могут возникнуть ситуации, в которых организации, задекларировавшие факт производства электроэнергии из возобновляемых источников, фактически используют традиционные источники, однако, при этом, получают повышенные тарифы и иные льготы от государства. Несмотря на то, что в Постановлении Правительства Российской Федерации от 28 мая 2013 года № 449 прямо предусматривается обязанность ведения технического учета по отношению к субъектам, использующим возобновляемые источники энергии, на практике проверки осуществляются с целью соблюдения формальности или уже после того, как лицо получит от государства меры поддержки [3].

Таким образом, с целью совершенствования законодательства Российской Федерации об использовании возобновляемых источников энергии, «зеленых» тарифах и сертификатах происхождения электроэнергии, необходимо решить существующие проблемы, создающие условия для злоупотреблений со стороны производителей и иных участников рынка. Представляется, что устранению выявленных проблем может способствовать:

– установление на уровне законодательства персональной ответственности для должностных лиц, которые обладают полномочиями по выпуску или подтверждению сертификатов, меры которой подлежат применению в случае, если такие функции реализуются без проверки фактических данных учета;

- определение в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях состава противоправного деяния, предусматривающего ответственность за фиктивную сертификацию электроэнергии, произведенной из возобновляемых источников [1];
- учреждение института обязательного внешнего аудио, предполагающего установление происхождения электроэнергии;
- разработка единой публичной базы данных, содержащей сведения о производителях, которым были выданы сертификаты, об их мощностях, объемах генерации электроэнергии и территориального расположения;
- ужесточение контроля за деятельностью производителей электроэнергии со стороны надзорных органов, включая Федеральную антимонопольную службу России и прокуратуру;
- введение института обязательного заключения о техническом соответствии объекта «зеленому» статусу, указывающему на использование возобновляемых источников электроэнергии.

Список используемых источников:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
2. Об электроэнергетике: Федеральный закон от 26 мая 2003 г. № 35-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.
3. О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности: Постановление Правительства РФ от 28 мая 2013 г. № 449 (ред. от 03.05.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 23. – Ст. 2909.
4. Об утверждении Правил квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии и (или) являющегося низкоуглеродным генерирующим объектом, Правил определения степени локализации на территории Российской Федерации производства генерирующего оборудования для производства электрической энергии с использованием возобновляемых источников энергии по генерирующему объекту и показателя экспорта промышленной продукции (генерирующего оборудования для производства электрической энергии с использованием возобновляемых источников энергии) и (или) работ (услуг), выполняемых (оказываемых) при проектировании, строительстве и монтаже генерирующих объектов, расположенных на территориях иностранных государств, по генерирующему объекту, Правил ведения реестра атрибутов генерации, предоставления, обращения и погашения сертификатов происхождения электрической энергии : Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2023 г. № 2359 // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 1. – Ст. 237.
5. Аскеров, Ф.Ф. Популяризация возобновляемых источников энергии в России: проблемы и перспективы / Ф.Ф. Аскеров // Оригинальные исследования. – 2025. – Т. 15. – № 2. – С. 258-261.
6. Виноградова, Е.В. Государственная поддержка возобновляемых источников энергии в России / Е.В. Виноградова // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. – 2020. – № 2-1. – С. 35-38.
7. Гухман, Г.А. Развитие использования возобновляемых источников энергии / Г.А. Гухман // Энергия: экономика, техника, экология. – 2020. – № 4. – С. 32-37.
8. Кутафина, Н.Н. Возобновляемые источники энергии: перспективы развития / Н.Н. Кутафина // Право и управление. – 2021. – № 3. – С. 86-88.
9. Лябин, М.П. Экспертная оценка текущего использования возобновляемых источников энергии в России / М.П. Лябин // Главный энергетик. – 2020. – № 6. – С. 45-47.
10. Орехов, В.А. Инновации в энергетике: возобновляемые источники энергии / В.А. Орехов // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 109-13. – С. 220-223.
11. Шильников, С.В. Возобновляемые источники энергии в России развитие и перспективы / С.В. Шильников // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 9. – № 4 (145). – С. 108-114.

Вербилова Алина Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРЕСЕЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПРИ БАНКРОТСТВЕ: ПРОБЕЛЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С АРБИТРАЖНЫМИ УПРАВЛЯЮЩИМИ И ФНС

***Аннотация.** Статья направлена на рассмотрение вопросов, связанных с правовым регулированием деятельности отечественных прокуроров, направленной на выявление и пресечение злоупотреблений в ходе производств по делам о банкротстве. Автором определяется сущность процедуры несостоятельности (банкротства), роль и значение в ней Федеральной налоговой службы России, арбитражных управляющих и органов прокуратуры. Основной акцент делается на определении проблем взаимодействия прокуратуры с ФНС России и арбитражными управляющими.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, прокуратура, межведомственное взаимодействие, несостоятельность (банкротство), арбитражный управляющий, нарушения в сфере банкротства, полномочия прокурора, мониторинг процедур банкротства.*

В условиях изменчивости экономической обстановки, влекущей за собой риски для увеличения количества несостоятельных должников, своевременное выявление и пресечение злоупотреблений при банкротстве, как одно из направлений деятельности отечественных прокуроров, приобретает особое значение. В этой связи, актуальными являются вопросы, связанные с необходимостью повышения эффективности взаимодействия органов прокуратуры с арбитражными управляющими и Федеральной налоговой службой России. Также следует оговориться, что выявление и пресечение злоупотреблений не просто приоритетная задача отдельных представителей органов исполнительной власти, но и важнейший элемент, способствующий обеспечению экономической безопасности [8, с. 186]. Такое высокое значение обозначенного института предопределяет необходимость всестороннего анализа актов действующего законодательства на предмет выявления в них недостатков, устранение которых может поспособствовать совершенствованию прокурорского надзора.

В первую очередь, следует определиться с тем, что именно понимается под несостоятельностью (банкротством). Законодатель в статье 2 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» раскрывает данное понятие следующим образом: «признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [2].

Анализ положений указанного выше документа позволяет также установить роль двух важнейших участников данной процедуры. Первый – арбитражный управляющий, выступающий в качестве независимого субъекта, администрирующего имущество должника и, по сути,

отвечающий за объективность всей процедуры несостоятельности (банкротства). Второй – Федеральная налоговая служба России, представляющая публичные интересы в сфере налоговых или иных платежей, например, посредством возбуждения производства по делу о банкротстве или предоставления информации о задолженностях конкретного субъекта по обязательным платежам, предусмотренным актами действующего законодательства [7, с. 190].

Деятельность российских прокуроров, регламентированная нормами Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [1], также обладает высоким значением в рассматриваемой процедуре, так как осуществляемый ими надзор представляет собой специализированный механизм, посредством практической реализации которого обеспечивается законность. В рамках своей деятельности прокуроры координируют усилия различных субъектов государственного управления не только в целях выявления злоупотреблений при банкротстве, но и их своевременного пресечения [3, с. 73].

Среди типичных нарушений, выявляемых прокурором в процессе осуществления надзора за процедурой банкротства можно выделить: создание искусственной неплатежеспособности; заключение мнимых и притворных сделок; намеренное искажение бухгалтерской и иной финансовой отчетности; сокрытие имущества; уничтожение бухгалтерской и другой документации; уход от налогов. Отдельно также следует отметить нарушения, наиболее часто совершаемые арбитражными управляющими: нарушение принципа независимости; неисполнение обязательств, предполагающих выявление имущества должника и его возврат; нарушение сроков, в течение которых должна быть проведена процедура банкротства; расходование денежных средств нецелевым способом [5, с. 35].

Прокуроры наделяются полномочиями по внесению представлений об устранении нарушений, инициации проверок, а также координации с Федеральной налоговой службой России в деле формирования реестра кредиторов и реализации иных функций. Прокуратура наделяется правом на получение доступа к материалам дел о банкротстве, иной имеющей значение информации, а также может привлекать ФНС России с целью оценки налоговых рисков и других последствий [9, с. 20]. Помимо этого, прокуроры также обрабатывают обращения граждан, что способствует выявлению фактов, свидетельствующих о нарушении действующего законодательства, которые могут быть рассмотрены в качестве основания для признания гражданина или юридического лица банкротом, например, в случае получения сообщения о систематической невыплате заработной платы.

На этапе производства по делу о банкротстве органы прокуратуры играют не меньшую роль, так как на них возлагаются полномочия по надзору за деятельностью не только органов государственной власти, включая ФНС России, но и иных субъектов, в число которых входят и арбитражные управляющие [5, с. 37]. Ряд аспектов, которые связаны с порядком организации и реализации такого надзора, в части взаимодействия с указанными участниками процедуры банкротства, обладают проблемами, напрямую сказывающимися на его практической эффективности.

Так, первая проблема связана с законодательным регулированием порядка обмена информацией, которая напрямую затрагивает производство по делу о банкротстве. Ранее уже отмечалось, что прокурор наделен полномочиями по ознакомлению с материалами дела, однако, законодательно порядок реализации таких полномочий не определен надлежащим образом. Упомянутые Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», не содержат в себе указаний на то, в течение какого срока арбитражный управляющий должен предоставить прокурору запрашиваемые сведения, что может напрямую сказываться на своевременности выявления злоупотреблений. Кроме того, форма выполнения обозначенных обязательств также не регламентирована, что является серьезным упущением в условиях цифровизации, создающей возможности для оперативного взаимодействия [4, с. 78].

Вторая проблема связана с отсутствием законодательных положений, которыми бы определялся порядок совместного мониторинга процедур банкротства на ранних этапах. Сегодня отсутствуют обязательные инструменты координации с ФНС России и

арбитражными управляющими, которые могли бы использоваться с целью выявления злоупотреблений и иных нарушений. По сути, прокуроры ограничены в своей деятельности, так как они могут лишь реагировать на поступающие жалобы, не обладая реальными средствами системного мониторинга, создающими условия для самостоятельного выявления нарушений. Само собой, эффективность такого мониторинга может быть достигнута только при условии, если на ФНС России и арбитражных управляющих будет возложено обязательство по предоставлению отчетов и иной информации [6, с. 267].

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что выявленные проблемы, связанные с недостаточной эффективностью взаимодействия прокуроров с арбитражными управляющими и ФНС России в рамках надзора за процедурой банкротства, могут быть решены посредством:

- закрепления на уровне Федерального закона «О несостоятельности (банкротства)» обязательства арбитражных управляющих по предоставлению органам прокуратуры информации, связанной с производством по делу о банкротстве, в течение 24 часов после поступления соответствующего запроса (информация может быть предоставлена как в печатной, так и в электронной форме при условии, если запрашивающий орган обладает материально-техническими возможностями ее получения и обработки);

- создания специальных координационных групп, включающих в свой состав прокуроров, сотрудников ФНС России и членов самоуправляемых организаций, с целью системного мониторинга процедур несостоятельности (банкротства) на предмет выявления злоупотреблений и иных нарушений (на сотрудников ФНС России и арбитражных управляющих должны быть возложены обязательства по своевременному предоставлению информации в прокуратуру об угрозе налоговых или иных махинаций, а также обязательства по предоставлению регулярных отчетов о проделанной работе с оценкой факторов риска).

Список используемых источников:

1. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-І (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
2. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
3. Ветошкин, И.В. Противодействие криминальному банкротству предприятий как одно из направлений прокурорского надзора в России / И.В. Ветошкин // Вестник научной мысли. – 2021. – № 3. – С. 69-75.
4. Голято, В.О. Правовое регулирование прокурорского надзора за расследованием преступлений в сфере экономики / В.О. Голято // Студенческий форум. – 2020. – № 40-3 (133). – С. 77-80.
5. Джаксыбаев, А.С. Проблемы прокурорского надзора за применением законодательства / А.С. Джаксыбаев // Мир Закона. – 2022. – № 3-4 (239-240). – С. 34-91.
6. Каширская, А.А., Пинчук, Л.В. Прокурорский надзор за соблюдением законности в сфере экономики / А.А. Каширская, Л.В. Пинчук // Традиции и инновации в науке и образовании. – 2024. – № 1. – С. 265-268.
7. Костюк, Н.Д. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве) / Н.Д. Костюк // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования. – 2020. – № 1. – С. 189-191.
8. Телегина, А.В. Прокурорский надзор за соблюдением законодательства о несостоятельности (банкротстве) / А.В. Телегина // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. – 2020. – № 1. – С. 185-187.
9. Чирьев, С.М. Использование прокурором полномочий по возбуждению производства об административном правонарушении за нарушение законодательства о несостоятельности (банкротстве) / С.М. Чирьев // Законность. – 2020. – № 5 (1027). – С. 18-21.

Вербилева Алина Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

Медведева Полина Николаевна,
студент Юридического института
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Боев Дмитрий Вячеславович,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация.** Представленная статья направлена на анализ особенностей деятельности органов прокуратуры в области выявления и пресечения финансирования экстремистской и террористической деятельности в Российской Федерации. Авторами определяется роль и значение прокуроров в деле противодействия терроризму и экстремизму, наиболее значимые механизмы прокурорского надзора. Отдельное внимание уделяется проблемам практики осуществления прокурорского надзора и нахождению путей их решения.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, прокуратура, противодействие экстремизму, противодействие терроризму, незаконное финансирование.*

Терроризм и экстремизм на текущий момент времени рассматриваются в качестве одних из наиболее негативных и общественно опасных явлений, которые угрожают не только жизни и здоровью граждан, их правам и свободам, но и национальной безопасности в целом. Именно по этой причине важно, чтобы на уровне государства задачи, связанные с выявлением и пресечением террористической и экстремистской деятельности, разрешались с максимальной эффективностью.

Ключевую роль в решении подобных задач в Российской Федерации играют прокуроры, которые наделены совокупностью надзорных полномочий, позволяющих использовать предусмотренные законодательством инструменты и средства, направленные на обеспечение законности финансовых операций и недопущение их использования в противоправных целях. Прокуратура, будучи одним из главных органов государственного надзора, осуществляет свою деятельность с целью выявления скрытых механизмов, которые используются для поддержки деструктивных структур [4, с. 112].

Для достижения обозначенной цели российские прокуроры осуществляют контроль за надлежащим применением положений Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности статьи 205.1 данного документа, закрепляющей состав такого преступления, как «Содействие террористической деятельности» [1], а также Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2]. С теоретической точки зрения, такой

надзор опирается на принципы превентивной юстиции, которые предполагают необходимость своевременной дачи квалификации действий физических или юридических лиц как преступных, что позволяет минимизировать возможный ущерб от финансирования, не редко маскируемое под абсолютно законные переводы или инвестиционные вложения [8, с. 59].

Сложность выявления и пресечения финансирования экстремистской и террористической деятельности обусловлена тем, что на практике подобные действия зачастую проходят через целую сеть неформальных каналов, например, наличных переводов, что существенно затрудняет процесс доказывания преступности конкретного деяния (группы деяния). Помимо этого, вовлечение в незаконное финансирование крупных участников рыночных отношений, близких к иностранным государствам организаций, также требует использования значительных ресурсов для того, чтобы выявить факт совершения преступления [9, с. 93].

Среди механизмов прокурорского надзора следует называть:

- внесение представлений об устранении нарушений, например, по отношению к финансовым организациям, которыми совершаются действия, создающие условия для осуществления нелегальных банковских или иных финансовых операций;
- инициирование проверок в отношении юридических лиц в ситуации, если в орган прокуратуры поступила информация, свидетельствующая о совершении незаконных действиях по финансированию террористических или экстремистских структур данными субъектами;
- контроль за исполнением решений, принятых в рамках решения задач по пресечению незаконного финансирования, например, о блокировке активов юридического лица;
- контроль за проведением профилактических мероприятий, в том числе проводимыми при взаимодействии с иными органами государственной власти;
- анализ отчетной документации о результатах надзора, материалов правоприменительной практики, с целью обобщения данной информации для ее дальнейшего использования при разработке новых стратегий предупреждения и противодействия экстремизму и терроризму [3, с. 204].

Несмотря на широту полномочий российских прокуроров, а также существование множественных механизмов прокурорского надзора, на сегодняшний день учеными и исследователями называется целый ряд проблем, которые препятствуют достижению целей и решению задач, которые напрямую связаны с выявлением и пресечением финансирования экстремистской и террористической деятельности.

Первая проблема обладает организационным характером и выражается в недостаточном количестве кадров органов прокуратуры, которые могут быть направлены на борьбу с терроризмом и экстремизмом. На российских прокуроров возлагается множество обязанностей в области надзора за законностью тех или иных видов деятельности, однако, область финансирования терроризма и экстремизма, особенно в условиях постоянно развивающихся информационных технологий, требует наличия специальных знаний и навыков, которые могут позволить эффективно анализировать данные о нарушениях, своевременно принимать решения, способствующие ликвидации незаконных финансовых потоков и привлечению виновных лиц к ответственности [6, с. 645]. Дефицит кадров, обладающих такими качествами, в совокупности с высоким уровнем нагрузки, возлагаемой на прокуроров, не позволяет решать задачи по оперативному реагированию на сообщения о незаконном финансировании, что безусловно является существенной проблемой.

Вторая проблема является не менее значимой, так как она напрямую сказывается на эффективности прокурорского надзора. Так, отдельные авторы отмечают [7, с. 145], что граждане Российской Федерации, равно как и многие субъекты предпринимательской деятельности, недостаточно информированы о тех индикаторах, которые могут указывать на совершение незаконных финансовых операций. Подобный пробел приводит к пропуску очевидных сигналов и, как следствие, непоступлению важной информации в органы прокуратуры [5, с. 409].

Таким образом, можно заключить, что практическая деятельность органов прокуратуры в области выявления и пресечения финансирования экстремистской и террористической деятельности обладает двумя наиболее значимыми проблемами, которые могут быть решены посредством:

- расширения штата органов прокуратуры путем найма большего количества сотрудников;
- разработки комплекса мероприятий, направленных на повышение уровня профессиональной квалификации прокуроров в области борьбы с финансированием экстремизма и терроризма;
- создания специализированных подразделений по финансовому надзору, члены которых должны в качестве основного направления своей деятельности осуществлять систематический мониторинг за подозрительными денежными переводами и иными финансовыми операциями, взаимодействовать с другими органами государственной власти, юридическими и физическими лицами в целях выявления нарушений и т.д.;
- совершенствования механизмов информирования населения об индикаторах, указывающих на совершение незаконной финансовой операции, с целью повышения уровня вовлечения граждан и юридических лиц в деятельность по выявлению фактов финансирования терроризма и экстремизма на ранних этапах.

Список используемых источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №3 3. – Ст. 3418.
3. Олифиренко, Е.П. Особенности организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремизму / Е.П. Олифиренко // В сборнике: актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции 26 апреля 2023 года. – 2023. – С. 202-206.
4. Тен, А.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму / А.В. Тен // В сборнике: Студент года 2024. сборник статей IV Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза, 2024. – С. 112-114.
5. Хасанова, Н.Р., Гречкина, Е.А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об экстремизме / Н.Р. Хасанова, Е.А. Гречкина // Молодой ученый. – 2022. – № 20 (415). – С. 408-410.
6. Хохлов, А.А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму / А.А. Хохлов // Молодой ученый. – 2024. – № 51 (550). – С. 644-646.
7. Чугайнова, Е.А. Прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму / Е.А. Чугайнова // Альманах молодого исследователя. – 2020. – № 9. – С. 144-148.
8. Чукреев, В.А. К вопросу о проблемах прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму / В.А. Чукреев // Бизнес, менеджмент и право. – 2020. – № 1 (45). – С. 58-62.
9. Юденков, А.В. Прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму и терроризму / А.В. Юденков // Социальное управление. Электронное приложение к научно-практическому журналу «Правопорядок: история, теория, практика». – 2020. – Т. 2. – № 1-2. – С. 89-95

Визирякина Анастасия Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета
(Белгород, Россия)

Шопина Виктория Константиновна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Лукиянчикова Елена Федоровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОКРАЩЕНИЯ ВЫБРОСОВ УГЛЕРОДА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ

***Аннотация.** В статье рассматривается эволюция и современное состояние правового регулирования сокращения выбросов парниковых газов в энергетическом секторе в контексте глобальных климатических вызовов. Проанализированы ключевые этапы формирования международной климатической политики – от Рамочной конвенции ООН об изменении климата (1992 г.) и Киотского протокола до Парижского соглашения (2015 г.), обозначившего переход к новой парадигме регулирования на основе национально определяемых вкладов. Особое внимание уделено имплементации международных обязательств в национальное законодательство Российской Федерации, включая анализ Федерального закона № 296-ФЗ "Об ограничении выбросов парниковых газов", Стратегии низкоуглеродного развития до 2050 года и подзаконных актов, формирующих систему углеродного регулирования. Выявлены правовые проблемы и перспективы развития механизмов декарбонизации энергетики, включая необходимость баланса между императивным регулированием и рыночными стимулами, гармонизацией национальных и международных стандартов, обеспечением системности правового регулирования.*

***Ключевые слова:** декарбонизация энергетики, изменение климата, Парижское соглашение, национально определяемые вклады, углеродное регулирование, парниковые газы, низкоуглеродное развитие, климатическое право, энергетический переход, правовые механизмы.*

Проблема антропогенного изменения климата является одной из наиболее значимых глобальных вызовов современности. Энергетический сектор, основанный на сжигании ископаемого топлива, вносит решающий вклад в эмиссию парниковых газов, являясь ключевым фактором наблюдаемого потепления. В этой связи декарбонизация энергетики превратилась из чисто экологической задачи в комплексную экономическую, технологическую и правовую проблему, требующую скоординированных международных и национальных усилий.

С 1988 года начала свою деятельность Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), созданная ООН и являющаяся основной научной организацией, изучающей вопросы изменения климата. Регулярные доклады МГЭИК

анализируют и обобщают информацию и научные знания об изменении климата, а также о возможных последствиях и рисках, обусловленных этим изменением. Особенность парниковых газов заключается в том, что они пропускают коротковолновое излучение, исходящее от солнца, и задерживают инфракрасное длинноволновое тепловое излучение, исходящее от Земли в космос.

Формирование правовой базы для сокращения выбросов в энергетическом секторе представляет собой сложный многоуровневый процесс, основанный на принципах международного экологического права. Отправной точкой современной системы климатического регулирования стало принятие Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) 1992 года [1]. Данный международный договор заложил фундаментальные принципы сотрудничества государств в области противодействия изменению климата, среди которых особое значение имеет принцип общей, но дифференцированной ответственности.

Ратификация Российской Федерацией РКИК ООН была осуществлена Постановлением Правительства РФ от 16 апреля 1996 года № 552 [2], что создало правовые основания для разработки национальной климатической политики. В развитие положений Конвенции был принят Киотский протокол 1997 года [3], который ввел конкретные количественные обязательства стран по сокращению выбросов.

Качественно новый этап в развитии международного климатического права связан с принятием Парижского соглашения 2015 года. Данный международный договор, вступивший в силу 4 ноября 2016 года, принципиально изменил подход к распределению обязательств между государствами. В отличие от Киотского протокола, Парижское соглашение основано на системе национально определяемых вкладов (НОВ), что позволяет каждой стране-участнице самостоятельно определять меры по сокращению выбросов с учетом национальных особенностей и возможностей.

Основным инструментом реализации целей Соглашения стала система национально определяемых вкладов (НОВ), представляющая собой особую форму международно-правовых обязательств, сочетающих элементы договорных и программных документов. Данный подход позволяет каждой стране-участнице самостоятельно определять меры по сокращению выбросов с учетом национальных особенностей и возможностей, сохраняя при этом общую направленность на достижение глобальных климатических целей.

Важнейшим правовым нововведением Парижского соглашения стало установление глобальной цели по удержанию прироста средней температуры "намного ниже" 2°C относительно доиндустриального уровня. Эта цель имеет не только политическое, но и правовое значение, поскольку определяет вектор развития национальных законодательств и служит ориентиром для оценки достаточности принимаемых мер. Для энергетического сектора выполнение этой цели означает необходимость кардинальной трансформации и перехода к низкоуглеродной энергетической системе.

Принятие Парижского соглашения обеспечило возможность использовать правовые инструменты для защиты от изменений климата – климатические иски. Для достижения стратегической цели ограничения глобального потепления Парижское соглашение создало обязательства для государств с дополнительными обязательствами для различных субъектов. Граждане и организации постепенно констатируют расширение своих прав и возможностей в сфере защиты климата от изменений.

Особое значение в механизме Парижского соглашения занимают положения о прозрачности и отчетности. Созданный механизм прозрачности предоставляет беспрецедентные возможности для мониторинга климатических действий на глобальном уровне, формируя основу для взаимного доверия и оценки коллективного прогресса. Для энергетического сектора это означает необходимость создания надежных систем учета выбросов и передачи соответствующей информации в рамках международных процедур.

Еще одной важной особенностью Парижского соглашения является признание роли адаптации к неизбежным последствиям изменения климата. Положения об адаптации создают

правовые основания для разработки национальных программ защиты наиболее уязвимых секторов экономики, включая энергетику, что особенно актуально в контексте обеспечения энергетической безопасности в условиях меняющегося климата.

Важным элементом новой парадигмы стало закрепление принципа постепенного повышения амбициозности. Механизм пересмотра и усиления НОВ каждые пять лет создает динамичную систему климатического регулирования, позволяющую оперативно реагировать на новые научные данные и технологические достижения. Это создает долгосрочные ориентиры для инвестиций в модернизацию энергетического сектора.

Особого внимания заслуживают положения Соглашения о финансовой поддержке развивающихся стран. Создание Зеленого климатического фонда и других финансовых механизмов представляет собой практическую реализацию принципа общей но дифференцированной ответственности, обеспечивая справедливый переход к низкоуглеродной экономике [8]. Для мировой энергетики это открывает возможности для распространения чистых технологий в развивающихся странах.

Для энергетического сектора система НОВ означает необходимость разработки долгосрочных стратегий низкоуглеродного развития, требующих координации норм энергетического, экологического и экономического права. Трансформация энергетики становится ключевым элементом выполнения обязательств по Парижскому соглашению, что находит отражение в национальных законодательствах стран-участниц [9].

Российская Федерация ратифицировала Парижское соглашение Федеральным законом от 04.11.2019 № 301-ФЗ [5]. В пояснительной записке к закону отмечалось, что "ратификация Соглашения будет способствовать формированию в стране низкоуглеродной экономики, модернизации энергетического сектора и повышению энергоэффективности" [7].

Концептуальная основа государственной политики в области предупреждения изменения климата была заложена еще до ратификации ею Парижского соглашения – Климатической доктриной РФ, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 декабря 2009 года № 861-рп, которой устанавливается, что развитие нормативно-правовой базы в области изменений климата является основной предпосылкой создания и эффективного функционирования механизма реализации политики в этой области.

В развитие обязательств по Парижскому соглашению Указом Президента РФ от 04.11.2020 № 666 была утверждена "Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года" [8]. Данным документом установлена цель по достижению углеродной нейтральности экономики к 2060 году. Правовой анализ Стратегии позволяет выделить следующие ключевые направления регулирования в энергетическом секторе:

1. Поэтапное ограничение использования ископаемого топлива;
2. Стимулирование развития возобновляемой энергетики;
3. Внедрение наилучших доступных технологий;
4. Создание системы углеродного регулирования.

Реализация амбициозных целей по декарбонизации энергетического сектора, провозглашенных на высшем политическом уровне, потребовала кардинального обновления национального законодательства, формирования целой системы взаимосвязанных нормативных правовых актов, призванных транслировать международные обязательства в конкретные правовые нормы, регулирующие деятельность хозяйствующих субъектов. Основу этого формирующегося правового массива составляет Федеральный закон от 09.07.2021 № 296-ФЗ "Об ограничении выбросов парниковых газов"[10], который по праву считается краеугольным камнем отечественного климатического законодательства. Данный закон ввел в правовое поле России принципиально новые институты и понятия, создав базис для построения комплексной системы углеродного регулирования. Ключевым нововведением стала система государственного учета выбросов парниковых газов, которая устанавливает единые правила для всех значимых эмитентов, формируя тем самым надежную информационную основу для дальнейшей политики. Без точного и верифицированного учета

невозможно ни установление лимитов, ни введение экономических инструментов регулирования, что делает данный институт фундаментальным для всей конструкции.

Законом также введено понятие углеродной отчетности, представляющей собой не просто формальную обязанность, а инструмент управления, позволяющий государству отслеживать динамику выбросов, оценивать эффективность принимаемых мер и корректировать политику. Особое значение имеет закрепленный в законе эксперимент по квотированию выбросов парниковых газов, который, будучи запущенным в нескольких пилотных регионах, призван апробировать на практике рыночный механизм снижения выбросов, известный как "cap-and-trade". В рамках этого эксперимента создается правовой режим для обращения углеродных единиц, которые, по сути, представляют собой новый вид актива, порождающий целый комплекс вопросов, связанных с их гражданско-правовым статусом, оборотом и учетом. Наконец, закон устанавливает основы для процедуры верификации отчетности, вводя в правовое поле фигуру независимого верификатора, чье заключение придает представленным данным необходимую достоверность, без которых рыночные механизмы функционировать не могут.

Принятие рамочного Закона № 296-ФЗ стало важным шагом, однако его реализация потребовала активной нормотворческой деятельности на подзаконном уровне. Именно подзаконные акты наполняют конкретным содержанием бланкетные нормы закона, определяя технические параметры, процедуры и административные регламенты. В этом контексте особую роль играет Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587, которым утверждены критерии отчета о достижении целей по сокращению выбросов [9]. Этот документ утверждает цели, закрепленные в Стратегии низкоуглеродного развития, переводя их из области общей политики в плоскость измеримых и проверяемых показателей, что создает основу для последующей оценки эффективности деятельности как государственных органов, так и регулируемых организаций.

В целом, систему углеродного регулирования, формируемую на основе Закона № 296-ФЗ, нельзя назвать жесткой или амбициозной. По сути, она регулирует не выбросы ПГ, а отчетность о выбросах и порядок реализации на территории Российской Федерации климатических проектов, направленных на сокращение выбросов.

Другим ключевым подзаконным актом является Приказ Минэкономразвития России от 01.12.2022 № 773, детализирующий правила представления отчетов о выбросах. Этот нормативный правовой акт устанавливает исчерпывающие требования к форме, содержанию, срокам и порядку представления отчетности, а также регламентирует взаимодействие между частными организациями и уполномоченными органами государственной власти. Детализация этих процедур имеет первостепенное значение для формирования единообразной практики и предотвращения злоупотреблений. Параллельно с этим развивается законодательство в смежных отраслях, прежде всего в сфере энергетики и энергоэффективности. Так, Федеральный закон "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности" продолжает играть важнейшую роль в деле снижения углеродоемкости экономики, поскольку энергосбережение является одним из наиболее эффективных способов сокращения выбросов.

Вносимые в него изменения направлены на актуализацию требований в свете новых климатических вызовов. Не остается в стороне и законодательство о возобновляемой энергетике, поддержка которой через механизм договоров о предоставлении мощности (ДПМ ВИЭ), установленный Постановлением Правительства РФ от 28.05.2013 № 449[7], стала заметным элементом государственной политики по диверсификации энергобаланса и снижению его зависимости от ископаемого топлива. Формируемая правовая база носит комплексный, межотраслевой характер, затрагивая нормы административного, финансового, гражданского, предпринимательского и экологического права. Это порождает задачу обеспечения системной согласованности вновь принимаемых норм с уже существующим массивом законодательства, предотвращения правовых коллизий и пробелов, которые могли бы затруднить правоприменительную практику.

Сложность заключается в необходимости балансировки между императивностью публично-правового регулирования, требующего от государства обеспечения соблюдения

обязательных требований, и созданием гибких, рыночно-ориентированных стимулов для бизнеса, без которых масштабная трансформация энергетического сектора невозможна. Национальное правовое регулирование в контексте международных обязательств представляет собой динамичный, развивающийся процесс, в рамках которого происходит постепенное, но неуклонное внедрение принципов низкоуглеродного развития во все сферы экономики, начиная с ее ключевого сектора – энергетики. Этот процесс требует постоянного мониторинга и корректировки, основанных на анализе как правоприменительной практики, так и достижений научно-технического прогресса.

Создание эффективной системы правового регулирования сокращения выбросов в энергетической отрасли представляет собой многогранный и постоянно развивающийся процесс. Его успешная реализация зависит от согласованной работы как на международной арене, так и внутри страны.

Значительные возможности связаны с правовым обеспечением внедрения экологически чистых технологий. Формирование благоприятных нормативных условий для распространения наилучших доступных технологических решений в энергетике будет способствовать достижению целей устойчивого развития.

Важной характеристикой совершенствуемой правовой системы должна стать ее целостность и непротиворечивость. Устранение фрагментарности и создание единого концептуального подхода к правовому регулированию позволят повысить эффективность принимаемых мер.

Расширение международного сотрудничества открывает дополнительные возможности для развития национальной правовой системы. Участие в международных экологических инициативах и программах технологического партнерства обогащает правовую практику и способствует интеграции в глобальные процессы.

Список используемых источников:

1. Рамочная конвенция ООН об изменении климата (принята 9 мая 1992 года) // Бюллетень международных договоров. 1996. № 12. С. 3-15. – Основополагающий международный документ, устанавливающий принципы сотрудничества государств в области климатической политики.

2. Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (принят 11 декабря 1997 года) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 5. С. 3-22. – Первый международный договор, установивший количественные обязательства стран по сокращению выбросов парниковых газов.

3. Парижское соглашение (принято 12 декабря 2015 года) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 45. Ст. 6238. – Современная международная правовая основа для глобальных действий по борьбе с изменением климата

4. Федеральный закон от 09.07.2021 № 296-ФЗ "Об ограничении выбросов парниковых газов" // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28. Ст. 5470. – Базовый национальный акт, устанавливающий правовые основы углеродного регулирования. Указ Президента РФ от 04.11.2020 № 666 "О сокращении выбросов парниковых газов"

5. Постановление Правительства РФ от 16.04.1996 № 552 "О присоединении Российской Федерации к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата" // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1988. – Документ, подтверждающий участие России в РКИК ООН

6. Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 "Об утверждении критериев отчета о достижении целей по сокращению выбросов парниковых газов" // Собрание законодательства РФ. 2021. № 39. Ст. 6542. – Подзаконный акт, конкретизирующий требования к отчетности.

7. Приказ Минэкономразвития России от 01.12.2022 № 773 "Об утверждении Правила представления отчетов о выбросах парниковых газов" // Официальный интернет-портал правовой информации. – Ведомственный акт, регулирующий процедуру представления углеродной отчетности.

Власова Ульяна Александровна,
аспирант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ГОСУДАРСТВО КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИНТЕРЕСОВ НАРОДА

***Аннотация.** Актуальность темы представительства государством интересов народа обусловлена необходимостью преодоления упрощенного противопоставления «государства» и «народа» в публичном дискурсе, а также потребностью в теоретическом осмыслении механизмов балансировки разнородных общественных запросов. Целью статьи является раскрытие конституционно-правовой природы и содержания роли государства как представителя интересов многонационального народа Российской Федерации.*

В результате проведенного исследования установлено, что представительская функция государства являет собой активный процесс интерпретации, формирования и реализации воли граждан через систему государственных институтов. Автор сделал вывод, что сущность интересов народа раскрывается через диалектическое единство и взаимозависимость частных и публичных интересов. Ключевым условием эффективного и легитимного представительства является способность государства находить оптимальный баланс между этими двумя категориями интересов, что обеспечивается через конституционно-правовые механизмы и адаптацию к динамично меняющимся общественным потребностям.

***Ключевые слова:** государство, представительство, интересы народа, суверенитет, государственная власть, легитимность, публичные интересы, частные интересы*

Вопрос соотношения государственной власти и интересов народа является одним из обсуждаемых на протяжении долгого времени в контексте философии и юридической науки. Исторически государство сформировалось как институт, призванный разрешать внутренние конфликты, обеспечивать внешнюю безопасность и поддерживать порядок внутри государства. Идея о том, что государственная власть – это не самоцель, а инструмент, с помощью которого становится возможным выражение и защита интересов народа все чаще упоминается в контексте современных демократических концепций (делиберативная демократия, партиципаторная демократия и др.). Вопреки этому в публичном дискурсе зачастую «государство» и «народ» представляются как противопоставленные друг другу силы, что является несостоятельным при рассмотрении государственной власти через призму конституционных положений, исходя из смысла которых государственная власть – производная от воли и суверенитета народа, являющегося единственным источником власти.

В политической теории существуют различные подходы к пониманию государства и того, чьи интересы оно представляет. Сторонники марксистского подхода рассматривали государство как «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии» [1, с. 27]. В свою очередь теория общественного договора содержит точку зрения о том, что «государство – это всегда договор между людьми, который является основой политической власти» [2, с. 35], то есть можно говорить о том, что государство является продуктом делегирования прав суверенным народом для защиты своих интересов.

Фундаментальным в контексте исследуемой темы является принцип народного суверенитета, закрепленный в ст. 3 Конституции России, согласно которому носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Стоит отметить, что указанная норма носит не декларативный, а учредительный характер, поскольку она устанавливает приоритет власти народа. Таким образом, государство институционализируется как представитель народа, уполномоченный осуществлять властные полномочия исключительно в интересах «принципала» – суверенного народа.

Концепт интересов народа сам по себе содержит некоторую дилемму, в связи с тем, что народ – это не цельный унифицированный субъект, а сложная совокупность групп и индивидов, обладающих разнородными потребностями и запросами. В таких условиях государство не может просто выполнять роль «зеркала», отражающего интересы, оно неизбежно становится актором, активным участником в их интерпретации, формировании и претворении в конкретные действия.

Несмотря на то, что определение понятия «интересы народа» отсутствует в нормативных правовых актах, можно говорить о том, что оно раскрывается через ряд фундаментальных конституционных принципов и положений. Глава 2 Конституции провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, и возлагает на государство обязанность по признанию, соблюдению и защите указанных прав. Эти положения отражают индивидуальную составляющую интересов народа – интересы народа как совокупность интересов индивидуумов, так как народ, являясь социополитическим субъектом представляет собой совокупность интересов индивидов, каждый из которых является носителем частных интересов. Более универсальные составляющие интересов народа отображаются в положениях, посвященных провозглашению России социальным государством и правовым государством, политика которого направлена на создание условий, способных обеспечить гражданам достойный уровень жизни, в том числе посредством предоставления защиты и охраны труда, здоровья, поддержки семьи и материнства и др. социально значимых направлений государством (ст.ст. 1, 2, 7).

Кроме индивидуальных прав, «интересы народа» включают более широкие, коллективные ценности, к числу которых можно отнести территориальную целостность, суверенитет, национальную безопасность, сохранение культурного наследия и развитие государства и др. Эти ценности и блага можно объединить понятием «публичные интересы». Так, публичные интересы – это такие общественные блага, которые по своей природе не могут быть эффективно созданы или гарантированы исключительно частными усилиями и требуют коллективных действий, опосредованных государством. Данные аспекты можно объединить в понятие «публичные интересы», которые государство обязано защищать и в тех случаях, когда такие интересы вступают в противоречие с интересами отдельных лиц.

Говоря о синергии частных и публичных интересов В.С. Зубкова отмечает, что «Особенностью публичного интереса можно считать значимость частных интересов. Значимый состав частных интересов приводит их в категорию публичных интересов. Интерес может стать общественным, национальным или государственным в связи со своей массовостью» [3, с. 76]. Ж.-Ж. Руссо в своих трудах подчеркивал, что «волю делает общему не столько число голосов, сколько общий интерес, объединяющий голосующих» [4, с. 222]. Таким образом, массовый характер интересов действительно переводит их из категории частных в публичные, но не сама массовость делает их таковыми, а объединение, общность этих интересов.

Безусловно, что легитимным представителем интересов всего народа может быть только государство, так как несмотря на то, что единственным источником власти признается народ, ее фактическое осуществление возможно исключительно через государственные институты. Только государство может трансформировать «абстрактную» волю народа в легальные процедуры и конкретные решения. Государство обладает исключительным правом установления общеобязательных норм поведения – законов, которые являются основным инструментом для выражения и защиты общественных интересов. Именно посредством принятия законов государство юридически оформляет коллективную волю народа, закрепляет нормативно-правовую охрану его интересов.

Большинство текстов конституций государств с демократическим режимом правления содержат в преамбулах конструкции формата «Мы, народ...», «Народ провозглашает...» (Конституции США [5], Франции [6], Швейцарии [7] и ряда других стран), либо положения о том, что носителем суверенитета и единственным источником власти является народ (ст. 3 Конституции России). Так, народ представляет собой первоисточник власти, а государство выступает силой, которая способна претворить эту власть в реальные действия.

На наш взгляд, оптимальное представление интересов народа проявляется не в абсолютном подчинении тем или иным требованиям определенных социальных групп, а в способности государства найти баланс между частными и публичными интересами, учитывая их взаимозависимость – процветание частных интересов возможно только в условиях стабильной правовой системы, надежной инфраструктуры и социальных гарантий, и наоборот, поддержание публичных интересов зависит от реализации частных. Именно баланс частных и публичных интересов будет служить отражением «интересов народа».

Что касается легитимности такого представительства, то она определяется не столько формальными гарантиями, закрепленными в нормативных правовых актах, сколько результатами их реализации. Ключевым фактором сохранения легитимности является способность государства адаптироваться к динамично меняющимся потребностям общества. В случае неспособности государства к такой адаптации неизбежен кризис легитимности, возникающий тогда, когда разрыв между декларативными положениями о представительстве народа и реальной возможностью государства осуществлять его становится непреодолимым.

Таким образом, роль государства как представителя интересов народа выходит за рамки пассивной «трансляции» воли граждан, она конституируется как сложный процесс, в ходе которого государство одновременно интерпретирует, формирует и претворяет в жизнь волю народа. Для того, чтобы государство наиболее достоверно могло представлять интересы граждан необходимо соблюдение баланса между частными и публичными интересами.

Список используемых источников:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Политиздат. 1974. 63 с.
2. Лезина Е.П., Чучадеев Д.А. Теория общественного договора в трудах Дж. Локка // Контентус. 2023 № 1. С. 34-39.
3. Зубкова В.С. Понятие и правовая природа баланса частных и публичных интересов в конституционном регулировании // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6 (104). С. 74-78.
4. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М: Канон-пресс, «Кучково поле», 1998. 416 с.
5. Конституция США [Электронный ресурс] с изм. и доп. // URL: <https://worldconstitutions.ru>
6. Конституция Франции [Электронный ресурс] с изм. и доп. // URL: <https://worldconstitutions.ru>
7. Конституция Швейцария [Электронный ресурс] с изм. и доп. // URL: <https://worldconstitutions.ru>

Волков Максим Сергеевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПОЖИЗНЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу проблемы пожизненного лишения свободы в России, его правовых, социальных и этических аспектов. В последние годы данная мера наказания вызывает широкий общественный резонанс и обсуждение среди правозащитников. Основное внимание уделяется вопросам правоприменения, условиям содержания осужденных, а также последствиям для общества и самих осужденных. Рассматриваются дискуссии вокруг целесообразности применения пожизненного лишения свободы, его влияния на уровень рецидивизма и возможности реабилитации. Статья также затрагивает международные стандарты, касающиеся пожизненного лишения свободы, и анализирует, насколько российское законодательство соответствует этим нормам. В заключение поднимаются предложения по реформированию системы наказаний в России с целью повышения ее гуманности и эффективности.*

***Ключевые слова:** пожизненное лишение свободы, условия содержания, рецидивизм, международные стандарты, гуманизм, реабилитация.*

В российской уголовно-правовой системе пожизненное лишение свободы отнесено к числу наиболее строгих санкций, применяемых по отношению к осуждённым за особо тяжкие преступления. Круг деяний, за которые может быть назначено пожизненное заключение, строго ограничен – речь идёт прежде всего о преступлениях, представляющих исключительную угрозу жизни, здоровью людей, общественной безопасности, а также посягательствах на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

В 1992 году в России введена новая мера наказания, которая стала альтернативой смертной казни. В статье 24 УК РСФСР была зафиксирована возможность замены смертельного приговора на длительное лишение свободы, пожизненное заключение. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 (далее – УК РФ) в статье 57 признал пожизненное лишение свободы альтернативой смертной казни [1].

Характеристики пожизненного заключения свидетельствуют о его исключительной карательной функции. Его глубокий репрессивный потенциал, по своей строгости уступающий только смертной казни, стал одной из причин выделения этого наказания в самостоятельный институт. Реализация наказания всегда сопряжена с тяжёлыми моральными и физическими испытаниями для осуждённых, что связано с самим понятием лишения личной свободы. Важной особенностью можно назвать и тот факт, что данная мера всегда используется вопреки воле осуждённого, то есть в принудительном порядке. Следует учесть и специфику применения: наказание может налагаться только на лиц, признанных виновными в особо тяжких преступлениях.

Исторический анализ свидетельствует, что традиция применения пожизненных мер наказания существовала в России и ранее: аналогичные виды ответственности (каторга, бессрочная ссылка) закреплялись в ряде дореволюционных нормативных актов, таких как Судебник 1550 года, Соборное уложение 1649 года, Воинский устав Петра I 1716 года и в законодательстве XIX века. Однако в советский период пожизненное заключение практически не использовалось, и его возвращение в уголовную политику отражает рост особо тяжкой преступности в последние десятилетия [2].

На текущий момент существует 7 специальных исправительных учреждений, предназначенных для содержания лиц, приговорённых к пожизненному заключению, в структуре Федеральной службы исполнения наказаний.

Содержание осуждённых к пожизненному заключению организовано в учреждениях особого режима, где они содержатся отдельно от других категорий заключённых. Порядок функционирования этих колоний и особенности режима определены статьями 126 и 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, что обеспечивает регламентацию как организации труда, так и быта осуждённых [2].

Как правило, осуждённые, получившие пожизненный срок, содержатся в двухместных камерах. В случае угрозы безопасности или по просьбе самих заключённых, равно как и по усмотрению руководителя исправительного учреждения, им предоставляется возможность изоляции в одиночных камерах. При этом внедряется учёт влияния условий содержания на производительность труда осуждённых в камерах. Каждому заключённому ежедневно разрешено находиться на свежем воздухе в течение полутора часов. При положительной характеристике и технической возможности время пребывания на улице может быть увеличено до двух часов.

Осуждённого первые 10 лет содержат в строгом режиме. При отсутствии нарушений наказания его переводят на 10 лет в обычный режим, а в случае отсутствия взысканий и на этом этапе – на облегчённый.

Пожизненное заключение, в отличие от смертной казни, не является наказанием, влекущим необратимые последствия, что отражает его гуманистическую направленность в уголовном праве. Реализация подобного вида наказания соответствует идее социальной справедливости, поскольку даёт возможность обществу защищаться от наиболее опасных преступников без применения крайних, необратимых мер. Ожидается, что фактическое применение пожизненного лишения свободы способствует росту доверия к институту правосудия и укреплению уверенности граждан в эффективности системы обеспечения общественной безопасности через наказание, не сопряжённое с физическим уничтожением осуждённых.

Рассматривая современные подходы, А. Н. Баламут, анализируя зарубежный опыт и отечественные статистические данные, приходит к заключению, что отказ от смертной казни не ведёт к увеличению уровня тяжких преступлений [3].

Вопрос о приемлемости пожизненного лишения свободы в морали остаётся предметом горячих споров. Профессор А.А. Андреева неизменно критиковала введение такой меры, считая её аморальной и лишённой гуманизма даже по сравнению с казнью. Любопытно, что сами заключённые за тяжкие преступления неоднозначно реагируют на сроки: кто-то, страдая от психологической муки одиночества, желал бы скорее умереть, другие, вопреки содеянному, боятся смерти [4].

Противники смягчения уголовного наказания полагают, что длительные сроки ошибочно кажутся менее суровым приговором. Некоторые, поддерживающие смертную казнь, воспринимают пожизненное лишение свободы как унижительную мучительную медленную смерть в рассрочку. Аналогичная позиция нередко встречается и среди родственников потерпевших, вынужденных созерцать казённое заточение, которое кажется им излишне мягким по сравнению с ожиданием истинного возмездия [5].

Выражение «смерть в рассрочку» стало обиходным для описания продолжительных психологических и моральных испытаний, которым подвергаются осуждённые. При всём этом нельзя сбрасывать со счетов вероятность ответного насилия со стороны пострадавших от совершённых преступлений, что усиливает давление на людей, освобождённых по УДО.

Несмотря на провозглашение высоких идеалов, в обществе в разгаре жаркие дебаты относительно моральной законности и практической пользы пожизненного заключения. Среди основных минусов отечественной системы пожизненного отбывания наказания обычно выделяют [6]:

1. Мнение общества относительно содержания в местах лишения свободы пожизненно осужденных преступников, включая убийц, педофилов и серийных убийц, нарушающих нормы общественной морали, носят разнонаправленный характер. Среди заинтересованных сторон выделяются налогоплательщики, в том числе пострадавшие от действий таких правонарушителей. В ч. 5 ст. 79 УК РФ регламентирует условия условно-досрочного освобождения для пожизненно осужденных, однако даже максимальное наказание вряд ли способствует улучшению поведения преступников, аналогичных Чикатило [7].

Фактически убийца, лишивший кого-то жизни, продолжает жить, используя ресурсы и поддержку ближайших родственников погибшего.

При условии, что пожизненно заключенного условно-досрочно могут освободить спустя 25 лет, ему будет около 50 лет и старше. В этом возрасте трудоустройство и адаптация в обществе затруднены, что ведёт к социальной маргинализации.

2. Пребывание в заключении влияет не только на здоровье. Мировоззрение, система ценностей и поведенческие шаблоны меняются. По возвращении поддерживать социальные связи сложно, их быстрое восстановление – маловероятно.

3. После освобождения лица с судимостью нередко сталкиваются с неприятием и в обществе, и среди родственников, что может стать катализатором для рецидива.

4. Государственный бюджет расходует значительные средства на содержание лиц, пожизненно лишённых свободы, которые возможно было направить на приоритетные сферы, к примеру, медицину, образование, спорт.

5. Тезис о том, что пожизненное заключение является альтернативой смертной казни, не имеет теоретических и практических обоснований. Эта мера наказания вызывает противоречия: она не менее сурова, чем смертная казнь, а в ряде случаев причиняет ещё большие страдания и осуждённым, и их близким, и потерпевшим.

Международная уголовная политика имеет тенденцию к неприменению смертной казни и гуманизации наказаний, обосновывая это тем, что пожизненное заключение, которое часто воспринимается как пережиток прошлого и чрезмерно суровое решение, не вписывающееся в новые стандарты. Центр внимания смещается на реабилитацию и полное возвращение осуждённых в общественную жизнь, с упором на возвращение на путь социальных изменений. В России пожизненное заключение применяется как замена казни, будучи альтернативой в случае отказа от её применения.

Анализ статистики 2024 года свидетельствует, что в среднем около 70 обвиняемых получают наказание в виде пожизненного заключения [8].

Что касается общего количества пожизненно заключённых в России, то на март 2024 года в стране насчитывалось 1093 человека, отбывающих пожизненный срок [9].

Предложения по реформированию системы наказаний в России с целью повышения ее гуманности и эффективности:

– Необходимо гуманизировать условия содержания в колониях, пересмотрев режимные ограничения и улучшив медицинское обеспечение. Ключевой целью должно стать внедрение комплексных программ ресоциализации и профессионального обучения заключённых для снижения рецидива.

– Также следует сфокусироваться на восстановительном правосудии, чтобы поощрять диалог между преступником и жертвой и заглаживание вреда. Внедрить индивидуальный подход к каждому осужденному, учитывая его личность и обстоятельства дела. Расширить применение условно-досрочного освобождения для тех, кто не представляет угрозы, с системой сопровождения и поддержки.

– Важно повысить независимый общественный контроль за местами лишения свободы для предотвращения пыток и нарушений прав человека.

Пожизненное лишение свободы в России является одной из исключительных мер наказания и альтернативой смертной казни, однако его применение остается предметом острых дискуссий. С одной стороны, оно рассматривается как более гуманный и социально

справедливый инструмент, с другой – критикуется за чрезмерную суровость, высокие затраты и сомнительную эффективность с точки зрения исправления и ресоциализации осужденных. Существующая система содержания таких заключенных не решает проблем их социальной деградации и невозможности полноценной реинтеграции в общество даже в случае освобождения. В связи с этим возникает необходимость реформирования данной меры в русле международных тенденций, делая акцент на гуманизации условий содержания, развитии восстановительного правосудия и программ ресоциализации, а также на усилении общественного контроля.

Список используемых источников:

1. Закон РФ "О внесении изменений в статью 24 Уголовного кодекса РСФСР" от 17.12.1992 N 4123-1 (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4802 (дата обращения: 11.10.2025).
2. Филиппова А.Д., История возникновения и развития института пожизненного лишения свободы // Скиф. 2019. №6 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-instituta-pozhiznennogo-lisheniya-svobody> (дата обращения: 11.10.2025).
3. Баламут А.Н. Психологическая помощь осужденным к пожизненному лишению свободы: современное состояние, проблемы и перспективы / А.Н. Баламут // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2022. – № 4. (дата обращения: 11.10.2025).
4. Арсёнова Арина Андреевна Проблемы института пожизненного лишения свободы в российском уголовном праве // Наука. Общество. Государство. 2017. №4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-instituta-pozhiznennogo-lisheniya-svobody-v-rossijskom-ugolovnom-prave> (дата обращения: 11.10.2025).
5. Дука Н.Г. Пожизненное лишение свободы или смертная казнь в «рассрочку» в России и зарубежных странах / Н.Г. Дука // Преступление и наказание: история, право, мораль: сб. студ. научн. работ VIII Международной студ. электр. научн. конф. «Студенческий научный форум 2022». – М. : Международный юридический институт, 2022. (дата обращения: 12.10.2025).
6. Герасимова Елена Викторовна, Кияшко Дмитрий Николаевич ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ // Право и управление. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-primeneniya-pozhiznennogo-lisheniya-svobody-v-rossii> (дата обращения: 12.10.2025).
7. Лепешкина Оксана Ивановна МИРОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ К ОТМЕНЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ И РОССИЯ // Россия в глобальном мире. 2017. №10 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovaya-tendentsiya-k-otmene-smertnoy-kazni-i-rossiya> (дата обращения: 12.10.2025).
8. МОСКВА, 16 апр – РАПСИ // https://rapsinews.ru/judicial_department_news/20250416/310795054.html (дата обращения: 13.10.2025).
9. Расплата оказалась жестокой // <https://lenta.ru/articles/2024/03/25/zona> (дата обращения: 14.10.2025).
10. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 11.10.2025).
11. "Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации" от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 (дата обращения: 11.10.2025).
12. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 11.10.2025).

Гайдыдей Олеся Евгеньевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Самойлова Анастасия Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Беляева Татьяна Николаевна,
ассистент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

**ВЛИЯНИЕ ТРАГЕДИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС
НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА
ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ
И МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА. ВОПРОСЫ АТОМНОЙ
ЭНЕРГЕТИКИ В ГЛОБАЛЬНОЙ КЛИМАТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ**

***Аннотация.** Статья исследует влияние Чернобыльской катастрофы 1986 года на формирование современного экологического законодательства в постсоветских государствах и развитие международного экологического права. Особое внимание уделяется международным правовым последствиям катастрофы, в частности разработке конвенций МАГАТЭ по ядерной безопасности. В статье также рассматривается современная дискуссия о месте атомной энергетики в глобальной климатической стратегии, анализируются аргументы сторонников и противников ядерной энергетики в контексте декарбонизации и реализации Парижского соглашения по климату.*

***Ключевые слова:** Чернобыльская АЭС, радиация, ядерная безопасность, радиационное загрязнение, международное экологическое право, атомная энергетика, декарбонизация.*

26 апреля 1986 г. в городе Припять, Киевской области, Украинской Советской Социалистической Республики (далее – УССР) произошла одна из самых масштабных техногенных и экологических катастроф в мире. Авария на 4-м энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции (далее – ЧАЭС) привела к взрыву реактора и выбросу огромного количества радиоактивных веществ в атмосферу. Радиоактивное облако распространилось не только на территории УССР, но и над Белорусской ССР, РСФСР, а также над территорией Европы, что превратило аварию в трансграничную экологическую проблему. Изначально советские власти скрывали масштабы аварии, но после обнаружения повышенного радиационного фона в Швеции и других странах факт аварии стал достоянием мировой общественности. Ликвидация последствий потребовала огромных усилий: тысячи людей были эвакуированы из зоны отчуждения, а сотни тысяч ликвидаторов участвовали в работах по дезактивации [1].

Чернобыльская катастрофа оказала значительное влияние на развитие экологического права как в постсоветских государствах, так и на международном уровне. До аварии вопросы экологической безопасности и радиационной защиты не были приоритетными в советском законодательстве, а контроль за промышленными объектами, включая АЭС, был недостаточно строгим.

В Советском Союзе вопросы ядерной и радиационной безопасности регулировались преимущественно ведомственными актами, а законодательных норм общегосударственного уровня в этой сфере практически не было. Тем не менее, в стране действовала система обязательных нормативных документов, распространявшихся на все предприятия, работавшие с атомной энергией, независимо от их подчинённости. К таким документам относились, в частности, Нормы радиационной безопасности (НРБ-76/87), Основные санитарные правила (ОСП-72/87), Санитарные правила обращения с радиоактивными отходами (СПОРО-85) и Санитарные правила ликвидации и консервации предприятий (СП ЛКП-91). Эти акты устанавливали единые требования по всей территории СССР [2]. Также можно отдельно выделить Постановление СМ РСФСР от 5 ноября 1991 года №586 «Вопросы Государственного комитета РСФСР по надзору за ядерной и радиационной безопасностью». Данный закон содержал перечень задач комитета, включая надзор за безопасным производством и использованием ядерных материалов, атомной энергии и радиоактивных веществ [3].

После катастрофы в СССР началась разработка новых нормативных актов, направленных на усиление экологического контроля, но их реализация была затруднена из-за начавшегося вскоре распада Советского Союза. Однако независимые постсоветские государства, особенно Украина, Беларусь и Россия, наиболее пострадавшие от аварии, были вынуждены создать собственные системы экологического регулирования, учитывающие последствия радиационного загрязнения. В Украине, например, был принят Закон «О правовом режиме территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской катастрофы» [4], а в Беларуси и России были разработаны программы по реабилитации загрязненных территорий и социальной защите пострадавших.

По данным официального сайта Совета Федерации России: «Ликвидация последствий аварии на Чернобыльской АЭС, произошедшей 26 апреля 1986 года привела к радиоактивному загрязнению территорий 14 регионов России (Республика Мордовия, Белгородская, Брянская, Воронежская, Калужская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тульская и Ульяновская области), остаётся одним из ключевых направлений социально-экономического развития страны. Российская Федерация, осознавая свою ответственность за последствия крупнейшей в истории экологической катастрофы по масштабам радиоактивного заражения, закрепила в Законе РФ от 15 мая 1991 года № 1244-I «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» комплекс мер по минимизации ущерба и компенсации вреда пострадавшим от радиационного воздействия» [5].

На международном уровне Чернобыльская катастрофа ускорила развитие норм, регулирующих ядерную безопасность и экологическую ответственность. В 1986 году была принята Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии [6] и Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации [7], разработанные под эгидой МАГАТЭ. Эти документы обязали государства своевременно информировать друг друга о радиационных инцидентах и сотрудничать в ликвидации их последствий. Позднее, в 1990-х годах, были приняты такие важные международные соглашения, как Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (г. Эспо, Финляндия) [8] и Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий [9], которые также во многом стали реакцией на уроки Чернобыля.

Говоря о МАГАТЭ, стоит уточнить, что данное международное агентство по атомной энергии является международной организацией, одним из структурных элементов системы ООН, которая непосредственно занимается вопросами мирного использования атомной энергии, а также недопустимости распространения ядерного оружия.

Кроме того, катастрофа способствовала переосмыслению подходов к экологическим рискам и принципу предосторожности в международном праве. Идея о том, что государства должны принимать меры для предотвращения масштабных экологических катастроф, даже если научные данные не являются абсолютно убедительными, укрепилась после Чернобыля.

Влияние аварии прослеживается и в современных международных документах, таких как Парижское соглашение по климату, где отмечается важность предупреждения, минимизации и решения вопросов потерь и ущерба, связанных с неблагоприятными

воздействиями изменения климата [10]. В последние годы, в условиях глобальной борьбы с изменением климата и активного обсуждения мер по снижению выбросов парниковых газов, особое внимание привлекла роль атомной энергетики в этом процессе. Принятие Парижского соглашения по климату в 2015 году активизировало дискуссии о том, насколько ядерная энергия может способствовать декарбонизации экономики. Сторонники атомной энергетики подчёркивают её преимущества как низкоуглеродного источника энергии, способного обеспечивать стабильные базовые нагрузки в энергосистеме без значительных выбросов CO₂ (углекислого газа). Они указывают на то, что атомные электростанции уже сегодня вносят существенный вклад в сокращение выбросов парниковых газов, замещая угольные и газовые станции. Однако противники этой точки зрения выдвигают контраргументы, отмечая, что потенциал атомной энергетики в решении климатических проблем ограничен целым рядом факторов. Среди них – высокая капиталоемкость строительства новых АЭС, длительные сроки их возведения, а также сохраняющиеся риски, связанные с возможными авариями, утилизацией радиоактивных отходов и проблемой распространения ядерных материалов. Кроме того, критики указывают на то, что инвестиции в атомную энергетику могут отвлекать средства от развития возобновляемых источников энергии, таких как солнечная и ветровая генерация, которые в последние годы демонстрируют стремительное снижение стоимости и рост эффективности. В этой связи вопрос о месте атомной энергетики в глобальной климатической стратегии остаётся предметом острых дискуссий среди экспертов, политиков и экологов, причём каждая из сторон приводит свои доводы, основанные на экономических, экологических и технологических аспектах этой сложной проблемы [11].

Таким образом, авария на Чернобыльской атомной электростанции в 1986 г. стала катастрофой глобального масштаба, оказавшей глубокое влияние на развитие экологического права как в постсоветских государствах, так и на международном уровне. Эта трагедия не только выявила недостатки в системе ядерной безопасности СССР, но и послужила мощным импульсом для формирования новых правовых механизмов, направленных на предотвращение подобных катастроф и минимизацию их последствий. В России, Украине и Беларуси были приняты законы и программы, обеспечивающие социальную защиту пострадавших и реабилитацию загрязнённых территорий, что подчёркивает долгосрочный характер последствий аварии.

На международной арене Чернобыльская катастрофа стала катализатором для разработки ключевых конвенций, таких как Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии и Конвенция о помощи в случае ядерной аварийной ситуации, которые заложили основы глобального сотрудничества в области ядерной безопасности. Кроме того, авария способствовала укреплению принципа предосторожности в международном экологическом праве, подчеркнув необходимость заблаговременного принятия мер даже при отсутствии полной научной ясности.

В контексте современных климатических вызовов дискуссия о роли атомной энергетики остаётся актуальной. С одной стороны, её сторонники видят в ней инструмент декарбонизации, способный заменить ископаемое топливо и снизить выбросы парниковых газов. С другой стороны, критики указывают на высокие затраты, долгие сроки строительства АЭС, риски аварий и проблему радиоактивных отходов, что ставит под сомнение её устойчивость в долгосрочной перспективе.

Чернобыльская катастрофа не только изменила подходы к регулированию ядерной безопасности и экологической защиты, но и продолжает влиять на глобальные дискуссии о будущем энергетики. Её уроки напоминают о необходимости сбалансированного подхода, сочетающего технологический прогресс с жёсткими мерами безопасности, международным сотрудничеством и приоритетом экологической устойчивости.

Список используемых источников:

1. Авария в 1986 году на Чернобыльской АЭС. Историческая справка // Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/informacionnye-proekty/30-letie-katastrofy-na-chernobylskoy-aes/avariya-v-1986-godu-na-chernobylskoy-aes-istoricheskaya-spravka> (дата обращения: 22.07.2025).

2. Брагина Е.А. Уголовно-правовая охрана ядерной и радиационной безопасности России по законодательству Союза Советских Социалистических Республик // Издательство «Грамота». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gramota.net/issue/hss.2013..3-2> (дата обращения: 22.07.2025).

3. Постановление Совмина РСФСР от 05.11.1991 N 586 «Вопросы Государственного комитета РСФСР по надзору за ядерной и радиационной безопасностью». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12128715> (дата обращения: 23.07.2025).

4. Закон Украины от 27 февраля 1991 года №791а-ХІІ «О правовом режиме территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской катастрофы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/%20show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=16909 (дата обращения: 23.07.2025).

5. О совершенствовании комплексных мер, направленных на социальную поддержку граждан, проживающих на радиационно загрязненных территориях вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/activity/documents/56914/> (дата обращения: 23.07.2025).

6. Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии Принята Генеральной конференцией Международного агентства по атомной энергии на ее специальной сессии 26 сентября 1986 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2108825> (дата обращения: 23.07.2025).

7. Конвенция о помощи в случае ядерной или радиационной аварийной ситуации Принята Генеральной конференцией Международного агентства по атомной энергии на ее специальной сессии 26 сентября 1986 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2108826> (дата обращения: 23.07.2025).

8. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте Принята 25 февраля 1991 года // СПС Гарант.

9. Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий Совершено в Хельсинки, 17 марта 1992 года с поправками от 15 декабря 2015 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540482> (дата обращения: 25.07.2025).

10. Парижское соглашение // Организация Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 25.07.2025).

11. Позиция Климатической сети по вопросам атомной энергетики в регионе Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии // CAN (Climate Action Network) БЕКЦА. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://canecca.org/wp-content/uploads/2023/04/pozicziya_po_voprosam_atomnoj_energetiki_can_vekcza.pdf (дата обращения: 25.07.2025).

Гасимова Самая Сеймур кызы,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шалайкин Руслан Николаевич,
заведующей кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕХОДА К «ЗЕЛЕННОЙ» ЭНЕРГЕТИКЕ В РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена анализу современного состояния правового регулирования «зеленой» энергетики в Российской Федерации, выявлению имеющихся проблем и перспектив их решения. Автором рассматриваются законодательные инициативы, уже существующие нормативные правовые акты и практические меры, направленные на развитие возобновляемых источников энергии и сокращение углеродного следа отечественной промышленности. Также в данной статье внимание уделяется исследованию зарубежного опыта и перспектив развития российского законодательства в данной сфере.*

***Ключевые слова:** «зеленая» энергетика, возобновляемые источники энергии, законодательство, экология, энергетическое право.*

Переход к «зеленой» энергетике, подразумевающий увеличение доли возобновляемых источников энергии (солнечной, ветровой, гидроэнергии и биоэнергии), становится глобальным трендом. Данный процесс сопровождается созданием соответствующей правовой базы, которая призвана поддержать и направить развитие экологически чистого сектора энергетики. В России такая инициатива также находит отражение в законодательных актах, однако, темпы развития значительно уступают странам-лидерам в этой области.

Согласно статистическим данным, лидирующие позиции на рынке мировой энергетики занимают страны Азии (54% от мирового показателя), Европы (19%) и Северной Америки (13%). Российская Федерация находится на 8 месте в списке стран по количеству энергии, производимой из ВИЭ-электростанций [5]. Подобные цифры свидетельствуют о необходимости исследования аспектов внедрения «зеленой» энергетики и ее правового регулирования, что делает данную тему весьма актуальной.

В нашей стране данный вопрос остро стоит последние несколько лет. Пожалуй, основным актом, регламентирующим необходимость перехода к возобновляемым источникам энергии, на сегодняшний день является Распоряжение Правительства РФ от 12 апреля 2025 года № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» [2]. Данный документ закрепил необходимость «наращивания капиталовложений в сектор возобновляемой генерации на фоне ускорения темпов роста энергопотребления», установил курс на приоритетность энергетической безопасности как для граждан, так и для экологии, провозгласил необходимость развития технологий для повышения качества и количества производимой энергии.

На наш взгляд, принятая в 2025 году стратегия является весьма эффективным способом внедрения и увеличения «зеленой» энергетики в Российской Федерации.

Вместе с тем, российская правовая база в области возобновляемых источников энергии продолжает оставаться фрагментарной. Считаем, что разработанной Правительством РФ концепции недостаточно для полномасштабного внедрения «зеленой» энергетики в нашу страну, ввиду чего необходимо создать законопроект, который был бы направлен на материальную поддержку предприятий, производящих энергию с минимальным ущербом для экологии.

Основные проблемы правового регулирования касаются:

- недостаточной поддержки инвесторов в сектор ВИЭ;
- ограниченного доступа ко льготному кредитованию и субсидиям;
- несовершенства тарифного регулирования, сдерживающего рентабельность проектов

ВИЭ.

Также в рамках настоящей работы считаем необходимым рассмотреть проблемы, по причине которых происходит торможение развития возобновляемой энергии.

Первой проблемой отметим высокую стоимость подключения к сетям. Стоимость присоединения солнечных панелей или ветровых установок к электросети значительно превышает доходы от генерируемой энергии, делая тем самым подобные проекты экономически невыгодными.

Данная проблема характерна как для нашей страны, так и для зарубежных государств. Так, например, в Евросоюзе резко выросла цена поставки зеленой электроэнергии по долгосрочным договорам.

Однако, по прогнозам многих ученых цена на электроэнергию производимых таким путем в скором времени значительно снизится. Как отмечает в своем исследовании Б.Г. Ивановский: «нормированная стоимость энергии, вырабатываемой ветровыми установками, к 2030 г. сравняется с аналогичным показателем угольных электростанций. Уже сейчас дешевле построить ВЭС, чем новую теплостанцию, работающую на угле» [3, с. 70].

Для решения проблемы высокой стоимости «зеленой» электроэнергии считаем необходимым увеличить бюджетные ассигнования на поддержку производителей и покупателей энергии, создать налоговые каникулы для компаний, строящих солнечные панели и ветровые установки. Кроме того, важно ввести систему тарифов, которая бы снижала плату за присоединение малых установок солнечной и ветровой энергии, а также приближала стоимость энергии, получаемой из возобновляемых источников, к энергии, получаемой «традиционными» способами.

Следующая проблема заключается в недостаточных льготах и преференциях. Существующие на сегодня меры поддержки не соответствуют мировым стандартам и не стимулируют массовый переход на «зеленую» энергетику.

На наш взгляд, для решения указанной проблемы необходимо внести дополнения в действующее Постановление Правительства РФ от 29 августа 2020 года № 1298 «О вопросах стимулирования использования возобновляемых источников энергии», указав конкретные меры поддержки, аспекты заключения соглашений между представителями оптового и розничного рынков электроэнергии [1].

Считаем, что данные нововведения позволят субъектам, производящим энергию из возобновляемых источников, реализовывать свое производство качественнее, поскольку мировые лидеры в области «зеленой» энергетики достигли значительных успехов именно благодаря активной поддержке ВИЭ со стороны государства. Инвестиции в солнечную и ветровую энергию позволили резко снизить себестоимость данного вида энергии и вывести ее на конкурентоспособный уровень с традиционным топливом.

Несмотря на существующие проблемы, данная сфера является весьма перспективной.

В ближайшем будущем, как отмечает Г.Д. Садовникова: «к правовым средствам поддержки внедрения возобновляемых источников энергии, предлагается предусмотреть случаи, при которых правообладатель новейшей разработки, связанной с внедрением ВИЭ, обязан предоставить хозяйствующему субъекту-лицензиату возможность использовать технологию с учетом обязательной выплаты соразмерной компенсации правообладателю» [4, с. 54].

Кроме того, в перспективе следует ожидать:

- ужесточение экологических норм и стандартов с целью привлечения внимания к аспектам деятельности предприятий, производящих энергию;
- появление специального налогового режима для ВИЭ-компаний, стимулирующего развитие «зеленых» проектов;
- создание зон с особыми условиями для размещения генераторов для производства возобновляемой энергии;
- формирование эффективной нормативно-правовой базы, способствующей снижению рисков и развитию индустрии возобновляемой энергетики.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что правовое регулирование перехода к «зеленой» энергетике в России характеризуется рядом проблем, которые препятствуют быстрому росту данного сектора энергетики. Для успешного продвижения России в этом направлении требуются решительные шаги, направленные на устранение законодательных пробелов и стимулирование предприятий, производящих «зеленую» энергию.

Список используемых источников:

1. Постановление Правительства РФ от 29 августа 2020 года № 1298 «О вопросах стимулирования использования возобновляемых источников энергии» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 36. Ст. 5617
2. Распоряжение Правительства РФ от 12 апреля 2025 года № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 16. Ст. 2075.
3. Ивановский, Б.Г. Проблемы и перспективы перехода к «зеленой» энергетике: опыт разных стран мира // Экономические и социальные проблемы России. 2022. № 1 (49). С. 58-78.
4. Садовникова, Г.Д. «Зеленая» энергетика: конституционно-правовые векторы развития // Образование и право. 2023. № 9. С. 52-56.
5. «Зеленая» энергетика в мире и России [Электронный ресурс] // URL: <https://habr.com/ru/articles/937824/> (дата обращения: 10.11.2025).

Галич Дарья Вячеславовна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Листвина Елена Борисовна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

***Аннотация.** В данной работе поднимается достаточно важный и актуальный дискуссионный вопрос, связанный с действием уголовного закона во времени и вопросами его применения на практике. Также рассматривается ситуация, связанная с принятием нового уголовного закона, а именно вопрос квалификации совершенного преступления в период действия старого правового акта, что требует внимательного анализа и обсуждения.*

***Ключевые слова:** уголовное право, уголовный закон, действие уголовного закона во времени, уголовные нормы, противоправное деяние, преступление.*

В науке уголовного права одним из важных вопросов является действие уголовного закона во времени. На сегодняшний день общественные отношения развиваются достаточно динамично и нестабильно, правильное и эффективное применение уголовного закона во времени способствует укреплению законности в уголовном судопроизводстве и государстве в целом.

Согласно понятийному аппарату уголовного права, действие уголовного закона во времени означает определенные пределы, в течение которых может применяться уголовно-правовая норма в отношении конкретных ситуаций. Исходя из данного определения можно сказать, что уголовный закон направлен на формирование юридических рамок между старыми и новыми нормами уголовного права.

Правовое закрепление применения уголовного закона во времени нашло свое отражение в действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], а именно в ст. 4 и 5 и в норме основного закона страны, ст. 10 – Конституции РФ [2]. Согласно данным положениям, уголовный закон не имеет обратной силы, исключением является ситуация, когда закон улучшает положение лица.

По мнению В.С. Володина, существуют определенные виды действия уголовного закона во времени.

1. Действие закона по времени совершения преступления – данное начало является основополагающим принципом уголовного законодательства. Для квалификации деяния, применяется та норма права, которая действовала в момент его совершения. Названное начало направленно на обеспечение законности и стабильности.

2. Обратная сила закона – данное положение носит исключительно положительный характер, прослеживается принцип гуманизма. Сущность данного положения заключается в особом характере применения нормы, т.е. в отдельных случаях может быть применена норма, которая еще не вступила в законную силу.

3. Временное действие закона, характерно для случаев, когда уголовная норма имеет определенный период действия (кризисные моменты становления государства, переходные этапы).

4. Продолжение действия закона – ситуации, когда действие уголовного закона продолжается после вступления в силу другого закона, например, в случаях незавершённости производства по делу [3, с.125].

Помимо этого, важно отметить, что принцип действия уголовного закона во времени, имеет несколько проблемных аспектов на практике:

1) Во-первых, коллизия временных норм. В теории зачастую возможны сложности применения верной уголовной нормы, особенно в момент реформ и изменения законодательства. Неопределенность во временном промежутке совершения преступления (начало или конец деяния) порождает ряд сложностей в теории [4, с. 80].

2) Во-вторых, слабая конституционная регламентация принципа недопустимости обратной силы закона, который ухудшает права и свободы виновного. Помимо этого, названный принцип противопоставляется с принципом социальной справедливости и защитой прав и свобод граждан. Для решения подобного аспекта необходимо теоретическое переосмысление.

3) Также можно выделить еще один проблемный аспект, связанный с квалификацией вопроса принятия нормы, чем она является поправкой или новеллой. Если же речь идет о новелле, то изменяется время ее использования, так как принят новый закон.

Отдельного внимания заслуживает и правильное регулирование действия уголовного закона во времени. Целостное применение базовых начал действия уголовного закона во времени, является основой законного и истинно справедливого судебного разбирательства [6, с.125]. Именно это позволяет:

- Сохранять необходимый баланс между стабильностью права и необходимостью правовой адаптации к новым условиям;

- сделать уголовное законодательство более гуманным, путем применения более мягких норм к виновному лицу;

- сделать деятельность судебных органов более эффективной, при этом минимизировать риски незаконных преследований;

- развивать и совершенствовать правовую доктрину уголовного законодательства, исходя из современных реалий.

Действие уголовного закона во времени является сложнейшим и многогранным институтом уголовного права, требующим скоординированных усилий законодательной, нормативной и судебной практики.

Стоит отметить, что решение проблем теории и практики в этой сфере способствует укреплению правовой системы РФ, защите прав и свобод личности, обеспечивает адекватное реагирование на вызовы современного общества. Особое внимание должно уделяться развитию научных исследований и выработке унифицированных подходов к применению уголовного закона во времени.

Список используемых источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.10.2025) // Российская газета. – 1996. – № 25. – 2954 с.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, 01.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2025. – № 31. – Ст. 4398.

3. Володин, В.С. Особенности уголовного права РФ / В. С. Володин // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – 2022. – № 1. – С. 123-126.
4. Давитадзе, М.Д. Действие уголовного закона во времени / М.Д. Давитадзе // Вестник Московского университета МВД РФ. – 2021. – №1. – С. 77-83.
5. Джаянбаев, К.И. Особенности норм уголовного законодательства Российской Федерации / К.И. Джаянбаев // Вестник Кыргызско– Российского славянского университета. – 2022. – № 6. – С. 115-118.
6. Заводнов, И.Н. История возникновения и развития российского и зарубежного уголовного законодательства об ответственности за убийство, совершенное с особой жестокостью / И.Н. Заводнов // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 376. – С. 126-129.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ И СВОБОД ВОЕННОСЛУЖАЩИХ – УЧАСТНИКОВ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

***Аннотация:** В статье исследуются вопросы организации и проведения прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод военнослужащих, участвующих в специальной военной операции. Автором рассматриваются функциональная нагрузка и роль прокуратуры в мониторинге условий пребывания и охраны здоровья военнослужащих, находящихся в зоне боевых действий. Особое внимание уделено правам военнослужащих, а также материалам судебной практики, которые подчеркивают роль прокурора в защите их гарантий.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, права и свободы военнослужащих, специальная военная операция, прокуратура, прохождение службы.*

Как известно, военная операция сопряжена с высоким уровнем напряженности и опасностей, накладывающими особые обязательства как на командование, так и на военнослужащих. Обязанность государства заключается в защите прав и свобод военных, которая требует постоянного и жесткого контроля, осуществляемого соответствующими структурами, в первую очередь органами прокуратуры.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры, в 2024 году прокурорами было выявлено более 65 тысяч нарушений законодательства в сфере защиты прав участников специальной военной операции [5]. Подобные цифры свидетельствуют о действительной распространенности нарушения гарантий военнослужащих, что делает данную тему исследования особенно актуальной.

Прокуратура Российской Федерации обязана осуществлять постоянный надзор за соблюдением прав и свобод военнослужащих, участвующих в специальной военной операции. Основной задачей является выявление и пресечение любых нарушений, способных нанести ущерб военнослужащим и обществу в целом. Главными функциями прокуратуры в данной сфере являются:

- проверка условий прохождения службы и быта военнослужащих;
- выявление и ликвидация нарушений уставов, приказов и распоряжений командования;
- охрана здоровья и социальная защита солдат;
- пресечение коррупции и злоупотреблений в армии.

Для полноценного понимания исследуемых задач обратимся к материалам судебной практики, в частности к Решению Нижневартковского городского суда № 2-1979/2025 от 28.01.2025 [3].

Так, в данном деле прокурор обратился с гражданским иском в суд в интересах военнослужащего к территориальной организации социального благополучия о назначении выплаты за ранение в зоне СВО, в которой солдату было отказано ввиду отсутствия медицинского документа, подтверждающего ранение.

Прокурор настаивал на удовлетворении иска, ссылаясь на документы, подтверждающие участие военнослужащего в боевых действиях и получение ранения.

Суд, выслушав доводы и проанализировав доказательства, предоставленные прокурором, удовлетворил исковые требования и обязал организацию назначить и выплатить сумму.

Таким образом, анализ данного судебного решения дает основания полагать, что прокуроры не только эффективно осуществляют надзор за соблюдением прав военнослужащих, но также и выступают на стороне истца в суде в случае нарушения основополагающих гарантий.

Что касается форм и методов прокурорского надзора, то в данной сфере применяются следующие процедуры:

1. Проведение плановых и внеплановых проверок условий проживания, питания, медицинского обслуживания и экипировки военнослужащих;
2. Прием жалоб и обращений от военнослужащих и их семей;
3. Работа с представителями командиров военных частей и подразделений;
4. Периодические инспекции мест дислокации войск.

Ввиду того, что статус военнослужащих-участников специальной военной операции появился сравнительно недавно, права данной категории граждан лишь начинают закрепляться, однако, за 3 года произошло достаточное количество изменений и нововведений в действующее законодательство, которые определили права, свободы и обязанности военнослужащих.

Как отмечает в своем исследовании С.Е. Якушева: «в силу специфики военной службы как на государственном, так и на международном уровнях закреплено правило, в силу которого военнослужащие сохраняют за собой особый статус в случае попадания в плен либо в заложники» [2, с. 149].

Согласимся с мнением автора и обратим внимание на то, что военнослужащие имеют особые права и обязанности даже в тех случаях, когда они были признаны безвестно отсутствующими.

Военнослужащий обязан знать и уметь отстаивать свои права, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и рядом федеральных законов. Прокуратура контролирует соблюдение следующих основных прав и свобод:

- право на жизнь и здоровье;
- право на уважение человеческого достоинства;
- право на социальное обеспечение и медицинскую помощь;
- право на отдых и охрану труда;
- запрет дискриминации и другие права.

Несмотря на то, что система прокурорских проверок функционирует достаточно стабильно, на сегодняшний день в данной сфере все же существуют проблемы, требующие решения.

Первой проблемой следует отметить ограниченный доступ сотрудников прокуратуры к объектам проверки, например, таким как места расположения войск и подразделениям, находящимся в зонах повышенной опасности. Командование часто ссылается на соображения секретности и безопасности, что, безусловно, затрудняет полноценный осмотр и сбор необходимой информации, позволяющей закончить проверку.

На наш взгляд, для решения данной проблемы необходимо улучшить взаимодействие прокуратуры с командованием войск, довести до сведения этих лиц, что прокуратура представляет государство и защищает права не только солдат, но и офицеров в случае возникновения каких-либо злоупотреблений.

Проблемным аспектом также отметим недостаточную координацию с органами военного управления, которая препятствует оперативной обработке сигналов о нарушениях и оперативному реагированию на полученные жалобы и обращения.

К трудностям в системе прокурорских проверок следует отнести и ситуацию, когда численность сотрудников прокуратуры недостаточна для качественного и всестороннего анализа имеющихся данных. Отсутствует четкая специализация и разделение обязанностей между сотрудниками, что снижает продуктивность проверок.

Для решения сложившейся ситуации на сегодняшний день принято и поддержано предложение Генеральной прокуратуры о создании специального отдела по надзору за соблюдением прав военнослужащих-участников специальной военной операции [4].

На наш взгляд, это несомненно необходимое предложение, поскольку прокуроры с самого начала операции активно участвуют в реализации и восстановлении прав военнослужащих, а создание спецотдела при Генпрокуратуре придаст их деятельности более

весомый и важный характер и, безусловно, укрепит взаимодействие с военным командованием.

Для реализации более эффективных прокурорских проверок Н.В. Филиппова, Е.П. Пашкова и А.Е. Самарцева предлагают: «обратить особое внимание на полноту и достоверность учета служебного жилищного фонда, своевременное предоставление страховых и единовременных выплат, пресечение фактов незаконного привлечения военнослужащих к выполнению работ, не предусмотренных обязанностями военной службы» [1. с. 74].

Согласимся с мнением ученых и отметим, что благодаря постоянным проверкам и жесткой позиции прокуратуры удается своевременно выявить и устранить недостатки в службе, повысить дисциплину и профессионализм офицерского состава. Постоянный контроль позволяет оперативно реагировать на жалобы и обращения военнослужащих, сохранять высокое моральное состояние личного состава и успешно решать поставленные боевые задачи.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что эффективный прокурорский надзор является важной составляющей оборонной мощи страны и благополучия вооруженных сил. Тщательная подготовка кадров, четкое следование законам и международным стандартам гарантируют надежную защиту прав и свобод военнослужащих, участвующих в военной операции. Только такими методами, на наш взгляд, можно сохранить доверие населения.

В рамках данной работы нами были выявлены следующие проблемы при проведении прокурорских проверок:

- ограниченный доступ сотрудников прокуратуры к объектам проверки;
- недостаточная координация с органами военного управления;
- нехватка сотрудников.

Только решив перечисленные проблемы, можно говорить о создании надежной системы защиты прав и свобод военнослужащих, участвующих в специальной военной операции.

Список используемых источников:

1. Филиппова, Н.В., Пашкова, Е.П., Самарцева, А.Е. Деятельность органов военной прокуратуры как важный фактор обеспечения прав и свобод военнослужащих // Вопросы науки и образования. 2018. № 27 (39). С. 73-75.
2. Якушева, С.Е. К вопросу о прокурорском надзоре за соблюдением прав военнослужащих и членов их семей // Известия ВУЗов. 2024. № 4 (72). С. 143-154.
3. Решение Нижневартковского городского суда № 2-1979/2025 от 28.01.2025 // Закон РФ. Суды общей юрисдикции: сайт. URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-04e09276-73cb-5701-a51c-27c2b1b606d1/> (дата обращения: 09.10.2025).
4. В ОП поддержали создание спецотдела ГП по надзору за соблюдением прав бойцов СВО [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/25304833> (дата обращения: 09.10.2025).
5. В России выявили более 65 тысяч случаев нарушений прав участников СВО [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20241203/svo-1987140557.html> (дата обращения: 08.10.2025).

Глазунова Эвелина Евгеньевна
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

***Аннотация.** Данная статья посвящена исследованию актуальных проблем, возникающих при реализации прокурорского надзора за соблюдением бюджетного законодательства в Российской Федерации. Изучены нормы законодательства, регулирующие деятельность прокуратуры. Автором анализируются сложности, связанные с обнаружением нарушений, недостаточной реакцией на выявленные нарушения и разнородностью правоприменительной практики. Особое внимание уделено влиянию перехода на цифровые технологии и автоматизации бюджетных процессов.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, бюджетное законодательство, прокурорские проверки, протест прокурора, нарушения, представление прокурора, финансовые потоки, автоматизированные системы.*

Прокурорский надзор за соблюдением бюджетного законодательства является неотъемлемой частью обеспечения финансовой дисциплины, соблюдением прав и интересов граждан, а также пресечением нарушений в области расходования бюджетных средств.

Согласно статистическим данным Генпрокуратуры, за период с 2023 по 2025 годы прокурорами страны было пресечено более 200 тысяч нарушений бюджетного законодательства, а также вынесено более 100 тысяч актов прокурорского реагирования по итогам проведенных проверок [6]. Подобные цифры свидетельствуют о действительной эффективности прокурорского надзора в данной сфере и, следовательно, актуальности исследуемого нами вопроса.

Правовым основанием деятельности прокурора в этой области выступает Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», который в статье 21 регламентирует, что «предметом надзора является соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации...» [1].

Помимо вышеуказанного закона реализация прокурорского надзора осуществляется на основании различных ведомственных актов, например, Указания Генпрокуратуры России от 18 марта 2020 года № 170/7 «Об активизации прокурорского надзора за исполнением требований законодательства о целевом использовании бюджетных средств», которое регламентирует прокурорский надзор за соблюдением бюджетного законодательства в области целевого расходования средств, поступающих из бюджета государства [2].

Прокурор, осуществляющий надзор за соблюдением бюджетного законодательства, в процессе своей деятельности реализует следующие задачи:

– выявляет нарушения в расходовании бюджетных средств и принятии нормативных актов;

- координирует деятельность органов власти и организаций в области исполнения бюджета;
- пресекает попытки нарушения бюджетного законодательства и незаконной траты бюджетных средств;
- оформляет документы по результатам проверки и направляет их в суд или иные компетентные органы для устранения нарушений.

Основной формой прокурорской деятельности является проведение проверок на соблюдение бюджетного законодательства. Процедура включает несколько этапов:

1. Подготовительный этап, который включает ознакомление с документацией, подбор специалистов, разработка плана проведения прокурорской проверки;
2. Рабочий этап заключается в посещении объектов проверки, беседы с сотрудниками, сверке показателей отчетности с фактическим положением вещей;
3. На завершающем этапе происходит составление акта проверки, выявление нарушений и оформление предписаний.

Кроме того, прокурор реализует надзор за соблюдением бюджетного законодательства в следующих формах:

- внесение протестов на противоречащие закону правовые акты;
- вынесение представлений об устранении нарушений;
- проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов;
- участие в правотворческой деятельности посредством внесения предложений об изменении или дополнении нормативных актов;
- рассмотрение и разрешение заявлений, жалоб и иных обращений;
- направление материалов в следственные органы для решения вопроса об уголовном преследовании.

Прокурорский надзор в сфере бюджетных правоотношений направлен на обеспечение соблюдения законности со стороны всех участников финансового рынка и банковских правоотношений, предотвращая и выявляя нарушения законодательства, а также защищая права и законные интересы клиентов и других субъектов таких правоотношений.

Для полноценного понимания аспектов прокурорского надзора в исследуемой сфере обратимся к материалам судебной практики, а именно к Решению Каневского районного суда № 2-2186/2024 от 16 января 2025 года [5].

В данном деле прокурор выступил с иском к администрации сельского поселения с целью устранения нарушений Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Проведенная прокурорская проверка выявила несоответствие решения администрации требованиям бюджетного законодательства. В своем иске прокурор требовал привести решение в соответствие закону.

Суд, исследуя материалы прокурорской проверки, обращает внимание на то, что акты местных органов власти не должны противоречить законодательству. Решение администрации касалось дорожного фонда и противоречило в части распределения денежных средств.

Суд посчитал доводы прокурора аргументированными и удовлетворил иск, обязав администрацию исправить нарушения бюджетного законодательства в срок один месяц.

Анализ данного судебного решения дает основания полагать, что прокурорский надзор – это эффективный способ реализации законодательства, а также восстановления нарушенных прав. Однако, в современных условиях данный институт сталкивается с рядом проблем, препятствующих эффективной реализации надзорных функций.

Отметим, что провоцировать несоблюдение бюджетного законодательства может ряд факторов:

- недостаточная квалификация субъектов;
- слабая внутренняя дисциплина и низкий уровень самоконтроля;
- неразвитость механизма контроля и отчетности.

Ввиду наличия этих факторов остается актуальной проблема, связанная со сложностью выявления нарушений бюджетного законодательства. Бюджетные потоки характеризуются масштабностью и сложностью, что создает трудности для сотрудников прокуратуры в анализе

информации и поисков следов нарушений. Усугубляет проблему недостаточная подготовка кадров, незнание тонкостей бюджетного права и бухгалтерии.

Е.В. Фузеева в своем исследовании отмечает, что «важным механизмом для осуществления эффективного прокурорского надзора является наличие детальной информации о движении денежных средств, что позволит существенно способствовать выявлению преступных схем неправомерного получения средств из бюджета» [4, с. 212].

Согласимся с мнением ученого и обратим внимание на то, что решение проблемы может заключаться во введении автоматизированных систем слежения за финансовыми потоками. Однако, следует учитывать, что переход на цифровые технологии влечет как преимущества, так и недостатки. Автоматизированные системы помогают собирать и обрабатывать большие массивы данных, но они также увеличивают риски киберугроз и фальсификаций. Электронные регистры легко подвергаются атакам хакером, что ставит под угрозу целостность данных и эффективность проведенной проверки.

Следующая проблема связана с медленным реагированием на выявленные нарушения. Нередко материалы проверки поступают в прокуратуру с большим опозданием, что, безусловно, снижает вероятность оперативного принятия мер. Порой обвинительные заключения отправляются спустя месяцы или даже годы после обнаружения нарушений, теряя при этом актуальность и позволяя виновным уйти от ответственности.

Т.И. Абдреев в своем исследовании материалов судебной практики поднимает еще один проблемный аспект – отсутствие единства толкуемых норм, которое заключается в разночтении нормативных правовых актов и отсутствии общего подхода к их применению [3, с. 55].

На наш взгляд, регулярное обновление законодательства и применение унифицированного подхода к правоприменительным актам позволит избежать данной проблемы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что эффективное осуществление прокурорского надзора за соблюдением бюджетного законодательства возможно исключительно при комплексном подходе, учитывающем все факторы, влияющие на работу прокуратуры.

В процессе анализа прокурорского надзора в области бюджетного законодательства были обозначены такие проблемные аспекты, как сложность идентификации нарушений, низкая эффективность реагирования, отсутствие единства в правоприменительной практике, решив которые можно ожидать серьезного прорыва в области защиты бюджетных средств и обеспечения финансовой безопасности государства.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
2. Указание Генпрокуратуры России от 18 марта 2020 года № 170/7 «Об активизации прокурорского надзора за исполнением требований законодательства о целевом использовании бюджетных средств» // Законность. № 4. 2020.
3. Абдреев, Т.И. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства // The art of law. 2025. № 3. С. 51-58.
4. Фузеева, Е.В. Прокурорский надзор за соблюдением бюджетного законодательства: федеральный и региональный аспект // Молодой ученый. 2024. № 39 (538). С. 211-214.
5. Решение Каневского районного суда № 2-2186/2024 от 16 января 2025 года // Закон РФ: суды общей юрисдикции: сайт. URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-39078b0b-93e0-5b3b-8696-dd9ed8a47e71/> (дата обращения: 16.10.2025).
6. В Генпрокуратуре России обобщены итоги работы по надзору за исполнением бюджетного законодательства [Электронный ресурс] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=100110705> (дата обращения: 16.10.2025).

Гончарова Анастасия Николаевна
магистрант Юридического института,
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Мирошников Евгений Васильевич,
доцент кафедры административного права и процесса,
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат экономических наук, доцент
(Белгород, Россия)

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые направления международного сотрудничества Российской Федерации в сфере энергетической безопасности в условиях трансформации мировой энергетики. Анализируются правовые основы внешней энергетической политики России, включая Энергетическую стратегию до 2050 года, Доктрину энергетической безопасности, Стратегию национальной безопасности и Концепцию внешней политики. Особое внимание уделяется развитию энергетического взаимодействия с рядом зарубежных государств и формированию новых форматов партнерства в условиях санкционного давления и перераспределения глобальных рынков.*

***Ключевые слова:** энергетическое право, энергетическая безопасность, международное сотрудничество, внешняя энергетическая политика, энергетическая стратегия.*

Современное развитие международного энергетического сотрудничества России обусловлено воздействием масштабных геополитических, технологических и экономических трансформаций, сопровождающихся ростом мировой энергопотребности и усложнением глобальной архитектуры энергетической безопасности. Основными внешними факторами выступают повышение волатильности энергетических рынков, политика недружественных государств по отказу от российских энергоресурсов, развитие низкоуглеродной повестки и формирование новых логистических маршрутов. В этих условиях Россия наращивает международное взаимодействие в сфере энергетики, расширяет географию экспортных поставок и формирует новые правовые и политические механизмы интеграции.

Согласно Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 12 апреля 2025 г. № 908-р) [4], долгосрочными тенденциями развития мировой энергетики являются рост волатильности рынков, ускорение внедрения возобновляемых источников энергии, развитие технологий улавливания и хранения углекислого газа, цифровизация энергетических систем и постепенная трансформация спроса на первичные энергоресурсы. Одновременно фиксируется недоинвестирование нефтегазового сектора на фоне стимулирования возобновляемых источников энергии, что создает риски дисбаланса глобального рынка и способно привести к дефициту энергоресурсов в долгосрочной перспективе. Усиливается политизация климатической повестки и использование международной финансовой инфраструктуры для недобросовестной конкуренции. Расширение потребления природного газа, развитие торговли сжиженным природным газом, сохранение спроса на нефть в развивающихся странах, а также признание атомной и гидрогенерации низкоуглеродными источниками формируют новые параметры мировой энергетики.

Указанные тенденции актуализируют необходимость укрепления национальных подходов к обеспечению энергетической безопасности. Согласно Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216), энергетическая безопасность понимается как состояние защищенности экономики и населения от угроз, при котором обеспечивается устойчивое энергоснабжение и выполнение экспортных обязательств [1]. Доктрина подчеркивает, что Россия поддерживает международные усилия в области противодействия изменению климата, однако считает недопустимым использование климатической повестки для ограничения суверенных прав государств – производителей энергоресурсов, а также игнорирование задач обеспечения доступа к энергии и развития чистых углеводородных технологий.

Дополнительным стратегическим основанием выступает Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400), где обеспечение энергетической безопасности отнесено к числу важнейших приоритетов устойчивого развития государства [2]. Документ предусматривает необходимость обеспечения устойчивого энергоснабжения, наращивания низкоуглеродных технологий и сокращения зависимости от внешних поставок критически важных товаров и услуг. Отдельно закрепляется задача укрепления экономического суверенитета, включая расширение расчетов в национальных валютах, географическую диверсификацию товаропотоков и развитие внешнеэкономических связей.

Ключевое место в системе внешних ориентиров занимает Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229), согласно которой внешняя политика государства основывается на принципах суверенного равенства, взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела и многополярности [3]. Особое внимание уделяется укреплению экономической самостоятельности, снижению зависимости от недружественных государств, расширению расчетов в национальных валютах и развитию всестороннего стратегического партнерства с Китаем. Таким образом, Концепция институционализирует энергетическое сотрудничество как часть внешнеполитической стратегии, укрепляя правовые основания энергетической кооперации.

Одним из ключевых направлений выступает российско-китайское сотрудничество. Как отмечает Х. Лунь, за последние годы взаимодействие России и Китая в энергетической сфере эволюционировало от разрозненных контрактных отношений к стратегически выстроенной системе, связанной с сопряжением ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» [5]. Совместные проекты – «Сила Сибири», «Ямал СПГ», «Амурский ГПЗ» – формируют устойчивую инфраструктуру, способствующую укреплению энергетической связи государств и формированию трансграничных энергетических коридоров. Это подтверждает значение институциональной интеграции как основного механизма развития энергетической дипломатии на евразийском пространстве.

Одновременно на фоне санкционного давления и переориентации экспортных потоков Россия укрепляет энергетическое партнерство с Индией, Ираном, Турцией и государствами Юго-Восточной Азии. По наблюдениям И.С. Мога, вектор сотрудничества России смещается на восточное направление, что проявляется в наращивании поставок нефти, газа и угля, развитии СПГ-проектов и формировании новых маршрутов транспортировки энергоресурсов [6]. Автор подчеркивает роль таких проектов, как «Арктик СПГ-2» и «Мурманский СПГ», в формировании евразийской энергетической системы и расширении экспортного потенциала России.

Новые форматы международного энергетического сотрудничества включают взаимодействие в области возобновляемых источников энергии, цифровизацию энергетики и развитие проектов по улавливанию углерода. По мнению М. Мухаммедовой, глобальные тенденции характеризуются усилением трансграничных энергетических проектов, координацией в рамках международных организаций и ростом значения низкоуглеродных технологий, что требует адаптации национальных стратегических документов и расширения участия России в международных инициативах [7].

В этих условиях энергетическая дипломатия России выполняет функцию ключевого инструмента внешней политики, направленного на укрепление геоэкономических связей и

обеспечение энергетического суверенитета. Взаимодействие в рамках БРИКС, ШОС, ОПЕК+, а также развитие сопряжения между ЕАЭС и инициативой «Пояс и путь» создает предпосылки формирования многополярной энергетической системы, где Россия выступает не только поставщиком ресурсов, но и стратегическим партнером в области технологий, инфраструктуры и устойчивого развития.

Таким образом, международное сотрудничество России в сфере энергетической безопасности характеризуется формированием многовекторной модели, основанной на принципах суверенитета, экономического прагматизма, диверсификации и устойчивого развития. Нормативные документы и научные подходы свидетельствуют о переходе России к системе интеграционной энергетической безопасности, нацеленной на укрепление позиций страны в трансформирующейся мировой энергетической архитектуре.

Список используемых источников:

1. Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 20. – Ст. 2421.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ 31 марта 2023 г. // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 14. – Ст. 2406.
4. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 12 апреля 2025 г. № 908-р // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 16. – Ст. 2075.
5. Лунь, Х. Историческая эволюция энергетического сотрудничества России и Китая в контексте сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» / Х. Лунь // Международные отношения. – 2025. – № 2. – С. 200-210.
6. Мога, И.С. Векторы развития энергетического сотрудничества России с зарубежными странами в условиях экономических санкций / И. С. Мога // Вестник университета. – 2023. – № 11. – С. 209-217.
7. Мухаммедова, М. Международное сотрудничество в энергетическом секторе: современные разработки и их анализ / М. Мухаммедова // Символ науки. – 2024. – № 12-2-1. – С. 161-163.

Гончарова Диана Владимировна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Боев Дмитрий Вячеславович,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу состава преступления как единственного основания уголовной ответственности в российском уголовном праве. Рассматриваются основные элементы состава преступления, их признаки и взаимосвязь. Исследуются проблемы правоприменительной практики при установлении состава преступления и квалификации общественно опасных деяний. Анализируется судебная практика и статистические данные о преступности в Российской Федерации за 2023-2024 годы. Предлагаются пути совершенствования механизма квалификации преступлений и предупреждения ошибок при установлении состава преступления. Автор приходит к выводу о необходимости повышения профессиональной подготовки правоприменителей и совершенствования уголовного законодательства в части устранения оценочных понятий.*

***Ключевые слова:** состав преступления, уголовная ответственность, квалификация преступлений, элементы состава, объект преступления, субъект преступления.*

Состав преступления представляет собой центральную категорию уголовного права, определяющую границы применения уголовной репрессии [1][2]. Статья 8 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Кодексом [1][3]. Данное положение означает, что отсутствие хотя бы одного обязательного элемента или признака исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности [4][5].

По данным МВД России, в 2024 году в Российской Федерации было зарегистрировано 1 911,3 тысячи преступлений, при этом 91,6% всех преступлений выявляется органами внутренних дел [8][9]. Статистика показывает, что количество тяжких и особо тяжких преступлений в 2024 году выросло на 4,8% по сравнению с предыдущим годом, что составило 617 тысяч таких преступлений [8][10].

Правоприменительная деятельность сталкивается с существенными затруднениями при установлении всех элементов состава преступления [6][7]. Квалификационные ошибки остаются распространенным явлением в работе правоохранительных органов и судебной системы [7][11]. Наибольшее количество таких ошибок допускают сотрудники с относительно небольшим стажем работы – не более трех-пяти лет [7]. Основными причинами ошибочной квалификации выступают недостатки в юридических знаниях, отсутствие практического опыта, а также нечеткость формулировок конкретных норм уголовного права и наличие большого количества оценочных понятий [7][6].

Законодательная конструкция состава преступления включает совокупность объективных и субъективных характеристик, которые определяют противоправное деяние в

качестве конкретного преступного посягательства [2][4]. Данная юридическая модель охватывает лишь те характеристики, которые необходимы для признания деяния уголовно наказуемым [2][5]. При формулировании составов преступлений в уголовном законе отражаются исключительно типичные свойства, присущие всем деяниям определенной категории и обуславливающие их опасность для общества [2].

В системе уголовного права состав преступления реализует ряд важных задач [6]. Основная из них состоит в том, что данная категория служит юридическим фундаментом для определения правовой природы совершенного деяния и решения вопроса о возможности применения мер уголовно-правового характера [1][3]. Деятельность по применению уголовного закона предполагает выявление тождества между фактическими обстоятельствами совершенного общественно опасного деяния и теми характеристиками, которые зафиксированы в нормах уголовного законодательства [6].

Применение уголовного закона к конкретному деянию включает несколько последовательных стадий [6]. Изначально определяется перечень правовых норм, которые по своему содержанию могут соответствовать совершенному деянию [6]. Далее проводится детальное сопоставление характеристик реального деяния с теми признаками, которые закреплены в диспозициях уголовно-правовых норм [6]. Завершающая стадия представляет собой формулирование окончательного вывода о присутствии либо отсутствии в деянии признаков определенного состава преступления [6].

Юридические характеристики, образующие состав преступления, в науке уголовного права систематизируются по элементам [4][5]. Классическая доктрина выделяет четыре основных элемента: то, на что направлено посягательство; внешнее проявление преступного поведения; характеристика лица, совершившего преступление; психическое отношение субъекта к содеянному [4]. Всякий из перечисленных элементов объединяет определенную категорию юридических характеристик, раскрывающих преступление с соответствующей позиции [2][5].

То, на что направлено преступное посягательство, охватывает общественные отношения, ценности и блага, которые находятся под защитой уголовного закона и терпят урон в результате преступного деяния [4][5]. Внешнее проявление преступного поведения отражает объективную сторону противоправного деяния в материальном мире и охватывает описание активных действий либо пассивного поведения, их внешних характеристик, равно как и описание негативных изменений, наступивших вследствие преступления [4]. Характеристика лица, совершившего преступление, определяется через такие параметры как возрастной критерий, состояние психики, профессиональный или должностной статус [4][3]. Психическое отношение субъекта к содеянному включает характеристики, определяющие внутреннее состояние лица по отношению к совершенному деянию и его результатам: разновидность вины, побудительные причины, преследуемые цели [4][5].

Характеристики составов преступлений классифицируются на обязательные и факультативные [4][5]. Обязательные характеристики присутствуют в каждом без исключения преступном деянии: охраняемое благо, противоправное поведение, виновное отношение, способность осознавать характер своих действий и наступление законодательно установленного возраста [4][3]. Факультативные характеристики применяются законодателем при конструировании отдельных составов преступлений: материальный предмет посягательства, вредные последствия, связь между деянием и последствиями, методы совершения преступления, временные и пространственные условия, обстановка, инструменты и приспособления для совершения преступления, побудительные причины и преследуемые цели, особые характеристики субъекта [4].

Опыт применения норм уголовного законодательства указывает на присутствие значительных затруднений при выявлении всех компонентов состава преступления [7][11]. Ошибки при применении уголовного закона порождаются как объективными обстоятельствами, так и субъективными моментами [7]. Объективные обстоятельства включают недостаточную определенность законодательных формулировок отдельных норм уголовного права и широкое использование категорий, требующих оценки в каждом

конкретном случае [7][6]. Субъективные моменты определяются недостаточной квалификацией работников правоохранительной системы, что выражается в поверхностном исследовании фактических обстоятельств преступного деяния, ошибочной интерпретации собранных материалов, неспособности провести разграничение между схожими составами преступлений [7][11].

Ошибки при применении уголовного закона можно разделить на три категории [7]. Первая категория охватывает ситуации, когда правоприменитель не усматривает состав преступления в деяниях, где таковой фактически присутствует [7]. Вторая категория включает случаи ошибочного вменения состава преступления в деяниях, где он в действительности отсутствует [7]. Третья категория представляет ошибки в выборе конкретной нормы УК РФ для юридической оценки совершенного деяния [7].

Значительную трудность вызывает юридическая оценка преступлений, содержащих характеристики, требующие оценки [7]. Использование части 2 статьи 14 УК РФ, касающейся незначительности деяния, предполагает детальное исследование уровня опасности для общества. Незначительность деяния определяется вне зависимости от конструктивных особенностей состава преступления. Определяющим критерием выступает фактический уровень опасности деяния для общественных отношений [6].

Применение уголовного закона к конкретным деяниям опирается на систему принципов, призванных обеспечить корректное использование уголовно-правовых норм [6]. Первый фундаментальный принцип предполагает, что юридическая оценка должна включать два компонента: формальное обозначение через символы и цифры, указывающее на конкретную норму УК РФ, и текстовое изложение характера совершенного деяния [6]. Второй принцип устанавливает: когда деяние характеризуется множественными квалифицирующими признаками, формальное обозначение осуществляется через указание на последнюю часть статьи, охватывающую признаки данного деяния [6]. При этом текстовое изложение последовательно включает все характеристики из различных частей статьи, которые обнаруживаются в преступном деянии [6].

При столкновении различных уголовно-правовых норм юридическая оценка осуществляется с учетом разновидности коллизии [11]. Когда возникает коллизия между нормой широкого применения и нормой узкого применения, преимущество отдается той норме, которая в большей мере охватывает конкретные характеристики деяния [11][6]. Применение более узкой нормы в таких ситуациях является недопустимым [11].

Юридическая оценка преступных деяний при изменении законодательства производится с соблюдением положений статьи 10 УК РФ, регуливающей действие уголовного закона во времени. Закон, исключая преступный характер деяния, уменьшающий строгость наказания либо иным способом создающий более благоприятные условия для лица, распространяется на ранее совершенные деяния. Правоприменителю следует провести сопоставление двух законов и отдать предпочтение тому, который является менее строгим.

Преодоление проблемы ошибок при применении уголовного закона предполагает использование комплекса мер [7][6]. Первое направление работы связывается с улучшением качества уголовного законодательства через исключение неопределенных формулировок и минимизацию использования оценочных категорий [7]. Законодателю необходимо стремиться к предельной ясности при описании характеристик составов преступлений [6][7].

Второе направление работы охватывает повышение уровня подготовки работников правоохранительной системы [7][6]. Особое внимание требуется уделять обучению сотрудников, обладающих ограниченным практическим опытом [7]. Образовательные программы должны сочетать освоение теоретических положений с формированием практических умений по применению уголовного закона [6].

Третье направление заключается в расширении разъяснительной работы высшей судебной инстанции Российской Федерации [6]. Акты высшего судебного органа выполняют значимую роль в обеспечении единообразия судебной практики и предотвращении ошибок при применении уголовного закона [6]. Разъяснения высшей судебной инстанции способствуют правильному пониманию признаков составов преступлений правоприменителями [13].

Четвертое направление работы определяется внедрением научных разработок в области уголовного права [6][7]. Результаты научных исследований проблем применения уголовного закона должны находить практическое применение в деятельности правоохранительных органов и судебной системы [7]. Работники правоохранительных органов должны использовать фундаментальные научные положения при разрешении сложных вопросов применения уголовного закона [6][11].

Состав преступления как единственное основание уголовной ответственности играет ключевую роль в механизме применения уголовного закона [1][3]. Установление всех элементов и признаков состава преступления является обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности [4]. Отсутствие хотя бы одного обязательного признака исключает наличие состава преступления в целом [4][5].

Анализ правоприменительной практики показывает, что квалификационные ошибки остаются серьезной проблемой [7][11]. Наиболее эффективным путем решения этой проблемы представляется комплексный подход, включающий совершенствование уголовного законодательства, повышение профессионального уровня правоприменителей, развитие разъяснительной деятельности Верховного Суда РФ и активное использование достижений науки уголовного права [7][6].

Особое внимание следует уделить устранению из уголовного закона нечетких формулировок и оценочных понятий, затрудняющих правильную квалификацию преступлений [7]. Законодатель должен стремиться к максимальной определенности признаков составов преступлений, что позволит минимизировать количество ошибок при их применении [6][7]. Правоприменители же должны руководствоваться фундаментальными положениями теории уголовного права и тщательно анализировать все обстоятельства совершенного деяния перед принятием квалификационного решения [6][11].

Список используемых источников:

1. Каранович К.К. Состав преступления как основание уголовной ответственности // Молодой ученый. 2014. № 18. С. 505-507.
2. Наумов А.В. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник для вузов / А.В. Наумов. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2024. 712 с.
3. Новиков И.А. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным привлечением денежных средств и (или) иного имущества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2023. Т. 22. № 2. С. 84-93.
4. Российское уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2018. 560 с.
5. Суслина Е.В. Базовые правила и «детские» ошибки квалификации преступлений в России // Академия права. 2023. № 4. С. 12-18.
6. Сундуrow Ф.Р., Тарханов И.А. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундуrow, И.А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2016. 864 с.
7. Турышев А.А. Структура состава преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1. С. 94-99.
8. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Н.И. Пряхиной, В. Ф. Щепелькова. 4-е изд. Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2024. 642 с.
9. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. О.С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2024. 704 с.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
11. Чекмезова Е.И. Квалификационные ошибки: сущность, классификация, причины допущения // Научный лидер. 2023. № 22. С. 45-51.
12. Щербаков А.В. Понятие состава преступления. Его элементы и признаки // Научный лидер. 2022. № 11. С. 89-93.

Гридчин Дмитрий Владимирович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Литвяк Лев Игоревич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель
Беляева Татьяна Николаевна,
ассистент кафедры трудового и предпринимательского
права Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ И ИХ ЗАЩИТА

***Аннотация.** В статье анализируются экологические права коренных малочисленных народов Российской Федерации, закреплённые в Конституции РФ, федеральном законодательстве, международных нормах и региональных правовых актах. Рассматриваются вопросы обеспечения права данных народов на сохранение традиционной среды обитания, природных ресурсов, традиционного образа жизни и хозяйствования. Особое внимание уделяется механизмам защиты экологических прав, включая правовые средства, судебную защиту, государственный контроль, а также участие самих коренных народов в принятии решений, затрагивающих их природные территории. В статье обобщаются позиции российской научной литературы, анализируются основные практические проблемы, связанные с нарушением экологических прав коренных малочисленных народов, и предлагаются направления совершенствования правового регулирования.*

***Ключевые слова:** коренные малочисленные народы, экологические права, охрана природы, территория традиционного природопользования, природные ресурсы.*

Экологические права коренных малочисленных народов Российской Федерации представляют собой комплексную правовую категорию, отражающую уникальность их культурного статуса, связь с природной средой и исторически сложившиеся формы жизнедеятельности. В отличие от большинства иных групп населения, коренные малочисленные народы обладают особой зависимостью от природных условий, что обусловлено сохранением традиционных промыслов, особенностями культурного уклада и духовной практики. Поэтому экологические права выступают фундаментом их правового положения.

Согласно статье 69 Конституции РФ государство гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами Российской Федерации [1]. Их образ жизни основан на устойчивом взаимодействии с природой, что делает экологические права ключевым элементом их правового статуса. Важнейшее значение имеет Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и Федеральный закон от 7 мая 2001 года № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования».

Российское законодательство формирует систему многоуровневой защиты данных прав, основываясь на Конституции Российской Федерации, федеральных законах, международных документах и региональных правовых актах. При этом эффективная реализация этих прав требует учёта традиционных знаний коренных народов, их исторического опыта взаимодействия с природной средой. Научная доктрина подчёркивает, что традиционное природопользование является не только способом обеспечения жизнедеятельности, но и частью нематериальной культурной ценности, подверженной риску утраты при индустриальном освоении территорий [4, с. 119].

Экологические права коренных народов включают несколько ключевых блоков: право на сохранение традиционной среды обитания, право на доступ к природным ресурсам, право на традиционное природопользование, право на участие в принятии решений, право на возмещение вреда, причинённого окружающей среде, и право на сохранение культурной идентичности в условиях воздействия природоохранных и хозяйственных мероприятий. Федеральный закон № 82-ФЗ формирует основу такого правового комплекса, подчеркивая, что традиционный образ жизни рассматривается как самостоятельная охраняемая ценность [3].

Одним из центральных институтов правового регулирования является правовой режим территорий традиционного природопользования. Закон № 49-ФЗ определяет их как пространства, предназначенные для обеспечения условий проживания и традиционного хозяйствования коренных народов. На таких территориях допускается режим ограниченного природопользования, направленный на сохранение экосистем, миграционных путей животных, нерестовых участков, пастбищ и других природных объектов, имеющих первостепенное значение для традиционных промыслов [2].

На практике создание территорий традиционного природопользования является длительным и сложным процессом. Основной проблемой является необходимость согласования интересов коренных народов и промышленного бизнеса. Значительная часть субъектов традиционного природопользования расположена в районах добычи нефти, газа, ценных металлов, что вызывает конфликты между хозяйствующими субъектами и представителями коренных общин. В научной литературе отмечается, что отсутствие чётких механизмов установления границ территории традиционного природопользования и недостаточный контроль со стороны государства приводят к постепенному сокращению территорий, пригодных для традиционного образа жизни [6, с. 263].

Значимым аспектом экологических прав является доступ коренных народов к природным ресурсам. Закон № 82-ФЗ предоставляет коренным общинам приоритетное право использования биоресурсов, необходимых для традиционных видов деятельности – рыболовства, охоты, оленеводства, собирательства [3]. Однако практика показывает, что реальные возможности осуществления этих прав ограничены деятельностью крупных рыболовецких компаний, а также экологической деградацией традиционных угодий. В ряде регионов фиксируется сокращение численности рыбных ресурсов, уменьшение кормовой базы для оленей, ухудшение состояния лесов и водных объектов. Коренные общины вынуждены конкурировать с промышленными структурами, которые обладают значительно большими финансовыми, техническими и юридическими ресурсами.

Проблема ущерба природной среде на территориях коренных народов носит системный характер. В научной литературе отмечается, что промышленное освоение регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока сопровождается загрязнением почв, истощением биоресурсов, разрушением пастбищ, нарушением миграционных путей животных, повышением антропогенной нагрузки на экосистемы. Нарушение этих экосистем приводит к угрозе исчезновения традиционных форм хозяйствования. В результате коренные народы теряют не только экономическую базу своего существования, но и культурную идентичность, тесно связанную с природой.

Отдельного внимания заслуживают механизмы участия коренных народов в экологическом контроле. Теоретически общины обладают правом осуществлять общественный экологический мониторинг, фиксировать нарушения и направлять обращения в надзорные

органы. На практике этот механизм нуждается в усилении, поскольку общины не всегда обладают ресурсами и компетенциями для устойчивой реализации мониторинга. Кроме того, органы власти не всегда должным образом реагируют на сигналы со стороны коренных общин.

Перспективным направлением в развитии правовой защиты является формирование институтов совместного управления природными территориями. В международной практике широко используется модель ко-менеджмента, предполагающая участие коренных народов в управлении природными ресурсами на паритетных началах совместно с государством. Российское законодательство пока не закрепляет эти механизмы в полной мере, однако исследователи предлагают включать нормы о совместных советах, экспертных группах, обязательных консультациях в законодательство о природопользовании.

Дополнительно в научной литературе поднимается вопрос о необходимости расширения прав коренных народов на возмещение экологического вреда. Предлагается вводить специальные компенсационные фонды, финансируемые за счёт предприятий, ведущих деятельность на территориях традиционного природопользования, а также закреплять обязательные программы восстановления природной среды, включающие участие коренных общин [5, с. 346].

Таким образом, экологические права коренных малочисленных народов требуют комплексного подхода, включающего законодательное развитие, совершенствование механизмов контроля, расширение процедур участия и создание экономических гарантий защиты природной среды.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

2. Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 07.05.2001 № 49-ФЗ (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31588/ (дата обращения: 19.11.2025).

3. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (дата обращения: 08.11.2025).

4. Анисимов, А.П. Экологическое право России : учебник и практикум для вузов / А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков, Ю.И. Исакова. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 432 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18526-3. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/559637> (дата обращения: 19.11.2025).

5. Боголюбов, С.А. Актуальные проблемы экологического права : монография / С.А. Боголюбов. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 498 с. – (Актуальные монографии). – ISBN 978-5-534-01430-3. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/559608> (дата обращения: 18.11.2025).

6. Ерофеев, Б.В. Экологическое право России. Особенная и специальная части : учебник для вузов / Б.В. Ерофеев ; под научной редакцией Л.Б. Братковской. – 26-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 305 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-15740-6. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/565343> (дата обращения: 18.11.2025).

Григорьева Анастасия Ивановна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НА РЫНКЕ КОММУНАЛЬНЫХ (ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ) УСЛУГ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

***Аннотация.** Представленная статья направлена на исследование вопросов, связанных с защитой интересов потребителей на рынке коммунальных (энергетических) услуг. Авторами определяется правовая основа такой защиты, содержание прав потребителей в сфере коммунальных и энергетических услуг. Основное внимание уделяется проблемным аспектам, характеризующим недостатки законодательства в соответствующей сфере, которые напрямую сказываются на возможностях практической реализации гарантий защиты прав потребителей. В заключении формулируются конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства.*

***Ключевые слова:** энергетическое право, коммунальные услуги, энергетические услуги, защита прав потребителей, проблемы правового регулирования.*

Рынок коммунальных и энергетических услуг сегодня играет ключевую роль в обеспечении жизнедеятельности населения, что предопределяет необходимость разработки правовых механизмов, гарантирующих их надлежащее предоставление. Именно по этой причине, защита прав потребителей коммунальных (энергетических) услуг выступает в качестве актуальной задачи правового государства, решение которой требует анализа действующего законодательства и выявления в нем проблемных аспектов.

Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» определяет основы правового регулирования отношений между гражданами и исполнителями услуг, в том числе коммунальных и энергетических. В частности, определяется право потребителей на получение услуг надлежащего качества, а также информацию о них, возможность компенсации вреда и ущерба, причиненного неисполнением или ненадлежащим исполнением соответствующих обязательств [4]. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 года № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» конкретизирует требования к качеству коммунальных (энергетических) услуг, правила их оказания, проведения перерасчетов и регламентирует платежные отношения [5]. Федеральный закон от 23 ноября 2009 года № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергоэффективности» устанавливает рамки, в пределах которых может быть повышена энергоэффективность, а также напрямую влияет на права потребителей [3]. Помимо этого, отдельные аспекты, связанные с недопущением повышения тарифов за коммунальные (энергетические) услуги, прямо вытекают из предписаний Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [2].

Исходя из анализа представленных выше документов, можно сделать вывод, что потребителям коммунальных и энергетических услуг предоставляются права, обеспечивающие возможность: получать совокупность предусмотренных договоров услуг надлежащего качества; своевременно получать информацию об услугах и тарифах; инициировать споры по факту выявления нарушений; предъявлять требования о перерасчете в случае установления факта предоставления услуг ненадлежащего качества или иных нарушений. Несмотря на наличие такой развитой правовой базы, некоторые вопросы, связанные с защитой интересов потребителей на рынке коммунальных (энергетических) услуг, обладают проблемным характером, что препятствует эффективной защите прав граждан и соблюдению установленных государством гарантий.

Во-первых, тарифы и условия, включенные в договоры об оказании коммунальных (энергетических) услуг, не редко являются затруднительными к пониманию для среднего потребителя. Помимо этого, такие договоры зачастую содержат совокупность стандартных условий, которые не подлежат изменению и не обсуждаются с потребителем напрямую [8, с. 287]. Несмотря на то, что Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» в статье 8 определяет право на получение информации об услуге, отраслевые правила иногда не включают в себя достаточных требований, позволяющих регламентировать подробность и понятность такой информации в сфере коммунальных и энергетических услуг. Помимо этого, потребители не всегда могут получить данные о составе тарифа на услуги, порядке формирования суммы оплаты, а также о наличии скрытых надбавок. Вследствие данных недостатков потребители практически лишаются возможности объективного установления факта незаконности начисления платежей. Это приводит к тому, что могут начисляться неоправданно высокие платежи, которые не представляется возможным обжаловать через обоснованную претензию. Как следствие, уровень общественного доверия к поставщикам услуг, равно как и к контролирующим органам, снижается [7, с. 315].

Во-вторых, несмотря на то, что Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 года № 354 включает в себя прямое указание на возможность проведения перерасчета в случае предоставления услуг ненадлежащего качества, например, при их недостатке или перерыве в поставках, на практике потребители не редко сталкиваются с трудностями при реализации данного права. Как отмечают отдельные авторы [9, с. 615], наибольшее распространение получили следующие проблемы: задержка сроков проведения перерасчета; отказ в проведении перерасчета; отказ в принятии жалобы вследствие ее необоснованности и отсутствия доказательств; намеренное затруднение процедуры оформления перерасчета, ее чрезмерная бюрократизация [6, с. 820]. Кроме того, законодатель не всегда предусматривает четкие стандарты качества коммунальных и энергетических услуг, а также обязанности поставщика в области минимального уровня сервиса, например, допустимые сроки устранения аварий, продолжительности отключений и т.п. Это приводит к тому, что потребители буквально вынуждены вносить регулярную плату за услуги, которые фактически им не предоставляются или же предоставляются в неудовлетворительном качестве. Как и в предыдущем случае, одним из наиболее значимых последствий является снижение уровня общественного доверия и повышение социальной напряженности, который по итогу может привести к подаче массовых жалоб на деятельность поставщиков или контролирующих органов.

В-третьих, отсутствуют единые стандарты ответственности управляющих и ресурсоснабжающих организаций за действия (бездействие), которые привели к предоставлению услуг ненадлежащего качества. Проблема заключается в том, что действующее законодательство разделяет зоны ответственности между различными субъектами. В результате этого, в случае подачи жалобы, исполнитель не редко осуществляет попытку переложения вины на другого субъекта. Нормативно-правовые акты, в свою очередь, не включают четких механизмов распределения ответственности, что затрудняет оспаривание нарушений потребителями [10, с. 41].

Таким образом, можно заключить, что с целью повышения практической эффективности защиты прав и законных интересов потребителей коммунальных (энергетических) услуг необходимо:

- конкретизировать на уровне Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» обязанность по предоставлению потребителям информации о составе тарифа и сопровождению каждого платежа пояснениями причин его обновления со ссылками на нормативную основу, которые свидетельствуют о легальности предпринятых мер;
- определить право потребителя на запрос дополнительных поясняющих документов при заключении договора на оказание коммунальных (энергетических) услуг;
- разработать минимальные стандарты качества и сервиса в области коммунальных (энергетических) услуг, определяющие сроки устранения аварий, допустимую продолжительность отключений и другие значимые вопросы;
- определить на уровне законодательства конкретные сроки рассмотрения жалоб потребителей, содержащих требование о перерасчете коммунальных платежей;

– установить правило, в соответствии с которым все участники поставки коммунальных (энергетических) ресурсов обязуются нести солидарную ответственность перед потребителем, которое может быть интегрировано в жилищное законодательство и Жилищный кодекс Российской Федерации [1] в частности.

Список используемых источников:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 14.
2. О защите конкуренции : Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3434.
3. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 48. – Ст. 5711.
4. О защите прав потребителей : Закон РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
5. О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов : Постановление Правительства РФ от 06 мая 2011 г. № 354 (ред. от 07.03.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 22. – Ст. 3168.
6. Блинова, Ю.В. Проблемы осуществления и защиты прав потребителя в сфере коммунальных услуг / Ю.В. Блинова // Социальная политика и социальное партнерство. – 2023. – № 12. – С. 817-825.
7. Бурова, А.О., Щербачева, Л.В. Некоторые проблемы защиты прав потребителей в сфере коммунальных услуг / А.О. Бурова, Л.В. Щербачева // Вестник Академии управления и производства. – 2025. – № 1. – С. 313-317.
8. Кривоносова, А.С. Особенности осуществления и защиты прав потребителя в сфере коммунальных услуг / А.С. Кривоносова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2022. – № 5 (69). – С. 285-290.
9. Малинин, И.Ю. Досудебный порядок защиты нарушенных прав потребителей в сфере коммунальных услуг / И.Ю. Малинин // Вестник Академии управления и производства. – 2024. – № 4-2. – С. 614-620.
10. Рыбина, Н.М., Лужина, А.Н. Защита прав потребителей в сфере жилищно-коммунального хозяйства / Н.М. Рыбина, А.Н. Лужина // Российское правосудие. – 2021. – № 5. – С. 38-42.

Гуляева Екатерина Владимировна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** В статье исследуется роль прокурорского надзора как ключевого инструмента обеспечения экономической безопасности государства. Центральное внимание уделяется механизмам надзорной деятельности в экономической сфере, включая объекты и субъекты регулирования. Определён круг органов и хозяйствующих субъектов, деятельность которых находится под надзором органов прокуратуры. Детально анализируются полномочия прокуратуры, а также комплекс мер прокурорского реагирования, применяемых для устранения выявленных нарушений.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, экономическая безопасность, регулирование, общественные отношения.*

Прокурорский надзор является одним из главных инструментов в руках государства для осуществления регулирования общественной жизни в различных сферах социума. При всей своей правовой и организационной функциональности прокурорский надзор способствует выполнению одной из важнейших функций в рамках государственного регулирования – обеспечение экономической безопасности государства.

Стабильная экономическая безопасность государства является одним из столбов ключевых фундаментальных основ построения суверенитета государства. Без должного соблюдения экономической безопасности в государстве нельзя будет в полной мере признать государство самостоятельным, поскольку его экономика находится в шатком, несформированном положении, подвержена влиянию третьей стороны, не обеспечивается базовыми и факультативными средствами правовой и физической защиты от посягательств на постоянство и беспрепятственность её функционирования.

Прокуратура Российской Федерации, благодаря приданным ей полномочиям может выступать одним из основных органов, который способен обеспечивать экономическую безопасность государства, выявлять, устранять и предупреждать нарушения закона. [3].

В условиях нестабильности внешнего политического положения Российской Федерации и изменяющихся в связи с этой проблемой экономических отношений (как внешних, так и внутренних) прокуратура способна выступить органом, способным в условиях трансформации общества давать адекватные ответы на современные вызовы в сфере обеспечения экономической безопасности государства путём своевременного реагирования на новые или развивающиеся формы экономических преступлений и правонарушений.

Прокурорский надзор в своей сущности представляет собой одну из форм деятельности органов прокуратуры по обеспечению законности, выявлению, устранению и предупреждению нарушений закона. Прокуратура уполномочена следить за соблюдением законов абсолютным большинством государственных органов, предприятий, учреждений, организаций, граждан.

Цель прокурорского надзора (в глобальном смысле, согласно п. 2 ст. 1 ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации») – обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. [2].

Цель прокурорского надзора (в узком смысле) – путём обеспечения контроля за деятельностью органов обеспечивать соблюдение законности, выявлять и требовать устранения обнаруженных нарушений закона, бороться с преступлениями и правонарушениями.

Обеспечение экономической безопасности государства является одним из направлений деятельности органов прокуратуры. [4].

Прокуратура в своей основе обязана следить за следующими аспектами, которые образуют экономическую безопасность государства:

- 1) стабильность финансовой системы;
- 2) беспрепятственность функционирования отношений собственности;
- 3) защищённость отношений собственности;
- 4) обеспечение трудовых прав сотрудников и, как следствие, обеспечивать состояние защищённости их экономических благ, прав;
- 5) эффективное действие механизмов экономического регулирования;
- 6) поддержание на приемлемом уровне теневой экономики;
- 7) борьба с экономической преступностью.

Так как в сфере подведомственности прокуратуры находится большое количество аспектов, за которыми нужно осуществлять контроль, государство наделило прокуратуру особым положением в структуре правоохранительных органов государственной власти, которое придаёт ей специальные полномочия, дающие возможность реагировать на нарушения закона практически во всех сферах экономической деятельности общества. К числу мер реагирования можно отнести следующие инструменты, входящие в арсенал органов прокуратуры: проведение проверок (при этом сотрудники имеют доступ к документации и могут требовать объяснения), внесение представлений (в случае обнаружения нарушений), обращение в суд, участие в арбитражном процессе. Комплекс перечисленных мер позволяет органам прокуратуры активно действовать в ходе осуществления прокурорского надзора.

Экономическая безопасность Российской Федерации является многоструктурным процессом. Эффективное поддержание экономической безопасности государства возможно не столько путём активных действий по регулированию экономических отношений, но и путём активного участия в регулировании правовых общественных отношений. В частности, именно обеспечение прокурорского надзора в экономической и правовой сфере функционирования общества практически полностью охватывают сферу возможных проявлений угроз относительно экономической безопасности государства.

В контексте обеспечения прокурорского надзора за экономической безопасностью можно выделить следующие ключевые угрозы в данной сфере:

- 1) несовершенство правовой базы Российской Федерации, наличие правовых коллизий – создаются условия для правонарушений, возникают правовые не состыковки, которые могут привести к допущению нарушений в экономической сфере;
- 2) коррупция, злоупотребление должностным положением – создание условий несправедливой конкуренции, углубление социального разрыва между классами в обществе, создание несправедливых условий в сфере обеспечения экономическими благами, неэффективное и нецелевое расходование бюджетных средств;
- 3) криминализация, теневые бизнес-операции – приводит к уходу существенной части денежного оборота от налогов, недобросовестная конкуренция, создание условий для развития преступности.

Органы прокуратуры имеют независимый статус в системе государственной власти. [1]. Данная независимость позволяет обеспечить объективное и эффективное прокурорское реагирование на выявленные нарушения закона, независимо от точки зрения иных государственных органов или должностных лиц. Выражается это в отсутствии необходимости

согласования действий органов прокуратуры с иными правоохранительными и государственными органами (обеспечивается эффективность) и при этом в полной мере предоставленные прокуратуре полномочия позволяют досконально задокументировать все полученные от организаций сведения и информацию, всесторонне подойти к полноте проведения проверок (обеспечивается объективность). Основываются действия прокурора исключительно на нормах права, при этом правовая оценка даётся без оглядки на статус правонарушителя.

Выделяют основные направления прокурорского надзора в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации:

1) Соблюдение прав предпринимателей и свободы экономической деятельности – прокуратура призвана противостоять любым угрозам прав и свобод предпринимателей, будь это угроза от государственного органа или иного субъекта.

2) Борьба с криминализацией экономики, борьба с экономическими преступлениями – данный вид деятельности включает активные действия по предупреждению и расследованию выявленных преступлений в сфере экономической безопасности государства. Такая деятельность происходит во взаимодействии с иными правоохранительными органами и не имеет возможности к существованию и функционированию без наличия этого взаимодействия. Взаимодействие происходит с подразделениями по борьбе с экономической преступностью различных ведомств (ФСБ РФ, МВД РФ и т.д.). Например, в МВД РФ органы прокуратуры часто взаимодействуют с оперативным подразделением по обеспечению экономической безопасности и противодействия коррупции. Специфика прокурорского надзора в этой сфере включает использование широкого арсенала мер реагирования: от внесения протестов на незаконные правовые акты до возбуждения уголовного дела.

3) Обеспечение законности деятельности органов власти в экономической сфере – значительная часть нарушений, которые подвергают опасности экономическое благосостояние Российской Федерации связана с противоправными действиями (бездействием) органов власти и местного самоуправления. Так, по статистическим данным, предоставленным Генеральной прокуратурой Российской Федерации, состояние законности в сфере защиты экономических прав граждан в 2023 году по сравнению с аналогичным периодом 2022 года ухудшилось примерно на 15-20%". Наиболее типичными нарушениями являются издание органами государственной власти и местного самоуправления неправомερных актов, ущемляющих экономические права граждан. [5].

Работая по вышеуказанным направлениям, прокуратура осуществляет систематический контроль за законностью издаваемых органами публичной власти правовых актов, используя для этого арсенал инструментов реагирования.

Для обеспечения своевременной работы по вышеуказанным направлениям органы прокуратуры используют следующий инструментальный мер правового реагирования:

1) акты прокурорского реагирования – протест, представление, постановление, предостережение. Могут быть как устные, так и письменные действия прокурора;

2) проверки – целевые, комплексные, сквозные, совместные или одновременные с проверками других органов;

3) возбуждение дел – возбуждение дел об административных правонарушениях, требование привлечения виновных к уголовной, дисциплинарной, материальной ответственности, обращение в суд;

4) предупреждение нарушений – прокурор предостерегает от нарушений закона, требует устранения причин и условий, способствующих нарушению закона, изучает проекты нормативных актов;

5) взаимодействие со СМИ и общественностью – информирование общественности о состоянии законности и правопорядка, разъяснения законодательства и т.п.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) Эффективность прокурорского надзора в сфере экономической безопасности определяется не только своевременностью и адекватностью принятых мер, но и способностью влиять на первопричину допущения этих нарушений.

2) Дальнейшее совершенствование прокурорского надзора в сфере обеспечения экономической безопасности государства должно осуществляться по следующим основным направлениям:

- оптимизация взаимодействия прокуратуры с другими государственными органами и общественными организациями;
- совершенствование профессиональной подготовки сотрудников прокуратуры в сфере экономики;
- развитие обеспечения направлений прокурорского надзора с учётом трансформации экономической сферы общества с выставлением акцента на превентивную функцию органов прокуратуры, которая достигается через мониторинг правового пространства и правоприменительной практики.

3) Обеспечение комплексного и системного подхода позволит повысить эффективность прокурорского надзора даже в условиях современных вызовов и угроз и эффективно обеспечивать экономическую безопасность государства.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 01.10.2025). – Текст: электронный.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения 04.10.2025). – Текст: электронный.
3. Винокуров А.Ю., Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор: учебник для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 353 с.
4. Капинус О.С. Прокурорский надзор и особенности обеспечения законности в период кризисных явлений в экономике – М.: Проспект, 2020. – 527 с.
5. Катаева А.Я. Защита экономических прав граждан средствами прокурорского надзора // Молодой ученый. – 2024. – № 49. – С. 503-505.

Давыдова Алина Владимировна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Першина Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

***Аннотация.** Представленное исследование направлено на анализ вопросов, связанных с процессом сбора, проверки и оценки показаний подозреваемого и обвиняемого в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Автором определяются особенности данного вида доказательственных сведений, связанные с ними проблемные аспекты, затрудняющие определение показаний указанных участников уголовного процесса на соответствие критерию достоверности, а также сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.*

***Ключевые слова:** уголовный процесс, допрос, доказательства, достоверные показания, показания подозреваемого, показания обвиняемого.*

Уголовно-процессуальное право Российской Федерации предусматривает правило, в соответствии с которым разрешение уголовного дела возможно только в том случае, если оно осуществляется на основании достоверных сведений, которые именуются доказательствами. Показания подозреваемого и обвиняемого, как разновидность таких сведений, сегодня выступают в качестве одних из наиболее часто встречающихся доказательств.

В качестве одной из специфических особенностей показаний подозреваемого и обвиняемого, следует признавать их источник, в качестве которого выступают физические лица, не наделённые ответственностью за предоставление уполномоченным субъектам уголовного судопроизводства заведомо ложных сведений. Данное обстоятельство, качественно отличающее процесс сбора показаний подозреваемого и обвиняемого, от процесса сбора показаний у иных участников уголовного процесса, провоцирует возникновение различных проблем, требующих своего разрешения, в том числе, посредством обновления подходов к проверке и оценке доказательств [4, с. 193].

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации понятие показаний подозреваемого нашло своё закрепление в норме статьи 76: «Показания подозреваемого – сведения, сообщённые им на допросе, проведённом в ходе досудебного производства...» [1]. Показания обвиняемого, в свою очередь, исходя из статьи 77 УПК РФ следует определять как: «сведения, сообщённые им на допросе, проведённом в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде...».

Итак, из законодательного определения следует, что показания подозреваемого (обвиняемого) представляют собой сведения, т.е. конкретную информацию, которую тот сообщает уполномоченному лицу в рамках производства следственного действия, получившего в уголовно-процессуальном праве наименование «допрос».

Говоря о показаниях подозреваемого (обвиняемого), также следует отметить, что некоторые авторы [6, с. 201] выделяют в них двойственную природу, которая обуславливается

тем, что: Во-первых, уполномоченное лицо посредством взятия таких показаний осуществляет сбор доказательств, которые в последствии могут быть использованы для подтверждения каких-либо фактов, имеющих отношение к делу. Во-вторых, в некотором смысле, дачу показаний можно рассматривать в качестве одного из средств защиты подозреваемого или обвиняемого. К подобному выводу учёные приходят исходя из того, что в рамках допроса обозначенный субъект обладает возможностью высказать своё отношение к определённым событиям, а также раскрыть их сущность. Подозреваемый (обвиняемый) в отличие от других участников процесса, обладает полной свободой волеизъявления в рамках допроса, так как на него не могут быть наложены санкции в случае, если будет установлен факт дачи заведомо ложных показаний. Именно по этой причине допрос и называется некоторыми авторами средством процессуальной защиты [7, с. 75].

По нашему мнению, представленная выше позиция является абсолютно рациональной. Действительно, подозреваемый (обвиняемый), который является участником уголовного судопроизводства, давая показания следователю или дознавателю, обладает возможностью предоставлять только те сведения, которые он считает наиболее выгодными для своего положения. Подобная возможность во многом обуславливается тем фактом, что на подозреваемого (обвиняемого) не возлагается обязательств по предоставлению именно достоверных показаний, которые не содержат в себе информации заведомо ложного характера. В случае с другими участниками уголовного судопроизводства, например, свидетелями и потерпевшими, подобное правило не применимо, так как они несут прямую ответственность за дачу заведомо ложных показаний, т.е. сведений, противоречащих объективной действительности, предоставленных в условиях полного осознания факта их недостоверности [8, с. 109].

Важнейшим этапом работы с показаниями подозреваемого (обвиняемого), выступает их проверка и оценка, которая осуществляется как на досудебных, так и судебных стадиях уголовного судопроизводства. В случае с проверкой показаний подозреваемого (обвиняемого) важно исследовать все этапы получения показаний, а также учесть саму личность допрашиваемого лица. Так, подозреваемый (обвиняемый), может неосознанно опускать какие-либо факты, добавлять субъективные оценки воспроизводимым событиям, а также иным образом искажать информацию, что приводит к её полной или частичной недостоверности. В данном случае, не обязательно присутствует заведомо ложный характер показаний, однако, наличие сомнений в их правдивости является прямым основанием для исключения соответствующих сведений из предмета доказывания.

Понятие достоверности доказательств не получило своего легального определения в тексте УПК РФ, однако, в теории уголовного процесса оно традиционно рассматривается в качестве признака (критерия), указывающего на то, что полученные в ходе следственных действий сведения соответствуют объективной действительности, что проверяется посредством совокупности предусмотренных законом средств. В контексте рассматриваемого вида доказательств, достоверность означает, что показания подозреваемого соответствует фактическим обстоятельствам совершенного преступления, что подтверждается совокупностью иных доказательств, собранных по уголовному делу [8, с. 109].

Законодательство предусматривает несколько процессуальных средств, которые могут быть реализованы на практике с целью проверки показаний подозреваемого:

- очная ставка (ст. 192 УПК РФ), которая может применяться в ситуации, если обнаруживаются существенные противоречия между показаниями подозреваемого и иных участников уголовного судопроизводства, что позволяет выявить ложные или ошибочные сведения, уточнить недостающие детали;
- проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ), которая предоставляет возможность подтвердить наличие у подозреваемого знаний конкретных деталей, связанных с преступным событием, что способствует повышению степени достоверности его показаний;
- следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ), дающий возможность проверить, имелась ли реальная возможность совершения тех действий, которые были описаны подозреваемым в показаниях;

– судебная экспертиза (ст. 195 УПК РФ), которая также может производиться в случаях, когда имеется потребность в дополнительной проверке показаний подозреваемого, в том числе, с целью установления его психического состояния, способности рационально и объективно воспринимать какие-либо обстоятельства;

– сопоставление доказательств между собой, указывающее на то, что показания подозреваемого не могут рассматриваться в качестве единственного доказательства по делу, требуя от следователей и дознавателей их проверки через получение иных сведений процессуально допустимым путем.

Стоит отметить, что в отношении проблемы достоверности показаний некоторые авторы высказывают достаточно радикальные позиции. Так, например, Л.В. Волосатова утверждает, что правдивость показаний не может быть обеспечена в принципе. В данном случае, речь идёт о полной правдивости. Автор своё мнение аргументирует тем, что любое событие, которое воспринимается человеком и сохраняется в его памяти, в последствие во всех без исключения случаях искажается и не может быть объективно воспроизведено [3, с. 39].

Л.М. Иколенко также утверждает, что допрашиваемый, являясь индивидом, всегда будет искажать свои воспоминания в следствие субъективного восприятия, обусловленного особенностями психики, интеллектуального развития, моральных ориентиров и иных причин [5, с. 236].

Мы не можем согласиться с высказанными выше позициями. По нашему мнению, авторы допускают ошибку, приравнивая такие категории, как объективность и правдивость друг к другу. Безусловно, объективность в случае с доказательствами личного характера, т.е. исходящих от человека, а не от предметов, кроме заключения эксперта, не может быть обеспечена. Человек, как живое существо, обладающее развитым интеллектом и психикой, всегда будет оценивать какие-либо события с точки зрения субъективного восприятия, которое в последствие будет проявляться и в воспроизведении им сведений об этих самых событиях. В то же время, часть из сведений, несмотря на их неточное, т.е. не в полной мере соответствующее действительности, изложение может указывать на конкретные, именно фактические обстоятельства. В данном случае важно, чтобы судья и иные субъекты надлежащим образом производили исследование доказательств, исключая из показаний подозреваемого (обвиняемого) ту информацию, объективность которой вызывает значительные сомнения.

Помимо обозначенный трудностей, также можно сделать указание на проблему, связанную с процессом сбора показаний подозреваемого (обвиняемого) сотрудниками органов предварительного следствия и дознания. Действующее уголовно-процессуальное право Российской Федерации предусматривает правила, запрещающие оказание какого-либо давления на допрашиваемое лицо с целью его склонения к даче конкретных показаний. В то же время, следователи и дознаватели могут злоупотреблять своими полномочиями, проводя допрос в ненадлежащих условиях и с иными нарушениями уголовно-процессуального законодательства. Подобные допросы во всех без исключения случаях будут приводить к получению недостоверных показаний, которые не могут рассматриваться в качестве доказательств по уголовному делу [2, с. 91].

Подводя итог изложенной информации, можно заключить, что показания подозреваемого и обвиняемого представляют собой один из самых сложных видов доказательств, используемых в уголовном процессе для установления обстоятельств (фактических сведений), имеющих непосредственное отношение к уголовному делу. Такая сложность обусловлена субъективным характером показаний, отсутствием правил, налагающих обязанность на подозреваемого (обвиняемого) по предоставлению исключительно правдивых сведений, а также существованием риска нарушения норм уголовно-процессуального законодательства в ходе их сбора.

Обозначенные выше обстоятельства обуславливают возникновение проблем при проверке показаний подозреваемого и обвиняемого на соответствие критерию достоверности. С целью повышения практической эффективности данного процесса считаем возможным предложить:

– определить на уровне УПК РФ понятие достоверности доказательств, которое должно указывать на их соответствие фактическим обстоятельствам дела, подтвержденным проверкой

и сопоставлением с иными доказательствами, полученными в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства;

– определить в статье 189 УПК РФ правило об обязательной видеофиксации хода допроса подозреваемого и обвиняемого, что может облегчить процесс проверки законности действий следователей и дознавателей в рамках данного следственного действия;

– установить обязательное правило, в соответствии с которым признательные показания подозреваемого и обвиняемого должны проверяться посредством проведения психолого-лингвистической экспертизы.

Список используемых источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

2. Брянская, Е.В. К вопросу о критериях оценки допустимости и недопустимости доказательств по уголовному делу / Е.В. Брянская // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 2 (113). – С. 88-100.

3. Волосатова, Л.В. О понятии оценки доказательств в уголовном процессе / Л.В. Волосатова // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2024. – № 6. – С. 37-41.

4. Идиятуллина, Э.И., Шлычкова, М.И. О вопросе оценки достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого / Э.И. Идиятуллина, М.И. Шлычкова // Актуальные вопросы современной науки: теория, технология, методология и практика. – 2024. – № 1. – С. 190-195.

5. Иколенко, Л.М. Общие положения собирания, исследования и оценки доказательств в уголовном процессе / Л.М. Иколенко // Приднепровский научный вестник. – 2023. – № 4. – С. 235-238.

6. Камилкызы, Г. Некоторые проблемы законодательной регламентации процессуального статуса подозреваемого / Г. Камилкызы // Alatoo Academic Studies. – 2020. – № 2. – С. 199-206.

7. Савчукова, В.В. Показания подозреваемого как доказательства в уголовном процессе / В.В. Савчукова // Вестник магистратуры. – 2023. – № 11-2 (146). – С. 73-76.

8. Сорокина, Е.Ю. Показания подозреваемого, обвиняемого и подсудимого как доказательства по уголовному делу / Е.Ю. Сорокина // Уральский научный вестник. – 2022. – № 4. – С. 108.

Даньшина Анастасия Сергеевна,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шалайкин Руслан Николаевич,
заведующей кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ

***Аннотация.** Статья рассматривает особенности юридической ответственности в сфере энергоснабжения, основанные на сочетании норм гражданского законодательства и специальных требований отраслевых законов Российской Федерации. Анализируются положения ГК РФ, Федеральных законов № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» и № 190-ФЗ «О теплоснабжении», регулирующих ответственность поставщиков и потребителей за нарушение обязательств по поставке энергии. Раскрываются формы ответственности, включая неустойку, возмещение убытков, а также случаи освобождения от ответственности при наличии форс-мажора или технических обстоятельств. Подчеркивается комплексный характер регулирования и необходимость точного договорного закрепления условий энергоснабжения.*

***Ключевые слова:** энергоснабжение, юридическая ответственность, гражданско-правовая ответственность, договор энергоснабжения, неустойка, убытки, вина.*

Особенности юридической ответственности в сфере энергоснабжения требуют комплексного анализа, поскольку они опираются одновременно на общие институты гражданского права и на специальную нормативную базу, регулирующую электроэнергетику и теплоснабжение.

Павлов К. А. выделяет следующие виды юридической ответственности применительно к отношениям по энергоснабжению:

«1) гражданская-правовая ответственность наступает за причинение имущественного и морального вреда, вреда здоровью, чести и достоинству. Основные положения ответственности за нарушение обязательств установлены гл. 25 ГК РФ;

2) административная ответственность наступает за правонарушения, предусмотренные КоАП РФ;

3) уголовная ответственность предусмотрена УК РФ за совершения преступлений» [1, с. 152].

Рассмотрим подробно гражданско-правовую ответственность. С одной стороны, правоотношения между поставщиком энергоресурсов и потребителем оформляются как обязательственные отношения в гражданско-правовом смысле: у поставщика возникает обязанность поставить энергию в оговоренные сроки, в предусмотренном объеме и с надлежащими характеристиками, у потребителя – обязанность принять и оплатить поставленную энергию. Понятие обязательства, которое лежит в основе всех последующих последствий за его нарушение, закреплено в ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество,

выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности» [2].

Исходя из этого базового принципа, юридическая ответственность за нарушение обязательств в сфере энергоснабжения формируется по общим правилам о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств, предусмотренным гражданским законодательством, и дополняется специальными правилами отраслевого законодательства. Павлов К.А. пишет: «Гражданско-правовая или гражданская ответственность наиболее часто встречающийся вид ответственности при исполнении договора энергоснабжения. Гражданская ответственность сторон определяется условиями договора энергоснабжения, основанными на нормах специального законодательства, базирующихся на общих принципах гражданского права» [1, с. 152].

В частности, ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает, что «лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности» [2].

Это общее основание ответственности позволяет связывать ответственность поставщика с доказанным фактом вины, если иное не предусмотрено договором (например, в виде объективной ответственности) или специальными нормативами отрасли. При этом практическое значение имеют и другие институты ГК РФ – неустойка как способ обеспечения исполнения обязательств, возмещение убытков и порядок освобождения от ответственности при наличии обстоятельств непреодолимой силы.

Неустойка (штраф, пени) является одним из ключевых средств, применяемых в договорах энергоснабжения для обеспечения оплаты и стимулирования добросовестного исполнения. Гражданский кодекс даёт определение и правовое содержание неустойки (ст. 330): «Неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков» [2]. В договорах поставки электроэнергии и тепловой энергии типично предусматриваются пени за просрочку оплаты, штрафы за нарушение режимов потребления, а также иные финансовые санкции за допущенные нарушения. Однако при этом суды вправе, руководствуясь положениями ГК РФ, уменьшить неустойку, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. Практическая значимость института неустойки в энергетике велика: она позволяет быстро взыскивать возмещение без необходимости доказывать реальный размер убытков, что важно при массовых потребителях и системной просрочке.

Специфика отраслевого регулирования электроэнергетики и теплоснабжения накладывает дополнительные обязанности и ответственность на участников рынка. Федеральный закон «Об электроэнергетике» (№ 35-ФЗ) устанавливает правовые основы организации и функционирования отрасли, в том числе регулирует права и обязанности энергокомпаний, требования к надёжности и безопасности энергоснабжения, а также формы государственного регулирования тарифов и качественных показателей поставки [3]. Для целей ответственности это означает, что кроме гражданско-правовой ответственности по договору поставки, поставщики электроэнергии несут ответственность за нарушение специальных требований закона (например, требований по обеспечению надёжности, по соблюдению технических режимов, по предоставлению информации регулятору), а регулятор применяет административные меры, предусмотренные специальным законодательством. В свою очередь, контрактные положения между энергоснабжающими организациями и сетевыми компаниями часто содержат конкретизацию ответственности за технологические нарушения и за сбои, обусловленные эксплуатационными причинами.

Аналогично, в сфере теплоснабжения федеральное законодательство (ФЗ № 190-ФЗ «О теплоснабжении») фиксирует специальные правила обеспечения готовности к отопительному периоду, обязанности по качеству и объёму тепловой энергии, механизмы расчётов и ответственности при нарушениях поставок [4]. Закон предусматривает комплекс

мер по обеспечению надёжности и безопасности теплоснабжения, а также специальные механизмы уравнивания интересов потребителей и теплоснабжающих организаций, включая порядок обеспечения исполнения обязательств по оплате и ответственность за неисполнение договорных обязательств. Для потребителей это означает дополнительные гарантии и основания для предъявления требований при перерывах теплоснабжения, несоответствии температуры или объёма поставок установленным нормам. Для поставщиков и организаций теплоснабжения закон формирует обязательные стандарты поведения и одновременно – риск наступления ответственности при их нарушении.

На практике распределение видов ответственности в энергоснабжении выглядит как сочетание нескольких уровней: договорная ответственность перед конкретным контрагентом (включая неустойки и возмещение убытков), деликтная ответственность (в случае причинения вреда третьим лицам вследствие аварий, нарушения техники безопасности и т.п.), ответственность перед государственными органами и потребителями в порядке, установленном отраслевыми законами, и административная ответственность за нарушение требований техрегламента и норм функционирования энергосистемы. Такое многоуровневое регулирование требует от поставщиков комплексной системы управления рисками: надлежащее страхование, поддержание резервов и инфраструктуры, соблюдение правил эксплуатации и своевременное информирование потребителей и регуляторов. Отдельно следует выделить практику применения штрафных санкций и взысканий, когда регулятором или судами дополнительно учитываются масштабы последствий, причастность к нарушениям и наличие мер по их предотвращению.

Особая роль в механизме ответственности отводится вопросам доказывания и установления вины или объективных оснований ответственности. Хотя ГК РФ закрепляет обязанность лица отвечать за неисполнение при наличии вины, договоры энергоснабжения нередко включают элементы объективной ответственности (например, за недопоставку в определённых объёмах или за несоблюдение режимов), когда виновность не требуется доказывать. Однако даже в таких ситуациях возможны исключения при наступлении форс-мажорных обстоятельств, признанных надлежаще подтверждёнными, либо при наличии на стороне потребителя обстоятельств, которые частично обусловили нарушение (например, несанкционированные вмешательства, задолженности, технические препятствия, созданные самим потребителем). Судебная практика показывает, что оценка вины и причинно-следственной связи в спорах об энергоснабжении требует тщательного экспертного анализа технических условий, журналов учёта и актов обследования сетей.

Надёжность и предсказуемость правового режима в этой области зависят также от тарифного и регуляторного механизма: государственное регулирование тарифов на оптовом и розничном рынках электроэнергии, требования к раскрытию информации, а также обязательства по исполнению технологических режимов оказывают значительное влияние на объёмы ответственности. Так, несоблюдение предписаний регулятора или уклонение от платежей регулирующим органам и операторам рынка нередко ведёт к комплексным последствиям: штрафы, ограничения поставок, взыскания по договорам и даже приостановление деятельности в отдельных случаях. Следовательно, правовая ответственность в энергоснабжении нельзя рассматривать только как частноправовую категорию – она тесно переплетена с публично-правовыми обязательствами и экономическим регулированием.

Практическая рекомендация для участников рынка – тщательное оформление договоров поставки и сетевого взаимодействия с чётким распределением рисков, системой санкций и основаниями освобождения от ответственности, а также наличие механизмов оперативного урегулирования споров (посредничество, арбитраж, экспертная оценка) [5]. Для потребителей важно понимать свои права при нарушении режима поставки, порядок предъявления требований и возможность взыскания убытков или уменьшения платы за оказанные услуги. Законодательные и нормативные акты, упомянутые выше, служат опорой при составлении договоров и при разрешении споров, но каждая конкретная ситуация требует анализа соотношения общегражданско-правовых норм и специальных отраслевых положений.

В заключение следует подчеркнуть, что юридическая ответственность в сфере энергоснабжения обладает двойственным характером: с одной стороны, это классическая

гражданско-правовая ответственность за нарушение обязательств (исполнение, неустойка, возмещение убытков), закреплённая в ГК РФ, с другой – комплекс специальных обязательств и санкций, вытекающих из отраслевого регулирования электроэнергетики и теплоснабжения. Взаимодействие этих уровней порождает сложную картину правовой ответственности, в которой решающее значение имеют условия договоров, отраслевые стандарты, доказательная база по техническим обстоятельствам и надлежащее исполнение обязанностей по обеспечению надёжности поставок.

Список используемых источников:

1. Павлов, К.А. Ответственность сторон договора энергоснабжения / К.А. Павлов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 10-3(85). – С. 152-154.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Российская газета от 10.2.1996 г.
3. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «Об электроэнергетике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О теплоснабжении» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010 г. – № 31. – Ст. 4159.
5. Булдыгеров, М.Н. Ответственность по договору энергоснабжения / М.Н. Булдыгеров, О.В. Цуканов // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 105-6. – С. 61-64.

Добудько Виктория Александровна,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Федорященко Алексей Сергеевич,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ДОГОВОРОВ НА ТОРГАХ И АУКЦИОНЕ: ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА

***Аннотация.** В статье исследуются теоретические основы и практика заключения договоров по результатам торгов и аукционов в России. Проанализированы нормы Гражданского кодекса РФ, регулирующие порядок заключения договора на торгах, а также ключевые положения законодательства, регулирующего контрактную систему в сфере государственных и муниципальных закупок. Рассмотрены процессуальные сроки, обеспечительные меры, содержание протокола подведения итогов и специфика электронных аукционов. На основе обзора нормативно-правовой базы и практики представлены типичные риски и спорные вопросы, а также рекомендации по минимизации юридических и хозяйственных рисков при участии в торгах и последующем оформлении договоров.*

***Ключевые слова:** торги, аукцион, заключение договора, протокол подведения итогов, обеспечение исполнения договора, электронные закупки, публичные торги, правовая практика.*

Принцип свободы предпринимательской деятельности закреплён на конституционном уровне. Согласно нему каждый гражданин имеет право свободно использовать свои способности, распоряжаться своим имуществом для предпринимательской и другой экономической деятельности, которая не запрещена законом (п. 1 ст. 34 Конституции РФ) [1]. Осуществление предпринимательской деятельности невозможно без существования конкуренции, законодательное регулирование которой коренится в Конституции РФ, где и закреплёны основные конституционные гарантии предпринимательства, а также конституционные ограничения. Ключевым элементом является то, что законодательная охрана распространяется только на добросовестную конкуренцию, то есть такую которая

Сама по себе конкуренция, согласно федеральному законодательству, – это «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке» [4]. Недобросовестная конкуренция предполагает «деятельность, направленную на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности и противоречащую обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам или вред их деловой репутации» [4]. Такая деятельность запрещена законодательно и не подлежит правовой охране. Ключевым элементом является то, что законодательная охрана распространяется только на добросовестную конкуренцию.

Торги и аукцион являются гражданско-правовым воплощением принципа свободы предпринимательской деятельности и добросовестной конкуренции. Именно проведение торгов и аукционов позволяет его участникам по максимуму реализовывать механизм конкурентности и создает условия для их состязания, что дает возможность добиться наиболее благоприятных результатов, одновременно предъявляя более строгие требования и условия по обеспечению исполнения обязательств [7]. Такая процедура соответствует правовой сущности торгов. Следовательно, применение торгов недопустимо на рынке, где конкуренция ограничена либо полностью отсутствует.

Договор, заключаемый по итогам торгов или аукциона, представляет собой частный институт гражданского оборота, тяготеющий к сочетанию публично-правовых процедур организации состязательного способа выбора контрагента и частноправовой свободы договора при урегулировании условий исполнения. Нормативной основой служит положение Гражданского кодекса РФ о том, что договор, если иное не вытекает из его существа, может быть заключен путем проведения торгов и заключается с лицом, выигравшим торги (ст. 447 ГК РФ) [2]. Это положение фиксирует выбор торгов как специальной процедуры заключения контрактных обязательств и определяет юридическую силу результатов торгов как основания для заключения договора.

Правовое регулирование порядка фактического оформления договора по результатам торгов дополняется положениями о протоколе подведения итогов и порядке зачёта задатка: при заключении договора с лицом, выигравшим торги, сумма внесённого им задатка засчитывается в счёт исполнения обязательств по договору; стороны могут также использовать независимые гарантии как средство обеспечения обязательств, если иное не установлено законом. Эти нормы усиливают роль обеспечительных институтов как фактора обеспечения добросовестности участников и исполнения обязательств по результату состязательной процедуры.

Отдельная, практически значимая область – контрактная система государственных и муниципальных закупок, урегулированная Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о закупках) [3]. Этот акт детализирует порядок проведения государственных аукционов (включая электронные), сроки и процедуру заключения контракта по результатам торгов, обязанности заказчика по размещению документации и протоколов, а также особенности обеспечения исполнения контракта и действительных сроков для оформления контрактных отношений. Закон о закупках направлен на создание равных конкурентных условий и прозрачности процедур, что на практике определяется рядом процессуальных требований к срокам заключения договора и его содержанию [3].

Так, практические правила заключения контракта по итогам аукциона в сфере закупок требуют соблюдения строгих временных рамок: контракт не может быть заключён ранее чем через десять дней со дня размещения в единой информационной системе (ЕИС) протокола подведения итогов, и обычно должен быть заключён в течение определённого срока (например, не позднее 20 дней со дня подписания протокола – п. 3 ч. 9 ст. 93 Закона о закупках [3]), за исключением отдельных случаев, прямо предусмотренных законом. Эти предельные сроки преследуют цель: дать участникам возможность подготовить документальную базу, обеспечить предоставление гарантий и устранить формальные препятствия для корректного оформления обязательств.

С практической точки зрения ключевые элементы, определяющие переход от результатов торгов к действующему договору, включают: (1) протокол подведения итогов как документ, фиксирующий победителя и параметры предложений; (2) проект договора и его согласование сторонами; (3) обеспечение исполнения (задаток, банковская гарантия и иные способы – ст. 96 Закона о закупках; (4) соблюдение процессуальных сроков размещения документов и подписания контракта [3]; (5) соблюдение требований публичности и доступа к информации в случаях государственных закупок. Одна из частых проблем – несовпадение условий аукционной документации и проектной редакции договора, что порой приводит к спорам о правомерности включения в контракт положений, не предусмотренных извещением

о торгах [5]. Именно поэтому законодатель и судебная практика придают большое значение прозрачности и предсказуемости предварительной аукционной документации.

Теоретически торги выполняют функцию института, позволяющего превратить конкурентное предложение в обязательство посредством фиксации результата и внесения условий победителя в предварительно согласованный проект договора. Такая конструкция повышает предсказуемость экономического результата для организатора торгов, но одновременно создаёт ряд рисков для участника (например, риск отказа от заключения договора по формальным основаниям – ст. 449 ГК РФ) [2]. Признание торгов недействительными влечет недействительность договора, заключенного с лицом, выигравшим торги, и применение последствий недействительности сделки: каждая из сторон будет обязана возратить другой все полученное по сделке [2].

Практика показывает, что наиболее частые основания споров после подведения итогов торгов связаны с оценкой соответствия заявок критериям, изменением условий аукционной документации в ходе процедуры, а также с нарушениями сроков или форм при оформлении протоколов и проектов договоров [5]. Для заказчиков характерны риски в части неподготовленности проектной документации и неверной формулировки условий, влекущих необходимость проведения разъяснений или аннулирования торгов (ст. 31, ст. 52 Закона о закупках); для победителей – риски потери задатков при отказе от подписания договора или в случае несоответствия требованиям по предоставлению обеспечения исполнения (ст. 96 Закона о закупках; ст. 381 ГК РФ). Судебная практика нередко фиксирует, что ошибки в подготовке документации и несоблюдение предписанных законом процедур приводят к признанию результатов торгов недействительными или к необходимости их пересмотра [5].

Особое значение в современной практике приобрели электронные аукционы и электронная форма заключения договоров. Электронные платформы обеспечивают прозрачность и оперативность проведения торгов, однако возлагают на участников и организаторов дополнительные требования по обеспечению информационной безопасности, идентификации сторон, соблюдению порядка электронного документооборота и правил работы в ЕИС (ст. 24.1–24.4 Закона о закупках). В сфере государственных закупок Закон о закупках устанавливает детальные требования к электронным процедурам, включая форму публикации протоколов, сроки и механизм передачи проекта контракта победителю; нарушение этих правил может быть признано основанием для признания процедуры недействительной (ч. 9 ст. 99 Закона о закупках) [3]. На практике функциональная цифровизация ускоряет заключение договоров, но повышает требования к технической подготовке сторон.

Анализ риска при заключении договоров по результатам торгов целесообразно проводить в двух плоскостях – правовой и хозяйственный. С правовой стороны основные риски: формальные нарушения порядка проведения торгов, несоответствие проектных условий требованиям законодательства, а также ошибки в процедуре обеспечения исполнения (например, неправильное оформление банковской гарантии [6]). С хозяйственной стороны – риск изменения рыночных условий между датой подачи заявки и датой исполнения договора, а также риск невыполнения обязательств контрагентом. Рекомендуется заранее предусматривать в аукционной документации и в проекте договора механизмы перерасчёта, форс-мажора, поэтапного исполнения и гарантий качества, чтобы минимизировать экономические потери сторон.

Таким образом, заключение предпринимательских договоров на торгах и аукционах – сложный междисциплинарный институт, где взаимодействуют принципы конкурентности, прозрачности и свободы договора. Современная практика, в частности в условиях цифровизации торгов и ужесточения требований к госзакупкам, требует не только хорошего знания нормативной базы, но и грамотной технической и организационной подготовки сторон. Прозрачность процедур, точность проектной документации и надёжные механизмы обеспечения исполнения являются ключевыми факторами, снижающими риск споров и обеспечивающими надёжность перехода от результата торгов к эффективному исполнению договорных обязательств.

Процедуры заключения договоров по результатам торгов и аукционов закреплены в российском праве как эффективный способ формирования обязательств на основе конкурентного состязания. Законодательство и правоприменительная практика задают рамки и условия, соблюдение которых обеспечивает законность и предсказуемость контрактных отношений. В условиях растущей значимости электронных торгов и усиления контроля со стороны государства повышается роль юридической подготовки, прозрачности документации и обеспечения исполнения обязательств. Для предпринимателей и организаторов торгов основная стратегия – сочетание соблюдения процессуальных требований с практическим управлением рисками через проектную точность, адекватные обеспечительные меры и готовность к оперативному урегулированию спорных ситуаций.

Список используемых источников:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#I0 (дата обращения 08.11.2025)
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1994 г. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения 08.11.2025)
4. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ СПС // «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения 08.11.2025)
5. Обзор судебной практики в сфере закупок по 223-ФЗ (июль 2025 года) // https://gkgz.ru/wp-content/uploads/2025/10/Obzor-sudebnoj-praktiki-v-sfere-zakupok-po-223-FZ-iyul-2025-goda_.pdf (дата обращения 08.11.2025)
6. Матыцина Н.П., Павлушин С. А. Недобросовесная конкуренция и рекомендации по борьбе с ней в современных условиях / Н.П. Матыцина, С.А. Павлушин // Символ науки. 2022. №12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedobrosovesnaya-konkurenciya-i-rekomendatsii-po-borbe-s-ney-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 05.11.2025).
7. Гатаулина Л.Ф. «Конкуренция и торги: некоторые аспекты правового регулирования» // Образование и право. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurenciya-i-torgi-nekotorye-aspekty-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 10.11.2025).

Доронин Максим Александрович,
студент Юридического института
Белгородского государственного
национального исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Першина Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются отдельные вопросы, которые связаны с изучением заключения специалиста в качестве доказательства в уголовном процессе. Уделяется внимание авторскому подходу по оценке значимости такого вида доказательств в уголовном судопроизводстве в теоретическом и практико-ориентированном аспектах. Предлагается комплекс мер по повышению значимости заключения специалиста в качестве доказательства по уголовному делу.*

***Ключевые слова:** заключение специалиста, специалист, эксперт, заключение эксперта, доказательство, уголовный процесс.*

Согласно ст. 46 Конституции России, «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» [1]. Так, ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса России (далее – УПК РФ) предусматривает строго регламентированные виды оказательства, которые могут применяться для защиты прав и свобод граждан в рамках уголовного процесса. В числе них отмечается и заключение специалиста [2]. В настоящее время его роль в качестве доказательства по уголовному делу вызывает немало дискуссий на научном поприще, ввиду недостаточной правовой регламентации такого «института». Применение рассматриваемого вида доказательств в рамках уголовного процесса, как отмечает ряд правоведов (например, Д.М. Нурбаев), «вызывает определенные трудности <...> Складывающаяся законодательная и правоприменительная практика не всегда соответствуют друг другу, создавая определенные противоречия» [3]. Отметим, что в ряде случаев заключение специалиста попросту не воспринимается судами в качестве доказательства в целом. Так, цель данной работы: дать оценку значимости заключения специалиста как доказательства в уголовном процессе.

В первую очередь, отметим сопоставление заключения специалиста и заключения эксперта. Правовед Е.В. Селина отмечала, что «цель введения в закон нового вида доказательств – заключения специалиста – максимально наделить защитника полномочиями, равными назначению судебной экспертизы следователем, дознавателем или судом» [4]. Действительно, в данном случае законодатель сделал упор на улучшение правового статуса защитника в рамках судебного разбирательства. Сопоставляя данные виды доказательств, отметим сущность заключения специалиста как доказательства, согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ: «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами» [2]. Действия специалиста, в таком случае, сводятся, исходя из п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда России «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства», к «постановке вопросов эксперту, разъяснению вопросов, входящих в его

профессиональную компетенцию» [5]. Значение заключения специалиста в данном случае выражается в его особой процессуальной «вспомогательной функции»: оно, хоть и «не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу» [5], но связано с установлением специалистом ошибок, которые были допущены экспертом в рамках проведенного им ранее исследования. Причем, такое заключение может стать основанием для проведения повторной или дополнительной судебной экспертизы. По сути, заключение специалиста реализует важные конституционные гарантии для одной из сторон процесса, устанавливая возможность по достижению справедливых начал в рамках него. В данном случае нельзя не согласиться с правоведом Д.М. Нурбаевым, который, дополняя нашу точку зрения, характеризует такой вид доказательств в качестве «рецензии на заключение эксперта» [3]. Такая «рецензия», по его словам, будет иметь особое значение при разрешении дела, поскольку связано с доводами, основывающимися на специальных знаниях лица [3].

В то же время, исходя из прямого (буквального) толкования позиции Верховного Суда, изложенной выше, заключение специалиста при определенных обстоятельствах все же может выступать «самостоятельным» видом доказательств. Так, например, п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда России «О судебной экспертизе по уголовным делам» регламентирует возможность привлечения специалиста, «если проведение исследования не требуется» [6]. В таком случае отметим точку зрения А.В. Кудрявцевой, которая настаивает, что в данном ракурсе «суждения специалиста должны рассматриваться в качестве исследования» [7]. Действительно, согласимся с данным мнением при условии, что в случае отказа следователем или судом в удовлетворении иска о проведении судебной экспертизы заключение специалиста имеет особое значение, поскольку может содержать качественно новую информацию по сути уголовного дела. Особенно логичной такая точка зрения становится, если проследить, что п. 20 вышеназванного Постановления Пленума Верховного Суда о том, что «специалист не проводит исследования», была исключена [6]. Так, неспроста ранее устоявшаяся судебная практика подверглась изменению: несмотря на то, что данное исследование качественно отличается от того, которое проводит эксперт по своей процессуальной форме и содержанию, оно выступает «творческим» обоснованием (или «микрооткрытием» [8], как отмечает М.В. Жижина) того или иного вопроса по уголовному делу.

Отметим, что теоретические исследования по исследуемому вопросу не всегда связаны с основами действующей правоприменительной практики. Так, например, адвокат Мартин Забарян указывал, что до сих пор «можно обнаружить случаи, когда суды не принимают в качестве доказательств заключения специалистов, которые опровергают либо ставят под сомнения заключения экспертов» [9]. К тому же, как указывает судебная практика, такая проблема не является единичной: правовед А.Е. Кызродева в своем исследовании провела комплексный анализ судебной практики, в котором выявила, что суды «отвергают заключения специалистов» [10] по ряду причин. Типичной формулировкой становится следующая: «заключение специалиста не может подменить заключение эксперта и доказательственной силой, присущей заключению эксперта, не обладает» [10]. Так, мы видим, каково в настоящее время отношение суда на заключения специалистов, которые не соотносятся с выводами экспертов.

Схожий «механизм недоверия специалистам» у судов отражен и в той тенденции, когда последние признают такие заключения недопустимыми. Такой подход можно проследить и в научном обосновании. Например, правовед С.А. Шейфер «считает, что заключение специалиста не вписывается в систему доказательств, как сведений, полученных субъектом доказывания с соблюдением требований допустимости» [11]. Аналогичную точку зрения имели и правоведы Е.А. Логвинец, Н.П. Каторгина, которые отмечали, что «оценка допустимости затруднена в связи с отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве механизма получения заключения специалиста» [12]. На практике примечательно определение Конституционного Суда России от 31.01.2023 №6-О по поводу жалобы гражданина С.А. Шевцова: «специалист не был предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения и, несмотря на отсутствие правового механизма, позволяющего стороне защиты проводить такое действие, заключение признано

недопустимым доказательством» [13]. По сути, наделение заключения специалиста «статусом» недопустимого доказательства не может считаться, по нашему мнению, правомерным, поскольку в данном случае происходит не нарушение закона, а действия сторон в рамках законодательного пробела. Так, остается неурегулированной необходимость предупреждения специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. В связи с этим, остается нерешенным и вопрос привлечения к уголовной ответственности по ст. 307 Уголовного кодекса России (далее – УК РФ) специалиста за заведомо ложное заключение. Так, в диспозиции ч. 1 ст. 307 УК РФ наличествуют лишь положения об уголовной ответственности за заведомо ложные показания специалиста [14]. На наш взгляд, можно решить указанные проблемы следующим образом:

1) ввести механизм предупреждения специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Например, предоставить такую возможность суду в рамках судебного заседания либо закрепить обязанность органов суда приобщать такой вид доказательств в случаях, когда установлена его относимость к конкретному уголовному делу.

2) законодательно закрепить иную диспозицию ч. 1 ст. 307 УК РФ: формулировку «показание специалиста» – заменить словами «заключение или показание специалиста».

Таким образом, в рамках проведенного нами исследования, была дана оценка значимости заключения специалиста как доказательства в уголовном процессе. Было отмечено, что в настоящее время институт заключения специалиста является не доработанным с законодательной точки зрения. Ввиду этого, правоприменительная практика исходит из того, что нивелируется значение такого вида доказательств. Вместе с этим учтем, что такое заключение может стать для стороны процесса важной гарантией защиты его прав и свобод, когда, например, экспертиза не была назначена либо заключение эксперта не соответствует правовым нормам (в данном случае даже с учетом его «вспомогательной функции» значение заключения эксперта отмечается нами высоко). Так, был представлен авторский подход к оценке заключения специалиста в качестве доказательства по уголовному делу. К тому же, нами был предложен комплекс мер, которые бы способствовали развитию института заключения специалиста в рамках уголовного процесса и повышению уровня справедливости в рамках российского уголовного судопроизводства в целом.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.10.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: фед. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 14.10.2025).
3. Нурбаев, Д.М. Заключение специалиста как доказательство в уголовном процессе // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 2(67). – С. 270–275.
4. Селина, Е.В. Заключение и показания специалиста в уголовном процессе // Журнал российского права. – 2015. – №. 12 (228). – С. 119-125.
5. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/ (дата обращения: 15.10.2025).
6. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 15.10.2025).
7. Кудрявцева, А.В. Заключение эксперта и специалиста в уголовном процессе: общее и особенное // Вопросы правовой теории и практики. – 2016. – С. 121-132.

8. Жижина, М.В. Дифференциация заключения эксперта и заключения специалиста: коллизии права и казусы практики // Законодательство. – 2023. – №. 6. – С. 55-58.
9. КС не увидел неопределенности в порядке признания заключения специалиста недопустимым доказательством. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-uvidel-neopredelennosti-v-poryadke-priznaniya-zaklyucheniya-spetsialista-nedopustimym-dokazatelstvom/> (дата обращения: 16.10.2025).
10. Кызродева, А.Е. Заключение специалиста как доказательство в уголовном судопроизводстве: отдельные аспекты судебной оценки // Вестник науки. – 2024. – Т. 4. – № 5 (74). – С. 565-569.
11. Шейфер, С.А. Пути развития российского судопроизводства // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Издательство Томского университета. – 2005. – Ч. 29. – С. 7.
12. Логвинец Е.А., Каторгина Н.П. Проблемы использования заключения специалиста в процессе доказывания по уголовным делам // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – №. 1. – С. 92-95.
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевцова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.1 части второй статьи 74 и частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 N 6-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-31012023-n-6-o/> (дата обращения: 17.10.2025).
14. Уголовный кодекс Российской Федерации: фед. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 17.10.2025).

Дряхлова Ангелина Андреевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Твердохлеб Максим Александрович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Лукьянчикова Елена Федоровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

***Аннотация.** В статье рассматриваются как общие, так и специализированные нормативные акты, включая законы и подзаконные положения, регулирующие работу топливно-энергетического комплекса (ТЭК), а также выявляются существующие пробелы и недостатки правовой базы. Особое внимание уделяется вопросам энергосбережения и охраны окружающей среды при эксплуатации тепловых энергоустановок, а также контролю за выбросами и управлению отходами. Аргументируется необходимость разработки единого систематизированного документа – «Энергетического кодекса РФ», который позволил бы комплексно регулировать отношения в отрасли, стимулировать внедрение инновационных технологий и рациональное использование энергетических ресурсов. Подчеркивается стратегическая значимость ТЭК как двигателя экономического развития.*

***Ключевые слова:** экология, правовое регулирование, энергетика, топливно-энергетический комплекс, энергетическое законодательство, энергетические ресурсы, законодательная база.*

Значение эффективного государственного управления в области топливно-энергетического комплекса определяется тем, что эта сфера играет ключевую роль в экономическом развитии России на данном этапе. Достижение высоких результатов в регулировании отрасли нельзя представить без надежной нормативно-правовой базы, которая касалась бы всех процессов и взаимодействий, происходящих внутри. Формирование действенной правовой системы регулирования продиктовано особенностями самого топливно-энергетического комплекса, главная задача которого заключается в обеспечении общества энергетическими ресурсами – стратегическим продуктом, необходимыми как внутри страны, так за ее пределами.

Нормативно-правовой базе, регулирующей топливно-энергетический комплекс, свойственна комплексность. Она складывается из норм законодательства как общего, так и специального характера. К общим нормативным актам относятся Конституция Российской Федерации, Бюджетный, Гражданский, Земельный, Налоговый и Таможенный кодексы. Такое разнообразие правовых источников обусловлено, с одной стороны, сложной

структурой и многоуровневостью правовых отношений в отрасли, а с другой – тем, что топливно-энергетический комплекс является неотъемлемой частью национальной экономики. Общие нормы определяют правовой статус участников отрасли, цели их деятельности, специфику государственного регулирования, требования по охране окружающей среды.

В нормах законодательства специального уровня зафиксирован интерес с точки зрения науки и практики. Такие нормы находятся в тесной связи с общими положениями, но не искажают их суть и характеризуются узкой направленности в рамках конкретной отрасли. Нормы специального законодательства в юридической практике стали именоваться энергетическим законодательством. Такой подход к регулированию норм права соответствует и для других отраслей экономики нашей страны [8, с. 21-23].

Указанный набор законодательных актов подразделяется в свою очередь на два вида. Такое деление основывается как на специфике, так и на области их применения:

1. Положения общего законодательства, которые прямым образом касаются сферы энергетики. В качестве примера здесь можно рассмотреть пункт «и» статьи 71 Конституции РФ. В соответствии с ней в ведении нашей страны имеются энергетические системы и ядерная энергетика [1]. Еще одним примером является Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», регулирующий вопросы безопасности в промышленности, включая энергетику [2].

2. Положения энергетического законодательства, имеющие действие в качестве самостоятельных нормативно-правовых актов. Ярким примером здесь может послужить Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 117-ФЗ «Об экспорте газа». Данный нормативно-правовой акт содержит базовые принципы регулирования государством процесса экспорта газа; он характеризуется узкой специальностью, то есть осуществляет регулирование лишь одной сферы [3].

Стоит отметить, что законы являются не единственным источником, регулирующим деятельность топливно-энергетического комплекса. Важно отметить также большое количество существующих подзаконных актов, изданием которых в нашей стране занимаются Президент, Правительство, Министерство энергетики, а также подведомственные им органы.

Тем не менее, обширный спектр нормативно-правовых актов, осуществляющий регулирование функционирования отрасли, не гарантирует совершенство действующего в России законодательства. Правоприменители, к числу которых в нашей стране относятся судьи, нередко сталкиваются с трудностями при использовании норм в процессе своей практической работы [6, с. 25-26].

Для эффективного решения обозначенной проблемы представляется разумным внедрить новшество в сфере законодательства – объединить действующие нормативно-правовые акты, регулирующие энергетическую отрасль, в единый систематизированный документ, который можно было бы назвать «Энергетическим кодексом Российской Федерации». Принятие такого кодекса обеспечило бы комплексное правовое регулирование всех стадий функционирования топливно-энергетического комплекса: от разведки и добычи энергетических ресурсов до их переработки, реализации и конечного потребления.

Ряд специалистов полагает, что принятие Энергетического кодекса может создать предпосылки для формирования самостоятельной отрасли права, регулирующей отношения в сфере энергетики. В нем целесообразно закрепить основные понятия, такие как энергия, энергетические ресурсы, источники энергии, топливно-энергетический комплекс и другие. Особое внимание следует уделить вопросам энергосбережения. Государственная политика в данной области должна предусматривать комплекс мер, направленных на стимулирование хозяйствующих субъектов к максимально рациональному и эффективному использованию энергетических ресурсов. В настоящее время задачи по совершенствованию нормативно-правовой базы в области энергоэффективности и энергосбережения реализуются в рамках Государственной программы Российской Федерации «Энергоэффективность и развитие энергетики».

Следует отметить, что для обеспечения эффективного правового регулирования деятельности топливно-энергетического комплекса необходимо учитывать экологические требования, предъявляемые к эксплуатации объектов тепловой энергетики. В качестве примера можно привести Правила технической эксплуатации тепловых энергоустановок, утверждённые приказом Министерства энергетики Российской Федерации от 24 марта 2003 года № 115. Данный нормативный акт устанавливает, что работа тепловых энергоустановок должна сопровождаться реализацией мер, направленных на предотвращение или устранение их негативного воздействия на окружающую среду. Государственная политика в этой сфере ориентирована на снижение объёмов выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, уменьшение сбросов в водные объекты, минимизацию шумового и вибрационного воздействия, а также рациональное использование водных ресурсов [5].

В 2011 году произошло важное нововведение в правовом обеспечении топливно-энергетического комплекса. 21 июля был введен Федеральный закон № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса». В нем содержатся организационные, а также правовые принципы обеспечения защиты объектов данной сферы на территории нашей страны, за исключением объектов атомной энергетики. Ключевая цель данного нормативно-правового акта заключается в предотвращении незаконного вмешательства в топливную энергетику. В документе прописаны функции федеральных органов власти, а также органов власти субъектов РФ. Кроме того, закреплены права и обязанности физических и юридических лиц, имеющих во владении объекты топливно-энергетического комплекса на каком-либо законном основании.

Важно отметить, что законом не закреплена мера ответственности за охрану перечисленных объектов. Также нет прямой причинно-следственной связи между аварией и ущербом, который она может за собой повлечь. Единственное, что обговорено в документе, это необходимость нахождения критически важных объектов под усиленной защитой.

Исследуемый Федеральный закон включает в себя подробное определение таких словосочетаний, как «опасный» и «потенциально опасный объект». Потенциально-опасные объекты транспортно-энергетического комплекса включают в себя участки, а также такие элементы комплекса, в которых используются, производятся, перерабатываются вещества, имеющие радиоактивную, химическую и иную опасность. Сюда относятся также гидротехнические сооружения, где аварии способны привести к серьезным негативным последствиям для социума и экономики страны [4].

Организации, эксплуатирующие тепловые энергоустановки, обязаны разрабатывать индивидуальный план действий, направленный на снижение выбросов загрязняющих веществ в атмосферу в периоды неблагоприятных метеорологических условий. Прежде чем такой документ вступит в силу, он должен пройти согласование с соответствующими региональными органами, осуществляющими контроль в сфере охраны окружающей среды.

На предприятиях, где образуются токсичные отходы, необходимо обеспечить их своевременную переработку, обезвреживание или размещение на специализированных полигонах, находящихся под надзором местных либо региональных властей. Хранение или захоронение подобных отходов непосредственно на территории предприятия должно быть строго запрещено [7, с. 17-18].

Оборудование, предназначенное для очистки и обработки загрязнённых сточных вод, должно вводиться в эксплуатацию до начала проведения предпусковой очистки тепловых установок. Предприятия, эксплуатирующие тепловые энергоустановки, обязаны обеспечивать систематический учёт и контроль за объемами выбросов и сбросов загрязняющих веществ, а также за количеством забираемой и отводимой воды. Для этого должны применяться автоматизированные измерительные приборы постоянного действия. В случае отсутствия таких систем наблюдение за показателями осуществляется посредством периодических прямых замеров и расчётных методов контроля.

Ключевые направления государственного регулирования топливно-энергетического комплекса включают в себя следующие задачи:

- содействие структурным преобразованиям в национальной экономике;
- разработку и реализацию программ, направленных на внедрение инновационных технологических решений;
- обеспечение рационального использования энергетических ресурсов и повышение энергоэффективности, что предполагает модернизацию устаревшего оборудования и производственных технологий.

Недостаточная детализация и несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей управление в сфере ТЭК, приводят к тому, что предприятия электроэнергетики не имеют возможности в полном объеме реализовывать инвестиционные проекты. В результате они вынуждены обращаться к иностранным производителям оборудования и сервисным компаниям, чьи услуги отличаются высокой стоимостью [6, с. 28-30].

Таким образом, топливно-энергетический комплекс является одним из основных факторов развития экономики страны. Тем не менее его потенциал как двигателя экономического роста остается частично неиспользованным из-за существующих проблем, среди которых особенно выделяется несовершенство действующего законодательства. Топливная энергетика должна быть адаптирована не только к современным требованиям правового регулирования, но и соответствовать международным стандартам.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 21.07.1997 N 116-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1997 г., N 30, ст. 3588.
3. Федеральный закон от 18.07.2006 N 117-ФЗ «Об экспорте газа» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2006 г., N 30, ст. 3293.
4. Федеральный закон от 21.07.2011 N 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СПС «Консультант Плюс».
5. Приказ Минэнерго России от 24.03.2003 N 115 «Об утверждении Правил технической эксплуатации тепловых энергоустановок» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.04.2003 N 4358) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 2003 г., N 36.
6. Анисимов А.П. Экологическое право России: учебник и практикум для вузов / А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков, Ю.И. Исакова. – М.: Юрайт, 2025. – 432 с.
7. Ерофеев Б.В. Экологическое право России. Общая часть: учебник для вузов / Б.В. Ерофеев. – М.: Юрайт, 2025. – 230 с.
8. Хлуденева Н.И. Экологическое право: учебник для вузов / Н.И. Хлуденева, М.В. Пономарев, Н.В. Кичигин. – М.: Юрайт, 2025. – 221 с.

Дьяченко Диана Олеговна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шалайкин Руслан Николаевич,
заведующей кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Энергетика является одной из ключевых отраслей экономики Российской Федерации, обеспечивающей устойчивое развитие страны, энергетическую безопасность и независимость. В условиях глобальных вызовов, санкционного давления и перехода мировой экономики к низкоуглеродным технологиям возрастает необходимость совершенствования правового регулирования энергетического сектора. Однако действующая нормативно-правовая база в данной сфере имеет ряд проблем и противоречий, требующих научного осмысления и практического разрешения.*

***Ключевые слова:** сфера энергетики, правовое регулирование энергетики, энергетическая безопасность, возобновляемые источники энергии.*

Сфера энергетики регулируется обширной системой нормативных правовых актов, включая федеральные законы, подзаконные акты, технические регламенты и стратегические документы. Основу правового регулирования составляют такие законы, как Федеральный закон № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [1], Федеральный закон № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности» [2].

В последние годы в энергетическом законодательстве наблюдается тенденция к усилению государственного контроля и развитию механизмов стратегического планирования. В то же время сохраняются проблемы фрагментарности правового регулирования, несогласованности норм, а также недостаточного внимания к вопросам экологической устойчивости и внедрения инноваций.

Одной из ключевых проблем правового регулирования в энергетике является обеспечение энергетической безопасности. Несмотря на существование стратегических документов, таких как «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года», правовые механизмы её реализации остаются недостаточно проработанными. Отсутствует чёткая система правовых инструментов для предотвращения рисков, связанных с внешними ограничениями, киберугрозами и технологическими вызовами [3].

Кроме того, вопросы энергетической безопасности тесно связаны с необходимостью диверсификации источников энергии, модернизации инфраструктуры и развития возобновляемых источников энергии. Однако действующее законодательство по-прежнему акцентирует внимание преимущественно на традиционных энергетических ресурсах – нефти, газе и угле.

Сегмент электроэнергетики остаётся одной из наиболее сложных областей с точки зрения правового регулирования. Основные проблемы здесь связаны с тарифообразованием, доступом к инфраструктуре и обеспечением баланса интересов государства, бизнеса и

потребителей. Несмотря на существование нормативных актов, регулирующих тарифную политику, практика их применения часто вызывает нарекания участников рынка, указывающих на непрозрачность и бюрократизм процедур [4].

Кроме того, цифровизация электроэнергетики порождает новые правовые вызовы, в частности – в области защиты данных, интеллектуального учёта и использования «умных сетей». Законодательство не успевает за технологическими изменениями, что создаёт правовой вакуум и неопределённость.

Развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) является одной из приоритетных задач государственной политики. Однако правовое регулирование этой сферы остаётся недостаточным. Федеральные законы и подзаконные акты, направленные на поддержку ВИЭ, носят фрагментарный характер и не формируют единой системы стимулов для инвесторов. Отсутствует эффективный механизм долгосрочного прогнозирования и планирования развития ВИЭ [5].

К числу актуальных проблем относится также несовершенство механизма договоров на поставку мощности (ДПМ) для ВИЭ и отсутствие прозрачных правил участия субъектов в оптовом и розничном рынках электроэнергии. Всё это снижает инвестиционную привлекательность отрасли и тормозит её развитие.

Для повышения эффективности правового регулирования энергетики необходимо разработать комплексный подход, основанный на системности, предсказуемости и научной обоснованности. Требуется унификация норм, устранение противоречий между федеральными и региональными актами, а также внедрение принципов «зелёного» права в энергетическую политику государства.

Кроме того, важно совершенствовать механизмы общественного контроля и участия граждан в формировании энергетической политики, что повысит прозрачность и доверие к отрасли. Следует также стимулировать развитие инноваций, цифровых решений и «чистой» энергетики, обеспечив при этом надёжную правовую защиту всех участников рынка [6].

Современные вызовы, стоящие перед энергетическим сектором России, требуют обновления правового регулирования на основе баланса экономических, экологических и социальных интересов. Решение обозначенных проблем позволит создать устойчивую и конкурентоспособную энергетическую систему, способную эффективно реагировать на глобальные вызовы и обеспечивать энергетическую безопасность страны.

Список используемых источников:

1. Об электроэнергетике: Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – №13. – Ст. 1177.
2. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 48. – Ст. 5711.
3. Об Энергетической стратегии РФ на период до 2035 г.: Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74148810/>.
4. Виноградов А.В. Правовое регулирование электроэнергетики в России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. – 2022. – № 5. – С. 65-69.
5. Иванова Е.С. Возобновляемые источники энергии в России: правовые аспекты развития // Энергетическое право. – 2021. – № 3. – С. 101-107.
6. Петрова Л.М. Энергетическая политика и устойчивое развитие: правовые механизмы трансформации // Право и экономика. – 2023. – № 4. – С. 17-21.

Евдокимов Дмитрий Валерьевич,
магистрант юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматривается комплексный анализ категории «энергетический суверенитет» в контексте современного российского законодательства. Исследуется проблема отсутствия легального определения данного понятия и его соотношение со смежными конструкциями – «энергетическая безопасность» и «технологический суверенитет». Автор детально рассматривает действующую систему правовых механизмов обеспечения энергетического суверенитета. На основе проведенного анализа предлагаются пути совершенствования правового регулирования, путём имплементации правовых инструментов к новым вызовам в условиях трансформации глобальных энергетических рисков.*

***Ключевые слова:** энергетический суверенитет, энергетическая безопасность, правовые механизмы, технологический суверенитет, импортозамещение, энергетическая политика.*

В условиях всеобъемлющего санкционного давления, направленного на ограничение доступа к критическим технологиям, финансовым и энергетическим ресурсам, в качестве инструмента политического влияния, со всей остротой обозначило уязвимость стран, не обладающих полным циклом воспроизводства в энергетическом секторе. Это актуализирует потребность в теоретическом осмыслении энергетического суверенитета не как синонима автаркии, а как способности государства осуществлять стратегическое управление национальными энергоресурсами, защищать свои интересы на внешних рынках и гарантировать бесперебойное энергоснабжение внутренней экономики и населения в условиях внешних дестабилизирующих факторов.

На внутригосударственном уровне актуальность подчеркивается наличием существенных пробелов и противоречий в правовом регулировании. Ключевые стратегические документы, такие как Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» (далее Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации), Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 года №908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» (далее Энергетической стратегии Российской Федерации) оперируют смежными, но не тождественными понятиями – «энергетическая безопасность», «энергетическая независимость», «технологический суверенитет». Однако целостная концепция энергетического суверенитета, интегрирующая эти компоненты, до сих пор не сформулирована на законодательном уровне.

В связи с этим, данный концептуальный вакуум негативно сказывается на согласованности и системности правоприменительной практики. В этой связи возникает насущная необходимость в проведении догматического анализа действующего законодательства с целью выявления и систематизации правовых механизмов, которые *de facto* работают на обеспечение энергетического суверенитета.

Таким образом, рассматривая терминологическую определенность исследования, важно обратить внимание на тот факт, что понятие энергетического суверенитета представляет собой ключевой вызов для современной российской правовой доктрины и юридической техники.

Законодатель оперирует рядом смежных, но не синонимичных понятий, формирующих концептуальное поле, в котором, однако, отсутствует системообразующий элемент. Так, Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации, дает детализированное определение энергетической безопасности как состояния защищенности национальной экономики от угроз надежному топливно– и энергоснабжению.

В рамках рассматриваемой доктрины, законодатель указывает на легальное толкование смежного термина «Энергетическая безопасность», который трактуется как «состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливно– и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации» [2].

Однако, А.П. Назаров справедливо отмечает, что «Доктрина не формулирует, не закрепляет понятие энергетического суверенитета в качестве правовой категории» [3].

Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года акцентирует цель обеспечения технологического суверенитета в отраслях топливно-энергетического комплекса (далее ТЭК). При этом категория «суверенитета» используется в документе преимущественно в технологическом аспекте, тогда как его более широкое политико-правовое и экономическое содержание остается раскрытым не в полной мере [4].

По мимо этого, иным смежным понятием энергетического суверенитета, несомненно, является термин технологический суверенитет, под которым законодатель понимает: «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы». [5].

Таким образом, правовое сознание законодателя фиксирует отдельные аспекты явления – безопасность, технологическую независимость, устойчивость – но избегает его консолидированного понятийного оформления, что создает терминологический вакуум и порождает трудности в системном нормотворчестве и правоприменении.

В отличие от законодателя, отечественная научная доктрина активно предпринимает попытки концептуализации энергетического суверенитета, хотя единства мнений по данному вопросу также не достигнуто. Ряд исследователей, вслед за законодателем, отождествляет или предельно сближает его с энергетической безопасностью, рассматривая в качестве гарантии от внешних и внутренних вызовов, сквозь призму сохранения условий законности и правопорядка.

По мнению К.С. Зыкова: «...энергетическая безопасность России – это такое состояние общества и экономики, которое позволяет на основе эффективного использования топливно-энергетического потенциала поддерживать необходимый для социально-экономического развития страны уровень энергопотребления [6].

Аналогичную позицию занимает А.И. Татаркин, который отмечал, что «энергетическая безопасность является регулируемой системой надежного и безопасного движения топливно-энергетических ресурсов и сопутствующих факторов производства в глобальном масштабе, обеспечивающая устойчивое экономическое и социальное развитие в мире [7].

Другие авторы, напротив, проводят между ними четкую демаркационную линию, аргументируя, что безопасность является тактическим условием и результатом, тогда как суверенитет представляет собой стратегическую качественную характеристику государства, его верховенство в принятии решений относительно национальных энергоресурсов и инфраструктуры.

По мнению Д.А. Морозова: «Энергетический суверенитет – это концепция, основанная на стремлении обеспечить стране контроль и управление её энергетическими ресурсами, производством энергии и энергетической политикой в целом. Этот подход означает стремление к независимости и устойчивости в области энергетики, с минимизацией зависимости от внешних источников энергии и с учетом национальных интересов» [8].

Противоположную позицию занимает Л.И. Шевченко. Будучи сторонницей единого подхода энергетической безопасности и суверенитета, она справедливо отмечала, что «Энергетическая безопасность – это системный процесс, включающий в себя национальную политику и международные институты. Цель этой системы – быстрое своевременное реагирование на сбои и чрезвычайные ситуации, при этом ключевую роль в должном обеспечении энергетической безопасности играет международное сотрудничество на основе международных норм и договоров» [9].

В рамках данного подхода энергетический суверенитет понимается как неотъемлемый элемент государственного суверенитета, проявляющийся в способности государства независимо формировать и проводить национальную энергетическую политику, осуществлять полный и неограниченный суверенитет над своими природными ресурсами, контролировать критическую инфраструктуру ТЭК и защищать свои интересы в рамках международного энергетического сотрудничества.

При этом подчеркивается, что суверенитет не тождественен автаркии; он не исключает интеграции в мировые энергорынки, но предполагает такую интеграцию на условиях, минимизирующих риски для национальной безопасности и экономики. Подобная трактовка позволяет синтезировать различные аспекты: от технологической независимости и диверсификации поставок до полномочий государства по регулированию и управлению. Тем не менее, плюрализм доктринальных определений, не будучи формализованным в законе, ограничивает их практическую ценность для юриспруденции.

В целях преодоления обозначенной терминологической неопределенности и повышения эффективности правового регулирования современной науке и правоприменительной практике представляется целесообразным сформулировать и предложить для имплементации в нормативное поле интегративное определение понятия «энергетический суверенитет».

По нашему мнению, под понятием «энергетический суверенитет» Российской Федерации предлагается понимать способность государства самостоятельно и независимо от внешнего вмешательства определять параметры национальной энергетической политики, осуществлять суверенные права на разведку, разработку и распоряжение энергетическими ресурсами, обеспечивать устойчивое функционирование и технологическое развитие объектов критической инфраструктуры ТЭК, а также защищать законные интересы национальных субъектов в сфере международного энергетического оборота.

Данное определение, с одной стороны, акцентирует производный от государственного суверенитета характер данной категории, а с другой – конкретизирует его материальное содержание через набор ключевых полномочий и гарантий.

Для правоприменения закрепление подобной дефиниции на уровне федерального закона, например, в рамочном законе о ТЭК или путем внесения изменений в Энергетическую стратегию, послужит основой для систематизации всего массива правовых механизмов его обеспечения. Это позволит выстроить стройную иерархию целей в программных документах, унифицировать правовой язык и повысить скоординированность действий органов государственной власти в данной сфере.

Таким образом, преодоление терминологического разнобоя является не академическим упражнением, а насущной практической задачей, от решения которой зависит целостность и результативность государственной энергетической политики в условиях новых геополитических реалий.

Переходя к рассмотрению вопроса о правовых механизмах обеспечения энергетического суверенитета, важно подчеркнуть, что фундаментальным каркасом реализации данного механизма являются концепции и доктрины, выступающее в роли актов стратегического планирования. Эти документы задают целевые ориентиры, такие как гарантированное внутреннее обеспечение, технологическое лидерство и сохранение позиций на мировом рынке, а также детализируют вызовы и угрозы, концентрируясь, однако, на категории «энергетической безопасности». Как мы подчеркивали ранее, ключевым направлением совершенствования является преодоление терминологического разрыва между стратегическими целями и юридической техникой.

На операционном уровне реализация стратегических установок обеспечивается механизмами технологического суверенитета и импортозамещения. Правовыми инструментами здесь выступают государственные программы поддержки, специальные требования к локализации и закупкам для компаний с государственным участием, а также меры по созданию отечественных производственных цепочек для критически важного оборудования, таких как турбины, электротехника и системы накопления энергии, используемых в критически важных областях.

В подтверждении указанных доводов, Генеральный директор ПАО «Россети» Евгений Ляпунов в своем выступлении отметил, что «Россети» уже более 10 лет активно снижают долю зарубежной продукции в закупках компании. За это время удалось снизить данный показатель с 40% до менее чем 10% и полностью исключить импортные критически значимые элементы. При этом создание собственной системы проверки качества (аттестации) оборудования, взаимодействие с компаниями из Китая, Беларуси и других дружественных стран позволили сформировать конкурентную среду на рынке и стабилизировать цены» [10].

В этой связи представляется необходимым переход от политики простого замещения импорта к комплексной поддержке опережающего технологического развития, включая стимулирование исследований и разработок в области прорывных направлений, таких как сверхпроводимость, передача постоянным током и интеллектуальные энергосистемы.

Важнейшим элементом системы является международно-правовая защита национальных интересов. Доктрина энергетической безопасности прямо указывает на такие угрозы, как дискриминация российских компаний на мировых рынках, изменение международного регулирования под предлогом климатической политики и незаконный отбор ресурсов при транзите. В качестве ответа правовая система должна развивать механизмы противодействия экстерриториальному применению иностранного законодательства, защиты инвесторов и экспортеров в международных спорах, а также формирования новых форматов энергетического сотрудничества и альянсов, основанных на принципах многовекторности и энергетической справедливости, что находит свое отражение в концепции «архипелагального» подхода к многополярному миру.

В соответствии с редакцией статьи 28 Доктрины Энергетической безопасности Российской Федерации, важно подчеркнуть, что в целях обеспечения энергетического суверенитета Российской Федерации, особое значение приобретают механизмы международно-правовой защиты интересов национальных организаций топливно-энергетического комплекса. Ключевыми задачами в этой сфере являются развитие многостороннего энергетического сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза, БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества, Форума стран-экспортеров газа и ОПЕК, а также противодействие дискриминационной практике в отношении российских компаний на мировых энергетических рынках. Важным элементом выступает совершенствование внешнеполитических инструментов взаимодействия с основными участниками мировых энергетических рынков для обеспечения их устойчивого функционирования, наряду с развитием международной научно-технологической кооперации на равноправной основе, включая освоение передовых иностранных технологий, стандартов и практик в энергетической сфере. Эти направления деятельности формируют комплексную систему защиты национальных интересов в условиях глобальной энергетической трансформации [2].

Таким образом, совершенствование правовых механизмов обеспечения энергетического суверенитета представляет собой непрерывный процесс адаптации к динамичной внешней среде, требующий сочетания стратегической ясности, технологической гибкости и международно-правовой активности.

Следовательно, можно констатировать тот факт, что энергетический суверенитет представляет собой комплексную, многоаспектную правовую категорию, выступающую неотъемлемым элементом национального суверенитета в условиях глобальной трансформации энергетических рынков. Несмотря на его ключевое значение для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития, в действующем российском законодательстве сохраняется серьезный концептуальный пробел, связанный с отсутствием легального определения данного понятия.

Сложившаяся правоприменительная практика оперирует совокупностью смежных, но не тождественных конструкций – «энергетическая безопасность», «технологический

суверенитет», «энергетическая независимость», – что порождает терминологическую неопределенность и препятствует формированию целостной и непротиворечивой системы правового регулирования. Преодоление данного разрыва между политико-экономическим содержанием энергетического суверенитета и его нормативно-правовым оформлением является насущной задачей, решение которой видится в закреплении интегративной дефиниции в рамочном отраслевом законодательстве, что послужит основой для систематизации всего массива правовых механизмов его обеспечения.

Существующая система правовых механизмов, включающая стратегическое планирование, инструменты государственного управления в ТЭК, режим недропользования, меры технологического развития и международно-правовой защиты, демонстрирует способность реагировать на текущие вызовы. Однако, для соответствия долгосрочным целям национального развития данная система требует дальнейшего совершенствования. Перспективные направления ее оптимизации лежат в плоскости углубления и конкретизации механизмов технологического суверенитета, перехода от политики импортозамещения к опережающему технологическому развитию, а также в развитии гибких международно-правовых инструментов, адекватных вызовам формирующегося многополярного мирового порядка.

Таким образом, обеспечение энергетического суверенитета представляет собой не статичное состояние, а непрерывный динамический процесс, требующий постоянной адаптации его правовых основ к новым геополитическим и технологическим реалиям, что и определяет вектор для дальнейших научных изысканий и законотворческой деятельности в данной сфере.

Список используемых источников:

1. Указ Президента Российской Федерации "Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации" от 13.05.2019 № 216 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019 г. – № 20. – Ст. 2421 с изм. и доп. в ред. от 21.10.2021.
2. Назаров А.П. Энергетический суверенитет в рамках системы национальной безопасности Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2 (76). – С. 42–56.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации "Об утверждении Энергетической стратегии РФ на период до 2050 г." от 12.04.2025 № 908-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025 г. – № 16. – Ст. 2075 с изм. и доп. в ред. от 21.10.2025.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации "Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года" от 20.05.2023 № 1315-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.05.2023 г. – № 22. – Ст. 3964 с изм. и доп. в ред. от 21.10.2025.
5. Зыков К. С. Энергетическая безопасность как составляющая экономического развития России // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Экономическая и энергетическая безопасность регионов России». Пермь, 28-29 мая 2003 г.: сборник научных статей. Екатеринбург, 2003. Ч. 1. С. 90-91.
6. Проблемы устойчивого развития социально-экономических систем. / А.И. Татаркин, В.В. Криворотов, И.С. Белик и др; под редакцией А.И. Татаркина. Изд-во: Экономика, 2012. 521 с.
7. Энергетический суверенитет горизонт 2100: энергетика и безопасность // Центр моделирования будущего URL: <http://www.futurible.space/ru/winners/494/> (дата обращения: 21.10.2025).
8. Шевченко Л.И. Понятие и правовое обеспечение энергетической безопасности как основы энергетического правопорядка // Правовой Энергетический форум. – 2021. – №1. – С. 26-31.
9. Технологический суверенитет и цифровая трансформация как ключевые векторы развития отрасли // Журнал «Электроэнергия. Передача и распределение» URL: <https://eepir.ru/new/tehnologicheskij-suverenitet-i-cifrovaya-transformaciya-kak-kljuchevye-vektory-razvitiya-otrasli/> (дата обращения: 21.10.2025).

Ежелев Никита Сергеевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

Малахинский Иван Денисович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Федорященко Алексей Сергеевич,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НЕЛЕГАЛЬНОГО ОБОРОТА ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

***Аннотация.** Настоящая научная статья посвящена комплексному анализу правовых механизмов, направленных на предотвращение и пресечение нелегального оборота природных объектов. Рассматривается глобальный характер этой проблемы, ее разрушительное воздействие на окружающую среду, экономику и социальную стабильность. В работе исследуются национальные и международные правовые инструменты, включая уголовное и административное законодательство, международные конвенции и соглашения, а также инновационные подходы к мониторингу и контролю. Особое внимание уделяется примерам из российской и зарубежной правоприменительной практики, а также цитированию ведущих ученых в области экологического права, подчеркивая необходимость многоаспектного и скоординированного подхода для эффективной борьбы с этим видом преступности.*

***Ключевые слова:** нелегальный оборот природных объектов, экологические преступления, правовые механизмы, международное сотрудничество, CITES, уголовное законодательство, природоохранное право, устойчивое развитие.*

Нелегальный оборот природных объектов представляет собой одну из наиболее серьезных угроз для глобальной экологической безопасности и устойчивого развития, по своему масштабу и разрушительности сопоставимую с наркотрафиком и торговлей оружием. Это транснациональное преступление, охватывающее широкий спектр незаконных действий, от браконьерства и незаконной вырубki лесов до нелегальной добычи полезных ископаемых и контрабанды редких видов животных и растений. По оценкам международных организаций, ежегодный оборот этого черного рынка исчисляется десятками миллиардов долларов, что делает его привлекательным для организованных преступных группировок, зачастую связанных с коррупцией и даже финансированием терроризма. Как отмечал известный исследователь экологического права А.И. Бастрыкин, «экологическая преступность сегодня приобрела черты организованной, транснациональной и высокодоходной деятельности, требующей адекватного правового ответа на всех уровнях». В этой связи разработка и эффективное применение правовых механизмов предотвращения нелегального оборота природных объектов становится не просто актуальной задачей, но императивом современности.

Основой любого правового механизма является национальное законодательство. В Российской Федерации борьба с нелегальным оборотом природных объектов регулируется комплексом нормативно-правовых актов, включающих положения Уголовного кодекса, Кодекса об административных правонарушениях, а также специализированные законы, такие как Федеральный закон «Об охране окружающей среды», «О животном мире», «О лесах» и другие. Уголовный кодекс РФ предусматривает ответственность за ряд экологических преступлений, напрямую связанных с нелегальным оборотом. Так, статья 258 УК РФ устанавливает наказание за незаконную охоту, особенно если она совершена с причинением крупного ущерба, с применением механических транспортных средств или воздушных судов, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового истребления птиц и зверей, либо в отношении животных, охота на которых полностью запрещена [1]. Статья 260 УК РФ криминализует незаконную рубку лесных насаждений, а статья 261 УК РФ – уничтожение или повреждение лесных насаждений. Важно отметить, что законодатель последовательно ужесточает санкции за эти деяния, включая лишение свободы на значительные сроки, а также предусматривает конфискацию орудий совершения преступления и полученного незаконным путем имущества. Например, в последние годы значительно возросло количество уголовных дел, связанных с незаконной вырубкой ценных пород дерева на Дальнем Востоке, где ущерб от таких действий исчисляется миллиардами рублей, что привело к усилению контроля и ужесточению наказаний [3, с. 170]. Помимо уголовной ответственности, КоАП РФ содержит нормы об административных правонарушениях в сфере природопользования и охраны окружающей среды, предусматривающие штрафы, конфискацию и другие меры воздействия за менее тяжкие деяния. Однако, как подчеркивает В.В. Петров, «эффективность правовых норм зависит не только от их строгости, но и от неотвратимости наказания, а также от способности правоохранительных органов выявлять и доказывать такие преступления».

Национальные усилия, сколь бы значительными они ни были, оказываются недостаточными в борьбе с транснациональным характером нелегального оборота природных объектов. Здесь на первый план выходят международные правовые механизмы. Ключевым инструментом в этой сфере является Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (CITES), принятая в Вашингтоне в 1973 году. CITES регулирует международную торговлю более чем 38 000 видов животных и растений, разделяя их на три приложения в зависимости от степени угрозы исчезновения. Для видов из Приложения I (наиболее угрожаемые) международная торговля практически полностью запрещена, а для видов из Приложений II и III требуется получение специальных разрешений и сертификатов. Ярким примером работы CITES является борьба с незаконной торговлей слоновой костью и рогом носорога, которая, несмотря на все усилия, продолжает оставаться серьезной проблемой в Африке и Азии. Запрет на торговлю слоновой костью, введенный CITES, значительно сократил легальный рынок, но одновременно стимулировал черный рынок, что требует постоянного усиления контроля и международного сотрудничества [4, с. 101]. Другим важным международным документом является Конвенция о биологическом разнообразии (КБР), которая хотя и не регулирует напрямую торговлю, но закладывает основы для сохранения биоразнообразия, что косвенно способствует предотвращению незаконного изъятия видов из естественной среды обитания. Организация Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) активно занимается вопросами борьбы с преступлениями против дикой природы и лесов, признавая их частью транснациональной организованной преступности. УНП ООН разрабатывает методические рекомендации, проводит обучение для правоохранительных органов и способствует обмену информацией между странами. Европейский Союз, в свою очередь, принял План действий ЕС по обеспечению соблюдения законодательства, управлению и торговле в лесном секторе (FLEGT), направленный на борьбу с незаконными рубками и импортом нелегально заготовленной древесины, что является примером комплексного подхода к проблеме.

Помимо непосредственно карательных и регулятивных мер, существуют и превентивные механизмы, направленные на устранение причин и условий, способствующих нелегальному

обороту. К ним относятся системы отслеживания происхождения природных ресурсов (traceability), которые позволяют помечать и отслеживать продукцию от места ее добычи до конечного потребителя [3]. Например, в алмазной промышленности действует Кимберлийский процесс, направленный на предотвращение попадания «кровавых алмазов» на легальный рынок. В лесной промышленности развиваются системы добровольной лесной сертификации (например, FSC, PEFC), которые гарантируют законность и устойчивость методов заготовки древесины. Важную роль играет повышение осведомленности населения и борьба с коррупцией, поскольку именно коррумпированные чиновники зачастую способствуют беспрепятственному перемещению незаконно добытых ресурсов через границы. Развитие технологий также предоставляет новые возможности: спутниковый мониторинг позволяет выявлять незаконные вырубки в режиме реального времени, а ДНК-анализ помогает определить происхождение изъятых образцов дикой природы. Как подчеркивает Дж. Робинсон, «эффективная борьба с экологической преступностью требует не только жестких санкций, но и глубокого понимания социально-экономических факторов, лежащих в основе этих преступлений, а также инвестиций в превентивные меры и устойчивое развитие местных сообществ».

Однако, несмотря на наличие обширной правовой базы и международных усилий, проблема нелегального оборота природных объектов остается крайне острой. Среди ключевых вызовов – недостаточная координация между национальными и международными органами, коррупция в правоохранительных и таможенных структурах, сложность доказывания происхождения незаконно изъятых объектов, а также постоянно меняющиеся методы преступников, использующих цифровые технологии и глобальные логистические цепочки. Будущие направления развития правовых механизмов должны включать дальнейшую гармонизацию национального законодательства, усиление международного сотрудничества в области обмена информацией и оперативной работы, внедрение инновационных технологий для мониторинга и контроля, а также активное вовлечение гражданского общества и местного населения в природоохранную деятельность. Только комплексный, многоуровневый и постоянно адаптирующийся подход, сочетающий жесткие правовые санкции с эффективными превентивными мерами и международной солидарностью, позволит эффективно противостоять этой глобальной угрозе и сохранить бесценное природное наследие для будущих поколений.

Список используемых источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954
2. Лукашевич, В.М. Проблемы и риски развития интенсивного лесного хозяйства в России / В.М. Лукашевич // В сборнике: Повышение эффективности лесного комплекса Материалы. – 2016. – С. 169-172
3. Черданцев, В.П. Инновационное предпринимательство – основа экономического развития региона / В.П. Черданцев, А.В. Плотников // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2017. – № 11 (58). – С. 821-823.
4. Щербина Г.П., Коновалов И.В., Фоменко П. В. Международный оборот объектов дикой природы Дальнего Востока России: справочно-методическое пособие / под общ. ред. Г.П. Щербина. Владивосток: Апельсин, 2008. 122 с.

Жидков Андрей Романович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Калюжный Андрей Русланович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

**ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ВОЗБУЖДЕНИЕМ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ,
А РАВНО УНИЖЕНИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА (СТ. 282 УК РФ)**

***Аннотация.** В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы квалификации преступлений, связанных с возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства, предусмотренных статьёй 282 Уголовного кодекса Российской Федерации. Раскрываются особенности её объективных и субъективных признаков, а также исследуется соотношение между публичностью и использованием средств массовой информации при совершении рассматриваемых деяний. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к квалификации данных преступлений, включающего правовой, лингвистический и психологический анализ, с целью обеспечения справедливости и предотвращения злоупотреблений в правоприменительной практике.*

***Ключевые слова:** возбуждение ненависти, вражда, экстремизм, свобода слова, квалификация преступлений, человеческое достоинство.*

Проблематика квалификации преступлений, предусмотренных статьёй 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2], остается одной из наиболее дискуссионных в современной уголовно-правовой доктрине. Сложность состоит не только в многоаспектности самого понятия «возбуждение ненависти или вражды», но и в необходимости балансировать между конституционными гарантиями свободы слова и задачами защиты общественного порядка, межнационального согласия и человеческого достоинства. Согласно положениям части 2 статьи 19 и части 2 статьи 29 Конституции Российской Федерации [1], государство обеспечивает равенство прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного положения, места жительства, отношения к религии и других обстоятельств. Конституция прямо запрещает пропаганду и агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганду превосходства по указанным признакам.

Статья 282 УК РФ занимает центральное место в системе уголовно-правовых норм, направленных на противодействие экстремизму. Она является своеобразной базовой конструкцией, на основе которой строится значительная часть законодательства в сфере

противодействия преступлениям экстремистской направленности. Положения этой статьи фактически формируют ключевые признаки, по которым определяется, является ли то или иное действие проявлением экстремизма. Идея законодателя заключается в том, чтобы пресекать не только открытые призывы к насилию, но и более завуалированные формы разжигания розни – через распространение ложных сведений, унижение групп по признаку принадлежности, создание негативных стереотипов и т.д.

Исторически уголовная ответственность за разжигание розни существовала еще в советском законодательстве. Так, статья 74 УК РСФСР 1960 года [3] устанавливала наказание за умышленные действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национальной чести и достоинства, пропаганду исключительности либо неполноценности граждан по указанным признакам. Уже тогда закон подчеркивал необходимость наличия прямого умысла – осознания виновным характера своих действий и желания достичь именно результата возбуждения розни. Такое понимание сохраняется и в современной доктрине: случайные, эмоциональные или бытовые конфликты, не направленные на унижение по признаку принадлежности, не образуют состава преступления.

Однако современная редакция статьи 282 УК РФ значительно расширила перечень охраняемых признаков, добавив, помимо национальности, расы и религии, также пол, язык, происхождение и принадлежность к социальной группе. Расширение этого перечня вызвало неоднозначную реакцию среди ученых. С одной стороны, оно позволяет обеспечить более полную защиту человеческого достоинства. С другой – размывает границы уголовно-правового запрета, поскольку понятие «социальной группы» остается оценочным и не имеет четкого законодательного определения. В судебной практике к социальной группе могут относиться как профессиональные сообщества, так и социально-экономические или даже мировоззренческие объединения, что создает риск избыточного вмешательства государства в сферу общественной дискуссии.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, выражается в действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии или принадлежности к социальной группе. Законодатель ограничивает формы совершения данного деяния публичностью или использованием средств массовой информации. Под публичностью в данном контексте понимается доведение высказываний или иных действий до неопределенного круга лиц, а использование СМИ и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» рассматривается как квалифицирующий фактор, усиливающий общественную опасность деяния. Это объясняется тем, что при массовом распространении идей вражды увеличивается вероятность их восприятия широкой аудиторией и, соответственно, риск реальных социальных последствий.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что возбуждение ненависти может выражаться не только в прямых призывах к дискриминации, но и в косвенных формах – навязывании ложных представлений, искажении фактов, формировании негативных этнических или религиозных образов, попытках оправдать насилие над представителями определенных групп. В этом проявляется особенность рассматриваемого состава преступления: он может быть совершен не только через слова, но и через действия, символы, изображения, тексты, публикации, произведения искусства и т.д. [4, с. 86]

Одним из наиболее сложных вопросов остается определение пределов допустимой критики и разграничение между оскорблением, экстремизмом и свободой выражения мнения. Европейский суд по правам человека неоднократно подчеркивал, что свобода слова распространяется даже на идеи, которые могут шокировать или оскорблять часть населения, однако она не защищает высказывания, способные провоцировать насилие или ненависть. Российское законодательство и судебная практика постепенно перенимают этот подход, однако проблема остается открытой, особенно в условиях массового распространения информации через цифровые платформы.

Особое внимание в научных работах уделяется признаку публичности. Он предполагает, что действия виновного направлены на неопределенный круг лиц и способны вызвать общественный резонанс. Вопрос о том, считается ли «публичным» сообщение в закрытом чате или частной группе, активно обсуждается. В целом, судебная практика исходит из необходимости анализа степени доступности высказывания: если круг участников ограничен несколькими лицами, отсутствует состав преступления, однако при открытом доступе к публикации даже на небольшой площадке признак публичности считается установленным.

Не менее важен и вопрос субъективной стороны состава преступления. Для квалификации по статье 282 УК РФ требуется прямой умысел – лицо должно осознавать общественную опасность своих действий и желать их последствий в виде возбуждения ненависти или унижения достоинства. При этом мотив может быть различным: политическим, идеологическим, религиозным, бытовым, связанным с корыстными интересами (например, с целью привлечения внимания, популярности или получения выгоды от распространения экстремистских материалов). Ряд исследователей подчеркивает, что именно наличие специального умысла отличает данное преступление от административных правонарушений или иных деяний, нарушающих нормы морали, но не представляющих существенной общественной опасности [6, с. 258].

Ключевым элементом анализа при квалификации по статье 282 УК РФ является определение объекта преступления. Он включает общественные отношения, обеспечивающие равенство граждан, межнациональный и межрелигиозный мир, общественное согласие, а также честь и достоинство личности. Таким образом, данная норма направлена не столько на защиту отдельных лиц, сколько на сохранение социальной стабильности и предотвращение конфликтов, способных перерасти в массовые беспорядки.

Проблемы применения статьи 282 УК РФ тесно связаны с оценочными категориями, используемыми в её диспозиции. Так, понятия «ненависть» и «вражда» не имеют четкого юридического определения. В судебной практике они толкуются как эмоциональные состояния, характеризующиеся сильной неприязнью, отторжением или враждебностью к определенной группе лиц. Однако установление таких состояний в действиях обвиняемого требует проведения комплексных психолого-лингвистических экспертиз, результаты которых не всегда однозначны. Более того, использование экспертных заключений нередко подвергается критике в связи с их субъективностью и зависимостью от выбранной методологии [5, с. 34].

Особое внимание заслуживает вопрос соотношения публичности и использования средств массовой информации. Законодатель объединил эти признаки в основной состав, что вызывает определенные противоречия. Если для статьи 280 УК РФ (публичные призывы к экстремистской деятельности) использование СМИ выступает квалифицирующим признаком, то в статье 282 УК РФ оба признака объединены в одной части, что с точки зрения логики уголовного права представляется не вполне обоснованным. Поскольку использование СМИ значительно увеличивает масштаб воздействия и общественную опасность, разумно было бы рассматривать данный признак какотягчающий, отражая его в квалифицированном составе.

В современных условиях распространения информации в сети Интернет ответственность за возбуждение ненависти приобретает особую актуальность. Интернет стал платформой, где идеи распространяются мгновенно и могут влиять на общественное мнение в глобальном масштабе. В этом контексте задача государства заключается не только в уголовно-правовом преследовании, но и в профилактике экстремизма через образование, развитие культуры толерантности и правосознания граждан.

Подводя итог, можно отметить, что квалификация преступлений, предусмотренных статьёй 282 УК РФ, требует комплексного подхода, включающего не только правовой, но и социально-психологический анализ. Установление мотивов, контекста, формы выражения и степени общественной опасности должно основываться на объективных данных, при этом необходимо избегать расширительного толкования, способного привести к ограничению конституционных прав граждан. Совершенствование законодательства в данной сфере

должно сочетаться с развитием экспертных методик, повышением качества правоприменительной практики и усилением профилактической работы по предупреждению экстремизма в обществе.

Таким образом, статья 282 УК РФ продолжает играть ключевую роль в системе мер противодействия преступлениям на почве ненависти и вражды. Её правильное применение возможно лишь при условии строгого соблюдения принципов законности, справедливости и уважения к свободе личности. Только при этом баланс между защитой общественных интересов и прав человека будет сохранён, а уголовное законодательство будет выполнять свою основную задачу – охрану общественных отношений, обеспечивающих мир, согласие и достоинство каждого гражданина Российской Федерации.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – №41. – Ст.6933.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // «Свод законов РСФСР», т. 8, с. 497. Утратил силу.
4. Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук. – М., 2015. – 169 с.
5. Рычагов, Д.Р. Проблемы квалификации возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) / Д. Р. Рычагов, М. А. Смирнов // Студенческий вестник. – 2024. – № 38-2(324). – С. 32-35.
6. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Норма, 2023. – 681 с.

Заболоцкая Анастасия Олеговна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университет
(Белгород, Россия)

Попкова Анастасия Ивановна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университет
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ПО ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ОТ ЗАГРЯЗНЕНИЙ

***Аннотация.** В современном мире часто встречаются публикации, посвященные вопросам охраны окружающей среды от загрязнений в повседневной жизни, на рабочих местах, в образовательных учреждениях, на интернет порталах, а также в книгах и журналах. Авторы таких материалов акцентируют внимание на значимости изучения экологического права как дисциплины, которая способствует объективной оценке экологической обстановки, применению нормативно-юридических актов для защиты экологических прав и свобод, а также в дальнейшем практическом применении, например при работе в органах внутренних дел, связанных с природопользованием. Цель исследования: рассмотреть значение норм экологического права в формировании эффективного механизма по предотвращению и снижению загрязнения окружающей среды.*

***Ключевые слова:** экологическое право, защита окружающей среды, загрязнение, государственная экологическая экспертиза, экологическая безопасность, правовые гарантии*

Современные экологические проблемы требуют срочных и комплексных мер для своего решения. Переход к экологически устойчивым технологиям, сокращение потребления ресурсов и повышение экологического сознания – ключевые направления борьбы за чистую планету. Для достижения этой цели необходимо сотрудничество государств, научных сообществ и гражданского общества.

Рост объемов вредных выбросов от промышленных предприятий и транспорта в России и во всем мире обуславливает повышенное внимание к вопросам экологии. Это делает особенно актуальными такие природоохранные меры, как модернизация технологических процессов, создание оборудования для сокращения отходов, а также внедрение решений по снижению шума и вибрации.

В субъектах Российской Федерации реализуются экологические проекты: организуются акции по озеленению, проводятся мероприятия по благоустройству территорий и выполняются другие инициативы, направленные на улучшение экологической обстановки.

Для охраны окружающей среды разрабатывается и совершенствуется природоохранное законодательство, включающее нормы как национального, так и

международного права. Оно представляет собой юридическую базу для сохранения природных ресурсов и среды обитания.

Выделяют два основополагающих принципа правового регулирования охраны природы:

1. В каждом государстве должно существовать национальное законодательство, предусматривающее ответственность за загрязнение окружающей среде и меры компенсации для пострадавших от вредоносной экологической деятельности.

2. Государство обязано создавать действенные законы, устанавливающие приоритеты и задачи по предотвращению загрязнения, в также обеспечивать их исполнение.

Анализ данных принципов позволяет заключить, что государства должны принимать эффективное природоохранное законодательство, ориентированное на реальное решение экологических проблем.

Истоки природоохранного права относят к XIII в. При короле Эдуарде I в Англии был издан указ, запрещающий использование каменного угля для отопления жилых помещений в Лондоне – один из первых известных примеров регулирования экологических вопросов.

В России начало экологическому праву положил Петр I, издав указы по охране животного мира и лесов. После Октябрьской революции 1917 года были приняты декреты «О лесах», «О земле», «О недрах земли», а также Лесной и Земельный кодексы. Эти правовые нормы отражали осознание важности охраны природы, хотя в тот исторический период приоритетом оставалось развитие государства, что ограничивало эффективность природоохранных мер.

В СССР с 1988 года начали создаваться государственные комитеты охраны природы, однако их деятельность не всегда приводила к ожидаемым результатам из-за недостаточной правовой базы и приоритета индустриализации.

Как можно заметить, российское экологическое законодательство формировалось в течение длительного исторического периода. Благодаря этому современное экологическое законодательство представляет собой универсальный механизм комплексного регулирования вопросов в сфере охраны окружающей среды.

Рассматривая инструменты воздействия, применяемые в рамках природоохранной политики, можно выделить прямые и косвенные меры регулирования. Каждая из этих групп играет важную роль в обеспечении экологической безопасности и рациональном использовании природных ресурсов.

Прямые меры представляют собой административно-правовые инструменты, которые направлены на непосредственное ограничение и предотвращение негативного воздействия на окружающую среду. Они основаны на обязательных требованиях законодательства и контроле за их исполнением со стороны государства. К ним относятся: установление нормативов предельно допустимых выбросов и сбросов загрязняющих веществ; лицензирование и разрешительная система в сфере природопользования (например, получение разрешений на выбросы, сбросы и размещение отходов); государственная экологическая экспертиза, которая проводится при реализации проектов, способных оказать воздействие на окружающую среду; государственный экологический контроль и надзор, который направлен на выявление и пресечение нарушений природоохранного законодательства; введение ограничений и запретов на деятельность, которая создает угрозу экологической безопасности (например, эксплуатация опасных производств, вырубка лесов на охраняемых территориях).

Косвенные меры представляют собой экономико-правовые и социальные инструменты, создающие стимулы для добровольного соблюдения экологических требований и развития экологически безопасных технологий. Их цель – побудить хозяйствующие субъекты к экологически ответственному поведению через систему экономических выгод и санкций. К основным видам относятся: система экологических платежей и налогов за загрязнение окружающей среды, размещение отходов и использование природных ресурсов; льготы и субсидии предприятиям, которые внедряют экологически чистые технологии и системы утилизации отходов; государственная поддержка экологических проектов и программ,

включая «зеленое» финансирование и грантовые механизмы; экологическая сертификация и маркировка продукции, которые повышают конкурентоспособность экологически безопасных товаров; информационные и образовательные программы, направленные на повышения экологической культуры населения и бизнеса.

Эффективная природоохранная политика требует сбалансированного сочетания этих двух подходов, так как это позволит одновременно обеспечивать соблюдение правовых норм и стимулировать добровольные экологические инициативы.

Ключевым нормативным актом, определяющим стратегические цели в этой сфере, является Указ Президента **РФ от 19.04.2017 № 176** «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». Документ определяет приоритеты государственной политики в области обеспечения национальной экологической безопасности [1].

Действующая система правового регулирования базируется на Федеральном Законе «Об охране окружающей среды» в котором установлены основные положения государственной политики, ориентированной на поддержание благоприятной экологической обстановки, биологического многообразия и эффективное использование природных богатств [2].

Необходимо отметить, что международное сотрудничество играет важную роль в борьбе с глобальными экологическими угрозами. Оно реализуется через международные договоры и соглашения, направленные на координацию усилий государства.

К основным международным инструментам относятся:

- Парижское соглашение по климату, направленное на сокращение выбросов парниковых газов и предотвращения глобального потепления;
- Конвенция о водах международных рек, Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на дальние расстояния и Конвенция о биологическом разнообразии, регулирующие использование природных ресурсов и предотвращение загрязнения.

На национальном уровне данные положения реализуются через федеральные законы, например:

- Федеральный закон «Об охране окружающей среды» – закрепляет базовые принципы, регулирования деятельности, которая в свою очередь влияет на природу.
- Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» – регулирует ответственность за загрязнение и вопросы международного сотрудничества.
- **Акты процессуального законодательства**, устанавливающие порядок возмещения экологического вреда.

Рассмотренные нормативные документы идентифицируют загрязнение окружающей среды в качестве одной из наиболее актуальных угроз для человека и фауны. Регулирование данной сферы осуществляется посредством экологического права – совокупности юридических норм, направленных на обеспечение рационального использования природных ресурсов и их защиту от деградации.

Несмотря на принимаемые меры, уровень загрязнения окружающей среды остается высоким. Особенно тревожна ситуация с качеством питьевой воды. По данным исследований, ее загрязнение продолжает расти, создавая угрозу дефицита водных ресурсов. Например, в Ставропольском крае доля проб, не соответствующих гигиеническим нормативам, составила: по микробиологическим показателям – 0,9%, по санитарно-химическим показателям – 1,7%. Помимо воды деградации подвергаются и лесные экосистемы – незаконные рубки и повреждения приводят к исчезновению видов флоры и фауны, а также ухудшению состояния земель [1]. Эти факты подтверждают, что экологическое право должно не только фиксировать нормы поведения, но и обеспечить и реальную реализацию через систему контроля, ответственности и стимулирования экологически безопасного поведения.

Проведенное исследование позволило установить, что экологическое право играет ключевую роль в защите окружающей среды от загрязнений, выступая правовой основой устойчивого развития. Оно объединяет национальные и международные механизмы регулирования, направленные на рациональное использование природных ресурсов, охрану здоровья человека и предотвращение деградации экосистем.

Совершенствование законодательства, развитие правоприменительной практики и повышение экологической культуры населения являются необходимыми условиями эффективного функционирования экологического права, выполняющего системообразующую и координирующую функцию в решении задач по охране окружающей среды от загрязнений.

Экологическое право не только реагирует на существующие экологические вызовы, но и служит инструментом для формирования стратегии устойчивого развития, основанной на сбалансированном сочетании экологических, экономических и социальных приоритетов. Итоги анализа развития и современного состояния экологического законодательства показали, что оно сформировалось как универсальный и комплексный правовой механизм регулирования общественных отношений. Его основой является Федеральный закон «Об охране окружающей среды», который закрепляет базовые принципы и создает правовое поле для реализации как прямых, так и косвенных мер регулирования, направленных на охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности.

Таким образом, экологическое право – это динамичный и критически важный инструмент, от эффективности которого зависит сохранение благоприятной окружающей среды для нынешних и будущих поколений. Дальнейшее развитие экологического права в направлении повышения эффективности правоприменения, интеграции с международными стандартами и стимулирования «зелёных» инноваций необходимо для обеспечения экологической безопасности и перехода страны к модели устойчивого развития.

Список используемых источников:

1. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрании законодательства Российской Федерации от 11 декабря 2006 года №50, ст. 5278
2. Федеральный закон РФ «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 января 2002 года №2, ст. 133.
3. Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрании законодательства Российской Федерации 24 апреля 2017, №17, ст. 2546
4. Анисимов, А.П. Экологическое право России: учебник и практикум для вузов. Издательство Юрайт, 2025. – 432 с.
5. Экологическое право: учебник для вузов / под редакцией С. А. Боголюбова. Издательство Юрайт, 2025. – 318 с.
6. Хлуденева, Н.И. Экологическое право: учебник для вузов. Издательство Юрайт, 2025. – 221 с.

Заика Яна Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета
(Белгород, Россия)

Маслова Дарья Олеговна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Лукьянчикова Елена Федоровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

МЕСТО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРАВА

***Аннотация.** В статье рассматривается место энергетического права в системе права с учётом его специфики и междисциплинарного характера. Исследуется роль энергетического права как самостоятельной отрасли, охватывающей нормы, регулирующие отношения в сфере производства, передачи и использования энергии. Анализируются взаимоотношения энергетического права с публичным и частным правом, а также с другими отраслями, такими как административное, экологическое и гражданское право. Подчеркивается значение энергетического права для обеспечения устойчивого развития, государственной безопасности и экономической стабильности. Делается вывод о том, какое место занимает энергетическое право в системе права.*

***Ключевые слова:** энергетическое право, система права, отрасль права, правовое регулирование энергетики, энергетика, устойчивое развитие, правовая классификация, энергетическая безопасность.*

На сегодняшний день энергетическое право представляет собой важную и востребованную сферу правового регулирования, однако в научной и практической среде отсутствует единое понимание основных понятий. Такие термины, как энергетическое право, энергия как правовая категория, энергетические отношения и объекты этих правоотношений, остаются предметом споров и обсуждений. Формирование чёткого терминологического аппарата имеет значительное теоретическое и практическое значение.

Отсутствие единого подхода к определению ключевых понятий и круга отношений, связанных с оборотом энергии, можно объяснить монопольным положением, которое просуществовало в истории развития правовой системы, а именно в советский период. Лишь с выходом второй части Гражданского кодекса в 1996 году начали формироваться полноценные частноправовые отношения в данной сфере. В этот период государство приступило к активному созданию правовой базы, охватывающей различные виды энергии, порядок её производства, передачи, распределения и потребления. Результатом этой работы стало принятие законов, регулирующих вопросы безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, энергосбережения, повышения энергетической эффективности и других аспектов.

В научной литературе многие авторы высказывают мнение, что «фундаментальным вопросом развития энергетического права является взаимодействие частно-правовых и публично-

правовых основ регулирования» [1, с. 12]. Данного мнения также придерживается Лисицын-Светланов А.Г., который подчёркивает необходимость сбалансированного сочетания обеих правовых сфер для эффективного регулирования энергетической отрасли. Данный тезис служит основой для многих авторов при определении понятия энергетическое право.

Суворов А. определяет энергетическое право следующим образом: «Энергетическое право представляет собой отрасль российского права, регулиующую отношения, связанные с производством, передачей, распределением, потреблением и продажей энергии, включая электроэнергию, газ, нефть, тепло и возобновляемые источники энергии» [2]. Суворов, давая такое определение энергетическому праву, основывается на нескольких основных моментах:

1. Комплексность регулирования – отрасль охватывает широкий спектр правоотношений, входящих в энергетический цикл от добычи и производства до реализации и использования энергии.

2. Сочетание публично-правовых и частно-правовых норм – обеспечивается баланс между интересами государства, общества и участников рынка.

3. Обеспечение энергетической безопасности и устойчивого развития – энергетическое право направлено на регулирование отношений с учётом стратегических задач: устойчивого обеспечения энергоресурсами, развития инфраструктуры и внедрения инновационных технологий. Таким образом, энергетическое право – это многоаспектная отрасль правового регулирования, формирующая юридическую основу функционирования и развития энергетического комплекса России в современных условиях.

По мнению Селиверстова С.С. энергетическое право – это «комплекс правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе хозяйственной, инвестиционной и регулятивной деятельности субъектов частного и публичного права, связанной с разведкой, добычей, производством, переработкой, хранением, транспортировкой, распределением, торговлей и потреблением энергетических ресурсов» [3, с. 1]. Данное определение подчёркивает многогранный характер энергетического права, включающий не только производственные и коммерческие аспекты, но и инвестиционную активность, а также регулирующие меры, направленные на обеспечение эффективной и устойчивой работы энергетического комплекса. Важной составляющей является взаимодействие субъектов как частного, так и публичного права, что отражает сложность и значимость отрасли для экономики и национальной безопасности. Кроме того, энергетическое право охватывает широкий спектр ресурсов, включая традиционные (нефть, газ), электроэнергию и возобновляемые источники, что требует адаптивного правового подхода с учётом экологических и технических вызовов современности.

Губин Е.П. считает, что «энергетическое право представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения в сфере энергетики (энергетические отношения) в самом широком значении этого слова» [4, с. 25]. Аналогичного подхода также придерживаются Ананьева А.А., Гришина Я.С., Пискунова Я.С. Данный подход подчёркивает глобальный и комплексный характер энергетического права, охватывающего не только узкоотраслевые правовые нормы, но и широкий круг социальных, экономических и экологических аспектов, связанных с энергетическим комплексом. Энергетические отношения включают взаимодействие различных субъектов и отраслей, начиная от добычи и производства и заканчивая потреблением и сохранением ресурсов. Такой широкий взгляд позволяет учитывать многообразие проблем и интересов, возникающих в сфере энергетики, и создавать эффективные правовые механизмы для их регулирования.

Учитывая приведённые мнения, можно сделать вывод, что энергетическое право представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих широкий спектр отношений, связанных с производством, распределением, использованием и передачей энергии. Такая группа норм охватывает различные стадии энергетического цикла – от добычи и преобразования энергоресурсов до их транспортировки и конечного потребления, а также вопросы, связанные с охраной окружающей среды и обеспечением энергетической

безопасности. Таким образом, энергетическое право выступает комплексной правовой дисциплиной, призванной обеспечить согласованное и устойчивое функционирование энергетической сферы, защиту интересов государства, бизнеса и общества, а также правовое сопровождение инноваций и развития отрасли в целом.

Также как и к определению энергетического права, существуют различные подходы к определению объекта энергетического права, от которого зависит положение энергетического права в системе права. Рассмотрим некоторые мнения.

Городов О.А. утверждает, что «объект энергетического права ничем не отличается от обычного товара, который находится в обороте, и считает таковым энергию, мощность и энергетический ресурс» [5, с. 14]. С данным мнением можно согласиться только в той части, что объектом энергетического права является энергия. Объектом энергетического права является прежде всего энергия, рассматриваемая как товар, однако нельзя считать полностью равнозначными энергии, мощности и энергетическим ресурсам с обычными товарами из-за их технической специфики и общественного значения. Энергетическое право имеет более широкий и комплексный характер регулирования, охватывающий не только коммерческие, но и стратегические, технические и экологические аспекты.

Романова В.В. утверждает, что «объектами частноправовых отношений в сфере энергетики являются газ, нефть, уголь, электрическая энергия, тепловая энергия, то есть тот или иной вид энергетического ресурса, а также энергетические объекты, предназначенные для поиска, производства, переработки, транспортировки, хранения различных энергоресурсов. К объектам публично-правовых отношений относятся действия, поведение субъектов энергетических отношений» [6, с. 22]. С таким мнением трудно согласится, т.к. происходит смешение энергии и энергоресурсов. Смешение энергии и энергоресурсов в формулировке Романовой В.В. снижает точность правового анализа. Для корректного понимания объекта энергетического права необходимо чётко разграничивать энергоресурсы (материальные природные объекты) и энергию (товарный продукт), а также учитывать особенности публично-правовых и частно-правовых отношений.

Проанализировав несколько подходов к определению объекта энергетического права можно заключить следующее:

1. Объекты энергетического права неоднородны и включают в себя как материальные объекты, так и нематериальные, а также энергетическую инфраструктуру.
2. Необходимо чёткое разграничение энергоресурсов и энергии, поскольку энергоресурсы – это природные или добываемые сырьевые материалы, обладающие характеристиками природных ресурсов, а энергия – товарный продукт, результат преобразования ресурсов.
3. Подход, смешивающий энергию и энергоресурсы как объекты права, снижает юридическую точность, и затрудняет эффективное нормотворчество и регулирование в энергетической области.

Таким образом, объект энергетического права следует рассматривать комплексно – как совокупность энергоресурсов, энергии и энергетической инфраструктуры, при этом с учётом различий в правовой природе каждой из категорий и особенностей публично-правовых и частно-правовых отношений. Такой подход обеспечивает правильное отражение предмета правового регулирования и способствует развитию сбалансированной правовой системы в энергетике.

Проведя анализ определения энергетического права и его объекта, мы можем определить его роль как самостоятельной отрасли, охватывающей нормы, регулирующие отношения в сфере производства, передачи и использования энергии. Энергетическое право является самостоятельной отраслью, так как охватывает уникальные общественные отношения, связанные с производством, передачей, распределением и использованием различных видов энергии (электрическая, тепловая, нефтегазовая и др.). Эти отношения имеют свою специфику, не охватываемую полноценно другими отраслями права. К специфике можно отнести такие элементы как:

1. Обеспечение энергетической безопасности. Отрасль формирует правовые основы для стабильного и бесперебойного функционирования энергетического комплекса, что критично для экономического развития и безопасности государства.

2. Государственное регулирование и контроль. Энергетическое право закрепляет механизмы государственного лицензирования, тарифного регулирования, контроля качества и безопасности, что невозможно обеспечить средствами иных отраслей права.

3. Согласование интересов разных субъектов. Обеспечивает баланс между интересами государства, энергетических компаний и потребителей, регулируя вопросы собственности, договоров, ответственности и охраны окружающей среды.

4. Взаимосвязь с другими отраслями. Отрасль интегрирует нормы административного, экологического, гражданского, земельного и иных отраслей права, что требует её самостоятельного статуса для комплексного и эффективного правового регулирования. Т.о., энергетическое право это необходимая самостоятельная отрасль, обеспечивающая комплексное и специализированное регулирование общественных отношений в сфере энергии, что невозможно достичь влиянием только общеправовых норм.

Из всего вышесказанного становится понятно, что энергетическое право занимает особое место в современной правовой системе и характеризуется следующими аспектами:

1. Отрасль материального права. Энергетическое право – это самостоятельная отрасль материального права, регулирующая общественные отношения, возникающие в сфере производства, передачи, распределения и потребления энергии и энергоресурсов.

2. Частично публично-правовой характер. В своей основе энергетическое право сочетает нормы как частного, так и публичного права.

– Публично-правовые нормы регулируют вопросы государственного контроля, лицензирования, обеспечения безопасности, экологических стандартов, тарифного регулирования и функционирования энергетической инфраструктуры.

– Частноправовые нормы обеспечивают гражданско-правовое регулирование хозяйственных и имущественных отношений между субъектами энергетической деятельности.

3. Связь с другими отраслями права. Энергетическое право тесно связано с такими отраслями, как:

– административное право (регулирование деятельности госорганов в энергетике),
– экологическое право (охрана окружающей среды при добыче и использовании энергоресурсов),

– гражданское право (договора, собственность),

– земельное право (использование земель для объектов энергетики),

– налоговое право (налогообложение в энергетическом секторе).

4. Особая роль в регулировании стратегической сферы. Поскольку энергетика является стратегической отраслью экономики, энергетическое право обеспечивает стабильность, безопасность и развитие энергетического комплекса, выступая важным условием функционирования государства и общества.

Подводя итог, можно сказать, что энергетическое право занимает важное и самостоятельное место в системе российского права, представляя собой комплекс норм, специализированно регулирующих отношения в сфере производства, передачи, распределения и использования энергии. Его выделение в самостоятельную отрасль обусловлено необходимостью учета уникальных экономических, технологических и социальных особенностей энергетического комплекса, а также обеспечением устойчивого функционирования энергетической системы и энергетической безопасности государства. При этом энергетическое право активно взаимодействует с другими отраслями – административным, гражданским, экологическим и другими – что способствует формированию комплексного правового регулирования. Таким образом, энергетическое право выполняет важную системообразующую функцию, обеспечивая гармонизацию интересов государственных органов, производителей энергии и потребителей, и является ключевым элементом современной правовой системы.

Список используемых источников:

1. Лисицын-Светланов А.Г. «энергетическое право» в России: научная статья // А.Г. Лисицын-Светланов, Энергетическое право. – 2015. – 2(25). – С. 12-14.
2. Суворов А. Энергетическое право: научная статья // Андрей Суворов, Юридическая компания "Суворов Лигал", 2025. URL: <https://suvorov.legal/energeticheskoe-pravo/> (дата обращения: 18.10.2025).
3. Селиверстов С.С. К вопросу о понятии энергетического права: научная статья // С.С. Селиверстов, Энергетическое право. – 2008. – С. 1.
4. Губин Е.П. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: научная статья // Отв. ред. Е.П. Губин. – Юстицинформ. –2019. – С. 25.
5. Городов О.А. Введение в энергетическое право: научная статья // О.А. Городов. – М.: Проспект, 2018. – С. 14-16.
6. Романова В.В. Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть: учебное пособие // В.В. Романова. – М.: Юрист, 2014. – С. 22-23.

Зайнутдинов Бехзодбек Бахтиярович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Першина Елена Александровна
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И БОЛЬШИХ ДАННЫХ
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

***Аннотация.** Настоящая научная статья исследует комплексные процессуальные и тактические аспекты использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) и больших данных (Big Data) для формирования доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Анализируются возможности, которые эти технологии предоставляют для повышения эффективности расследования, а также вызовы, связанные с обеспечением допустимости и достоверности таких доказательств в контексте российского законодательства. Особое внимание уделяется проблеме "черного ящика" алгоритмов, необходимости прозрачности, вопросам предвзятости данных и алгоритмов, а также новым тактикам для стороны обвинения и защиты. Статья подчеркивает потребность в разработке адекватных правовых механизмов, стандартов аудита ИИ и обучении участников процесса для гармоничной интеграции технологий в правовую систему с соблюдением принципов справедливости и прав человека.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, большие данные, уголовное судопроизводство, доказательства, процессуальные аспекты, тактические аспекты, допустимость доказательств, достоверность доказательств, черный ящик алгоритма, объяснимый ИИ, российское законодательство.*

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) и анализа больших данных (Big Data) в уголовном процессе выступают в качестве мощных инструментов для обработки информации, имеющей потенциальное доказательственное значение. Их процессуальная роль заключается в трансформации огромных массивов неструктурированных данных (цифровые следы, метаданные, видеопотоки) в структурированную информацию, пригодную для использования в ходе доказывания. При этом ИИ не является субъектом уголовного процесса, а его результаты инкорпорируются в систему доказывания через традиционные процессуальные формы: как часть протокола следственного действия, как основание для оперативно-розыскных мероприятий или как элемент заключения эксперта (специалиста).

Применение ИИ и Big Data охватывает преимущественно стадию досудебного производства, обеспечивая повышение эффективности выявления, фиксации и анализа фактических данных.

1. Идентификация и розыск. Активно используются системы компьютерного зрения и биометрии. Алгоритмы распознавания лиц, интегрированные в городские системы

видеонаблюдения, позволяют проводить автоматическую идентификацию подозреваемых, сопоставляя видеопотоки с базами данных. Результатом является оперативная информация, которая требует последующего процессуального закрепления. Аналогично применяются нейросети для анализа голоса и речи в перехваченных коммуникациях.

2. Анализ цифровых доказательств (Digital Forensics). Технологии Big Data критически важны для анализа цифровых следов в делах об экономических и киберпреступлениях. Алгоритмы машинного обучения используются для финансового мониторинга, выявляя аномальные транзакции и схемы отмывания денег (AML). Кроме того, сетевой анализ (Link Analysis) обрабатывает метаданные коммуникаций (геолокация, IP-адреса) для построения графов связей между подозреваемыми, выявляя скрытые преступные группы.

3. Автоматизация судебных экспертиз. ИИ используется для ускорения и повышения точности традиционных криминалистических исследований, где требуется обработка больших объемов данных. Примеры включают системы автоматизированного сравнения в дактилоскопии и баллистике, а также в компьютерно-технической экспертизе для автоматизированного поиска и классификации информации на изъятых носителях.

На процессуальном уровне ключевой задачей становится обеспечение допустимости и достоверности доказательств, полученных с использованием ИИ и больших данных. Традиционные принципы оценки доказательств, такие как непосредственность, устность и состязательность, сталкиваются с «феноменом "черного ящика"». Феномен «чёрного ящика» в контексте ИИ и больших данных – это когда система выдает результат (идентификация, прогноз, пометка «подозрительно»), но логика и промежуточные шаги, приведшие к этому выводу, остаются непонятными или недоступными для суда, защиты и иногда даже разработчиков. Такая непрозрачность может быть вызвана сложностью моделей, скрытием исходного кода и данных как коммерческой тайны или тем, что сама модель не даёт явных правил принятия решений. Как справедливо отмечают российские ученые, в частности, Шейфер С. А., «отсутствие прозрачности в алгоритмах подрывает доверие и возможность оспаривания их выводов, что критически важно для уголовного процесса, где каждое доказательство должно быть подвергнуто всесторонней проверке. Например, системы распознавания лиц, используемые для идентификации подозреваемых по видеозаписям с камер наблюдения в российских городах, или алгоритмы, анализирующие финансовые транзакции для выявления мошеннических схем в банковской сфере, выдают лишь конечный результат, но не раскрывают логику своего заключения. Это ставит под сомнение возможность проверки их достоверности и, как следствие, допустимости в качестве доказательств» [6, с. 127].

Действующее российское уголовно-процессуальное законодательство, определяющее понятие доказательств, не содержит прямых норм, регулирующих порядок получения, фиксации и оценки результатов алгоритмической обработки информации. Цифровые следы (например, логи активности, метаданные, данные геолокации) и выводы ИИ (включая результаты автоматического распознавания лиц или речи, а также скоринговые оценки рисков) часто приходится "подгонять" под категории "иных документов" или "заключений эксперта/специалиста", что не в полной мере отражает их специфику. Профессор Е.Р. Россинская, видный специалист в области судебной экспертизы, неоднократно указывала на «необходимость адаптации экспертной деятельности к новым цифровым реалиям, подчеркивая, что заключения, основанные на данных, обработанных ИИ, должны соответствовать всем требованиям, предъявляемым к традиционным экспертным исследованиям, включая возможность проверки методологии и исходных данных» [4]. В отсутствие четких правовых стандартов, суды могут столкнуться с проблемой оценки таких доказательств. Например, если алгоритм выявил аномалию в поведении пользователя сети Интернет, которая, по его мнению, свидетельствует о подготовке к преступлению, как суд должен оценить этот "вывод" ИИ? Допустимо ли его использовать без детального разъяснения принципов работы алгоритма, качества обучающих данных и вероятности ошибки? Опыт зарубежных стран, где, например, в США применяется "стандарт Добера" для оценки научной или технической экспертизы, требует проверки методологии на предмет фальсифицируемости, рецензирования, известной или потенциальной

частоты ошибок, а также общепринятости в научном сообществе. Для России это означает необходимость разработки аналогичных стандартов для аудита алгоритмов, подтверждения качества обучающих данных и демонстрации их статистической надежности, что является предметом активных дискуссий в научном сообществе, в частности, среди исследователей в области правовой информатики, таких как И.В. Понкин [3].

Тактические аспекты применения ИИ и больших данных в уголовном судопроизводстве не менее многогранны. С одной стороны, они открывают беспрецедентные возможности для повышения эффективности расследования. ИИ может использоваться для автоматического анализа огромных массивов данных: телефонных разговоров, переписки в мессенджерах, постов в социальных сетях, данных геолокации, финансовых операций, видеозаписей с камер наблюдения, которые в России активно внедряются в рамках программы "Безопасный город". Это позволяет выявлять скрытые связи между лицами, восстанавливать хронологию событий, прогнозировать потенциальные действия преступников и даже идентифицировать подозреваемых по биометрическим данным. Например, в расследовании киберпреступлений или сложных экономических преступлений, ИИ способен выявить аномалии в финансовых потоках или сетевом трафике, которые человеческому аналитику было бы крайне сложно обнаружить. В контексте российского уголовного процесса, где следователи часто перегружены объемом информации, «ИИ может стать мощным инструментом для приоритизации и систематизации данных», как отмечают А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, говоря о «необходимости модернизации методов доказывания» [5, с. 206].

Применение искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности создаёт серьёзные вызовы для системы правосудия. Риск предвзятости становится особенно актуальным, когда обучающие данные содержат систематические ошибки или отражают социальные предубеждения. Это может привести к необоснованным задержаниям и обвинениям, основанным на некорректных выводах алгоритмов.

Особую опасность представляют демографические искажения в обучающих выборках, проявляющиеся в повышенной частоте ошибок при распознавании лиц определённых этнических групп. В условиях многонациональной России это создаёт серьёзную угрозу, поскольку может привести к дискриминационным практикам и нарушению прав граждан. Например, системы распознавания могут демонстрировать более низкую точность при идентификации лиц жителей Северного Кавказа или Центральной Азии. Защита доказательств на основе ИИ становится сложной задачей для адвокатов. Возникает вопрос: как эффективно провести перекрёстный допрос эксперта, который лишь интерпретирует выводы алгоритма, не имея полного понимания его внутренней логики? Традиционные методы допроса здесь недостаточны, требуется разработка новых тактических подходов. Современная защита должна включать привлечение независимых экспертов по искусственному интеллекту, способных проанализировать качество и репрезентативность обучающих данных, архитектуру используемых алгоритмов, потенциальные источники ошибок в работе системы и статистическую значимость полученных результатов. Адвокатам необходимо освоить новые методы оценки доказательств, основанные на понимании принципов работы ИИ-систем, их ограничений и потенциальных рисков.

Только комплексный подход, сочетающий юридическую экспертизу с техническими знаниями, позволит эффективно защищать права граждан в эпоху цифровизации правоохранительной деятельности. Это требует не просто формального оспаривания доказательств, а глубокого понимания механизмов работы ИИ и умения выявлять возможные искажения в его выводах. Профессор А.В. Кашанин, исследуя вопросы правового регулирования ИИ, предупреждает о «рисках потери контроля над автономными системами и необходимости сохранения человеческого фактора в принятии юридически значимых решений» [2, с. 10]. Кроме того, использование больших данных должно строго соответствовать Федеральному закону № 152-ФЗ "О персональных данных", что накладывает дополнительные ограничения и требует особого внимания к вопросам конфиденциальности и защиты информации.

Таким образом, для успешной и справедливой интеграции ИИ и больших данных в российское уголовное судопроизводство необходим комплексный подход. На процессуальном уровне это означает разработку специального законодательства, регулирующего порядок

получения, фиксации, оценки и оспаривания доказательств, сформированных с помощью ИИ. Необходимо установить четкие критерии для аудита алгоритмов, требования к прозрачности их работы (объяснимый ИИ – ХАИ), а также стандарты качества обучающих данных. Возможно, потребуется создание специализированных экспертных учреждений или аккредитация независимых экспертов, способных проводить такую оценку, а также внесение изменений в Федеральный закон "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации". На тактическом уровне требуется обучение всех участников процесса – следователей, прокуроров, судей, адвокатов – основам работы с ИИ и большими данными, пониманию их возможностей и ограничений. Необходимо развивать критическое мышление и не допускать слепого доверия к алгоритмам, всегда сохраняя человеческий контроль и ответственность за конечные решения. Только такой сбалансированный подход, сочетающий инновации с неукоснительным соблюдением принципов законности, справедливости и прав человека, позволит использовать потенциал ИИ и больших данных для повышения эффективности уголовного судопроизводства без ущерба для

Список используемых источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921;
2. Кашанин, А.В. (2020). Искусственный интеллект и право: проблемы и перспективы. Журнал российского права, (12), с. 5–18;
3. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91-109, doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109;
4. Россинская Е.Р. Концепция частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 173-178. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-5-173-178>;
5. Смирнов, А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова; вступ. статья В.Д. Зорькина. – 9-е изд., перераб. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. – 840 с.;
6. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. 2-е изд. М.: Юр. Норма, 2022. 240 с.

Заскока Михаил Владимирович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Шевченко Руслан Романович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В РОССИИ

***Аннотация.** В статье освещаются актуальные проблемы и тенденции развития современного российского экологического права. Были проанализированы ключевые аспекты экологического законодательства, включая вопросы охраны окружающей среды, использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности. Особое внимание уделяется проблемам терминологической базы экологического права и неполноты ключевых правовых категорий, определяющих содержание конституционных экологических прав. Авторы подчеркивают важность национальных проектов и программ для решения существующих в России проблем экологического законодательства.*

***Ключевые слова:** окружающая среда, природные ресурсы, экология, экологическая безопасность, экологическое право, национальные проекты и программы РФ, законодательство России.*

Конституция Российской Федерации [1] провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), она предоставляет каждому право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии, а также на возмещение ущерба, причинённого его здоровью или имуществу экологическим правонарушением (ст. 42 Конституции РФ).

Возложение на государство обязанностей по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека, равно как и по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, предполагает организацию охраны окружающей среды, предупреждение и ликвидацию последствий техногенных аварий и катастроф.

Для обеспечения соблюдения конституционных прав граждан в природоохранном законодательстве Российской Федерации закреплены ряд условий и гарантий. Так, Федеральный Закон «Об охране окружающей среды» [2] предусматривает в том числе систему мер административного и судебного характера. При этом каждый гражданин имеет право на обращение в органы государственной и муниципальной власти, иные организации с жалобами по вопросам, касающимся негативного воздействия и влияния на окружающую природную среду, а также на предъявление в суд исков в случае нарушения частных и публичных конституционных экологических прав.

В результате стремительного ухудшения экологической обстановки, вызванного загрязнением окружающей среды, ухудшением условий обитания животных и растений, сокращением площади лесов, увеличения добычи природных ресурсов, особое значение приобретают вопросы повышения эффективности правового регулирования экологической безопасности в Российской Федерации.

В ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» приводится следующее определение понятия экологическая безопасность – это состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий.

Экологическая безопасность базируется на комплексе отечественных нормативно-правовых актов и регламентируется такими отраслями действующего законодательства, как уголовное, гражданское, административное право, а также международными соглашениями, которые признает Российская Федерация. Основным правовым документом Российской Федерации в области экологической безопасности является Федеральный закон «Об охране окружающей среды». Помимо этого, действуют и другие нормативно-правовые акты, регламентирующие правовые отношения в данной сфере, такие как: ФЗ «О радиационной безопасности населения» [3], ФЗ «Об уничтожении химического оружия» [4], ФЗ «Об отходах производства и потребления» [5] и т.д.

Следует отметить, что правовое регулирование экологической безопасности в России осуществляется как на федеральном, так и на региональном уровне. В частности, на региональном уровне такое регулирование осуществляется с помощью нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации, в которых, как правило, отражаются природные, социально-экономические и другие особенности конкретного региона.

Обращает на себя внимание тот факт, что термин «экологическая безопасность» получил широкое распространение и довольно часто используется в нормативно-правовых актах. При этом использование этого понятия в каждом конкретном случае имеет свое значение. Это связано с тем, что на сегодняшний день нет единого мнения о предмете правового регулирования и использования понятия экологической безопасности. К сожалению, наука так и не установила место экологической безопасности в экологическом праве и не выработала единых институциональных и нормотворческих подходов к ее правовому применению [6, с. 143].

Анализируя нормативно-правовые акты РФ, регулирующие вопросы обеспечения экологической безопасности, можно сделать вывод, об отсутствии единого законодательного акта, который бы обобщал все аспекты применения в сфере общественных отношений экологической безопасности. В связи с чем, было бы целесообразным принять специальный закон «Об экологической безопасности в Российской Федерации», в котором следовало бы закрепить определение понятия «экологическая безопасность». Также, в предлагаемом законе следовало бы определить основные цели и задачи экологической безопасности, разграничить полномочия органов власти. При этом особое внимание необходимо уделить правам и обязанностям субъектов и их ответственности. В законе также следует конкретизировать средства и методы реализации экологической безопасности, а также сами требования к экологической безопасности. Особого внимания требует правовое регулирование осуществления надзора со стороны государства, установления порядка проведения и организации систематического контроля за состоянием окружающей среды, а также соблюдения нормативных параметров [7, с. 103].

Одной из наиболее актуальных проблем в сфере защиты окружающей среды является наличие фактов необоснованного сокрытия объективной и актуальной информации о состоянии окружающей среды, особенно когда это касается скрытых угроз, таких как радиационная опасность. Ограничение прав граждан на получение указанной информации нарушает их конституционные права, в связи с чем, решение вопросов, связанных с защитой конституционно установленных экологических прав, должно стать приоритетным направлением при реализации государственной политики в области экологической безопасности.

Ещё одной актуальной проблемой в области защиты экологических прав граждан является отсутствие четких критериев для таких категорий как «благоприятная окружающая среда» и «экологическая информация», без которых невозможно оценить соблюдение конституционных экологических прав населения.

Имеющиеся в законодательстве противоречия в правовом регулировании охраны окружающей среды оказывает негативное влияние на применение природоохранных норм, в частности ст. 42 Конституции РФ и норм Федерального закона «Об охране окружающей среды».

Анализ законодательных актов в сфере охраны окружающей среды показывает, что они практически не взаимосвязаны между собой, как будто предназначены для применения на абсолютно разных территориях, хотя являются федеральными нормативно-правовыми актами, которые распространяют своё действие на территорию всей страны. Главной проблемой является то, что в них отсутствуют общая цель и задачи. Это приводит к тому, что заявленные гарантии реализации права граждан на безопасную окружающую среду на практике не могут быть выполнены в полном объеме. Другими словами, существующий механизм обеспечения реализации прав граждан на благоприятную экологическую обстановку, на самом деле, не может выполнить возложенную на него роль в полном объеме. В связи с этим, можно сделать вывод, что соответствующий механизм направлен на достижение совершенно другой цели – вместо обеспечения реализации права на благоприятную окружающую среду, он создает условия для мало контролируемого использования ресурсов окружающей среды [8, с. 161].

Так, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» на деле не столько обеспечивает охрану окружающей среды, сколько регламентирует использование природных ресурсов, оставляя у граждан возможность откупиться посредством уплаты разнообразных штрафов, налогов, сборов. Довольно занятным является ещё и тот факт, что понятие «благоприятная окружающая среда» предусматривает установление государством пределов допустимого вредного воздействия вредных веществ. Таким образом, само государство допускает возможность причинения вреда окружающей среде, при этом оно совершенно не учитывает индивидуальные особенности организма человека, для которого могут быть вредны даже вещества, находящиеся в пределах допустимых значений.

Нельзя не обратить внимание на проблему, связанную со значительной антропогенной нагрузкой на водные ресурсы, которая крайне негативно влияет на экологическую обстановку в целом. Сохранность водных ресурсов на сегодняшний день представляет собой общегосударственную задачу и в этой сфере роль государства и всех граждан, проживающих на территории Российской Федерации, чрезвычайно важна. Не случайно в последние годы в России активно возводятся новые очистительные сооружения в рамках Национального проекта «Экология». Именно поэтому, очистка сточных вод может стать той областью, где государство и бизнес как заинтересованные стороны смогут эффективно взаимодействовать, совместно финансируя соответствующие проекты. Полагаем, что для взаимовыгодного сотрудничества государства и частного бизнеса, прежде всего, необходимо упростить прохождение сложных бюрократических процедур на стадиях разрешений и согласований. При этом крайне важно соблюсти баланс интересов, чтобы это упрощение не отразилось негативно на качестве и безопасности проводимых работ.

Также, для успешной реализации проектов направленных на охрану водных ресурсов необходимо на законодательном уровне для всех предприятий внедрить новые экологические стандарты, предусматривающие обязательное наличие отвечающих современным требованиям очистных сооружений, а также обязать предприятия своевременно проводить модернизацию действующих очистных сооружений. Кроме того, для предприятий соблюдающих требования стандартов в области охраны окружающей среды, необходимо предусмотреть возможность снижения налогов. Такая мера лучше всяких слов способствовала бы снижению негативной нагрузки на водные объекты и улучшению экологической обстановки в целом. Более того, это помогло бы улучшить материальную базу предприятий, которые внедряют экологические стандарты, освободив их от штрафов за неэффективную работу очистных сооружений.

Совместная деятельность государства и бизнеса в области охраны природы может также стать большим подспорьем для развития новой отрасли российской экономики,

занимающейся разработкой и внедрением современных очистных сооружений. Такие же механизмы можно было бы использовать и в других экологических проектах, в частности для сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов флоры и фауны [9, с. 728].

Стремительное ухудшение экологической обстановки, как никогда требует оперативного пересмотра всего арсенала организационных, финансовых и правовых средств управления. Прежде всего, это касается организации рационального природопользования и охраны окружающей среды, которые находятся в тесном взаимодействии с социально-экономическими потребностями общества.

Ожидаемым результатом подобных взаимодействий между государством и бизнесом стало бы решение таких ключевых глобальных проблем, как истощение природных ресурсов, ухудшение экологической ситуации, снижение качества окружающей среды и, в конечном итоге, ухудшение здоровья населения.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. 1993, 25 декабря.
2. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года № 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Справочно-правовая система «Гарант».
3. Федеральный закон «О радиационной безопасности населения» от 9 января 1996 года № 3-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Справочно-правовая система «Гарант».
4. Федеральный закон «Об уничтожении химического оружия» от 2 мая 1997 года № 76-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Справочно-правовая система «Гарант».
5. Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Справочно-правовая система «Гарант».
6. Тангиев Б.Б., Уткин Н.И. Проблемы правового регулирования экологической безопасности и предупреждения чрезвычайных ситуаций в контексте борьбы с экологическими правонарушениями // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2009. № 1. – С. 142-147.
7. Захаров Е.И. Проблемы правового регулирования обеспечения экологической безопасности // Молодой ученый. 2021. № 40 (382). – С. 102-103.
8. Жукова Н.В. О понятии механизма обеспечения реализации права граждан на благоприятную окружающую среду и недостатках его действия в России // Актуальные проблемы российского права. 2017. №11 (84). – С. 161-168.
9. Шак М.П., Русинов Т.А. Современные проблемы экологического законодательства // Научный журнал «E-Scio». 2021. №5 (56). – С. 723-728.

Зацепина Софья Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Карпук Элина Анатольевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА В СФЕРЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

***Аннотация.** В данной исследовательской работе исследуются ключевые особенности реализации института необходимой обороны в области домашнего насилия в уголовном праве российского государства. В статье проводится детальный анализ правовых основ необходимой обороны, современных проблем квалификации защитительных действий жертв домашнего насилия и вызовы, с которыми сталкивается правоприменительная практика. Также в статье особое внимание уделяется необходимости учета психологических и социальных факторов, которые оказывают воздействие на адекватность ответных мер, а также на перспективы модернизации и реформирования защиты пострадавших лиц. Исследование, в первую очередь, направлено на формирование комплексного и системного подхода к оценке правомерности действий при домашнем насилии в рамках современного российского уголовного судопроизводства.*

***Ключевые слова:** необходимая оборона, домашнее насилие, уголовное право России, защита, пределы обороны, правоприменение, уголовная ответственность, судебная практика, социально-правовая защита, квалификация преступления.*

Вопросы применения института необходимой обороны в отечественном уголовном праве приобретают особую актуальность и значимость в контексте домашнего насилия.

На наш взгляд, под домашним насилием понимается социально-правовая проблема, которая имеет выраженную психологическую, физическую и правовую составляющую. Отметим, что противодействие насилию в семейной среде требует детального подхода к оценке и исследованию защитительных действий жертв, что прямым образом отражается на правоприменительной практике при необходимой обороне.

Необходимая оборона, в настоящее время, представляет собой юридический институт, который признан в положениях уголовного права российского государства, как форма оправдания совершенного в пределах правомерной защиты противоправного посягательства на личные права, свободы или интересы. Данный институт регламентируется положениями уголовного законодательства, а именно ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1].

Ссылаясь на вышеуказанную норму, лицо, принимающее участие в защите, освобождается от уголовной ответственности, в случае если оно совершило действия, которые были необходимы для предотвращения или пресечения противоправного нападения [2, с.13].

Основными признаками необходимой обороны на сегодняшний день выступают:

- наличие неотложной угрозы,
- пропорциональность защитных действий,
- отсутствие преднамеренного превышения пределов [3, с.21].

Безусловно, не каждое насильственное действие, даже в случае, когда оно направлено на оборону, признается необходимой обороной.

Как уже отмечалось ранее, домашнее насилие представляет собой особый вид посягательств, который отличается специализированной и характерной сферой совершения, постоянством контактов между сторонами, а также психологической динамикой [4, с.59].

В положениях уголовного законодательства, а также правоприменительной практике в случаях расследования дел, связанных с реализацией права на необходимую оборону в сфере домашнего насилия, нужно учитывать несколько, на наш взгляд, значимых и актуальных аспектов:

1) Постоянство и повторяемость посягательств. Стоит сказать, что жертва может подвергаться неоднократным нападениям и применению насильственных действий, что формирует состояние страха и стресса, которое оказывает воздействие на оценку адекватности защитных реакций.

2) Возникновение угрозы в бытовых условиях. Нападение, как правило, совершается внутри семьи, что усложняет установление четких границ между агрессором и жертвой, а также в значительной степени затрудняет квалификацию действия жертвы, как защитных.

3) Психологическая травма и риск самообороны. Чаще всего, жертва не может рационально оценить степень угрозы и выбрать необходимые меры, что воздействует на объективность судебной оценки.

4) Необходимость учета факта домашнего насилия в процессе судебного разбирательства. Стоит сказать, что судебные органы в обязательном порядке должны учитывать ситуацию в общем, включая историю насилия, для правильной квалификации действий ответчика по принципу необходимой обороны.

Следует согласиться с мнением С.В. Девятовской, которая отмечает, что «в правоприменительной практике правовая оценка действий лица, причинившего вред посягающему лицу в состоянии обороны, представляет определенную трудность, поскольку не всегда очевиден факт правомерности его действий. В практической деятельности все еще имеют место случаи, которые приводят к необоснованному привлечению к уголовной ответственности лиц, применивших меры защиты, то есть реализующих право на необходимую оборону» [5, с.56].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что при рассмотрении дел, которые связаны с необходимой обороной в сфере домашнего насилия, суды сталкиваются с рядом определенных проблем. К таким проблемам в настоящее время относятся:

1) Определение пределов необходимой обороны. Стоит сказать, что в большинстве случаев возникают спорные ситуации о том, были ли действия жертвы излишними или превышали оборону, что ведет к квалификации как преступных.

2) Оценка объективной и субъективной стороны конфликта. Не всегда легко установить, какую угрозу реально ощущал защищающийся, в частности, когда направление имело не прямой или психологический характер.

3) Доказывание факта домашнего насилия. Необходимо сказать, что иногда жертвы домашнего насилия не могут или не хотят предоставлять доказательств систематического применения насильственных действий, что снижает вероятность признания действий законными в рамках необходимой обороны [6, с.5].

Для более рациональной и эффективной защиты прав жертв домашнего насилия в рамках института необходимой обороны, на наш взгляд, необходима реализация ряда как законодательных, так и практических мер, к которым можно отнести:

1) уточнение в положениях современного законодательства критериев и пределов необходимой обороны с учетом структуры и характерности домашнего насилия. Необходимо принять определенные правовые нормы или разъяснения с учетом факторов социального и психологического характера;

2) развитие судебной практики, которая будет направлена на применение комплексного исследования обстоятельств дела. Судебные органы в обязательном порядке должны применять мультидисциплинарный подход, привлекая экспертов в сфере психологии и социальной работы;

3) повышение уровня правовой грамотности населения и правоохранительных органов. Стоит сказать, что курсы, тренинги и разъяснительная работа поможет избежать ложного уголовного преследования жертв насилия [7, с.13].

Как отмечает И.Э. Звечаровский, «если посягательство не сопряжено с угрозой для жизни, то не должно быть допущено умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. При этом причиненный вред может оказаться большим, чем вред предотвращенный, однако не должно быть допущено явного несоответствия мер защиты характеру и опасности посягательства. Если нет такого явного несоответствия, нельзя говорить о превышении пределов защиты. Если лицо не осознавало, но должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, его действия должны квалифицироваться как совершенные по неосторожности» [8, с.34].

В заключение отметим, что необходимая оборона в сфере домашнего насилия в настоящее время представляет собой один из наиболее значимых механизмов защиты пострадавших лиц. Современное российское законодательство предусматривает возможность оправдания защитительных действий, однако правоприменительная практика остается сложной и совершенно неоднозначной. Для модернизации правовой регламентации и защиты жертв домашнего насилия необходим системный подход, который будет заключать в себе законодательные реформы, повышение уровня квалификации кадров и создание положительной правоприменительной практики судопроизводства. Такие действия позволят не только обеспечить справедливость в каждом отдельном случае, но и повысить уровень социальной защищенности граждан, которые подвергаются домашнему насилию.

Список используемых источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 14.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – №25. – ст. 2954.
2. Гарбатович, Д.А. Право на необходимую оборону в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации / Д.А. Гарбатович // Уголовное право. – 2023. – № 1. – С. 12-15.
3. Гарбатович, Д.А. Необходимая оборона: алгоритм квалификации / Д.А. Гарбатович // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2025. – № 4. – С. 20-25.
4. Гришин, А.В., Селютина, О.Г. К вопросу о защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественного опасного посягательства / А.В. Гришин, О.Г. Селютина // Закон и право. – 2025. – № 2. – С. 58-65.
5. Девятковская, С.В. Понятие принуждения в российском уголовном праве / С.В. Девятковская // Юрист-правовед. – 2020. – № 1. – С. 55-59.
6. Дядюн, К.В. Право на необходимую оборону: проблемы реализации / К.В. Дядюн // Universum: Экономика и юриспруденция. – 2024. – № 5. – С. 4-11.
7. Захарова, С.С. Обоснованный риск в уголовном праве. / С.С. Захарова. – Рязань. РГБ, 2025. – 26 с.
8. Звечаровский, И.Э., Чайка, Ю.Я. Законодательная регламентация института необходимой обороны / И.Э. Звечаровский, Ю.Я. Чайка // Законность. – 2025. – № 8. – С. 33-41.

Илющенко Анна Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ АНТИМОНОПОЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСКОМПАНИЙ

***Аннотация.** Данная статья посвящена актуальным проблемам осуществления прокурорского надзора за соблюдением антимонопольных требований в деятельности государственных компаний. В статье рассматриваются организационные, правовые и финансовые аспекты работы органов прокуратуры в указанной сфере. Приводятся статистические данные о количестве нарушений, а также предлагаются меры по повышению профессионализма сотрудников и улучшению взаимодействия с антимонопольными органами.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, государственные компании, антимонопольная деятельность, прокурор, прокурорские проверки, антимонопольные службы.*

Прокурорский надзор за соблюдением антимонопольных требований в деятельности государственных компаний, несомненно, является важной частью механизма обеспечения добросовестной конкуренции и предупреждения злоупотребления положением. Вопросы соблюдения антимонопольного законодательства приобрели особую значимость в связи с увеличением количества крупных сделок, концентрации капитала и усилением влияния госкомпаний на отечественную экономику.

Согласно статистическим данным, в 2023 году территориальные отделения ФАС России возбудила более 280 дел и приняла более 200 решений о нарушении антимонопольного законодательства в отношении государственных компаний [1]. Подобные цифры свидетельствуют о действительной распространенности несоблюдения требований в этой сфере, ввиду чего данная тема исследования является весьма актуальной.

В современных экономических условиях, и в частности в условиях существующих экономических санкций важным направлением в работе органов прокуратуры становится прокурорский надзор за исполнением антимонопольного законодательства.

Одной из ключевых задач прокуратуры является выявление нарушений в данной сфере, например, таких как:

- картельные соглашения и сговор конкурентов;
- незаконное использование доминирующего положения на рынке;
- недобросовестная реклама и вводящая в заблуждение информация;
- неправомерные слияния и поглощения компаний.

При обнаружении подобных нарушений прокуратура инициирует проверку и принимает меры по устранению выявленных недостатков.

Для полноценного понимания роли прокурорского надзора за соблюдением антимонопольного законодательства обратимся к материалам судебной практики, а именно к

Решению Арбитражного суда Саратовской области от 26 августа 2021 г. по делу № А53-10571/2021 [2].

В данном деле Прокуратура области обратилась к государственному унитарному предприятию с иском о признании договора хранения муниципального имущества недействительным.

В ходе проведения прокурорской проверки было установлено нарушение антимонопольного законодательства, заключающееся в игнорировании процедуры проведения торгов, которая является обязательной для объектов водопроводно-канализационного хозяйства.

После проведения процедуры прокурорского надзора и направления представления в суд отделение Федеральной антимонопольной службы также возбудило дело о признании данного договора, заключенного между администрацией городского поселения и ГУП, недействительным.

Арбитражный суд, исследовав доказательства, представленные прокуратурой, удовлетворил иск и обязал ГУП возвратить имущество по договору хранения.

Анализ данного судебного решения дает основания полагать, что в данной сфере деятельность органов прокуратуры является весьма эффективной, особенно при взаимодействии с представителями антимонопольной службы, поскольку они преследуют единую цель – соблюдение законодательства и защита нарушенных прав.

В области антимонопольного законодательства все же существует ряд проблем, требующих поиска должных решений.

Трудности при осуществлении прокурорского реагирования связаны, прежде всего, с тем, что прокуратура, осуществляя надзор за соблюдением антимонопольных требований, сталкивается с проблемами недостаточной координации между различными ведомствами и уровнями власти. Часто возникают трудности в обмене информацией, установлении единого подхода к рассмотрению обращений и взаимодействию с иными контролирующими органами.

Как отмечает в своем исследовании А.В. Кожинский: «наилучшие результаты в расследовании картелей и иных антиконкурентных соглашений достигнуты в тех субъектах Федерации, где налажено эффективное взаимодействие антимонопольных и правоохранительных органов» [3].

Согласимся с мнением автора и обратим внимание на необходимость разработки единой информационной базы, интеграции ресурсов прокуратуры и антимонопольной службы, проведение регулярных совещаний и координационных мероприятий. На наш взгляд, комплекс данных действий поможет решить проблему недостаточной координации.

Следующей проблемой является противодействие контролю со стороны государственных компаний, которые проявляют сопротивление проведению проверок и соблюдению рекомендаций, что, безусловно, затрудняет эффективное осуществление прокурорского надзора. Ввиду существования таких ситуаций формируются препятствия в доступе к необходимой документации, необоснованно затягиваются сроки рассмотрения запросов и уведомлений.

Решением данной проблемы может стать повышение уровня осведомленности руководителей компаний о последствиях нарушений антимонопольного законодательства, усиление санкций за противодействие надзору, введение системы прозрачной отчетности о результатах проведенных проверок.

Также проблемным аспектом, на который обращает внимание и В.В. Каиров, является «нерешенный вопрос о том, что конкретно относить к нарушениям антимонопольного законодательства, выделяя эту сферу из общих направлений экономики» [4].

Основная проблема здесь заключается в отсутствии четкого перечня конкретных действий, которые могли бы считаться однозначными нарушениями антимонопольного законодательства. На наш взгляд, для решения данного вопроса нужно использовать комбинированный подход, сочетающий экономический анализ и правовую экспертизу.

Для успешного преодоления обозначенных трудностей необходимо создать целый механизм, который бы включал:

- автоматизацию процессов мониторинга за государственными компаниями;
- увеличение числа выездных проверок и профилактической работы;
- укрепление кадрового потенциала прокуратуры;
- оптимизацию нормативной правовой базы и повышение эффективности взаимодействия с правоохранительными органами.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что осуществление качественного прокурорского надзора за соблюдением антимонопольных требований является важным элементом укрепления конкуренции и борьбы с монополизмом. Адекватное регулирование рынка и укрепление института прокуратуры способны внести значительный вклад в экономическое развитие страны.

В рамках данной работы нами были выделены проблема организации и координации прокуратуры с различными ведомствами, противодействие контролю со стороны государственных компаний, а также вопрос определения предмета нарушения антимонопольного законодательства.

Список используемых источников:

1. ФАС России подвела итоги антикартельной деятельности за 2023 год [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/news/33116> (дата обращения: 22.10.2025).
2. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 26 августа 2021 г. по делу № А53-10571/2021 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ZOWcaWgnQYdm/> (дата обращения: 22.10.2025).
3. Кожинский, А.В. Научные и правоприменительные вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением антимонопольного законодательства // Журнал юридических исследований. 2024. № 1. С. 53–59.
4. Каиров, В.В. Практика прокурорского надзора за антимонопольным законодательством // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3 (231). С. 212–215.

Илющенко Анна Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Путилина Валерия Романовна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Боев Дмитрий Вячеславович,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОКУРАТУРОЙ ЭКСТРЕМИЗМУ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

***Аннотация.** Распространение экстремистских материалов в интернете представляет собой серьезную угрозу общественной безопасности, особенно для уязвимых категорий населения. Прокуратура Российской Федерации, как ключевой орган надзора, сталкивается с необходимостью постоянного совершенствования методов противодействия этому явлению. В статье рассматриваются отдельные проблемы в организации прокурорского надзора за противодействием экстремизму в интернете. Особое внимание уделяется межведомственному взаимодействию и реализации полномочий прокуроров в данной области. Авторы подчеркивают важность применения информационных технологий в процессе мониторинга интернет-ресурсов для повышения оперативности и эффективности прокурорского надзора в сфере противодействия экстремизму.*

***Ключевые слова:** противодействие экстремизму, прокурорский надзор, мониторинг, интернет, экстремистские материалы, ограничение доступа.*

В нынешних реалиях интернет стал площадкой, которая распространяет большое количество различной информации. Основная идея заключалась в упрощении обмена данными с различных точек земного шара в определенных целях. С течением времени интернет стал активно пользоваться криминальными элементами для реализации своего преступного умысла, ярким примером является повышенный рост мошенничества. Но преступники на этом не остановились и активно пытаются распространять материалы, которые признаны экстремистскими по законодательству РФ. Данная информация может попадать в поле зрения уязвимых слоев населения (например, малолетние и подростки). Практике известно большое количество случаев совершения подростками противоправных действий в виду влияния пропаганды экстремистских материалов, которые априори содержат в себе призывы к совершению общественно-опасных деяний.

Прокуратура РФ, как орган надзора за соблюдением законодательства и за соблюдением прав и свобод человека и гражданина регулярно совершенствует методы борьбы с распространением экстремистских материалов в интернете. В рамках настоящего исследования мы рассмотрим особенности и некоторые проблемы осуществления прокурорского надзора в данной области.

Одним из ведомственных актов, посвященных противодействию экстремизму, является Приказ Генпрокуратуры России от 21.03.2018 N 156 «Об организации прокурорского надзора за

исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» (далее – Приказ N 156). Здесь закрепляются основные положения, касающиеся прокурорского надзора в данной области, а также отдельные полномочия прокуроров по противодействию экстремизму, в том числе и в интернете [2]. Например, это постоянный мониторинг информации, размещаемой на интернет-ресурсах, а также активное взаимодействие с Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор). Далее, при выявлении экстремистского материала прокуратура предоставляет сведения Роскомнадзору и последние должны принять меры по ограничению доступа к данному ресурсу. Также Приказ N 156 наделяет прокуратуру правом обратиться в суд за признанием той или иной информации экстремистской. На наш взгляд, данный ведомственный акт демонстрирует повышенное внимание со стороны прокуратуры к проблеме распространения экстремизма.

Достаточно показательной поправкой является изменение в ст. 15.3 Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», заключающееся в том, что по требованию Генерального Прокурора или его заместителей Роскомнадзор обязан принять меры к блокировке интернет-ресурса, содержащего информацию, признанной экстремистской [1]. Это существенно сокращает время при принятии решения об ограничении доступа к соответствующим материалам.

К тому же, правом обращения с требованием в Роскомнадзор, обладают только Генеральный Прокурор и его заместители, согласно действующей редакции статьи. Иными словами, нижестоящие прокуроры с подобными требованиями в Роскомнадзор обратиться не могут. Согласно вышеупомянутому Приказу N 156, они могут только предоставить соответствующую информацию, на основе которой Роскомнадзор принимает решение о блокировке соответствующего ресурса. Нижестоящие прокуроры должны обратиться к Генпрокурору или его заместителям с данной информацией, и они уже могут обратиться с требованием в Роскомнадзор. Более того, районные прокуроры должны обращаться только к прокурорам субъектов и сами они не в полномочиях отсылать выявленную информацию напрямую в Роскомнадзор.

Среди представителей научного сообщества популярно мнение о предоставлении аналогичных полномочий прокурорам субъектов, например, Т.А. Гусева отмечает, что: «в целях повышения эффективности противодействия экстремистской деятельности и распространению деструктивной информации представляется целесообразным рассмотреть вопрос о наделении прокуроров субъектов Российской Федерации правом самостоятельно, без направления материалов в Генеральную прокуратуру, принимать решения о блокировке интернет-ресурсов, содержащих запрещенную информацию экстремистского характера. Данная мера позволит более оперативно реагировать на выявление подобных фактов и ограничивать распространение противоправного контента в сети Интернет» [3, с. 61]. Мы выражаем солидарность с данной позицией и также считаем, что целесообразно внести изменения в полномочия прокуроров субъектов для улучшения оперативности в принятии решений и снижения нагрузки на Генпрокуратуру.

В данном случае необходимо предусмотреть правовое регулирование данных полномочий, которое минимизировало бы возможности злоупотребления. Целесообразно рассмотреть вопрос создания методических рекомендаций для оценки интернет-ресурсов на предмет принадлежности к экстремизму и т.д.

На самом деле, неотрегулированное межведомственное взаимодействие несет в себе достаточно проблем в осуществлении прокурорского надзора. Это проявляется на этапе исполнения судебного решения. И.С. Хованов указывает на то, что: «прокуроры, добившиеся в суде запрета распространения противоправного контента, зачастую сталкиваются со сложностями в получении информации о реальном ограничении доступа к нему со стороны Роскомнадзора. Нередки случаи, когда экстремистские публикации остаются доступны даже после вступления в силу судебного решения» [4, с. 105]. Данная ситуация происходит из-за того, что между данными структурами нет четко налаженного механизма взаимодействия. Прокуратура не имеет доступа к информации о блокировке

соответствующего ресурса с точки зрения технического характера. Иными словами, судебное решение по признанию материала экстремистским есть, но из-за технических проблем или надработок материал остается доступным в интернете.

В науке часто стоит вопрос о проблеме дублирования полномочий в мониторинге интернет-ресурсов на предмет экстремизма, некоторые ученые считают, что данная практика негативно сказывается на качестве этого мониторинга. И.С. Хованов считает, что: «в настоящее время мониторинг осуществляется одновременно различными государственными органами – Прокуратурой РФ, МВД РФ, ФСБ РФ, СК РФ, Министерство Юстиции РФ, Роскомнадзором, НЦпТИ, РОЦИТ, ЦИСМ и иными, что приводит к дублированию полномочий и неэффективному расходованию, как органов прокуратуры, так и государственных структур» [5, с. 464]. Автор подчеркивает, что в данном случае целесообразно создать соответствующую систему при прокуратуре и осуществлять мониторинг через нее. Положительные результаты реализации подобных идей уже были в 2015 году в прокуратуре Татарстана: «разработан информационно-аналитический комплекс для автоматизированного поиска запрещенного контента в интернете. С июля по декабрь 2015 года с помощью этой системы выявлено более 17 тысяч интернет-страниц с возможными признаками распространения запрещенной информации, часть из них заблокирована» [5, с. 466].

Мы отчасти солидарны с автором, но вынуждены не согласиться в том, что на данный момент мониторинг не должны осуществлять несколько ведомств. На сегодняшний день соответствующей единой платформы для мониторинга интернет-ресурсов на предмет распространения запрещенной информации нет. Поэтому, осуществление просмотра информации в интернете со стороны нескольких ведомств видится нам целесообразным в силу быстро развивающейся информационной паутины, оставлять нагрузку по мониторингу на одно ведомство пока не представляется возможным и может повлечь к ухудшению осуществления полномочий в других направлениях деятельности. Но тем не менее, мы согласны с тем, что прокуратура РФ должна развиваться в направлении создания информационно-аналитических комплексов для выявления незаконных материалов в интернете. В силу того, что в упомянутом Приказе N 156 нет формулировки осуществления мониторинга с использованием соответствующих систем.

Действительно, внедрение информационных технологий в области мониторинга существенно снизит нагрузку ведомств и повысит эффективность и оперативность выявления экстремистских материалов в интернете. Прокуратура уже занимается использованием искусственного интеллекта в своей деятельности: «нейросети будут использоваться для аналитической работы, прогнозирования роста преступности в отдельных регионах, анализа законопроектов и других документов. Но речи о замене человека, по словам генпрокурора, не идет, но возможности искусственного интеллекта будут максимально использоваться» [6]. Поэтому, развитие информационных технологий в области надзора по противодействию экстремизма в сети интернет является достаточно актуальным и перспективным направлением деятельности.

Среди наиболее типичных проблем можно также выделить следующие:

1) законодательство не всегда успевает за скоростью появления новых способов распространения запрещенного контента. Пока принимается поправка, экстремисты уже осваивают новую площадку. Поэтому прокурорские работники часто сталкиваются с трудностями выявления экстремистского материала в интернете. К тому же, большинство крупных социальных сетей и платформ имеют иностранную юрисдикцию. Российская прокуратура не может напрямую заставить их удалять контент или предоставлять данные пользователей;

2) удаление одного канала или группы в одной платформе моментально приводит к созданию нескольких новых на других площадках. К тому же, экстремистами используются методы шифрования, условно, на первый взгляд может показаться, что публикация не содержит в себе противозаконных элементов, но в ней могут быть определенные детали, которые имеют принадлежность к экстремизму;

3) многие пользователи неспособны критически оценивать информацию, с учетом того, что экстремисты часто поднимают социально-важные проблемы, их позиция становится очень близка для определенной категории лиц. Для эффективной деятельности прокуратуры очень большую роль играют обращения от самого населения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что прокуратура РФ активно совершенствуется в рамках осуществления надзора по противодействию экстремизма в сети интернет. Однако, имеются существенные проблемы в области межведомственного сотрудничества и ограниченного поля осуществления полномочий прокуроров в данной сфере. Также наблюдается существенная нагрузка ведомств в осуществлении мониторинга интернет-ресурсов и данный вопрос тоже нуждается в технических и правовых решениях.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.10.2025).

2. Приказ Генпрокуратуры России от 21.03.2018 N 156 (ред. от 24.03.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.10.2025).

3. Гусева, Т.А. Вопросы противодействия органов прокуратуры Российской Федерации экстремистской деятельности в сети Интернет в свете специальной военной операции / Т. А. Гусева // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 7(235). – С. 60-62. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_7_60. – EDN NAEZNK.

4. Хованов, И.С. Практика признания информационных материалов экстремистскими в судебном порядке: анализ проблем правоприменения и пути их решения / И.С. Хованов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 103-107. – EDN CESZVD.

5. Хованов, И.С. О некоторых проблемах противодействия прокуратурой Российской Федерации экстремизму в интернете / И. С. Хованов // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 26. – С. 460-471. – EDN PWQNSF.

6. Генпрокуратура начала внедрять в свою работу искусственный интеллект: ТАСС [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://tass.ru/politika/20634537> (дата обращения: 06.10.2025).

Ищенко Никита Евгеньевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Коробельников Никита Алексеевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ МАЛОВОДЬЯ И ЗАСУХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Глобальный климатический сценарий, характеризующийся последовательным ростом возникновения экстремальных гидрометеорологических явлений, представляет собой комплекс взаимосвязанных факторов, взаимообусловленных и влияющих на изучение. Эти процессы трансформируются в конкретные многоплановые угрозы для Российской Федерации. В то же время обостряются различные проблемы экологической безопасности, включая эрозию почвы, расширение пустынь и истощение водных ресурсов, все из которых еще больше ставят под угрозу социальную стабильность в наиболее уязвимых регионах страны, включая Юг, Поволжье и Южную Сибирь. Проблема усугубляется недостатками действующего законодательства, разложением реализуемых мер, недостаточной эффективностью превентивных мер и медленным реагированием на уже произошедшие кризисные события.*

В данной статье будет проведен тщательный анализ и оценка эффективности существующих правовых механизмов предотвращения и ликвидации последствий маловодья и засухи в Российской Федерации, а также будет оценена эффективность этих механизмов с использованием научно обоснованных данных.

В рамках предстоящей работы: выявить и систематизировать нормативные акты, регулирующие данную сферу; классифицировать правовые механизмы на превентивные и реактивные категории; проанализировать использование этих механизмов на примере конкретных регионов и судебных решений; выявление пробелов и коллизий в законодательстве; сформулировать конкретные рекомендации по совершенствованию правового регулирования.

***Ключевые слова:** водоохранная зона, маловодья, засуха, низкий уровень воды, водное законодательство.*

Успешное решение проблемы недостаточного водоснабжения и засух требует всестороннего определения ключевых понятий, поскольку именно юридические определения устанавливают границы регулирования и обеспечивают обоснование принятия конкретных мер. Юридическая путаница возникает из-за того, что в законодательстве Российской Федерации конкретно не указано наличие «маловодья» или «засухи», которые прямо не регулируются федерацией. На практике эти концепции реализуются через связанные категории, которые классифицируются в зависимости от их практического применения.

«Низкий уровень воды» определяется в Водном кодексе РФ как уровень открытой воды в водном объекте ниже проектных отметок, при которых возникают неблагоприятные последствия

для водопользования. «Засуха» часто признается в качестве одного из видов чрезвычайной ситуации (ЧС) природного характера, правовой режим которой регулируется Федеральным законом "О защите населения и территорий от ЧС природного и техногенного характера". Понятие «зоны чрезвычайной ситуации» вводится для территории, где сложилась ЧС. [1]

Термин «водоохранная зона» необходим для обозначения территории вокруг береговой линии водного объекта, которая в соответствии с Водным кодексом Российской Федерации определяется как «водоохранная зона», охватывающая специальную территорию хозяйственной деятельности, специально предназначенную для предотвращения производства вредных веществ, предотвращения развития засорения воды и загрязнения.

Понять возникновение и юридические последствия природного явления – значит отделить природное явление от его причины. Маловодье и засуха – природные явления, характеризующиеся гидрометеорологическими условиями, объективно созданными и вызванными маловодьем и засухой. Их правовые последствия начинаются в момент официального признания (например, введения чрезвычайного положения), требуя специальных мер, ограничений и механизмов поддержки.

Для предотвращения и ликвидации последствий маловодья и засух в России правовое регулирование осуществляется посредством многоуровневой системы, состоящей из квот, предписаний, положений и процедур.

На международном уровне основополагающую роль играет Рамочная конвенция ООН об изменении климата, задающая общие ориентиры для политики адаптации. Также значимы соглашения по трансграничным водным объектам, которые регулируют вопросы совместного использования водных ресурсов со странами-соседями, что особенно актуально в условиях маловодья, как, например, в Центрально-Азиатском регионе.

Конституция Российской Федерации (ст.) образует основу регулирования на федеральном уровне. Установление права личности на здоровую окружающую среду и установление совместного контроля Российской Федерации и ее субъектов за водными объектами в собственности, пользовании и распоряжении, а также право требовать возвращения водных объектов собственникам и распоряжения ими.

Положение о Единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС) утверждено постановлением Правительства Российской Федерации и другими подзаконными актами, в том числе постановлением Министерства иностранных дел и таможни Российской Федерации, отвечающего за управление чрезвычайными ситуациями. 3

Органы местного самоуправления на местном уровне разрабатывают свои собственные законы с учетом особенностей соответствующих сфер особого внимания. Региональные программы использования и охраны земель и водных объектов, которые разрабатываются и реализуются на территориях с природными, культурными или живописными характеристиками, относятся к числу «сил» регионального развития. Власти Краснодарского края или Ростовской области, которым грозит захват, реализуют собственные конкретные схемы по улучшению охраны земель, развитию ирригационных систем, смягчению последствий засухи посредством целевых программ.

В центре принцип разграничения юрисдикции внутри страны сопровождается принципом децентрализации в этой области.

Федеральные органы государственной власти обладают полномочиями определять основы федеральной политики в области водных отношений.

Утверждение и разработка проектов комплексного водопользования и охраны, направленных на охрану водных объектов, а также их разработка и утверждение. Наличие программ по ликвидации последствий федеральных чрезвычайных ситуаций.

Основными органами исполнительной власти, действующими на этом уровне, являются Правительство Российской Федерации, Министерство природных ресурсов России, Федеральное агентство водных ресурсов (Росводресурсы) и Росгидромет.

Органы местного самоуправления имеют право решать вопросы местного значения, в том числе по использованию водных объектов в муниципальных целях и в пределах переданных государственных полномочий.

Правовые меры борьбы с маловодьем и засухой в Российской Федерации являются частью сложной системы, состоящей из двух основных компонентов: превентивного, направленного на предотвращение кризиса, и реактивного, направленного на снижение или устранение его последствий.

Стратегическое планирование, экономические стимулы и меры восстановления входят в число предполагаемых механизмов, снижающих риски кризисных ситуаций с помощью этой группы механизмов.

Превентивная политика построена на планировании и регулировании, которые являются ее основополагающим элементом. Основными инструментами, используемыми здесь, являются схемы комплексного использования и охраны водных объектов СКИОВО (определение целевых показателей качества воды и баланса между водопотреблением и водоотведением для каждого бассейна). Водные балансы используются для установления лимитов водопользования, на основе которых формируются водные балансы и лимиты водопользования, обеспечивающие непосредственное оперативное управление в случае дефицита воды.

В целях улучшения состояния водных экосистем предпринимаются усилия по восстановлению и защите водных экосистем. Экологическое регулирование водоохранных зон, защитных лесных насаждений и других мер направлено на контроль хозяйственной деятельности, наносящей вред водным объектам, например водоохранным зонам. «Оздоровление Волги» – это государственная программа, которая является ярким примером реализации комплексного подхода к восстановлению и охране важных водных объектов, что делает ее примечательным примером такой схемы. [2]

Когда превентивные меры оказываются недостаточными и кризис наступает, в действие вступает комплекс реактивных механизмов.

Среди них наиболее значимое место занимает чрезвычайная ситуация, Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» является основой комплекса специализированных мер, принятых 21 декабря 1994 года.[3] Правовые последствия включают в себя централизацию управления, возможность привлечения большего количества ресурсов и введение специальных правил экономической деятельности посредством введения этого режима с возможностью привлечения дополнительных ресурсов.

Водное законодательство имеет особую правовую основу, касающуюся низкого уровня воды, поскольку оно обеспечивает уникальную правовую основу для контроля питьевой воды в регионе. Статья 41 Водного кодекса Российской Федерации наделяет уполномоченные органы полномочиями вводить ограничения или приостановление водопользования в случае возникновения опасности дефицита воды.[4] Одновременно был введен механизм установления приоритетов водопользования, который обеспечивает законодательное обеспечение приоритетности удовлетворения хозяйственно-питьевых потребностей посредством издания механизма установления приоритетов водопользования.

В 2025 году в Ростовской области была выявлена чрезвычайная ситуация, где был принят превентивный подход, реализован план действий в чрезвычайной ситуации и мероприятия по оказанию помощи аграриям. В отсутствие весенних паводков реки, в том числе Дон, испытывали острый дефицит воды, так как не могли снова разлиться. Сельскохозяйственные производители, которые по закону были обязаны получать страховые выплаты в рамках программы чрезвычайной помощи, которая предлагает прямую государственную помощь и получает до 80% страховой премии государства, смогли подать заявку на страхование, а также получить официальное признание чрезвычайной ситуации, в результате чего правительство выплатило до 70% страховой премии.

Правовые механизмы в настоящее время существуют, но их реальная практичность создает ряд системных проблем. Отсутствие эффективного контроля за соблюдением водного законодательства в настоящее время проявляется в неудовлетворительном контроле за фактическими объемами водопользования и недостаточности санкций за нарушения.

Отсутствие эффективной координации между федеральным и региональным уровнями власти в вопросах планирования и реализации водоохранной деятельности приводит к дублированию функций и отсутствию ответственности.

Отсутствие финансирования профилактических мер является серьезной проблемой, поскольку основные ресурсы используются для устранения уже существующих последствий, а не для инвестирования в профилактические меры. Более того, в законодательстве существуют значительные несоответствия, касающиеся опасностей, связанных с расширением пустынь, и разумного использования подземных вод, которые могут выступать в качестве ценного стратегического буфера в периоды малой доступности воды.

Для решения выявленных проблем необходим ряд действий по их устранению. Создание и принятие Федерального закона «О борьбе с опустыниванием земель» позволит закрепить комплексную стратегию реабилитации деградированных земель. Задача подготовки и внедрения «малого водного режима» в Российской Федерации требует пересмотра Водного кодекса, в котором должны быть указаны четкие процедуры введения и реализации предлагаемого режима, а также четкое определение декларации и перечень ограничительных мер, которые могут носить ограничительный характер.

Экономические стимулы потенциально могут привести к созданию более устойчивого мира экологического страхования, охватывающего проекты восстановления в будущем, что позволит обеспечить большую диверсификацию рисков и стабильное финансирование усилий по восстановлению. Более того, использование постепенно повышающихся тарифов за сверхлимитное водопотребление могло бы стать полезной мерой, способствующей укреплению экономики и способствующей внедрению водосберегающих технологий.

Ситуация в Российской Федерации с низким уровнем воды и засухами представляет собой разрозненный набор превентивных и ответных мер, не обеспечивающих достаточных действий для решения растущих климатических проблем. Существующая система демонстрирует недостаточную эффективность профилактики, о чем свидетельствует ежегодная смертность защитных лесных насаждений, которая с 1994 года сократилась на 287 тысяч гектаров, а с 1994 года снизилась на 27%. Сейчас они составляют лишь 1,3% сельскохозяйственных угодий России и в 3-6 раз меньше научно обоснованных норм.

Эта гипотеза предполагает, что для перехода от политики игнорирования последствий к упреждающему управлению рисками становится необходимым принять комплексный подход, который учитывает экологические, экономические и социальные факторы и устанавливает последовательную правовую структуру. Следовательно, это требует совершенствования законодательства, которое предполагает принятие Федерального закона «О борьбе с опустыниванием земель» и проработку процедуры «менного режима» в Водном кодексе Российской Федерации.

Проводятся углубленные исследования для понимания гражданско-правовых механизмов возмещения ущерба, причиненного стихийными бедствиями, изучения зарубежного опыта правового регулирования водных отношений в условиях изменения климата, а также создания правовой базы для внедрения современных технологий мониторинга, таких как искусственный интеллект и дистанционное зондирование Земли, для лучшего прогнозирования опасных гидрологических явлений с высокой точностью.

Список используемых источников:

1. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2003 г. № 794 "О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций"
2. Паспорт федерального проекта «Оздоровление Волги» // Режим доступа: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/140248/>
3. Федеральный закон от 21.12.1994 N 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера" (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.11.2024)
4. ВК РФ Статья 41. Использование водных объектов для целей сброса сточных, в том числе дренажных, вод.

Ищенко Марк Олегович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета
(Белгород, Россия)

Чуйкова Алёна Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Лукьянчикова Елена Федоровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА К ВОЗОБНОВЛЯЕМЫМ ИСТОЧНИКАМ ЭНЕРГИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЛЯ РОССИИ

***Аннотация.** В статье проводится анализ нормативно-правовой базы, регулирующей переход российской энергетики к использованию возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Особое внимание уделяется ключевым механизмам государственной поддержки, таким как аукционы и тарифы, а также выявляются институциональные и экономические барьеры, препятствующие ускорению этого процесса. На основе сравнительного подхода к международному опыту предлагаются рекомендации по гармонизации российского законодательства с принципами устойчивого развития. Исследование подчеркивает стратегическую значимость энергетического перехода для обеспечения энергетической безопасности и снижения углеродного следа России в глобальном контексте.*

***Ключевые слова:** энергетический переход, возобновляемые источники энергии, правовое регулирование, устойчивое развитие, топливно-энергетический комплекс, аукционы ВИЭ, энергетическая безопасность.*

В эпоху, когда глобальные вызовы климатических изменений диктуют необходимость переориентации энергетических систем, Россия сталкивается с дилеммой: сохранить доминирование традиционных углеводородов или интегрировать возобновляемые источники энергии (ВИЭ) в национальную энергосистему. Зависимость от экспорта нефти и газа, составляющая основу бюджета, контрастирует с обязательствами по Парижскому соглашению 2015 года, где страна декларировала вклад в ограничение глобального потепления. Актуальность темы усиливается не только экологическими императивами, но и геополитическими рисками, включая санкции и волатильность рынков ископаемых топлив. Помимо этого, актуальность данной темы возобновляемых источников энергии подтверждается значительным количеством регламентирующих правовых актов и нормативных документов, разработанных как в России, так и за рубежом. В этой связи цель настоящего исследования – разобрать эволюцию правового регулирования энергетического перехода в России, обозначить ключевые вызовы и наметить реалистичные перспективы, опираясь на накопленный опыт в сфере энергетического права. Такой подход позволит не только оценить текущее состояние дел, но и предложить меры, способствующие балансу между экономической эффективностью и экологической ответственностью.

Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого гражданина на благоприятную окружающую среду. Реализация этого права возможна при модернизации системы нормативно-правового регулирования потребления ресурсов, включая использование возобновляемых источников энергии. Основные цели и задачи в области потребления энергоресурсов, а также экологические мероприятия определены в рамках энергетической стратегии России до 2035 г. В настоящее время большинство развитых стран стремится к увеличению доли возобновляемых источников энергии в национальных энергобалансах. Россия, несмотря на крупнейшие в мире запасы углеводородного сырья, также определяет развитие ВИЭ в числе приоритетных задач, что связано с повышением экологичности и сохранением ресурсов для будущих поколений. При формировании нормативно-правовой базы ВИЭ необходимо учитывать ограничения частных интересов, в том числе через установление ответственности, компенсационные механизмы, стабильность регулирования и превентивные меры. Ограничения публичных интересов определяются особым статусом государственной власти и природой регулируемых отношений. Гражданское законодательство России пока не содержит норм, четко регулирующих их соотношение. Поэтому при формировании модели правового регулирования ВИЭ необходимо использовать как публично-правовые, так и частно-правовые механизмы. Нормативно-правовая база, формирующая основу для развития ВИЭ в России, эволюционировала от фрагментарных норм к комплексной системе стимулов, хотя и с заметными пробелами. Центральным актом здесь выступает Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [1], который в редакции от 2023 года ввел специальные положения о поддержке генерации на базе ВИЭ, включая приоритетный доступ к сетям и гарантированные тарифы. Этот закон определяет ВИЭ как ветровую, солнечную, гидроэлектроэнергию и геотермальную энергию, исключая традиционную гидроэнергетику крупных ГЭС, что позволяет фокусироваться на инновационных технологиях. Дополняет его Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности» [2], обязывающий субъекты ТЭК внедрять энергоэффективные практики, включая долю ВИЭ в балансе не менее 4,5% к 2030 году в соответствии с Энергетической стратегией России до 2035 года.

Среди подзаконных актов особое место занимает Постановление Правительства РФ от 28 мая 2013 г. № 449 «О механизмах стимулирования использования возобновляемых источников энергии» [3], регулирующее систему «зеленых» аукционов и договоры о предоставлении мощности (ДПМ). Эти механизмы обеспечивают инвесторам возврат вложений за счет повышенных тарифов на 15 лет, что особенно актуально для удаленных регионов, где традиционные источники дороги в эксплуатации. Недавние изменения, внесенные Постановлением от 11 апреля 2017 г. № 432[4], ввели перенос нераспределенных объемов мощностей на следующие аукционы, минимизируя риски для участников. Кроме того, Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 489-ФЗ [5] усилил интеграцию ВИЭ в оптовый рынок электроэнергии, разрешив прямые продажи «зеленой» энергии потребителям без посредников. В целом, эта база отражает стремление государства к диверсификации энергетики, но ее эффективность зависит от координации между Минэнерго, Россетями и ФАС, что порой приводит к административным задержкам.

Переходя к анализу вызовов, стоит отметить, что правовое регулирование ВИЭ в России сталкивается с несколькими системными проблемами, корнящимися как в экономической структуре, так и в институциональных особенностях. Во-первых, низкий уровень внедрения, доля ВИЭ в генерации составляет менее 1% на 2024 год, это обусловлено отсутствием долгосрочной налоговой стабильности [6]. Инвесторы опасаются изменений в тарифах, что отпугивает иностранный капитал, особенно после 2022 года. Например, в отличие от ЕС, где Директива 2018/2001 устанавливает жесткие квоты на ВИЭ [7], российские аукционы часто проваливаются из-за завышенных требований к локализации оборудования, достигающей 70% к 2025 году. Это создает барьер для малых проектов, где импортные компоненты неизбежны.

Во-вторых, технические вызовы интеграции ВИЭ в Единую энергетическую систему (ЕЭС) усугубляются отсутствием унифицированных стандартов для хранения энергии. Статья

13 Федерального закона № 35-ФЗ предусматривает приоритетный отбор мощностей ВИЭ, но на практике сетевые операторы ссылаются на риски нестабильности, что приводит к отказам в подключении. Как отмечается в исследованиях, региональные диспропорции – высокая отдача от ветра в Сибири против солнечной энергии на юге – требуют федерального плана адаптации сетей, чего пока нет [8]. Наконец, экологическое регулирование остается разрозненным: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» упоминает ВИЭ косвенно, без стимулов для «зеленого» финансирования, что замедляет переход к углеродной нейтральности к 2060 году.

С учетом этих вызовов перспективы энергетического перехода в России видятся в гармонизации национального права с международными стандартами, с акцентом на гибкие механизмы поддержки [9]. На наш взгляд, ключевым шагом стало бы введение федерального закона о ВИЭ, аналогичного немецкому EEG, с фиксированными квотами и налоговыми льготами для проектов мощностью до 5 МВт. Это не только снизит административную нагрузку, но и привлечет частные инвестиции, оцениваемые в 2 трлн рублей к 2030 году. Кроме того, заимствование опыта Китая по субсидиям на хранение энергии через аккумуляторные системы могло бы решить проблему непостоянства производства энергии из ВИЭ. В контексте устойчивого развития предлагаю расширить роль углеродного налога, интегрируя его с аукционами, чтобы средства шли на модернизацию сетей. Такие меры, подкрепленные цифровизацией мониторинга (как в проекте «Цифровая энергетика»), позволят России не только выполнить климатические обязательства, но и укрепить экспортный потенциал «зеленых» технологий в ЕАЭС.

Подводя итог, правовое регулирование энергетического перехода к ВИЭ в России представляет собой динамичный, но несовершенный инструмент, балансирующий между экономическими приоритетами и глобальными трендами устойчивого развития. Вызовы, такие как инвестиционные риски и технические барьеры, требуют не косметических поправок, а системных реформ, включая унификацию норм и усиление межведомственной координации. В перспективе успешный переход не только диверсифицирует ТЭК, но и повысит энергетическую безопасность, сделав Россию активным игроком в пост-углеродной экономике. Дальнейшие исследования должны фокусироваться на моделировании сценариев, чтобы законодательство опережало технологические инновации.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1172.
2. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5719.
3. Постановление Правительства РФ от 28.05.2013 № 449 «О механизмах стимулирования использования возобновляемых источников энергии» (ред. от 03.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 22. Ст. 2864.
4. Постановление Правительства РФ от 11.04.2017 № 432 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 16. Ст. 2331.
5. Федеральный закон от 04.08.2023 № 489-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об электроэнергетике"» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32. Ст. 5123.
6. Правовой режим поддержки использования возобновляемых источников энергии в Российской Федерации // CyberLeninka. 2022.
7. Нормативно-правовое регулирование возобновляемых источников энергии: опыт России и зарубежных стран // CyberLeninka. 2021.
8. Энергетический переход: Россия в глобальной повестке // CyberLeninka. 2023. № 4. С. 12-25.
9. Возобновляемые источники энергии в России: развитие и перспективы // CyberLeninka. 2024. № 2. С. 45-58.

Карабутова Елизавета Александровна,
магистрант юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА: ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛЕЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

***Аннотация.** В статье проанализирована эволюция государственного регулирования энергетического сектора России с учётом исторического наследия вертикально интегрированных монополий, реформ начала 2000-х, внедрения рыночных инструментов и современного возврата к активной роли государства в стратегическом секторе. Рассмотрены правовые инструменты (тарифное регулирование, договоры о предоставлении мощности, аукционы для ВИЭ, антимонопольные меры), институциональные изменения и ключевые вызовы: интеграция возобновляемых источников и хранилищ, цифровая трансформация и кибербезопасность, обеспечение инвестиционной предсказуемости и социальной справедливости.*

***Ключевые слова:** государственное регулирование, энергетика России, инфраструктурная политика, тарифы, ДПМ, ВИЭ, цифровизация, кибербезопасность, инвестиции, социальная устойчивость, энергетическое право, административное право.*

На современном этапе государственное регулирование энергетического сектора в большинстве стран характеризуется сложной иерархической системой. Это обусловлено, в первую очередь, трансформацией регулятивного инструментария, который сейчас включает постоянный мониторинг рынка, а также возникновением новых форм институционального сотрудничества. Последнее характеризуется механизмами эффективного диалога и взаимодействия с органами, генерирующими решения в сфере энергетической политики (правительство, парламент, соответствующие региональные министерства и международные организации). По другую сторону диалога находятся субъекты, внедряющие основополагающие решения в сфере энергетической политики, в лице собственников активов и топ-менеджеров энергетических компаний.

Российская же модель регулирования энергетики формировалась под влиянием масштабов сырьевой базы, преобладания крупных вертикально интегрированных компаний и государственного участия в стратегических отраслях. В советский и постсоветский периоды энергосистема развивалась как единый хозяйственный комплекс с доминированием централизованного планирования, при котором государство выступало и собственником, и регулятором. Этот подход глубоко укоренен в традиции российского публичного права, где, как отмечает Ю.А. Тихомиров в своих трудах по публичному праву, государственное управление всегда играло ведущую роль в развитии ключевых секторов экономики, особенно в сфере инфраструктуры [6, с. 401].

Реформа начала 2000-х, кульминацией которой стал Федеральный закон №35-ФЗ «Об электроэнергетике» [1], привела к разукрупнению монополий, созданию конкурентных сегментов (оптового рынка) и выделению сетевых операторов, и формированию нового институционального ландшафта: независимые сетевые компании, рынок мощности, рыночные площадки и федеральные регуляторы. Эти изменения стремились совместить экономическую эффективность и инвестиционную привлекательность с поддержанием надежности электроснабжения в условиях огромной географии и сезонности нагрузки. Данная реформа стала предметом интенсивного изучения в российской юридической науке. Так, В.В. Романова в своей монографии «Энергетическое право» подробно анализирует правовые основы создания конкурентных сегментов и трансформации вертикально интегрированных компаний, отмечая сложность адаптации классических рыночных моделей к специфике российской энергосистемы

[5, с. 11]. Кологерманская Е.М. в своих работах по правовому регулированию электроэнергетики также подчеркивала, что основной целью реформы было привлечение инвестиций и повышение эффективности при сохранении надежности, что требовало деликатного баланса между рыночными механизмами и государственным контролем.

На следующем этапе регулирование приобретало черты гибридной модели: рыночные механизмы дополнялись инструментами государственного обеспечения инвестиций и надежности. Для стимулирования новых генерационных мощностей, в том числе низкоуглеродных, в российской практике были введены договоры о предоставлении мощности (ДПМ) и аукционы, механизмы грантовой и налоговой поддержки, при этом роль государственных компаний (и государственных гарантий) оставалась значительной. Постановление Правительства РФ №449/2013 [2] и последующие нормативные акты задали рамки государственной поддержки возобновляемых источников и перечень процедур привлечения инвестиций через конкурентные процедуры. Однако, как указывают ряд российских исследователей, включая Кологерманская Е.М. [4], «данный механизм, при всей его значимости для привлечения инвестиций, может порождать вопросы о его рыночной нейтральности и эффективности в долгосрочной перспективе, а также о прозрачности конкурсных процедур и соблюдении антимонопольных требований». Одновременно ФАС и профильные министерства вырабатывали подходы к тарифному регулированию, учитывая необходимость инвестиций в сеть и социальную устойчивость тарифов для населения. Вопросы тарифного регулирования, всегда центральные для энергетики, активно исследуются в отечественной доктрине.

Современные вызовы российской регуляторной модели многоплановы. Первый вызов – адаптация к массовому внедрению ВИЭ и распределенной генерации на фоне обширной централизованной сети. Интеграция солнечных и ветровых мощностей, развитие систем накопления энергии и применение интеллектуальных систем управления требуют корректировки правил доступа к сетям, механизмов оплаты услуг балансировки и создания рынков гибкости. В условиях России, где, как отмечает В.В. Романова, «существует уникальное сочетание централизованной энергосистемы и изолированных территорий, необходим дифференцированный подход к стимулированию ВИЭ, учитывающий специфику каждой зоны. Мировой опыт (например, Energiewende в Германии или RPS в США) показывает, что без адаптивного регулирования интеграция ВИЭ может привести к существенным нагрузкам на традиционную инфраструктуру и искажению рыночных сигналов».

Второй вызов – цифровизация, которая открывает возможности для оптимизации сетей, внедрения умных счётчиков и платформ управления спросом, но одновременно повышает риски кибератак и требует законодательства в области кибербезопасности критической инфраструктуры, стандартов защиты данных и процедур реагирования на инциденты. Вопросы кибербезопасности критической инфраструктуры, как подчеркивают специалисты в области информационного права, становятся ключевыми для энергетического сектора, требуя адекватного законодательного обеспечения и технических стандартов [3, с. 6]. Регулятору необходимо сочетать стимулы к цифровым инвестициям с жесткими требованиями к безопасности и совместимостью технологий.

Третий вызов – инвестиционная предсказуемость и механизм распределения рисков. Российский рынок склонен к высокой доле долгосрочных контрактов и государственно поддерживаемых проектов; при этом частные инвесторы требуют прозрачности правил аукционов, гарантий долгосрочной загрузки мощностей и механизмов защиты от регуляторных рисков. Практика с ДПМ показала, что сочетание конкурентных аукционов и ясных критериев отбора повышает эффективность, но требует усиленного контроля исполнения обязательств и гибкости при изменении внешних экономических условий. Кологерманская Е.М. отмечает, что прозрачность правил игры и минимизация дискреционности регулятора критически важны для привлечения долгосрочных капиталов.

Четвертый вызов – социальная устойчивость реформ. Любые изменения тарифной политики и перераспределение затрат между потребителями (например, при финансировании модернизации сетей или мер субсидирования ВИЭ) должны сопровождаться механизмами

социальной защиты малообеспеченных слоев населения. Для российского регулятора важно сочетать технические и экономические цели с учетом социальной инертности и региональных различий в платежеспособности, чтобы не допустить роста энергетической бедности.

Пятый вызов – внешнеполитические и технологические риски. Ограничения на ввоз оборудования, зависимость от зарубежных компонентов для ключевых технологий (солнечные панели, инверторы, батареи) и геополитические факторы влияют на цепочки поставок и ценообразование проектов. Стратегическая задача российского регулирования – стимулировать локализацию производства, диверсифицировать импортеров и поддерживать НИОКР в критических областях для повышения технологического суверенитета.

В ответ на перечисленные вызовы российская регуляторная политика должна развиваться в следующих направлениях. Необходимо усилить гибридный характер модели: сохранять рыночные сигналы там, где они эффективны, и одновременно применять долгосрочные контракты и механизмы обеспечения мощности там, где рынок не дает инвестиционных стимулов. Разработка и внедрение рынков гибкости, услуг системной стабилизации и правил для систем накопления энергии – приоритет для обеспечения надежности с учетом высокой доли ВИЭ. Регулятор должен обеспечить ясные, предсказуемые правила проведения аукционов и исполнения ДПМ, прозрачные критерии отбора и санкций за неисполнение, что снизит стоимость капитала для инвесторов. В области цифровой трансформации следует сочетать стимулы к модернизации (тарифные стимулы, совместное финансирование пилотов) с жестким регулированием кибербезопасности и обязанностями по взаимодействию операторов при инцидентах. Социальная политика должна включать механизмы целевой поддержки и тарификацию, учитывающую региональную специфику и В современном российском научном и деловом сообществе существует консенсус относительно того, что правовое регулирование не должно ограничиваться лишь совокупностью отраслевых норм. Оно должно быть органично увязано с целями промышленной, технологической и социальной политики государства. Работы российских специалистов в области юриспруденции и отраслевого анализа, касающиеся, в частности, энергетического права, вопросов административной ответственности и сферы естественных монополий, указывают на значимость следующих элементов: устойчивость регулирующих органов (подразумевающая их независимость при сохранении подотчетности), эффективность и прозрачность процедурного регулирования (включая публичность и мотивированность принимаемых решений), а также поддержание регулярного диалога с представителями бизнеса и общественностью при разработке долгосрочных стратегических планов.. В этом контексте Ю.А. Тихомиров неоднократно отмечал важность качественной процедурной регламентации и открытости государственного управления как гаранта легитимности и эффективности принимаемых решений.

В заключение, государственное регулирование энергетического сектора России претерпевает эволюцию от централизованной монопольной модели к гибридной архитектуре, где рынок и государство действуют как взаимодополняющие механизмы. Перед регулятором стоит задача обеспечить одновременно надёжность, инвестиционную привлекательность, технологическую суверенность и социальную справедливость – и для ее решения необходима сочетанная правовая стратегия, основанная на российской специфике, адаптированная с учетом международного опыта, и обоснованная научными исследованиями и экспертизой отечественных правоведов и отраслевых аналитиков. Путь к устойчивому развитию российского энергетического сектора лежит через дальнейшее совершенствование правовых механизмов, способных гибко реагировать на изменяющиеся внутренние и внешние вызовы.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ "Об электроэнергетике" // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 марта 2003 г. № 13 ст. 1177
2. Постановление Правительства РФ от 28 мая 2013 г. № 449 "О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке

электрической энергии и мощности" // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 июня 2013 г. № 23 ст. 2909

3. Городов О.А. Цифровое правоотношение: видовая принадлежность и содержание // Право и цифровая экономика. 2019. № 3. С. 5–10.

4. Кологерманская Е.М. Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в Российской Федерации и зарубежных государствах. Дис. ... к.ю.н. М., 2020.

5. Романова В.В. Энергетическое право. Учебник для подготовки кадров высшей квалификации. М.: Издательская группа «Юрист», 2021. С. 13–15.

6. Тихомиров Ю.А. Публичное право. Учебник. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 496 с.

Кирносенко Диана Игоревна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Аниканова Анастасия Олеговна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ СТ. 245 УК РФ

***Аннотация.** Научная статья посвящена вопросам квалификации жестокого обращения с животными согласно статье 245 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор рассматривает объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону преступления, выделяя ключевые моменты, влияющие на правильное установление признаков состава преступления. Особое внимание уделено квалифицирующим признакам, таким как групповые действия, использование садистских методов и публичное распространение информации о факте жестокого обращения. Статья направлена на повышение уровня понимания правовых аспектов, связанных с защитой животных, и способствует улучшению правоприменительной практики.*

***Ключевые слова:** жестокое обращение с животными, Уголовный кодекс РФ, квалификация преступления, объект преступления, объективная сторона, субъективная сторона, субъект преступления.*

Статья 245 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает ответственность за жестокое обращение с животными [1]. Однако, как свидетельствует анализ следственно-судебной практики, существуют проблемы, связанные с квалификацией преступлений, предусмотренных данной статьей.

Объектом жестокого обращения с животными являются общественные отношения в сфере обращения с животными, в качестве факультативного дополнительного объекта могут выступать благоприятные условия нравственного развития несовершеннолетних (применительно к п.«б» ч.2 ст.245 УК РФ). Животные являются предметом указанного преступления.

Животные являются объектом правового регулирования, однако их статус отличается от статуса человека. Это создает определенные трудности при квалификации преступлений. Например, необходимо учитывать специфику поведения животного, его физиологические и психологические особенности [2, с.11]. В теории уголовного права дискуссионным является вопрос о том, что следует понимать под животными по смыслу ст.245 УК РФ. Следует ли относить к ним только высших позвоночных – млекопитающих и птиц, а рыбных, земноводных, пресмыкающихся, беспозвоночных – нет [6]. На наш взгляд, наиболее оптимальной является первая точка зрения, так как только высшие позвоночные – млекопитающие или птицы способны испытывать эмоции и физические страдания. При этом

необходимо иметь ввиду, что уголовно-правовой защите ст.245 УК РФ подлежат как животные, являющиеся предметом гражданского оборота, т.е. домашние, сельскохозяйственные, добытые при охоте и т.д., так и дикие животные в состоянии естественной свободы или содержащиеся в условиях неволи.

Объективная сторона состава преступления включает в себя деяния, направленные на причинение боли и страданий животным либо их гибель. К таким действиям относятся [3, с.571]:

1. избиение,
2. нанесение ранений,
3. отравление,
4. лишение пищи и воды,
5. содержание в условиях, создающих угрозу здоровью и жизни.

Однако важно отметить, что не каждое действие, направленное против животного, образует состав преступления. Необходимо установить наличие признаков жестокости, выраженных в особой форме насилия или пренебрежительного отношения к животному.

Одной из проблем является определение момента окончания преступления. Согласно закону, преступление считается оконченным с момента наступления последствий (гибели животного). Однако нередко возникают ситуации, когда последствия наступают спустя некоторое время после совершения действий, направленных на причинение вреда животному. В таком случае возникает вопрос о том, считать ли преступление оконченным или продолжаемым.

Кроме того, существует проблема установления причинной связи между действиями обвиняемого и последствиями. Если животное погибло вследствие естественных причин, но ранее подвергалось жестокому обращению, может возникнуть сложность в доказывании вины лица, совершившего жестокость.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает характер своих действий и желает наступления негативных последствий для животного. Вместе с тем, возможны случаи косвенного умысла, когда лицо допускает наступление вредных последствий, хотя и не стремится к ним непосредственно [4, с.5].

Как правило, проблемы возникают при установлении мотивов преступления. Часто мотивы связаны с хулиганскими намерениями, корыстью или личной неприязнью к владельцу животного. Сложность заключается в том, что мотивы могут быть скрытыми, и их установление требует тщательного анализа обстоятельств дела.

Субъектом преступления выступает физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. Для привлечения к ответственности не имеет значения, кем именно было совершено деяние – владельцем животного, посторонним лицом или членом семьи владельца. Особое внимание заслуживает квалификация преступлений, совершенных лицами, имеющими специальные обязанности по отношению к животным (например, ветеринары, работники приютов).

Ст. 245 УК РФ предусматривает ряд квалифицирующих признаков, среди которых:

1. совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой,
2. в присутствии малолетнего,
3. совершение преступления с применением садистских методов,
4. публичное распространение информации о жестоком обращении с животными [1].

Эти признаки существенно влияют на квалификацию преступления и назначение наказания.

Так, например, применение садистских методов предполагает особую жестокость и цинизм, что должно учитываться судом при вынесении приговора. Распространение информации о преступлении также рассматривается как отягчающее обстоятельство, способствующее росту общественного возмущения и привлечению внимания к проблеме защиты животных.

Изложенное позволяет нам сделать несколько ключевых выводов и предложений, направленных на улучшение качества правоприменительной практики и защиту животных от жестокого обращения.

Так, по нашему мнению:

1. *Существует необходимость комплексного подхода.* А именно, процесс квалификации преступлений, связанных с жестокостью по отношению к животным, требует всестороннего анализа всех элементов состава преступления, включая объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Важно учитывать не только фактический ущерб, причиненный животному, но и обстоятельства, при которых были совершены противоправные действия.

2. *Определение границ уголовной ответственности.* Необходимо чётко определить границы уголовной ответственности за жестокое обращение с животными, исключив возможность произвольного толкования отдельных положений статьи 245 УК РФ. Особенное внимание следует уделить установлению формальных критериев для признания жестокими тех или иных действий.

3. *Обеспечение доказательственной базы.* Важнейшим условием успешного расследования преступлений является сбор и фиксация убедительных доказательств. Следует разработать конкретные методики фиксации состояния животных, применяемые средства видеозаписи и фотографии, чтобы исключить сомнения относительно тяжести правонарушений.

4. *Повышение информированности населения.* Большинство граждан недостаточно осведомлены о нормах закона, регулирующего отношение к животным. Необходима систематическая работа по повышению уровня правовой грамотности населения посредством образовательных мероприятий, просветительских кампаний и общественных инициатив.

5. *Укрепление системы контроля и надзора.* Органы правопорядка и ветеринарные службы должны активно взаимодействовать друг с другом, обеспечивая своевременное выявление фактов жестокого обращения и принятие мер реагирования. Целесообразно создать специализированные подразделения полиции и прокуратуры, занимающиеся исключительно делами о нарушении прав животных.

На наш взгляд, наиболее оптимальными стали бы следующие предложения по совершенствованию законодательства в сфере борьбы с жестоким обращением с животными [5, с.46]:

1. *Детализация состава преступления:* Рекомендуется внести изменения в статью 245 УК РФ, уточняющие понятие жестокого обращения, раскрывающие содержание квалифицирующих признаков и предусматривающие дифференцированную ответственность в зависимости от характера правонарушения.

2. *Установление дополнительного наказания:* Помимо штрафа и лишения свободы, целесообразно предусмотреть дополнительные меры воздействия, такие как обязательные общественно полезные работы, запреты на владение животными, компенсационные выплаты потерпевшим владельцам животных.

3. *Расширение сферы уголовной ответственности:* Рассматривается целесообразность введения уголовной ответственности за организацию зрелищных мероприятий, включающих жестокое обращение с животными, торговлю дикими животными и использование запрещённых препаратов для тренировок спортивных лошадей.

4. *Создание специализированных служб по защите животных:* Создание региональных центров мониторинга и оперативного реагирования на факты жестокого обращения станет важным инструментом профилактики правонарушений.

Несмотря на существующие проблемы, законодательство постепенно развивается в направлении ужесточения наказаний за жестокое обращение с животными. Ожидается дальнейшая детализация юридических конструкций и разработка нормативных актов, регламентирующих деятельность государственных органов по контролю за соблюдением требований законодательства.

Следовательно, усилия государства и гражданского общества направлены на формирование эффективной системы противодействия жестокому обращению с животными, что согласуется с общемировыми тенденциями гуманизации общества и защиты окружающей среды.

Таким образом, квалификация преступлений, предусмотренных ст. 245 УК РФ, представляет собой сложный процесс, требующий учета множества факторов. Правильное

понимание особенностей объекта, объективной и субъективной сторон преступления, а также учет квалифицирующих признаков позволяет обеспечить справедливое привлечение виновных лиц к ответственности и защитить права животных.

Данная статья была подготовлена на основании глубокого изучения судебной практики и теоретического материала. Она предназначена для юристов, сотрудников правоохранительных органов и всех интересующихся проблемами уголовного права и защиты животных.

Список используемых источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
2. Богатова, Е.В. Предупреждение жестокого обращения с животными: монография / Е.В. Богатова. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2012. – 110 с.
3. МIRONЧИК, А.С. Проблемы определения предмета преступления, предусмотренного статьей 245 УК РФ / А.С. МIRONЧИК, Е.В. ГЕВЕЛЬ // Молодой ученый. – 2023. – № 20 (467). – С. 570-572.
4. Семенов, К.П. Животные как предмет и средство преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К.П. Семенов. – СПб., 2016. – 23 с.
5. Семенов, К.П. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного статьей 245 Уголовного кодекса Российской Федерации / К. П. Семенов // Мир юридической науки. – 2016. – № 3. – С. 45-51.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4т. Особенная часть. Раздел IX. (постатейный). Т.3 / отв.ред. В.М.Лебедев. М.: Юрайт, 2017 // СПС «Консультант Плюс»; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). Т.2. 2-е изд. / под ред. А.В.Бриллиантова. М.: Проспект, 2015 // СПС «Консультант Плюс»; Кобзева Е.В. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: учебное пособие. М., 2014. С.154; Уголовный закон в практике мирового судьи: науч.-практ. пособие / под ред. А.В.Галахвой. М., 2005. С.435.

Козин Евгений Андреевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Насонова Анастасия Игоревна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Аннотация.** В данной статье проводится комплексный анализ ключевых проблем, возникающих на пути расследования экологических преступлений в Российской Федерации. Рассматриваются специфика данного вида преступлений, трудности на стадии возбуждения уголовного дела, проведения следственных действий, доказывания и квалификации. Особое внимание уделяется межведомственному взаимодействию, использованию специальных познаний и роли судебной экспертизы. На основе проведенного анализа предлагаются возможные пути совершенствования деятельности правоохранительных и природоохранных органов.*

***Ключевые слова:** экологические преступления, расследование преступлений, проблемы расследования, уголовная ответственность, экологический вред, латентность преступлений, доказывание, судебная экспертиза, межведомственное взаимодействие, возбуждение уголовного дела, следственные действия, квалификация преступлений, национальная безопасность, окружающая среда.*

Экологические преступления представляют собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности, устойчивому развитию и здоровью населения России. Их особая общественная опасность заключается в том, что они посягают на фундаментальные основы жизнедеятельности, гарантированные Конституцией Российской Федерации [1]. Последствия таких преступлений часто носят необратимый или трудноустраняемый характер, а их вред проявляется с течением времени, затрагивая будущие поколения.

Несмотря на ужесточение уголовной ответственности за совершение экологических преступлений (глава 26 Уголовного кодекса РФ (УК РФ)) [2], их латентность остается крайне высокой. По оценкам экспертов, регистрируется лишь незначительная часть от реально совершаемых деяний. Это свидетельствует о наличии системных проблем в процессе их выявления, раскрытия и расследования. Эффективное противодействие экологической преступности невозможно без глубокого понимания и устранения этих проблем, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Целью статьи является выявление и всесторонний анализ проблем расследования экологических преступлений, а также формулирование предложений по оптимизации данного процесса.

Преступления в сфере экологии обладают рядом особенностей, которые напрямую влияют на методику их расследования и создают существенные препятствия для правоохранительных органов.

Латентность и отсроченность последствий. В отличие от традиционных преступлений, результат экологического правонарушения (например, загрязнение водоема токсичными отходами или накопленный вред от выбросов в атмосферу) может проявиться спустя месяцы или даже годы. Это затрудняет установление причинно-следственной связи между действием (бездействием) виновного лица и наступившими вредными последствиями [3].

Сложность доказывания размера вреда. Квалификация многих экологических преступлений напрямую зависит от размера причиненного вреда (значительный, крупный, особо крупный). Его исчисление регулируется специальными методиками, утвержденными Министерством природных ресурсов и экологии РФ [4]. Однако эти методики зачастую носят оценочный характер, требуют сложных расчетов и могут оспариваться стороной защиты.

Переплетение административной и уголовной ответственности. Многие составы преступлений сконструированы по принципу «невыполнение обязанностей», когда уголовная ответственность наступает после привлечения к административной. Например, ст. 247 УК РФ («Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов») часто вменяется при повторном нарушении правил, за которые уже было применено административное наказание по ст. 8.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [5]. Это требует от следователя тщательной проверки всего административного производства в отношении субъекта.

Коллективный и корпоративный характер. Большинство серьезных экологических преступлений совершается не отдельными лицами, а в рамках деятельности хозяйствующих субъектов. Установление конкретного виновного лица в рамках сложной корпоративной структуры представляет значительную трудность.

Стадия возбуждения уголовного дела является критически важной и одновременно наиболее уязвимой в цепи расследования экологических преступлений.

Источниками информации о преступлении часто являются не правоохранительные органы, а специализированные надзорные структуры (Росприроднадзор, Роспотребнадзор, Росгидромет), а также общественность и СМИ. Однако механизм передачи материалов из этих органов в следственные подразделения работает неэффективно. Материалы проверок, проводимых Росприроднадзором, часто носят формальный характер и не содержат достаточных данных для возбуждения уголовного дела, отсылая следователя к необходимости проведения дополнительных проверочных мероприятий [6].

Органы предварительного расследования зачастую злоупотребляют возможностью отказа в возбуждении уголовного дела по формальным основаниям, предусмотренным ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) [7]. Например, отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, может быть истолковано чрезмерно широко, особенно в ситуациях, когда для установления таких данных требуются сложные и длительные экспертные исследования.

После возбуждения уголовного дела следователь сталкивается с комплексом проблем процессуального и тактического характера.

Место происшествия при экологическом преступлении (например, несанкционированная свалка, место сброса сточных вод, участок леса) часто имеет большую площадь и труднодоступно. Стандартные методы фиксации (фотосъемка, видеозапись) могут быть недостаточны. Для качественного осмотра необходимы:

1. Привлечение специалистов-экологов, которые могут идентифицировать источник загрязнения и правильно отобрать пробы.
2. Использование специального оборудования (газоанализаторы, GPS-навигаторы для точной привязки к местности).

Отсутствие такого оснащения в штате следственных подразделений приводит к некачественному сбору вещественных доказательств.

Судебная экспертиза является краеугольным камнем доказывания по делам данной категории. Однако здесь возникает несколько системных проблем:

Дефицит экспертных учреждений. Не каждый регион имеет аккредитованные лаборатории и экспертные организации, способные проводить сложные экологические исследования (например, эколого-токсикологические, генетические, радиологические). Это приводит к длительным срокам проведения экспертиз.

Некорректно сформулированные вопросы эксперту. Следователи, не обладая глубокими познаниями в экологии, часто ставят перед экспертом вопросы правового характера (например, «является ли сброс загрязняющих веществ преступлением?»), что не входит в компетенцию эксперта. Вопросы должны носить сугубо специальный, диагностический и классификационный характер.

Противоречивость заключений экспертов. Сторона защиты часто заказывает альтернативную экспертизу, выводы которой могут кардинально расходиться с заключением государственной. Разрешение таких противоречий требует назначения повторной или комиссионной экспертизы, что еще больше затягивает процесс расследования.

Как уже отмечалось, экологические преступления часто совершаются юридическими лицами. К уголовной ответственности привлекаются физические лица – руководители и иные ответственные сотрудники. Сложность заключается в доказывании их вины, особенно в форме умысла. Чаще всего преступление совершается по неосторожности, в виде небрежного отношения к своим должностным обязанностям. Чтобы доказать это, следователю необходимо тщательно изучить должностные инструкции, приказы, внутренние регламенты предприятия, что требует проведения сложных и трудоемких документальных проверок и выемок.

Расследование экологического преступления требует консолидированных усилий следственного органа (Следственного комитета РФ или МВД России), органов экологического надзора (Росприроднадзора) и иных контролирующих структур. На практике такое взаимодействие часто носит эпизодический и формальный характер. Отсутствует единая межведомственная информационная система, которая оперативно аккумулировала бы данные о состоянии окружающей среды, результатах проверок и проводимых расследованиях.

Следователю необходимо точно квалифицировать деяние, разграничивая смежные составы преступлений. Например, загрязнение водного объекта может подпадать под ст. 250 УК РФ («Загрязнение вод»), но если оно сопряжено с нарушением правил обращения с отходами, то может квалифицироваться и по ст. 247 УК РФ. Неправильная квалификация на раннем этапе может привести к тому, что собранные доказательства окажутся непригодными для поддержания обвинения в суде.

Совокупность перечисленных проблем – необходимость проведения сложных экспертиз, масштабные следственные действия, трудности межведомственного взаимодействия – приводит к тому, что сроки расследования по делам об экологических преступлениях систематически превышаются, а производство приостанавливается на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого). Это подрывает эффективность всего уголовного преследования.

Для преодоления обозначенных проблем необходим комплексный подход, включающий законодательные, организационные и методические меры.

- Совершенствование законодательства.
- Упрощение процедуры возбуждения уголовных дел по «прямым» составам, связанным с фактом загрязнения, без обязательного предварительного административного преследования.
- Более детальная регламентация в УПК РФ особенностей производства по делам об экологических преступлениях (например, специальные правила осмотра места происшествия, отбора проб).
- Организационные меры.
- Создание специализированных следственно-оперативных групп в структуре Следственного комитета РФ и МВД России, укомплектованных следователями, дознавателями и специалистами-экологами.

- Развитие сети судебно-экспертных учреждений экологического профиля, в том числе на базе ведущих научно-исследовательских институтов.
- Внедрение цифровых технологий: использование данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) для мониторинга изменений окружающей среды, создание государственной геоинформационной системы, аккумулирующей экологические данные.
- Методические и кадровые меры.
 - а. Разработка и внедрение подробных методических рекомендаций для следователей и дознавателей по расследованию конкретных видов экологических преступлений.
 - б. Повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в области экологического права и криминалистики.
 - в. Активное привлечение общественности и экологических организаций в качестве источников информации, с обеспечением их защиты в соответствии с Федеральным законом "О защите лиц, содействующих уголовному судопроизводству".

Расследование экологических преступлений в России продолжает оставаться крайне сложной и малоэффективной сферой уголовного судопроизводства. Системные проблемы, корнящиеся в специфике самих преступлений, несовершенстве законодательства, слабости материально-технической базы и недостатке межведомственной координации, приводят к высокой латентности и низкому проценту реального осуждения виновных.

Преодоление этих проблем требует не разрозненных усилий, а последовательной и целенаправленной государственной политики, направленной на укрепление природоохранного блока правоохранительной системы, внедрение современных технологий и повышение профессиональных компетенций всех участников процесса. Только так можно обеспечить реализацию конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду и неотвратимость ответственности за ее нарушение.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Статья 42: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024). Глава 26: «Экологические преступления».
3. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 31.07.2023). Статья 77 определяет общие принципы возмещения вреда, причиненного окружающей среде.
4. Приказ Минприроды России от 13.04.2009 № 87 (ред. от 21.07.2020) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства».
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2024). Статья 8.2: «Несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления...».
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования нормирования в области охраны окружающей среды и введения мер экономического стимулирования хозяйствующих субъектов для внедрения наилучших технологий: Федеральный закон от 21.07.2014 № 219-ФЗ (ред. от 02.07.2021). Данный закон регламентирует порядок государственного экологического надзора.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2024). Статья 24: «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела».
8. О защите лиц, содействующих уголовному судопроизводству: Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 29.07.2018).

Козлова Дарья Андреевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета
(Белгород, Россия)

Фотеева Екатерина Евгеньевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Лукиянчикова Елена Федоровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ХИЩЕНИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ

***Аннотация.** Статья посвящена актуальным проблемам уголовно-правовой квалификации и расследования хищений электроэнергии. В условиях отсутствия в Уголовном кодексе РФ специального состава преступления правоприменительная практика сталкивается со значительными сложностями, связанными с доказыванием и правильной юридической оценкой деяния. В работе анализируется применение ст. 165 УК РФ («Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием») как основной нормы при квалификации данных деяний, а также рассматриваются типичные способы хищения, включая высокотехнологичные, такие как использование средств для вывода счетчиков из строя и хищения для майнинга криптовалют.*

***Ключевые слова:** хищение электроэнергии, недоказанность, доказывание, судебная практика, причинение имущественного ущерба, правовой пробел, бездоговорное и безучетное потребление.*

Ключевой проблемой при квалификации хищения электроэнергии является исторически сложившаяся дискуссия о правовой природе электроэнергии как предмета преступления. В отличие от традиционных форм имущества, электроэнергия обладает особыми физическими свойствами – она не обладает вещественной формой, процесс ее производства и потребления совпадает во времени, а ее накопление и хранение в значительных объемах затруднено. Эти объективные характеристики долгое время служили основным аргументом против признания электроэнергии предметом хищения в классическом понимании, что создавало правовой пробел. Исторический анализ российского законодательства показывает, что еще в дореволюционный период юристы обсуждали эту дилемму, а Уголовное уложение 1901 года содержало специальную норму, предусматривающую ответственность за самовольное использование электроэнергии. В советский период, несмотря на отсутствие прямого указания в уголовном законе, судебная практика выработала подход к квалификации завладения электроэнергией как имущественного преступления. Сравнительно-правовой анализ демонстрирует различные подходы в зарубежных правовых системах: в уголовном законодательстве Германии и Австрии электроэнергия прямо названа в числе предметов хищения, тогда как в некоторых

странах общего права ее незаконное потребление рассматривается как отдельное преступление против собственности. Этот историко-правовой контекст важен для понимания современной ситуации в российском праве, где законодатель, исключив упоминание об электроэнергии из статьи 158 УК РФ, фактически создал правовую неопределенность, разрешаемую на практике через применение статьи 165 УК РФ, что нельзя признать оптимальным решением, учитывая принцип строгого толкования уголовного закона и необходимость единообразного подхода к квалификации. [1]

В современной российской правовой системе хищение электроэнергии не квалифицируется как одно из классических преступлений против собственности, как кража и мошенничество, а подпадает под действие статьи 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием». Такой законодательный подход обусловлен особой правовой природой электроэнергии, которая, по сути, не признается «имуществом» или «вещью» в контексте уголовного закона о хищениях, поскольку ее невозможно физически изъять и обратить в свою пользу, как материальный объект. Объективная сторона преступления заключается именно в причинении имущественного ущерба собственнику, а не в хищении как таковом. Для привлечения к уголовной ответственности по ст. 165 УК РФ ключевое значение имеет размер причиненного ущерба. В соответствии с примечанием к статье, крупным размером признается ущерб, превышающий 1 миллион рублей, а особо крупным – 4 миллиона рублей. Санкции по данной статье весьма существенны: максимальное наказание за совершение деяния в особо крупном размере может достигать лишения свободы на срок до пяти лет со штрафом. [2]

В Уголовном кодексе РФ отсутствует специальный состав преступления, прямо предусматривающий ответственность за хищение электроэнергии, создающий правовой пробел и являющийся предметом дискуссии среди юристов и законодателей. На практике это приводит к тому, что сложные случаи незаконного потребления энергии приходится «подгонять» под состав ст. 165, что не всегда является идеальным решением. В научной и профессиональной среде высказываются предложения о целесообразности введения в УК РФ специальной нормы, которая бы прямо устанавливала уголовную ответственность за хищение электроэнергии путем ее самовольного использования без приборов учета или самовольного подключения к электрическим сетям. Сторонники этой идеи предполагают, что такая мера позволила бы унифицировать судебную практику, устранить существующие трудности квалификации и повысить эффективность противодействия этому виду преступлений. [3]

Современные способы хищения электроэнергии отличаются значительным разнообразием и оказывают непосредственное влияние на юридическую квалификацию деяния. Традиционно все методы незаконного потребления разделяются на две основные категории: «бездоговорное» и «безучетное» потребление. Бездоговорное потребление представляет собой самовольное подключение к электрическим сетям энергоснабжающей организации без заключения соответствующего договора. Этот способ является наиболее очевидным и легко доказуемым, поскольку факт несанкционированного подключения может быть зафиксирован при визуальном осмотре электроустановки, однако в квалификации таких действий существует важный нюанс: поскольку электроэнергия не изымается, а потребляется, состав преступления формируется только в момент фактического незаконного использования ресурса. [4]

Более сложными с точки зрения доказывания являются способы безучетного потребления, связанные с вмешательством в работу приборов учета. К ним относится использование постоянных магнитов для воздействия на индукционные счетчики, применение специальных схем для отмотки показаний, установка электронных устройств для остановки счетчиков, а также использование так называемых «импульсных пушек» – генераторов электромагнитного импульса, способных выводить из строя современные электронные приборы учета. Каждый из этих способов требует различных подходов к доказыванию и назначения различных видов экспертиз. Например, факт применения магнитов может быть обнаружен при помощи специальных индикаторов, а использование «импульсных пушек» требует сложной электротехнической экспертизы и анализа повреждений микросхем прибора учета.

Отдельным способом хищения является представление заведомо ложных сведений о показаниях счетчиков, когда потребитель регулярно передает в энергоснабжающую организацию заниженные данные о фактическом потреблении. Такой способ может квалифицироваться как обман или злоупотребление доверием в рамках статьи 165 УК РФ, особенно если потребитель имеет договорные отношения с энергокомпанией и пользуется ее доверием.

Особого внимания заслуживает хищение электроэнергии для целей майнинга криптовалют как новый технологичный способ. Майнинговые фермы потребляют значительные объемы электроэнергии круглосуточно, что быстро приводит к накоплению крупного ущерба. Специфика этого способа заключается в том, что владельцы майнингового оборудования часто используют изощренные методы безучетного потребления, маскируя факт хищения под легальную деятельность. При расследовании таких дел требуется не только электротехническая экспертиза, но и компьютерно-техническая экспертиза оборудования, а также привлечение специалистов в области криптовалют для расчета реальных объемов потребления.

Выбор конкретного способа хищения непосредственно влияет на квалификацию, поскольку определяет, какой именно метод обмана или злоупотребления доверием был использован виновным, что имеет ключевое значение для правильного применения статьи 165 УК РФ.

Первоначальный этап расследования хищений электроэнергии сопряжен с рядом специфических трудностей, которые могут предопределить дальнейшее направление расследования. Одной из ключевых проблем является работа с материалами проверок, проводимых энергоснабжающими компаниями. Эти материалы, включая акты о бездоговорном или безучетном потреблении, часто служат поводом для возбуждения уголовного дела. Однако на практике они не всегда соответствуют стандартам, предъявляемым к доказательствам в уголовном процессе. Например, в судебной практике отмечаются случаи, когда акты проверок, составленные с процессуальными нарушениями, например, без необходимых подписей, признавались ненадлежащими доказательствами. [5] Это требует от следователя тщательной процессуальной проверки и преобразования таких материалов в допустимые доказательства, что нередко требует проведение дополнительных следственных действий.

Существенную сложность представляет осмотр места происшествия, направленный на фиксацию состояния приборов учета и электрических соединений. Многие современные способы хищения, такие как использование мощных магнитов или «импульсных пушек» для вывода счетчиков из строя, не оставляют видимых следов вмешательства, что делает осмотр малоэффективным без привлечения специалистов-энергетиков со специальным оборудованием, способным выявить, например, факт наличия скрытой проводки. При изъятии такого оборудования, как майнинг-фермы, дополнительно возникает задача его последующей экспертной оценки для установления связи между его работой и объемом незаконно потребленной энергии.

Центральной задачей на данном этапе является определение круга подлежащих доказыванию обстоятельств. Во-первых, необходимо достоверно установить факт безучетного или бездоговорного потребления, что требует не только фиксации технических нарушений, но и их однозначной интерпретации как умышленных действий, направленных на хищение. Во-вторых, критически важным и одновременно сложным является доказывание размера причиненного ущерба. Расчет объема незаконно потребленной энергии и ее стоимости часто носит расчетный характер и может быть оспорен защитой, особенно если он основан не на прямых измерениях, а на косвенных данных и нормативах. В-третьих, серьезной проблемой остается выявление умысла и цели виновного лица. Следовательно необходимо доказать, что обвиняемый действовал умышленно с целью хищения, а не в силу, например, незнания или халатности, что требует исследования его субъективного отношения к содеянному.

В связи с технической сложностью предмета доказывания, назначение и производство судебных экспертиз становится едва ли не основным средством доказывания по делам данной категории.

Электротехническая экспертиза назначается для установления факта и способа вмешательства в работу прибора учета. Она призвана ответить на вопросы о том, имеются ли

в счетчике признаки несанкционированного доступа, каким способом было осуществлено вмешательство (механическое, с помощью магнита, электромагнитного импульса и т.д.) и как оно повлияло на корректность его показаний. [6]

Бухгалтерская и экономическая экспертиза необходима для точного расчета объема незаконно потребленной энергии и размера материального ущерба. Однако, как справедливо отмечается в судебной практике, поверхностный подход к проведению таких экспертиз может стать основанием для их критики. Суды указывают на необходимость тщательного исследования первичных данных, включая объемы полезного отпуска и все расчетные документы. Неполнота экспертного исследования, когда, например, не проводится техническая экспертиза индивидуальных приборов учета, а выводы делаются лишь на основе бухгалтерских документов, активно используется защитой для оспаривания выводов следствия.

Заключительный этап предварительного следствия – оценка собранных доказательств и формулирование обвинения – также содержит ряд правовых коллизий.

Сложности в установлении умысла и субъективной стороны многократно возрастают в случаях, когда хищение совершается с использованием служебного положения. В масштабных схемах, подобной расследованной в Приморье, где хищение на сумму свыше 230 млн рублей было совершено должностными лицами сетевых и энергосбытовых компаний, доказывание преступного сговора и корыстной цели требует от следствия проведения сложного комплекса оперативных и следственных действий. [7]

Проблема оценки доказательств, основанных на предположениях, является ключевой при направлении дела в суд. Как показывает судебная практика, обвинение не может основываться на умозаключениях, которые не конкретизируют способ, время и обстоятельства совершения преступления. Например, если в заключении эксперта отсутствуют данные о конкретном аварийном режиме, приведшем к негативным последствиям, и выводы носят вероятностный характер, суд может отказать в удовлетворении исковых или обвинительных требований, ссылаясь на недоказанность причинно-следственной связи. [8]

В заключение следует констатировать, что хищение электроэнергии продолжает оставаться одним из наиболее сложных для квалификации и расследования преступлений в сфере экономики. Эта сложность обусловлена специфической природой электроэнергии как предмета преступления, многообразием и постоянным технологическим усложнением способов ее незаконного потребления, а также отсутствием в действующем Уголовном кодексе РФ специального состава, адекватно отражающего общественную опасность данного деяния. Проведенный анализ выявил ключевые проблемы, с которыми сталкивается правоприменитель: необходимость квалификации по статье 165 УК РФ, что не в полной мере соответствует сути хищения; значительные трудности в доказывании умысла и точного размера причиненного ущерба, особенно при использовании изощренных методов безучетного потребления; а также острую потребность в привлечении широкого спектра специальных знаний для комплексного исследования обстоятельств дела.

Список используемых источников:

1. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2020. С. 456.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «Консультант Плюс»
3. Есаков Г.А., Сверчков В.В. Уголовное право. Особенная часть: учебник. М.: Юрайт, 2023. С. 215.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». П. 12 // СПС «Консультант Плюс»
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2022). П. 15. // СПС «Консультант Плюс»

6. Назначение и производство судебных экспертиз по делам о хищении энергоресурсов: Методическое пособие / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: РИО РФЦСЭ, 2019. С. 56.

7. Приговор Приморского краевого суда от 15.12.2022 по делу № 2-125/2022 // СПС «Консультант Плюс»

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении дел о возмещении вреда, причиненного юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям незаконными действиями (бездействием) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов». П. 23. // СПС «Консультант Плюс».

Колесникова Виктория Евгеньевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемные аспекты законодательного регулирования надзорных полномочий прокуроров Российской Федерации, реализуемых с целью обеспечения законности пенсионных отношений. Автором анализируется правовая база данного направления прокурорской деятельности, выявляется его специфика, роль органов прокуратуры в защите прав граждан в сфере пенсионного обеспечения и наиболее проблемные аспекты практики прокурорского надзора в социальной сфере.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, прокурорская деятельность, пенсионное обеспечение, пенсионные права, Социальный фонд России.*

Актуальность исследования вопросов, связанных с проблемами прокурорского надзора за соблюдением пенсионных прав граждан в Российской Федерации, обусловливается эволюцией пенсионного законодательства, свидетельствующей о существовании потребности в совершенствовании механизмов правовой защиты соответствующих категорий граждан, в том числе, посредством повышения эффективности методов межведомственного взаимодействия и практической реализации иных инструментов.

Прокурорский надзор в указанной области представляет собой одну из функций отечественной прокуратуры, которая направлена на обеспечение законности в области социального обеспечения. Прокуратура является непосредственным гарантом практической реализации гражданами, достигшими пожилого возраста, права на достойный уровень жизни, которое находит свое непосредственное закрепление в тексте статьи 39 Конституции Российской Федерации [1]. С теоретической точки зрения, данная функция позволяет обеспечить соблюдение принципа единства надзора за исполнением законов, закрепленного в тексте Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и адаптированного к специфике сферы общественных отношений, связанных с социальным обеспечением пенсионеров необходимыми благами, как одной из наиболее приоритетных задач государства [4]. Нормативную основу пенсионного обеспечения, в свою очередь, составляют Федеральный закон от 15 декабря 2001 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [6] и Федеральный закон от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [5].

Учитывая положения обозначенных нормативно-правовых актов, можно сделать вывод, что прокурорский надзор, как одно из средств обеспечения законности в области пенсионных отношений, должен обладать комплексным характером и охватывать вопросы, связанные с назначением пенсии, их индексацией, выплатой и восстановлением прав, с акцентом на необходимость реализации дополнительных правозащитных гарантий в отношении наиболее уязвимых групп населения, например, инвалидов пенсионного возраста.

Роль прокуроров в обеспечении пенсионных прав граждан проявляется в использовании надзорных полномочий, которые позволяют создать условия для надлежащего исполнения предписаний действующего законодательства, а также включают возможность проведения прокурорских проверок, вынесения актов прокурорского реагирования и обращения в судебные инстанции с целью защиты прав конкретного гражданина или неопределенного круга лиц. Кроме того, прокуроры осуществляют надзор за деятельностью Социального фонда России и иных органов исполнительной власти, в ходе которого могут выявляться нарушения, являющиеся основанием для использования принудительных мер, направленных на их устранение в оперативном порядке, что позволяет минимизировать ущерб, причиняемый интересам пенсионеров [9, с. 96].

Особого внимания заслуживает право прокуроров на инициацию судебного производства в ситуации, если устанавливаются факты, свидетельствующие о единичном акте или системном нарушении прав граждан. Так, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в статье 45 закрепляет, что прокуроры обладают правом на обращение в суд с целью защиты интересов какого-либо гражданина или неопределенного круга лиц [2]. Например, в одном из дел в качестве истца выступал прокурор, который подал заявление в суд с целью защиты интересов гражданина А. Из материалов дела следует, что А. ранее проходил военную службу в рядах ВС СССР, однако, данное обстоятельство не было учтено при расчете его страхового стажа по причине того, что свою должностную деятельность он осуществлял не на территории РСФСР, а в пределах одной из союзных республик. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, по окончании оценки представленных прокурором доказательств, пришла к выводу о том, что действия Социального фонда России противоречат законодательству России, так как прохождение военной службы в соответствующий исторический период на территории республики, входящей в состав СССР, но не являющейся территориальной единицей РСФСР, не может рассматриваться в качестве отказа в пенсионных выплатах [7]. В другом деле прокурору удалось оспорить решение Социального фонда России об отказе в предоставлении пенсии гражданке Е., которое было мотивировано наличием ошибки в предоставленных документах. В ходе судебного разбирательства прокурор доказал, что наличие незначительных недостатков в документации не может рассматриваться в качестве основания для отказа, так как иными обстоятельствами подтверждается факт наличия достаточного для пенсионного обеспечения стажа [8].

Кодекс административного судопроизводства определяет правовой статус прокуроров в отдельной статье 39, которая также провозглашает право на подачу искового заявления [3]. В рамках административного процесса прокуроры обладают возможностью обжаловать нормативные правовые акты, противоречащие правам, свободам и законным интересам пенсионеров. Кроме того, роль обозначенных субъектов в данном виде судопроизводства усиливается наличием требования о предоставлении ими заключения по вопросам законности нормативно-правовых актов, за исключением случаев, когда дело было возбуждено по инициативе прокурора.

Несмотря на высокую роль деятельности прокуроров, на практике могут возникать некоторые проблемы, обусловленные недостатками действующего законодательства. В частности, на текущий момент времени отсутствуют нормативно-правовые акты, в которых надлежащим образом были бы определены механизмы координации деятельности и взаимодействия органов прокуратуры с Социальным фондом России. Подобный недостаток затрудняет получение доступа к информации, хранящейся в базах данных СФР России, что может сказываться на оперативности выявления нарушений, требующих прокурорского реагирования [10, с. 126].

Другая проблема заключается в том, что прокуроры обладают ограниченными по своему содержанию полномочиями, которые подлежат реализации в ходе досудебного надзора за соблюдением пенсионного законодательства. В частности, на текущий момент времени не предусматривается возможность принудительного приостановления незаконных актов СФР России, а равно выплат, которые осуществляются в соответствии с решением данного органа, что сказывается на оперативности прокурорского реагирования [12, с. 19].

Третья проблема обладает более общим характером, так как затрагивает вопросы, связанные с отсутствием мер юридической ответственности за нарушения в пенсионной сфере, что приводит к низкой эффективности профилактических мер, обусловленной безнаказанностью виновных субъектов, к числу которых относятся и должностные лица, на текущий момент времени претерпевающие только дисциплинарные взыскания или избегающие наказания вовсе [11, с. 515].

Таким образом, можно заключить, что прокуроры Российской Федерации являются ключевыми субъектами в области надзора за законностью в сфере пенсионного обеспечения,

реализующими широкую совокупность полномочий, позволяющих выявлять нарушения, предпринимать меры по их устранению и восстановлению легального порядка выплаты пенсий, их начисления, а также совершения иных действий со стороны уполномоченных органов государства. В то же время, несмотря на существование достаточно развитой нормативно-правовой базы, существуют проблемы, которые могут быть устранены посредством реализации следующих решений:

– разработка и внедрение в практическую деятельность унифицированных механизмов обмена информацией между органами прокуратуры Российской Федерации, Социальным фондом Российской Федерации и иными уполномоченными в области социального обеспечения субъектами;

– законодательное определение инструментов, обеспечивающих принудительное исполнение прокурорских требований о приостановлении пенсионных выплат или иных действий/актов до момента, пока не будет вынесено итоговое судебное решение;

– определение мер юридической ответственности для субъектов, ответственных за совершение нарушений пенсионного законодательства, к числу которых должны относиться и должностные лица Социального фонда России.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2009, 21 января; Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

4. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

5. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 51. Ст. 4831.

6. Федеральный закон от 28.12.2013 N 400-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О страховых пенсиях» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52. Ст. 6965.

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2020 года по делу № 16-КГ19-34 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/33731/> (дата обращения: 17.10.2025).

8. Решение Октябрьского районного суда ХМАО-Югры от 13 июня 2024 года по делу № 2-473/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 17.10.2025).

9. Афтахова А.В. Некоторые аспекты защиты пенсионных прав граждан // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 94-100.

10. Гришин Д.А., Алексеев Д.В. К вопросу о защите пенсионных прав граждан // В сборнике: Актуальные вопросы науки, общества и образования. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2025. С. 125-127.

11. Заиченко Д.С., Шуайпова, П.Г. Актуальные проблемы правового регулирования и защиты социальных прав граждан российской федерации // В сборнике: правовое образование. сборник научных трудов. всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). Ростов-на-Дону, 2021. С. 512-517.

12. Лиханов И.Е. Проблемы защиты пенсионных прав граждан // Диалог. 2025. № 14 (44). С. 18-20.

Колочко Евгений Сергеевич,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Переверзев Леонид Алексеевич,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Нестеренко Виктория Викторовна,
ассистент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

***Аннотация.** В статье проведен сравнительно-правовой анализ энергетического законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Авторами сделаны акценты на общем подходе к построению системы энергетического законодательства, а также в вопросах, связанных с импортом и экспортом энергетических ресурсов, регулированием возобновляемых источников энергии. Сформулирован вывод о наличии в китайской модели правового регулирования энергетической отрасли ряда достоинств, возможности их апробации в Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** энергетическое законодательство, Россия, Китай, энергетические ресурсы, энергетическая безопасность, «зеленая» энергетика, возобновляемые источники энергии.*

В условиях роста промышленного производства, появления новых экологических вызовов и иных глобальных обстоятельств сравнительно-правовой анализ энергетического законодательства отдельных государств имеет особую актуальность. При этом наибольший интерес в современных реалиях, по нашему мнению, представляют Российская Федерация и Китайская Народная Республика как страны, развивающие тесное сотрудничество и определяющие мировые тенденции в обороте энергетических ресурсов.

Следует начать с того, что регулирование энергетической отрасли в упомянутых странах базируется на нормах конституционного права, которыми, например, устанавливается государственная монополия на ключевые ресурсы, определяется приоритет обеспечения национальной безопасности [4, с. 261]. Тем не менее, касаясь специального законодательства, следует указать на имеющиеся различия, обусловленные особенностями национального развития и заключающиеся в степени централизации управления энергетическими ресурсами и интеграции энергетики с экономической политикой.

В Российской Федерации важную роль в правовом регулировании энергетической отрасли играют Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» и Федеральный закон от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах». Внимания заслуживает и распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2025 № 908-р, которым

утверждена Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 г. Примечательно, что данный подзаконный акт определяет основные стратегические приоритеты национальной энергетической политики, а именно:

- гарантированное обеспечение внутреннего рынка России необходимыми населению энергетическими ресурсами;
- реализация экспортного потенциала с ориентацией на технологический суверенитет и применение цифровых и иных современных технологий [2].

Энергетическое законодательство Китая, в свою очередь, характеризуется большей унифицированностью. Так, 1 января 2025 г. принят первый всеобъемлющий Закон об энергетике. Данная новелла направлена на урегулирование вопросов, относящихся к энергетическому планированию, реагированию на чрезвычайные ситуации, угрожающие национальной безопасности, развитию энергетики и использование рыночных систем для торговли ресурсами. Помимо этого, государство поставило перед собой амбициозную цель – обеспечить к 2060 г. углеродную нейтральность [7, с. 889]. Таким образом, обновление подхода к правовому регулированию позволило китайскому законодателю не только унифицировать энергетическое законодательство, но и включить в него элементы стратегического планирования, являющиеся своевременным ответом на глобальные климатические вызовы и иные проблемы, которые возникают в результате постоянного возрастания уровня потребления энергетических ресурсов [3, с. 73].

Ключевым различием, наш взгляд, предстает разность подходов к постановке стратегических целей. Если в Российской Федерации обновленная стратегия обладает более декларативным характером, то в Китае законодательно закреплены императивные нормы, которые требуют от органов государственного управления ежегодного мониторинга достигнутого прогресса. Подход Китая позволяет обеспечить системный контроль за развитием энергетической отрасли, что особенно важно для проектирования дальнейших задач, необходимых к решению для достижения установленных законодательно целей [9, с. 247].

Не менее важным является и вопрос, связанный с регулированием оборота газа, нефти и угля, которые остаются ключевыми драйверами товарооборота и, конечно, энергетической безопасности. Так, например, ранее упомянутый Федеральный закон «О недрах» устанавливает правило, в соответствии с которым государство наделяется монополией на лицензирование и недропользование, что способствует эффективному управлению экспортными поставками, составляющими существенную часть отечественной экономики. Значимым аспектом также является обеспечение экономической устойчивости в условиях санкций и внешнего давления, что достигается за счет использования гибких подходов, позволяющих переориентировать цепочки поставок на более надежных партнеров [6, с. 35].

В силу географических особенностей Китай, напротив, фокусируется на импорте энергетических ресурсов. Так, в стране законодательно установлены квоты на импорт, определен приоритет безопасности цепочек поставок, что позволяет обеспечивать государство достаточным количеством ресурсов в условиях невозможности удовлетворения текущего спроса только за счет внутренней добычи. Практика квотирования, которая предполагает использование инструментов государственного регулирования для установления количественных и стоимостных ограничений на ввозимые ресурсы, представляется достаточно интересной, поскольку позволяет сохранить стабильность рыночных цен, стимулирует национальных производителей к повышению показателей добычи энергетических ресурсов. Энергетическое право Китая ориентируется на баланс между импортом и внутренним производством, однако, создает условия для возникновения зависимости от внешних факторов, что, как уже было сказано, обусловлено естественными причинами [8, с. 478].

Еще одним актуальным вопросом является регулирование возобновляемых источников энергии. Так, Федеральный закон «Об электроэнергетике» включает в себя нормы, регламентирующие механизмы государственной поддержки таких способов добычи энергоресурсов, которые по большей части ограничиваются надбавкой на их стоимость в сравнении с оптовыми рыночными ценами [1]. Кроме того, регулирование данного вопроса

тесно связано с климатическим фактором, что выражается, например, в приоритете использования ветровой и солнечной электроэнергии в южных регионах России, где ее добыча является наиболее эффективной.

Законодательство Китая предполагает постановку долгосрочных целей, устанавливающих минимальные лимиты на долю возобновляемых источников энергии в общей энергетической системе государства (не менее 25 % к 2030 г.) [5, с. 145]. Также к этой части относятся меры государственной поддержки, выражающиеся в выплате субсидий и предоставлении «зеленых» сертификатов, стимулирующих к переходу на неископаемые источники, среди которых приоритетными являются ветровые и солнечные электростанции.

Таким образом, учитывая опыт Китайской Народной Республики, представляется возможным предложить адаптировать его к реалиям Российской Федерации посредством заимствования практики унификации энергетического законодательства. Специфика отечественного опыта заключается в использовании значительного числа нормативных правовых актов, регламентирующих различные аспекты энергетической отрасли, тогда как принятие всеобъемлющего закона или энергетического кодекса могло бы позволить обеспечить единообразие. Кроме того, заимствованию также может подлежать опыт квотирования, который обладает перспективами для Российской Федерации, однако, в области экспорта. В завершение нельзя не отметить и достоинство китайской модели, выражающееся в правовом закреплении широкой совокупности мер поддержки «зеленой» энергетики, выступающих реальными стимулами к развитию возобновляемых источников энергии.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 марта 2003 г. № 13. Ст. 1177.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2025 № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации от 21 апреля 2025 г. № 16. Ст. 2075.
3. Адигамов А.И. Вопросы совершенствования правового регулирования добычи нефти и газа в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Правовой энергетический форум. 2025. № 2. С. 71-83.
4. Ждан В.П. Международные проекты России и Китая в энергетической сфере в контексте обеспечения современного международного энергетического правопорядка // Современные проблемы публичного права: Материалы международной научно-практической конференции, Владимир, 12 декабря 2024 г. М.: Русайнс, 2025. С. 261-267.
5. Клавдиенко В.П. Возобновляемая энергетика Китая: тенденции, новации, перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 4. С. 134-156.
6. Лапшина О.А. Перспективы наращивания поставок газа на рынок Китая // Газовая промышленность. 2023. № 2 (845). С. 32-42.
7. Маслов А.А., Сазонов С.Л. Планы руководства Китая по достижению углеродной нейтральности к 2060 г. // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5-1. С. 888-892.
8. Свиткина С.С., Мосякин И.А., Козлов М.Л. Международно-правовое сотрудничество стран БРИКС в сфере «зеленой» энергетики: вызовы и угрозы // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 7-1. С. 474-483.
9. Транкалан Ф.И. Особенности правового регулирования и организации деятельности субъектов электроэнергетики России, Китая и США // Евразийский юридический журнал. 2025. № 3 (202). С. 245-248.

Кондратюк С.В.
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ МИКРОЭНЕРГЕТИКИ И РАСПРЕДЕЛЕННОЙ ГЕНЕРАЦИИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

***Аннотация.** Статья посвящена гражданско-правовой ответственности в сфере микроэнергетики и распределенной генерации электроэнергии. Рассматриваются особенности правового регулирования и применения механизмов ответственности без вины в условиях повышенного риска. Анализируются договорная и внедоговорная формы ответственности, их специфика и значение для обеспечения безопасности и правопорядка в децентрализованной энергетике.*

***Ключевые слова:** энергетическое право, гражданско-правовая ответственность, возмещение вреда, микроэнергетика, распределенная генерация.*

В эпоху развития цифровых технологий, когда для их стабильной работоспособности требуется все большее количество электроэнергии, а человечеству ее крайне не хватает, происходит активное развитие так называемой «микроэнергетики». Единого мнения по данному термину нет, поскольку он охватывает совокупность способов генерации электроэнергии. Предложенный Сетом Дунном способ понимания подразумевает, что микроэнергетика – это производство электроэнергии на месте или вблизи места ее потребления с помощью маломощных генераторов: солнечных батарей, ветрогенераторов, дизельных генераторов и биогазовых установок [3].

Распределенная генерация электроэнергии представляет собой децентрализованное производство электроэнергии вблизи или на месте ее потребителя с использованием различных источников энергии, включая возобновляемые. Основное отличие от закрепленной в Федеральном законе Российской Федерации «Об электроэнергетике» [9] Единой энергетической системы России заключается в том, что централизованная модель генерации использует весь массив источников электроэнергии, распределяя ее по всей территории страны, тогда как распределенная генерация производится вблизи непосредственного потребления, в меньших объемах.

Использование таких нестандартных способов создания электроэнергии формирует новые правовые отношения, в том числе и гражданские. При этом право не всегда поспевает за технологическими изменениями, поскольку лишь в 2019 году в Федеральном законе Российской Федерации «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» в части развития микрогенерации» [10] было введено понятие микрогенерации, а также критерии объекта и отнесения генерирующих установок к данной категории.

Энергетика традиционно относится к сфере повышенного риска, поскольку деятельность, связанная с производством, передачей и потреблением электроэнергии, сопряжена с высокой вероятностью причинения вреда жизни, здоровью граждан, имуществу и окружающей среде. Электроэнергия как особый объект гражданских прав обладает

специфическими свойствами: ее невозможно накопить в значительных объемах, она должна производиться и потребляться одновременно, а малейшие сбои в технологическом процессе могут повлечь масштабные последствия. В связи с этим гражданско-правовая ответственность участников энергетических отношений предполагает повышенные требования к обеспечению безопасности и надлежащему исполнению обязательств. В ряде случаев применяется режим ответственности без вины [2], то есть физические и юридические лица несут ответственность за вред или ущерб, причиненный их действиями (бездействием), независимо от умысла и неосторожности, особенно при эксплуатации опасных объектов или источников повышенной опасности, о чем гласит статья 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

Развитие микроэнергетики и распределенной генерации электроэнергии влечет за собой формирование новых гражданско-правовых отношений между производителями, потребителями и сетевыми организациями. Особенностью этих отношений является то, что участники могут совмещать несколько статусов одновременно – например, быть как потребителями, так и производителями электроэнергии.

В соответствии со статьей 3 Федерального закона Российской Федерации «Об электроэнергетике» электроэнергетика представляет собой отрасль экономики, обеспечивающую производство, передачу и потребление электрической энергии. Однако в данном законе изначально не были закреплены положения о микро– или распределенной генерации. Лишь после внесения изменений Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» в части развития микрогенерации» было введено понятие объекта микрогенерации и установлены критерии, по которым такие объекты относятся к данной категории. К объектам микрогенерации относятся установки, мощность которых не превышает 15 киловатт, предназначенные для производства электроэнергии с целью собственного потребления и возможностью продажи излишков сетевой организации. Это определение отражает ключевую черту микроэнергетики – локальность и децентрализацию производства, что формирует особый тип имущественных отношений, основанных на сочетании элементов энергоснабжения, купли-продажи и оказания услуг.

Договорная база этих отношений регулируется главой 30 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающей общие положения о купле-продаже, и параграфом 6 той же главы, посвященным договору энергоснабжения. При этом отношения в сфере микрогенерации нередко выходят за пределы классического договора энергоснабжения, поскольку производитель энергии не является энергоснабжающей организацией в привычном понимании, а действует как собственник объекта генерации, реализующий часть произведенного ресурса.

Посвященная гражданско-правовой ответственности глава 25 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] прямо не устанавливает понятие этой ответственности. Из теоретического курса гражданского права возьмем следующее определение: гражданско-правовая ответственность – одна из форм государственного принуждения, состоящая во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций, перелагающих на него невыгодные имущественные последствия и направленных на восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего [4].

Гражданско-правовая ответственность в сфере микроэнергетики и распределенной генерации наступает при нарушении обязательств, причинении вреда или ином неправомерном поведении участников. Основания, виды и формы такой ответственности определяются общими положениями Гражданского кодекса. В соответствии со статьей 401 ГК РФ лицо, не исполнившее обязательство или исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины, если законом или договором не предусмотрено иное. В сфере энергетики нередко применяется режим повышенной ответственности, включая ответственность без вины, что обусловлено спецификой деятельности, связанной с эксплуатацией источников повышенной опасности. Такая конструкция закреплена в статье 1079 ГК РФ, согласно которой юридические и физические лица, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (в том числе использование электроэнергии,

электроустановок, линий электропередачи), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, независимо от вины причинителя.

Исходя из этого, можно выделить две основные формы гражданско-правовой ответственности в микроэнергетике: **договорную**, возникающую из нарушения обязательств, вытекающих из гражданско-правовых договоров, и **внедоговорную**, наступающую вследствие причинения вреда третьим лицам.

В большинстве случаев взаимодействие субъектов микроэнергетики строится на договорной основе – договоре энергоснабжения [2], купли-продажи излишков электроэнергии [5, 8] или соглашении о технологическом присоединении [7]. Общие положения о последствиях нарушения обязательств закреплены в статье 393 ГК РФ, где установлено, что должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. В сфере микроэнергетики это может выражаться в: а) несвоевременном или некачественном подключении объекта микрогенерации к сети; б) поставке электроэнергии ненадлежащего качества (например, при нестабильном напряжении); в) невыполнении сетевой организацией обязанностей по приему излишков энергии от потребителя-продавца. В этих случаях применяются имущественные санкции, предусмотренные договором и законом: взыскание убытков, неустойки, а также компенсация морального вреда при наличии оснований.

Кроме того, пункт 3 статьи 401 ГК РФ устанавливает особый порядок ответственности предпринимателей: если обязательство не исполнено вследствие обстоятельств непреодолимой силы, ответственность не наступает. Однако сбои, вызванные техническими неисправностями, ошибками в эксплуатации оборудования или отсутствием надлежащего контроля, не признаются форс-мажором, что повышает уровень ответственности операторов малых энергоустановок.

Внедоговорная ответственность регулируется статьей 1064 ГК РФ, которая обязывает лицо, причинившее вред другому лицу, возместить его в полном объеме. Для сферы микроэнергетики это актуально при: а) возгорании или аварии микрогенератора, повлекшей вред имуществу или здоровью третьих лиц; б) порче сетевого оборудования вследствие подключения неисправной установки; в) нанесении ущерба окружающей среде при эксплуатации или утилизации генераторов. Если вред причинен источником повышенной опасности (например, электросетевым оборудованием), применяется статья 1079 ГК РФ, устанавливающая ответственность без вины. В таких случаях владелец установки или оператор несет ответственность даже при отсутствии умысла или неосторожности.

Отдельного внимания заслуживает распределение ответственности между несколькими субъектами. Если вред причинен совместными действиями, применяется правило о долевой или солидарной ответственности, предусмотренное статьей 1080 ГК РФ. Например, при аварии, вызванной ошибками как со стороны владельца установки, так и сетевой организации, вред может быть взыскан с обоих участников.

Подводя итоги, микроэнергетика и распределенная генерация электроэнергии представляют собой новую и перспективную сферу экономической деятельности, сопровождающуюся формированием особых гражданско-правовых отношений. Эти отношения связаны с производством, передачей и потреблением электроэнергии, что придает им характер деятельности повышенного риска и требует строгого соблюдения принципов добросовестности, безопасности и ответственности участников. Гражданско-правовая ответственность в энергетической сфере выполняет не только компенсационную, но и превентивную функцию [6], обеспечивая восстановление нарушенных прав и предупреждение возможных последствий технологических нарушений. В условиях развития микроэнергетики данная категория приобретает особое значение, поскольку децентрализация производства электроэнергии приводит к увеличению числа субъектов, участвующих в правоотношениях, и усложнению структуры их взаимодействия.

Список используемых источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994 г. – № 32. – Ст. 3301 с изменениями и дополнениями в редакции от 31.07.2025.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996 г. – № 5. – Ст. 410 с изменениями и дополнениями в редакции от 31.07.2025.
3. Королев А.В., Королев А.А. Инновационные микроэнергетические технологии машиностроительного производства // Вестник СГТУ. – 2020. – № 1(84). – С. 34–46.
4. Гущин В.З. Гражданско-правовая ответственность // Современное право: журнал. – 2014. – № 1. – С. 52.
5. Микрогенерация // Акционерное общество «Независимая энергосбытовая компания». URL: https://www.nesk.ru/informatsiya_potrebityam/mikrogeneratsiya.php?clear_cache=Y (дата обращения: 26.10.2025).
6. Понятие и виды функций гражданского права // Вестник Омского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – № 2(47). – С. 121–127.
7. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам коммерческого оператора оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» от 27.12.2004 № 861 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004 г. – № 52 (часть II). – Ст. 5525 с изменениями и дополнениями в редакции от 20.08.2025.
8. Постановление Правительства Российской Федерации «Об особенностях применения законодательства Российской Федерации в сфере электроэнергетики на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» от 29.07.2023 № 1230 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2023 г. – Ст. 0001202307310044.
9. Федеральный закон Российской Федерации «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003 г. – № 13. – Ст. 1177 с изменениями и дополнениями в редакции от 01.03.2025.
10. Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в Федеральный закон “Об электроэнергетике” в части развития микрогенерации» от 27.12.2019 № 471-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2019 г. – Ст. 0001201912280019.

Коптева Вера Алексеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Чечина Алина Романовна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ КОСВЕННОГО УМЫСЛА

***Аннотация.** В статье проводится анализ субъективной стороны состава преступления, в частности, обязательного ее элемента – вины и ее форм. Делается вывод о том, что главной проблемой исследования выступает сложность установления и доказывания косвенного умысла в правоприменительной практике. Подчеркивается, что отсутствие четких формализованных критериев для отграничения косвенного умысла от неосторожности приводит к судебным ошибкам и разногласиям. В статье обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и судебной практики для выработки более детализированных критериев установления косвенного умысла.*

***Ключевые слова.** Преступление, состав преступления, субъективная сторона, вина, формы вины, косвенный умысел.*

Состав преступления имеет различные функции, которые в равной степени важны, но, по нашему мнению, одну из них необходимо рассмотреть отдельно. Согласно ст. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащее все признаки состава преступления [1]. На основании анализа данной статьи, можно сформулировать фундаментальную функцию состава преступления. Ее смысл состоит в том, что состав преступления – это фундамент, на котором будет строиться весь институт уголовной ответственности.

С нашей точки зрения, наиболее трудным в определении элементом состава является субъективная сторона. Этот элемент состава помогает определить, о чем думал человек в момент совершения преступления: желал ли он и предвидел ли наступления вредных последствий, пытался их предотвратить или нет. Именно из-за сложности определения, субъективная сторона является предметом споров специалистов в области уголовного права.

При подробном рассмотрении признаков субъективной стороны, необходимо выделить обязательные и факультативные элементы. Ее единственным обязательным признаком является вина, в то время как мотив, цель и эмоциональное состояние относятся к факультативным. Под формой вины понимается сочетание интеллектуального и волевого элементов вины, предусмотренное уголовным законом. Уголовный кодекс РФ

предусматривает две формы вины: умысел и неосторожность [2]. Факультативными элементами являются – мотив, цель и эмоциональные отношения лица к деянию и наступившим последствиям. Социальная сущность вины заключается в том, что лицо, совершившее преступление, проявляет отрицательное отношение к тем ценностям, благам, которые охраняются нормами права [2]. Умысел – наиболее опасная форма вины, так как лицо осознанно руководит своими действиями, направленными на причинение вреда. Умышленные преступления занимают большую часть всех совершаемых противоправных деяний [3].

Легальное толкование умысла содержится в ст. 25 УК РФ, согласно которой преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления [1]. Косвенный же умысел характеризуется тем, что лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично [1]. Именно в этих словосочетаниях «сознательно допускало» или «относилось безразлично» заключена вся сложность данного понятия. Для прямого умысла характерна активная волевая деятельность, цель которой – достижение преступного результата, в отличие от косвенного, который сопровождается пассивностью, выражающейся в сознательном игнорировании наступающих общественно опасных последствий.

Разграничение прямого и косвенного умысла имеет не только теоретическое, но и практическое значение, влияя на квалификацию преступления, индивидуализацию наказания и отграничение преступлений от иных правонарушений. Однако, если при определении прямого умысла правоприменитель сталкивается с меньшими трудностями, то проблема точного установления и доказывания косвенного умысла остается одной из наиболее сложных и спорных в уголовном праве. Эта проблема исходит из самой природы косвенного умысла, который характеризуется специфическим отношением лица к общественно опасным последствиям своего деяния, что создает значительные препятствия для его реконструкции и доказывания в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства.

Основная практическая проблема заключается в том, что умысел, будучи внутренним психическим отношением лица, недоступен для прямого наблюдения. Следователь и суд не могут проследить за всеми процессами, которые происходили в голове обвиняемого в момент совершения деяния, чтобы установить, желал ли он последствий или просто сознательно их допускал. Поэтому единственным способом установления формы вины является оценка всей совокупности обстоятельств дела. Косвенный умысел приходится устанавливать непрямым способом, по внешним признакам поведения лица до, во время и после совершения преступления. К таким признакам могут относиться: цель и мотив преступления (если последствие не было целью, а было средством или сопутствующим ущербом), характер действий (их опасность для окружающих), обстановка совершения преступления, использованные орудия и средства, эмоциональное состояние виновного, его поведение после наступления последствий (оказание помощи или оставление в опасности) и другие.

Эта проблема усугубляется в судопроизводстве, когда сторона защиты активно оспаривает наличие косвенного умысла, настаивая на неосторожной форме вины, для того чтобы подсудимому назначили менее строгое наказание. В таких условиях обязанность доказывания умысла ложится на сторону обвинения, которой необходимо представить суду убедительную и непротиворечивую версию преступления, позволяющую сделать однозначный вывод о том, что обвиняемый не просто предвидел, но и осознавал возможность наступления общественно опасных последствий. Отсутствие четких, формализованных критериев для такого вывода приводит к судебным ошибкам и разногласиям в правоприменительной практике. Разные суды по-разному оценивают одни и те же обстоятельства, что подрывает принцип единообразия судебной практики.

Сознание признаков, которые характеризуют самого субъекта, не входит в содержание умысла [4]. Например, если человек думал, что ответственность за совершение кражи будет

наступать только за сумму свыше двух тысяч рублей, это не будет освобождать его от ответственности за совершение преступления. Что касается последствий, то умысел предполагает предвидение именно тех конкретных общественно опасных последствий, которые указаны в законе. Предвидение означает понимание того, что последствия либо неизбежны, либо реально могут произойти в результате действий виновного.

Таким образом, проблема определения косвенного умысла является непростой и многогранной. Она заключается в сложности реконструкции внутренних психических процессов, при отсутствии формально определенных признаков для его отграничения от неосторожности. Решение этой проблемы требует от правоприменителя высокой квалификации, глубокого понимания психологической природы вины и тщательного, всестороннего изучения всех обстоятельств совершения преступления. Дальнейшее совершенствование уголовного законодательства должно быть направлено на выработку более детализированных разъяснений и критериев, которые помогут следователям и судьям решать этот неоднозначный вопрос, обеспечивая не только неотвратимость ответственности, но и ее справедливость и индивидуализацию.

Список используемых источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС КонсультантПлюс
2. Валуйсков Н.В., Бондаренко Л.Б., Арутюнян А.Н. Понятие вины и виновности в уголовном праве // БГЖ. 2017. №3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-viny-i-vinovnosti-v-ugolovnom-prave> (дата обращения: 18.10.2025).
3. Маркарян С.А. Значение субъективной стороны преступления в уголовном законодательстве РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-subektivnoy-storony-prestupleniya-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rf> (дата обращения: 18.10.2025).
4. Шогенов А.М. Умысел в уголовном праве российской федерации и проблемы его установления в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umysel-v-ugolovnom-prave-rossiyskoy-federatsii-i-problemy-ego-ustanovleniya-v-ugolovnom-protssesse> (дата обращения: 18.10.2025).
5. Савин А.А., Мешков Д.Н. Субъективная сторона преступления как элемент состава уголовного преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-storona-prestupleniya-kak-element-sostava-ugolovnogo-prestupleniya> (дата обращения: 18.10.2025).
6. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рарога. – М., 2004. – С. 90.
7. Люцик В.В. К вопросу о формах вины // Вестник Самарского юридического института. 2014. №1 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formah-viny> (дата обращения: 19.10.2025).

Костина Дарья Игоревна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Исаева Анастасия Владимировна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Лукьянчикова Елена Федоровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЕЁ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

***Аннотация.** В статье рассматривается эволюция энергетической стратегии Российской Федерации как ключевого инструмента государственного регулирования топливно-энергетического комплекса. Особое внимание уделяется анализу нормативно-правовой базы, обеспечивающей реализацию стратегических приоритетов, включая энергетическую безопасность, цифровизацию и переход к устойчивому развитию. Автор выявляет пробелы в законодательстве, связанные с интеграцией инноваций и экологических стандартов, и предлагает меры по их устранению. Исследование подчеркивает необходимость гармонизации федерального и регионального уровней регулирования для повышения эффективности стратегии в условиях глобальных вызовов.*

***Ключевые слова:** энергетическая стратегия, нормативно-правовая база, топливно-энергетический комплекс, устойчивое развитие, энергетическая безопасность, цифровизация энергетики.*

В условиях ускоряющихся глобальных трансформаций, когда энергетические рынки подвержены влиянию геополитических сдвигов и климатических императивов, роль государственной стратегии в сфере энергетики приобретает особую значимость. Для России, обладающей обширными запасами углеводородов и развивающей возобновляемые источники, энергетическая стратегия выступает не просто планировочным документом, но и механизмом баланса между экономическим ростом, экологической устойчивостью и национальной безопасностью. Актуальность темы обусловлена недавним утверждением обновленной Энергетической стратегии на период до 2050 года, которая корректирует предыдущие подходы с учетом уроков пандемии, санкционного давления и технологического рывка в зеленой энергетике. Целью настоящего исследования является комплексный анализ нормативно-правового обеспечения этой стратегии, выявление ее сильных и слабых сторон, а также формулировка рекомендаций по дальнейшему совершенствованию правового поля.

Энергетическая стратегия Российской Федерации представляет собой долгосрочный план действий, направленный на формирование сбалансированной структуры энергопотребления и производства, с акцентом на диверсификацию источников и повышение

конкурентоспособности на международной арене. В отличие от предыдущей версии до 2035 года, новая стратегия до 2050 года вводит более амбициозные индикаторы по декарбонизации и цифровизации, отражая глобальные тренды Парижского соглашения и национальные приоритеты устойчивого развития. Ее стратегические цели включают не только обеспечение бесперебойного энергоснабжения, но и стимулирование инноваций в водородной энергетике и накопителях энергии, что особенно актуально для регионов с удаленными сетями. На наш взгляд, такой сдвиг от сырьевой модели к инновационной не только усиливает устойчивость топливно-энергетического комплекса (ТЭК), но и открывает возможности для межсекторного сотрудничества, где энергетика интегрируется с цифровой экономикой. Однако реализация этих целей невозможна без твердой правовой основы, которая задает правила игры для всех участников – от монополий до малых генераторов.

Нормативно-правовое обеспечение энергетической стратегии строится на многоуровневой системе, где конституционные принципы сочетаются с отраслевым законодательством и подзаконными актами. В фундаментальной роли выступает Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [1], который регулирует отношения в сфере производства, передачи и потребления электроэнергии, устанавливая принципы открытости рынков и ответственности операторов. Этот закон эволюционировал от жесткого государственного контроля к модели оптового и розничного рынков, что соответствует стратегическому вектору на либерализацию. Параллельно Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» [2] обеспечивает правовую основу для газового сектора, включая механизмы ценообразования и экспорта, что критично для стратегии, ориентированной на укрепление позиций на евразийских рынках. Не менее важен Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об использовании атомной энергии» [3], который интегрирует ядерный компонент в общую энергетическую матрицу, подчеркивая безопасность и инновации в малых модульных реакторах.

Подзаконные акты дополняют эту базу, конкретизируя стратегические задачи. Распоряжение Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р [4], утвердившее предыдущую стратегию до 2030 года, послужило прототипом для текущей, где акцент сместился на экологические индикаторы. Распоряжение Правительства РФ от 12 апреля 2025 г. № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» [5] вводит новые инструменты, такие как налоговые стимулы для ВИЭ и обязательные аудиты энергоэффективности, что усиливает связь стратегии с Федеральным законом от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности» [6]. В контексте внешней политики нормативное регулирование опирается на Доктрину энергетической безопасности, интегрированную в Стратегию национальной безопасности РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [7]. Здесь, по нашим наблюдениям, возникает интересный нюанс: хотя федеральный уровень задает общие рамки, региональные аспекты – например, развитие арктической энергетике – требуют большей децентрализации, чтобы учитывать специфику субъектов Федерации. Это не просто техническая деталь, а фактор, влияющий на равномерность реализации стратегии по всей территории страны.

Несмотря на солидную нормативную базу, в обеспечении энергетической стратегии сохраняются определенные вызовы, которые подрывают ее потенциал. Во-первых, пробелы в регулировании цифровизации: хотя стратегия провозглашает внедрение ИИ и блокчейна в сетях, отсутствует специальный федеральный закон, аналогичный европейскому GDPR для данных в энергетике, что создает риски киберугроз [8]. Анализ практики показывает, что в 2024 году зафиксировано более 150 инцидентов в ТЭК, связанных с уязвимостями смарт-систем. Во-вторых, экологический аспект: переход к низкоуглеродной экономике тормозится несогласованностью норм – Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. требует доработки под стратегические цели по снижению выбросов на 70% к 2050 году [9]. Третий вызов – институциональный: слабая координация между Минэнерго, Росатомом и региональными властями приводит к дублированию полномочий, как это видно в проектах газопроводов в Сибири. Эти проблемы, на наш взгляд, не фатальны, но требуют более активного подхода, чтобы стратегия не осталась декларацией.

Для преодоления выявленных недостатков предлагается ряд мер, ориентированных на правовое совершенствование. Прежде всего, разработку единого Кодекса энергетического права, консолидирующего разрозненные нормы и вводящего цифровые стандарты безопасности, это позволит унифицировать подходы и упростить взаимодействие с частными предпринимателями. Далее, усиление стимулов для ВИЭ через налоговые льготы и субсидии, интегрированные в бюджетный кодекс, с обязательным мониторингом по КРІ стратегии. Наконец, создание межведомственного совета по реализации стратегии на региональном уровне, что повысит адаптивность регулирования. Такие шаги, по нашим предположениям на основе моделирования сценариев, могли бы ускорить достижение целей на 15–20%, минимизируя риски от внешних шоков.

Таким образом, энергетическая стратегия Российской Федерации до 2050 года выступает мощным драйвером трансформации ТЭК, подкрепленным солидной нормативно-правовой базой, которая эволюционирует в сторону устойчивого развития и инноваций. Тем не менее, для полной реализации ее потенциала необходимо устранить пробелы в цифровизации и экологическом регулировании, усиливая координацию на всех уровнях власти. В итоге, гармоничное правовое обеспечение не только укрепит энергетическую безопасность, но и позиционирует Россию как лидера в многополярном энергетическом мире, где ресурсы служат не только экспортом, но и внутренним прогрессом.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1172.
2. Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (ред. от 14.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1667.
3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об использовании атомной энергии» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6727.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 47. Ст. 5608.
5. Распоряжение правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 16. Ст. 1124.
6. Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 30.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 49. Ст. 5760.
7. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28. Ст. 4990.
8. Богомолов А.И. Нормативно-правовое обеспечение стратегического планирования в сфере энергетики // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 45–52.
9. Козлова Е.В. Энергетическая стратегия – 2035: правовые проблемы инновационного развития и экологической безопасности // Энергетическое право. 2020. № 3. С. 12–20.

Крупкин Дмитрий Анатольевич,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шалайкин Руслан Николаевич,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса,
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ ПОНЯТИЯ И ОСОБЕННОСТЕЙ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СТРАХОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО РИСКА

***Аннотация.** Настоящая научная статья посвящена изучению понятия и сложных, проблемных вопросов, связанных с осуществлением предпринимательского риска. В статье рассматриваются мнения ряда исследователей, которые отмечают, что предпринимательский риск выражается в угрозе возможной потери ресурсов или недополучения дохода по сравнению с ожидаемым результатом при рациональном использовании имеющихся ресурсов. Цель научной статьи – выявление основных проблем, связанных с осуществлением страхования предпринимательских рисков.*

***Ключевые слова:** предпринимательская деятельность, правовое регулирование, страхование предпринимательской деятельности, законодательство, страховщик, страхователь, страхование.*

Предпринимательская деятельность в современных экономических условиях неразрывно связана с рисками. В целях их минимизации предприниматели используют различные подходы и инструменты, одним из наиболее эффективных среди которых является страхование. Однако в российской бизнес-практике страхование предпринимательских рисков пока не получило должного признания как финансово оправданный механизм защиты. В то же время международный опыт – в частности, в США, Великобритании и Германии – демонстрирует, что страхование финансовых, кредитных, процентных рисков, депозитов, недополученной прибыли и других предпринимательских угроз играет важную роль в стимулировании экономического роста и является неотъемлемым элементом современной экономической системы.

Современные российские предприятия функционируют в условиях постоянного воздействия как общеэкономических, так и специфических рисков. Их устойчивость и конкурентоспособность во многом зависят от эффективности учета и управления этими рисками. Несмотря на это, большинство предприятий в России находятся лишь на начальном этапе внедрения комплексной системы риск-менеджмента в свою деятельность.

Предпринимательство представляет собой инициативную, самостоятельную, регулярную хозяйственную деятельность, осуществляемую субъектами хозяйствования (предпринимателями) на свой страх и риск с целью достижения экономических и социальных результатов, а также получения прибыли. Однако в условиях экономической нестабильности, неопределённой государственной политики, социальной напряжённости и воздействия глобальных кризисов, таких как пандемии, приоритетным становится обеспечение устойчивости функционирования предприятий с обязательным учетом предпринимательских рисков.

Ряд исследователей отмечает, что предпринимательский риск выражается в угрозе возможной потери ресурсов или недополучения дохода по сравнению с ожидаемым результатом при рациональном использовании имеющихся ресурсов [3].

Согласно М.А. Перепелица, предпринимательский риск – это особый способ ведения хозяйственной деятельности в условиях неопределенности, при котором благодаря предпринимательским качествам создаются возможности минимизации негативного влияния случайных факторов и получения дохода в сложных обстоятельствах [5].

Понятие страхования предпринимательских рисков было закреплено в Российской Федерации Федеральным законом от 10 декабря 2003 года № 172 – ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации»

Согласно ст. 933 ГК РФ, по договору страхования предпринимательского риска может быть застрахован предпринимательский риск только самого страхователя и только в его пользу [2].

Страхование предпринимательских рисков можно рассматривать с двух взаимосвязанных позиций – юридической и экономической. В правовом аспекте страхование представляет собой договорное отношение между страховщиком и страхователем, в рамках которого у каждой стороны возникают определённые субъективные права и обязанности. С экономической точки зрения, страхование выступает инструментом защиты предпринимателя от негативных последствий непредвиденных событий, обеспечивая перераспределение рисков и тем самым способствуя стабилизации результатов предпринимательской деятельности.

Договорные отношения между страхователем и страховщиком регулируют общественные отношения, направленные на распределение материальных благ и предоставление услуг, соответствуя интересам всех участников страховых правоотношений. При этом страховые правоотношения, как форма правового выражения страхования, обслуживают экономическую суть этого явления.

Правовая форма страхования выполняет активную функцию – она определяет и направляет действия субъектов страховых отношений в соответствии с их правами и обязанностями. Таким образом, юридическая оболочка страхования выступает как механизм правового воздействия на экономическую реальность, в которой осуществляется страховая деятельность.

Правовая форма страхования изначально возникает без фактического наполнения, однако в процессе реализации страховых правоотношений она приобретает конкретное содержание благодаря активным действиям их участников. Именно через эти действия осуществляется правовое регулирование страхования, и формируются реальные страховые отношения, которых ранее не существовало. Если же поведение сторон выходит за рамки установленных прав и обязанностей, то оно утрачивает свою правовую природу и превращается в правонарушение [4].

Следовательно, формирование правовой материи страхования обусловлено социально-экономическими потребностями общества и объективными условиями его развития. Однако для перехода к фактическому страхованию необходимо использование правовых механизмов, таких как страховые правоотношения, которые обеспечивают реализацию страховой деятельности.

Экономическая сущность страхования становится очевидной лишь через призму его юридического воплощения. Следовательно, правовое понимание страхования рисков, связанных с предпринимательской деятельностью, должно опираться на прочную связь между реальными экономическими обстоятельствами и их нормативно-правовым оформлением. В данном контексте характер страховых правоотношений определяется не только набором участников и распределением их прав и обязанностей, но и спецификой страхуемого интереса.

Особенностью страхования предпринимательских рисков выступает ограниченный круг лиц, имеющих возможность выступать в роли страхователей. Это исключительно

субъекты, занимающиеся хозяйственной деятельностью: индивидуальные предприниматели, коммерческие компании, а также некоммерческие организации, если страхование связано с их участием в предпринимательских процессах.

Этот вид страхования охватывает значительное количество возможных угроз. В их число входят перерывы в хозяйственной или торговой деятельности, проблемы с оплатой со стороны контрагентов, сбои в поставках, а также ответственность за продукцию, способную нанести вред потребителю или окружающей среде. Кроме того, объектами страхования могут стать риски, возникающие при нарушении законодательства в сфере защиты потребительских прав.

Несмотря на предпринимаемые усилия по систематизации данного вида страхования в научной и практической плоскости, выработка единой и четкой классификации представляется весьма затруднительной. Это объясняется разнообразием направлений бизнеса и уникальностью рисков, присущих каждому из них. Поэтому разработка универсальных страховых решений в этой сфере носит, как правило, ориентировочный и адаптивный характер.

Важно подчеркнуть: в имущественном страховании объектом является не физическое имущество как таковое, а имущественный интерес, связанный с его сохранением. С этим связано мнение ряда исследователей о том, что страхование предпринимательских рисков, хотя и выступает самостоятельной разновидностью, во многих аспектах перекликается с другими типами имущественного страхования, в частности – со страхованием имущества и ответственности [6].

Особое место в структуре предпринимательских рисков занимает страхование финансовых рисков – одного из самых сложных и недостаточно урегулированных сегментов российского страхового рынка. Этот вид страхования нередко воспринимается неоднозначно: его связывают с возможностями для уклонения от налогообложения, выведения капитала за рубеж и другими непрозрачными схемами. Вследствие этого страхование финансовых рисков зачастую рассматривается как инструмент псевдоэкономической деятельности.

Тем не менее, по мере развития рыночных институтов в России возрастает потребность в легитимных и эффективных механизмах защиты от финансовых угроз. Это предполагает необходимость комплексного реформирования подходов к регулированию страхования финансовых рисков. Международно-правовое регулирование в данной сфере, особенно применительно к рынку ценных бумаг и финансовых услуг, остаётся слабо развитым как с точки зрения правоприменительной практики, так и в теоретико-правовом аспекте. Однако юридическая наука активно исследует этот вопрос в рамках предпринимательского и договорного права, а также межотраслевого регулирования договорных обязательств на финансовом рынке [7].

На наш взгляд, развитию страхования предпринимательских рисков в России препятствуют ряд системных проблем, среди которых можно выделить следующие:

- несогласованность и противоречивость нормативно-правовой базы, регулирующей страхование предпринимательских рисков;
- недостаточная информированность предпринимательского сообщества о возможностях и механизмах страховой защиты;
- высокая стоимость страховых услуг, обусловленная отсутствием обоснованной тарифной политики, что, в свою очередь, связано с дефицитом достоверной статистической информации;
- слабое развитие маркетинговых стратегий по продвижению страховых продуктов и нехватка квалифицированных специалистов в страховых компаниях.

Перечисленные факторы требуют комплексного изучения и устранения, что представляет собой актуальное направление для дальнейших научных и прикладных исследований в сфере страхования предпринимательских рисков.

Следует подчеркнуть, что проблемы правоприменения института страхования предпринимательских рисков в Российской Федерации тесно связаны с характером самих рисков. Не по всем видам предпринимательских рисков возможно полное возмещение

понесённых убытков (например, валютных, инновационных, экологических), что существенно снижает эффективность страховой защиты и, как следствие, приводит к низкому спросу на соответствующие страховые продукты. Ситуацию осложняет и тот факт, что перечень предпринимательских рисков не может быть закрытым или окончательно определённым, поскольку в условиях постоянно меняющейся деловой среды возникают новые угрозы, механизмы страховой защиты от которых в законодательстве либо не предусмотрены, либо не урегулированы должным образом.

На наш взгляд, в современных условиях предпринимательский риск следует понимать, как вероятность невозврата вложенных средств, направленных на производство и реализацию продукции, причинами чего могут выступать как действия человека, так и природные факторы. Подобное определение позволяет не только осуществлять качественную и количественную оценку риска, но и применять конкретные инструменты для его предотвращения и контроля, а также соотносить его с аналогичными рисками, характерными для других сфер деятельности предприятия. В этом контексте риск может быть оценён по степени вероятности наступления и размеру потенциального ущерба, что требует рационального и эффективного управления.

Список используемых источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 18.12.1996 № 230-ФЗ (ред. от 24.06.2024) // Собрание законодательства РФ. -1996. – № 5. – Ст. 410.
2. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации» от 10.12.2003 № 172-ФЗ (ред. от 26.07.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 32. – Ст. 3301.
3. Абрамова, С.В. Страхование как способ защиты от предпринимательских рисков / С.В. Абрамова, А.В. Ишкова // Финансовая грамотность в условиях цифровой экономики : Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27–28 октября 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. – С. 15-19.
4. Миронова, Е.Е. Страхование предпринимательских рисков / Е.Е. Миронова // Современное состояние и перспективы развития рынка страхования : материалы международной научно-практической конференции, приуроченной ко Дню страховщика, Воронеж – Кызыл-Кия, 05 октября 2016 года / Воронежский экономико-правовой институт; Экономико-технологический институт Баткенского государственного университета. – Воронеж – Кызыл-Кия: ООО «АМиСта», 2016. – С. 166-171.
5. Перепелица, М.А. Виды страхования предпринимательских рисков в Российской Федерации: классификации и вопросы правоприменения / М. А. Перепелица, Г. В. Шачков // Вопросы государства и права. – 2023. – № 3(3). – С. 41-48.
6. Побережная, И.Ю. К вопросу о страховой сумме в договоре страхования предпринимательского риска / И. Ю. Побережная, С. Г. Побережный, А. В. Семенов // Предпринимательское право. – 2024. – № 4. – С. 13-16.
7. Поликарпова, К.А. Особенности договора страхования предпринимательских рисков / К. А. Поликарпова // Вестник науки. – 2024. – Т. 1, № 10(79). – С. 172-175.
8. Романова, И.Н. Классификация рисков в предпринимательской деятельности как предмета страхования / И.Н. Романова // Юридическая гносеология. – 2018. – № 1-2. – С. 38-42.

Крупкин Дмитрий Анатольевич,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шалайкин Руслан Николаевич,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

***Аннотация.** Настоящая научная статья посвящена изучению понятия и сложных, проблемных вопросов, связанных с осуществлением личного страхования. В статье говорится о необходимости комплексного анализа правовой природы личного страхования, его особенностей в Российской Федерации и выявлении ключевых проблем, препятствующих его эффективному функционированию. В последние годы наблюдаются изменения в страховом законодательстве, однако многие вопросы остаются дискуссионными, включая соотношение обязательного и добровольного страхования, контроль за деятельностью страховщиков и обеспечение реальной доступности страховых услуг для населения. Цель научной статьи – выявление основных проблем, связанных с осуществлением деятельности по личному страхованию.*

***Ключевые слова:** личное страхование, правовое регулирование, страховая деятельность, законодательство, страховщик, страхователь, страхование.*

Личное страхование, играет ключевую роль в системе социальной и финансовой защиты граждан, обеспечивая компенсацию последствий болезней, несчастных случаев, потери трудоспособности и других, повсеместно возникающих, жизненных рисков. В условиях нестабильной экономической среды и роста социальной ответственности государства развитие данного института приобретает особую значимость. Несмотря на наличие законодательного регулирования, в сфере личного страхования сохраняются серьезные проблемы, связанные с недостаточной прозрачностью договоров, низким уровнем доверия населения к страховым компаниям и эффективностью страховых выплат.

В связи с этим, многократно возникает необходимость комплексного анализа правовой природы личного страхования, его особенностей в Российской Федерации и выявления ключевых проблем, препятствующих его эффективному функционированию. В последние годы наблюдаются изменения в страховом законодательстве, однако многие вопросы остаются дискуссионными, включая соотношение обязательного и добровольного страхования, контроль за деятельностью страховщиков и обеспечение реальной доступности страховых услуг для населения.

Обращаясь к современному российскому законодательству, необходимо обратить внимание на существующий пробел в части четкого нормативного определения личного страхования. Действующие правовые акты, включая Гражданский кодекс Российской Федерации (далее ГК РФ) и Закона «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015-1 (далее Закона «Об организации страхового дела в Российской Федерации»), предлагают лишь фрагментарные характеристики данного института, не формируя его целостной концепции.

В поисках универсального определения личного страхования, обратимся к редакции статьи 934 Гражданского кодекса Российской Федерации, которое, хоть и не дает четкого определения понятия личное страхование, но раскрывает сущность и юридическую природу договора личного страхования в Российском праве: «По договору личного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату, уплачиваемую другой стороной (страхователем), выплатить единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором сумму (страховую сумму) в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре гражданина, достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая)»[2]. Данное определение охватывает основные элементы страхового обязательства: стороны договора (страховщик и страхователь), страховую премию как плату за страхование, а также условия выплаты страхового возмещения.

Исходя из анализа представленной законодательной дефиниции, можно отметить тот факт, что законодатель сознательно использует достаточно широкую формулировку, позволяющую охватить как традиционные виды страхования жизни и здоровья, так и современные комбинированные продукты, сочетающие рисковую и накопительную составляющие. Однако такая законодательная конструкция порождает и определенные правовые коллизии, особенно в части разграничения личного страхования со смежными правовыми институтами социального обеспечения и инвестиционной деятельности.

Особенностью российского легального определения является его ориентация на защиту именно имущественных интересов, связанных с личностью застрахованного, что подчеркивает гражданско-правовую природу данного института, но в то же время несколько ограничивает его социально-защитную функцию [7, с. 82].

Таким образом, можно констатировать тот факт, что личное страхование представляет собой совокупность видов страхования (отрасль страхования), где в качестве объекта страхования выступает имущественный интерес страхователя, связанный с жизнью, здоровьем, событиями в жизни отдельного человека.

Обратим внимание на отдельные виды личного страхования. Как справедливо отмечал Б. Гамбитов: «К личному страхованию относят все виды страхования, связанные с вероятностными событиями в жизни отдельного человека. Согласно классификации страхования, принятой в Российской Федерации, к отрасли личного страхования относят виды страхования, в которых объектом страхования являются имущественные интересы, связанные с жизнью, здоровьем, трудоспособностью и пенсионным обеспечением страхователя или застрахованного» [6, с. 73].

В соответствии с Законом «Об организации страхового дела в Российской Федерации» классификацию видов личного страхования можно представить следующим образом: – страхование на случай смерти или дожития до определенного возраста или наступления определенного события; – пенсионное страхование; – страхование жизни с условием периодических страховых выплат; – страхование от несчастных случаев и болезней; – медицинское страхование.

По мнению Я.А. Разумеевой: «Страхование жизни в Российской Федерации является распространенной практикой ввиду повсеместного заключения кредитных договоров. В то же время добровольное оформление полисов на дожитие – явление не такое распространенное, как, например, в США или Германии. Сущность страхования на «дожитие» состоит в предусмотренной выплате всей причитающейся суммы застрахованному лицу при наступлении определенного возраста или оговоренного в договоре случая, например, свадьбы. Программу на «дожитие» можно назвать своеобразной сберегательной системой денег клиента, которая имеет благоприятные последствия не только для системы страхования, но и гражданина» [9, с. 225].

При исследовании личного пенсионного страхования, необходимо обратиться к редакции Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» в котором представлено легальное определение

обязательного пенсионного страхования: «обязательное пенсионное страхование – система создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию гражданам заработка (выплат, вознаграждений в пользу застрахованного лица), получаемого ими до установления обязательного страхового обеспечения» [4].

Юридическая сущность пенсионного страхования проявляется в особом характере защищаемого интереса – это имущественный интерес, связанный с получением регулярных выплат при достижении установленного возраста или наступлении иных предусмотренных договором обстоятельств (инвалидность, потеря кормильца). Особенностью данного вида страхования является его долгосрочный характер.

В системе личного страхования медицинское страхование представляет собой особый правовой институт, сочетающий частноправовые и публично-правовые элементы регулирования. Его юридическая природа определяется двойственностью защищаемого интереса: с одной стороны, это частный имущественный интерес в компенсации затрат на медицинские услуги, с другой – публичный интерес в обеспечении конституционного права граждан на охрану здоровья. Современная доктрина страхового права рассматривает медицинское страхование как комплексный механизм, объединяющий экономические и социальные функции страхования.

Актуальные проблемы правового регулирования медицинского страхования в России связаны с необходимостью совершенствования механизмов взаимодействия между системами ОМС и ДМС, разработки единых стандартов страхового покрытия и создания эффективных процедур защиты прав застрахованных лиц.

По Н.Д. Рослякова «система действующего законодательства не содержит отдельного закона, регламентирующего деятельность страховщиков по ДМС, поэтому применяются нормы и принципы страхования, содержащиеся в Гражданском кодексе РФ и законе об организации страхового дела в России» [10, с. 169].

В связи с этим, особого внимания заслуживает вопрос правовой регламентации деятельности страховых медицинских организаций, осуществляющих добровольное медицинское страхование.

Особенностью российского правового регулирования личного страхования является его дуалистическая природа, сочетающая элементы договорной свободы и государственного контроля. С одной стороны, отношения сторон строятся на принципах автономии воли и свободы договора, закрепленных в Гражданском кодексе РФ, с другой – подвергаются строгому нормативному регулированию со стороны государства, особенно в части требований к страховым организациям, формирования страховых резервов и защиты прав потребителей страховых услуг.

В отличие от имущественного страхования при личном страховании застрахованным лицом может быть только человек, тогда как при имущественном могут быть застрахованы, в том числе, и интересы организаций. Страхователем, конечно, может выступать и организация, но застрахованный интерес при личном страховании – это всегда интерес, связанный с личностью, т.е. с человеком, а не с имуществом. Может быть застрахован практически любой интерес, связанный с личностью человека и никаких специальных правил для отдельных видов таких интересов не установлено.

Договор личного страхования носит публичный характер. Это означает, что «общество как бы говорит, что защита личности в любом ее проявлении, в том числе и защита от случайных событий с помощью денежных выплат, не является чисто частным делом, но в осуществлении такой защиты заинтересовано и общество в целом».

Как справедливо отмечал Б.Х. Алиев: «Страховщик, имеющий право заключать договоры личного страхования определенного вида, не вправе отказать в заключении такого договора ни одному из тех, кто к нему обратится. Более того, страховщик, заключая договор личного страхования не вправе применять по отношению к разным страхователям разные тарифы и льготы» [5, с. 22].

Подводя итог, невозможно не обратиться к тезисам, сформулированным Б. Гимбатовым, наиболее четко отображающими ключевые особенности личного страхования в России: «Таким образом, можно выделить особенности личного страхования: личность, как объект страхования,

подвергающийся риску; страховые суммы не могут быть объективно выражены, а определяются в соответствии с пожеланиями страхователя; некоторые виды страхования (страхование жизни) имеют большую продолжительность, а иногда рассчитаны на всю жизнь» [6, с. 74].

Сказанное выше позволило установить, что личное страхование в Российской Федерации представляет собой сложный правовой институт, сочетающий в себе элементы гражданско-правового регулирования и социальной защиты. Его сущность заключается в обеспечении имущественных интересов, связанных с жизнью, здоровьем и трудоспособностью граждан, что подчеркивает антропоцентричный характер данного вида страхования.

Личное страхование в Российской Федерации представляет собой уникальный правовой институт, направленный на защиту имущественных интересов, связанных с ключевыми нематериальными благами личности – жизнью, здоровьем и трудоспособностью. Его сущность раскрывается через двойственную природу: с одной стороны, это инструмент частноправовой защиты, основанный на принципах свободы договора и автономии воли сторон, с другой – социально значимый механизм, тесно взаимодействующий с публично-правовыми институтами обязательного страхования. Анализ законодательства выявил отсутствие единого легального определения личного страхования, что компенсируется доктринальным толкованием, объединяющим его виды в систему, ориентированную на минимизацию финансовых последствий жизненных рисков.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 1, Ст. 2; 2014. № 6. Ст. 548; № 14. Ст. 4202 с изм. и доп. в ред. от 04.10.2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996 г. – № 5. – Ст. 410
3. Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 28.02.2025) // Российская газета. – 1993 г. – № 2. – Ст. 56.
4. Федеральный закон Российской Федерации «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» от 15.12.2001 № 167-ФЗ (ред. от 29.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001 г. – № 51. – Ст. 4832.
5. Алиев, Б.Х. Маркетинговые аспекты развития региональных рынков страхования в России / Б. Х. Алиев, Э. С. Вагабова, Р. А. Кадиева // Финансы и кредит. – 2021. – № 15. – С. 17-23.
6. Гимбатов, Б. Особенности личного страхования // Проблемы совершенствования законодательства. / Б. Гимбатов. – М: Алеф, 2021. – С. 72-74.
7. Головкин, В.В. Страхование в России и за рубежом: особенности и дальнейшее развитие отрасли / В.В. Головкин // Цифровая экономика: перспективы развития и совершенствования. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 80-87.
8. Курлат, П.А., Пономаренко В.В., Румянцева А.В. Страхование для граждан: ОСАГО, каско, ипотека. / П.А. Курлат. М.: Редакция «Российской газеты». 2018. Выпуск № 5. С.74-79.
9. Разумеева, Я.А. Формы и виды личного страхования и практика их применения в Российском законодательстве // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. – Пенза: Наука и Просвещение, 2020. – С. 253-255.
10. Росляков, Н.Д. Особенности медицинского страхования в России / Н.Д. Разумеева // Актуальные вопросы современной науки и образования. – Пенза: Наука и Просвещение, 2022. – С. 167-169.

Крюкова Екатерина Владимировна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

***Аннотация.** Исследование направлено на рассмотрение вопросов, связанных с прокурорским надзором за соблюдением прав лиц, находящихся в учреждениях исполнения наказаний. В работе проводится анализ нормативно-источниковой базы данной формы прокурорского надзора, определяются его цели, задачи и ключевые направления. Отдельное внимание уделяется проблемным аспектам и установлению способов их решения через внесение изменений в акты действующего законодательства.*

***Ключевые слова:** прокуратура, прокурор, прокурорский надзор, пенитенциарные учреждения, исполнение наказаний.*

Прокурорский надзор за соблюдением прав лиц, находящихся в учреждениях исполнения наказаний, приобретает все большую значимость, выступая в качестве самостоятельной отрасли публичного контроля в существующей в Российской Федерации системе уголовно-исполнительного права. Поскольку свободы подконтрольных лиц, находящихся в подобных учреждениях, предполагают значительные ограничения, исследование вопросов, связанных с определением правового статуса прокуратуры, ее полномочий и проблем их практической реализации, обладает высокой актуальностью.

Правовую основу обозначенного института прокурорского надзора составляет совокупность нормативно-правовых актов, действующих на федеральном уровне. В частности, в статье 22 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации можно обнаружить прямое указание на то, что за администрацией учреждений и органами, исполняющими наказания, осуществляется прокурорский надзор со стороны Генерального прокурора Российской Федерации и нижестоящих прокуроров Российской Федерации [1]. Возможность реализации надзорных полномочий в отношении указанных субъектов также вытекает из предписаний статей 21 и 22 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2].

Приказ Генпрокуратуры России от 24 октября 2024 года № 800 определяет задачи прокурорского надзора, а также устанавливает возможность осуществления проверочных мероприятий без предварительного уведомления поднадзорных субъектов по решению прокурора, в том числе в случаях, когда отсутствовали сигналы о каких-либо нарушениях. Иными словами, такой надзор должен носить регулярный характер, что предполагает систематическое проведение прокурорских проверок и обусловливается существенными ограничениями правового статуса лиц, отбывающих наказания в соответствующих учреждениях. Кроме того, в обозначенном подзаконном акте указывается, что в ходе проверочных мероприятий прокуроры должны особое внимание уделять нарушениям, которые направлены на унижение человеческого достоинства, предполагают жестокое обращение с осужденными или свидетельствуют о произволе должностных лиц, т.е. злоупотреблении полномочиями [3].

Цели прокурорского надзора в местах исполнения наказаний предполагают эффективную защиту прав и свобод лиц, лишенных свободы, а также обеспечение соблюдения законности администрациями и органами учреждений, предупреждение произвола с их стороны и нарушения установленного законодательством режима исполнения наказаний [8]. Среди основных задач:

- проверка законности режима пребывания, решений о переводе осужденных в другое учреждение, условий их содержания;
- контроль за условиями содержания, включая предоставление осужденным необходимую медицинскую помощь, достойного питания, надлежащее выполнение требований санитарного законодательства и др.;
- реагирование на выявленные нарушения посредством внесения актов прокурорского реагирования, например, представлений, а также возбуждение дел об административных правонарушениях, взаимодействие с другими ведомствами в целях возбуждения дисциплинарного производства или уголовного дела в отношении виновных должностных лиц;
- содействие надлежащей реализации прав осужденных лиц, например, посредством устранения препятствий и барьеров, лишающих данного субъекта возможности воспользоваться услугами квалифицированного защитника [4].

Содержание надзора охватывает собой не только общую деятельность по проверке законности в учреждениях исполнения наказаний, но и конкретные процессы. В последнем случае прокуроры обязуются: устанавливать факты, указывающие на совершение противоправных деяний или злоупотребление со стороны должностных лиц; направлять требования по устранению выявленных нарушений; осуществлять контроль за исполнением таких требований обязанными субъектами [6].

Так, например, в ходе надзорных мероприятий прокуратурой Прикамья было выявлено 154 нарушения, которые допустили сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний России. По факту рассмотрения таких нарушений прокуроры вынесли 42 представления, а также инициировали возбуждение 8 уголовных дел. Кроме того, на основании заявления одного из осужденных был подан иск в суд общей юрисдикции с целью возмещения вреда, причиненного ненадлежащим медико-санитарным обеспечением, нарушающим требования действующего законодательства [9].

Стоит также оговориться о некоторых проблемах прокурорского надзора в данной области. Так, несмотря на то что органы прокуратуры публикуют обобщенные показатели проверок, на текущий момент времени отсутствуют законодательно установленные механизмы обеспечения полной прозрачности указанного направления деятельности по каждому из учреждений, что может сказываться на эффективности общественного контроля и анализе выполнения рекомендаций и требований прокуратуры. Подобный порядок также может негативным образом влиять на доверие населения к системе прокурорского надзора и исполнения уголовных наказаний, затруднять системное выявление нарушений, причин, способствующих их совершению [7].

Обозначенная выше проблема существенно обостряется тем, что некоторые нарушения в системе исполнения уголовных наказаний обладают высокой социальной значимостью. Так, например, в 2020-х годах было несколько резонансных случаев применения пыток по отношению к осужденным, на которые отреагировал Президент Российской Федерации, поручив сотрудникам Следственного комитета Российской Федерации повысить уровень эффективности подобных деяний [10].

Еще одной проблемой можно назвать отсутствие законодательно предусмотренных мер, которые могли бы позволить немедленно осуществить действия, направленные на предотвращение нарушений в случаях, когда они угрожают жизни и здоровью осужденных лиц. Актуальный порядок предполагает соблюдение строго регламентированных законодательством процедур, которые могут замедлять процесс реагирования, что недопустимо в условиях существования указанных рисков [5].

Подводя итог изложенной информации, можно сделать вывод, что прокурорский надзор за соблюдением прав лиц, находящихся в учреждениях исполнения наказаний, следует рассматривать в качестве одного из важнейших компонентов правового государства, а также системы защиты личности в условиях, предполагающих ограничение свободы. С целью повышения практической эффективности данного института необходимо:

- определить на уровне законодательства обязанность органов прокуратуры по опубликованию в открытом доступе ежегодных отчетов, содержащих информацию о

проведенных проверках учреждений исполнения наказаний с указанием их количества, числе выявленных нарушений, принятых мер и их видов, процентном соотношении между реагированием и устранением, а также обеспечить возможность формирования федерального рейтинга соответствующих учреждений по критерию уровня законности;

– закрепить в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» и УИК РФ положения, определяющие право прокурора на немедленное вмешательство в случае, если имеет место угроза жизни или здоровью осужденного.

Список используемых источников:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

2. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

3. Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний: Приказ Генпрокуратуры России от 24 октября 2024 г. № 800 // Законность. № 12. 2024.

4. Аношкина Т.Д. Прокурорский надзор за исполнением законов и иных мер принудительного характера, назначаемых судом // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2020. Т. 20. № 11. С. 64-69.

5. Воронин О.В. О сущности пенитенциарного надзора прокуратуры // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 100-105.

6. Воронин, О.В. Правовые средства прокурорского надзора в местах принудительной изоляции от общества // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 93-100.

7. Сулейманов, Т.А. Эффективность прокурорского надзора за соблюдением законности в деятельности учреждений и органов УИС // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 389-390.

8. Чобанян, А.Г. Прокурорский надзор за исполнением законов в местах лишения свободы: вопросы совершенствования нормативно-правового регулирования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. № 5 (103). С. 78-82.

9. Прокурорский надзор за исполнением законов, регулирующих медико-санитарное обеспечение осужденных в исправительных учреждениях // Вестник прокуратуры Прикамья. URL: https://vestnik-prokurorperm.ru/pravo/humanrights/1077?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 01.11.2025).

10. Путин призвал эффективнее расследовать пытки в тюрьмах // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/society/17/01/2024/65a78df79a794751dadf69c7> (дата обращения: 01.11.2025).

Крюкова Екатерина Владимировна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

***Аннотация.** В настоящей статье проводится комплексный анализ сущности прокурорского надзора как элемента государственного контроля. Центральное внимание уделяется противодействию преступлениям экономической направленности: раскрываются их специфические характеристики и особенности совершения. Детально исследуется влияние прокурорского надзора на деятельность правоохранительных органов, в частности, механизмы его воздействия на раскрытие экономических преступлений. Рассматривается порядок взаимодействия и осуществления контроля за органами предварительного следствия и подразделениями, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Обосновывается роль прокурорского надзора в общей системе инструментов государственного контроля и доказывается его эффективность в борьбе с экономической преступностью.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, меры прокурорского реагирования, экономическая направленность, органы предварительного следствия, оперативно-розыскные подразделения, корыстный умысел, особенности экономических преступлений.*

Прокурорский надзор как основной инструмент органов прокуратуры в глобальной системе регулирования общественных отношений в Российской Федерации является мерой и наиболее эффективным средством воздействия на недобросовестных граждан и организации, которые путём осуществления своей деятельности специально или случайно допускают нарушения закона. Нарушения закона выражаются в виде допущения или совершения преступлений, правонарушений различного характера (административное, дисциплинарное и т.д.).

В контексте рассуждений о природе совершения преступлений и правонарушений следует отметить, что так или иначе преступления и правонарушения совершаются и будут совершаться в нашем мире. В виду существования объективных причин постоянного движения и развития общества не стоит на месте и преступность, которая совершенствуется и трансформируется в новые формы (например, мошенничество в сфере криптовалют).

Образованные формы в свою очередь учитывают недостатки и ошибки традиционных способов совершения преступлений и правонарушений, становясь более латентными, стремительными, сложными для обывателей и обычных людей (не занимающих значимые посты или не обладающих определёнными навыками) [5]. Таким образом, преступность приспосабливается к научно-техническому и всеобщему мировому прогрессу, обгоняя правовые нововведения и ища дыры законодательства и системы, которые можно использовать себе на пользу.

В этой связи особенно опасны преступления и правонарушения в области экономики, так как они не только нарушают существующие законы и нормы, но и посягают и ставят под угрозу существующую экономическую систему. Такие преступления бьют по одному из главных фундаментов государства – его экономической безопасности и стабильности. Если пустить происхождение и совершение таких преступлений на самотёк – государство получит риск погрязнуть в огромном каскаде нестабильных и неправомерных экономических операций, коррупции, взяточничестве, безразличном отношении сотрудников государственных органов к выполняемой работе, отрицательном настроении и волнениях в обществе, что в конечном итоге приведёт к развалу экономической системы и распаду структуры органов государственной власти, потере контроля органов государственной власти над гражданами и страной, а в последствии – к революции.

При взаимосвязи с опасностью экономических преступлений ситуацию омрачают и возникающие в связи с этой деятельностью неблагоприятные финансовые системы, существующие в тени традиционной экономической структуры страны. Такие явления как теневая экономика и теневой бизнес составляют значительную часть от общего оборота денежных средств в стране. Пассивными и активными действиями участники теневых сфер экономики влияют на экономические общественные отношения в стране, порождая тем самым большую совокупность сомнительных финансовых операций, мошеннических схем и алгоритмов, незаконных действий государственных органов и коммерческих организаций [6].

Для того чтобы успешно бороться с экономическими преступлениями регуляторы деятельности правоохранительных органов разработали систему проверки и контроля деятельности субъектов общественных отношений в сфере экономики органами прокуратуры Российской Федерации – прокурорский надзор.

Исходя из положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1, можно сформировать следующие роль, цель и задачи прокурорского надзора.

Роль прокурорского надзора в качестве регуляторного механизма органов прокуратуры состоит в обеспечении законности субъектами общественных отношений, защите прав и свобод человека и гражданина, проживающего на территории Российской Федерации, поддержания справедливости, охране от посягательств интересов общества и государства. В своей структуре помимо роли, прокурорский надзор обладает целями и задачами при осуществлении деятельности.

Цель прокурорского надзора в сфере противодействия экономическим преступлениям – предупреждение совершения преступлений и правонарушений, выявление преступлений и правонарушений, устранение причин совершения преступлений и правонарушений, привлечение лиц, допустивших совершение преступлений и правонарушений к ответственности.

Задачи прокурорского надзора в сфере обеспечения противодействия совершения экономических преступлений:

- 1) контроль за соблюдением законов государственными и негосударственными организациями;
- 2) привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений;
- 3) реакция на незаконные и нарушающие нормативно-правовые положение локальные акты контролируемых органов;
- 4) надзор за деятельностью оперативно-розыскных органов;
- 5) проверка деятельности контролируемых органов на соблюдение законности.

Для того чтобы органам прокуратуры успешно выполнять возложенные на них цели и задачи, в соответствии со ст. 23, 24, 25 и 25.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1, прокуроры используют определённые правовые средства для реагирования на выявленные нарушения закона, называемые мерами прокурорского реагирования:

- 1) протест;
- 2) представление;
- 3) постановление о возбуждении производства об административном правонарушении;
- 4) предостережение о недопустимости нарушения закона.

Кроме этих основных мер, в рамках других направлений деятельности (например, надзора за следствием и дознанием) прокурор может использовать иные средства такие как требование об устранении нарушений федерального законодательства. Также прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о признании правового акта недействительным или для защиты прав граждан и интересов государства.

В основе экономических преступлений лежит корыстный умысел, а не концепция применения насилия. Расследование преступлений данного типа требует специальных навыков работы со служебной, бухгалтерской документацией, бухгалтерскими информационными системами, взаимодействия с иными органами государственной власти.

Согласно научным работам В.В. Груздева, председателя Ассоциации юристов России (АЮР), выделяют следующие особенности экономических преступлений:

- 1) обман выступает основным источником достижения цели и получения дополнительного дохода. Все экономические преступления построены на обмане или злоупотреблении доверием;
- 2) корыстная цель. Основная цель – извлечение прибыли;
- 3) сложный и латентный характер – экономические преступления обладают сложным механизмом совершения. Для их раскрытия чаще всего требуются специальные знания в области экономики и права;
- 4) ущерб экономической составляющей государства, отдельного региона. При совершении подобных преступлений в особо крупном размере наносится значительные ущерб экономике государства [4].

Исходя из анализа вышеуказанной информации, судебной практики, научных статей близких к данной теме можно выделить следующие актуальные проблемы для прокурорского надзора в сфере раскрытия экономических преступлений:

1. Высокая латентность и сложность выявления таких преступлений. Для выявления таких преступлений требуется запрашивать всю отчётную документацию у проверяемого органа. При этом преступники могут использовать иные схемы движения дохода, что затрудняет его поиск и отслеживание;
2. Сложность доказывания. В отличие от большинства обычных составов для доказывания преступлений данного типа необходимо собрать большое количество материалов, которые будут устанавливать его корыстный умысел. Найти такие прямые доказательства у «умелых» преступников крайне сложно. Преобладают косвенные доказательства.
3. Координация между правоохранительными субъектами. Раскрытие преступлений данного рода требует координации правоохранительных ведомств. Чаще всего встречается следующая система взаимодействия при раскрытии экономических преступлений: (ФСБ России, МВД России, органы прокуратуры).

Исходя из совокупности решаемых задач роль прокурорского надзора в сфере недопущения преступлений и правонарушений экономической направленности нельзя преуменьшить. Однако, важно отметить, что такой надзор ведётся не только с целью выявления и пресечения правонарушений и преступлений экономического характера, но и для контроля над деятельностью органов предварительного следствия и оперативно-розыскными подразделениями [2].

В свою очередь, органы предварительного следствия в наибольшей степени подвержены влиянию и контролю со стороны органов прокуратуры, так как в повседневной деятельности сотрудники органов следствия, дознания различных правоохранительных структур взаимодействуют с прокурором и его помощниками. Взаимодействие это осуществляется на постоянной основе, является, как правило, двухсторонним, а потому инициатива исходит с обоих концов.

Согласно главе 3 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 – проверка деятельности органов предварительного расследования является одним из главных направлений в сфере осуществления прокурорского надзора. Прокуроры в своей деятельности обращают внимание на множество моментов: недопущение нарушения сроков производства, недопущение предвзятого отношения к иным участникам правовых общественных отношений, выявление фактов фабрикации фальсифицированных сведений и доказательств при расследовании уголовного дела, законность при производстве следственных действий и иных процессуальных мероприятий и т.д. [3].

Именно поэтому прокурорский надзор в этой деятельности необходим, для того чтобы не допускать халатного и недобросовестного отношения сотрудников к исполняемым ими рабочим обязанностям. Проверая работу оперативно-розыскных подразделений, органов следствия и дознания органы прокуратуры формируют последовательную согласованность документов и действий.

Можно выделить следующие сложности, которые образуют собой специфику прокурорского надзора за органами предварительного следствия и оперативно-розыскными подразделениями при работе с преступлениями и правонарушениями экономической направленности:

1) процессуальная и фактическая сложность – необходимо не только законодательно обосновывать действия проверяемого лица, но и анализировать их на предмет логической целесообразности принимаемых решений в экономической сфере;

2) использование данных ОРД – при анализе материалов о преступлениях экономической направленности на ранней стадии в 99% случаев требуется тщательное изучение добытых материалов с помощью оперативно-розыскной деятельности. Особую сложность на данном этапе представляет оценка законности и достоверности полученных от оперативных подразделений сведений;

3) межведомственный характер – расследование преступлений и анализ действий правоохранительных органов часто требует взаимодействия с иными государственными органами или ведомствами.

В связи со сложностью осуществления такого прокурорского надзора часто возникают следующие проблемы:

1. Формальный характер надзора – из-за огромного количества моментов, за которыми нужно уследить, а также из-за огромного количества субъектов и материалов, часто деятельность прокуроров сводится к минимуму из-за установленных законодательством сроков. В большинстве своём проверяются только соблюдения сроков, правильность оформления документации. Времени на глубокий анализ конкретных экономических ситуаций не остаётся;

2. Недостаток специальных знаний – прокуроры часто не обладают специальными знаниями, чтобы беспрепятственно понимать и анализировать все экономические материалы, поэтому в этом деле часто приходится полагаться на специалистов и экспертов в данной области;

3. Проблемы в надзоре за ОРД – оперативные подразделения обладают большим количеством манёвров и свобод по сравнению с органами предварительного следствия, в результате чего у сотрудников таких подразделений есть множество вариантов наиболее удобным для себя образом провести оперативно-розыскные мероприятия в рамках оперативно-розыскной деятельности. Прокурорский надзор в данной отрасли носит фрагментарный характер.

Несмотря на выделенные недостатки, прокурорский надзор за данными органами обладает рядом положительных моментов, которые необходимо отметить.

Можно выделить следующие основные плюсы прокурорского надзора:

1. Обеспечение законности и защиты прав личности – пресечение откровенно открытого произвола сотрудников органов предварительного следствия и оперативно-розыскных подразделений, защита прав всех участников процесса, общий анализ поступивших материалов на предмет необоснованного уголовного преследования [1];

2. Системное противодействие коррупции – прокурорский надзор препятствует незаконному прекращению и «сворачиванию» уголовных дел и добытых материалов (например, доказательств);

3. Повышение качества и эффективности расследования – в связи с прокурорским надзором и возможными санкциями за допущение ошибок в процессуальной деятельности, а также из-за наблюдения со стороны прокурора за незаконными действиями сотрудники предварительного следствия и оперативно-розыскных подразделений внимательно подходят к осуществлению своей деятельности, не допуская «откровенно» открытых действий, которые можно истолковать в качестве «преступного замысла». Само осознание проверки всех материалов прокурором заставляет сотрудников более тщательно готовить документы и обосновывать свои действия. Более того, при выявлении небольших ошибок прокурор имеет возможность принять меры к их устранению на ранней стадии;

4. Прокурор своими действиями активизирует восстановительную функцию правосудия – обеспечивает контроль за наложением ареста на имущество, всегда акцентирует внимание на возмещение возможного ущерба заинтересованной стороне, если имеются такие обстоятельства.

Исходя из анализа вышеуказанной информации для повышения эффективности противодействия экономическим преступлениям с помощью прокурорского надзора можно предложить следующие меры:

1) совершенствование методик надзора. Необходимо активнее внедрять в практику современные методики анализа данных и мониторинга движения денежных средств;

2) повышение профессиональной специализации. Для прокуроров и их помощников необходимо проводить курсы повышения квалификации, на которых им будут объяснять основы работы финансовых систем и механизмов в организациях, методы работы с бухгалтерской отчетностью и информационными системами бухгалтерии;

3) усилить контроль за досудебным производством. Необходимо активнее контролировать работу следственных и оперативно-розыскных подразделений на стадиях как раскрытия, так и расследования уголовного дела для своевременного предупреждения совершения незаконных действий, оказания содействия по ведению уголовного дела.

Таким образом, можно заключить, что прокурорский надзор не лишён недостатков, большая часть которых имеет место из-за сложностей природы экономических преступлений. Расследование и раскрытие таких преступлений требуют от прокурора и его помощников глубоких познаний в области права, экономики, работы бухгалтерских информационных систем и сервисов, механизмов работы бухгалтерии, законодательных «дыр» и иных способов свободного движения денежных средств и иных материальных ценностей. Ключом к повышению эффективности является подход, который будет сочетать в себе специальную подготовку сотрудников органов прокуратуры с работой по направлению экономических преступлений и усиление координирующей и контролирующей роли прокуратуры в межведомственном взаимодействии и на стадии досудебного производства.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 01.10.2025). – Текст: электронный.

2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения 04.10.2025). – Текст: электронный.

3. Казакова В.А. Оперативно-розыскная деятельность и предварительное следствие: проблемы взаимодействия и прокурорского надзора. – М.: Юрлитинформ. – 2020. – 334 с.

4. Кочесокова З.Х. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, сущность и общая характеристика // Право и управление. – № 1. – 2023. – С. 208-212.
5. Таболина К.А., Таболин В.П. Надзор прокурора в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых отношений // Актуальные проблемы российского права. – № 4. – 2023. – С. 116-123.
6. Халиулин А.Г. Расследование преступлений в сфере цифровой экономики: новые вызовы для прокурорского надзора // ЭЖ-Юрист. – 2023. – № 1. – С. 115-123.

Кувшинников Данила Вадимович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Волосов Артём Петрович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

***Аннотация.** В работе рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся юридической ответственности за нарушения природоохранного законодательства в сфере энергетики России. В центре внимания – ключевые категории нарушений, особенности их обнаружения и подтверждения факта совершения. Подробно изучаются проблемы реализации правовых норм, обусловленные невысокой результативностью нынешних способов привлечения к ответственности, трудностями в определении размера экологического ущерба и пробелами в нормативно-правовой базе.*

***Ключевые слова:** энергетический сектор, экологические правонарушения, юридическая ответственность, правоприменение, экологическое законодательство, экологический ущерб, предотвращение, ответственность за загрязнение, возмещение вреда, штрафы, уголовная ответственность, административная ответственность, проблемы правоприменения, совершенствование законодательства, экологический контроль, экологическая экспертиза, энергетическая безопасность, устойчивое развитие.*

Невозможно переоценить значение энергетической промышленности для экономического благополучия государства, поскольку она обеспечивает его функционирование и развитие. Тем не менее, производство электричества и тепла сопряжено с негативным влиянием на окружающую среду, включая загрязнение атмосферы, водных ресурсов и почвы, а также другие экологические последствия. В силу этого, вопросы юридической ответственности за несоблюдение экологических норм в энергетическом секторе становятся крайне актуальными.

Действенное применение юридической ответственности представляет собой важный механизм обеспечения экологической безопасности энергетических предприятий и недопущения экологических происшествий. В то же время, практика применения законов указывает на существование ряда сложностей, затрудняющих достижение намеченных целей в сфере внедрения законов и перехода к экологически безопасной деятельности. Совершенствование законодательной базы необходимо для уменьшения экологического ущерба, вызванного деятельностью энергетической отрасли.

Энергетическая отрасль является источником разнообразных экологических правонарушений, связанных с различными этапами производственного цикла: от добычи и

переработки топлива до производства, передачи и распределения энергии. Среди наиболее распространенных видов правонарушений можно выделить:

1. Загрязнение атмосферного воздуха: выбросы загрязняющих веществ от тепловых электростанций, котельных и других энергетических установок, превышающие установленные нормативы. К наиболее распространенным загрязняющим веществам относятся оксиды серы и азота, твердые частицы (зола, сажа), угарный газ и другие токсичные соединения.

2. Загрязнение водных ресурсов: сброс сточных вод, содержащих загрязняющие вещества, в водные объекты без надлежащей очистки, а также нарушение правил водопользования. Это может приводить к загрязнению рек, озер и других водоемов, негативно влияющему на качество воды и состояние водных экосистем.

3. Загрязнение почв: загрязнение земель нефтепродуктами, отходами производства, а также нарушение правил обращения с отходами. Загрязнение почв может приводить к деградации земель, ухудшению плодородия и загрязнению сельскохозяйственной продукции.

4. Нарушение правил обращения с отходами: несоблюдение требований по сбору, хранению, транспортировке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления. В энергетическом секторе образуется значительное количество отходов, включая золу, шлак, отработанные масла и другие опасные вещества.

5. Нарушение правил эксплуатации энергетических объектов: несоблюдение требований экологической безопасности при эксплуатации энергетических установок, приводящее к авариям и инцидентам, сопровождающимся выбросами загрязняющих веществ и причинением вреда окружающей среде.

Практика применения юридической ответственности за экологические правонарушения в энергетическом секторе сталкивается с рядом проблем, снижающих ее эффективность. Среди наиболее значимых проблем можно выделить:

1. Сложность выявления и доказывания экологических правонарушений. Установление случаев негативного воздействия на экологию нередко сопряжено с необходимостью проведения комплексных и финансово затратных анализов, при этом обоснование взаимосвязи между функционированием энергетической установки и нанесенным ущербом может представлять собой сложную задачу.

2. Недостаточная эффективность системы санкций. Применяемые формы административной и уголовной ответственности за нанесение ущерба окружающей среде зачастую не соответствуют масштабам причиненного вреда и, как следствие, не являются сдерживающим фактором для будущих нарушений.

3. Сложности в установлении экологического ущерба. Определение вреда, нанесенного природе в результате несоблюдения экологических норм, является непростой задачей. Оно предполагает учет множества аспектов, включая степень загрязнения, расходы на восстановление затронутых природных зон и возмещение ущерба здоровью населения.

4. Несовершенство нормативной базы. Существующие законодательные акты в сфере защиты окружающей среды содержат ряд упущений и неясностей, которые усложняют их практическое применение. В частности, недостаточно четко определены критерии оценки экологической безопасности энергетических объектов, а также порядок возмещения вреда, причиненного окружающей среде в результате аварий и инцидентов.

По мнению П.П.Иванова, «недостаточная конкретизация экологических нормативов и требований в энергетической отрасли приводит к неоднозначной трактовке законодательства и, как следствие, к затруднениям в привлечении виновных лиц к ответственности» [3, с. 256].

Как отмечает А.С. Сидорова, «эффективность правоприменительной деятельности в сфере экологической безопасности энергетики напрямую зависит от качества межведомственного взаимодействия и обмена информацией между контролирующими органами» [6, с.224].

1. Чтобы усилить действенность юридической ответственности за экологический ущерб в энергетике, требуется внедрение комплекса мероприятий, нацеленных на оптимизацию нормативно-правовой базы и методов ее реализации.

2. Оптимизация правовой базы в сфере защиты природы. Требуется ликвидировать существующие недостатки и неясности в законодательных актах, а также разработать и

утвердить новые нормативные документы, определяющие аспекты экологической безопасности энергетических комплексов. Особенно важно конкретизировать параметры оценки экологической безопасности, установить прозрачный процесс компенсации ущерба, нанесенного природе, и ужесточить санкции за экологические нарушения.

3. Укрепление государственного надзора за выполнением экологических норм на энергетических объектах. Важно усилить надзор за соблюдением экологических стандартов на всех этапах жизненного цикла энергетических объектов, начиная с проектирования и заканчивая утилизацией. Это требует увеличения штата и повышения квалификации сотрудников государственных органов экологического контроля, а также применения современных методов мониторинга, включая спутниковое наблюдение и автоматизированные системы.

4. Внедрение экономических стимулов для повышения экологической безопасности. Необходимо разработать экономические инструменты, мотивирующие энергетические компании к уменьшению вредного воздействия на окружающую среду. Это может предусматривать введение экологических сборов и платежей, предоставление преференций и дотаций за использование "зеленых" технологий, а также создание системы торговли разрешениями на выбросы вредных веществ.

5. Улучшение экологической осведомленности и ответственности общества и предприятий. Необходимо расширять экологические знания населения и формировать экологически ответственное поведение, а также повышать ответственность предприятий за соблюдение экологических требований и предотвращение экологических инцидентов.

Как подчеркивает В.К. Петров, «внедрение системы экологического страхования ответственности предприятий энергетического сектора позволит обеспечить дополнительные гарантии возмещения вреда, причиненного окружающей среде в результате аварий и инцидентов» [4, с.192].

Таким образом, юридическая ответственность за экологические правонарушения в энергетическом секторе является важным инструментом обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития отрасли. Существующие проблемы правоприменения требуют принятия комплексных мер, направленных на совершенствование правового регулирования, усиление государственного контроля, внедрение экономических стимулов и повышение экологической грамотности.

Только совместными усилиями государства, бизнеса и общества можно добиться снижения негативного воздействия энергетического сектора на окружающую среду и обеспечения экологической безопасности для будущих поколений.

Список используемых источников:

1. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 23, ст. 2381.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44, ст. 4147.
3. Иванов, П.П. Экологическое право энергетического сектора: современные вызовы и пути решения / П.П. Иванов. – Москва: Юрайт, 2023. – 256 с.
4. Петров, В.К. Экологическое страхование ответственности в энергетической отрасли / В.К. Петров. – Москва: Проспект, 2025. – 192 с.
5. Постановление Правительства РФ от 03.03.2017 № 255 "Об исчислении и взимании платы за негативное воздействие на окружающую среду" // Собрание законодательства РФ. 2017. № 11, ст. 1579.
6. Сидорова, А.С. Правовые аспекты экологической безопасности энергетических объектов / А.С. Сидорова. – Санкт-Петербург: Питер, 2024. – 224 с.
7. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.03.2022) "Об охране окружающей среды" // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2, ст. 133.

Кулишова Владислава Вадимовна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Коломиец Виктория Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Сахно Юлия Анатольевна,
ассистент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ С РАДИОАКТИВНЫМИ ОТХОДАМИ

***Аннотация.** В статье рассматривается актуальная проблема производства и потребления электроэнергии в России, а также вопросы развития атомной энергетики как одного из перспективных направлений энергообеспечения. Анализируется существующая система правового регулирования обращения с радиоактивными отходами (РАО), выявляются основные проблемы в данной сфере. Особое внимание уделяется недостаткам в классификации РАО, неэффективности взаимодействия между участниками процесса обращения с отходами и отсутствию безопасных полигонов для их захоронения.*

***Ключевые слова:** электроэнергия, атомная энергетика, радиоактивные отходы, правовое регулирование, обращение с РАО, законодательство.*

В современном мире электроэнергия является одним из важнейших факторов, определяющих уровень жизни и развития общества. Она стала не только неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, но и играет ключевую роль в таких сферах как промышленность, связь, транспортная отрасль, медицина и наука. Поэтому темпы производства и потребления электроэнергии продолжают расти. Согласно официальной статистике, приведенной в СМИ [1], показатель выработки электроэнергии в России на момент 2024 г. вырос на 2,9%, а показатель потребление увеличился на 3,1% по сравнению с предыдущим годом. При этом рост потребления данного вида энергии, начиная с 2005 г. обуславливается, главным образом, нуждами промышленности и бытовыми потребностями населения страны.

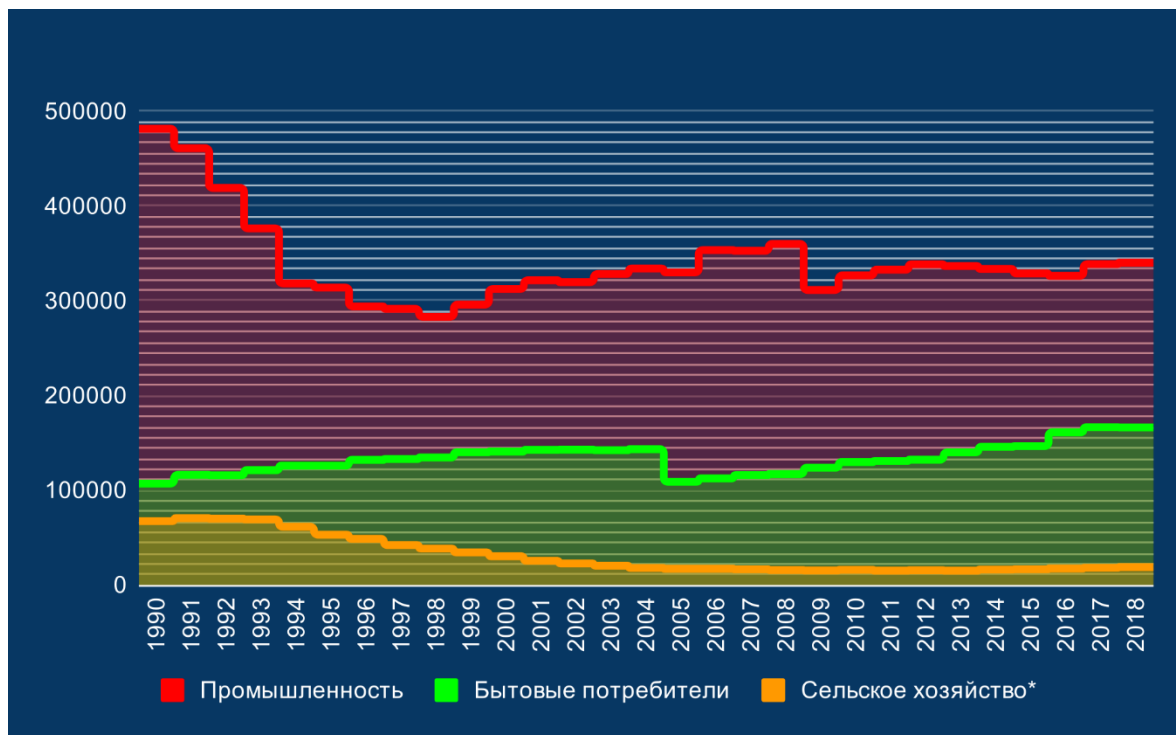
Исходя из данных статистики появляется закономерный вопрос: каким образом можно в достаточной степени обеспечить нужды промышленности и обычных граждан?

В современной России наибольшие объемы производства электроэнергии осуществляются благодаря тепло- и гидроэлектростанциям. Однако теплоэнергетика не является экологичным способом производства энергии, а гидроэнергетика не абсолютно эффективна и безопасна. На наш взгляд наиболее целесообразным является развитие и использование атомной энергетики как экологичного, эффективного и безопасного при правильной эксплуатации способа производства электроэнергии.

Развитие атомной энергетики действительно может способствовать удовлетворению растущих потребностей в электроэнергии. Однако вместе с преимуществами этого источника

энергии возникают и специфические риски, среди которых особое место занимает проблема обращения с радиоактивными отходами.

Радиоактивные отходы (РАО) определяются в ФЗ «Об использовании атомной энергии» как «не подлежащие дальнейшему использованию материалы и вещества с превышением установленных норм содержания радионуклидов» [2]. Они образуются при выводе из эксплуатации объектов ядерного топливного цикла. Важным условием отличия РАО от других опасных отходов является именно наличие ионизирующего излучения и других специфических характеристик радиоактивного распада [3, с. 43].

И так как данные отходы представляют особую опасность для человека и окружающей среды существует необходимость тщательного законодательного регулирования всего процесса обращения с ними. В Российской Федерации сферу обращения с РАО регулируют как законодательные акты, так и подзаконные. Например, ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами» является специализированным нормативным актом, который регулирует непосредственно обращение с радиоактивными отходами. Он устанавливает правовые основы обращения с РАО, классификацию РАО и критерии их отнесения к определенным категориям, порядок их образования, использования, хранения и захоронения.

Более комплексным законом является ФЗ «Об охране окружающей среды». Он устанавливает общие требования к охране окружающей среды при осуществлении деятельности в области использования атомной энергии, в частности, нормы в сфере обеспечения экологической безопасности при обращении с РАО, а также проведения оценки воздействия на окружающую среду, нормирования радиационной безопасности и контроля за радиационной обстановкой.

Уже упомянутый ранее ФЗ «Об использовании атомной энергии» является основополагающим документом в области регулирования безопасности при использовании атомной энергии в целом. Он определяет порядок лицензирования деятельности с РАО, требования к обращению с ядерными материалами, ответственность за нарушение правил безопасности, а также порядок контроля и надзора в сфере обращения с РАО.

Среди подзаконных актов, регулирующих сферу обращения с радиоактивными отходами, можно выделить Постановление Правительства РФ «О порядке организации системы государственного учета и контроля радиоактивных веществ и радиоактивных

отходов». Особое внимание в данном документе уделяется вопросам обеспечения безопасности и предотвращения несанкционированного использования РАО.

Однако несмотря на большой объем нормативного материала, Российское законодательство не лишено проблем правового регулирования в данной области. Во-первых, ключевым недостатком является отсутствие единой методологии классификации радиоактивных отходов. Например, в ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами» приводится деление РАО на удаляемые радиоактивные отходы и особые радиоактивные отходы. В свою очередь удаляемые отходы могут классифицироваться по таким признакам как период полураспада радионуклидов, удельная активность, агрегатное состояние, содержание ядерных материалов и т.д. Приказами Росатома и Постановлениями Правительства РФ устанавливается 6 классов РАО [4], а Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) рекомендует классифицировать радиоактивные отходы по степени опасности для человека (безопасные, отходы с низким и средним уровнем активности, отходы высокой активности) [5, с. 6-7].

Во-вторых, существенным недостатком современной системы обращения с радиоактивными отходами является неэффективность взаимодействия между участниками процесса сбора, хранения, транспортировки и захоронения отходов, а именно отсутствие четкого разграничения полномочий между госкорпорациями и органами исполнительной власти. Например, Постановлением Правительства РФ от 23.04.2013 устанавливается, что именно Росатом уполномочен разрабатывать и утверждать обязательные требования в отношении технологической документации, в том числе и вести документацию процессов переработки радиоактивных отходов [6]. Но согласно положениям, установленными Приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору [7], Ростехнадзор также обязан осуществлять детальную документирование всех этапов обращения с РАО, т.е. дублировать функции Росатома.

В-третьих, на сегодняшний день в России отсутствуют полностью безопасные полигоны для захоронения радиоактивных отходов (ПЗРО) несмотря на то, что работы по их утилизации ведутся на протяжении длительного времени. Лишь к 2030 г. запланировано создание подземной исследовательской лаборатории в Нижнеканском массиве (ПИЛ НКМ) [8, с. 101]. А зарубежная практика такова, что исследования на подобных объектах идут минимум 10-20 лет [9, с. 56]. При этом необходимо будет дополнять и изменять текст Постановления Правительства РФ от 19.10.2012 [10] в части выделения очень низкоактивных радиоактивных отходов в отдельный класс и направления их для захоронения в вышеупомянутый ПЗРО.

Отдельного внимания заслуживает проблема «исторического наследия» – накопленных РАО, образовавшихся в результате оборонной деятельности и на ранних этапах развития атомной промышленности. Существующие правовые механизмы не обеспечивают эффективного решения данной проблемы, поскольку не определяют четкие источники финансирования и субъектов, ответственных за ликвидацию подобных объектов [11].

Несмотря на создание единой государственной системы обращения с РАО, на наш взгляд, представляется необходимым разработать и подписать межведомственное соглашение между Росатомом и Ростехнадзором на основании ФЗ «Об использовании атомной энергии» и ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами», где детально определить исключительные полномочия каждого ведомства в части лицензирования, контроля и надзора за обращением с РАО, установить четкий порядок взаимодействия при проведении проверок и контрольных мероприятий, создать единый регламент информационного обмена между ведомствами, сформировать постоянно действующий координационный орган для оперативного разрешения спорных ситуаций, разработать и утвердить «матрицу» распределения ответственности.

Дополнительно также требуется внести изменения в Положение о Росатоме и Положение о Ростехнадзоре, утверждённые соответствующими нормативными актами, для устранения правовых пробелов и противоречий в распределении полномочий между ведомствами, что позволит обеспечить эффективное разграничение функций и исключить дублирование контрольных мероприятий в сфере обращения с РАО.

В заключение следует отметить, что сформированная в России система организационных и правовых основ обращения с радиоактивными отходами соответствует международным стандартам и обеспечивает необходимый уровень безопасности. Совершенствование нормативной базы и организационных механизмов в сфере обращения с РАО должно быть неразрывно связано с неукоснительным соблюдением ключевых принципов атомного права: обеспечения безопасности, гласности и научной обоснованности решений. Только при таком подходе возможна минимизация рисков и надежная защита населения и окружающей среды.

Список используемых источников:

1. Тыбинь А. Потребление электроэнергии увеличилось и продолжит расти // Коммерсантъ. – 2025 г. – 14 января. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7432006>
2. Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ (ред. От 31.07.2025) «Об использовании атомной энергии» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4552.
3. Пронкин Н.С., Шарафутдинов Р.Б., Гераскин Н.И. Регулирование безопасности обращения с радиоактивными отходами: Учебное пособие / Под ред. Н. С. Пронкина. – Москва: НИЯУ МИФИ, 2011. – 264 с.
4. Постановление Правительства РФ от 29.10.2022 № 1929 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 19.11.2012 г. № 1069» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 45. – Ст. 7713.
5. Классификация радиоактивных отходов: Нормы МАГАТЭ по безопасности для защиты людей и охраны окружающей среды / Руководство по безопасности № GSG-1 // Международное агентство по атомной энергии. – Вена, 2014 г. – 75 с.
6. Постановление Правительства РФ от 23.04.2013 № 362 «Об особенностях технического регулирования в части разработки и установления государственными заказчиками, федеральными органами исполнительной власти, уполномоченными в области государственного управления использованием атомной энергии и государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии, и Государственной корпорацией по атомной энергии "Росатом" обязательных требований в отношении продукции, для которой устанавливаются требования, связанные с обеспечением безопасности в области использования атомной энергии, а также процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации, утилизации и захоронения указанной продукции» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 17. – Ст. 2176.
7. Приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 05.08.2014 № 347 «Об утверждении федеральных норм и правил в области использования атомной энергии "Безопасность при обращении с радиоактивными отходами. Общие положения"» // Российская газета. – 2015 г. – 6 февраля. – № 24/1.
8. Татаринов В.Н., Морозов В.Н., Маневич А.И., Татарина Т.А. Подземная исследовательская лаборатория: к программе геомеханических исследований // Радиоактивные отходы. – 2019 г. – № 2 (7). – С. 101-118.
9. Цебаковская Н.С., Уткин С.С., Капырин И.В. Обзор зарубежных практик захоронения ОЯТ и РАО / Под редакцией И.И. Линге и Ю.Д. Полякова. – Москва: Изд-во «Комтехпринт», 2015 г. – 208 с.
10. Постановление Правительства РФ 19.10. 2012 № 1069 «О критериях отнесения твердых, жидких и газообразных отходов к радиоактивным отходам, критериях отнесения радиоактивных отходов к особым радиоактивным отходам и к удаляемым радиоактивным отходам и критериях классификации удаляемых радиоактивных отходов» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 44. – Ст. 6017.
11. Тихонова А.А., Самойлов А.А., Ильина О.А. Особенности процесса поиска и внедрения новых технологических решений по выводу из эксплуатации объектов ядерного наследия и обращению с образующимися при этом радиоактивными отходами // Радиоактивные отходы. – 2022. – № 4 (21). – С. 90-102.

Кукеев Аскар Кульчимбаевич,
аспирант кафедры государственного и муниципального права
Омского Государственного Университета им. Ф.М. Достоевского
(г. Омск, Россия)

АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению концептуальных подходов к оценке эффективности правового регулирования отношений в сфере возобновляемых источников энергии. Возобновляемая энергетика приобретает все большее значение в контексте глобальной борьбы с изменением климата и стремления к устойчивому развитию. В статье рассматриваются основные аспекты государственной политики в области возобновляемых источников энергии, которые включают минимизацию выбросов и контроль загрязнения, рациональное использование природных ресурсов, сохранение биоразнообразия и повышение экологической осведомленности общества. В статье подчеркивается, что экологизация энергетического сектора имеет критическое значение для обеспечения энергетической безопасности Республики Казахстан. При этом анализируются главные вызовы, возникающие в процессе реализации государственной политики: несовершенство правовой базы, финансовые и инвестиционные ограничения, технические препятствия и сопротивление со стороны традиционных энергетических лобби. В результате исследования очерчиваются перспективы и возможные направления реформ, направленных на усиление экологической составляющей в государственной политике в сфере возобновляемой энергетики. В частности, предлагается усилить контроль за экологическими стандартами, внедрять инновационные технические решения, и развивать международное сотрудничество. Достижение прогресса в сфере возобновляемой энергетики с учетом экологических приоритетов способно существенно улучшить качество окружающей среды, стимулировать экономический рост и укрепить энергетическую независимость Республики Казахстан.*

***Ключевые слова:** возобновляемая энергетика, государственная политика, энергетическая безопасность, окружающая среда, альтернативная энергетика.*

В современном мире, когда влияние человека на экологию становится всё более значительным, важно, чтобы нынешнее поколение разумно использовало и восстанавливало природные ресурсы, сохраняя их для будущих поколений. Уже сегодня мы видим первые результаты этих усилий. Повышение экологических стандартов для транспорта постепенно приводит к отказу от использования «тяжелого» топлива, такого как дизельное, и переходу на гибридные и электрические силовые установки. Государства вводят всё более строгие правила использования и восстановления лесов, а также сохранения экологических экосистем. Однако, пожалуй, самым важным шагом на пути к новой философии является переход человечества к использованию возобновляемых источников энергии.

В своем развитии человечество переживает особенный период, связанный с переосмыслением ценностей и поиском новых путей для дальнейшего движения вперед. Промышленные революции, в ходе которых была сформирована философия безмерного потребления природных ресурсов, хоть и стали мощным толчком для экономической эволюции цивилизации, в то же время создали производственную инфраструктуру, негативно влияющую на окружающую среду и, следовательно, на человека.

Сжигание углеводородных ресурсов, таких как нефть, газ и уголь, является одним из самых серьёзных экологических вызовов. Поэтому современные правительства уделяют большое внимание разработке новых энергетических стратегий и созданию соответствующей инфраструктуры. Кроме того, запасы этих ресурсов не безграничны, поэтому их истощение и переход к возобновляемым источникам энергии – лишь вопрос времени.

Следует отметить, что изменения происходят на фоне роста уровня жизни и обеспечения прав и свобод человека, а также активной технологизации общества. В настоящее время человечество переживает период, когда главным вопросом дальнейшего развития становится активный переход к использованию возобновляемых источников энергии во всех сферах энергопотребления. В то же время происходит совершенствование энергоэффективного подхода к удовлетворению потребительских и производственных потребностей, что становится возможным благодаря технологизации повседневной жизни и высоким стандартам жизни, а также обеспечению прав и свобод человека.

В сфере экологических аспектов возобновляемой энергетики существует довольно широкий спектр научных исследований и публикаций, охватывающих правовые, технические и управленческие аспекты темы. В частности, Д.А. Серикова [1] акцентируют внимание на эколого-правовом и природоресурсном измерении взаимодействия солнечной энергетики с окружающей средой. Автор подчеркивает, что интенсивная эксплуатация солнечных панелей требует надлежащего правового сопровождения и контроля за возможными негативными последствиями для экосистем. Вместо этого Ж.Ж. Абдильдин, Г.К. Смагулов [2] обращают внимание на нормативно-правовое обеспечение развития контексте анализа пробелов в законодательстве, предложения по совершенствованию норм. Более тщательный анализ возобновляемой энергетики как области научных исследований представлен в труде под общей редакцией Б. Калымбек [3], которая предлагает комплексный подход к пониманию потенциала «чистых» источников энергии и их роли в минимизации воздействия на окружающую среду. Аспекты внедрения водородной энергетики в Республике Казахстан рассматривают А. Жумабеков, М. Кенжебекова [4], утверждая о высоком потенциале водорода как универсального вида топлива будущего, что может значительно сократить углеродный след страны. Дополнительные аспекты нетрадиционных и возобновляемых источников раскрывают Е.Б. Сапаргалиев, А.А. Мукашев [5], сосредоточившись на особенностях их технической реализации и связанных с этим вызовах. С правовой точки зрения различные аспекты понятия возобновляемых источников энергии в украинском законодательстве анализируют Д.А. Касымбеков, А.М. Ергали, О.Н. Тлепбергенов [6], подчеркивая важность четкого определения ключевых терминов для создания единого правового поля альтернативных источников энергии в международном сотрудничестве в сфере возобновляемой энергетики и его организационно-правовой механизм. Ученые акцентируют внимание на возможности привлечения передовых технологий благодаря взаимодействию Республики Казахстан с международными партнерами и предоставляет предложения по оптимизации соответствующего правового регулирования.

В современных условиях, когда мировая экономика находится в процессе активного энергетического перехода, возобновляемая энергетика все ощутимее выходит на передний план. Зависимость от традиционных ископаемых видов топлива вызывает глобальные экологические проблемы, наиболее важными из которых являются изменение климата, повышение уровня загрязнения окружающей среды и истощение имеющихся ресурсов. Из-за этого экологические аспекты государственной политики в сфере возобновляемой энергетики неустанно приобретают весомость, поскольку они способствуют формированию устойчивого развития и обеспечению энергетической безопасности государства. Важно осознавать, что развитие возобновляемых источников энергии (солнечная, ветровая, гидроэнергия, геотермальная и т.д.) не только позволяет удовлетворить внутренний спрос на энергию, но и существенно сокращает экологическое давление на окружающую среду. Именно поэтому, вопрос связан с формированием эффективных экологических основ, является приоритетным для любой страны, стремящейся к устойчивому и экологически безопасному развитию.

В последние годы энергетическая система Казахстана столкнулась с серьёзными проблемами, которые проявляются на всех уровнях – от выработки до конечного потребления энергии. Значительная часть оборудования тепловых электростанций и распределительных сетей изношена. По данным Министерства энергетики РК, износ основных фондов превышает 60–70%. Потери электроэнергии в сетях составляют в среднем 11–13% от общего объёма выработки, что значительно выше, чем в развитых странах [7]. Основными причинами таких потерь являются

устаревшая инфраструктура, недостаточная цифровизация управления энергосистемой, ограниченные инвестиции в модернизацию сетей и низкий уровень использования возобновляемых источников энергии. Кроме того, растущая нагрузка на электросети из-за урбанизации и индустриального развития усугубляет проблему энергодефицита в некоторых регионах страны, особенно в южных областях. Ситуация требует комплексного преобразования энергетического сектора, включая переход к «зелёной» энергетике, внедрение интеллектуальных сетей (smart grid), повышение энергоэффективности и совершенствование законодательства в области возобновляемых источников энергии и энергосбережения.

С целью решения вышеупомянутых проблем и повышения уровня национальной энергетической безопасности Правительство Республики Казахстан утвердило Концепцию развития электроэнергетической отрасли Республики Казахстан на 2023 – 2029 годы, которая отражает цели зеленого курса и базируется на принципах комплексного подхода к формированию и реализации политики в сфере энергетики, созданию условий для устойчивого развития экономики Республики Казахстан [8].

Соответствующие цели будут достигаться, в том числе путем развития возобновляемой энергетики, а именно:

- внедрение новейших технологий (производство и использование водорода, установки хранения энергии);
- учета мировых трендов и инновационных решений, требований к экологической безопасности согласно нормам и принятым обязательствам Республики Казахстан;
- международные обязательства Республики Казахстан относительно энергоэффективности и использования ВИЭ, уменьшения выбросов парниковых газов; развития и использования возобновляемых источников энергии [8].

Кстати, мировые тенденции и опыт ведущих стран мира: США, Китая, Великобритании и Германии в области возобновляемой энергетики демонстрируют, что переход к чистой энергетике возможен и экономически выгоден, что должно вдохновить Республику Казахстан на ускорение своих усилий в борьбе с изменением климата и обеспечение собственной энергетической безопасности, в том числе путем развития возобновляемой энергетики [9].

Острая потребность в «чистой» энергии обусловлена тем, что современный уровень промышленного потребления энергоресурсов приводит к росту количества парниковых газов и соответственно провоцирует ускорение глобального потепления. Это негативно влияет на климатические системы планеты и угрожает устойчивому развитию общества в целом. В этом контексте критически важна государственная политика, учитывающая экологические аспекты внедрения возобновляемых источников энергии. Прежде всего речь идет о необходимости создания законодательных норм и регуляторных инструментов, стимулирующих инвесторов, частный сектор и общественность к внедрению чистых технологий. Кроме того, государство должно обеспечивать финансовые льготы, налоговые преференции и поддерживать научные разработки, направленные на повышение эффективности и снижение стоимости возобновляемой энергии, а также одновременно усиливать экологический контроль [10, с.53]. Важно учитывать, что экологические аспекты не ограничиваются только проблемами выбросов в атмосферу и уменьшением парниковых газов. В процессе производства «чистой» энергии возникает ряд других экологически чувствительных моментов: утилизация отходов солнечных панелей, аккумуляторов, влияние ветровых станций на биоразнообразие и миграционные пути птиц, угроза изменения ландшафтов вследствие масштабного строительства гидроэлектростанций и тому подобное. Следовательно, государственная политика должна предлагать сбалансированные решения, чтобы минимизировать потенциальные угрозы окружающей среде. Это требует четкой координации между профильными министерствами, органами местного самоуправления, а также учеными и представителями общества, которые могут предоставлять объективную оценку экологической эффективности проектов в сфере возобновляемой энергетики. Поскольку большинство стран мира стремятся достичь углеродно-нейтрального развития, видя в этом средство сохранения климатической стабильности, возрастает потребность в гармонизации экологической политики на государственном уровне. Республика Казахстан, которая имеет значительный

потенциал в развитии возобновляемых источников энергии, одновременно сталкивается с системными вызовами: несовершенство правовой базы, нехватка финансов, недостаточная информированность населения о преимуществах возобновляемой энергетики.

Однако постепенное осознание важности «чистой» энергии, поддержка международных доноров и стратегические документы на уровне государства создают предпосылки для преодоления этих барьеров. Таким образом, актуальность темы заключается в том, чтобы дать четкий ответ на вопрос: как оптимально совместить сохранение окружающей среды с активным внедрением возобновляемой энергетики. Все больше экологических проблем в сфере энергетики обусловлены неконтролируемой урбанизированной политикой, где часть инфраструктуры устарела, а системы управления не отвечают настоящим требованиям времени. Вместо реактивного подхода необходима проактивная и стратегическая политика, закладывающая основы для экологически дружественных технологий и соответствующего образа жизни граждан [11, с. 79]. Именно в государственных стратегических документах появляются ориентиры на внедрение энергоэффективных проектов, наращивание доли возобновляемых источников энергии и стимулирование «зеленого» строительства. Эти направления требуют не только финансовых ресурсов и технологий, но и создания комплексного экологического законодательства, которое охватывает требования по оценке воздействия на окружающую среду, нормы экологической безопасности и ответственности за потенциальные экологические риски.

Важным элементом в реализации государственной политики является прозрачность и открытость процесса принятия решений. Экологическая составляющая должна присутствовать на всех этапах – от разработки законопроектов до их принятия и внедрения. Общественное обсуждение, экспертные заключения и научно обоснованные рекомендации являются основой, чтобы не допустить экологических злоупотреблений или просчетов. Создание независимых органов экологического мониторинга и контроля позволит усилить доверие общественности и предотвратить коррупционные риски. Все это должно быть отражено в политике, которая стоит на принципах устойчивого развития и направлена на долгосрочную пользу для общества и будущих поколений.

Состояние окружающей среды является критерием успешности государства на международной арене, поскольку экологические стандарты и технологии «чистого» производства все чаще становятся одним из ключевых показателей конкурентоспособности. Страны, которые еще раньше ввели возобновляемую энергетику и усилили ее экологическую составляющую, получают преимущества в виде снижения затрат на энергоносители, улучшения здоровья нации и развития инновационного сектора. Республика Казахстан, имея значительные природные ресурсы-солнечный потенциал на юге, ветровой потенциал в степных и горных регионах, гидроэнергетический в крупных реках – может стать примером для других стран с переходной экономикой. Однако для этого необходимо, чтобы государство развило устойчивые механизмы управления, которые смогут включить экологические ценности во все отрасли хозяйственной деятельности. Еще один важный фактор актуальности темы – это взаимосвязь экологических аспектов возобновляемой энергетики со здоровьем населения и качеством жизни. Загрязненная окружающая среда является средой для развития хронических заболеваний, в частности респираторных и сердечно-сосудистых. Переход на чистые источники энергии способствует улучшению окружающей среды, ведь значительно снижаются выбросы вредных веществ в воздух, воду и почву. К тому же возобновляемые источники энергии часто предусматривают создание новых рабочих мест в высокотехнологичных секторах, что положительно влияет на социально-экономическую сферу. Следовательно, экологическая основа государственной политики в этой сфере должна учитывать также социально-экономические преимущества «чистой» энергии, делая экологизацию энергетики еще более востребованной.

Выводы. Таким образом, государственная энергетическая политика Республики Казахстан требует соответствующего усовершенствования и трансформации, так как в современных условиях не в полной мере обеспечивает энергетическую безопасность страны

и является недостаточно результативной и эффективной. Это актуализирует необходимость учета существующих вызовов и рисков настоящего в энергетике при формировании и реализации государственной энергетической политики, которая должна быть направлена на повышение уровня как энергетической, так и национальной безопасности. Осознание имеющихся вызовов и перспектив стимулирует разработку адекватных механизмов и инструментов государственной политики, чтобы Республика Казахстан могла стать полноправным участником мирового сообщества в борьбе с изменениями климата и негативными последствиями традиционного энергопотребления.

Список используемых источников:

1. Серикова Д.А. Развитие солнечной энергетики в Казахстане: правовые и экономические аспекты. // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия экономическая. – 2022. – №4. С.55-63.
2. Абдильдин Ж.Ж., Смагулов Г.К. Правовые основы развития солнечной энергетики в Республике Казахстан. Вестник КазГЮУ. – 2022. – № 3. С. 140-46.
3. Калымбек Б. Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в Республике Казахстан. Алматы, 2016. – 125 с.
4. А. Жумабеков, М. Кенжебекова Правовые основы формирования водородной отрасли в Республике Казахстан. Вестник КазНУ. Серия Юридическая. – 2023. – № 4. С. 132-140.
5. Сапаргалиев Е.Б., Мукашев А.А. Правовые основы стимулирования использования возобновляемых источников энергии в Республике Казахстан//Право и государство. – 2022. – №2. – С.110-120.
6. Касымбеков Д.А., Ергали А.М., Тлепбергенов О.Н. Некоторые правовые вопросы развития возобновляемой энергетики в Республике Казахстан // Вестник КазНУ. Серия Юридическая. – 2024. – № 2. – С.170-179.
7. Минэнерго РК: износ генерирующих мощностей составляет порядка 60%. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kt.kz/rus/state/_1377941659.html
8. Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 263 «Об утверждении Концепции развития электроэнергетической отрасли Республики Казахстан на 2023 – 2029 годы». [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000263>
9. Жакупова Л.Т. Государственное регулирование возобновляемой энергетики: опыт Казахстана и зарубежных стран// Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия «Юридические науки». – 2023. –№2. С.122-131.
10. Калибеков А.Е. Совершенствование государственной политики в области ВИЭ на современном этапе // Экономика и право Казахстана. 2023. – №1. С.49-56.
11. Карабаев С.Т. Развитие возобновляемой энергетики в Казахстане: правовые, экономические и экологические аспекты// Наука и инновации Казахстана. – 2019. – №2. С.77-86.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ: СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА И ПРОБЕЛЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

***Аннотация.** Представленная статья направлена на рассмотрение особенностей обеспечения права на защиту при применении мер пресечения. Автором определяется общий порядок правового регулирования права на защиту в уголовном процессе, роль адвоката в его реализации на стадии применения меры пресечения. Отдельный акцент делается на проблемах правового регулирования, нахождения путей их устранения путем внесения изменений в акты действующего законодательства.*

***Ключевые слова:** уголовный процесс, право на защиту, адвокат, мера пресечения, содержание под стражей.*

В современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации обеспечение права на защиту подозреваемым и обвиняемым в совершении преступления при применении меры пресечения рассматривается в качестве ключевого аспекта, способствующего соблюдению баланса между государственными интересами в области производства эффективного расследования и фундаментальными правами личности, закрепленными в актах действующего законодательства. В условиях постоянной эволюции правового регулирования уголовно-процессуальных процедур, развития общественных отношений и иных обстоятельств, вопросы, связанные с совершенствованием механизмов защиты при применении мер пресечения, приобретают особую актуальность, требуя всестороннего и детального исследования.

Право граждан на защиту в уголовном процессе находит свое непосредственное отражение в тексте действующей Конституции Российской Федерации. Так, статья 48 Основного Закона устанавливает: «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения» [1].

Рассматриваемое право включает в себя множество аспектов, среди которых возможность свободного выбора адвоката, получение от него помощи на каждой из стадий уголовного процесса, а также обеспечение общения в конфиденциальных условиях, не предполагающих вмешательства со стороны третьих лиц [6, с. 85]. Поскольку каждая из предусмотренных действующим законодательством мер пресечения так или иначе ограничивает права и свободы гражданина, в ситуации их практического применения надлежащая реализация права на защиту становится критически важной. К примеру, статья 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] закрепляет возможность применения в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, которая прямо ограничивает право на свободу передвижения, провозглашенное в статье 27 Конституции Российской Федерации.

Анализ действующего законодательства демонстрирует, что при применении меры пресечения право на защиту предполагает не только формальную возможность участия в данных процессах защитника, но и реальные инструменты для оказания непосредственного влияния на итоговое решение суда. Так, например, Приморский краевой суд Приморского края, рассмотрев жалобу обвиняемого при участии в судебном заседании адвоката, постановил изменить меру пресечения с заключения под стражу на домашний арест. Основанием для

принятия данного решения послужили аргументы стороны защиты, указывающие на отсутствие у следствия доказательств, подтверждающих факт наличия оснований, обосновывающих целесообразность продления ранее избранной меры пресечения [5]. Исследовав схожие аргументы, к аналогичному выводу пришел и Смоленский областной суд Смоленской области, однако, в данном случае мера пресечения с заключения под стражу была изменена на значительно более мягкую – запрет на совершение определенных действий [4].

В каждом из приведенных выше примеров непосредственное участие в апелляционном обжаловании принимал адвокат обвиняемого. Как абсолютно верно замечает А.Л. Калинина, адвокат, будучи квалифицированным защитником, обладающим специальными знаниями в области юриспруденции, обладает достаточными навыками для того, чтобы оспорить необоснованное решение об избрании или продлении меры пресечения, опираясь исключительно на нормы действующего законодательства. В условиях отсутствия защитника такое оспаривание существенно затрудняется, так как многие подозреваемые и обвиняемые не обладают подобными качествами, что негативно сказывается не только на самом результате обжалования, но и на составлении апелляционной жалобы, также требующего учета специфики уголовно-процессуального права России и целой совокупности иных, не менее важных обстоятельств [8, с. 319].

Несмотря на потенциальную эффективность деятельности адвокатов в деле защиты прав подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых была избрана мера пресечения, ряд аспектов, обусловленных несовершенством действующего законодательства, создает барьеры для практической реализации соответствующего права. В своем исследовании О.А. Сунцова отмечает, что на практике распространены случаи, когда адвокату отказывается в доступе к свиданию с доверителем, находящимся в месте содержания под стражей [9, с. 212].

Если проанализировать действующее законодательство, то в статье 18 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» можно обнаружить указание на то, что предоставление свиданий между адвокатом и подзащитным должно быть не только беспрепятственным, но и не предполагает каких-либо количественных ограничений, за исключением тех случаев, которые находят свое прямое отражение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [3]. Анализ материалов судебной практики подтверждает факт нарушения данного правила со стороны администрации следственных изоляторов. Так, в 2021 году адвокату Юлии Чвановой удалось обжаловать решение начальника СИЗО-6 ГУФСИН России по Иркутской области в г. Ангарске. Из материалов дела следует, что адвокат не была допущена к четырем доверителям по причине того, что следователь выдал прямое распоряжение начальнику СИЗО, содержащее указание на исключение каких-либо свиданий с обвиняемыми. В итоговом решении суда по административному иску действия следователя и начальника СИЗО были признаны незаконными [10].

Еще одна проблема обусловлена недавними нововведениями, связанными с интеграцией цифровых технологий в уголовное судопроизводство. Так, к примеру, статья 46 УПК РФ закрепляет правило, в соответствии с которым допускается возможность проведения свидания с адвокатом посредством использования систем видео-конференц-связи. Как абсолютно верно замечает Т.И. Исакова, из норм действующего законодательства не совсем понятно, каким именно образом должна обеспечиваться конфиденциальность свидания по видео-конференц-связи в ситуации, если подозреваемый или обвиняемый находится в месте содержания под стражей. В данном случае, речь идет не только о предоставлении изолированного от третьих лиц помещения, но и возможности использования конкретного, защищенного и сертифицированного программного обеспечения, в действительности исключающего возможность прослушки и иного вмешательства, нарушающего принцип конфиденциальности и, как следствие, адвокатскую тайну [7, с. 135].

Суммируя вышеизложенное, можно прийти к выводу, что недостатки действующего законодательства не только препятствуют эффективной реализации права на защиту при применении меры пресечения, но и напрямую способствуют нарушению прав подозреваемых и обвиняемых. В этой связи, представляется рациональным предложить конкретизировать

порядок проведения очных свиданий в местах содержания под стражей, указав в Федеральном законе от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» исчерпывающий перечень причин для отказа, выход за пределы которых не представляется возможным, а также определив в данном нормативно-правовом акте фиксированную минимальную продолжительность еженедельных свиданий, например, сроком в 6 часов. Кроме того, на уровне УПК РФ следует установить правило об обязательном аудите и проверке систем и программного обеспечения, используемых для проведения видеоконференций.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.
4. Апелляционное постановление Смоленский областной суд Смоленской области № 22К-543/2025 3/2-54/2025 от 26 марта 2025 г. по делу № 3/2-54/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZsOBB0HsGpZ8/> (дата обращения: 11.11.2025).
5. Апелляционное постановление Приморского краевого суда Приморского края № 22-1589/2025 22К-1589/2025 от 27 марта 2025 г. по делу № 3/2-16/25 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/66Or7ukjp8HL/> (дата обращения: 11.11.2025).
6. Гриднев Н.С. Роль адвоката в уголовном процессе // В зеркале права. 2023. № 1. С. 85-87.
7. Исакова, Т.И. Соблюдение права на защиту при сокращенных свиданиях с адвокатом в СИЗО // Вестник науки. 2025. № 7 (88). С. 132-134.
8. Калинина А.Л. Об аргументации адвоката при заявлении ходатайства об исключении недопустимых доказательств в ходе судебного заседания по избранию меры пресечения // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3 (52). С. 316-321.
9. Сунцова О.А. Алгоритм действий адвоката при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Современные проблемы правотворчества и правоприменения. 2022. № 1. С. 211-215.
10. Право адвоката на беспрепятственные свидания с осужденными нарушено // ФПА. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/pravo-advokata-na-besprepyatstvennye-svidaniya-s-osuzhdennymi-narusheno/> (дата обращения: 11.11.2025).

Кутько Евгений Юрьевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Капнин Антон Викторович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Беляева Татьяна Николаевна,
ассистент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается современный правовой режим национальных парков как одного из ключевых институтов особо охраняемых природных территорий Российской Федерации. На основе анализа действующего законодательства и научной литературы раскрываются особенности правового статуса земель, ограничения природопользования, вопросы государственного управления и взаимодействия с населением. Внимание уделяется проблемам правоприменения, связанным с функциональным зонированием, режимами охраны, регулированием туристической деятельности и использованием природных ресурсов. Делается вывод о необходимости совершенствования правовых механизмов обеспечения устойчивого развития национальных парков и повышения эффективности их охраны.*

***Ключевые слова:** национальные парки, особо охраняемые природные территории, правовой режим, природопользование, охрана окружающей среды, земельный статус.*

Национальные парки представляют собой одну из наиболее сложных категорий особо охраняемых природных территорий, поскольку их правовой режим сочетает элементы природоохранного регулирования, норм земельного и лесного законодательства, а также требования, связанные с развитием организованного туризма. Согласно статье 2 Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» национальные парки создаются с целью сохранения природных комплексов, проведения научных исследований и организации экологического туризма [1]. В российской правовой доктрине национальные парки рассматриваются как многофункциональные природоохранные территории, на которых допускается строго регулируемое природопользование при обязательном обеспечении охраны природных комплексов» [5, с. 224].

Правовой режим национальных парков формируется под влиянием как общих норм экологического законодательства, так и специальных требований, закреплённых в Федеральном законе № 33-ФЗ [1]. Одним из базовых элементов режима является положение о том, что земли национальных парков относятся к категории земель особо охраняемых территорий, находящихся в федеральной собственности. Это положение прямо следует из статьи 95 Земельного кодекса РФ, которая относит земли ООПТ к самостоятельной категории, обладающей особыми режимами использования [2]. Как отмечает А.П. Асимов, правовой статус этих земель «предполагает максимальную степень ограничений, связанных с обеспечением природоохранных целей, что отличает их от иных категорий земель, даже включённых в экологически значимые режимы» [5, с. 31].

Важной особенностью правового режима является то, что в пределах национальных парков могут располагаться земельные участки, которые были предоставлены гражданам или организациям до создания парка. Законодатель предусматривает, что при невозможности согласования режимов использования такие участки могут быть изъяты в соответствии с земельным законодательством. На практике, однако, механизм изъятия применяется редко, поскольку требует компенсации и сложных согласительных процедур. Поэтому уполномоченные органы чаще прибегают к установлению публичных сервитутов или к изменению режимов использования земель. В науке отмечается, что подобный подход позволяет находить баланс между публичными и частными интересами и минимизировать конфликтность регулирования.

Правовой режим национальных парков основывается на принципе функционального зонирования территории. Закон № 33-ФЗ закрепляет возможность выделения заповедной, особо охраняемой, рекреационной, историко-культурной и хозяйственной зон [1]. Каждая зона обладает различной степенью доступности и допускаемыми видами деятельности. Так, в заповедной зоне запрещаются любые виды хозяйственной и иной деятельности, кроме мероприятий по охране природы, проведения научных работ и мониторинга. В рекреационной зоне допускается организованный туризм, размещение экологических троп и объектов туристской инфраструктуры, однако строительство капитальных объектов возможно лишь в пределах, не нарушающих природоохранный режим. Концепция зонирования позволяет адаптировать режим охраны к природным особенностям территории, что неоднократно подчёркивалось в научной литературе.

Ограничения хозяйственной деятельности на территориях национальных парков определяются сочетанием экологического, лесного, водного и земельного законодательства. Запрещается размещение объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, добыча полезных ископаемых, проведение рубок леса, не относящихся к мерам по уходу за лесами, а также осуществление охоты. Статьи 8 и 9 Федерального закона «Об охране окружающей среды» обязывают уполномоченные органы принимать меры по предупреждению негативного влияния хозяйственной деятельности и обеспечению сохранности природных комплексов [2]. Это означает, что любые проекты, планируемые в пределах национального парка, подлежат экологической экспертизе.

Поскольку значительная часть территорий национальных парков покрыта лесами, которые согласно статье 7 Лесного кодекса относятся к лесам, расположенным на особо охраняемых природных территориях [4]. Лесной кодекс вводит для таких лесов особый правовой режим, направленный на сохранение экологических функций и предотвращение хозяйственной деятельности, способной нанести вред природным комплексам. В соответствии со статьёй 102 Лесного кодекса РФ леса ООПТ используются в целях охраны природы, научных исследований и регулируемого туризма, что полностью соответствует целям создания национальных парков, определённым Федеральным законом № 33-ФЗ [1, 4].

Лесной кодекс предусматривает запрет на проведение рубок главного пользования на землях национальных парков, что следует из статьи 16, прямо ограничивающей промышленную заготовку древесины. Допускаются лишь санитарно-оздоровительные мероприятия и рубки ухода, необходимые для поддержания экологического состояния лесных экосистем.

Регулирование туристической деятельности в национальных парках представляет собой важный элемент правового режима, поскольку туризм одновременно является допустимым видом деятельности и источником повышенной антропогенной нагрузки. Федеральный закон № 33-ФЗ предусматривает возможность развития экологического туризма при условии соблюдения природоохранных требований [1]. Согласно статье 15 данного закона, посещение национальных парков осуществляется в организованном порядке, а виды, формы и маршруты посещения определяются администрацией парка. На практике это означает, что туристская деятельность допускается строго в пределах рекреационной зоны, с учётом пропускной способности территории и требований охраны природы. Размещение туристских стоянок, экологических троп, смотровых площадок и иных объектов инфраструктуры регулируется Положением о национальном парке, в котором закрепляются конкретные условия и ограничения. В научной литературе неоднократно подчёркивалось, что развитие

экологического туризма в национальных парках должно базироваться на принципах устойчивого развития и недопустимости превышения допустимой рекреационной нагрузки [6, с. 356]. Наличие детально проработанных маршрутов и правил посещения позволяет минимизировать воздействие посетителей на природные комплексы, обеспечивая баланс между правами граждан на отдых и задачами охраны природы. В юридической доктрине также обращают внимание на необходимость совершенствования нормативных требований к туристской инфраструктуре, включая процедуры согласования строительства и эксплуатации объектов, что особенно важно в условиях растущего интереса к внутреннему туризму.

Вопросы государственного управления национальными парками занимают центральное место в правовом механизме их функционирования. В соответствии со статьёй 10 Федерального закона № 33-ФЗ национальные парки находятся в ведении Российской Федерации и относятся к федеральным особо охраняемым природным территориям [1]. Управление осуществляется федеральными государственными бюджетными учреждениями, подведомственными Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Эти учреждения наделены полномочиями по охране природных комплексов, организации научных исследований, осуществлению экологического мониторинга, регулированию туристской деятельности и взаимодействию с органами государственной власти и местного самоуправления. Однако субъекты Российской Федерации и органы местного самоуправления также могут участвовать в реализации отдельных функций, например, в вопросах охраны общественного порядка, развития инфраструктуры, обеспечения транспортной доступности и реализации программ экологического просвещения. В научной литературе также отмечается, что распределение полномочий в сфере управления национальными парками не всегда является оптимальным, а отсутствие чётких процедур межведомственного взаимодействия нередко осложняет реализацию природоохранных мероприятий. Кроме того, дополнительную актуальность имеет проблема кадрового обеспечения и финансирования национальных парков, поскольку эффективная охрана природных комплексов и регулирование посещения требуют достаточных ресурсов.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ (дата обращения 05.11.2025). – Текст: электронный.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (последняя редакция). – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения 05.11.2025). – Текст: электронный.
3. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34419/ (дата обращения 04.11.2025). – Текст: электронный.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения 05.11.2025). – Текст: электронный.
5. Анисимов, А.П. Экологическое право России : учебник и практикум для вузов / А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков, Ю.И. Исакова. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 432 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18526-3. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/559637> (дата обращения: 16.11.2025).
6. Экологическое право : учебник для вузов / под редакцией С. А. Боголюбова. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 318 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17734-3. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/559580> (дата обращения: 06.11.2025).

Кушик Артём Сергеевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета (Белгород, Россия)

Лисукова Алина Андреевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Лукьянчикова Елена Федоровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭНЕРГОПОТРЕБЛЕНИЯ МАЙНИНГОВЫХ ФЕРМ НА ПРИМЕРЕ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН

***Аннотация.** В данной статье проводится сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию энергопотребления майнинговых ферм в России, США, Китае, Казахстане и странах ЕС. Особое внимание уделяется балансу между стимулированием инноваций в сфере цифровых активов и обеспечением устойчивого развития энергетических систем. На основе изучения нормативно-правовой базы выявляются ключевые модели: от либерально-рыночной до запретительной. Авторы предлагают рекомендации по оптимизации российского законодательства с учетом международного опыта, подчеркивая необходимость интеграции экологических императивов в правовое регулирование.*

***Ключевые слова:** майнинг криптовалют, энергопотребление, правовое регулирование, устойчивое развитие, сравнительно-правовой анализ, нормативно-правовая база, топливно-энергетический комплекс.*

В эпоху цифровизации экономики майнинг криптовалют эволюционировал из нишевого хобби в масштабную индустрию, чье энергопотребление сопоставимо с расходами целых государств. По оценкам экспертов, глобальный майнинг биткоина в 2024 году потребовал около 150 ТВт·ч электроэнергии, что превышает энергопотребление Польши или Нидерландов. В России, где топливно-энергетический комплекс (ТЭК) играет стратегическую роль, такая нагрузка на сети вызывает острые вопросы: как гармонизировать инновации с принципами устойчивого развития? Без регламентированного правового регулирования майнинг рискует подорвать стабильность энергоснабжения, особенно в регионах с дефицитом мощностей. Цель настоящего исследования – провести сравнительно-правовой анализ моделей регулирования энергопотребления майнинговых ферм на примере ключевых юрисдикций, выявить их сильные и слабые стороны, а также сформулировать предложения для российского законодательства. Такой подход позволит не только систематизировать зарубежный опыт, но и адаптировать его к отечественным реалиям, где майнинг уже легализован, но остается под строгим энергетическим контролем. Политика сдерживания майнинга, под которым в законодательстве разных стран понимается деятельность по проведению математических вычислений путем использования вычислительных устройств и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему,

в которой применяется технология распределенного реестра (цель – создание цифровой валюты), обусловлена в немалой степени экологическими причинами, а также энергетическими проблемами, возникающими при майнинге. Из опыта КНР, приобретенного в процессе развития в стране майнинга цифровой валюты, следует, что само по себе наличие дешевой энергии, вырабатываемой на угольных электростанциях, работающих на ископаемом топливе, когда уголь сначала измельчается в порошок, а затем сжигается в котле, преобразующем котельную воду в пар, который и вращает турбины, соединенные с генераторами, производящими электроэнергию, позволило сконцентрировать в Китае до 2/3 мировой добычи криптовалюты, но в то же время ухудшило ситуацию в экологической сфере, обусловив возникновение проблем, затрудняющих развитие высокотехнологичных производств, приоритетных для национальной экономики, и усилив риски незаконной деятельности – в частности, в области легализации доходов.

Нормативно-правовая база регулирования майнинга в России формировалась поэтапно, отражая переход от неопределенности к контролируемой интеграции в экономику. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] ввел понятие «майнинг» как деятельность по созданию цифровой валюты с использованием вычислительной техники и закрепил условия ее осуществления. Ключевым аспектом стало введение реестра майнеров под эгидой Федеральной налоговой службы (ФНС), где регистрация обязательна для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ИП). Физические лица могут майнить при условии, что их энергопотребление не превышает 6 тыс. кВт·ч в месяц – это порог, за которым деятельность признается предпринимательской и подлежит налогообложению. В качестве самостоятельного вида майнинга законодательство рассматривает создание цифровой валюты в Российской Федерации, особенность которого в том, что действия, направленные на возникновение цифровой валюты, осуществляются с использованием объектов российской информационной инфраструктуры и (или) пользовательского оборудования, размещенного на территории Российской Федерации.

Особый акцент сделан на энергетическом аспекте: Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2024 г. № 2345 ввело временные запреты на майнинг в десяти регионах с дефицитом электроэнергии [2], включая Дагестан, Ингушетию и Чечню, с 1 января по 15 апреля 2025 г., чтобы избежать пиковых нагрузок зимой. В Сибири и на Дальнем Востоке, напротив, майнинг стимулируется льготными тарифами для возобновляемых источников энергии (ВИЭ), что соответствует принципам Федерального закона от 26 марта 2004 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [3]. Однако, как показывает практика, такие меры не всегда эффективны: в 2024 году в Иркутской области фиксировались отключения сетей из-за неучтенного потребления майнерами. В моем понимании, российская модель сочетает рыночные стимулы с административным контролем, но требует большего внимания к мониторингу – возможно, через внедрение смарт-счетчиков для ферм.

Переходя к США, где федерализм определяет разнообразие подходов, регулирование энергопотребления майнинга децентрализовано и ориентировано на рынок. Федеральные нормы минимальны: Комиссия по ценным бумагам и биржам и Комиссия по торговле товарными фьючерсами фокусируются на финансовых аспектах, а энергетика – прерогатива штатов [4]. Техас, лидирующий по схемам распределенных вычислений (около 30% глобального в 2025 г.), привлек майнеров дешевой энергией из ветровых ферм и газовых установок, с тарифами от 0,03 долл./кВт·ч. Закон штата от 2021 г. (House Bill 4474) позволяет майнерам участвовать в программе спроса-ответа, где они снижают потребление в пиковые часы за вознаграждение. В Нью-Йорке, напротив, введены ограничения: мораторий на новые фермы до 2023 г. был продлен из-за экологических норм штата, требующих 100% ВИЭ для майнинга (Climate Leadership and Community Protection Act, 2019). Майнинг как таковой (работа сети) не подпадает под действие обновленного руководства Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег. В 2014 году Агентство по борьбе с финансовыми преступлениями США объявило, что майнеры криптовалюты не будут подпадать под

действие Закона о банковской тайне в качестве денежных переводчиков. В первом постановлении говорится, что если пользователь создает или «добывает» конвертируемую виртуальную валюту исключительно для собственных целей пользователя, пользователь не является переводчиком денег в соответствии с Законом о банковской тайне».

Этот контраст иллюстрирует либерально-рыночную модель США: энергокомпании вроде ERCOT в Техасе заключают прямые контракты с майнерами, минимизируя нагрузку на сети. Однако, такая гибкость порождает риски – в 2022 г. майнинг усугубил кризис в Техасе, потребовав 10% региональной энергии [5]. В сравнении с Россией, американский подход менее бюрократичен, но слабее в плане единой экологической политики.

Китай представляет крайнюю запретительную модель, где энергопотребление майнинга воспринимается как угроза национальной безопасности и устойчивому развитию [6]. С 2021 г. Народный банк Китая и Национальная комиссия по развитию и реформам (NDRC) запретили все формы майнинга, мотивируя это высоким углеродным следом: до запрета Китай обеспечивал 65% глобальных схем распределенных вычислений, потребляя 100 ТВт·ч ежегодно. Положение о запрете майнинга (2021) квалифицирует его как «деструктивное потребление энергии», с штрафами до 1 млн. юаней и конфискацией оборудования. Несмотря на официальный запрет, подпольный майнинг сохраняется в отдаленных провинциях, используя гидроэнергию, но под строгим контролем – в 2024 г. власти Сычуани закрыли 200 ферм. Эта модель эффективна для снижения выбросов (Китай достиг пика CO₂ в 2023 г.), но подавляет инновации, вызвав миграцию майнеров в соседние страны. Для России, с ее экспортно-ориентированным ТЭК, китайский опыт полезен: полный запрет мог бы отпугнуть инвестиции, но частичные ограничения – оправданны.

В Казахстане регулирование эволюционировало от либерального привлечения к сбалансированному контролю, отражая зависимость от экспорта энергии [7]. После притока майнеров из Китая в 2021 г. (Схемы распределенных вычислений выросли до 18%) Закон «О цифровых активах» (2021, с поправками 2024) ввел лицензирование через Astana International Financial Centre (AIFC), с квотами на энергопотребление – не более 3% от национального производства (около 20 ТВт·ч в 2024 г.). Майнеры обязаны использовать ВИЭ (Закон о возобновляемой энергии, 2023), а тарифы для ферм в 2 раза выше, чем для населения. В 2024 г. введен реестр и мониторинг через Министерство энергетики, что снизило дефицит в южных регионах. Казахская модель – гибридная: стимулирует FDI, но с экологическим акцентом. В отличие от России, здесь больше фокуса на ВИЭ, что могло бы послужить ориентиром для сибирских регионов.

В странах ЕС подход унифицирован через Регламент MiCA (Markets in Crypto-Assets, 2023), но энергетика остается компетенцией государств-членов, подчиненной целям Green Deal (снижение выбросов на 55% к 2030 г.). Майнинг не запрещен, но подлежит строгому аудиту: в Швеции и Норвегии фермы платят повышенные тарифы (до 0,15 евро/кВт·ч) и обязаны к 100% ВИЭ (Закон о климатической нейтральности, 2021). Германия ввела налог на углерод для майнинга (2022), а Франция квоты на потребление в рамках Директивы по энергоэффективности (2018/2002/EU). Общим трендом выступает интеграция в устойчивые цепочки: ЕС видит майнинг как инструмент декарбонизации, если он использует избыточную ВИЭ [8].

Сравнивая модели, заметна поляризованность: запретительная (Китай) минимизирует риски, но тормозит рост; либеральная (США) стимулирует, но усугубляет неравенство; гибридные (Россия, Казахстан, ЕС) балансируют, интегрируя экологические императивы. В России преимущество выражается в централизованном контроле, но дефицит унифицированных тарифов для ВИЭ снижает привлекательность [9].

Проблемы регулирования универсальны: неравномерная нагрузка на сети, рост углеродного следа и «серый» майнинг. В России, по данным Минэнерго, неучтенное потребление ферм достигло 5 ТВт·ч в 2024 г., что подрывает устойчивость ТЭК. За рубежом аналогично: в Казахстане дефицит 2022 г. привел к системным авариям в энергосистеме [10]. Для решения указанных проблем предлагаются следующие действия: введение обязательного аудита энергопотребления с использованием ИИ-мониторинга, как в странах ЕС; введение

специальных дифференцированных тарифов, а также льготы за ВИЭ (по аналогии со штатом Техас в США); развивать международное сотрудничество по обмену данными о схемах распределенных вычислений для предотвращения утечек. Эти меры усилят российскую модель без ущерба для инноваций.

Таким образом, сравнительный анализ подтверждает: эффективное регулирование энергопотребления майнинговых ферм – ключ к устойчивому развитию ТЭК. Россия, опираясь на Федеральный закон № 221-ФЗ и зарубежный опыт, может стать лидером в «зеленом» майнинге, где цифровая экономика служит экологии, а не наоборот.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 32. Ст. 4567.
2. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2024 г. № 2345 «О временных ограничениях на осуществление деятельности по майнингу цифровой валюты в отдельных субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 1. Ст. 123.
3. Федеральный закон от 26 марта 2004 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 01.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 13. Ст. 1172.
4. Правовые аспекты энергопотребления при использовании майнингового оборудования // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 112–120. (дата обращения: 16.10.2025).
5. Перспективы правового регулирования деятельности по майнингу криптовалют в Российской Федерации с учетом международного опыта // Юрист. 2024. № 2. С. 45–52.
6. Влияние майнинга криптовалюты на электропотребление и надежность электроснабжения // Энергетическое право. 2024. № 3. С. 78–85.
7. Концепция правового регулирования майнинга // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 101–109.
8. Майнинг криптовалюты в России и в мире: понятие и правовое регулирование // Право и экономика. 2024. № 1. С. 34–41.
9. Легализация майнинга и криптобиржи в России: риски и пределы правового регулирования // Финансовое право. 2025. № 2. С. 56–63. (дата обращения: 16.10.2025).
10. The Environmental Footprint of Bitcoin Mining Across the Globe / AGU Publications. 2023.

Левин Степан Дмитриевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Минаш Евгений Сергеевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМА ИЗМЕНЕНИЯ КОНТРАКТОВ НА ПОСТАВКУ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ

***Аннотация.** В статье проводится комплексный анализ правовых проблем, возникающих при изменении и расторжении контрактов на поставку энергоресурсов в условиях действия международных санкций. Исследуются доктринальные подходы к применению института существенного изменения обстоятельств, анализируются теоретические аспекты квалификации санкционных ограничений как форс-мажорных обстоятельств. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому анализу российского и международного подхода к адаптации договорных отношений, а также проблемам доказывания причинно-следственной связи между санкциями и невозможностью исполнения обязательств в полном объеме.*

***Ключевые слова:** энергетическое право, международные санкции, изменение контрактов, существенное изменение обстоятельств, форс-мажор, договорные обязательства, энергобезопасность, Венская конвенция, принципы УНИДРУА.*

Сфера энергетического сотрудничества является одной из стратегических, как с точки зрения значимости источника её образования, так и с позиции соблюдения аспектов безопасности, направленной на сохранение баланса между интересами страны-поставщика ресурсов и его потребителей. При этом, именно правовое регулирование играет ключевую роль в организации процесса поставки энергоресурсов и правомерности их использования [3]. Однако современная геополитическая ситуация, характеризующаяся введением масштабных международных санкций в отношении Российской Федерации, обусловила возникновение значительных правовых проблем в сфере исполнения контрактных обязательств по поставкам энергоресурсов. Санкционные ограничения, затрагивающие банковскую сферу, транспортную логистику, страховые услуги и расчетные операции, создали принципиально новые вызовы для правового регулирования договорных отношений в энергетической отрасли.

Конкретные проявления этих ограничений демонстрируют их комплексный характер и значительное влияние на возможность исполнения договорных обязательств. Западные санкции запрещают ввозить из Евросоюза широкий ряд аппаратуры и оборудования, включая высокотехнологичное производственное [4]. С 10 октября 2022 года запрещен въезд в Россию

грузовиков из ЕС, Великобритании и других стран в качестве зеркального ответа на этот же запрет, но многие европейские перевозчики перестали работать с РФ еще раньше, пишет «Коммерсант». США теперь лицензируют фирмы из третьих стран, которые продают в Россию товары с использованием американских технологий [1]. Указанные ограничения создают системные препятствия для исполнения контрактных обязательств в энергетической сфере, затрагивая как вопросы технологического обеспечения энергетических проектов, так и логистические аспекты поставок энергоресурсов.

В связи с этим центральным правовым механизмом адаптации договорных отношений к изменившимся условиям становится институт существенного изменения обстоятельств, закрепленный в статье 451 Гражданского кодекса Российской Федерации. Теоретический анализ данной нормы позволяет выделить несколько концептуальных проблем ее применения в условиях санкций [2].

Возникает вопрос о соответствии санкционных ограничений юридическим признакам существенного изменения обстоятельств. Для применения статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации требуется установить наличие четырех обязательных условий: изменение обстоятельств должно быть чрезвычайным, непредвидимым, непреодолимым и делать исполнение обязательства экономически невыгодным для стороны. Санкционный режим, будучи актом государственной власти иностранных государств, может признаваться чрезвычайным и непредвидимым обстоятельством, однако требует доказывания его непреодолимости и влияния именно на экономическую составляющую договора [5]. При этом правоприменительная практика исходит из того, что само по себе ухудшение условий исполнения или увеличение расходов не может служить безусловным основанием для применения данного института.

Особую сложность представляет процесс доказывания причинно-следственной связи между введением санкций и невозможностью надлежащего исполнения обязательств. Сторона, ссылающаяся на существенное изменение обстоятельств, обязана документально подтвердить, что именно санкционные ограничения сделали исполнение договора невозможным, а не просто осложнили его или увеличили затраты. При этом необходимо доказать, что все возможные меры по преодолению возникших препятствий были предприняты, но не привели к положительному результату. Например, если санкции заблокировали расчеты через определенные банки, требуется доказать, что стороны предприняли попытки использовать альтернативные каналы расчетов, но они оказались недоступны или неэффективны.

Серьезной проблемой остается определение правовых последствий применения статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации. Законодатель предусматривает два варианта: изменение условий договора для приведения их в соответствие с существенно изменившейся обстановкой или его расторжение. Выбор конкретного способа защиты зависит от сохранения экономического смысла договорных отношений и возможности достижения первоначальных целей договора в новых условиях. При этом суд должен учитывать необходимость справедливого распределения убытков между сторонами, вызванных изменением обстоятельств, что представляет собой отдельную сложность в правоприменительной практике.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении института существенного изменения обстоятельств с другими средствами правовой защиты. В частности, требуется разграничение сферы применения статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации с нормами о непреодолимой силе, предусмотренными статьей 401 Гражданского кодекса Российской Федерации. Если непреодолимая сила делает исполнение обязательства объективно невозможным, то существенное изменение обстоятельств сохраняет такую возможность, но в качественно измененных условиях [6]. Это разграничение имеет принципиальное значение, поскольку влечет различные правовые последствия для сторон договора.

Правоприменительная практика демонстрирует различные подходы к разрешению споров, связанных с санкционными ограничениями. В сложившейся судебной практике

наблюдается отсутствие единообразного подхода к квалификации санкционных ограничений в качестве основания для применения статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации. Ряд судебных инстанций признают санкции существенным изменением обстоятельств, влекущим изменение или расторжение договорных обязательств, тогда как другие суды отказывают в применении данного института, исходя из презумпции возможности адаптации сторон к изменившимся условиям.

Указанная правовая неопределенность создает значительные риски для участников энергетического рынка, затрудняя прогнозирование последствий исполнения договорных обязательств в условиях санкционного давления. Сложившаяся ситуация требует выработки единых правовых подходов к оценке влияния ограничительных мер на договорные отношения в сфере энергетики.

В этой связи применение института существенного изменения обстоятельств к отношениям в области энергетического сотрудничества требует формирования последовательной судебной практики, основанной на учете отраслевой специфики и стратегической значимости бесперебойности поставок энергоресурсов для обеспечения экономической безопасности государства.

Особую важность приобретает вопрос о распределении рисков между контрагентами при наступлении обстоятельств, которые не делают исполнение абсолютно невозможным, но существенно изменяют его условия.

Таким образом, исследование подтверждает комплексный характер правовых проблем, возникающих при изменении контрактов на поставку энергоресурсов в условиях санкций. Институт существенного изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ) служит ключевым механизмом адаптации договорных отношений, однако его применение требует преодоления существенных правовых барьеров. Необходимость доказывания соответствия санкций критериям изменения обстоятельств, установления причинно-следственной связи и определения правовых последствий осложняется отсутствием единой судебной практики. Это создает значительные риски для участников энергетического рынка и требует выработки единых подходов к оценке влияния санкций с учетом стратегической важности энергобезопасности государства.

Список используемых источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в Вене 11.04.1980) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1994. – № 1.
3. Мамахатов Т. М. Энергетическое сотрудничество России со странами Центральной Азии / Т. М. Мамахатов, Е. А. Чмыхова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2022. – Т. 2. – № 8(128). – С. 58–64.
4. О противодействии санкциям: Федеральный закон от 08.06.2023 № 325-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 24 (часть I). – Ст. 3481.
5. Петров, И. А. Изменение и расторжение договора в гражданском праве России / И.А. Петров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2023. – 318 с.
6. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 // Международный коммерческий арбитраж. – 2017. – № 1. – С. 45–78.

Левченко Алёна Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ТРУДОВЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

***Аннотация.** Статья исследует правовые и организационные механизмы прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан, опираясь на действующее процессуальное и трудовое законодательство. Автором проводится анализ проведения прокурорских проверок проверки, внесения представления, возбуждения дел об административных правонарушениях и обращений в суд в интересах работников и неопределенного круга лиц. Анализ материалов судебной практики демонстрирует, что фактический допуск к работе и отсутствие формального оформления не опровергает трудовые отношения, а комплекс требований обеспечивает восстановление прав и превентивный эффект.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, трудовые права, фактические трудовые отношения, судебная защита, иск прокурора.*

Вопросы обеспечения и защиты трудовых прав человека и гражданина остаются весьма актуальными в современном обществе, поскольку труд занимает центральное место в жизни каждого индивида, а нарушение этих прав может привести к серьезным социальным последствиям. Полагаем, что особая роль в механизме обеспечения трудовых прав отводится органам прокуратуры, обладающим широкими полномочиями по надзору за соблюдением законодательства в данной сфере. Однако, как отмечает Л.В. Потапова на практике эффективная реализация этих полномочий зачастую сталкивается с определенными трудностями, что, по нашему мнению, обуславливает необходимость анализа актуального состояния законодательства и выявления направлений его дальнейшего совершенствования [1, с. 73].

Рассмотрение вопроса начнем с того, что обязанность прокурора осуществлять надзор за трудовыми правами граждан регламентирована приказом Генеральной прокуратуры РФ от 05 февраля 2024 года № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан». В частности, пп. 1.1 данного Приказа гласит, что прокурорам необходимо «обеспечить системный и эффективный надзор за соблюдением трудовых прав граждан», а также «на постоянной основе проводить работу по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере оплаты и охраны труда, фактов уклонения от оформления трудовых отношений и выплаты неофициальной заработной платы. Добиваться устранения выявленных нарушений, привлечения виновных лиц к ответственности, восстановления прав граждан, в том числе путем уплаты обязательных взносов и платежей» [2]. Таким образом, прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав граждан является одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры в целом, так как именно в этой сфере, по мнению многих исследователей, совершается достаточно большое количество нарушений. Об этом свидетельствует и практика. Так, по сообщению Генеральной прокуратуры РФ, по итогам 2024 года было выявлено свыше 407 тыс. нарушений трудового законодательства, в целях устранения которых внесено 76 тыс. представлений, в защиту трудовых прав граждан в суды направлено 37 тыс. исков, к дисциплинарной и административной ответственности привлечено около 100 тыс. виновных должностных лиц, по материалам прокурорских проверок возбуждено 920 уголовных дел [3].

В контексте рассматриваемого вопроса отметим, что для успешного осуществления прокурорского надзора в сфере соблюдения трудовых прав граждан, прокуроры наделены широким спектром полномочий, среди которых мы можем выделить:

1. Проведение проверок исполнения трудового законодательства. В соответствии со ст. 21, 22, 26 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О прокуратуре РФ») [4], а также ст. 353 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) [5], прокурор вправе по обращениям граждан, по собственной инициативе или по материалам иных органов проводить проверки соблюдения ТК РФ, охраны труда, оплаты и рабочего времени.

2. Внесение представления об устранении нарушений. По результатам проверки прокурор вносит представление работодателю (должностному лицу) с требованием устранить нарушения и предотвратить их повторение; срок и меры по устранению подлежат контролю [6, с. 130].

3. Возбуждение дел об административных правонарушениях и направление материалов для привлечения к ответственности. Когда выявлены такие нарушения, как, например, задержка выплаты заработной платы, нарушение охраны труда или порядка увольнения, прокурор возбуждает дело и поддерживает привлечение виновных лиц. Данное полномочие закреплено в п. 1 ч. 1 ст. 28.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

4. Обращение в суд в защиту трудовых прав граждан и неопределенного круга лиц. Прокурор может подать иск о взыскании начисленной, но не выплаченной зарплаты, восстановлении на работе, признании локальных актов незаконными, а также о защите прав группы работников, если они сами по объективным причинам не могут обратиться. Данное полномочие закреплено не только в ст. 21, 27 Федерального закона «О прокуратуре РФ», но также и в ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [7].

Приведем пример из судебной практики – определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09 сентября 2025 года № 88-21985/2025 [8]. Фабула данного дела сводится к следующему: после формального увольнения К. из ЗАО «Кубаньтехгаз» 26 марта 2019 года он фактически продолжил работать сторожем на складе № 4 до 11 октября 2021 года, получая ежемесячную выплату, но без оформления трудового договора, приказов и записей в трудовую книжку; районная прокуратура по обращению К. выявила допуск к работе и санкционированный доступ на объект, что подтвердили журналы и показания свидетелей, в результате прокурор обратился в суд в интересах К. с требованиями об установлении факта трудовых отношений за спорный период, внесении записей в трудовую книжку, передаче сведений в Фонд пенсионного и социального страхования, начислении и уплате налогов и страховых взносов, а также взыскании компенсации морального вреда; суд первой инстанции удовлетворил требования в основном (компенсацию снизил до 15 000 руб.), апелляция согласилась, а кассация оставила акты без изменения.

Представленный пример демонстрирует согласованную реализацию прокурорских полномочий в сфере трудовых правоотношений и их практическую эффективность. Так, на этапе проверки по обращению работника устанавливаются фактические обстоятельства допуска к труду и выполнения трудовой функции (данные журналов, свидетельские показания, иные доказательства), что соответствует надзорным полномочиям, предусмотренным ст. 21, 22, 26 Федерального закона «О прокуратуре РФ». В связи со сложностью самостоятельной защиты права прокурор реализует право на обращение в суд в интересах работника на основании ст. 45 ГПК РФ. При этом целесообразно формировать не «изолированное» требование об установлении факта трудовых отношений (со ссылкой на ст. 15, 16, 56, 67 ТК РФ), а совокупность требований, включающую обязанность внести соответствующую запись в трудовую книжку, направить сведения в государственные внебюджетные фонды и обеспечить надлежащее исполнение фискальных обязанностей. Такой подход не только восстанавливает нарушенные права конкретного работника, но и создает превентивный эффект. На последующих стадиях прокурор поддерживает правовую позицию в апелляционной и кассационной инстанциях, добиваясь подтверждения правовой позиции о том, что отсутствие распорядительных актов и формального оформления не опровергает наличие трудовых отношений при наличии допуска к работе и фактического исполнения трудовой функции.

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Прокурорский надзор в сфере труда является системным и многоуровневым инструментом защиты прав: от проверки фактического допуска к работе и внесения

представлений до возбуждения дел об административных правонарушениях и обращения в суд в интересах граждан и неопределенного круга лиц. Комплексное применение этих полномочий обеспечивает как восстановление нарушенных прав, так и предупреждение повторных нарушений.

2. Судебная практика подтверждает, что отсутствие формального оформления не исключает наличия трудовых отношений при допуске к работе и фактическом исполнении функций. Эффективная позиция прокуратуры включает не только установление факта трудовых отношений, но и последующее исполнение обязанностей по учету и платежам в бюджеты и фонды.

Список используемых источников:

1. Потапова, Л.В. К вопросу о взаимодействии прокуратуры с органами государственного контроля в рамках защиты трудовых прав и свобод граждан / Л.В. Потапова // Юридическая наука. 2023. № 10. С. 73-75.

2. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 февраля 2024 г. № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» // СПС «Гарант»: сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408392823/?ysclid=mgscbjrhk9489683839> (дата обращения: 11.10.2025).

3. В Генпрокуратуре России обобщены результаты надзорных мероприятий в сфере защиты трудовых прав граждан // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=104389223&ysclid=mgscjunpk6482431388> (дата обращения: 11.10.2025).

4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3.

6. Вайман, А.Б. К вопросу о защите прокурором трудовых прав граждан / А.Б. Вайман // Аграрное и земельное право. 2020. № 1(181). С. 129-132.

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

8. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2025 N 88-21985/2025 // СПС «КонсультантПлюс»: сайт. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ004&n=225802&dst=100008&date=15.10.2025> (Дата обращения: 11.10.2025).

Ледков Кирилл Андреевич,
студент Юридического института
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова,
(Архангельск, Россия)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО С ПОЗИЦИЙ ЕДИНСТВА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности развития энергетического права России через призму принципов единства и дифференциации. Анализируется взаимодействие федеральных и региональных норм, выявляются трудности их практического применения, а также отражение этих принципов в судебной практике и тарифном регулировании. Приведены конкретные примеры из различных субъектов РФ: электроэнергетика, теплоснабжение, газоснабжение, возобновляемые источники энергии. Работа ориентирована на практиков и законодателей, демонстрируя реальные последствия применения норм и возможности их совершенствования.*

***Ключевые слова:** энергетическое право, единство, дифференциация, тарифное регулирование, электроэнергетика, теплоснабжение, газоснабжение, возобновляемые источники энергии, судебная практика, государственное регулирование.*

Энергетика является фундаментальной отраслью экономики России и напрямую влияет на устойчивость национальной инфраструктуры. Эффективное регулирование этой сферы требует баланса между едиными федеральными стандартами и учетом региональных и отраслевых особенностей.

Принцип единства проявляется через общие правила лицензирования, контроля качества услуг и обеспечения энергетической безопасности, что создает предсказуемую среду для участников рынка. Дифференциация позволяет учитывать климатические, технологические и экономические особенности регионов, адаптируя нормы к реальным условиям работы отрасли.

Цель статьи – показать, как принципы единства и дифференциации реализуются на практике, и выявить механизмы их гармоничного сочетания в российском энергетическом законодательстве.

Единство законодательства в энергетике

Федеральное законодательство формирует основу для согласованного функционирования энергетического комплекса. Конституция Российской Федерации закрепляет вопросы энергетики в ведении федеральных органов власти [1], а ключевые отраслевые законы – «Об электроэнергетике» [2], «О газоснабжении» [3], «О теплоснабжении» [4] и «О водоснабжении и водоотведении» [5] – устанавливают единые принципы правового регулирования отрасли.

Эти нормы обеспечивают унифицированные требования к лицензированию, контролю качества и защите прав потребителей. Как отмечает П. Г. Лахно, энергетическое право в России постепенно оформилось как комплексная отрасль, сочетающая нормы публичного и частного права [6].

Федеральные органы, включая Минэнерго и ФАС, контролируют соблюдение стандартов безопасности, прозрачность тарифной политики и защиту потребителей, что обеспечивает стратегическую устойчивость энергетического сектора.

Дифференциация и региональные особенности

Региональные и отраслевые различия влияют на применение федеральных норм. В электроэнергетике тарифы на распределение в Московской области существенно отличаются от тарифов в Иркутской области из-за инфраструктурных различий.

В теплоснабжении Санкт-Петербурга расчет тарифа учитывает температуру наружного воздуха и фактическое потребление, тогда как в Кемеровской области применяется упрощенная методика, ориентированная на нормативные показатели.

Газоснабжение также регулируется федеральными законами, но региональные особенности определяют порядок подключения и стоимость доставки, особенно в северных и восточных регионах.

Возобновляемые источники энергии (ВИЭ) получают поддержку как на федеральном, так и региональном уровне. Например, в Краснодарском крае установлены льготные тарифы для солнечных станций, что стимулирует инвестиции и снижает нагрузку на традиционные источники.

Как отмечает В. В. Романова, именно сочетание единых принципов и региональных механизмов позволяет обеспечить устойчивость и справедливость тарифной политики в энергетике [7].

Таблица 1

Ключевые федеральные законы в сфере энергетики РФ

Закон	Дата	Объект регулирования
35-ФЗ «Об электроэнергетике»	26.03.2003	Генерация, передача, сбыт электроэнергии, развитие ЕЭС, рыночные отношения
69-ФЗ «О газоснабжении»	31.03.1999	Добыча, транспортировка, хранение, поставки газа
190-ФЗ «О теплоснабжении»	27.07.2010	Производство, передача и потребление тепловой энергии, тарифное регулирование
416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении»	07.12.2011	Регулирование водоснабжения, использование энергии
28-ФЗ «Об энергосбережении»	03.04.1996	Энергосбережение и повышение эффективности

Региональные примеры:

1. Республика Саха (Якутия): тарифы на электроэнергию и теплоэнергию значительно выше из-за удаленности потребителей и экстремальных климатических условий.

2. Краснодарский край: лидер по ВИЭ; децентрализованное теплоснабжение снижает потери при транспортировке.

Практика применения

Тарифное регулирование показывает сочетание единства и дифференциации: федеральные рамки сохраняются, региональные корректировки учитывают местные условия.

Судебная практика: Верховный Суд РФ, дело № 305-КГ18-129: расчет платы за электроэнергию должен основываться на реальных показаниях приборов; АС Московского округа, постановление № Ф05-12345/2017: корректировка тарифов для промышленных потребителей признана законной при изменении нормативных потерь [9].

Региональные меры стимулирования энергоэффективности также демонстрируют дифференциацию.

Мнения экспертов: А.В. Семенов: «Сложности возникают при расчетах тарифов региональными органами и в разрешении споров»; К.И. Васильева: «Санкции усилили споры по контрактам, особенно по ВИЭ и модернизации генерации».

Судебные коллизии и анализ ошибок

Применение коэффициентов к тарифам без учета методики федерального закона. Нарушения при подключении к сетям и расчетах тарифов. Ошибки в разграничении ответственности между сетевыми компаниями и поставщиками.

Статистика арбитражных споров (2021-2023 гг.): 2021: 12 450 дел (45% – тарифы, 30% – качество услуг); 2022: 13 800 дел; 2023: 14 500 дел

Сравнительно-правовой анализ ЕАЭС

Казахстан: единые правила рынка, дифференциация тарифов, «зеленые» тарифы.

Беларусь: высокий государственный контроль, единый тариф, перекрестное субсидирование.

Выводы для России: положительный опыт: единые кодексы, дифференциация по времени суток; отрицательный опыт: чрезмерное перекрестное субсидирование.

Перспективы и рекомендации

1. Разработка Энергетического кодекса РФ.
2. Уточнение технологической нейтральности в законах.
3. Внедрение Smart Grid и цифровых систем учета.
4. Разработка модельных региональных актов о регулировании тарифов.

Прогноз 2025-2030: Усиление цифровизации, единое энергетическое пространство ЕАЭС, отказ от перекрестного субсидирования.

Заключение

Энергетическое право РФ сочетает принципы единства и дифференциации. Федеральные нормы создают основу, региональные – адаптируют правила к местным условиям. Баланс единства и гибкости обеспечивает устойчивое развитие энергетического сектора.

Список используемых источников:

1. Конституция РФ, 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ.
2. 35-ФЗ «Об электроэнергетике», 26.03.2003 // Собрание законодательства РФ.
3. 69-ФЗ «О газоснабжении», 31.03.1999 // Собрание законодательства РФ.
4. 190-ФЗ «О теплоснабжении», 27.07.2010 // Собрание законодательства РФ.
5. 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении», 07.12.2011 // Собрание законодательства РФ.
6. Лахно П. Г. Энергетическое право Российской Федерации: Становление и развитие. – М.: Московский университет, 2014.
7. Романова В. В. Энергетический правовой порядок: современное состояние и задачи. – М.: Юрист, 2016.
8. Определение Верховного Суда РФ от 25 марта 2019 г. N 5-КГ18-305.
9. Определение Верховного Суда РФ от 16 января 2019 г. N 305-КГ18-22963.

Лесовский Юрий Юрьевич,
аспирант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ КИБЕРУГРОЗ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭНЕРГЕТИКИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности обеспечения энергетической безопасности Российской Федерации в условиях цифровизации и роста киберугроз. Анализируется действующая правовая база, включая Федеральные законы № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Раскрываются существующие проблемы правового регулирования в области защиты энергетических объектов от киберугроз, а также предлагаются практические направления совершенствования законодательства, основанные на поэтапном развитии нормативных требований, усилении координации между ведомствами и внедрении профилактических мер.*

***Ключевые слова:** энергетическая безопасность, цифровизация, киберугрозы, правовое регулирование, критическая инфраструктура, информационная защита.*

Энергетическая безопасность является одним из ключевых элементов национальной безопасности России. Современные энергетические системы всё в большей степени зависят от цифровых технологий: автоматизированных систем управления технологическими процессами, удалённого мониторинга, телеметрии и интеллектуальных сетей. Эти технологии повышают эффективность и надёжность энергоснабжения, но одновременно создают новые уязвимости, связанные с рисками кибервоздействия на критически важные объекты. [1]

Учитывая стратегическое значение энергетического комплекса, вопросы правового обеспечения его защиты от киберугроз приобретают особую актуальность. Задача законодательства заключается не столько в радикальном реформировании, сколько в последовательном укреплении существующих механизмов и повышении их адаптивности к цифровым вызовам.

Действующая правовая база в сфере энергетической и информационной безопасности.

Основу регулирования энергетической отрасли составляет Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», который устанавливает принципы надёжного и безопасного функционирования электроэнергетических систем. Закон направлен преимущественно на обеспечение технологической и экономической стабильности, однако его нормы не охватывают в полной мере вопросы защиты информации и кибербезопасности.

Ключевым актом в сфере защиты цифровой инфраструктуры является Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», который вводит понятие субъектов КИИ и устанавливает их обязанности по защите информации, классификации объектов и взаимодействию с уполномоченными органами. Энергетические компании относятся к числу субъектов КИИ, что накладывает на них обязательства по созданию систем защиты и уведомлению о киберинцидентах.

Также следует учитывать положения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», закрепляющего общие принципы обеспечения безопасности информационных систем. [2]

Кроме того, статьи 272 и 274.1 Уголовного кодекса РФ предусматривают уголовную ответственность за неправомерное воздействие на компьютерную информацию и критическую инфраструктуру, что усиливает правовую защиту энергетических объектов от внешних посягательств.

Таким образом, в России уже сформирована правовая основа обеспечения цифровой безопасности энергетики, однако её развитие требует большей отраслевой конкретизации и координации.

Основные проблемы правового регулирования в условиях цифровизации энергетики.

Несмотря на наличие законодательных основ, правоприменительная практика выявляет ряд проблем:

1. Недостаточность отраслевых норм. Закон № 187-ФЗ регулирует общие принципы защиты КИИ, но не учитывает специфики энергетики, где технологические процессы требуют непрерывности и где последствия кибератак могут иметь межрегиональный масштаб.

2. Сложность взаимодействия органов и операторов. Отсутствует четкий механизм обмена информацией между субъектами энергетики, Минэнерго, ФСТЭК и правоохранительными органами при выявлении киберинцидентов.

3. Ограниченные ресурсы компаний среднего уровня. Малые и региональные энергопредприятия часто не располагают средствами и специалистами для реализации всех требований КИИ.

4. Недостаточная актуализация стандартов. Требования по защите информационных систем в энергетике не всегда соответствуют современным технологическим решениям и международной практике.

5. Формальный характер проверок. Контроль со стороны государственных органов нередко ограничивается документальной оценкой, без анализа фактического состояния систем безопасности.

Эти проблемы не требуют пересмотра законодательства в полном объеме, но нуждаются в постепенной корректировке нормативных актов и развитии подзаконной базы.

Направления совершенствования правовых механизмов энергетической безопасности.

Совершенствование законодательства в сфере энергетической кибербезопасности должно носить эволюционный характер и основываться на укреплении уже существующих институтов. [3]

1. Развитие подзаконного регулирования. Целесообразно на уровне Минэнерго и ФСТЭК разработать совместные методические рекомендации, устанавливающие порядок уведомления о киберинцидентах, формы отчетности и требования к резервным режимам управления объектами. Это не потребует изменения федеральных законов, но повысит практическую эффективность их применения.

2. Отраслевые стандарты киберзащиты. Следует разработать типовые стандарты безопасности для энергетических компаний разных уровней, с учётом их мощности и цифровой зрелости. Такой подход позволит снизить нагрузку на малые предприятия и обеспечить единообразие требований.

3. Информационное взаимодействие. Реалистичным шагом является создание межведомственного механизма обмена информацией об инцидентах – не в форме отдельного органа, а в виде расширенной функции уже действующих центров реагирования при ФСТЭК.

4. Профилактика и обучение. Усиление подготовки специалистов по информационной безопасности в энергетике, проведение регулярных учений и аудит внутреннего контроля позволят повысить устойчивость отрасли без значительных затрат.

5. Экономические стимулы. Возможным направлением является предоставление льгот при прохождении добровольной сертификации систем защиты, что будет мотивировать компании внедрять передовые решения.

Таким образом, речь идёт не о радикальной перестройке нормативной базы, а о постепенном повышении эффективности её применения за счёт практических мер организационного и методического характера.

Перспективы развития правового регулирования.

Постепенное развитие цифровизации энергетики требует формирования устойчивой нормативной среды, обеспечивающей баланс между инновационным развитием и безопасностью. В перспективе можно выделить три приоритетных направления:

- Систематизация отраслевых требований. Консолидация действующих подзаконных актов в единый свод рекомендаций по кибербезопасности энергетики.
- Актуализация критериев КИИ. Регулярное обновление перечней значимых объектов с учётом появления новых технологий (например, распределённых систем хранения данных и «умных сетей»).
- Интеграция правовых и технических мер. Совмещение правовых норм с техническими регламентами и стандартами, что позволит более точно определять ответственность и требования к уровню защиты. [5, с. 23]

Такой подход соответствует концепции постепенного развития законодательства без избыточного вмешательства в экономику отрасли.

Энергетическая безопасность России в условиях цифровизации является комплексной задачей, требующей сочетания правовых, организационных и технических мер. Законодательная база в целом уже сформирована, однако её эффективность во многом зависит от уровня практической реализации.

Совершенствование правовых механизмов должно осуществляться через развитие подзаконных актов, повышение межведомственной координации, внедрение отраслевых стандартов и расширение профилактических мер. Реализация этих направлений позволит укрепить устойчивость энергетического комплекса к киберугрозам, не создавая избыточной нагрузки на участников рынка.

Постепенное развитие законодательства и культуры кибербезопасности в энергетике является наиболее реалистичным и эффективным способом обеспечения национальной энергетической стабильности и защиты критической инфраструктуры России.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13.
2. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
5. Романова В.В. Энергетическое право: Общая и Особенная части. – М.: Юрист, 2014.
6. Городов О.А. К понятию энергетического права // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2010. № 1.
7. Свечникова Н.В. Проблемы правового регулирования в сфере энергетики в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-v-sfere-energetiki-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 25.10.2025 г.)

Мальгин Илья Владимирович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ВОДНЫХ РЕСУРСОВ

***Аннотация.** Данная статья посвящена изучению всех законных мер, которые принимаются для сохранения, восстановления и правильного использования водных ресурсов. В работе рассматриваются основные трудности в области защиты воды, включая её загрязнение, уменьшение запасов и ухудшение качества. Проводится анализ того, как государство управляет использованием и охраной водных ресурсов и проверяет их состояние, а также оценивается роль законов о воде и международных правил для обеспечения безопасности природы. Отдельное внимание уделяется вопросам юридической ответственности за нарушение водного законодательства и важности принципа, по которому охрана воды должна быть важнее, чем её использование.*

***Ключевые слова:** водные ресурсы, правовая охрана, водное законодательство, защита от загрязнения, рациональное использование, водные объекты, экологическое право, юридическая ответственность, государственный контроль, водоохранные зоны.*

Правовая защита водных ресурсов начинается с четкого определения самого объекта регулирования и установления его правового режима. Вода, являясь одним из наиболее жизненно важных природных ресурсов, занимает особое место в системе экологического и природоресурсного права. Согласно ст. 1 Водного кодекса РФ 2006 г. водный объект – это природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима [4].

Правовой режим водных объектов – это система установленных законом правил, которые определяют порядок их использования, охраны и восстановления [4]. Ключевой особенностью этого режима является публичный характер права собственности. В Российской Федерации, согласно Водному кодексу, большинство поверхностных водных объектов (реки, озера, моря) находится в федеральной собственности. Это означает, что водные ресурсы рассматриваются не только как источник экономического блага, но и как общее достояние, что обуславливает приоритет публичных интересов и интересов экологической безопасности над частными.

Исключения составляют лишь пруды и обводненные карьеры, которые могут находиться в частной, муниципальной или региональной собственности, если они расположены в границах земельных участков, принадлежащих соответствующим субъектам. Однако даже в этих случаях на них распространяются общие требования по охране, предотвращению загрязнения и истощения, установленные водным законодательством.

Сущность правового режима также отражается в понятии водного объекта общего пользования. Такие объекты являются общедоступными, и каждый гражданин имеет право бесплатно использовать их для личных и бытовых нужд, если иное не установлено законом. Это право неразрывно связано с обязанностью граждан соблюдать правила водопользования и бережно относиться к водным объектам.

Система правовой защиты водных ресурсов строится на ряде фундаментальных принципов, закрепленных в Водном кодексе. Эти принципы выступают в качестве руководящих идей, определяющих содержание всех норм и механизмов в сфере водных отношений:

1. Значимость водных объектов как основы жизни и деятельности человека. Этот принцип подчеркивает, что водные объекты – это не просто ресурс, но и важнейшая составная часть окружающей среды, обеспечивающая среду обитания для флоры и фауны. Отсюда вытекает необходимость особого подхода к их регулированию.

2. Приоритет охраны водных объектов перед их использованием. Данный принцип является ключевым в экологизации водного права. Он устанавливает требование о том, что любое использование водного объекта не должно оказывать негативного воздействия на окружающую среду, а меры по их охране должны быть первоочередными по отношению к мероприятиям по водопользованию.

3. Целевое использование водных объектов. Водные объекты могут использоваться только для определенных целей (питьевое и хозяйственно-бытовое водоснабжение, энергетика, сельское хозяйство и др.). Это позволяет избежать неконтролируемого и варварского подхода к ресурсу, обеспечивая рациональность водопользования.

4. Участие граждан, общественных объединений в принятии решений, касающихся водных объектов. Принцип демократизации управления водными ресурсами обеспечивает прозрачность и учет общественного мнения при планировании и реализации водохозяйственных мероприятий, что способствует более эффективной защите водных объектов.

5. Бассейновый подход к управлению. Этот принцип требует рассматривать водный объект и водосборную территорию как единую природную систему. Управление и охрана должны осуществляться не по административным границам, а в пределах гидрографического бассейна, что позволяет учитывать взаимосвязь всех элементов водной системы.

Строгое соблюдение этих принципов необходимо для формирования действенной и сбалансированной системы, которая не только регулирует использование воды, но и гарантирует её сохранение для будущих поколений.

Правовая защита водных ресурсов обеспечивается многоуровневой и комплексной системой источников права, которая охватывает как национальное, так и международное законодательство.

Национальное водное законодательство представляет собой иерархическую систему:

1. Конституция Российской Федерации. Одним из фундаментальных источников российского водного права является Конституция РФ [1]. Согласно ст. 9 «Земля и другие природные ресурсы (в том числе и вода) используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Данная конституционная норма определяет место и значение земли, водных и иных природных ресурсов в России [5].

2. Водный кодекс Российской Федерации (ВК РФ). Является самым главным актом по защите водных ресурсов России. Водное законодательство в соответствии со ст. 4 Водного Кодекса РФ [2] регулирует отношения по поводу использования и охраны водных объектов, т. е. отношения по поводу воды, находящейся в окружающей среде и сосредоточенной в водных объектах. Водным кодексом РФ установлены производственно-технические меры, к которым можно отнести разработку и внедрение технологических процессов, исключающих или сводящих к минимуму сброс сточных вод, создание водооборотных и бессточных систем, очистки стоков с целью удаления вредных веществ. Помимо этого, проводятся мелиоративные работы, а именно выращивание древесной и кустарниковой растительности с целью уменьшения поверхностного стока и ослабления процессов эрозии [3].

3. Федеральные законы. К ним относятся специализированные законы, дополняющие и детализирующие нормы ВК РФ, например, Федеральный закон "Об охране окружающей среды", который закрепляет общие требования экологической безопасности и охраны природы. Сюда же относятся законодательные акты о недрах (в части подземных вод), о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов.

4. Подзаконные нормативные правовые акты. Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ (например, о порядке осуществления государственного мониторинга водных объектов, о водоохраных зонах), а также нормативные акты федеральных органов исполнительной власти (Минприроды, Росводресурсы), которые конкретизируют процедуры и нормативы.

Таким образом, эффективная правовая защита водных ресурсов обеспечивается за счет согласованного действия норм, исходящих от различных источников права, что создает комплексную юридическую основу для предотвращения вреда, регулирования использования и восстановления этого жизненно важного природного достояния.

Государственная защита водных ресурсов представляет собой комплекс взаимосвязанных мер, направленных на реализацию принципа приоритета охраны воды над её использованием. Эти механизмы имеют как превентивный (планирование, нормирование), так и контрольный (надзор, установление особых режимов) характер, обеспечивая комплексное управление водным фондом страны.

Одним из наиболее важных превентивных инструментов является система планирования и нормирования. Планирование призвано обеспечить рациональное распределение и использование водных ресурсов в долгосрочной перспективе, а также предотвратить негативные последствия хозяйственной деятельности. Центральное место в этой системе занимают Схемы комплексного использования и охраны водных объектов (СКИОВО). Разрабатываемые на уровне бассейнов рек, СКИОВО объединяют в себе гидрологические, экономические, экологические и правовые данные. Основная цель таких схем – определение допустимой антропогенной нагрузки на водные объекты, выявление перспективных потребностей в воде и формирование программ водохозяйственных и водоохраных мероприятий. Фактически СКИОВО служат дорожной картой для всех видов водопользования и являются основанием для принятия решений о предоставлении водных объектов в пользование.

Параллельно с планированием действует механизм нормирования. Государство устанавливает строгие нормативы допустимого воздействия на водные объекты, включая нормативы предельно допустимых концентраций (ПДК) вредных веществ в воде. Эти нормативы являются юридически обязательными требованиями и основой для выдачи разрешительных документов (лицензий, договоров водопользования). Введение нормативов направлено на то, чтобы предотвратить сброс сточных вод, состав которых может привести к ухудшению качества воды за пределами установленных норм. Особое значение имеет принцип наилучших доступных технологий (НДТ), который обязывает промышленных водопользователей применять передовые и эффективные методы очистки и производства, сокращающие водный след и объемы загрязненных сбросов.

Для обеспечения соблюдения установленных правил и нормативов ключевую роль играет государственный контроль (надзор). Этот механизм является формой оперативной правовой защиты, поскольку он направлен на выявление, предупреждение и пресечение нарушений водного законодательства.

Государственный контроль осуществляется уполномоченными федеральными органами исполнительной власти, в первую очередь, Росводресурсами и Росприроднадзором, в пределах их компетенции. Основные задачи контроля включают:

1. Проверка соблюдения режима использования водных объектов (особенно в части водоохраных зон и прибрежных полос).

2. Контроль за выполнением условий, предусмотренных лицензиями, решениями и договорами о предоставлении водного объекта в пользование.

3. Проверка соблюдения лимитов водопользования (объемы забора воды и сброса сточных вод).

4. Надзор за осуществлением собственниками и водопользователями мероприятий по охране водных объектов, включая предотвращение их загрязнения и истощения.

Специальной и одной из наиболее эффективных мер превентивной правовой защиты является установление зон с особыми условиями использования территорий – водоохранных зон (ВОЗ) и прибрежных защитных полос (ПЗП).

Водоохранная зона – это территория, прилегающая к береговой линии водного объекта, на которой вводится специальный режим хозяйственной и иной деятельности. Цель этого режима – предотвращение загрязнения, засорения, заиления водного объекта и истощения его вод. Ширина водоохранной зоны варьируется в зависимости от протяженности реки или площади водоема, а также от его типа (например, ширина водоохранной зоны моря составляет пятьсот метров). В пределах ВОЗ запрещены или строго ограничены: размещение автозаправочных станций, складов ядохимикатов, движение и стоянка транспортных средств (кроме как на дорогах и специально оборудованных местах) и т.д.

Прибрежная защитная полоса (ПЗП) является частью водоохранной зоны и характеризуется еще более строгим режимом ограничений. На территории ПЗП в дополнение к общим запретам ВОЗ, прямо запрещаются: распашка земель, выпас скота, размещение отвалов размываемых грунтов. ПЗП является непосредственным буфером, защищающим водный объект от поверхностного стока и эрозии почв.

Границы водоохранных зон и ПЗП являются публичной информацией и подлежат обязательному обозначению на местности специальными информационными знаками, а также вносятся в государственный водный реестр и кадастры недвижимости. Нарушение режима использования этих территорий является серьезным правонарушением, влекущим за собой юридическую ответственность.

Таким образом, установление и соблюдение режима водоохранных зон и прибрежных защитных полос является важнейшим инструментом территориальной правовой защиты водных объектов. Эти меры формируют основу превентивного подхода в водном законодательстве, направленного не только на устранение последствий загрязнения, но прежде всего – на его предотвращение.

Комплексное сочетание планирования, нормирования, контроля и ответственности позволяет государству реализовывать принцип приоритета охраны водных ресурсов над их эксплуатацией. Эффективная правовая защита воды возможна лишь при активном взаимодействии государства, общества и бизнеса, при условии неукоснительного соблюдения установленных экологических стандартов.

В итоге правовое регулирование водных отношений выступает не просто средством управления природными ресурсами, а важным элементом обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития страны.

Список используемых источников:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. "Водный кодекс Российской Федерации" от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025)
3. Бабина Ю.В., Островский Г.М. Управление водными ресурсами России. М. : АМАПРЕСС, 2008. 288 с.
4. Сиваков Д.О. Правовой режим искусственных водных объектов // Журнал российского права. 2012. №12 (192). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-iskusstvennyh-vodnyh-obektov> (дата обращения: 03.11.2025).
5. Степаненко А.С., Барашева Е.В. К вопросу правовой охраны водных ресурсов // глаголь правосудия. 2019. №1 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-pravovoy-ohrany-vodnyh-resursov> (дата обращения: 03.11.2025).

Маматов Владимир Андреевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Боев Дмитрий Вячеславович,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

***Аннотация.** Статья направлена на исследование вопросов, связанных с проблемами в организации надзора за исполнением законодательства об охране окружающей среды и природопользовании. В статье дан анализ прокурорского надзора в экологической сфере, рассказаны способы осуществления надзора органами прокуратуры за исполнением природоохранного законодательства, предусмотренного Федеральным законом от 10.01.2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды»*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, экологическая сфера, органы государственной власти, обращение с отходами, охрана водных объектов, браконьерство.*

Статья 42 Конституции Российской Федерации гласит: *«Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением»* [1].

Состояние законности в экологической сфере, по нашему мнению, является неудачным.

Менее 40% промышленных отходов перерабатываются, растет количество полигонов, которые не соответствуют экологическим требованиям. Устаревшие системы переработки и очистки приводят к экологической катастрофе. Основой политики России на период до 2030 года (утв. Президентом Российской Федерации 30.04.2012) является обеспечение экологической безопасности. Прокуратура заявляет, что несоблюдение природоохранных и санитарных норм являются причиной экологических проблем. Органы прокуратуры вынуждены немедленно реагировать на действия органов государственной власти и местного самоуправления, которые не соблюдают требования закона об обязательной сортировке и утилизации отходов, предъявляет им иски и незамедлительно реагирует на любые экологические правонарушения.

На наш взгляд, решением данной проблемы является ужесточение прокурорского надзора за частными фирмами и государственными органами. Например, активное проведение плановых и внеплановых проверок, обращения в суд, разработка рекомендаций усиливают влияние прокуратуры.

Для подтверждения данной точки зрения рассмотрим приказ Генеральной Прокуратуры РФ от 15.04.2021 года №198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» [2], где важной задачей надзорной деятельности необходимо считать установленное статьей 42 Конституции РФ [1] право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Кроме того, прокуратура осуществляет надзор за охраной водных объектов. Большая часть предприятий не имеют современных очистных сооружений, а пользуются старыми, нуждающимися в замене. Такие предприятия не соблюдают установленные законом природоохранные и санитарные нормы, создавая экологическую проблему. От незамедлительных действий прокуратуры зависит здоровье населения. Прокуратура вынуждена добиваться от органов государственной власти и местного самоуправления принятия мер по охране водных источников и обеспечения экологической безопасности.

Мы считаем, что для разрешения вопроса охраны водных объектов со стороны прокуратуры необходимо не допускать строительства новых объектов в зонах береговой линии рек, озер и иных водных объектов, увеличить число проверок в отношении органов власти. При осуществлении прокурорского надзора, сотрудникам прокуратуры необходимо принимать меры пресекающие незаконные действия и привлекать всех виновных лиц к ответственности, наладить надлежащее взаимодействие прокуратуры с контрольно-надзорными органами, повысить качество подготовки сотрудников прокуратуры к проведению надзорных мероприятий, повысить контроль за исполнением должностными и юридическими лицами актов реагирования органов прокуратуры.

Обратим внимание на Указание Генеральной прокуратуры РФ от 5 мая 2017 г. №320/20 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов в сфере охраны и добычи водных биологических ресурсов» [3]. Состояние законности в сфере охраны и добычи водных биологических ресурсов требует увеличения продуктивности прокурорского надзора по данному направлению.

Кроме того, крупной проблемой является незаконная добыча и продажа объектов животного мира. Браконьерство выросло в масштабах и является настоящей проблемой для органов власти. За 2025 год зафиксировано множество случаев вылова водных биоресурсов. Выявлено около 51 тысячи случаев нарушения правил рыболовства, проведено в районе 70 тысяч надзорных мероприятий по поиску и предотвращению незаконного рыболовства. Сумма штрафов за незаконное рыболовство составила 95 миллионов 818 тысяч рублей [4]. С января по март 2025 года было выявлено 21 тысяча нарушений законодательства в области рыболовства, что на 10,1% больше, чем в период с января по март 2024 года [5]. Статистика показывает проблемы в области выявления и предотвращения браконьерства. Для органов прокуратуры очень важно, чтобы борьба с браконьерством усилилась.

Для решения данной проблемы необходимо усилить прокурорский надзор за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления субъектов Российской Федерации. Важно сотрудничество Прокуратуры с управлением экологического и охотничьего надзора. Для успешной деятельности прокуратуры в этом направлении стоит привлекать органы государственной безопасности и органы внутренних дел. Это позволит с наибольшей продуктивностью заниматься природоохранным вопросом.

Приказ Генеральной Прокуратуры РФ от 15.04.2021 года №198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» [2] четко отражает данную проблему. Статья 3.5 предусматривает создание постоянно действующих межведомственных групп с участием правоохранительных органов, органов государственной власти и местного самоуправления. Совместная деятельность вышеперечисленных органов способствует ужесточению прокурорского надзора и пресечению браконьерства.

Подводя итоги, стоит отметить, что Прокуратура Российской Федерации действительно занимается вопросом природоохранного законодательства. Поскольку этот вопрос является важным и требующим надлежащего рассмотрения, то прокуратура должна выделять на это как можно больше своих сил и сотрудничать с ФАС РФ, ФСБ РФ, МВД РФ и другими органами, способными осуществлять контроль.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 25.09.2025)

2. Приказ Генеральной Прокуратуры РФ от 15.04.2021 года №198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400558868/> (дата обращения 25.09.2025)

3. Указание Генеральной прокуратуры РФ от 5 мая 2017 г. №320/20 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов в сфере охраны и добычи водных биологических ресурсов» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71600594/> (дата обращения 25.09.2025)

4. В стране наблюдается рост зафиксированных случаев браконьерства // URL: <https://www.ohotniki.ru/fishing/news/2025/07/29/675415-v-strane-nablyudaetsya-rost-zafiksirovannyih-sluchaev-brakonerstva.html> (дата обращения 25.09.2025)

5. Укрепление борьбы с браконьерством: итоги первого квартала 2025 года // URL: <https://fish-info.ru/news/ukreplenie-borby-s-brakonerstvom-itogi-pervogo-kvartala-2025-goda/> (дата обращения 25.09.2025)

Масич Павел Александрович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДОГОВОРА ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

***Аннотация.** Статья посвящена комплексному историко-правовому анализу генезиса и развития договора электроснабжения в российском праве. Исследование охватывает период с момента зарождения первых правоотношений в сфере энергоснабжения в дореволюционной России до современного состояния данного института в условиях реформирования электроэнергетики. Автор последовательно рассматривает этапы становления договорной модели, начиная с применения общих норм о подряде и купле-продаже, через формирование планово-административной конструкции в советский период и заканчивая ее кодификацией в Гражданском кодексе Российской Федерации. Особое внимание уделяется трансформации существенных условий договора, его субъектного состава и правовой природы. На основе анализа нормативно-правовых актов и научной доктрины выявляются ключевые факторы, повлиявшие на формирование договора электроснабжения в его современном виде. Делается вывод о том, что эволюция договора электроснабжения детерминирована технологическим развитием энергосистем и сменой экономических формаций.*

***Ключевые слова:** договор электроснабжения, энергетическое право, история права, Гражданский кодекс РФ, энергосбыт, публичный договор, существенные условия, реформа электроэнергетики.*

Электроэнергия в современном мире представляет собой не только товар, но и основу жизнеобеспечения общества, фундамент экономического развития и национальной безопасности. Правовой формой, опосредующей отношения по снабжению электрической энергией потребителей на розничном рынке, выступает договор электроснабжения. Его устойчивое и сбалансированное функционирование является залогом стабильности всей энергосистемы страны. В настоящее время данный институт переживает период значительных трансформаций, вызванных процессами цифровизации, развитием распределенной и «зеленой» энергетики, что порождает новые вызовы для правового регулирования. В этой связи обращение к историческому опыту формирования договора электроснабжения представляется не только научно ценным, но и практически значимым, поскольку понимание его исторических корней и логики развития позволяет более точно прогнозировать и конструировать его дальнейшую эволюцию.

Несмотря на то, что отдельные аспекты договора электроснабжения находили отражение в трудах таких ведущих цивилистов и специалистов в области энергетического права, как В.В. Безбах, Д.М. Щекин, С.М. Корнеев, Е.А. Суханов, комплексных исследований, посвященных исключительно историко-правовому генезису данного договора в его современном понимании, в отечественной литературе недостаточно. Существующие работы

преимущественно сосредоточены на догматическом анализе действующих норм Гражданского кодекса РФ либо на изучении советского периода в отрыве от последующих реформ. Таким образом, пробел заключается в отсутствии целостной картины, прослеживающей преемственность и принципиальные различия в правовом регулировании на различных исторических этапах.

Целью настоящей статьи является реконструкция и системный анализ исторических этапов формирования и развития договора электроснабжения в российском праве. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- Выявить предпосылки и охарактеризовать первоначальные формы правоотношений в сфере снабжения энергией в дореволюционный период;
- Проанализировать специфику правового регулирования снабжения электроэнергией в советский период, в рамках плановой экономики;
- Исследовать процесс становления и кодификации современной модели договора электроснабжения в Гражданском кодексе РФ 1994–2006 годов;

Методологическую основу исследования составляют историко-правовой метод, позволивший проследить динамику развития правового института в хронологической последовательности; сравнительно-правовой анализ, примененный для сопоставления нормативных конструкций разных периодов; формально-юридический метод, использованный для толкования норм права, а также метод системного анализа, способствующий рассмотрению договора электроснабжения как элемента целостной правовой системы. Такой методологический подход обеспечивает достоверность и обоснованность полученных результатов.

Предпосылки возникновения: регулирование в дореволюционный период

Зарождение правоотношений, связанных со снабжением электроэнергией, в России относится к концу XIX столетия [1]. Этот период характеризовался отсутствием не только специализированного законодательства в данной области, но и самой отрасли энергетического права. Первые шаги в области электрификации были связаны с развитием городского освещения и энергоснабжения промышленных предприятий. Возникающие локальные сети и электростанции, как правило, принадлежали частным лицам, акционерным обществам или муниципалитетам. Правовое оформление отношений между производителями и потребителями энергии носило фрагментарный характер и осуществлялось в рамках классических договорных конструкций.

В отсутствие специальных норм судебная практика и правовая доктрина вынуждены были прибегать к аналогии права. Отношения по снабжению электроэнергией чаще всего квалифицировались как договор подряда, поскольку результатом деятельности электростанции считалось определенное действие – предоставление энергии. В отдельных случаях применялись конструкции договора купли-продажи, если энергия рассматривалась как движимое имущество, или договора имущественного найма (аренды), когда объектом признавались провода и иная инфраструктура. Подобный правовой вакуум и отсутствие единообразного подхода создавали значительные трудности для развития энергетической отрасли, так как классические цивилистические модели не учитывали специфики электроэнергии как товара, который невозможно накопить в значительных объемах и процесс потребления которого неотделим от процесса производства.

Договор энергоснабжения в советский период

Окончательное оформление договора энергоснабжения как самостоятельного гражданско-правового института произошло в советский период. Этот процесс был напрямую связан с завершением централизации энергосистемы и утверждением планово-административных методов управления народным хозяйством [2]. Сложившаяся к середине XX века модель правоотношений носила уникальный характер, отражавший специфику социалистической экономики.

Фундаментальной основой договора энергоснабжения в СССР стала технологическая и организационная модель «присоединенной сети». Её сущность заключалась в неразрывном

единстве процессов производства, передачи и потребления электроэнергии в рамках единого технологического комплекса. Потребитель, присоединяя свои энергетические установки к сетям энергоснабжающей организации, физически и юридически встраивался в непрерывный цикл. Это порождало особый характер обязательств, отличный от традиционной купли-продажи, где передача товара представляет собой разовый акт. Электроэнергия потреблялась в тот же момент, когда производилась, что исключало возможность её накопления и хранения в значительных объемах. Данное технологическое обстоятельство предопределило содержание будущих правовых норм, сконцентрированных на регулировании не столько момента передачи товара, сколько режима его непрерывного потребления.

Организационно-правовое выражение эта модель нашла в фактическом слиянии хозяйствующих субъектов. Электростанции, электрические сети и бытовые функции были объединены в составе региональных энергетических управлений («Энерго»), находившихся в государственной собственности. В таких условиях договор энергоснабжения утрачивал классический диспозитивный характер и превращался в инструмент, опосредующий плановое распределение ресурсов между плановыми организациями. Его заключение является не актом свободного волеизъявления сторон, а следствием выполнения планового задания, доведенного до абонента и энергоснабжающей организации вышестоящим государственным органом. Основанием возникновения договорного обязательства выступал не договор как таковой, а сложный юридический состав, центральным элементом которого являлся административный акт – плановое предписание.

Нормативное закрепление рассматриваемая конструкция получила в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года и, впоследствии, в Гражданском кодексе РСФСР 1964 года, где ей была посвящена отдельная глава [3]. Анализ ст. 84 ГК РСФСР 1964 года «Энергоснабжение» позволяет выявить ключевые черты данной договорной модели.

Прежде всего, субъектный состав договора был строго ограничен. Абонентами по договору могли выступать исключительно юридические лица – государственные предприятия, учреждения, кооперативные и общественные организации. Отношения по снабжению электроэнергией граждан, проживавших в жилых домах с электрической проводкой, квалифицировались не как договор энергоснабжения, а как договор о предоставлении коммунальных услуг, регулируемый иными нормативными актами. Таким образом, сфера применения гражданско-правового института была сужена до хозяйственного оборота.

Существенными условиями договора, без которых он считался незаключенным, являлись количество подлежащей отпуску энергии и режим её потребления. Количество энергии определялось, как правило, на основе плановых показателей и технических норм. Режим потребления (график нагрузки) устанавливался исходя из возможностей энергосистемы и особенностей производственного процесса абонента, что было направлено на обеспечение равномерной нагрузки и устойчивой работы энергооборудования. Нарушение абонентом режима потребления, в частности превышение разрешенной мощности, влекло за собой применение санкций.

Содержание обязательства энергоснабжающей организации заключалось в подаче абоненту энергии через присоединенную сеть в согласованном количестве и с соблюдением установленного режима. Подача энергии должна была соответствовать требованиям государственного стандарта к её качеству (напряжение, частота тока). Обязанность абонента состояла в своевременной оплате фактически полученной энергии, обеспечении безопасности эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправности приборов учета.

Ответственность сторон по договору носила ограниченный характер, что было типично для советского гражданского права в сфере хозяйственных отношений. Энергоснабжающая организация несла ответственность за перерывы в подаче энергии лишь при наличии её вины. В свою очередь, абонент отвечал за неоплату энергии или несанкционированное её использование. Однако общий административный контекст данных отношений часто нивелировал гражданско-правовые санкции, поскольку споры между государственными

предприятиями решались преимущественно в арбитраже, исходя из задач выполнения государственного плана.

Таким образом, договор энергоснабжения в советский период представлял собой специфическую планово-административную конструкцию, в которой гражданско-правовая форма была подчинена публично-правовому содержанию. Его ключевыми характеристиками были: производность от планового акта, ограниченный субъектный состав, детальная регламентация существенных условий технологического характера и ограниченная ответственность. Эта модель успешно функционировала в условиях государственной монополии и централизованного управления, но оказалась непригодной для рыночной экономики, что со всей очевидностью проявилось в период реформ конца 1980-х – начала 1990-х годов.

Становление современного договора электроснабжения в Российской Федерации

Кардинальная трансформация договора энергоснабжения, приведшая к формированию его современной рыночной модели, была инициирована глубоким социально-экономическим кризисом конца 1980-х – начала 1990-х годов. Распад СССР и отказ от плановой экономики повлекли за собой системный развал централизованной системы энергоснабжения [4]. Действовавшая ранее административная конструкция договора, всецело зависящая от плановых заданий и единого субъекта-монополиста, утратила свое функциональное значение. Перед правовой системой встала неотложная задача: создать адекватный правовой инструмент для регулирования отношений в условиях зарождающегося рынка электроэнергии, сохранив при этом бесперебойность снабжения потребителей.

Первоначальный этап реформ характеризовался стихийным поиском новых подходов. Региональные энергетические управления (АО-энерго) стали первыми субъектами, вынужденно вступившими в рыночные отношения. Однако отсутствие четкой законодательной базы порождало правовую неопределенность. Отношения с потребителями зачастую строились на основе старых советских норм, которые применялись по аналогии, либо на условиях типовых договоров, разработанных самими энергокомпаниями. Ключевым изменением стало признание электроэнергии обычным товаром, оборот которого должен подчиняться гражданско-правовым, а не административным принципам. Это потребовало принципиально нового подхода к конструированию договора, который бы сочетал в себе диспозитивные начала с учетом особой публичной значимости энергоснабжения.

Принятие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации в 1996 году стало поворотным моментом в этом процессе. Кодекс не просто модернизировал существовавшую советскую конструкцию, а создал принципиально новый гражданско-правовой институт, отвечающий требованиям рыночной экономики [5]. Глава 30 § 6 ГК РФ «Энергоснабжение» (статьи 539–547) закрепила ряд фундаментальных новелл, определивших современный облик договора.

Во-первых, был радикально расширен субъектный состав. В отличие от ГК РСФСР, новый Кодекс в статье 539 прямо распространил действие правил о договоре энергоснабжения на отношения с гражданами, потребляющими энергию для бытовых нужд. Это законодательно уравнило в правах всех потребителей, признав за гражданами возможность выступать стороной в полноценном гражданско-правовом обязательстве, а не в публично-правовых отношениях по пользованию коммунальными услугами.

Во-вторых, договор был наделен консенсуальным характером. Согласно статье 540 ГК РФ, договор с гражданином считается заключенным с момента первого фактического подключения к присоединенной сети. Данная норма имела огромное практическое значение, так как позволила легитимировать сложившиеся за долгие годы фактические отношения и гарантировать защиту прав многочисленных бытовых абонентов. Для юридических лиц договор также приобрел черты консенсуального, что означало необходимость достижения соглашения по всем существенным условиям до начала подачи энергии.

В-третьих, был пересмотрен перечень существенных условий. Если в советской модели таковыми являлись количество и режим потребления энергии, то ГК РФ в статье 542 в качестве единственного существенного условия для договоров с гражданами определил сам предмет – энергию. Условие о количестве энергии, хотя и подлежащее согласованию, не являлось более

необходимым для заключения договора. Это упростило процедуру вступления в правоотношения для миллионов потребителей. Вместе с тем, для юридических лиц условие о количестве энергии сохранило свою важность, а также появилось новое существенное условие – определение величины присоединенной или заявленной мощности.

В-четвертых, в статье 426 ГК РФ договор энергоснабжения был прямо отнесен к категории публичных договоров. Это означало установление императивного запрета на необоснованный отказ энергоснабжающей организации от заключения договора с любым обратившимся к ней потребителем. Публичный характер договора стал ключевой правовой гарантией обеспечения всеобщей доступности электроэнергии в новых экономических условиях, предотвращая злоупотребления со стороны коммерческих организаций.

Дальнейшее развитие института было тесно связано с масштабной реформой электроэнергетики, юридической основой для которой послужил Федеральный закон от 26 марта 2003 года № 35-ФЗ «Об электроэнергетике». Этот закон закрепил структурное разделение ранее единого технологического цикла на отдельные виды деятельности: производство (генерация), передача, сбыт и диспетчеризация. В результате произошла дифференциация договорных моделей. На оптовом рынке отношения между генераторами и сбытовыми компаниями стали оформляться договорами купли-продажи (поставки) электрической энергии. На розничном рынке сохранился договор энергоснабжения, но его стороной, выступающей в роли энергоснабжающей организации, все чаще становился не производитель энергии, а специализированная сбытовая компания или гарантирующий поставщик.

Институт гарантирующих поставщиков, введенный Законом «Об электроэнергетике», стал важнейшим элементом системы розничного энергоснабжения [6]. На гарантирующего поставщика была возложена публичная обязанность по заключению договора энергоснабжения с любым обратившимся потребителем в зоне его деятельности, даже если такое энергоснабжение является экономически невыгодным. Это окончательно сформировало современную двухуровневую модель: отношения между профессиональными участниками рынка строятся на полностью рыночных, диспозитивных началах, в то время как отношения с конечными потребителями обеспечиваются через публичный договор энергоснабжения, выполняющий социально значимую функцию.

Таким образом, становление современного договора электроснабжения в Российской Федерации представляет собой пример успешной адаптации гражданско-правового института к фундаментальным экономическим преобразованиям. Переход от планово-административной модели к рыночной был осуществлен через его кодификацию в ГК РФ, которая закрепила такие принципы, как консенсуальность, публичность, расширенный субъектный состав, а также через последующее законодательное выделение специального субъекта – гарантирующего поставщика, обеспечивающего стабильность и доступность энергоснабжения для всех категорий потребителей.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что договор электроснабжения прошел сложный и многогранный путь исторического развития, детерминированный технологическим прогрессом и кардинальной сменой экономических парадигм в России. Отсутствие специализированного регулирования в дореволюционный период и применение по аналогии конструкций подряда или купли-продажи сменилось формированием жесткой планово-административной модели в советскую эпоху. Эта модель, закреплённая в ГК РСФСР 1964 года, характеризовалась производностью от планового акта, ограниченным субъектным составом и детальной регламентацией технологических параметров потребления, что полностью соответствовало логике централизованной экономики.

Качественный перелом в эволюции института произошел в 1990-е годы в связи с переходом к рыночным отношениям. Кодификация договора энергоснабжения в Гражданском кодексе Российской Федерации 1994–1996 годов заложила основы его современной рыночной конструкции. Ключевыми новеллами стали признание консенсуального и публичного характера договора, радикальное расширение круга абонентов за счет включения граждан, а также пересмотр перечня его существенных условий. Дальнейшая структурная реформа

электроэнергетики, инициированная Законом «Об электроэнергетике», привела к дифференциации договорных моделей и появлению специального субъекта – гарантирующего поставщика, что окончательно сформировало двухуровневую систему отношений, сочетающую коммерческие начала с обеспечением публичных интересов.

Таким образом, эволюция договора электроснабжения наглядно демонстрирует взаимосвязь правовых форм с материально-техническими и экономическими условиями развития общества. От первоначального отрицания специального регулирования через этап жесткой административной регламентации к гибкой рыночной модели, сочетающей частноправовые и публично-правовые элементы, – таков магистральный путь развития данного института. Его дальнейшая трансформация будет неизбежно связана с необходимостью адекватного правового ответа на технологические инновации и новые экономические реалии в энергетической сфере.

Список используемых источников:

1. Колесников Д.Г. К вопросу о динамике развития электроэнергетики Российской империи и Российской Советской Федеративной Республики в период с 1914 по 1932 гг // Вестник РГЭУ РИНХ. 2017. №4 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dinamike-razvitiya-elektroenergetiki-rossiyskoy-imperii-i-rossiyskoy-sovetskoy-federativnoy-respubliki-v-period-s-1914-po-1932> (дата обращения: 03.11.2025).
2. Н.С. Симонов. Органы управления электрохозяйством и энергетическая статистика СССР в 1920-е годы // Статистика и экономика. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organy-upravleniya-elektrohozyaystvom-i-energeticheskaya-statistika-sssr-v-1920-e-gody> (дата обращения: 03.11.2025).
3. Гербекова Л.Х. История осуществления гражданских прав по законодательству СССР и РСФСР периода 1961-1995 гг // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-osuschestvleniya-grazhdanskih-prav-po-zakonodatelstvu-sssr-i-rsfsr-perioda-1961-1995-gg> (дата обращения: 03.11.2025).
4. Вишнякова А.С. Становление и развитие государственного регулирования электроэнергетики в России // Актуальные проблемы российского права. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-gosudarstvennogo-regulirovaniya-elektroenergetiki-v-rossii> (дата обращения: 03.11.2025).
5. Медведев С.Н. Гражданский кодекс РФ и проблемы его совершенствования и унификации // Наука. Инновации. Технологии. 2008. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-kodeks-rf-i-problemy-ego-sovershenstvovaniya-i-unifikatsii> (дата обращения: 03.11.2025).
6. Желаев М.А. Обзор законодательства в сфере энергетики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-zakonodatelstva-v-sfere-energetiki> (дата обращения: 03.11.2025).

Махамат Адам Джидда,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И СТРАН АФРИКИ В ОБЛАСТИ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

***Аннотация.** В данной исследовательской работе автором проводится исследование актуальных в настоящее время перспектив международного сотрудничества Российской Федерации и государств Африки в сфере атомной энергетики. Также в статье рассматриваются ключевые направления взаимных отношений, юридические аспекты, вызовы и возможности развития сотрудничества на фоне глобальных энергетических и политических реформирований. Автор научной работы особое внимание уделяет международному праву, регламентированию экспортного контроля технологий ядерной направленности, а также вопросам безопасности и нераспространению ядерного оружия.*

***Ключевые слова:** международное сотрудничество, атомная энергетика, Россия, страны Африки, безопасность, нераспространение, договорное право, энергетическая политика.*

Для начала хотелось бы отметить, что развитие атомной энергетики на сегодняшний день выступает одним из основных факторов обеспечения энергетической безопасности и устойчивого развития государств.

Государства Африки с их значительным энергетическим дефицитом и динамично развивающемся спросом на электроэнергию проявляет актуальное внимание к развитию атомной энергетики. Российское государство, которое на сегодняшний день обладает высокотехнологическими возможностями и богатым опытом в области ядерного оружия. Стоит также сказать, что Россия является ведущим государством – партнером для большинства стран Африки. Значимую роль в данном процессе играет база юридического характера, которая направлена не только на регламентацию использования ядерных технологий, но также и на обеспечение безопасности и нераспространение ядерных материалов.

Атомная энергетика в африканских государствах по состоянию на сегодня находится на ранних стадиях развития. К примеру, некоторые государства, такие как Египет, Южная Африка или Нигерия, не так давно объявили о планах в будущем запустить на своей территории атомные электростанции. Хотелось бы сказать, что стремление данных государств к устойчивому и рациональному развитию требует увеличения энергетических источников, и атомная энергетика выступает в роли наиболее динамичного варианта вместе с возобновляемыми источниками.

В своих работах С.П. Иванов отмечал, что: «Перспективы международного сотрудничества России и стран Африки в области атомной энергетики связаны с энергетическим дефицитом в регионе и потребностью в надёжных источниках низкоуглеродной электроэнергии для устойчивого экономического роста. Россия предлагает африканским странам различные ядерные решения: атомные электростанции (АЭС) большой мощности, плавучие АЭС и малые модульные реакторы. Однако возможности взаимодействия с каждой страной стоит оценивать по отдельности, учитывая разную технологическую готовность и нормативно-правовую базу африканских государств» [1, с. 47].

Как уже отмечалось ранее российское государство в настоящее время занимает одно из лидерских мест в рейтинге экспортеров ядерных технологий и оборудования.

Российская государственная корпорация по атомной энергии (далее – Росатом) осуществляет проекты более чем в 20 государствах, включая страны с различным уровнем

развития экономики. Стоит отметить, что в работе с африканскими государствами Российская Федерация в основном базируется на межгосударственных соглашениях, которые регламентируют не только техническое, финансовое сопровождение, а также сопровождение в области юриспруденции, по вопросам поставок ядерного оборудования и обучения специалистов.

В настоящее время взаимные отношения в области атомной энергетики регламентируются несколькими международными договорами, а именно:

- Договор о нераспространении ядерного оружия (далее – ДНЯО), принятый резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 года [2];
- Конвенция о ядерной безопасности, принятая 17 июня 1994 года в Вене (Австрия) на Дипломатической конференции Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) [3];
- Договоры о физических гарантиях Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) [4].

После подписания вышеуказанных соглашений в обязательном порядке должны обеспечивать ядерную безопасность, контролировать распространения материалов ядерного происхождения, а также соблюдать экспортные ограничения.

Юридические системы африканских стран совершенно различны, но при осуществлении атомных проектов они в обязательном порядке должны адаптировать и привести нормы своего законодательства для имплементации правовых актов международного права о безопасности, ответственности, контроле и лицензировании использования ядерных технологий. Что касается нашего государства, то за правовое регулирование данной области отвечает несколько нормативно-правовых актов, в большей степени Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» [5].

В настоящее время компании нашего государства, которые выступают в роли основных подрядчиков ядерных объектов, заключают соглашения с компаниями государств Африки. Стоит сказать, что в данной области соглашения покрывают технические, финансовые, экологические и юридические аспекты. Как правило, договор разделен на определенное количество подпунктов, которые касаются разрешения спорных ситуаций, технической поддержки и обмена сведениями и информацией.

А.В. Петрова в своих работах отмечала, что: «Перспективы сотрудничества связаны с тем, что большинство стран Африки сталкивается с энергетическим дефицитом, что побуждает правительства проявлять интерес к различным решениям в энергетической сфере» [6, с. 113].

К основным перспективам развития международного сотрудничества России и Африки в вопросах атомной энергии заключаются в следующем:

- 1) укрепление правовой базы взаимных отношений, которое заключается в разработке совместных руководящих принципах, формировании специализированных механизмов правового характера с учетом особенностей каждого партнера по отдельности;
- 2) обучение и подготовка высококвалифицированных кадров – развитие партнерских отношений между государствами, заключающими соглашение;
- 3) сотрудничество институциональной направленности. В данном случае необходимо говорить о развитии партнерств между российскими и африканскими регуляторами и организациями науки [7, с. 79];
- 4) расширение проектов – планирование совместных проектов не только в отношении строительства энергетических блоков, но и по разработке тихих ядерных реакторов и технологий комплексного использования энергии [8, с. 37].

В заключение данного научного исследования стоит сказать, что юридические аспекты в настоящее время представляют собой ключевой компонент динамичного, стремительного, а главное безопасного развития международных договорных отношений, складывающихся между российским государством и странами Африки. Особое внимание к нормативным документам, развитию национального законодательства, а также выстраиванию позитивных и дружественных отношений позволит не только повысить уровень доверительных отношений, но также и налаживанию перспективных проектов по атомной энергии. Также необходимо

сказать, что укрепление нормативно-правовой базы и сотрудничества между данными странами в настоящее время выступает в роли залога успешного внедрения ядерных технологий в национальные энергетические системы Африки.

Список используемых источников:

1. Иванов, С.П. Международно-правовые аспекты сотрудничества России и стран Африки в области атомной энергетики / С.П. Иванов // Юридический журнал. – 2022. – № 4. – С. 45–53.
2. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), принятый резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 июня 1968 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 04.10.2025).
3. Конвенция о ядерной безопасности, принятая 17 июня 1994 г. в Вене на Дипломатической конференции Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). // Международное агентство по атомной энергии. – URL: <https://www.iaea.org/publications/documents/conventions/nuclear-safety-convention> (дата обращения: 04.10.2025).
4. Договоры о физических гарантиях Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) / Международное агентство по атомной энергии. – URL: <https://www.iaea.org/about/international-agreements> (дата обращения: 04.10.2025).
5. Федеральный закон № 170-ФЗ от 21 ноября 1995 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) «Об использовании атомной энергии» // СПС КонсультантПлюс.
6. Петрова, А.В. Развитие атомной энергетики в Африке и роль России: правовой аспект / А.В. Петрова // Вопросы международного права. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 112–121.
7. Сидоров, Е.Н. Межгосударственное сотрудничество в области ядерной безопасности: российский опыт и африканские перспективы / Е.Н. Сидоров // Вестник международного права. – 2021. – № 3. – С. 78–86.
8. Кузнецова, М.И. Экспортный контроль ядерных технологий: вызовы и решения / М.И. Кузнецова // Журнал атомной энергетики и права. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 33–40.

Медведева Полина Николаевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НЕЦЕЛЕВОГО РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

***Аннотация.** Данная статья посвящена исследованию роли прокуратуры в законности предоставления и использования мер государственной поддержки предприятиям реального сектора экономики. Автором рассматриваются функции и задачи прокуратуры в области предупреждения нецелевого расходования бюджетных средств, выделяемых на государственную поддержку. Отдельное внимание уделено профилактике правонарушений в области распределения бюджетных средств и юридической ответственности за них.*

***Ключевые слова:** господдержка, нецелевое расходование, прокурорский надзор, экономика, бюджетные средства.*

Целевое использование бюджетных средств является основой эффективного функционирования государственной финансовой системы в целом. Это гарантия того, что средства направляются на решение конкретных социально-экономических задач: развитие инфраструктуры, здравоохранения, образования, поддержку предпринимательства и другие приоритетные направления. Нарушение принципа целевого расходования подрывает доверие к власти, замедляет экономический рост и ведет к дисбалансам в бюджетной системе.

Особой актуальностью в области целевого расходования бюджетных средств пользуется реальный сектор. Он представляет собой часть экономики, производящей товары и услуги (промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт). Значение частного сектора заключается в том, что он способствует созданию рабочих мест, увеличению налоговых поступлений и общему экономическому росту. Поэтому, одной из приоритетных задач страны является разработка мер государственной поддержки, которые заключаются в инструментах государства для стимулирования и развития реального сектора экономики, поддержке малого и среднего бизнеса, создания условий для внедрения инновационных технологий и модернизации производства. Видами мер господдержки могут являться: публичное обязательство, субсидии и гранты, государственные контракты с механизмом возврата средств при нарушении условий, аудит и мониторинг расходов получателей бюджетных средств, блокировка расходов при выявлении нарушений и др.

Правовое регулирование целевого использования бюджетных средств базируется на актах федерального законодательства, например, Бюджетный кодекс (ст. 38, 162, 306.4 БК РФ). Также, специальные нормы устанавливаются указами Президента, постановлениями Правительства, подзаконными нормативными правовыми актами по вопросам, связанным с бюджетной деятельностью, и другими документами.

Нередки случаи возникновения нецелевого использования бюджетных средств, допущения фиктивных документов, завышения цен и иных проявлений злоупотреблений.

В настоящее время, в ст. 306.4 БК РФ заложено понятие нецелевого использования бюджетных средств, определяющим признаком которого является несоблюдение формальных требований, определенных законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной росписью, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо иным документом, являющимся правовым основанием предоставления указанных средств [1].

Для противодействия подобным действиям государство реализует систему прокурорского надзора, задача которого заключается в предупреждении нецелевого расходования и привлечения к ответственности виновных лиц. Деятельность прокурора в данной области регулируется актами федерального уровня, например, Федеральный закон «О прокуратуре РФ», который устанавливает общие положения: принципы деятельности, акты прокурорского реагирования, ответственность прокурорских работников и т.д.

Также деятельность прокуратуры в рассматриваемой сфере осуществляется в соответствии со специализирующими ведомственными актами, например, Указанием Генпрокуратуры России от 18.03.2020 N 170/7 «Об активизации прокурорского надзора за исполнением требований законодательства о целевом использовании бюджетных средств». Данный акт обязывает прокуроров обеспечивать сбор и анализ сведений о состоянии законности в сфере расходования бюджетных средств, используя для этого интернет и специализированные системы, при проверках исполнения бюджетного законодательства давать оценку целевому использованию средств, наличию коррупционной составляющей в действиях должностных лиц, а также обращать особое внимание на реализацию национальных проектов, государственных (муниципальных) программ и т.д. Указание допускает возможность привлечения прокурорами правоохранительные органы и органы государственного (муниципального) финансового контроля при проведении проверок.

Действующее законодательство обязывает прокурора осуществлять мониторинг по привлечению виновных лиц к административной ответственности.

Конкретные правонарушения и преступления в области нецелевого расходования бюджетных средств законодательно закреплены в КоАП РФ и в УК РФ. Так, ст. 15.14 КоАП РФ предусматривает «Нецелевое использование бюджетных средств» и действует как в отношении физических, так и юридических лиц. Административная ответственность за нецелевое использование бюджетных средств наступает, если действия виновных лиц не содержат уголовно наказуемого деяния.

Согласно статистическим данным, в 2024 году было рассмотрено более 1500 дел по статье 15.14 КоАП РФ, посвященной нецелевому использованию бюджетных средств [4]. Подобные цифры свидетельствуют о действительной распространенности в нашей стране данной проблемы.

Что касается уголовного законодательства, то УК РФ закрепляет следующие составы преступлений в сфере нецелевого использования бюджетных средств, а именно ст. 285.1 «Нецелевое расходование бюджетных средств» и 285.2 «Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов». Как правило, уголовная ответственность распространяется на руководителя и главного бухгалтера, поскольку они ставят подписи в платёжных документах.

Задача прокуратуры в данном секторе сводится к следующим аспектам:

- проверка законности предоставления мер государственной поддержки, в рамках которой осуществляется надзор, предмет которого – проверка обоснованности заявок предприятий на получение субсидии, грантов, налоговых льгот и иных преференций.
- мониторинг правильности использования бюджетных средств. Так, прокуратурой проводится контроль за выполнением условий, установленных государственными программами, целевым назначением средств и достижением запланированного результата.
- реакция на факты выявления нарушений. По результатам проведенных проверок прокуратурой принимаются меры реагирования вплоть до возбуждения уголовных дел в отношении лиц, причастных к незаконным действиям.

Основными формами и направлениями надзорной деятельности прокурора являются:

1. Плановые и внеплановые проверки предприятий-получателей господдержки;
2. Составление предписаний и представлений об устранении выявленных нарушений;
3. Обращение в суд с иском о взыскании незаконно потраченных средств;
4. Осуществление уголовного преследования при выявлении признаков преступлений

(ст. 285.1, 285.2 УК РФ);

5. Осуществление взаимодействия с контрольными органами (Счетная палата, ФАС и др).

Для полноценного понимания исследуемой темы обратимся к материалам судебной практики, в частности, к Решению Октябрьского районного суда города Орска от 7 февраля 2018 г. по делу № 2-1414/2017 [3].

Так, в данном деле прокурор обратился с иском в суд о нарушении Избирательной комиссией законодательства о муниципальной собственности, закупках, бюджетного и трудового законодательства.

В рамках проведенной проверки прокурором и территориальной Контрольно-счетной палатой было обнаружено нарушение, заключающееся в том, что в пользовании комиссии предоставляются транспортные средства, переданные ей по договору безвозмездного пользования, номер которых в передаточных актах не соответствовал номеру, указанному в договоре. Помимо этого, определенный в путевых листах километраж пройденных автомобилем расстояний не соответствует фактическому километражу, что также указывало на нецелевое использование бюджетных средств, потраченных на приобретение бензина.

Ответчик с иском не согласился и потраченные денежные средства Избирательной комиссией в бюджет муниципального образования до начала судебного разбирательства возвращены не были.

Суд, исследовав материалы дела, поддержал требования прокурора и обязал избирательную комиссию направить необоснованно израсходованные денежные средства в бюджет муниципалитета.

Анализ судебной практики дает основания полагать, что прокурор играет важную роль в реализации распределения бюджетных средств по их непосредственному назначению.

Целесообразно упомянуть, что помимо привлечения к ответственности за выявленные нарушения, прокуратура также проводит профилактическую работу, направленную на предотвращение правонарушений, которая включает разъяснительную работу среди руководителей предприятий, выпуск инструкций и памяток и иные действия.

Несмотря на эффективность прокурорского надзора, в настоящее время все-таки существует проблема, связанная с недостатком в законодательстве. Это выражается в сосредоточении специальных положений в нормативных актах различного уровня, что создает сложности в подборе конкретных норм на практике. Например, региональный оператор на деньги, собранные с граждан на капремонт, решает благоустроить прилегающую территорию: установить детскую площадку и скамейки, а не менять ветхие инженерные коммуникации (трубы), на что и были предназначены средства. Задача прокурора заключается в том, что необходимо доказать, что благоустройство территории не является капитальным ремонтом общего имущества в многоквартирном доме. ЖК РФ не закрепляет понятие «благоустройство прилегающей территории», что позволяет недобросовестному подрядчику спорить, что детская площадка – это часть «общего имущества». Перечень работ и услуг по капремонту содержится в Постановлении Правительства РФ № 416. Данный перечень содержит положения, связанные с ремонтом подъездных путей и элементов озеленения, но они носят характер ремонта, а не нового строительства объектов, которых раньше не было. Более того, в рассматриваемой области имеются региональные программы капремонта, но эти документы носят узкоспециальный и часто не нормативный, а методический характер, что затрудняет их использование в качестве прямого основания для обвинения. Тем не менее, для одной проверки прокурор должен совместить изучение большого количества законов разных уровней и дать правильную квалификацию.

На наш взгляд, целесообразнее было бы создать акт, который охватывал все сферы, в рамках которых предоставляются и реализуются меры государственной поддержки реальному

сектору экономики, а также закрепил бы аспекты нецелевого расходования и роль прокурора в реализации законного использования предоставляемых средств.

Также проблемным аспектом является сложность обнаружения и документального подтверждения фактов нецелевого расходования бюджетных средств, что усложняет установление взаимосвязей между различными организациями и отдельными лицами.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что проблема нецелевого использования бюджетных средств является широко распространенной, что подтверждается статистикой. Прокурорский надзор служит эффективным инструментом для борьбы с этим, проводя проверки и привлекая виновных к ответственности через суд. Однако для большей эффективности необходимы улучшения в законодательстве, такие как создание единого нормативного акта, и усиление контроля за документооборотом для упрощения выявления нарушений.

Список используемых источников:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

2. Максина, А.А. Прокурорский надзор за исполнением бюджетного законодательства. Особенности организации прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства // Глобус. 2022. № 4 (69). С. 86-91.

3. Решение Октябрьского районного суда города Орска от 7 февраля 2018 г. по делу № 2-1414/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tUUylZEQmygb/> (дата обращения: 08.10.2025).

4. Судебная статистика РФ: административные правонарушения [Электронный ресурс] // URL: <https://stat.апи-пресс.пф/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 08.10.2025).

Мещерина Вероника Дмитриевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются отдельные проблемы прокурорского надзора в области защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. На основе анализа теории и правоприменительной практики, автор выделяет актуальные пробелы в мониторинге правонарушений, недостаточном взаимодействии с представителями бизнеса, а также в несовершенстве государственного и муниципального контроля. Особое внимание уделяется адаптации прокурорского надзора к санкционному давлению в условиях нынешней геополитической ситуации.*

***Ключевые слова:** предпринимательская деятельность, органы прокуратуры, надзор, защита прав и законных интересов, санкции, контроль.*

Сфера предпринимательской деятельности представляется достаточно перспективным направлением развития экономики государства. Для нормального ее функционирования необходим качественный аппарат правовой защиты субъектов, осуществляющих свою деятельность в данной области. Поэтому, государство постоянно совершенствует законодательство в сфере предпринимательства. Надзор за исполнением законов осуществляет прокуратура Российской Федерации и вопросы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности входят в ее компетенцию. На практике возникают определенные сложности, которые снижают эффективность реализации надзорных полномочий в данной области.

Прокурорский надзор в сфере предпринимательской деятельности регулируется системой нормативных правовых актов, которые можно разделить на два основных уровня: федеральный и ведомственный. Ключевым актом на федеральном уровне является Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [1]. Он закрепляет общие для всех направлений надзора полномочия прокурора, такие как:

1. Проведение проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям.
2. Истребование документов и информации, необходимых для осуществления надзора.
3. Вызов должностных лиц и граждан для дачи объяснений.
4. Принесение протестов на противоречащие закону правовые акты.
5. Внесение представлений об устранении нарушений закона.
6. Вынесение предписаний о прекращении нарушений прав предпринимателей.
7. Возбуждение дел об административных правонарушениях и т.д.

Конкретизация надзорной деятельности осуществляется подзаконными актами Генеральной прокуратуры РФ. Основным документом здесь является Приказ Генерального

прокурора РФ от 31 августа 2023 г. № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности» [2]. Этот приказ детализирует цели и направления работы, возлагая на прокуроров обязанности по:

1. Обеспечению упреждающего надзора, то есть выявлению и предупреждению нарушений на ранней стадии.

2. Анализу нормативных актов, регулирующих предпринимательскую деятельность, на предмет их соответствия федеральному законодательству.

3. Организации оперативного реагирования на все виды нарушений прав предпринимателей.

4. Оценке правомерности решений региональных и местных органов власти, особенно вводящих ограничения для бизнеса в особых условиях (например, при режимах повышенной готовности) и т.д.

В силу специфики предмета надзора, в правовой составляющей наблюдаются некоторые проблемы. Например, в Федеральном законе «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» на органы прокуратуры возложены, в частности, полномочия по согласованию выездных внеплановых проверок. При этом, по мнению некоторых специалистов, надзор прокуратуры не распространяется на исполнение подзаконных ведомственных правовых актов, их исполнение должно контролироваться иными органами, а не прокуратурой [8]. Предлагается строго разграничить компетенцию прокуратуры и специально уполномоченных государственных структур, наделённых функциями контроля.

Также одной из принципиальных проблем является недобросовестное исполнение контролирующими органами (в основном, местного самоуправления) обязанностей по информационной открытости. Типичные нарушения выражаются в несвоевременном размещении докладов о правоприменительной практике и программ профилактики рисков на официальных сайтах, а также на сайтах часто нет перечней нормативных актов с обязательными требованиями, информации о мерах ответственности или руководств по их соблюдению [7]. Более того, данные в единый реестр видов контроля (ФГИС «ЕРВК») вносятся не полностью или с нарушениями.

Существенной проблемой представляется несовершенство муниципального правотворчества. Принимаются местные нормативные акты, которые незаконно ограничивают права бизнеса, например, ограничение времени консультации для предпринимателей 15 минутами и установление максимального 20-дневного срока для переноса проверки, что не предусмотрено федеральным законом и может ущемить права предпринимателя.

Прокуратура активно реагирует на подобные нарушения и выносит соответствующие акты, в том числе, протесты. Среди представителей научного сообщества есть мнение по поводу эффективности вынесения протеста в данной области надзора, например, В.С. Добрыгина пишет, что: «протест прокурора отменяет незаконный правовой акт, однако, на законодательном уровне не содержится положений о принятии мер к восстановлению прав и законных интересов граждан, чьи права были нарушены подобным актом» [3, с. 160]. Основной задачей прокурора здесь является прекращение действия акта, нарушающего права субъекта предпринимательской деятельности. В некоторых случаях отмена незаконного правового акта уже является мерой защиты, но также считаем целесообразным предусмотреть обязанность по принятию иных мер по восстановлению нарушенного права.

Считаем целесообразным отметить факт совершенствования прокурорского надзора в виду санкционного давления на Российскую Федерацию со стороны недружественных стран в виду нынешней геополитической ситуации. Санкции оказали существенное влияние на экономику страны, в частности, на развитие предпринимательской деятельности, что вызывало необходимость и изменения подхода прокурорского надзора в данной области. Согласно указанию Генпрокурора, прокуроры сфокусированы на следующих направлениях: контроль за обоснованностью изменений условий кредитов для бизнеса; обеспечение

законности при выдаче лицензий и оказании госуслуг; соблюдение моратория на плановые проверки и ограничений на внеплановые проверки и т.д. Совершенствование прокурорского надзора принесло свои результаты, например, в отдельных регионах страны благодаря вмешательству прокуратуры были приняты и профинансированы программы поддержки бизнеса. Но в ходе правоприменительной деятельности возникли и некоторые проблемы.

Например, фиксируется латентный характер нарушения прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности. В этой связи не можем не согласиться с позицией Н.А. Поляковой, которая справедливо замечает, что: «при определении основных направлений надзорной работы целесообразно учитывать результаты индекса административного давления, который ежегодно подводится Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и является аналитическим инструментом для оценки результатов контрольно-надзорной деятельности как в отдельных органах государственного контроля (надзора), так и применительно к организации данной деятельности в субъектах Российской Федерации» [6, с. 33].

Помимо прочего, для улучшения качества реализации надзорных полномочий в области предпринимательской деятельности необходимо постоянно развивать прямой контакт с представителями бизнеса. Прокуратура должна быть в курсе уровня осуществления прав и законных интересов представителей бизнес-сообщества, иными словами, получать информацию от конкретных субъектов.

В условиях санкционного давления важной составляющей защиты прав предпринимателей является взаимодействие прокуратуры с судебными органами. При этом, сразу стоит отметить, что данные органы функционируют в принципиально разных уровнях системы. Суды осуществляют государственную власть посредством правосудия, а прокуратура является надзорным органом и не относится ни к одной из ветвей государственной власти, поэтому выстроить тесное сотрудничество между ними нельзя без специального подхода. Эту позицию разделяет и Г.Г. Лянной: «учитывая обособленность каждого органа, их место, роль и статус в системе государственного управления, справедливо отметить, что совместная их деятельность возможна лишь в единстве методов реализации и возложенных на органы прокуратуры и судебные органы полномочий по защите предпринимательства» [5, с. 60].

В качестве улучшения сотрудничества судов и прокуратуры можно предложить следующие мероприятия: организовать системный обмен информацией между судами и прокуратурой для своевременного и качественного совершенствования законодательства, а также активно задействовать институт участия прокурора в арбитражном и гражданском процессе по делам, затрагивающим интересы бизнеса.

Помимо упомянутых нами проблемных аспектов, в рассматриваемой сфере наличествуют проблемы, которые выражаются в кадровом дефиците [4]. Иными словами, в органах прокуратуры нет большого количества сотрудников, компетентных в вопросах бизнеса, несмотря на то, что упомянутый нами Приказ Генпрокуратуры от 31 августа 2023 г. № 581, который установил защиту прав предпринимателей и формирование условий для комфортного ведения бизнеса в качестве отдельного направления.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что совершенствование прокурорского надзора в области предпринимательской деятельности требует комплексного подхода. Особенно актуальной представляется адаптация правовой защиты предпринимателей в условиях санкционного давления со стороны недружественных стран.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2025).
2. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 31 августа 2023 г. № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2025).

3. Добрыгина, В.С. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении государственного контроля (надзора) / В.С. Добрыгина // EUROPEAN RESEARCH : сборник статей XXXIV Международной научно-практической конференции, Пенза, 07 декабря 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 158-161. – EDN HBFYKR.

4. Журавлев, Р.А. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о защите прав предпринимателей / Р. А. Журавлев. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 17 (516). – С. 276-277. – URL: <https://moluch.ru/archive/516/113436> (дата обращения: 21.10.2025).

5. Лянной, Г.Г. Взаимодействие суда и прокуратуры по вопросам обеспечения безопасности предпринимательской деятельности / Г.Г. Лянной // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 2(105). – С. 54-63. – DOI 10.55001/2312-3184.2023.98.81.005. – EDN WWNSTW.

6. Полякова, Н.А. Отдельные вопросы организации надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности в условиях изменения Федерального законодательства в связи с недружественными действиями иностранных государств / Н.А. Полякова // Искусство правоведения. – 2023. – № 2(6). – С. 29-35. – EDN QBVRNR.

7. Состояние законности и практика прокурорского надзора за исполнением законодательства о защите прав субъектов предпринимательской деятельности: Администрация Куженерского муниципального района Республики Марий Эл [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: https://mari-el.gov.ru/municipality/kuzhener/adm_Tusp/ (дата обращения: 21.10.2025).

8. Проблемы деятельности прокуратуры в РФ: Журнал АИ Эл [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://apni.ru/article/12449-problemy-deyatelnosti-prokuratury-v-rf> (дата обращения: 21.10.2025).

Мещерина Вероника Дмитриевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ОБ УСИЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

***Аннотация.** Статья посвящена анализу прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в условиях вооруженного конфликта. Автор обращается к правовой составляющей вопроса и посредством анализа законодательных и теоретических материалов, в исследовании выделяются ключевые сферы усиленного прокурорского надзора. Также автор предлагает некоторые перспективные направления совершенствования прокурорской деятельности в работе с населением в области защиты прав и законных интересов. Делается вывод о положительной динамике развития прокурорского надзора при сохранении необходимости дальнейшего совершенствования механизмов защиты прав человека и гражданина в условиях военного конфликта.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, права и свободы, военный конфликт, оперативность решений.*

В связи с нынешней геополитической ситуацией на мировой арене происходит большое количество военных конфликтов. Сами по себе военные действия уже посягают на права и законные интересы человека и требуют специального подхода к их регулированию и охране.

На данный момент в отдельных субъектах Российской Федерации ведутся активные военные действия и в связи с этим население нуждается в усиленной защите, что является одной из приоритетных задач Российской Федерации. Поэтому, в условиях проведения Специальной военной операции (далее – СВО) и осуществления попыток санкционного давления со стороны недружественных стран государство разрабатывает новые механизмы охраны прав и законных интересов своего населения. Одним из таких проявлений является усиление прокурорского надзора, как важнейшего гаранта обеспечения верховенства закона. В рамках настоящего исследования мы рассмотрим отдельные направления прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в условиях военного конфликта.

Генеральный прокурор РФ в 2022 году издал соответствующее Указание «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав граждан в связи с принимаемыми в РФ мерами по поддержке экономики и социальной сферы, а также в связи с введением отдельных ограничений на осуществление финансово-хозяйственной деятельности» [1] (далее – Указание). В данном Указании отмечены приоритетные направления усиления прокурорского надзора (сфера трудовых отношений, бизнес, ценообразование и т.д.), при этом подчеркивается, что последний должен носить упреждающий характер.

Прокуратура должна активно следить за политикой занятости, т.е. минимизация безработицы, уделять внимание ведению бизнеса, ценообразования и не допускать незаконного вмешательства, контролировать влияние санкций со стороны недружественных иностранных государств и снижать их влияние на реализацию населением своих прав и законных интересов. С.Е. Якушева справедливо замечает, что: «при этом равным образом должны соблюдаться права как граждан Российской Федерации, так и иностранных граждан, и лиц без гражданства. Оправданное усиление данной отрасли прокурорского надзора связано с защитой прав граждан, эвакуированных с приграничных территорий» [3, с. 238].

Руководствуясь указанием Генерального прокурора РФ, прокуроры субъектов издали собственные распоряжения, исходя из своей региональной политики. Например, Новгородская прокуратура выпустила указание, которое детализировало, какие именно

подразделения прокуратуры и региональные власти отвечают за усиление надзора в новых экономических и социальных условиях. Конкретные меры заключаются в организации выездного приема и «горячих линий» для правовой помощи; регулярных проверках условий в пунктах временного размещения: соблюдение санитарных норм, противопожарной безопасности, обеспечение продовольствием, медикаментами и медицинской помощью; содействие в трудоустройстве и т.д. В большинстве своем указанные меры на сегодняшний день являются типичными для региональных прокуратур.

Особое внимание в таких регионах, как Новгородская, Ростовская, Московская области и Краснодарский край, было уделено соблюдению прав граждан, прибывших из ЛНР и ДНР. Эта работа включает в себя: личный контроль за прибывшими людьми; сбор сведений о переселенцах совместно с органами власти, МВД и ФСБ для решения вопросов их размещения, трудоустройства, а также для предотвращения проникновения террористов и т.д.

В силу того, что на данный момент лицам из отдельных территорий новых субъектов предоставляются жилищные сертификаты при соблюдении ряда условий. Право на жилище является конституционным правом каждого человека и органы прокуратуры РФ в данном вопросе должны обращать усиленное внимание на законность предоставления соответствующих сертификатов.

На сегодняшний день увеличилось число мошеннических схем, связанных с незаконным получением жилищных сертификатов. Но на практике происходят ситуации, когда из-за законодательных изменений и отсутствия соответствующих разъяснений по этому поводу, получившие сертификат сталкиваются с его аннулированием. Приведем одну из ситуаций: в Краснодаре суд будет рассматривать дело жительницы Херсонской области [5]. У нее и ее дочери аннулировали ранее выданный жилищный сертификат для переселенцев. Власти изменили правила предоставления субсидий уже после того, как семья получила документ. За это время женщина успела взять ипотеку и начать строить жилье. Специалисты считают, что для семьи должны действовать старые правила, которые были актуальны на момент выдачи сертификата и обратную силу закон в данном случае иметь не должен. Как мы уже ранее упоминали, соответствующих официальных разъяснений по этому поводу нет.

Поэтому, реализация жилищных прав также должна находиться под усиленным надзором прокуратуры, но из-за законодательных неопределенностей это направление нуждается в дальнейшей проработке и внесении соответствующих корректив.

При этом нельзя не согласиться с позицией С.Е. Якушевой, которая указывает, что: «в целях достижения наибольшей эффективности принятых мер прокурорского реагирования органам прокуратуры необходимо на постоянной основе осуществлять контроль за устранением выявленных нарушений. Также необходимо повысить качество актов прокурорского реагирования в данной сфере, избегая «дробления» мер прокурорского реагирования в «погоне» за искусственным наращиванием показателей, а также – исключить принятие необоснованных мер прокурорского реагирования. Не допускать случаев снятия с контроля актов реагирования, которые рассмотрены формально» [3, с. 242].

В обстановке военного конфликта особая роль отводится работе прокуратуры по правовому информированию населения, в частности, разъяснению законодательства о получении государственной помощи и механизмах защиты прав. При этом, согласно Указанию, разъяснения должны ограничиваться правовыми аспектами, что подчеркивает аполитичный характер органов прокуратуры. Хотя данное направление и признано приоритетным, мы считаем, что ограничиваться лишь надзорными функциями для его реализации непродуктивно. Целесообразно также задействовать координационные полномочия прокуратуры в сфере борьбы с преступностью, что требует дальнейшей детализации в ведомственных нормативных актах.

В рамках данного исследования целесообразно отметить важность прокурорского надзора в области защиты прав и законных интересов, непосредственно, самих военнослужащих, которые больше всех ощущают на себе последствия военного конфликта и нуждаются в особой правовой охране. Александр Гуцан в одном из своих заявлений отметил, что органы прокуратуры должны продолжить работу над защитой участников СВО [6]. Одним из приоритетных направлений он

назвал медицинскую реабилитацию. Далее, обозначены ключевые направления для контроля: необходимо обеспечить военнослужащих лекарствами и средствами реабилитации, а также усилить надзор за назначением им социальных выплат и соблюдением их жилищных и трудовых прав. Кроме того, он подчеркнул важность решительного пресечения любых мошеннических действий в отношении военнослужащих и членов их семей.

Анализ работы прокуратуры показывает, как со временем изменился характер жалоб от мобилизованных граждан и участников СВО. В начале мобилизации основные жалобы касались нарушений самого порядка призыва [4, с. 149]. В 2024 году и по сей день запросы сместились в сторону социальной и правовой поддержки. Граждане чаще обращаются по вопросам поиска пропавших без вести, получения статуса ветерана боевых действий, назначения выплат и льгот, защиты трудовых прав, прекращения кредитных обязательств в случае гибели военнослужащего и т.д.

Прокурорские проверки показывают, что права военнослужащих часто нарушаются кредитными организациями и службой судебных приставов, которые не соблюдают предусмотренные для них льготы и послабления. Д.Ю. Мананников приводит показательный случай: «прокуратурой Липецкой области по результатам проведенной проверки в связи с поступлением обращения супруги участника СВО обеспечено принятие решения о приостановлении исполнительных производств в отношении еще 364 граждан, являющихся участниками боевых действий в составе Вооруженных Сил Российской Федерации» [2, с. 4].

Для более эффективной защиты прав участников спецоперации и их семей предлагается: проведение личных онлайн-приемов с помощью специальных программ, чтобы сделать правовую помощь более доступной и оперативной; необходимость не просто рассматривать жалобы, а без задержек принимать конкретные меры для устранения выявленных нарушений закона. Данные меры, на наш взгляд, повысят оперативность и эффективность защиты прав и свобод военнослужащих и членов их семей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что прокурорский надзор в области защиты прав и законных интересов человека и гражданина в условиях военного конфликта реализуется в положительной динамике. Современные реалии выделяют новые направления для прокурорского реагирования и требуют повышенного внимания, с чем органы прокуратуры активно работают и совершенствуют механизмы улучшения реализации прав и свобод человека и гражданина в непростых условиях.

Список используемых источников:

1. Указание Генпрокуратуры России от 11.03.2022 N 140/20 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав граждан в связи с принимаемыми в Российской Федерации мерами по поддержке экономики и социальной сферы, а также в связи с введением отдельных ограничений на осуществление финансово-хозяйственной и иной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.10.2025).
2. Мананников Д.Ю. Защита прав и социальных гарантий участников специальной военной операции и членов их семей как приоритетное направление деятельности органов прокуратуры (по материалам прокурорской практики) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 11(328). С. 57-66.
3. Якушева, С.Е. Об усилении отдельных направлений прокурорского надзора в условиях военного конфликта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2(151). С. 235-243.
4. Якушева, С.Е. К вопросу о прокурорском надзоре за соблюдением прав военнослужащих и членов их семей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 4(72). С. 143-154.
5. Херсонским переселенцам в Краснодаре аннулировали жилищный сертификат из-за изменившихся правил: Коммерсантъ [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6805768> (дата обращения: 04.10.2025).
6. Гуцан считает обеспечение прав участников СВО приоритетным в работе прокуроров: ТАСС [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25133151> (дата обращения: 04.10.2025).

Мещеряков Даниил Геннадьевич,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Федорященко Алексей Сергеевич,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ КРИТИЧЕСКОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РФ

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена актуальной проблеме кибербезопасности критической энергетической инфраструктуры Российской Федерации в условиях стремительной цифровизации и конвергенции операционных и информационных технологий. Анализируется возрастающая угроза целенаправленных кибератак, способных привести к масштабным сбоям, экономическим потерям и угрозам национальной безопасности. Рассматриваются ключевые аспекты российской государственной политики в этой сфере, включая законодательную базу (ФЗ-187), роль ГосСОПКА и ФСТЭК России, а также стратегию импортозамещения. Приводятся примеры разрушительных кибератак на энергетические объекты в мировой практике (Stuxnet, инциденты на Украине, Colonial Pipeline) для иллюстрации потенциальных последствий. Подчеркивается необходимость комплексного, многоуровневого подхода к защите, включающего технические средства, организационные меры, развитие кадрового потенциала и постоянную адаптацию к новым угрозам, что является фундаментальным элементом обеспечения суверенитета и стабильности государства.*

***Ключевые слова:** кибербезопасность, критическая энергетическая инфраструктура, Российская Федерация, киберугрозы, импортозамещение, национальная безопасность, энергетика, защита информации.*

Кибербезопасность критической энергетической инфраструктуры Российской Федерации представляет собой одну из наиболее актуальных и стратегически значимых проблем современности, затрагивающую как национальную безопасность, так и экономическую стабильность страны. Энергетика, являясь кровеносной системой любой развитой экономики, обеспечивает бесперебойное функционирование всех сфер жизни – от промышленности и транспорта до здравоохранения и бытового комфорта. В условиях стремительной цифровизации, когда автоматизированные системы управления технологическими процессами (АСУ ТП) и промышленные системы контроля (ICS) становятся все более интегрированными с корпоративными IT-сетями и глобальной сетью, риски кибератак многократно возрастают, приобретая беспрецедентный масштаб и потенциал разрушительного воздействия.

Исторически АСУ ТП проектировались с акцентом на надежность и доступность, а не на безопасность от внешних киберугроз, что обусловлено их изолированностью от внешнего мира. Однако с развитием концепции "умных сетей" (Smart Grid), внедрением интернета вещей (IoT) в промышленные системы и необходимостью удаленного мониторинга и управления, эта изоляция была нарушена. Возникла конвергенция операционных технологий (OT) и информационных технологий (IT), что, с одной стороны, открыло новые возможности

для оптимизации и эффективности, а с другой – создало обширное поле для киберугроз. Как отмечал Евгений Касперский, основатель и руководитель "Лаборатории Касперского", "промышленные сети, которые раньше были закрытыми, теперь становятся частью глобальной инфраструктуры, что делает их уязвимыми для тех же угроз, что и обычные ИТ-системы, но с гораздо более серьезными последствиями" [3, с. 38]. Действительно, последствия успешной кибератаки на энергетический объект могут варьироваться от локальных сбоев и финансовых потерь до масштабных отключений электроэнергии, экологических катастроф и даже человеческих жертв, что делает этот сектор приоритетной мишенью для государственных акторов, кибертеррористов и высокоорганизованных киберпреступных группировок.

Российская Федерация, обладая одной из крупнейших и наиболее разветвленных энергетических систем в мире, осознает критичность данной проблемы и активно формирует собственную систему защиты. Ключевым законодательным актом в этой области является Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ "О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации" [1]. Этот закон заложил правовую основу для категорирования объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ), включая объекты энергетического комплекса, определения требований к их безопасности и установления ответственности за несоблюдение этих требований. Закон обязывает субъектов КИИ проводить оценку угроз, разрабатывать и внедрять системы защиты, а также взаимодействовать с Государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА), оператором которой является ФСБ России. ФСТЭК России, в свою очередь, разрабатывает нормативно-методические документы, устанавливающие требования к защите информации в АСУ ТП и объектах КИИ. Эти меры направлены на создание эшелонированной обороны, включающей как технические, так и организационные аспекты.

Примеры из мировой практики наглядно демонстрируют потенциал кибератак на энергетику. Классический случай вируса Stuxnet, обнаруженного в 2010 году, показал, как целенаправленное вредоносное программное обеспечение может быть использовано для физического разрушения промышленных объектов, в данном случае – иранских центрифуг для обогащения урана. Stuxnet стал первым известным кибероружием, способным вызывать физические повреждения, и послужил тревожным звонком для всех стран, обладающих промышленной инфраструктурой. Более свежие примеры включают атаки на энергосистему Украины в 2015 и 2016 годах, которые привели к масштабным отключениям электроэнергии. Эти инциденты, по данным ряда экспертов, были результатом скоординированных действий с использованием специализированного вредоносного ПО (например, BlackEnergy), направленного на вывод из строя систем управления подстанциями. Инцидент с Colonial Pipeline в США в 2021 году, когда оператор крупнейшего трубопровода был вынужден остановить работу из-за атаки программы-вымогателя, продемонстрировал, как кибератака может вызвать панику, дефицит топлива и серьезные экономические последствия, даже если непосредственного физического разрушения не произошло. Эти примеры подчеркивают, что угрозы многообразны – от целенаправленного саботажа до использования коммерческого вредоносного ПО, адаптированного для промышленных систем [2, с. 175].

Одной из ключевых сложностей в обеспечении кибербезопасности российской энергетической инфраструктуры является ее территориальная распределенность, разнообразие используемого оборудования (включая как современное, так и устаревшее), а также зависимость от импортных технологий. Проблема импортозамещения в сфере программного обеспечения и оборудования для АСУ ТП и систем информационной безопасности является стратегическим приоритетом, поскольку использование зарубежных решений может создавать скрытые уязвимости и "бэкдоры", потенциально используемые иностранными спецслужбами. В связи с этим, активно развивается отечественная индустрия кибербезопасности, предлагающая сертифицированные ФСТЭК и ФСБ решения для защиты КИИ. Однако процесс полного перехода на отечественные компоненты требует значительных временных и финансовых ресурсов, а также высококвалифицированных кадров.

Брюс Шнайер, известный американский криптограф и эксперт по безопасности, неоднократно подчеркивал, что "безопасность – это процесс, а не продукт" [4, с. 135]. Этот принцип особенно актуален для критической энергетической инфраструктуры. Защита не может быть статичной; она требует постоянного мониторинга, обновления, адаптации к новым угрозам и технологиям. Это включает в себя не только внедрение технических средств защиты (межсетевых экранов нового поколения, систем обнаружения вторжений, средств антивирусной защиты, систем сегментации сети), но и развитие культуры кибербезопасности среди персонала, проведение регулярных тренировок и учений, а также создание эффективных планов реагирования на инциденты и восстановления после них. Человеческий фактор остается одним из наиболее уязвимых звеньев: фишинг, социальная инженерия, ошибки персонала могут нивелировать самые совершенные технические средства защиты.

Таким образом, кибербезопасность критической энергетической инфраструктуры РФ – это многогранная задача, требующая комплексного подхода, постоянного совершенствования законодательной базы, активного развития отечественных технологий, повышения квалификации кадров и тесного взаимодействия между государственными органами, энергетическими компаниями и экспертным сообществом. В условиях нарастающей геополитической напряженности и постоянно эволюционирующего ландшафта киберугроз, обеспечение надежной защиты энергетического комплекса становится не просто технической задачей, а фундаментальным элементом национальной безопасности и суверенитета, требующим непрерывных усилий и стратегического видения на многие десятилетия вперед.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ "О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2017 г. № 31 (часть I) ст. 4736
2. Массель Л.В. Проблемы создания Smart Grid в России с позиций информационных технологий и кибербезопасности // Методические вопросы исследования надежности больших систем энергетики Международный научный семинар им. Ю.Н. Руденко. Утверждено к печати Институтом систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН; Редакционная коллегия: ответственный редактор Н.И. Воропай, Н.И. Илькевич, Г.Ф. Ковалев, Л.В. Массель, С.М. Сендеров. 2014. С. 171-181.
3. Рабчук В.И., Сендеров С.М., Славин Г.Б. Энергетическая безопасность России: проблемы и пути решения / Отв. ред. Н.И. Воропай. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2011. 197 с.
4. Шнайер, Б. Взломать всё. Как сильные мира сего используют уязвимости систем в своих интересах / Б. Шнайер. – Москва : Альпина Паблишер, 2019. – 336 с.

Митрофанова Мария Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Степанченко Сергей Павлович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Алейникова Валерия Андреевна,
ассистент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ЭКСТРАДИЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ

***Аннотация.** В данной научной работе проводится исследование проблем осуществления и реализации института экстрадиции в современном международном и национальном праве. Авторами данной статьи изучаются правовые основы экстрадиции, особенности взаимного сотрудничества государств, а также преграды, которые могут сформироваться на пути эффективного и рационального применения данной процедуры. На основе сравнительного анализа установлены противоречия между нормативно-правовыми актами международных договоров и законодательства различных государств, которые оказывают воздействие на практическое осуществление экстрадиции. Также внимание уделяется вопросам защиты прав личности в процессе передачи, и механизмам разрешения конфликтов систем права. Автором статьи предложены определенные рекомендации, которые направлены на совершенствование и реформирование современной законодательной базы и международного сотрудничества, с целью повышения уровня эффективности исследуемого института.*

***Ключевые слова:** экстрадиция, международное право, национальное право, правовое сотрудничество, защита прав личности, конфликт норм, обмен правовой информацией.*

Для начала хотелось бы сказать, что институт экстрадиции в настоящее время занимает одно из наиболее важных мест, как в системе международного права, так и в системе национального права. Именно экстрадиция выступает в роли механизма, направленного на передачу лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений из одного государства в другое. Эффективная реализация данного института имеет значимое место для борьбы с преступностью, повышения уровня международного сотрудничества и укрепления правопорядка [1, с. 458].

Современная практика экстрадиции говорит о том, что данный правовой институт сталкивается с большим количеством проблем, которые требуют незамедлительного решения. Различия в системах права, политические и дипломатические соображения, а также вопросы защиты прав личности формируются сложные правовые и организационные проблемы.

Итак, под экстрадацией принято понимать особую процедуру официальной передачи одного государства другому лиц, которые обвиняются или осуждены за преступления, с целью судебного преследования или исполнения наказания. Стоит сказать,

что данный институт базируется на нормативно-правовых актах международных договоров и национального законодательства [2, с. 42].

Согласно современному международному праву, данный институт регламентируется как двусторонними и многосторонними соглашениями, так и принципами международного сотрудничества в борьбе с преступной деятельностью. Необходимо заметить, что в национальных правовых системах институт экстрадиции находит отражение в специально отведенных нормах права, а также разделах уголовно-процессуальных кодексов.

В своих работах А.И. Джигирь не раз отмечал, что: «Двусторонние договоры определяют обязательство выдачи, виды правонарушений, влекущих выдачу, а также основания для отказа в выдаче. Например, в 1998 году был подписан двусторонний договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о выдаче. Многосторонние договоры состоят из трёх или более суверенных государств, в которых все стороны имеют схожие обязательства. Их основная цель – создание единых стандартов для стран-членов. Некоторые многосторонние договоры, регулирующие экстрадицию: Европейская конвенция о выдаче 1957 года, Межамериканская конвенция 1981 года и другие» [3, с. 13].

Наиболее значимой и актуальной проблемой данного правового института является конфликт между нормами различных национальных систем и международных договоров. Различия в определении преступных деяний, сроках давности, а также процедурах и критериях принятия решения о применении экстрадиции, приводят к значительным затруднениям в правоприменительной практике.

К примеру, отдельные государства не выдают своих граждан или не передают лиц за преступления, которые в принимающем государстве являются уголовно наказуемыми, но отсутствуют в исходной юрисдикции. Такое положение формирует большие пробелы и неприкосновенности фактического характера [4, с. 46].

Хотелось бы также отметить, что институт экстрадиции в настоящее время осложняется политическими мотивами, в частности, вопросами национального суверенитета и взаимоотношений между странами.

По словам П.Р. Измайловой: «Процедура выдачи преступников сложная и часто занимает много времени, так как затрагивает интересы нескольких государств и их ведомств. Отсутствие единых универсальных стандартов экстрадиции также усложняет ситуацию. Не урегулированы должным образом сроки и условия содержания под стражей, права и обязанности экстрадируемых лиц, процедура их перевозки и передачи запрашившему государству, а также вопросы применения к ним специальных средств» [5, с. 79].

Неотъемлемой составляющей реализации исследуемого института в современных реалиях является обеспечение прав и свобод лица, в отношении которого инициируется экстрадиция. Стоит сказать, что возможность применения более жесткого наказания, такие как смертная казнь, пытки, в запрашиваемом государстве чаще всего выступает рациональным основанием для отказа применения института экстрадиции.

Практика сегодняшних дней требует более строго соблюдения стандартов международного права, что в разы усложняет процедуру и налагает определенного рода обязательства на государства [6, с. 60].

К неопределенности и затруднениям реализации экстрадиции приводит отсутствие единых международных стандартов и разница в нормативно-правовых актах государств. Необходимо отметить, что используемые договоры не могут в полной мере учитывать современные вызовы, а именно транснациональную преступность и преступления, совершенные в киберпространстве.

Для устранения вышеуказанных проблем и эффективного применения экстрадиции, необходимо осуществлять системный подход, который будет включать следующее:

- гармонизацию международно-правовых норм и стандартизацию дефиниций преступлений, которые подлежат к применению экстрадиции;
- усиление взаимодействия между странами через формирование многоструктурных и многосторонних механизмов, при помощи которых будет возможно разрешать конфликтные ситуации и споры, а также ускорять процесс всей процедуры;

– внедрение строгих гарантий защит прав человека при рассмотрении вопросов экстрадиции, в частности, мониторинг обращения с лицами, в отношении которых применяется данный правовой институт [7, с. 126].

В заключение хотелось бы сказать, что в настоящее время институт экстрадиции занимает центральное место в международном и национальном уголовно праве, направленный на обеспечение передачи преступников и укрепление международного правового сотрудничества. Необходимо помнить, что реализация данного правового института связана с определенными проблемами, которые требуют незамедлительного решения.

Для повышения эффективности института экстрадиции необходимо модернизировать и реформировать международные договоры, а также национальное законодательство, с целью обеспечения баланса между правами государства. Только комплексный подход позволит вывести данный правовой институт на первое место в борьбе с преступностью, совершающейся на глобальном уровне.

Список используемых источников:

1. Карасев, В.Е. Особенности экстрадиции и передачи лиц, обвиняемых в совершении преступлений / В.Е. Карасев // Государство, как основной субъект реализации права: исторический очерк, теория, практика: Сборник научных работ: Краснодарский государственный юридический институт, 2022. – С. 457-460.

2. Разенкова, А.Н. Особенности уголовного права РФ / А.Н. Разенкова // Медиа-Биб. – 2023. – № 123. – С. 40-45.

3. Джигирь, А.И. Экстрадиция: терминологический аспект // Закон и право. – 2025. – № 6. – С. 12-15.

4. Ижнина, Л.П. Соотношения терминов «правовая помощь по уголовным делам», «экстрадиция» и «выдача преступников» в российском уголовном процессе / Л.П. Ижнина // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал. – 2023. – № 1. – С. 45-49.

5. Измайлова, П.Р. Проблемы экстрадиции в международном публичном праве / П.Р. Измайлова // Труды института государства и права российской академии наук. Статьи аспирантов и стажеров института государства и права. – 2020. – № 5. – С. 78-82.

6. Иеветис, Я.Г. Проблемы выдачи (экстрадиции) – от договора Рамзеса II и Хеттушили III до наших дней / Я.Г. Иеветис // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (17). – С. 59-62.

7. Иманлы, М.Н., Махмудова, У. Экстрадиция и универсальный принцип действия уголовного закона / М.Н. Иманлы // Развитие национального законодательства в условиях глобализации: опыт России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы международной научно-практической конференции. – 2024. – №12. – С.125-129.

Митрофанова Мария Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Першина Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ: ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ И ОЦЕНКИ

***Аннотация.** В данной научной работе автором проводится анализ ключевых особенностей использования цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве по уголовным делам, которые тесно связаны с преступлениями в области энергетики. Ключевое внимание уделяется основным и наиболее актуальным проблемам сбора, хранения, и оценки цифровых данных и сведений, а также правовым и техническим сложностям, которые возникают при их использовании в суде. Автором статьи обозначены актуальные на сегодняшний день вызовы, такие как обеспечение целостности и достоверности цифровых доказательств, недостаточная стандартизация процедур и необходимость повышения квалификации участников процесса. На основе анализа отечественной законодательной базы, судебной практики и современных методик предложены рекомендации по совершенствованию подходов к работе с цифровыми доказательствами в данной области.*

***Ключевые слова:** цифровые доказательства, уголовное судопроизводство, преступления в сфере энергетики, сбор доказательств, оценка доказательств, информационная безопасность, экспертиза, правовые проблемы, кибербезопасность.*

Действующая в настоящее время энергетическая область является одной из наиболее значимых составляющих национальной экономики и в то же время объектом повышенного внимания со стороны правоохранительных органов [1, с. 47]. С развитием энергетических систем, цифровизацией и внедрением технологий «умных идей» объем и разнообразие цифровых данных, которые способны служить в качестве доказательств в уголовных делах, существенно увеличились.

Итак, под цифровыми доказательствами в уголовном судопроизводстве подразумеваются сведения, зафиксированные в электронной форме, которые подтверждают факт совершения преступления, или, наоборот опровергают его [2, с. 75]. Применение цифровых доказательств в делах, которые связаны с преступлениями, совершенными в области энергетики, позволяют установить хищения электроэнергии, саботаж, вмешательство в работу энергосетей, а также иных противозаконных действий, что актуально для обеспечения безопасности и стабильности энергоснабжения.

В.Н. Григорьев в своих работах отмечал, что: «Цифровые (электронные) доказательства – это информация, зафиксированная на электронных носителях, которая может быть использована для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Такие доказательства могут быть связаны с преступлениями в сфере энергетики, например, с хищениями топлива, и использоваться для расследования. Особенности цифровых

доказательств – не имеют материальной формы, но требуют носителя для их отображения (жёсткий диск, флеш-накопитель, облачное хранилище), могут быть легко изменены или уничтожены, что требует соблюдения специальных процедур изъятия и фиксации, зачастую требуют специальных знаний для извлечения и анализа (например, при расшифровке удалённых данных или изучении сетевых логов)» [3, с. 26].

В настоящее время цифровые доказательства в исследуемой области включают:

- 1) протоколы и журналы систем управления энергетическими сетями,
- 2) записи систем видеонаблюдения, а также аудионаблюдения,
- 3) электронные документы и коммуникации сотрудников и контрагентов,
- 4) данные интеллектуальных счетчиков электроэнергии;
- 5) сведения из SCADA-систем. Под SCADA-системой в настоящее время понимают

системы диспетчерского управления и сбора данных [4].

Ключевой особенностью данных доказательств считается их сложная структура и необходимость сохранения целостности при сборе.

На сегодняшний день существует ряд проблем при использовании цифровых доказательств в уголовных делах, связанных с преступлениями, совершенными в сфере энергетики.

Наиболее актуальной проблемой выступают технические сложности. Стоит сказать, что сбор цифровых доказательств требует специализированного оборудования, а также определенных знаний и навыков. На сегодняшний день не все правоохранительные органы оснащены необходимыми техническими инструментами, которые могут извлечь информацию или сведения из сложных систем энергоснабжения [5, с. 117]. Также уже после извлечения данных необходимо гарантировать отсутствие изменений или порчи данных сведений.

Второй актуальной проблемой данной области выступают некоторые ограничения со стороны российского законодательства. Уголовный процесс требует соблюдения строгих процедур для законного и рационального изъятия данных – от получения характерных санкций судебных органов до ведения протоколов. Стоит сказать, что несоблюдение, как показывает практика, приводит к недопустимости доказательств [6, с. 55].

Третьей проблемой является отсутствие единых стандартов. Разные субъекты энергетики используют разнообразные аппаратные и программные средства, что в значительной степени осложняет работу стандартной методики сбора и исследования цифровых доказательств.

Также на практике встречаются проблемы оценки цифровых доказательств непосредственно в суде. К таким проблемам в настоящее время относятся:

- 1) Достоверность и целостность.

Суд в обязательном порядке должен убедиться, что цифровые доказательства не были подделаны или видоизменены. Для данного используются методы электронной подписи, хеширования, а также криминалистической экспертизы.

- 2) Компетентность экспертов и участников процесса.

Стоит сказать, что недостаток квалифицированных специалистов приводит к определённым разногласиям в оценке такого рода доказательств. Суды, как показывает современная практика, чаще всего сталкиваются с необходимостью привлечения высококвалифицированных экспертов и специалистов в IT-индустрии.

- 3) Вопросы технической терминологии.

Сегодня суды и адвокаты испытывают некоторые сложности в понимании аспектов технического характера, что в значительной степени снижает качество оценки и увеличивает риски ошибочных и неправильных решений [7, с. 125].

Для того, чтобы решить вышеуказанные проблемы и совершенствовать систему применения цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве по уголовным делам, связанными с областью энергетики необходимо:

– внедрить единые стандарты по сбору и хранению цифровых доказательств в энергетическом секторе;

- сформировать специализированные подразделения в правоохранительных органах с техническими экспертами;
- повысит квалификацию судей и следователей в области информационных технологий;
- разработать типовые методики и регламенты проведения экспертиз цифровых доказательств;
- усилить международное сотрудничество и обмен опытом в борьбе с цифровыми преступлениями [8, с. 74].

Таким образом, можно сказать, что применение цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве по делам о преступлениях, совершенных в области энергетики, в настоящее время представляет собой наиболее эффективный инструмент борьбы с актуальными проблемами, но в тоже время, который сопровождается рядом технических и правовых проблем. Решение данных вопросов требует системного и комплексного подхода, включающего законодательную регламентацию, подготовку специалистов и экспертов, а также развитие технической инфраструктуры.

Список используемых источников:

1. Вехов, В.Б. Электронные доказательства проблемы теории и практики / В.Б. Вехов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 4 (1). – С. 46–50.
2. Воронин, М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть / М.И. Воронин // Науки криминального цикла. – 2023. – № 7 (152). – С. 74–84.
3. Григорьев, В.Н. Об электронных носителях информации в УИС России / Н.В. Григорьев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2023. – № 3. – С. 25–27.
4. Григорьев, В.Н., Максимов О.А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник УЮИ. – 2022. – № 2 (84) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-elektronnyh-nositelei-informatsii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 02.11.2025).
5. Зазулин, А.И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам: монография / А.И. Зазулин. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 168 с.
6. Зазулин, А.И. Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации / А.И. Зазулин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – № 4 (11). – С. 54–57.
7. Зуев, С.В. Основы теории электронных доказательств: монография / С.В. Зуев. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 400 с.
8. Карташов, И.И., Лесников, О.А. Цифровая информация в уголовно–процессуальном доказывании: понятие и свойства / И.И. Карташов, О.А. Лесников // Научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2023. – Т. 8, № 4 (32). – С. 73–82.

Мирзаянов Булат Юсуфович,
магистрант института инженерной
экономики и предпринимательства,
Казанского национального исследовательского
технического университета имени А. Н. Туполева-КАИ,
(Казань, Россия)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

***Аннотация.** В статье проводится комплексный анализ современного состояния энергетического законодательства Российской Федерации и выявляются его ключевые проблемы в условиях глобального энергоперехода. Рассматриваются такие аспекты, как цифровизация топливно-энергетического комплекса, развитие возобновляемых источников энергии и необходимость обеспечения энергетической безопасности. Моей ключевой задачей в данной статье стало исследование пробелов и противоречий в действующих нормативных правовых актах, в частности, в Федеральном законе «Об электроэнергетике». На основе проведенного исследования формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательной базы, включая создание правовых условий для развития водородной энергетики и внедрения передовых технологий. Цель работы-разработка научно обоснованных рекомендаций для дальнейшего реформирования отрасли.*

***Ключевые слова:** энергетическое право, модернизация законодательства, энергопереход, ВИЭ, цифровизация, энергобезопасность, низкоуглеродная экономика, правовое регулирование.*

Актуальность модернизации российского энергетического законодательства не вызывает сомнений в условиях глобальных вызовов современности. Энергетический сектор сталкивается с необходимостью адаптации к трендам низкоуглеродного развития, цифровой трансформации и изменениям геополитической конъюнктуры [1, с. 45]. Действующая правовая база, сформированная в основном в начале 2000-х годов, во многом исходит из парадигмы централизованной энергосистемы, основанной на ископаемом топливе, и требует существенного обновления.

Цель настоящего исследования – выявление системных проблем в энергетическом законодательстве и разработка комплексных предложений по его модернизации. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: проанализировать текущее состояние нормативно-правового регулирования; определить ключевые проблемы и пробелы; сформулировать конкретные пути совершенствования законодательства.

Анализ текущего состояния энергетического законодательства

Основу правового регулирования энергетической отрасли составляют Федеральные законы № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации», № 257-ФЗ «О магистральном трубопроводном транспорте» и ряд других. Сформированная система законодательства позволила создать конкурентные рынки электроэнергии и мощности, обеспечить надежное энергоснабжение экономики. Однако на сегодняшний день она демонстрирует свою ограниченность.

Ключевой проблемой является фрагментарность регулирования. Иными словами, отношения в сфере теплоснабжения, газоснабжения, электро- и нефтеснабжения регламентируются разрозненными нормативными актами, что создает сложности при реализации комплексных энергетических проектов [2, с. 112]. Кроме того, законодательство практически не адаптировано к интеграции объектов возобновляемой энергетики, которые характеризуются нестабильным характером генерации.

Проблемы правового регулирования в контексте новых вызовов

Одной из наиболее значимых проблем является отсутствие комплексного правового регулирования в области водородной энергетики. Не определены правовой статус водорода как

энергоносителя, требования к его производству, транспортировке и хранению. Это сдерживает развитие перспективного направления и выход России на международные рынки [3, с. 78].

Другой серьезный вызов-цифровизация. Развитие технологий «умных сетей» (Smart Grid), активных энергокомплексов и распределенной генерации требует четкого определения правового статуса новых субъектов (например, «прозьюмеров»-потребителей-производителей), а также регулирования вопросов кибербезопасности и защиты данных.

Существенным пробелом является слабая развитость механизмов стимулирования энергоэффективности и снижения углеродного следа. В российском законодательстве отсутствуют такие инструменты, как система торговли квотами на выбросы парниковых газов, что становится барьером в условиях ужесточения экологических требований на глобальных рынках.

Предложения по модернизации законодательной базы

Для преодоления выявленных проблем предлагается следующий ряд комплекс мер:

1) Разработка и принятие Энергетического кодекса Российской Федерации. Данный кодифицированный акт должен систематизировать разрозненные нормы, установить общие принципы и понятия для всех секторов энергетики, что создаст основу для непротиворечивого и комплексного регулирования.

2) Принятие специального федерального закона «О водородной энергетике». Закон должен определить цели и принципы государственной политики в этой сфере, установить требования к безопасности, стандартизации и сертификации водорода, а также закрепить меры государственной поддержки.

3) Внесение изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» в части развития «умных сетей» и распределенной энергетики. Необходимо законодательно закрепить понятия «интеллектуальная энергетическая система», «активный потребитель», «микросеть» и регламентировать их взаимодействие с единой национальной энергосистемой.

4) Введение в законодательство экономических механизмов стимулирования низкоуглеродного развития. Целесообразно разработать и поэтапно внедрить национальную систему регулирования выбросов парниковых газов, включая элементы углеродной отчетности и торговли квотами.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что модернизация энергетического законодательства России является не просто желательным, а объективно необходимым шагом. Запоздывание с реформами может привести к потере конкурентных позиций страны на мировых энергетических рынках и технологическому отставанию.

Предложенные меры-кодификация, развитие специализированного регулирования для новых технологий и внедрение современных экономических инструментов, они носят комплексный характер и направлены на создание гибкой, адаптивной и перспективной правовой среды. Реализация этих предложений позволит не только устранить существующие пробелы, но и заложить прочный правовой фундамент для устойчивого развития энергетического сектора России на долгосрочную перспективу.

Список используемых источников:

1. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р.
2. Гузев А.С. Правовые проблемы развития электроэнергетики в России // Журнал российского права. – 2022. – № 8. – С. 110–120.
3. Корнеев О.В. Водород как объект правового регулирования: мировой опыт и перспективы в России // Энергетическое право. – 2023. – № 1. – С. 75–82.
4. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике».
5. Международное энергетическое право: основные принципы и тенденции развития: монография / под ред. В.В. Романовой. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 300 с.

Мищенко Данил Витальевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Боев Дмитрий Вячеславович,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

РОЛЬ РОСГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация.** В условиях усложнения угроз общественной безопасности в Российской Федерации особую роль приобретает Федеральная служба войск национальной гвардии (Росгвардия). Созданная в 2016 году, Росгвардия объединила функции ранее существовавших подразделений внутренних войск МВД, ОМОНа, СОБРа и других силовых структур. В данной статье анализируются правовые основы деятельности Росгвардии, её полномочия в сфере обеспечения общественного порядка, борьбы с терроризмом и реагирования на массовые нарушения. На основе анализа федерального законодательства, включая ФЗ № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии», а также официальных публикаций и отчётов службы, формулируются выводы о месте и значении Росгвардии в современной системе правоохранительных органов.*

***Ключевые слова:** Росгвардия, общественная безопасность, войска национальной гвардии, ФЗ № 226-ФЗ, правопорядок, контртеррористическая деятельность, правоохранительные органы.*

Обеспечение общественной безопасности – одна из ключевых задач государства. В России, из-за масштаба территории, многообразия социальных групп и роста внешних и внутренних угроз, эта задача требует специализированных институтов. До 2016 года за поддержание порядка на массовых мероприятиях, охрану важных объектов и борьбу с терроризмом отвечали разные подразделения: внутренние войска МВД, ОМОН, СОБР, отряды быстрого реагирования. Такая система была неэффективна – возникали задержки, дублирование функций, сложности в координации.

15 апреля 2016 года Президент РФ подписал Указ № 157 [3], а 3 июля того же года был принят Федеральный закон № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии» [2] – создавший новую, единую структуру – Росгвардию. Это не просто реформатирование полиции. Это – формирование особого воинского формирования, подчинённого напрямую Президенту, с правом применения оружия и спецсредств без предварительного согласования с региональными властями.

Росгвардия наделена правом применять оружие, боевую технику и специальные средства для предотвращения угроз жизни и здоровью граждан. Её полномочия не ограничены территорией – она может быть направлена в любой регион без согласия местных властей, что закреплено в статье 12 закона.

Ключевые функции, предусмотренные статьями 8–10 ФЗ № 226-ФЗ, включают [2]:

- обеспечение общественного порядка и безопасности;
- охрана особо важных объектов (например, атомных станций, правительственных зданий);

- борьба с терроризмом и экстремизмом;
- участие в противодействии организованной преступности;
- охрана государственной границы в исключительных случаях;
- конвоирование особо опасных преступников;
- пресечение массовых беспорядков;
- оказание содействия другим органам при чрезвычайных ситуациях.

Таким образом, Росгвардия – это специализированная сила быстрого реагирования, созданная для ситуаций, выходящих за рамки обычного правопорядка. Основными направлениями деятельности в сфере общественной безопасности является поддержание общественного порядка

Росгвардия активно участвует в обеспечении порядка на массовых мероприятиях: выборах, спортивных событиях, митингах, праздниках.

Её действия регулируются статьей 19 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [2], согласно которой применение силы осуществляется поэтапно:

1. Предупреждение – устное предупреждение о намерении применить силу.
2. Предупреждающий выстрел – производится в воздух или в другое безопасное направление.
3. Применение физической силы, специальных средств или оружия – если предупреждение и предупреждающий выстрел не дали результата.

Росгвардия не действует изолированно. Её сотрудники тесно взаимодействуют с:

1. МВД России – при обеспечении порядка на улицах, при задержаниях;
2. ФСБ – при борьбе с терроризмом и шпионажем;
3. Следственным комитетом – при передаче материалов после операций;
4. МЧС – при ликвидации последствий терактов и ЧС.

Росгвардия – это уникальное явление в современной российской системе правоохранительных органов. Её роль в обеспечении общественной безопасности не сводится к охране объектов. Она представляет собой высококомобильную, хорошо вооружённую и юридически наделённую широкими полномочиями силовую структуру, способную реагировать на угрозы, выходящие за рамки обычной полицейской деятельности.

Правовая основа её деятельности чётко регламентирована ФЗ № 226-ФЗ [2], который даёт ей статус воинского формирования, одновременно подчинённого Президенту и ориентированного на защиту конституционного строя.

В условиях роста внешних и внутренних угроз, включая терроризм, диверсии, массовые акции и киберугрозы, роль Росгвардии будет только возрастать. Однако её эффективность зависит не только от оснащения, но и от строгого соблюдения правовых норм, в частности – принципов необходимости, пропорциональности и минимального применения силы.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1993. – № 52. – Ст. 5299 – <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item>.
2. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 28. – Ст. 4551. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40960>
3. Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 «О формировании Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40689>

Мокшина Алина Юрьевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Комнатная Юлия Александровна,
доцент кафедры административного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Данная статья посвящена анализу основных тенденций развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Автором проанализированы некоторые документы стратегического планирования. В статье рассматриваются ключевые направления развития военного потенциала страны, противодействия киберугрозам, борьбы с терроризмом и меры, которые на современном этапе предпринимаются для устойчивого экономического развития нашей страны, а также направления международного сотрудничества России в энергетической сфере.*

***Ключевые слова:** национальная безопасность Российской Федерации, система обеспечения национальной безопасности, национальные интересы, угрозы, информационная безопасность, экономическая безопасность, военная безопасность, энергетическая безопасность*

Впервые в российской правовом поле термин «национальная безопасность» появился в ныне утратившем силу Федеральном законе от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», а его определение было дано через год, в 1996 году в первом Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. С этого времени определение «национальной безопасности» претерпело немало изменений. Современное легальное определение данного понятия содержится в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года.

Б.В. Бочаров, Е.В. Луценко и В.Ю. Коротков в структуру системы национально-государственной безопасности России включают: органы и силы безопасности; государственные, общественные и гражданские организации и объединения; отдельные граждане, привлекаемые на законном основании уполномоченными государственными органами [2, с. 21].

Анализируя основные тенденции развития системы обеспечения национальной безопасности, можно заметить, что многие авторы сходятся во мнении, что ключевой тенденцией необходимо считать укрепление военного и оборонного потенциала страны. Так, Т.В. Кикоть-Глуходедова, считает, что Российская Федерация «ведет активную работу по модернизации вооруженных сил, в частности, разрабатывает новые военные технологии, усиливает военное присутствие на границах страны, благодаря чему, происходит дальнейшее укрепление обороноспособности нашей страны и последующая защита своих интересов на международной арене». [3, с. 73] При этом, важно отметить, что при обеспечении военной безопасности нужно также учитывать факторы научно-технический, экономический, демографический потенциал страны и морально-патриотический дух граждан.

В России, также как, например, в странах ЕС, США проблема противодействия терроризма является приоритетной. Так, Стратегия Союза безопасности ЕС (2020), пришедшая на смену Повестке дня по безопасности, взяла на вооружение не утратившие значение приоритеты прежних лет среди которых значится противодействие терроризму. Некоторых авторы, считают, что мигранты, приезжающие в Россию, могут иметь криминальное прошлое, то есть судимость, или же могут пересекать границы с преступными намерениями [4, С. 143]. «В течении 2024 года в Государственной Думе Российской Федерации были приняты целых семь законов в сфере контроля над миграцией (среди них, ограничения для нелегальных мигрантов, лишение приобретенного гражданства в случае отказа от постановки на воинский учет, о борьбе с фиктивными браками иностранцев и др). В начале августа 2024 года Владимир Путин подписал закон об установлении правового режима высылки, который ориентирован на иностранных, не имеющих законных оснований для нахождения в Российской Федерации. Режим будут применять в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства для обеспечения их выезда или приобретения законных оснований для пребывания в России. Предусматривается ограничение отдельных прав и свобод, использование мер контроля в сфере миграции. Законом вводится понятие контролируемого лица, создаётся реестр контролируемых лиц и определяются меры федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, применяемые в рамках указанного режима [5, с. 671].

За последние несколько резко возросло количество угроз в сфере информационной безопасности. Так, за последние пять лет количество киберпреступлений в нашей стране заметно увеличилось в 2,3 раза: если в 2019 году их было 294 тысяч, то в 2024 году их стало уже 677 тысяч. В этих условиях информационная безопасность становится приоритетом номер один в обеспечении национальной безопасности страны. Современные угрозы в информационной сфере охватывают большой список: от угрозы для критической инфраструктуры (транспорт, промышленные объекты), до использования ИИ злоумышленниками для генерации аудио– или видеозаписей с политическими фигурами, директорами компаний, которые докладывают «фейковую» информацию.

Ни одно государство не может существовать без экономики. Поэтому в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года в качестве целей государственной политики в данной сфере указано прежде всего укрепление экономического суверенитета Российской Федерации. Основными направлениями государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности являются развитие системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики, развитие человеческого потенциала и другие [6].

Неразрывно с экономической безопасностью связана и энергетическая. В утвержденной Президентом в 2019 году Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации закреплено, что «энергетика Российской Федерации, основой которой является топливно-энергетический комплекс, вносит значительный вклад в национальную безопасность и социально-экономическое развитие страны» [7].

Основными направлениями в данной отрасли являются укрепление внутреннего топливно-энергетического комплекса, диверсификацию поставок энергоносителей, модернизацию инфраструктуры и повышение энергоэффективности. Так, например, заместитель председателя правительства Российской Федерации Александр Новак заявил, что «Формированию энергокрепости Россия – АТР способствовали ужесточение торговой политики США и политическое давление на потребителей российских энергоресурсов». В перспективе к этому энергетическому союзу могут примкнуть другие страны Глобального Юга и БРИКС с быстрорастущей экономикой и острой потребностью в доступных углеводородах» [8].

Важный вклад в обеспечение энергетической безопасности России вносят также процессы импортозамещения, управление которыми осуществляется, в частности, созданным в 2023 г. Координационным советом по импортозамещению нефтегазового оборудования [9].

Обратим внимание на Комплексную государственную программу Российской Федерации «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности». Программа

направлена на реализацию стратегии снижения затрат на энергию и повышения общей конкурентоспособности экономики страны путем рационального использования природных ресурсов. Главной целью программы является формирование условий для эффективного потребления энергии и минимизации потерь, что позволит снизить затраты предприятий и населения на оплату коммунальных услуг, увеличить производительность труда и конкурентоспособность продукции отечественных производителей [10].

В области международного сотрудничества отметим также, что «сотрудничество между Российской Федерацией и АСЕАН становится «несущей конструкцией» в глобальной энергетике. Эксперты считают, что к 2030 году АСЕАН станет четвертой по величине экономикой мира» [11]. В 2025 году прошла сессия, получившая название "Страны ШОС и АСЕАН на пути к формированию справедливой энергетике". Что же значит справедливая энергетика? Это значит, что абсолютно каждый человек, проживающий на планете Земля должен быть обеспечен электроэнергией. Несомненно, то что электроэнергетика играет ключевую роль в ускорении технологического прогресса, так как автоматизация, роботизация, работа искусственного интеллекта – все это требует огромного количества электрической энергии. Но не каждая страна располагает равными возможностями и мощностями в сфере развития энергетики. Такое неравенство порождает вероятность возникновения конфликтов, именно поэтому объединяющим нас фактором должна стать идея энергетической справедливости. В качестве ее основных принципов выделяют: равный доступ всех стран к технологиям и финансовым инструментам; недопустима диктатура одной страны над другой, для получения своих личных предпочтений; отношения должны строиться на взаимной выгоде и взаимном уважении.

Список используемых источников:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс
2. Основы национальной безопасности: учебное пособие для студентов педагогических вузов / Бочаров Б.В., Коротков В.Ю., Луценко Е.В.; Краснояр. Гос. Пед. Ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2008 – с.
3. Кикоть-Глуходедова Т.В. Современные тенденции в направлении обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2023. №6. С. 72-78.
4. Богданов А.В., Турбина О.В., Хазов Е.Н. Оперативно-разыскная деятельность по противодействию организованной преступности в сфере незаконной миграции на территории России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №2. С. 140-144.
5. Мокшина А.Ю. Нейтрализация угроз национальной безопасности в миграционной сфере // Современные проблемы социально-экономических систем в условиях глобализации: сборник научных трудов XVIII международной научно-практической конференции, Белгород, 25 окт. 2024 г.: Электронный ресурс / под науч. ред. Е.Н. Камышанченко. – Белгород: ИД "БелГУ" НИУ "БелГУ", 2024. – 708
6. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. N 208 "О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года"// СПС КонсультантПлюс
7. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 "Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации"// СПС КонсультантПлюс
8. Мировая энергетика движется к "энергетическим крепостям", сообщил Новак // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20251015/energetika-2048304877.html>
9. Ходаковский Е.А., Сизов А.А. Энергетическая безопасность России в условиях трансформации миропорядка: вызовы, угрозы, возможности // Социально-политические науки. 2024. №5. С. 97-102.
10. Постановление Правительства РФ от 9 сентября 2023 г. N 1473 "Об утверждении комплексной государственной программы Российской Федерации "Энергосбережение и повышение энергетической эффективности"// СПС КонсультантПлюс

11. Страны ШОС и АСЕАН на пути к формированию справедливой энергетики: участники сессии РЭН–2025 обсудили ключевые вызовы и перспективы сотрудничества // Российская энергетическая неделя 2025. URL: https://rusenergyweek.com/news/strany-shos-i-asean-na-puti-k-formirovaniyu-spravedlivoj-energetiki-uchastniki-sessii-ren2025-obsudili-kljuchevye-vyzovy-i-perspektivy-sotrudnichestva/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
12. Глава Минэнерго на РЭН призвал к энергетической справедливости // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2025/10/16/glava-minenergo-na-ren-prizval-k-energeticheskoy-spravedlivosti.html>
13. Шишкин М. О. Государственная антитеррористическая политика Российской Федерации: проблемы и социально-правовые аспекты / М.О. Шишкин // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы IV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 23-24 апреля 2018 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – Т. 1. – С. 21-24.

Наволокина Алена Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

РАСШИРЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ (РОП) В ЭНЕРГЕТИКЕ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УТИЛИЗАЦИИ ОБОРУДОВАНИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ (ВИЭ)

***Аннотация.** В статье анализируются правовые проблемы утилизации оборудования возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Несмотря на многочисленные преимущества возобновляемых источников энергии, жизненный цикл оборудования порождает новую масштабную проблему – необходимость утилизации отработавшего оборудования. Статья посвящена изучению правовых аспектов расширенной ответственности производителя (РОП) в сфере утилизации оборудования возобновляемых источников энергии. Ключевой проблемой в данном вопросе является отсутствие специализированного законодательства, регулирующего эту сферу, что приводит к правовой неопределённости.*

***Ключевые слова:** энергетика, возобновляемые источники энергии, утилизация оборудования возобновляемых источников энергии, правовые аспекты утилизации, расширенная ответственность производителя, энергетические отходы.*

Стремительное развитие возобновляемой энергетики в России, поддержанное различными государственными программами (например, Программа «ДПМ ВИЭ 2.0» [1]), закономерно ставит вопрос об экологической безопасности на всех этапах жизненного цикла объектов возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ). Одной из наиболее острых проблем, которая проявится в ближайшем десятилетии, является утилизация отработавших свой срок ветрогенераторов, солнечных панелей и другого специализированного оборудования. Ключевым инструментом решения этой задачи в мировом опыте является принцип расширенной ответственности производителя (далее – РОП). Поговорим о ней далее.

В настоящее время в условиях глобального изменения климата, истощения невозобновляемых ресурсов особо важное значение приобретают ранее упомянутые ВИЭ.

Под возобновляемыми источниками энергии принято понимать источники энергии, образующиеся на основе постоянно существующих или периодически возникающих процессов в природе. В качестве основы для классификации ВИЭ часто используют природные процессы и явления, которые являются первопричиной их появления на Земле. К таковым относятся: энергия солнечного излучения, гидравлическая энергия рек, энергия ветра, энергия, заключённая в биомассе, энергия океана, проявляющаяся в виде волн [2].

Несмотря на все преимущества такого вида энергии, потенциальное количество отходов «зелёной» энергетики огромно, что порождает значительную проблему для утилизации оборудования. Так, по оценке Bloomberg New Energy Finance, к 2025 году

отработанные аккумуляторы, извлечённые из электромобилей, будут весить 600000 тонн. В Европе в ближайшие два десятилетия может накопиться до 300 000 тонн в год выведенных из эксплуатации лопастей ветряных турбин, сообщает торговая ассоциация WindEurope [3].

Следовательно, ключевой проблемой становится незамкнутый жизненный цикл самих материалов, используемых для оборудования. Без её решения преимущества чистой энергии нивелируются накоплением отходов – солнечных панелей, лопастей турбин и аккумуляторов.

Широкий общественный резонанс в 2019 году вызвали фотографии груд длинных лопастей от ветрогенераторов, сделанные в городе Каспер штата Вайоминг. Тогда возник парадокс, вызвавший волну негодования: с одной стороны, являясь экологически чистыми, ветрогенераторы используют энергию ветра для преобразования её в электричество, при этом, что важно, не производя выбросов парниковых газов или иных загрязняющих веществ. Но, с другой стороны, такой экологичный способ не предусматривает такой же экологичной утилизации. Подобная практика негативно сказывается на состоянии окружающей среды, и, можно сказать, сводит на нет многие преимущества возобновляемых источников энергии.

Генеральный директор компании Solarcycle Суви Шарма, чья фирма специализируется на переработке солнечных панелей, однажды отметил: «Мы проделали феноменальную работу, сделав солнечную энергетику эффективной и рентабельной, но ещё ничего не сделали для того, чтобы сделать её циркулярной и справиться с окончанием срока службы солнечных панелей» [4]. Из-за крайней экономической невыгодности переработки изношенные детали чаще всего просто закапывают, откладывая проблему до появления эффективных технологий утилизации.

Тем не менее, некоторые шаги в решении данной проблемы уже осуществляются. Так, в 2017 году компания Global Solution построила центр переработки отходов в Суитуотере (Техас).

Что же касается ситуации с утилизацией оборудования возобновляемых источников энергии в Российской Федерации, то по оценке директора Ассоциации Развития Возобновляемой Энергетики (АРВЭ) Алексея Жихарева, Россия столкнётся с данной проблемой не раньше 2040 года: «Дело в том, что все проекты возобновляемых источников энергии (ВИЭ) достаточно молодые. В части ветрогенерации этот момент настанет не раньше 2040 года, когда зайдёт речь об утилизации. Но все технологии на данный момент есть, и я знаю, что те компании, которые профессионально занимаются утилизацией отходов, уже рассматривают возможность инвестиций, в том числе, в это направление» [5].

Однако, несмотря на наличие технологий по утилизации вышедших из строя деталей, всё же остаётся неопределённость в отношении ответственных субъектов за утилизацию отработанного оборудования.

Прежде всего, проблемы, связанные с правовым регулированием, сводятся к недостаточной регламентации данного вида правоотношений. Во многих странах, включая Россию, нет отдельного нормативного правового акта, который бы прямо регулировал утилизацию именно объектов ВИЭ. Существующие законы носят общий характер и не учитывают специфику ВИЭ. Так, например, в России действует Федеральный закон от 24.06.1998 г. №89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», определяющий правовые основы обращения с отходами производства и потребления. Согласно ст. 24.2 вышеуказанного закона, обеспечивать утилизацию отходов от использования товаров обязаны производители товаров, а также импортёры товаров [6]. То есть в данном случае ведётся речь о расширенной ответственности производителя, согласно которой производители и импортёры товаров обязаны обеспечить их утилизацию после использования и утраты потребительских свойств. Альтернативой является выполнение данной обязанности в форме уплаты экологического сбора, что следует из ст. 24.5 Федерального закона от 24.06.1998 г. №89-ФЗ «Об отходах производства и потребления».

На первый взгляд, оборудование ВИЭ (солнечные панели, лопасти ветряных установок и др.) подпадает под общее определение товаров, подлежащих утилизации. Однако вопрос об их утилизации остаётся неясным [7].

Перечень товаров, упаковки товаров, подлежащих утилизации после утраты ими потребительских свойств, утверждён Распоряжением Правительства РФ от 31.12.2020 № 3721-р. Так, например, в данный перечень включены аккумуляторы (группа № 28 «Аккумуляторы»), что теоретически может охватывать некоторые элементы оборудования ВИЭ. Однако прямого упоминания солнечных панелей, лопастей ветрогенераторов в данном перечне нет, что создаёт правовую неопределённость, ведь формально обязанность по утилизации такого оборудования в рамках РОП не установлена. Производители и импортёры оборудования не обязаны ни утилизировать их, ни платить экологический сбор.

Также остаётся неясным вопрос и о том, кто именно является владельцем отходов после окончания срока службы объекта. Оборудование ВИЭ часто представляет собой не готовый товар в классическом понимании, а сложный инженерно-технический комплекс, тогда возникает вполне закономерный вопрос: кто является производителем? Компания, изготовившая необходимые детали, компания собравшая оборудование, инвестор, землевладелец, или же оператор – это, в свою очередь, также создаёт правовую неопределённость. Поскольку неясно, кто должен нести затраты на демонтаж, транспортировку и утилизацию оборудования, а также кто будет нести ответственность в случае нанесения ущерба окружающей среде.

В заключение хочется отметить следующее: в условиях глобального перехода к возобновляемой энергетике назрела острая необходимость в решении проблемы утилизации отработавшего оборудования ВИЭ. Несмотря на экологичность такого производства энергии, существующие методы утилизации сводят на нет преимущества «зелёных» источников и наносят вред окружающей среде. Безусловно, многие страны, в том числе и Россия, предпринимают некоторые шаги по решению данной проблемы. Однако проблема недостаточной и нечёткой нормативной регламентации этих процессов всё же есть. Таким образом, именно отсутствие специализированного законодательства, прямо регулирующего утилизацию объектов ВИЭ, приводит к правовой неопределённости в данном вопросе.

Список используемых источников:

1. Поддержка возобновляемой энергетики до 2035 года составит 350 млрд рублей // RGRU URL: <https://rg.ru/2021/03/23/podderzhka-vozobnovliaemoj-energetiki-do-2035-goda-sostavit-350-mlrd-rublej.html?ysclid=mhaysc4ro7296688478> (дата обращения: 16.10.2025)
2. Возобновляемая энергетика в контексте регионального развития: учебное пособие / Е.И. Голубева, С.В. Киселёва, Н.И. Чернова, Ю.Ю. Рафикова и др.; под общей ред. Е.И. Голубевой и С.В. Киселёвой. – М.: Издательство «Наука», 2021 – 248 с.: табл., ил. – ISBN 978-5-907279-40-7. (дата обращения: 16.10.2025)
3. Проблемы утилизации отработанного оборудования зелёной энергетики // Хабр URL: <https://habr.com/ru/companies/mvideo/articles/599687/?ysclid=mgw2xibxx8203921204> (дата обращения: 18.10.2025)
4. Как зеленые технологии вредят экологии: обратная сторона медали // РБК Тренды URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/64d105ac9a7947557b7755e0> (дата обращения: 18.10.2025)
5. Утилизация ВИЭ-оборудования не будет являться проблемой для России как минимум до 2030 года // Энергетика и промышленность России URL: <https://www.eprussia.ru/news/base/2023/8114708.htm?ysclid=mgwi657u9a441350173> (дата обращения: 20.10.2025)
6. Собрание законодательства Российской Федерации от 1998 г., N 26, ст. 3009 (дата обращения: 16.10.2025)
7. Расширенная ответственность производителей // Федеральная служба по надзору в сфере природопользования URL: https://rpn.gov.ru/regions/cmu23/for_users/management/extended-responsibility/ (дата обращения: 20.10.2025)

ПРЕСТУПНАЯ ХАЛАТНОСТЬ ПРИ АВАРИЯХ НА ЭНЕРГООБЪЕКТАХ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу преступной халатности как ключевой причины тяжелых аварий на энергообъектах. В рамках данной работы проводится детальный анализ правовых аспектов бездействия и пренебрежения должностных лиц, приведшего к нарушению эксплуатационных нормативов. На конкретных примерах технологических нарушений раскрывается причинно-следственная связь между пренебрежением служебными обязанностями и наступлением тяжелых последствий. Отдельное внимание уделяется кругу лиц, несущих уголовную ответственность, и мерам, позволяющим предотвратить трагедии, вызванные беспечностью и халатностью.*

***Ключевые слова:** преступная халатность, энергообъекты, авария техногенного характера, уголовная ответственность, состав преступления, энергетическое право, судебная практика, уголовный кодекс РФ, юриспруденция.*

Разрушение гидроагрегата, которое привело к затоплению машинного зала, вследствие замыкания и выхода из строя аварийной системы, что стало причиной повреждения других агрегатов, привело к смерти 75 человек, огромному количеству пострадавших и загрязнению окружающей среды на **Саяно-Шушенской ГЭС в 2009 году**. В ходе расследования выяснилось, что срок службы гидроагрегата подходил к концу. Халатность руководства, допустившего эксплуатацию неисправной турбины, привела к этим ужасным последствиям [1].

Отсутствие плана по эвакуации в условиях загазованности, неисправное оборудование, плохо организованная система оповещения и неправильное проветривание шахты стали роковыми факторами катастрофы на угольной шахте «Распадская» в Кузбассе. Из-за нарушения правил безопасности и халатности руководства на шахте прогремели взрывы, которые унесли жизни 91 человека, а также более ста получили травмы различной степени тяжести [2]. Причиной этой и многих других аварий на энергообъектах является человеческая беспечность. Именно беспечность, возведенная в систему, становится причиной большинства тяжелых происшествий. Данная статья – о том, почему «человеческий фактор» так часто становится удобным прикрытием для уголовных преступлений

Для формирования общего представления о проблеме, рассматриваемой в статье, прежде всего, необходимо ответить на ключевой вопрос: что в юридическом смысле понимается под «преступной халатностью» при эксплуатации энергообъектов? В российском уголовном праве халатность определяется статьей 293 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) как неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, в зависимости от того каким последствиям это привело. Применительно к энергообъектам преступная халатность приобретает особую форму опасности, поскольку объекты энергетической инфраструктуры относят к категории технически сложных и потенциально опасных производств. Их ненадлежащая эксплуатация может привести не только к материальному ущербу, но и человеческим жертвам, масштабным авариям, нарушениям энергоснабжения и т.д. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ может быть только должностное лицо [3]. Критериями отнесения лица к числу должностных является не только занимаемая должность, сколько характер выполняемых функций и объем полномочий по обеспечению безопасности эксплуатации энергообъектов. В соответствии с примечанием 1 к статье 285 УК РФ должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию исполняют определенный перечень функций, которые также указывается в примечании [4]. При привлечении к уголовной ответственности важно установить связь между халатным поведением должностного лица и наступившими последствиями.

Необходимо установить, что именно неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности эксплуатации энергообъекта привело к аварии, несчастному случаю или иным негативным последствиям, что является крайне затруднительным в данной сфере. Привлечь конкретное лицо к юридической ответственности усложняет размытость должностных обязанностей и иные факторы, которые мы рассмотрим при анализе.

Для привлечения к ответственности необходимо доказать:

1. Наличие у лица статуса должностного лица
2. Конкретные служебные обязанности
3. Факт их ненадлежащего исполнения или неисполнение
4. Наступление последствий в виде крупного ущерба или вреда здоровью/жизни
5. Причинную связь между бездействием и последствиями
6. Неосторожную форму вины

Теоретическое рассмотрение аспектов данной сферы становятся более понятны при анализе реальных случаев из правоприменительной практики.

Показательным примером преступной халатности при эксплуатации опасных производственных объектов является разбирательство по делу о катастрофе на угольной шахте «Распадская» (Кемеровская область, 2010). В ночь с 8 на 9 мая 2010 года на шахте произошли два взрыва метановоздушной смеси и угольной пыли, в результате которых погиб 91 человек и более ста получили ранения. В ходе расследования были установлены многочисленные факты халатности и грубых нарушений правил безопасности. К уголовной ответственности были привлечены 8 человек, которым были предъявлены обвинения по нескольким статьям, в том числе и по статье 293 УК РФ. Но наказание по этой статье так и не было назначено. Из этого вытекает одна из проблем, позволяющая должностным лицам избегать уголовной ответственности по статье 293 УК РФ: срок давности по основному составу преступления (ч.1 ст.293) составляет всего лишь 2 года. Учитывая длительность расследования сложных аварий на энергообъектах, этот срок часто истекает до завершения предварительного следствия. [6] Таким образом, несмотря на установленные факты, грубейших нарушений и халатности, повлекших гибель десятков людей, ни один из обвиняемых по данному составу преступления не понес реального наказания.

Проведенный анализ проблем, позволяет сделать вывод о том, что данная норма является одной из наиболее сложных и противоречивых в системе норм о должностных преступлениях, так как она имеет в большей мере оценочный характер («недобросовестное отношение, «небрежное отношение», «ненадлежащее исполнение») [5]. Указанное обстоятельство, в свою очередь, обуславливает трудности следственно-судебной практики, следствием которых становятся частые отмены приговоров, резонансные оправдательные приговоры, формирующие у общества представление о неспособности государства эффективно бороться с халатностью чиновников, а от этого зависит нормальное функционирование государственного аппарата и, в конечном счете, благополучие всего общества.

Для повышения эффективности применения статьи 293 УК РФ в энергетическом секторе необходимы комплексные меры на законодательном уровне, к числу которых можно отнести:

1. Включение в УК РФ специализированного состава преступления или включение в ст.293 УК РФ соответствующего квалифицирующего признака, предусматривающего ответственность за халатность на энергообъектах;
2. Принятие специального постановления Пленума Верховного Суда РФ для разъяснения и разграничения халатности от профессиональной ошибки, индивидуализации ответственности при коллегиальном принятии решений.

Проблема халатности на энергообъектах – это не абстрактная юридическая материя, а вопрос жизни и смерти тысячи людей. Энергетика – это не просто отрасль экономики, это «жизненная артерия» цивилизации, подрыв работы энергообъектов может привести к гуманитарной катастрофе. Халатность в этой сфере – «ставка» на жизнь людей. Ответственность должностных лиц за халатность – необходимый элемент правового

государства, но эта ответственность должна быть соразмерной, справедливой и предсказуемой.

Таким образом, борьба с халатностью на энергообъектах требует комплексного подхода: ужесточения норм ответственности, совершенствования системы контроля и создания культуры безопасности на всех уровнях управления. Государство обязана обеспечить баланс между неотвратимостью наказания и справедливостью санкций. Только системный подход, включающий превентивные меры, эффективные меры и адекватную юридическую ответственность, способен минимизировать риски катастроф и обеспечить энергетическую безопасность страны.

Список используемых источников:

1. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС в августе 2009 года // РИА Новости (2019, 17 августа) URL: <https://ria.ru/20190817/1557524053.html>
2. Авария на угольной шахте "Распадская" в 2010 году // РИА новости (2025, 8 мая) URL: <https://ria.ru/20250508/avariya-2015228523.html> (Дата обращения 20.10.2025)
3. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Консультант Плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/33ed8a9caec9cd5b4c329b9a17409a19c583d4d4/ (Дата обращения: 20.10.2025)
4. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Консультант Плюс URL: УК РФ Статья 285. Злоупотребление должностными полномочиями \ КонсультантПлюс
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2021 N 21-П "По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко" // Конституционный Суд Российской Федерации URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384903/#dst100049 (Дата обращения 20.10.2025)
6. Ушаков Василий Яковлевич Основные проблемы энергетики и возможные способы их решения // Известия ТПУ. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-energetiki-i-vozmozhnye-sposoby-ih-resheniya> (дата обращения: 21.10.2025).

Нестеренко Ростислав Дмитриевич
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ (СТ.82.1 УК РФ)

***Аннотация.** Статья посвящена комплексному анализу института отсрочки отбывания наказания больным наркоманией по ст. 82.1 УК РФ. Исследуются правовые основания применения данной меры, включая критерии отбора осуждённых, процедуру установления диагноза и порядок прохождения реабилитации. Особое внимание уделяется выявленным проблемам правоприменения, таким как терминологические противоречия, ограниченный круг охватываемых составов преступлений, низкая эффективность лечения наркозависимости и нормативные ограничения в выборе медицинских учреждений.*

***Ключевые слова:** отсрочка отбывания наказания, наркомания, Уголовный кодекс Российской Федерации, Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, реабилитация, судебная практика, медицинская помощь.*

Институт отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, закрепленный в статье 82.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], представляет собой межотраслевой правовой механизм, интегрирующий нормы уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. Введение данного института в 2011 году стало отражением гуманистических и реабилитационных тенденций в современной уголовной политике, ориентированной на замену карательного воздействия в отношении определённой категории лиц мерами медицинского и социального характера [2]. Однако правоприменительная практика выявила ряд системных проблем и дискуссионных моментов, требующих осмысления.

Ключевой философией данного правового института является предоставление судом отсрочки реального отбывания наказания на срок от одного до пяти лет осуждённому, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, признанному больным наркоманией и изъявившему добровольное согласие на прохождение лечения, а также медицинской и социальной реабилитации [1]. По мнению авторов, особо важным представляется вопрос о круге лиц, подпадающих под действие нормы. Законодатель устанавливает критерии:

1. осужденному впервые назначено наказание в виде лишения свободы;
2. совершение преступления, предусмотренного ч.ст.228, ч.1 ст.231 и ст.233 УК РФ;
3. наличие установленного медицинского диагноза «наркомания»;
4. добровольное волеизъявление осуждённого [1].

Отсрочка она может быть применена лишь к ограниченному кругу лиц: впервые осуждённым к реальному лишению свободы за преступления, прямо указанные в законе, а именно за деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ. Данное положение закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 N 47 «О

практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» [3]. Если в разъяснениях Верховного Суда РФ акцент делается на личности преступника, впервые совершившего правонарушение, то буквальное толкование уголовно-правовой нормы предполагает учёт именно первичности назначения наказания в виде лишения свободы. Эта терминологическая разница имеет существенное значение для правоприменительной практики. Также стоит отметить, что неотъемлемым условием является установление у осуждённого диагноза «наркомания» в установленном порядке, который, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, подтверждается исключительно заключением судебно-психиатрической экспертизы, содержащимся в материалах уголовного дела. Экспертное заключение должно содержать не только констатацию заболевания, но и информацию о медицинских противопоказаниях, а также рекомендованные сроки лечения и реабилитации. При отсутствии в материалах дела соответствующих медицинских данных, судебный орган обязан разъяснить обвиняемому его права, включая возможность ходатайствовать о применении статьи 82.1 УК РФ. Фундаментальным требованием является добровольное согласие осуждённого на прохождение курса терапии и реабилитационных мероприятий. Такое волеизъявление может быть зафиксировано как в письменной форме, так и устно – с обязательным отражением в протоколе судебного заседания. При этом законодательство предоставляет право выбора медицинского учреждения, однако на практике возникает правовая коллизия: несмотря на формальную возможность выбора между государственными и частными лицензированными клиниками, действующие нормативные акты фактически ограничивают прохождение лечения государственными и муниципальными наркологическими учреждениями.

Реабилитационный процесс, регламентированный ведомственными нормативными актами Минздрава России, включает три взаимосвязанных компонента: медико-социальный, профессионально-трудовой и социальный. Суд в своём решении обязан конкретизировать учреждение, в котором будет осуществляться лечение, что возлагает на судебные органы дополнительную ответственность за выбор адекватного медицинского учреждения [4].

Введение нового вида отсрочки от отбывания наказания для лиц, страдающих наркоманией, обладает значительным позитивным потенциалом. Данная мера направлена на противодействие наркомании как опасному социальному явлению и позволяет сократить применение лишения свободы, что способствует разгрузке пенитенциарной системы. Однако анализ правового регулирования и практики применения отсрочки выявляет ряд системных проблем.

Во-первых, ограничение сферы действия нормы только наркоманией вызывает вопросы, поскольку другие формы зависимостей, такие как алкоголизм и токсикомания, также представляют серьёзную социальную угрозу. Во-вторых, наблюдается терминологическая неопределённость в ст. 82.1 УК РФ, где одновременно используются понятия лечения, медицинской и социальной реабилитации, а также ремиссии. Это создаёт сложности в правоприменении, особенно при определении сроков: общий период отсрочки может достигать семи лет, но варьироваться в зависимости от продолжительности лечения и необходимого двухлетнего срока устойчивой ремиссии. В-третьих, эффективность данной меры ставится под сомнение в связи с крайне низкими показателями излечения от наркозависимости. Согласно экспертным оценкам, включая данные ведущих наркологов и опросы практикующих врачей, лишь около 3% пациентов достигают устойчивой ремиссии. Кроме того, нормативное ограничение круга учреждений, имеющих право проводить лечение и реабилитацию, только государственными и муниципальными клиниками не соответствует современным реалиям. Отсутствие возможности проходить лечение в лицензированных частных медицинских организациях существенно ограничивает доступ осуждённых к эффективной помощи и требует актуализации законодательства [5].

Проведённый анализ института отсрочки отбывания наказания больным наркоманией позволяет сделать ряд выводов относительно его современного состояния и перспектив развития. Данный правовой механизм, безусловно, представляет собой значимый шаг в направлении гуманизации уголовной политики, предлагая альтернативу лишению свободы для

определённой категории осуждённых. Однако его практическая реализация сталкивается с комплексом системных проблем, снижающих потенциальную эффективность. По мнению авторов, ограничительное толкование круга преступлений, при которых возможно применение отсрочки, существенно сужает сферу её действия. В частности, вызывает вопросы исключение из перечня некоторых составов преступлений средней тяжести, также связанных с наркоманией. Кроме того, наличие терминологической неопределённости в законодательной конструкции, когда одновременное использование понятий «лечение», «реабилитация» и «ремиссия» создаёт сложности в правоприменительной практике и может приводить к разноречивой судебной интерпретации. Таким образом, несмотря на прогрессивный характер института отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, его дальнейшее развитие требует устранения выявленных правовых коллизий, расширения сферы применения и создания более гибкой системы медицинской реабилитации. Совершенствование данного института будет способствовать не только реализации принципов гуманизма в уголовной политике, но и повышению эффективности борьбы с наркоманией как социально опасным явлением.

Список используемых источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС КонсультантПлюс.
2. Преобразование институтов общей части Уголовного кодекса РФ в направлении модернизации и гуманизации // StudRef URL: https://studref.com/612089/pravo/preobrazovanie_institutov_obschey_chasti_ugolovnogo_kodeksa_napravlenii_modernizatsii_gumanizatsii
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 N 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» // СПС КонсультантПлюс.
4. Кармановский М.С., Косьяненко Е.В. Особенности применения отсрочки отбывания наказания к лицам, больным наркоманией // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – С. 4-7.
5. Землюков С.В., Ермакова О.В. Проблемы реализации отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – С. 1-3.

Нестерович Артем Владимирович,
аспирант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Беляева Галина Серафимовна,
доцент кафедры административного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ЗАЩИТНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ ОТ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

***Аннотация.** В рамках данной работы нами рассмотрен вопрос защиты объектов топливно-энергетического комплекса от беспилотных летательных аппаратов. В рамках специальной военной операции нашей страной был получен новый опыт и обнаружены ранее не актуальные угрозы для энергетической безопасности. Несмотря на то, что законодатель начал процесс внедрения норм, опирающихся на новый опыт, все еще нами обнаруживается недостаточное правовое регулирование в данной области. Малое внимание уделяется отдельным видам защиты. Как мы считаем, реализация непосредственной защиты через металлоконструкции (решетки) и сетки может обеспечить более высокий уровень защищенности объектов топливно-энергетического комплекса. Однако, в настоящий момент данный тип защиты почти не применяется. Работа стремится проанализировать обозначенную проблему защиты объектов топливно-энергетического комплекса и предложить возможное законодательное решение, подкрепленное контролем исполнения.*

***Ключевые слова:** энергетическая безопасность, объекты ТЭК, защита ТЭК от БПЛА.*

Опыт последних трех лет боевых действий показал, что привычные способы обеспечения защиты объектов топливно-энергетического комплекса (далее ТЭК) необходимо дополнить. В рамках специальной военной операции (далее СВО) особое внимание было уделено развитию беспилотных летательных аппаратов (далее БПЛА), дальность полета которых позволяет атаковать инфраструктуру противоборствующих сторон без крупных затрат.

В рамках борьбы с БПЛА в приграничных регионах была использована технология сетей, которая не дает БПЛА удариться в здание и отчасти рассеивает взрыв. Однако, если в противовес объединить опыт защиты объектов ТЭК, мы можем заметить тенденцию, при которой данным объектам уделяется меньше внимания в области защиты от атак противника.

Основной упор в приграничных регионах идет на территориальную оборону и простое сбитие БПЛА. В свою очередь, сами объекты ТЭК в большинстве случаев не защищаются специальными металлоконструкциями (решетками) и сетками. Очень часто можно заметить на фотографиях обычные резервуары без защиты.

Отметим, что энергетическая безопасность является одним из элементов национальной безопасности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации закреплено следующее: «47. Достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение следующих задач: ... 6) повышение уровня антитеррористической защищенности ... топливно-энергетического комплексов страны ... » [1].

Энергетическая безопасность выделена в отдельную категорию и имеет свой стратегический документ – «Доктрину энергетической безопасности Российской Федерации». В данной Доктрине закреплено следующее: «5. Энергетика Российской Федерации, основой которой является топливно-энергетический комплекс, вносит значительный вклад в национальную безопасность и социально-экономическое развитие страны» [2]. Таким образом, подрыв хранилищ с топливом является прямой угрозой национальной безопасности и топливной обеспеченности Российской Федерации.

В законодательстве за владельцами ТЭК закреплена обязанность по обеспечению мер безопасности. Федеральный закон «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» закрепляет следующее: «1. Субъекты топливно-энергетического комплекса, владеющие на праве собственности или ином законном основании объектами, которым присвоена категория опасности, обязаны соблюдать установленные Правительством Российской Федерации требования обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса, которым присвоена категория опасности. <...> 4. Субъекты топливно-энергетического комплекса на стадиях проектирования и строительства объектов топливно-энергетического комплекса обязаны принимать меры по обеспечению безопасности и антитеррористической защищенности таких объектов, локализации и уменьшению последствий чрезвычайных ситуаций» [3].

Правительство в 2024 году закрепило следующее в отношении объектов ТЭК: «8¹. По границам воздушной части зоны безопасности объектов топливно-энергетического комплекса в соответствии с воздушным законодательством Российской Федерации устанавливается запретная зона (зона ограничения полетов), в пределах которой запрещается (ограничивается) использование воздушного пространства ... » [4]. В данном случае беспилотная зона включает в себя в том числе и БПЛА различных типов.

Однако, несмотря на прямую обязанность и временами невысокую эффективность территориальной обороны и средств радиоэлектронной борьбы (далее РЭБ), владельцы объектов ТЭК не осуществляют монтирование дополнительных мер защиты. Мы осознаем, что в зависимости от обеспеченности, владельцы делятся на крупные коммерческие предприятия и малые, а также на государственные разного уровня. Малые, в свою очередь, чаще всего не могут выделить дополнительные средства на защитные сооружения. В этом случае, как мы считаем, государству необходимо выработать нормы по компенсации затрат или выделению отдельных средств на защиту объектов ТЭК, при финансовой невозможности владельца обеспечить свою собственность средствами защиты.

В том числе и в целях совершенствования защиты, в 2025 году была утверждена новая «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года». В ней закреплено следующее: «В комплекс первоочередных мер по решению задачи по обеспечению безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса входят:

формирование системы защиты объектов топливно-энергетического комплекса от актуальных угроз и обеспечение их антитеррористической защищенности;

межведомственная организация и координация мероприятий, направленных на предотвращение актов незаконного вмешательства с использованием и (или) применением беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов ... создающих реальную угрозу безопасному функционированию объектов топливно-энергетического комплекса» [5]. На практике мы видим более слаженную работу подразделений, защищающих приграничные регионы, в задачи которых входит в том числе и защита объектов ТЭК. Инициатива обеспечения дополнительными средствами защиты обычно исходит от власти конкретных субъектов. Данные абзацы в стратегии, несмотря на ситуацию на практике, все же говорят о том, что Правительство рассматривает беспилотные аппараты, как угрозу и верно оценивает необходимость обеспечения защиты от таких нападений со стороны противника и отдельных террористических групп.

Но в целом, как мы считаем, необходимо законодательно закрепить обязанность в рамках специального режима военной операции, контртеррористической операции и военного положения обеспечивать ТЭК полной защитой от БПЛА и возможной атаки с воздуха. Данные положения должны быть закреплены в федеральном законодательстве, а рекомендации, отдельные положения о качестве и виде данных защитных сетей или металлоконструкций (решеток), в соответствующих нормативно-правовых актах Правительства Российской Федерации. В рамках отсутствия специальных режимов возможно рассмотрение упрощенных схем защиты, однако мы считаем, что потенциальные террористы, учитывая опыт нынешнего конфликта, могут использовать БПЛА для атаки на инфраструктуру, в том числе и объекты ТЭК. Поэтому для данной категории объектов в любое время будут применимы требования по защите от удара в основной массе с воздуха и в частности с воды.

Также считаем необходимым для контроля исполнения данных мер, назначить ответственных за проверку наличия таких средств защиты. Это позволит выявлять недобросовестное исполнение предписанных норм и, как следствие, привлекать к ответственности лиц, не обеспечивающих должной защиты объектов ТЭК.

Комплексная защита объектов ТЭК, состоящая не только из территориальной обороны и средств РЭБ, но и из физических средств защиты в виде сеток и металлоконструкций (решеток), как мы считаем, может обеспечить большую вероятность удачной защиты и неповреждения объектов, что, в свою очередь, позволит оказывать меньшее воздействие на один из элементов национальной безопасности нашей страны.

Список используемых источников:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.10.2025).

2. Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.10.2025).

3. Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.10.2025).

4. Постановление Правительства РФ от 10.11.2020 № 1809 (ред. от 20.06.2024) «Об обеспечении особого режима защиты от актов незаконного вмешательства в зонах безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, включенных в перечень отдельных объектов топливно-энергетического комплекса, вокруг которых устанавливаются зоны безопасности объектов топливно-энергетического комплекса с описанием местоположения границ таких зон» (вместе с «Правилами обеспечения особого режима защиты от актов незаконного вмешательства в зонах безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, включенных в перечень отдельных объектов топливно-энергетического комплекса, вокруг которых устанавливаются зоны безопасности объектов топливно-энергетического комплекса с описанием местоположения границ таких зон») // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.10.2025).

5. Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.10.2025).

Омаров Тигран Ильфанович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Еськин Евгений Валерьевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С МОШЕННИЧЕСТВОМ

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные вопросы квалификации преступлений, связанных с мошенничеством. Анализируются проблемные аспекты отграничения мошенничества от смежных составов преступлений, таких как кража, присвоение или растрата, а также рассматриваются сложности квалификации отдельных форм мошенничества, предусмотренных статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Особое внимание уделяется разграничению мошенничества и гражданско-правовых отношений, а также вопросам доказывания умысла на хищение. На основе анализа судебной практики и научных работ предложены рекомендации по совершенствованию квалификации мошеннических действий.*

***Ключевые слова.** Мошенничество, квалификация, обман, злоупотребление доверием, разграничение составов, хищение, умысел, гражданско-правовые отношения, судебная практика, уголовный кодекс.*

Мошенничество, как одна из форм хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, представляет значительную угрозу для экономической безопасности государства и имущественных прав граждан и организаций. Как отмечает Н.А. Лопашенко, «распространенность мошеннических действий, их разнообразие и постоянно меняющиеся способы совершения обуславливают необходимость постоянного совершенствования правоприменительной практики и теоретического осмысления проблем квалификации данных преступлений» [3, с.43]

Одной из основных проблем квалификации мошенничества является его отграничение от смежных составов преступлений, таких как кража (ст. 158 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ). Ключевым фактором, позволяющим разграничить данные составы, является способ совершения преступления.

Так, мошенничество характеризуется обманом или злоупотреблением доверием, которые используются для введения потерпевшего в заблуждение, в результате чего потерпевший добровольно передает имущество или право на него мошеннику. В свою очередь, кража предполагает тайное хищение чужого имущества, то есть без ведома и согласия потерпевшего.

Присвоение или растрата совершаются лицом, которому имущество было вверено или находилось в его правомочном владении.

Как отмечает И.А. Клепицкий, «сложности возникают в случаях, когда обман или злоупотребление доверием сопутствуют другим способам хищения. Например, лицо под предлогом оказания услуг получает доступ к имуществу потерпевшего, а затем тайно похищает его. В таких случаях необходимо установить, какой способ является основным, определяющим характер преступления» [5, с. 87]

Уголовный закон выделяет различные виды мошенничества, в том числе:

- Мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ);
- Мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ);
- Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ);
- Мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ);
- Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ).

Квалификация по конкретной статье требует установления специфических признаков, характеризующих соответствующую сферу совершения преступления. Например, для квалификации мошенничества в сфере кредитования необходимо установить, что лицо предоставило заведомо ложные сведения для получения кредита. Для квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа необходимо установить факт использования поддельной или чужой банковской карты, либо неправомерного доступа к чужому банковскому счету.

Важной проблемой является отграничение мошенничества от неисполнения гражданско-правовых обязательств. Зачастую недобросовестные участники гражданского оборота используют формальные основания для отказа от исполнения обязательств, ссылаясь на тяжелое финансовое положение или иные обстоятельства.

Для отграничения мошенничества от гражданско-правовых отношений необходимо установить наличие умысла на хищение у виновного лица еще до момента заключения сделки или возникновения обязательства. Если лицо изначально не намеревалось исполнять свои обязательства, а использовало сделку лишь как средство завладения чужим имуществом, то его действия следует квалифицировать как мошенничество.

Доказывание умысла на хищение является одним из самых сложных аспектов квалификации мошенничества.

По мнению Б.Я. Гаврилова, «поскольку умысел – это субъективная категория, его установление возможно лишь на основе анализа объективных обстоятельств дела, таких как:

1. Заведомо ложные сведения, предоставленные потерпевшему;
2. Отсутствие у виновного лица реальной возможности исполнить взятые на себя обязательства;
3. Совершение виновным лицом действий, направленных на сокрытие следов преступления или уклонение от ответственности;
4. Наличие у виновного лица корыстной цели, не связанной с законными интересами предпринимательской деятельности» [4].

На основе анализа существующих проблем квалификации мошенничества можно предложить следующие меры, которые, как мы полагаем, способствовали бы преодолению трудностей, связанных с квалификацией мошенничества:

1. Усиление сотрудничества между правоохранительными органами и экспертными организациями для выявления и доказывания признаков мошенничества в сложных экономических операциях.
2. Проведение обучения и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов по вопросам квалификации мошенничества с учетом современных способов совершения преступлений и изменений в законодательстве.
3. Выработка единых критериев разграничения мошенничества от смежных составов преступлений и гражданско-правовых отношений на основе обобщения судебной практики и научных исследований.

4. Усовершенствование законодательства в части уточнения признаков отдельных форм мошенничества, предусмотренных статьей 159 УК РФ.

5. Расширение использования специальных знаний в уголовном процессе, в том числе путем привлечения экспертов для установления обстоятельств, имеющих значение для квалификации мошенничества.

Квалификация преступлений, связанных с мошенничеством, представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую от правоприменителя глубокого знания уголовного законодательства, экономической теории и практики. Разрешение проблем, связанных с отграничением мошенничества от смежных составов преступлений и гражданско-правовых отношений, а также совершенствование способов доказывания умысла на хищение, является необходимым условием для эффективной борьбы с данным видом преступности и защиты прав граждан и организаций.

Список используемых источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2022 N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»
3. Лопашенко Н.А. Мошенничество: понятие, виды и проблемы квалификации. Учебное пособие. Саратов: СЮИ МВД России, 2023 С. 47
4. Гаврилов Б.Я. Мошенничество: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации. М.: ЮрИнфоР, 2024.
5. Клепицкий И.А. Система уголовно-правовых средств противодействия мошенничеству: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С.87
6. Судебная практика по уголовным делам о мошенничестве.

Павлюс Илья Владимирович,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Федорященко Алексей Сергеевич,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРОВ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ ТОРГОВЛЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

***Аннотация.** В статье рассматривается понятие и правовая природа договоров, содействующих торговле, как важного элемента современного гражданского оборота. Автор анализирует научные подходы к определению таких договоров, выделяет их характерные признаки и формы, а также рассматривает особенности правового регулирования в национальном и международном праве. Отмечаются существующие проблемы применения законодательства и предлагаются пути их решения. Особое внимание уделено роли гражданско-правовых норм и международных соглашений в обеспечении устойчивости торговых отношений.*

***Ключевые слова:** договор, торговля, гражданское право, внешнеэкономическая деятельность, правовое регулирование, предпринимательские отношения, международные конвенции.*

Современные условия развития мировой и национальной экономики свидетельствуют о возрастающем значении договоров, содействующих торговле, как ключевого инструмента правового регулирования рыночных отношений. На наш взгляд, именно такие договоры обеспечивают не только организацию и упорядочение торгового оборота, но и способствуют созданию правовой основы для стабильности предпринимательских связей. Их правовая природа вызывает научный интерес, поскольку они занимают промежуточное положение между традиционными обязательственными конструкциями и новыми формами коммерческих взаимодействий. В связи с этим актуализируется необходимость теоретического осмысления понятия и особенностей договоров, содействующих торговле, для более точного определения их места в системе гражданско-правовых обязательств и повышения эффективности их применения в хозяйственном обороте.

Ученые-правоведы по-разному раскрывают исследуемое понятие. Так, по мнению А.В. Гутеневой, исследуемый объект представляет собой «договор, заключаемый субъектами профессиональной деятельности с целью приобретения, реализации товаров или связанных с этим услуг, за вознаграждение». [5, с. 103] Иногда данный договор именуется как «коммерческий». Как отмечают Е.Г. Шаблова и О.В. Жевняк: «понятием «коммерческий договор» в рассматриваемой сфере отношений опосредуются также взаимоотношения субъектов, связанные с оформлением предварительных обязательственных взаимоотношений, способов обеспечения исполнения обязательств». [6, с. 48]

Предметом данного договора наиболее часто является передача права собственности на какой-либо товар или услугу от продавца к иностранному или отечественному покупателю. Очень часто торговые сделки носят внешнеэкономический характер, ввиду проведения операций по импорту и экспорту товаров между двумя и более государствами.

Рассмотрим характерные черты договоров, содействующих торговле, которые являются его признаками:

1. разнообразие видов и форм договора, например, включение поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, передачу каких-либо прав и иные элементы;
2. промежуточный характер, то есть направленность договоров на подготовку, поддержку и завершение основной торговой сделки;
3. в случае возникновения споров между сторонами договора может применяться право иностранного государства в случае, если речь идет о внешнеторговой сделке;
4. регулирование договора не только национальным (внутригосударственным) законодательством, но и рядом международных конвенций, соглашений или договоров;
5. включение сложных и длительных процедур, связанных с оформлением документов, проведением платежей и некоторыми другими аспектами.

Отметим, что договор, содействующий торговле, должен быть подписан обеими сторонами либо их уполномоченными представителями. Если договор заключается посредством электронного сообщения, подпись может быть выполнена в виде электронной цифровой подписи или другого средства, подтверждающего личность подписывающего лица.

Регулирование такого рода договоров в России осуществляется рядом нормативных правовых актов, которые устанавливают правила заключения, исполнения и прекращения.

Центральное место в данном правовом механизме занимает упоминавшийся ранее Гражданский кодекс Российской Федерации, который регламентирует следующие аспекты, касающиеся торговых договоров: [3]

6. общий порядок заключения;
7. особенности купли-продажи;
8. сделки по аренде имущества и иные аспекты.

Если торговый договор заключается между сторонами, одной из которых является иностранный субъект, то есть носит международный характер, то он может регулироваться международными конвенциями, например, такими как Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров [1], которая применяется ко многим сделкам, заключаемым между коммерческими предприятиями различных стран.

Следующим нормативным правовым актом является Федеральный закон от 28 декабря 2009 года № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», который закрепил не только понятие торговой деятельности, но и права и обязанности субъектов торговли, базовые правила функционирования розничной и оптовой торговли и иные аспекты. Данный документ распространяется на субъекты предпринимательской деятельности, торгующие товарами и услугами, и устанавливает правила закупок, цен и лицензирования. Так, например, согласно положениям этого акта – «торговая деятельность осуществляется хозяйствующими субъектами, предусмотренными настоящим Федеральным законом и зарегистрированными в установленном законодательством Российской Федерации порядке». [4]

Федеральный закон от 30 июня 2003 года № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» [3] также играет важную роль, поскольку регламентирует аспекты транспортировки товаров, и, соответственно, определяет предмет логистического договора, который относится к договорам, содействующим торговле.

В результате проведенного анализа можно заключить, что договоры, содействующие торговле, обладают междисциплинарной природой и выполняют важную функцию в обеспечении стабильности экономических отношений. По нашему мнению, именно такие договоры формируют необходимую правовую инфраструктуру для торгового оборота, особенно в условиях современной цифровизации и внешнеэкономической активности. Полагаем, что дальнейшее совершенствование правового регулирования должно учитывать появление новых форм коммерческих взаимодействий и обеспечивать достаточную гибкость правовых механизмов. В итоге такая эволюция законодательства позволит создать более прозрачные и предсказуемые условия для всех участников торговых отношений.

Список используемых источников:

1. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ (ред. от 07.06.2025) «О транспортно-экспедиционной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 27. Ст. 2701.
4. Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 2.
5. Гутенева, А.В. Торговый и корпоративный договоры: проблемы соотношения и тенденции применения в деловой практике // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 1 (158). С. 102-109.
6. Шаблова, Е.Г., Жевняк, О.В. Международное коммерческое (торговое) право. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2014. 97 с.

Петина Лилия Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Шумилина Оксана Сергеевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ И ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме разграничения злоупотребления и превышения должностных полномочий, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ. На основе анализа судебной практики, позиций Конституционного и Верховного Судов выявлены ключевые трудности квалификации данных преступлений. Сделан вывод о необходимости уточнения законодательных формулировок и унификации подходов правоприменителей.*

***Ключевые слова:** уголовное право, должностные преступления, злоупотребление полномочиями, превышение полномочий, квалификация преступлений, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, правоприменительная практика, правовая определённость, судебные ошибки.*

Преступления против государственной власти традиционно относятся к числу наиболее опасных, поскольку подрывают основы государственного управления, нарушают права граждан и интересы общества. Среди них особое место занимают злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий. Данные составы закреплены в статьях 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и во многом схожи между собой, что нередко вызывает трудности при их разграничении на практике. Несмотря на существование официальных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, проблема правильной квалификации этих преступлений остаётся актуальной. Статья 285 УК РФ устанавливает ответственность за использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. В отличие от неё, статья 286 УК РФ охватывает действия должностного лица, явно выходящие за пределы его полномочий и повлекшие аналогичные последствия [2]. При этом мотивы и цели преступления в данном случае не являются обязательными признаками основного состава. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 года (в ред. от 11 июня 2020 года) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий» подчёркивается, что злоупотребление полномочиями предполагает использование своих возможностей в пределах компетенции, но вопреки интересам службы и из личной заинтересованности, тогда как превышение выражается в совершении действий, на которые должностное лицо заведомо не было уполномочено[4].

По данным Генеральной прокуратуры и МВД России, с 2020 наблюдается устойчивая тенденция к росту числа осуждённых за преступления против государственной власти. Так, в 2020 году по статье 285 УК РФ было осуждено 325 лиц, а по статье 286 – 823 лица. В 2021 году аналогичные показатели составили 445 и 999 лиц соответственно, а в 2022 году – 533 и

992 лица [13]. Данные свидетельствуют о том, что превышение должностных полномочий встречается почти в два-три раза чаще, чем злоупотребление. При этом доля оправдательных приговоров остаётся крайне низкой – менее двух процентов, что объясняется сложностью доказывания состава преступления на стадии предварительного следствия и тенденцией судов выносить обвинительные приговоры.

На практике разграничение анализируемых составов сопряжено с рядом трудностей. Во-первых, остаются размытыми понятия «вопреки интересам службы» и «явный выход за пределы полномочий», что нередко приводит к смешению составов. Во-вторых, существенную роль играет субъективная сторона: для статьи 285 УК РФ обязательным является наличие корыстной или иной личной заинтересованности, в то время как для статьи 286 УК РФ такой признак не требуется. В-третьих, проблемой является недостаточность доказательственной базы, особенно при отсутствии должностных инструкций и регламентов, позволяющих установить границы полномочий конкретного лица. В-четвёртых, возникает конкуренция норм с иными составами, в частности с коррупционными преступлениями, а также со статьей 201 УК РФ, предусматривающей ответственность за злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях. В-пятых, данные преступления отличаются высокой латентностью: значительная их часть не фиксируется в официальной статистике вследствие давления на потерпевших, коррупционных связей и иных факторов.

Особое значение в решении указанных проблем имеет позиция Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно подчёркивавшего необходимость строгого соблюдения принципа правовой определённости при квалификации должностных преступлений. В ряде постановлений и определений КС РФ акцентировалось, что уголовная ответственность возможна лишь при чётком установлении пределов компетенции должностного лица, а толкование статей 285 и 286 УК РФ не может носить расширительный характер. При этом привлечение к ответственности допустимо только тогда, когда доказано не просто формальное нарушение должностных обязанностей, но и фактическое наступление общественно опасных последствий, выражающихся в существенном нарушении прав граждан, организаций либо интересов государства [5]. Такая позиция обеспечивает баланс между публичными интересами и гарантиями защиты прав личности, минимизирует риски произвольного применения уголовного закона и служит опорой для правоприменительной практики.

Показательным в данном контексте является кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 сентября 2016 года по делу Собинского В.Г. и Патенко В.Ф. Верховный Суд указал на допущенные нижестоящими судами ошибки, связанные с квалификацией действий как превышения полномочий при отсутствии нормативно закреплённой компетенции, которую подсудимые могли бы превысить. Кроме того, приговор содержал декларативные выводы о «подрыве репутации государственного органа», не подтверждённые доказательствами. Суд подчеркнул необходимость строгого анализа нормативных актов, регламентирующих деятельность должностного лица, а также реальных последствий его действий [6]. Данное решение подтверждает: без наличия объективных данных о пределах компетенции должностного лица квалификация по статье 286 УК РФ невозможна, что существенно ограничивает произвольное толкование норм и способствует укреплению принципа законности.

Для устранения выявленных проблем представляется целесообразным уточнить формулировки статей 285 и 286 УК РФ, конкретизировав понятия «интересы службы» и «явный выход за пределы полномочий». Кроме того, Верховному Суду РФ следует разработать дополнительные разъяснения с примерами из судебной практики, что позволит унифицировать подходы к квалификации. Необходимым направлением является повышение квалификации следователей, прокуроров и судей, систематический анализ ошибок в судебных решениях и организация мониторинга практики. Важное значение имеет также усиление документального сопровождения расследований, включающее сбор должностных инструкций и иных регламентов, позволяющих объективно определить пределы полномочий.

Разграничение злоупотребления и превышения должностных полномочий остаётся одной из наиболее сложных проблем уголовного права и правоприменительной практики. Несмотря на наличие нормативной базы и разъяснений Верховного Суда, в практике по-

прежнему возникают трудности, связанные с неопределённостью понятий и недостаточной доказательственной базой. Комплексное решение этих вопросов возможно при условии законодательных уточнений, совершенствования методических материалов и повышения профессиональной подготовки правоприменителей. Всё это позволит снизить количество ошибок квалификации, обеспечить справедливость наказания и укрепить доверие общества к судебной системе и государственным институтам.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>
2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954
3. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // "Собрание законодательства РФ", 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 окт. 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (в ред. от 11 июня 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 8.
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 1696-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С. на нарушение его конституционных прав статьёй 285 УК РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 сент. 2016 г. № 75-УД16-3 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М.: Госюриздат, 1963. 324 с.
8. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений: учебное пособие. М.: Юристъ, 2006. 301 с.
9. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М.: Проспект, 2015. 340 с.
10. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: монография. Саратов: СГАП, 1997. 479 с.
11. Лопашенко Н.А., Третьяк М.И. Преступления в сфере экономики: учебник. М.: Юрайт, 2025. 135 с.
12. Любавина М.А. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий. Уголовное право. 2010. № 4. С. 45–51.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. М.: Норма, 2019. Т. 1. 896 с.

Пивоварова Дарья Андреевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шалайкин Руслан Николаевич,
заведующей кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ

***Аннотация.** Представленная статья направлена на анализ действующей в Российской Федерации нормативно-правовой базы, посредством которой осуществляется регулирование возобновляемых источников энергии. Основной акцент в статье сделан на выявлении проблем, которыми характеризуется такое нормативно-правовое регулирование, определении понятия, применимого ко всем возобновляемым источникам энергии. По результатам исследования делаются выводы, содержащие предложения по совершенствованию существующего подхода к регулированию вопросов, связанных с безопасным и экологичным использованием возобновляемых источников энергии, их развитием в субъектах Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** экологическое право, энергетическое право, зеленая экология, возобновляемые источники энергии, нормативно-правовое регулирование.*

В последние несколько десятилетий во всем мире происходит увеличение промышленных производств, что обусловлено ростом потребностей населения, появлением новых технологий и другими обстоятельствами. Подобная тенденция создает серьезную угрозу для экологической безопасности государств, так как производственные мощности требуют потребления большого количества электрической энергии, чем способствуют загрязнению окружающей среды, истощению природных ресурсов, возникновению иных негативных последствий. Именно по этой причине, все больше актуализируется вопрос о необходимости расширения практики использования возобновляемых источников энергии, которые могут в действительности позволить снизить угрозу экологии.

Российская Федерация в последние годы также обращает внимание на вопросы, связанные с необходимостью использования возобновляемых источников энергии. В тоже время, на текущий момент времени, данный вид энергетики не получил своего существенного распространения. Так, исходя из статистических данных, общая доля возобновляемых источников энергии (далее по тексту исследования – ВИЭ) в энергосистеме Российской Федерации составляет 2,56%. В электропотреблении доля ВИЭ еще меньше и составляет только 1,21% от общего количества. Наибольшее количество ВИЭ представлено в виде ветровых и солнечных электростанций. Значительно реже используются гидроэлектростанции [1].

По нашему мнению, использование ВИЭ может в действительности выступить эффективным способом решения существующих проблем, а также предотвращения угроз, которые могут возникнуть при расширении промышленных производств в будущем. В тоже время, обеспечить такое эффективное использование не представляется возможным в условиях, если на уровне государства отсутствует эффективная нормативно-правовая база, регламентирующая различные вопросы, связанные с ВИЭ.

В Российской Федерации нормативно-правовая регламентация ВИЭ обладает достаточно низким уровнем. Анализ действующих нормативно-правовых актов позволил выявить, что определение ВИЭ закреплено только в тексте статьи 3 Федерального закона от 26 марта 2003 года № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее по тексту исследования – ФЗ «Об электроэнергетике») [2]. Включенное в документ определение активно подвергается критике со стороны представителей научного сообщества.

Так, М.Д. Плачинда указывает на то, что избранный законодателем подход не позволяет надлежащим образом определить сущность ВИЭ, их отличительные признаки, которые могут использоваться для дифференциации данной правовой категории от иных, также употребляемых в законодательстве об электроэнергетике. По мнению автора, вопрос определения ВИЭ требует более детальной нормативно-правовой регламентации [3, с. 123].

Полностью согласны с тезисом, высказанным М.Д. Плачиндой. Действительно, закрепленное в ФЗ «Об электроэнергетике» определение не позволяет установить содержательных характеристик ВИЭ. Законодатель избрал подход, при котором только перечисляются конкретные виды ВИЭ, используемые на текущий момент времени, что приводит к следующим негативным последствиям:

- создается пробел, который не позволяет определить отличительные признаки ВИЭ, подлежащие использованию при определении возможности отнесения того или иного источника электроэнергии к категории ВИЭ;

- законодательство требует постоянного обновления, так как появление новых видов ВИЭ должно находить свое отражение в тексте статьи ФЗ «Об электроэнергетике», что влечет за собой необходимость внесения регулярных изменений в текст данного нормативно-правового акта.

По нашему мнению, с целью устранения образовавшегося в законодательстве пробела, необходимо надлежащим образом определить понятие термина «возобновляемые источники энергии». Для решения данной задачи, в первую очередь, следует выделить основные признаки, характеризующие ВИЭ.

Так, Ю.В. Жилкина в своей научной статье делает указание на два ключевых признака ВИЭ: воспроизводимость и экологичность. Под воспроизводимостью следует понимать свойство ВИЭ, которое указывает на их естественную восстановления в течение короткого промежутка времени. Так, к примеру, количество солнечной энергии находится в зависимости от погодных условий, времени года и иных обстоятельств, однако, она не истощается, хоть и может стать временно недоступной. Экологичность подразумевает под собой отсутствие большого количества вредных выбросов в окружающую среду, а также иных негативных последствий для экологии, в рамках использования ВИЭ [5, с. 125].

Л.Ю. Акимов к иным признакам ВИЭ предлагает относить:

- устойчивость, которая предполагает, что ВИЭ не подлежат истощению, что позволяет осуществлять их использование на протяжении продолжительного промежутка времени;

- разнообразие, указывающее на существование широкой классификации ВИЭ, которая и представлена действующим федеральным законодательством Российской Федерации в качестве определения данного понятия;

- экономичность, которая подразумевает, что в долгосрочной перспективе использование ВИЭ может существенным образом снизить финансовые и иные издержки в области электроэнергетики, так как они не предполагают необходимости транспортировки топлива и т.п.;

- энергетический суверенитет, который повышается за счет того, что ВИЭ используют те ресурсы, которые находятся на территории государства, позволяя тем самым исключить необходимость импорта энергоресурсов [5, с. 35].

Рассматривая законодательный подход к регулированию ВИЭ в Российской Федерации также необходимо не отметить еще один проблемный аспект. Так, существенная часть вопросов, связанных с использованием ВИЭ, определяется на уровне законодательства субъектов Российской Федерации. Как правило, такое регулирование осуществляется

посредством принятия подзаконных актов, посредством которых утверждаются отдельные региональные и муниципальные программы, поощряющие использование ВИЭ, их развитие и т.п. Большая часть таких документов обладает декларативным характером, т.е. не содержит в себе императивных предписаний, обязательных к соблюдению для отдельных участников общественных отношений. Здесь же следует отметить, что в Постановлении Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 321 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие энергетики» не содержится конкретных задач, которые были бы поставлены перед органами власти субъектов Российской Федерации в сфере развития ВИЭ [6]. Подобный подход приводит к тому, что развитие данной области энергетики осуществляется на усмотрение региональных властей. Таким образом, упраздняется единство энергетической политики, создается существенная разница между долей ВИЭ в различных регионах нашего государства, что негативным образом сказывается на их распространения несмотря на все преимущества, которыми они обладают для отечественной энергетики и экологии.

Не менее важную проблему в своем исследовании поднимает Е.С. Никифорова. Автор отмечает, что в действующих нормативно-правовых актах практически не находят своего определения вопросы, связанные со снижением вредного воздействия на окружающую среду самих ВИЭ. Как уже было сказано ранее, ВИЭ только способствуют снижению такого воздействия, однако полностью не могут его исключить. Именно по этой причине важно, чтобы на уровне законодательства была урегулирована вся совокупность вопросов, связанных с их надлежащим, эффективным и безопасным использованием [7, с. 101].

Таким образом, можно сделать вывод, что использование возобновляемых источников энергии для современной России обладает высокими перспективами, так как они позволяют не только снизить вред для окружающей среды, повысить уровень экологической безопасности, но и в дальнейшем могут способствовать снижению расходов на электроэнергетику, повышению энергетического суверенитета. Именно по этой причине необходимо, чтобы на законодательном уровне возобновляемые источники энергии, вопросы их использования и развития, получили свою надлежащую нормативно-правовую регламентацию.

Произведенное исследование действующего законодательства Российской Федерации наглядным образом продемонстрировало его недостатки, которые выражаются в:

- отсутствию определения термина «возобновляемые источники энергии» на уровне федеральных законов;
- отсутствию единства практики развития возобновляемых источников энергии в субъектах Российской Федерации;
- отсутствию норм, которыми бы регулировались вопросы, связанные со снижением уровня вредного воздействия на экологию самих ВИЭ, необходимостью использования более безопасных способов их эксплуатации.

С целью решения обозначенных проблем считаем необходимым:

- на уровне статьи 3 ФЗ «Об электроэнергетике» закрепить следующее определение: «возобновляемые источники энергии – совокупность природных ресурсов, обладающих свойством естественного восстановления и экологичностью, которые подлежат использованию для производства электроэнергии на территории Российской Федерации»;
- на уровне Правительства Российской Федерации разработать единые задачи по развитию возобновляемых источников энергии, обязательные к выполнению для органов государственной власти субъектов Российской Федерации;
- разработать нормативно-правовую базу безопасного использования возобновляемых источников энергии, подразумевающего минимизацию их вредного воздействия на окружающую среду.

Список используемых источников:

1. Статистика ВИЭ // Ассоциация развития возобновляемой энергии. URL: <https://rreda.ru/industry/statistics/?ysclid=m730lmq9n4986944769> (дата обращения: 12.02.2025).

2. Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «Об электроэнергетике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.
3. Плачинда, М.Д. Нормативно-правовое регулирование возобновляемых источников энергии (ВИЭ): опыт России и зарубежных стран / М.Д. Плачинда // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 25. – С. 123-133.
4. Жилкина, Ю.В. Регулирование использования возобновляемых источников энергии / Ю.В. Жилкина // Повышение эффективности производства и использования энергии в условиях Сибири. – 2024. – № 1. – С. 122-127.
5. Акимов, Л.Ю. Проблемные аспекты правового регулирования использования возобновляемых источников энергии в Российской Федерации / Л.Ю. Акимов // Правовой энергетический форум. – 2021. – № 1. – С. 32-38.
6. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 321 (ред. от 25.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие энергетики» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18. – Ст. 2167.
7. Никифорова, Е.С. К вопросу о значении и перспективах правового регулирования возобновляемых источников энергии / Е.С. Никифорова // Волга – Каспий: право и «зеленая» экономика. – 2022. – № 1. – С. 99-105.

Пилипенко Елена Валерьевна,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шалайкин Руслан Николаевич,
заведующей кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ УЩЕРБ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ

***Аннотация.** Данная статья посвящена анализу различных подходов к определению и применению юридической ответственности за экологический ущерб в сфере энергетике. Автором исследуются перспективы гармонизации законодательства в области экологической ответственности, подчеркивается необходимость унификации норм и правил для обеспечения равных условий конкуренции и сокращения объемов загрязнений. Кроме того, в настоящей статье рассматриваются точки зрения ученых-правоведов и материалы судебной практики, посвященные ответственности за ущерб экологии ввиду эксплуатации объектов энергетике.*

***Ключевые слова:** юридическая ответственность, экологический ущерб, энергетическая отрасль, сравнительный анализ, правонарушение, экология, законодательство.*

На сегодняшний день энергетика является одним из крупнейших секторов экономики, который оказывает значительное воздействие на окружающую среду. Экологическая нагрузка, связанная с добычей нефти, производством топлива, электроэнергии и эксплуатацией инфраструктурных объектов, стала предметом пристального внимания мирового сообщества. В последнее десятилетие растет интерес к вопросу юридической ответственности за нанесение экологического ущерба в энергетической отрасли.

Согласно статистическим данным МВД РФ, в 2024 году было зарегистрировано более 13 тысяч экологических преступлений, совершенных на территории Российской Федерации [4]. Подобные цифры свидетельствуют о действительной актуальности исследуемой темы, поскольку рост экологических преступлений ведет к деградации экосистемы, что угрожает не только безопасности отдельной страны, но и мировому сообществу.

В нашей стране аспекты юридической ответственности за экологический ущерб регламентируются кодифицированными актами, такими как Гражданский и Уголовный кодексы, Кодекс об административных правонарушениях, а также специальным документом – Федеральным законом от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Юридическая ответственность за ущерб экологии возникает при одновременном соблюдении трех условий:

- имело место вредоносное воздействие на природу;
- установлена причина такого воздействия;
- имеется вина субъекта.

При этом, субъектами ответственности в сфере энергетики выступают чаще всего юридические лица.

В настоящее время разработаны различные подходы к обеспечению юридической ответственности за экологический ущерб в энергетической отрасли. Рассмотрим основные из них.

Первый подход заключается в коллективной ответственности, которая предполагает распределение ответственности между различными участниками производственного цикла. Так, например, в США ответственность за экологические правонарушения распределяется между производителями энергии, транспортировщиками и пользователями энергоносителей при условии, что действия всех указанных лиц повлекли экологический ущерб.

Кроме того, в США, как отмечает Л.И. Брославский: «при взыскании административно-правовых санкций, в отличие от применения мер уголовной ответственности, не требуется доказательств вины нарушителя. Для этого достаточно выявить лишь факт нарушения установленных требований» [1, с. 96].

Что касается подходов в юридической ответственности нашей страны, то они существенно отличаются от американского правоприменения. В России как при применении мер ответственности, так и административной ответственности обязательным является доказательство факта вины правонарушителя.

Для подтверждения данного тезиса обратимся к материалам судебной практики, в частности, в Решении Арбитражного суда Самарской области от 7 декабря 2021 г. по делу № А55-8838/2021 [3].

Так, в данном деле территориальное управление Росприроднадзора обратилось в суд с иском к АО «Самаранефтегаз» о взыскании ущерба, причиненного почвам.

В ходе плановой проверки Росприроднадзором был установлен факт утечки нефти с одной из камер приема, что привело к загрязнению земельных участков. Истец в своем иске указывал на превышение содержания продуктов нефтепереработки в почве и предъявил расчет ущерба по утвержденной методике.

В доказательство своей невиновности ответчик заявил, что предпринимал меры по рекультивации загрязненных участков и затраты на эти действия подлежат зачету. Кроме того, АО отметило отсутствие доказательств уничтожения и деградации экосистем.

Суд при рассмотрении данного дела отмечал, что «юридические и физические лица, причинившие вред окружающей среде в результате ее загрязнения, обязаны возместить его в полном объеме в соответствии с законодательством».

Суд исследовал доказательства и доводы сторон и пришел к выводу о том, что исковые требования не подлежат удовлетворению, поскольку ответчик уже предпринял меры по восстановлению почвы, что соответствует требованиям законодательства об охране окружающей среды.

Анализ судебной практики дает основания полагать, что отечественный подход является весьма эффективным в отличие от американского законодательства, так как установление вины и иных аспектов юридической ответственности являются крайне важным шагом в достижении правосудия.

Также считаем, что коллективная ответственность является менее эффективной и предусмотренный российской правовой доктриной индивидуальный подход к юридической ответственности позволяет полноценным образом исследовать обстоятельства дела и роль каждого субъекта правонарушения.

Рассмотрим следующий подход – экологическое страхование, которое предусматривает обязанность предприятий приобретать полисы страхования ответственности за возможный экологический ущерб. Политика страхования снижает финансовую нагрузку на владельцев предприятий и стимулирует инвестиции в экологически чистые технологии.

Впервые экологическое страхование появилось в европейских странах в 1980-х годах, а в нашей стране оно нашло законодательное закрепление в 1991 году в упомянутом выше Федеральном законе от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Как отмечает в своем исследовании И.П. Кожокар: «наличие у хозяйствующего субъекта полиса экологического страхования влияет как на инвестиционную привлекательность соответствующего бизнеса, так и на мониторинг экологической безопасности на данном предприятии со стороны страховых организаций» [2, с. 110].

Согласимся с позицией ученого и отметим, что для предотвращения рисков ущерба экологии при использовании объектов энергетике в нашей стране следует дополнить положения статьи 18 указанного Федерального закона, указав на конкретные ситуации, когда

экологическое страхование является обязательным условием осуществления потенциально опасной деятельности.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что современная энергетика оказывает огромную нагрузку на окружающую среду, что делает проблему ответственности за экологический ущерб весьма острой. Сравнительный анализ подходов различных стран показывает существенные различия в методах регулирования юридической ответственности в данной сфере.

На наш взгляд, для устойчивого развития и защиты экосистемы необходимо активное международное сотрудничество и усиление контроля за исполнением норм экологической ответственности.

Список используемых источников:

1. Брославский, Л.И. Административно-правовые санкции за нарушение экологического законодательства // Журнал российского права. 2010. № 12 (168). С. 94-100.
2. Кожокар, И.П. Экологическое страхование в России и зарубежных правовых порядках // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 101-115
3. Решение Арбитражного суда Самарской области от 7 декабря 2021 г. по делу № А55-8838/2021 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/bSnIEbdCSqUQ/> (дата обращения: 09.11.2025).
4. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс] // URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (дата обращения: 09.11.2025).

Плёхова Вита Викторовна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шалайкин Руслан Николаевич,
заведующей кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В настоящей статье проведен анализ правовых механизмов, которые стимулируют развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в Российской Федерации. Автором рассматриваются существующие правовые инструменты, их достоинства и недостатки, а также предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства в данной сфере. Особое внимание уделено исследованию точек зрения ученых-правоведов, неоднократно обращавшихся к правовому статусу нового института энергетического сектора.*

***Ключевые слова:** возобновляемые источники энергии, энергетический сектор, правовые механизмы, законодательные акты, энергетическое право, законопроект.*

Возобновляемые источники энергии, безусловно, играют ключевую роль в становлении современного энергетического сектора России, обеспечивая не только энергетическую безопасность, но и рациональное использование ресурсов. Однако, их развитие сопряжено с рядом препятствий, связанных с недостаточным инвестированием, высокими капитальными затратами и технологическими сложностями, для преодоления которых требуется стимулирование развития ВИЭ на законодательном уровне.

Согласно статистическим данным, только за 8 месяцев 2025 года производство энергии «экологическим» путем увеличилось более, чем в два раза по сравнению с 2019 годом [5]. Подобные цифры свидетельствуют о действительной распространенности возобновляемых источников энергии, в связи с чем данная тема исследования является весьма актуальной.

На сегодняшний день основные аспекты, связанные с возобновляемой энергией, нашли свое закрепление в Федеральном законе от 26 марта 2003 года № 35-ФЗ «Об электроэнергетике». Согласно положениям вышеуказанного документа, выделяют энергию солнца, энергию ветра, энергию вод, энергию приливов, энергию волн водных объектов и ряд других объектов [2].

Данный акт закрепил теоретические положения, а вопросы стимулирования развития возобновляемой энергии регулирует Правительство Российской Федерации, которое устанавливает различные правовые и экономические механизмы, способствующие развитию указанных объектов экологической энергии.

Пожалуй, наиболее распространенным способом стимулирования развития «зеленой» энергетики стало установление целевых показателей и реализация национальных программ. В рамках Стратегии развития электроэнергетики Российской Федерации установлены цели по доле ВИЭ в энергетическом балансе страны. Национальные программы, такие как проект

поддержки «Возобновляемая энергетика», предусматривают выделение субсидий и налоговых льгот для строительства и эксплуатации установок на основе ВИЭ.

Предприниматели, работающие в сфере ВИЭ, пользуются налоговыми льготами и специальными субсидиями. Так, им предоставлены пониженные ставки налога на прибыль, освобождение от НДС и акцизов, а также прямое субсидирование инвестиционных проектов.

Налоговые льготы для организаций, основным видом деятельности которых является производство данного вида электроэнергии введены не так давно – в 2024 году они были закреплены в статье 381 Налогового кодекса Российской Федерации [1]. На наш взгляд, это весьма эффективная мера поддержки энергетического сектора, поскольку, зачастую, производство энергии из «зеленых» источников – это дорогостоящий и длительный процесс, а сниженный налоговый режим позволит создавать большее количество энергетических объектов с высокой мощностью.

Еще один мощным стимулом стоит отметить практику государственных закупок электроэнергии, произведенной из возобновляемых источников. Правительство нашей страны регулярно устраивает аукционы и конкурсы, предоставляющие компаниям выгодные условия для продажи электричества, генерируемого таким способом.

По этому поводу в своем исследовании Н.Ю. Родыгина и В.С. Руданец обращают внимание «для того, чтобы стимулировать финансирование отрасли энергетики из альтернативных источников, инвесторам предоставляется право на заключение договоров на продажу мощности (ДПМ) ВИЭ, гарантирующих в течение 15 лет оплату установленной мощности» [3, с. 74].

Также в нашей стране в 2021 году была введена система зеленого тарифа, при которой владельцам солнечных панелей и ветрогенераторов платят повышенный тариф за электроэнергию, поставленную в сеть. Зеленый тариф стимулирует установку домашних энергоустановок и развитие децентрализованной энергетики, однако, в данном нововведении есть и отрицательный момент – повышение цен на электроэнергию все же негативно сказывается на благосостоянии граждан и организаций, ввиду чего в целях экономии они предпочитают пользоваться «традиционными» формами энергоснабжения.

Параллельно развиваются и механизмы экологического контроля и наложения штрафов за выбросы парниковых газов и загрязнение воздуха, что заставляет традиционные энергетические компании переходить на возобновляемые источники, сокращая углеродный след.

Несмотря на правовую регламентацию источников «зеленой» энергетики, на наш взгляд, все же существуют проблемы, связанные с реализацией данного энергетического сектора, к которым можно отнести:

- недостаточную доступность льгот и субсидий для малых и средних предприятий;
- высокую стоимость подключения к энергосистемам и узкий профиль рынка зеленых сертификатов – документов, подтверждающих происхождение электроэнергии из возобновляемых и/или низкоуглеродных источников [4];
- отсутствие долгосрочных гарантий возврата инвестиций в проекты «зеленой» энергетики;
- нестабильность тарифной политики и неравномерность регионального развития ВИЭ.

На наш взгляд, для решения данных проблем стоит внести дополнения в Федеральный закон «Об электроэнергетике», расширив его положениями, касающимися особенностей правового регулирования ВИЭ. Также считаем необходимым создать национальный центр научно-технического сопровождения проектов ВИЭ, который позволил бы разработать целевой план по наращиванию доли таких источников в энергобалансе страны.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что российское законодательство и правоприменительная практика находятся еще на начальном этапе формирования механизмов стимулирования ВИЭ. На наш взгляд, необходимы постоянные корректировки и совершенствование существующих инструментов, чтобы отрасль смогла выйти на лидирующие позиции в мире и обеспечить устойчивое развитие энергетической инфраструктуры России.

В рамках данной работы нами были исследованы следующие стимулирующие механизмы:

- создание национальных программ;
- проведение государственных заказов;
- предоставление налоговых льгот и субсидий;
- внедрение системы зеленой тарификации;
- применение штрафов и ограничений за выбросы парниковых газов.

Разработанные механизмы действительно стимулируют быстрое развитие возобновляемых источников энергии в России, однако, впереди еще много работы по улучшению законодательства, развитию технологий и строительству инфраструктурных объектов.

Список используемых источников:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 5 августа 2000 года № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. №32. Ст. 3340.
2. Федеральный закон от 26 марта 2003 года № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.
3. Родыгина, Н.Ю., Руданец, В.С. Методы государственного регулирования и инструменты господдержки ВИЭ в России и за рубежом // Образование и право. 2023. № 7. С. 69-76.
4. Сертификаты происхождения электроэнергии («зеленые» сертификаты): что это такое и для чего они нужны бизнесу? // РН-ЭНЕРГО: сайт. URL: <https://www.rn-energo.ru/company/blog/sertifikaty-proiskhozhdeniya-elektroenergii-zelenye-sertifikaty/> (дата обращения: 18.10.2025).
5. Статистика ВИЭ // Ассоциация развития возобновляемой энергетики: сайт. URL: <https://rreda.ru/industry/statistics/#graph1> (дата обращения: 18.10.2025).

Подрейко Сергей Сергеевич,
магистрант юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ЧТО РОССИЯ ПЕРЕНЯЛА ИЗ МИРОВОГО ОПЫТА В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА?

***Аннотация.** Работа посвящена комплексному анализу рецепции международного опыта в области энергетического права в российское законодательство. В работе детально рассматриваются такие аспекты, как внедрение принципа разделения естественно-монопольных и конкурентных видов деятельности в электроэнергетике на основе Федерального закона «Об электроэнергетике», либерализация газового рынка и имплементация принципа недискриминационного доступа к инфраструктуре (Third Party Access). Особое внимание уделяется адаптации современных моделей недропользования, включая институт лицензирования и соглашений о разделе продукции (СРП), а также внедрению экологических стандартов и принципов энергоэффективности, основанных на международных нормах. Доказывается, что, несмотря на сохранение национальной специфики, российский законодатель последовательно интегрировал передовые мировые правовые институты, что способствовало формированию более прозрачного, инвестиционно привлекательного и соответствующего общемировым трендам правового поля в энергетической сфере.*

***Ключевые слова:** энергетическое право, рецепция права, российское законодательство, топливно-энергетический комплекс (ТЭК), электроэнергетика, либерализация рынка, естественная монополия, недискриминационный доступ, Third Party Access (ТРА), недропользование, соглашение о разделе продукции (СРП), экологическое право, принцип «загрязнитель платит».*

Формирование современной российской системы энергетического права, понимаемого как комплексная отрасль законодательства, объединяющая нормы публичного и частного права, регулирующие отношения в сфере добычи, производства, транспортировки и сбыта энергетических ресурсов, проходило в условиях активной и многоплановой рецепции передовых международных правовых моделей и принципов. Этот процесс, инициированный в постсоветский период, был объективно обусловлен необходимостью интеграции страны в глобальную экономику, привлечения масштабных иностранных инвестиций в капиталоемкий топливно-энергетический комплекс и гармонизации национального законодательства с общепризнанными стандартами, что являлось неременным условием для вступления России во Всемирную торговую организацию. Одним из наиболее фундаментальных заимствований, определивших архитектуру всей отрасли, является концепция функционального и организационного разделения видов деятельности в естественно-монопольных и потенциально конкурентных сегментах топливно-энергетического комплекса. Данный подход, апробированный в практике Европейского Союза в рамках так называемых «энергетических пакетов» и в ряде других юрисдикций, был положен в основу кардинального реформирования российской электроэнергетики [2]. Его юридическое закрепление осуществлено в Федеральном законе от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», который провел четкое нормативное разграничение между естественно-монопольными функциями, к которым отнесены передача электрической энергии по единой национальной сети и оперативно-диспетчерское управление, и потенциально конкурентными функциями, включающими производство и сбыт электроэнергии, а также ремонт и сервисное обслуживание [4]. В результате последовательной реализации этой модели была создана конкурентная среда на оптовом рынке электрической мощности (ОРМ) и рынке на сутки вперед (РСВ), институциональная структура которых, включая систему коммерческого

оператора – АО «АТС», демонстрирует очевидное структурное и функциональное сходство с рыночными моделями, действующими в странах ЕС, такими как Nord Pool.

Еще одним значимым элементом, перенятым из мирового опыта и адаптированным к национальным экономическим условиям, стал механизм договоров о предоставлении мощности (ДПМ), который можно рассматривать как российскую версию договоров на строительство новых генерирующих объектов по итогам конкурентных отборов, известных в международной практике для стимулирования инвестиций в энергогенерацию. Целью данного механизма, как и за рубежом, являлось создание долгосрочных гарантий возврата инвестиций и стимулирование частных капиталовложений в модернизацию и новое строительство генерирующих объектов для обеспечения растущего спроса, повышения надежности энергосистемы и замещения выбывающих мощностей. Правовую основу для этого механизма заложили положения Федерального закона № 35-ФЗ, а также принятые в его развитие многочисленные подзаконные акты, включая постановления Правительства РФ, детализирующие порядок и условия проведения инвестиционных отборов. Аналогичным образом, в газовой отрасли Россия восприняла общемировой тренд на либерализацию и обеспечение недискриминационного доступа к инфраструктуре, являющегося ключевым условием для развития конкуренции на рынке. Хотя транспортировка газа по магистральным трубопроводам остается естественной монополией, закрепленной за ПАО «Газпром», Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» и детализированные Правила недискриминационного доступа к услугам по транспортировке газа, утвержденные постановлением Правительства РФ, создали необходимые правовые предпосылки для развития конкуренции в сферах добычи и сбыта газа [5]. Это позволило независимым производителям использовать единую систему трубопроводов для реализации своей продукции конечным потребителям, что является прямым отражением и имплементацией принципа Third Party Access (TPA), являющегося краеугольным камнем энергетического права Европейского Союза, закрепленного в Директивах по газу.

В сфере недропользования, критически важной для энергетического сектора, Россия также активно интегрировала международные стандарты и контрактные модели. Принятие в 1992 году Закона РФ «О недрах» ознаменовало собой переход от чисто административной системы распределения недр к рыночной модели регулирования, основанной на сочетании государственного суверенитета над недрами и частноправовых инструментов [6]. В частности, был перенят и развит институт лицензирования пользования недрами, который сочетает в себе административно-правовые и гражданско-правовые элементы, что характерно для многих ресурсодобывающих стран, таких как Норвегия и Великобритания. Конкурсные и аукционные процедуры получения права пользования недрами, а также переход к системе соглашений о разделе продукции (СРП), регламентированных Федеральным законом от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции», стали прямым заимствованием международной контрактной практики, направленной на снижение нефинансовых и политических рисков инвесторов и создание стабильных, предсказуемых и благоприятных фискальных условий для реализации крупных капиталоемких проектов, прежде всего в новых и труднодоступных регионах, таких как Арктический шельф [7]. Правовой режим СРП, предусматривающий раздел произведенной продукции между государством и инвестором в оговоренных пропорциях, является классическим инструментом, используемым в мировой практике для привлечения технологий и капитала в высокорисковые проекты [1].

Не осталась в стороне и экологическая составляющая энергетического права, значение которой неуклонно растет в контексте глобальной энергетической трансформации. Принцип «загрязнитель платит», провозглашенный в Декларации Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды 1972 года и являющийся фундаментальным в международном экологическом праве, нашел свое последовательное отражение в российском законодательстве. Так, Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» в статье 16 устанавливает обязанность юридических и физических лиц, осуществляющих хозяйственную и иную деятельность, оказывающую негативное

воздействие на окружающую среду, возмещать вред, причиненный ей, в том числе в результате деятельности в энергетическом секторе, связанной с выбросами загрязняющих веществ, сбросами, размещением отходов [8]. Более того, в последние годы в России началось внедрение элементов стимулирования «зеленой» энергетики и повышения энергетической эффективности, что также соответствует общемировому тренду декарбонизации. Хотя полноценная и комплексная система поддержки возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в России пока находится в стадии становления, установление целевых показателей ввода мощностей ВИЭ и создание специального механизма договоров поставки мощности на оптовом рынке для ВИЭ (ДПМ ВИЭ), обеспеченного долгосрочными тарифами, гарантирующими возврат инвестиций, демонстрируют целенаправленную попытку адаптировать успешный зарубежный опыт, такой как система льготных тарифов или аукционных отборов, для диверсификации национального энергобаланса и выполнения международных обязательств в области климата.

Отдельного внимания заслуживает вопрос правового обеспечения энергоэффективности, где Россия также ориентировалась на мировые практики. Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности» ввел целый ряд инструментов, хорошо зарекомендовавших себя в других странах: требования об обязательных энергетических обследованиях, о наличии приборов учета потребляемых энергетических ресурсов, об установлении требований к энергетической эффективности зданий, сооружений, товаров и оборудования [9]. Эти меры направлены на создание системного подхода к управлению энергопотреблением, что является прямым следствием восприятия международных стандартов в данной области. Кроме того, наблюдается рецепция элементов международного опыта в сфере правового регулирования безопасности в энергетике, включая ядерную энергетику, где за основу берутся стандарты МАГАТЭ, и промышленной безопасности на опасных производственных объектах, где прослеживается влияние директив ЕС. Таким образом, анализ российского энергетического законодательства позволяет сделать вывод о глубокой, многоплановой и в целом последовательной рецепции мирового опыта в данной области. Российский законодатель, сохраняя национальную специфику и учитывая объективные особенности структуры и исторического развития топливно-энергетического комплекса, тем не менее, последовательно внедрял ключевые международные правовые институты и принципы: разделение конкурентных и монопольных видов деятельности, обеспечение недискриминационного доступа к инфраструктуре, применение современных моделей недропользования, а также учет экологических императивов и принципов энергоэффективности [3]. Этот процесс, несмотря на имеющиеся противоречия и проблемы имплементации, способствовал формированию более прозрачной, инвестиционно привлекательной и в определенной степени соответствующей вызовам глобальной энергетической трансформации правовой среды, что находит свое нормативное подтверждение в положениях таких фундаментальных актов, как Федеральные законы «Об электроэнергетике», «О газоснабжении в Российской Федерации», «О недрах», «Об охране окружающей среды» и «Об энергосбережении».

Список используемых источников:

1. Аристова Н.А. Некоторые примеры применения европейского опыта для развития российского законодательства в сфере энергетики и охраны окружающей среды // Пробелы в российском законодательстве. 2023. №5. С.4.
2. Габов А.В., Тонков Е.Е., Шалайкин Р.Н., Лизикова М.С. Энергетическое право: модели и тенденции развития (обзор докладов v международной научно-практической конференции) // Труды Института государства и права РАН. 2024. №1. С.2-3.
3. Габов А.В., Зинковский С.Б., Лизикова М.С. Энергетический переход как фактор влияния на энергетическое законодательство: обзор международной научно-практической конференции. Москва, институт государства и права российской академии наук, 20 июня 2023 г. // Труды Института государства и права РАН. 2023. №5. С.5.

4. Федеральный закон "Об электроэнергетике" от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. –2003. – № 1177.
5. Федеральный закон "О газоснабжении в Российской Федерации" от 31.03.1999 N 69-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. –1999. – № 1667.
6. Закон РФ "О недрах" от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 31.07.2025) // Ведомости съезда Народных депутатов РФ и Верховного совета РФ № 16 от 16 апреля 1992 г. –1992. – № 834.
7. Федеральный закон "О соглашениях о разделе продукции" от 30.12.1995 N 225-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. –2002. – № 18.
8. Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 30.05.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. –2002. – № 133.
9. Федеральный закон "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 23.11.2009 N 261-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. –2009. – № 5711.

Польская Татьяна Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шалайкин Руслан Николаевич,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЗАЩИТА ДОБРОСОВЕСТНЫХ СТОРОН В ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

***Аннотация.** В данной статье исследуются актуальные проблемы защиты добросовестных сторон в договоре, современные тенденции развития российского законодательства и судебной практики. Автором рассматриваются вопросы, связанные с определением понятия добросовестности, механизмом выявления недобросовестных действий сторон, ответственностью сторон и средствами защиты пострадавших участников гражданских правоотношений. Особое внимание в рамках настоящей статьи уделяется подходам и инструментам защиты прав потерпевшей стороны в судебном порядке.*

***Ключевые слова:** добросовестная сторона, гражданский процесс, защита, договорные обязательства, судопроизводство, недобросовестный участник.*

Вопрос защиты добросовестных сторон в договорных обязательствах на сегодняшний день занимает одно из ключевых мест в российском гражданском праве. Его важность обусловлена необходимостью поддержания справедливых и устойчивых экономических отношений, предотвращения злоупотреблений правом и повышения доверия участников хозяйственного оборота.

Согласно статистическим данным, в 2022 году ФАС России было принято более 11 тысяч решений о включении в реестр недобросовестных поставщиков [6]. Подобные цифры свидетельствуют о действительной актуальности исследуемой темы, поскольку наличие лиц, умышленно препятствующих оказанию качественных услуг, снижает уровень доверия к заключенным договорам, а также увеличивает риск причинения ущерба добросовестной стороне.

Принцип добросовестности основан на понятии разумности и справедливости. Добросовестность требует, чтобы стороны действовали честно, открыто и прозрачно, стремясь к достижению общих интересов и уважая мнение противоположной стороны. Несоблюдение данного принципа может повлечь негативные последствия для тех, чьи права и законные интересы были нарушены.

Исследуемый принцип нашел свое законодательное закрепление в части 5 статьи 10 Гражданского кодекса, согласно положениям которого: «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются» [1].

Основными элементами добросовестности являются:

- наличие реальной цели заключить сделку;
- честность и открытость в поведении;
- готовность соблюдать принятые обязательства;
- открытость к диалогу и сотрудничеству.

Недобросовестность же проявляется в виде сознательного введения партнера в заблуждение, сокрытия важной информации, умышленного искажения фактов, стремления извлечь выгоду за счет другого лица.

Несмотря на правовую регламентацию принципа добросовестности, на сегодняшний день все же существуют проблемы, связанные с аспектами защиты добросовестных сторон в договорных обязательствах.

Первой проблемой является недостаточная ясность понятия добросовестности. Так, правоприменители нередко сталкиваются с трудностями в определении точного содержания исследуемого понятия. Несмотря на многочисленные попытки установить четкие критерии, судьи вынуждены руководствоваться субъективными представлениями о честности. Такая ситуация порождает разночтения и создает препятствия для эффективной защиты добросовестных участников.

Как верно отмечает по этому поводу М.Ю. Козлова: «содержание этого понятия различно в зависимости от того, является ли добросовестность мерилом поведения участника обязательственных отношений, или, например, поведения давностного приобретателя» [3].

Э.М. Алсынбаева также придерживается такой позиции, обращая внимание на то, что «в современной доктрине существует множество определений понятия добросовестность, но нет единообразия» [2].

На наш взгляд, для решения данной проблемы необходимо внести дополнения в статью 10 ГК РФ, уточнив сущность принципа добросовестности и признаки недобросовестного поведения участников обязательственных отношений.

Выявление недобросовестных действий может осуществляться несколькими способами, к которым относятся:

- экспертиза представленных документов;
- использование методов анализа и сравнения договоров;
- привлечение третьих лиц для подтверждения объективности сведений;
- изучение обстоятельств совершенной сделки;
- применение технических средств контроля.

Как правило определение добросовестной стороны в договорных отношениях осуществляется посредством направления иска в суд. Для подтверждения данного тезиса обратимся к материалам судебной практики, в частности, к Решению Шпаковского районного суда от 3 февраля 2022 г. по делу № 2-3299/2021[5].

Так, в данном деле гражданин А. обратился с иском о взыскании неосновательного обогащения и судебных расходов ввиду того, что по договору займа с него были взысканы денежные средства, которые так и не были приняты судом как возврат долга по договору. Представитель истца утверждает, что срок исковой давности начался с момента вынесения судом решения и истек ранее.

Суд при рассмотрении данного спора отмечал, что «добросовестность гражданина в данном случае презюмируется, и на лице, требующем возврата неосновательного обогащения, лежит обязанность доказать факт недобросовестности поведения ответчика».

Истец предоставил документы, подтверждающие получение ответчиком денежных средств по договору займа. Ответчик же не смог доказать добросовестность своего поведения, ввиду чего суд пришел к выводу о добросовестном поведении истца и взыскал с ответчика сумму неосновательного обогащения в размере 150 тысяч рублей, а также проценты за пользование чужими денежными средствами.

Исходя из анализа данного судебного решения, мы пришли к выводу о том, что обращение в суд – это действительно эффективный способ защиты прав добросовестного участника договорных обязательств.

Однако, проблемой является и неиспользование альтернативных способов защиты добросовестной стороны, например, таких как медиация. Процедура восстановления нарушенных прав довольно длительна. Порой потерпевшие сталкиваются с затягиванием судебного процесса, увеличением процессуальных издержек, что негативно влияет на способность добросовестной стороны восстановить свое положение.

Медиация на сегодняшний день является действенным методом урегулирования возникших противоречий между сторонами договора. Кроме того, с помощью посредника

участники смогут решить проблему быстро, с минимальными затратами, придя к компромиссу, который удовлетворит обе стороны.

Несмотря на существующие механизмы защиты, считаем необходимым выделить возможные направления улучшения положения добросовестной стороны:

- активизация профилактической работы, направленной на предупреждение негативных последствий для участников сделки;
- повышение уровня информированности населения о рисках и последствиях недобросовестных действий;
- постоянное обновление нормативной правовой базы с целью учета новых тенденций в сфере договорных обязательств.

Принцип добросовестности играет одну из важнейших ролей в процессе защиты сторон в гражданско-правовых отношениях, поскольку «позволяет предотвратить злоупотребление правом, способствует добросовестной конкуренции, помогает поддерживать справедливость, а потому играет важную роль в развитии правосудия» [4].

Подводя итог вышеизложенному, мы пришли к выводу о том, что защита добросовестных сторон в договорных обязательствах – это важный инструмент укрепления доверия в сфере гражданско-правовых отношений. Ее эффективное функционирование способствует созданию благоприятных условий для нормального функционирования бизнеса и экономики в целом.

В рамках данной научной статьи нами были выделены следующие проблемные аспекты:

- недостаточная регламентация принципа добросовестности;
- неиспользование альтернативных способов защиты добросовестной стороны.

Считаем, что дополнение статьи 10 ГК РФ, касающееся сущности принципа добросовестности, позволит судам и участникам договорных отношений понимать и реализовывать его на практике опираясь не только на внутренние убеждения, но и на законодательно регламентированные положения.

Список используемых источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Алсынбаева, Э.М. Принцип добросовестности в гражданском праве Российской Федерации // Вестник науки и образования. 2025. № 10 (165). С. 20-24.
3. Козлова, М.Ю. Значение добросовестности контрагентов для договорных отношений // Вопросы цивилистической науки и современность. 2011. № 1 (14). С. 133-137.
4. Уварова, Е.М. Принцип добросовестности в гражданском праве: соотношение с запретом на злоупотребление правом / Уварова Е.М., Мукаева Е.С. // Современные тренды развития регионов: управление, право, экономика, социум. 2024. С. 289-291.
5. Решение Шпаковского районного суда от 3 февраля 2022 г. по делу № 2-3299/2021 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wTUp7ZUYAxxR/> (дата обращения: 08.11.2025).
6. РНП в 2022 и 2023: ФАС раскрывает статистику и практику [Электронный ресурс]. URL: <https://gkgz.ru/rnp-v-2022-i-2023-fas-raskryvaet-statistiku-i-praktiku/> (дата обращения: 07.11.2025).

Пригарина Олеся Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Алейникова Валерия Андреевна,
ассистент кафедры уголовного права и процесса,
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ОБЖАЛОВАНИЯ РЕШЕНИЯ ПРОКУРОРА ОБ ОТКАЗЕ В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ЖАЛОБЫ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу проблем, возникающих в деятельности органов прокуратуры РФ при рассмотрении обращений граждан, в частности, в процедуре обжалования решений прокурора об отказе в удовлетворении жалоб. Несмотря на детальную законодательную регламентацию этого института, на практике сохраняется ряд острых дискуссионных вопросов, снижающих его эффективность и доступность для граждан. Автор акцентирует внимание на проблемах внутриведомственного и судебного обжалования. Делается вывод о необходимости дальнейшей конкретизации и совершенствования правового регулирования на федеральном и ведомственном уровнях.*

***Ключевые слова:** прокуратура, обращение и разрешение обращений, жалобы, внутриведомственное обжалование, судебное обжалование.*

Деятельность прокуратуры РФ в области рассмотрения обращений граждан представляется одной из главных функций, направленной на реализацию прав и свобод субъектов конкретных правоотношений. Данная область в виду своей специфики вызывает острые дискуссии среди представителей научного сообщества и правоприменительной практики. Особенно спорным является вопрос обжалования отказа решений прокурора об отказе удовлетворения жалобы. Здесь прослеживается достаточно много проблемных аспектов, которые заметно сказываются на прокурорскую практику. В рамках настоящего исследования мы рассмотрим отдельные проблемы обжалования решений прокурора по отказу в удовлетворении жалобы.

Начнем с того, что Федеральный закон «О прокуратуре РФ» в ст. 10 устанавливает обязанность органов прокуратуры по рассмотрению и разрешению заявлений, жалоб и иных обращений [1]. Более того, по этому направлению существует отдельный ведомственный акт, именуемый Приказом Генпрокуратуры России «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры РФ», данный акт закрепляет положения, касающиеся рассмотрения и разрешения жалоб и запросов, сроков их рассмотрения, порядок направления ответов и т.д. [2]. Несмотря на детальную правовую регламентацию, на практике возникает ряд проблем, требующих повышенного внимания и дополнительной огласки.

Отказ об удовлетворении обращения может быть обжалован вышестоящему прокурору или в суд. Основания могут быть различные: незаконность принятого решения, необоснованность отказа в применении мер прокурорского реагирования, нарушение сроков рассмотрения обращения, а также проверка, проведенная с нарушениями действующего законодательства.

Алгоритм оспаривания отказа прокурора в принятии жалобы заключается в следующих действиях: определение инстанции, где будет рассматриваться данный спор (вышестоящий

прокурор или суд); жалоба должна содержать данные заявителя и название документа, который обжалуется; изложение обстоятельств дела, а также доводы заявителя о незаконности ответа прокурора и какие нормы именно нарушаются; указание требований (например, отмена решения прокурора, привлечение виновных лиц к ответственности и т.д.); подкрепление позиции доказательствами. Срок рассмотрения жалобы вышестоящим прокурором составляет 30 дней с момента ее регистрации, но может быть продлен. Если в указанный срок нет ответа по существу или информирования о продлении срока рассмотрения, то можно обратиться с данной жалобой в суд.

Итак, сложности возникают уже на этапе определения вышестоящего прокурора для направления жалобы. Специалисты отмечают, что: «если обжалуемый ответ на обращение подписан заместителем прокурора, вышестоящим должностным лицом выступает прокурор этой же прокуратуры» [5]. Такая ситуация может повлечь за собой проблему столкновения ведомственных интересов. Иными словами, возникает ситуация, когда вышестоящий прокурор может быть необъективен к коллеге в силу корпоративной солидарности, что существенно сказывается на результатах обжалования.

Следующей проблемой является частая практика решений прокурора об отказе в удовлетворении жалобы без указания причин. Согласно действующему законодательству, ответ прокурора на жалобу должен быть мотивирован, т.к. предполагается, что заявитель имеет право на обоснованный ответ на свое обращение. К.Ю. Матвеева приводит следующий практический случай: «в жалобе гражданина К. на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 12.09.2019 г. отсутствовал предмет обжалования. Жалоба была рассмотрена заместителем прокурора города Димитровграда и отклонена 30.01.2020г., хотя в рассматриваемом случае прокурору следовало бы дать соответствующее разъяснение, так как предмет обжалования отсутствовал» [3]. Поэтому, подчеркиваем важность указания причин в решении об отказе удовлетворения жалобы, их отсутствие может негативно повлиять на качество деятельности прокурора, т.к. немотивированное решение будет воспринято вышестоящим прокурором или судом как прямое нарушение и, соответственно, отменено.

Аналогичная ситуация возникает и при рассмотрении жалоб в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ. Правоприменители выделяют следующие проблемные аспекты: неэффективность межведомственного обжалования, выражающееся в том, что жалобы часто рассматриваются с нарушением сроков, а также в том, что жалобы на действия одного заместителя прокурора часто рассматриваются другим заместителем того же прокурора, что может приводить к предвзятости и отказам; ограничение судебного обжалования, выражающееся в том, что предметом обжалования в суде считается только постановление следователя или дознания (например, об отказе в возбуждении уголовного дела), но не реакция прокурора на его незаконность [6]. В качестве выхода из данной ситуации адвокаты видят в обжаловании не само бездействие прокурора по существу, а его процессуальное нарушение, которое может выражаться в оставлении жалобы заявителя без рассмотрения или не предоставление мотивированного ответа, о чем упоминал и КС РФ в своих определениях.

Также достаточно важным для обжалования моментом является право выявлять нарушения без вынесения решения о проведении проверки. Федеральный закон «О прокуратуре РФ» подобное предусматривает, но при этом указывается, что проверка проводится в том случае, если факт нарушения закона нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения проверки. Иными словами, выявить нарушение без решения о проведении проверки можно, если буквально толковать данную норму, но прямого указания в законе не предусмотрено такого полномочия. М.Н. Мирошник справедливо замечает, что: «представляется верным, что при наличии сведений о нарушении закона, полученных из открытых источников, и при отсутствии необходимости проведения проверки, прокурор вправе принимать меры прокурорского реагирования. Данное положение необходимо закрепить в действующем Законе о прокуратуре» [4, с. 144-145]. В противном случае, данная ситуация может послужить появлению дополнительных поводов для обжалования.

В настоящее время отсутствует единый подход к вопросу о том, в каких ситуациях прокурор обязан выносить специальное решение о проведении проверки, а в каких – нет. Ответ на этот вопрос имеет ключевое значение, поскольку от него зависит законность действий прокурора и результат их последующего обжалования. В отличие от других контролирующих органов, для которых Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» четко устанавливает перечень мероприятий, которые можно осуществлять без проведения проверки, в Законе о прокуратуре аналогичного перечня не содержится.

В качестве ориентира в этой ситуации предлагается использовать правовую позицию Конституционного Суда РФ. Согласно ей, решение о проведении прокурорской проверки необходимо тогда, когда у прокуратуры есть сведения о нарушениях закона, но подтвердить или опровергнуть эти факты невозможно с помощью обычного межведомственного взаимодействия с профильным надзорным органом. Таким образом, проверка является крайней мерой, когда исчерпаны иные способы получения информации.

Повторимся, что данный аспект имеет принципиальное значение и нуждается в конкретизации в федеральном и ведомственном законодательстве для улучшения качества деятельности прокуроров и минимизации потенциальных поводов для обжалования по данным основаниям.

Также достаточно часто прокуратура в период рассмотрения жалобы в суде прибегает к отмене обжалуемого решения ещё до вынесения судебного решения, что также создаёт большие проблемы при обжаловании.

Соответственно, наблюдается проблема в отсутствии единого подхода к процедуре образования. В УПК РФ нет четких пределов обжалования и сроки, в течение которых участники судопроизводства могут обжаловать решения прокурора. Более того, часто на практике неправильно применяются федеральные законы к конкретной ситуации. Если пояснить на примере, то прокуроры рассматривают жалобы на действия (бездействие) органов следствия и дознания не в порядке УПК РФ, а в порядке Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», что создаёт следующую ситуацию: «никаких постановлений об удовлетворении жалобы полностью или в части либо об отказе в удовлетворении жалобы не выносятся, а ответ поступает заявителю не в трехдневный срок с возможностью продления его до десяти дней при обязательном уведомлении об этом заявителя, а в тридцатидневный срок, установленный ч. 1 ст. 12 указанного закона, в форме ответа на обращение» [7].

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что институт обжалования отказа прокурора в удовлетворении жалобы, несмотря на его детальную законодательную регламентацию, характеризуется рядом системных проблем, которые существенно снижают его эффективность и доступность для граждан. Данный вопрос требует дальнейшей проработки правового регулирования в федеральном законодательстве и ведомственных актах.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2025).
2. Приказ Генпрокуратуры России от 30.01.2013 N 45 (ред. от 03.07.2025) «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2025).
3. Матвеева, К.Ю. Решения, выносимые прокурором по жалобам на досудебном производстве / К.Ю. Матвеева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 44 (491). – С. 237-239. – URL: <https://moluch.ru/archive/491/107309> (дата обращения: 20.10.2025).

4. Мирошниченко, М.Н. Особенности рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов прокуратуры Российской Федерации и их должностных лиц / М.Н. Мирошниченко // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 143-146. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_143. – EDN DDCNHS.

5. Порядок оспаривания решений прокурора: Право.ру [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://pravo.ru/ecology/case/255014/> (дата обращения: 20.10.2025).

6. Проблемы обжалования бездействия прокурора: Адвокатская газета [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problems-obzhalovaniya-bezdeystviya-prokurora/> (дата обращения: 20.10.2025).

7. О процессуальных нарушениях, допускаемых прокурором при рассмотрении жалоб, поданных заявителями или их адвокатами в порядке ст. 124 УПК РФ: Адвокатская газета [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/v-dolznom-poryadke/> (дата обращения: 20.10.2025).

Пригарина Олеся Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА

***Аннотация.** Представленное исследование направлено на определение особенностей прокурорского надзора в сфере государственного оборонного заказа. С учетом специфики поднадзорной сферы общественных отношений, авторами определяются механизмы прокурорского надзора, с акцентом на взаимодействие и координацию прокуратуры с иными органами исполнительной власти Российской Федерации. В заключении определяются перспективные направления совершенствования и повышения эффективности прокурорского надзора в сфере государственного оборонного заказа.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, государственный оборонный заказ, оборонная промышленность, взаимодействие, координация, полномочия прокуроров, нарушения.*

Оборонная промышленность является одним из важнейших элементов, способствующих обеспечению национальной безопасности, а также экономическому развитию государства. В современных условиях государственный оборонный заказ приобретает стратегическое значение, что обуславливает необходимость разработки механизмов, призванных обеспечить законность всех этапов его выполнения путем системного надзора и контроля со стороны уполномоченных должностных лиц, в качестве которых в Российской Федерации выступают прокуроры.

Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [3] в статье 21 определяет, что в предмет прокурорского надзора входит деятельность органов исполнительной власти, а также исполнение законов иными субъектами, которые, помимо всего прочего, принимают непосредственное или косвенное участие в государственном оборонном заказе. К числу таких субъектов можно отнести Министерство обороны Российской Федерации, Федеральную антимонопольную службу России и непосредственных исполнителей контрактов.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» регулирует отношения, которые связаны с формированием, размещением и выполнением государственного оборонного заказа в Российской Федерации. В данном законе определены правовые и организационные основы для обеспечения нужд обороны и безопасности страны.

Исходя из предписаний Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» [4] следует, что государственный оборонный заказ предполагает несколько последовательных этапов, за каждым из которых должен осуществляться надзор со стороны органов прокуратуры, начиная от утверждения государственного контракта, заканчивая итоговой приемкой произведенной продукции, в ходе которой могут быть выявлены несоответствия требованиям, изложенным в техническом задании или иные нарушения.

Следует отметить, что Федеральный закон «О государственном оборонном заказе» не конкретизирует полномочий прокуроров в области надзора за данной сферой общественных отношений. Единственное упоминание можно обнаружить только в статье 8.8 документа, которая определяет, что федеральный орган в области обороны обязуется предоставлять доступ к сведениям из единой информационной системы государственного оборонного заказа Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

Полномочия прокуроров в сфере государственного оборонного заказа закреплены в ведомственных подзаконных актах. Примером подобного документа может выступить Приказ Генпрокуратуры России от 2 ноября 2018 года № 723 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса». В соответствии с пунктом 1 данного документа необходимо «важнейшей задачей надзорной деятельности считать обеспечение законности при исполнении законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса, в том числе законодательства о государственном оборонном заказе, своевременное предупреждение нарушений законов и преступных проявлений в названной сфере» [5].

В контексте государственного оборонного заказа надзор должен учитывать специфику соответствующего вида производства, так как любое нарушение может повлечь за собой наступление стратегических последствий, прямо угрожающих национальной безопасности. Именно по этой причине, прокуратура наделяется правом на заявление требований о представлении документов, проведение выездных проверок и внесение протестов, представлений, содержащих указание на необходимость устранения выявленных нарушений, а также имеет право возбуждать производство по административным правонарушениям.

Надлежащая реализация перечисленных полномочий позволяет обеспечить своевременное реагирование на возникающие риски, тем самым минимизировав потенциальный ущерб [8, с. 45].

Среди типичных нарушений, выявляемых в процессе надзора в указанной сфере общественных отношений, выделяют:

- нарушение сроков, в течение которых должны быть исполнены обязательства по государственному контракту;
- нарушение сроков оплаты по контрактам;
- некорректное ведение учетной документации, содержащей сведения о затратах, отсутствие такой документации;
- нецелевое расходование бюджетных средств;
- необоснованное завышение цен на продукцию, работы или услуги;
- ненадлежащее качество произведенной продукции;
- мошенничество, взяточничество, коммерческий подкуп, халатность должностных лиц, служебный подлог в сфере государственного оборонного заказа;
- нарушение процедуры размещения государственного оборонного заказа;
- нарушение регистрационных и учетных процедур, связанных с государственным имуществом [10, с. 145].

Прокуроры обязуются на системной основе анализировать информацию, связанную с государственными оборонными заказами, анализировать содержание контрактов в случае, если имеются какие-либо основания, указывающие на риск нарушений. Кроме того, ключевым механизмом прокурорского надзора признается прокурорская проверка, которая может обладать плановым или неплановым характером, что зависит от конкретных обстоятельств [6, с. 109].

Сущность надзора также находит выражение в его комплексности, так как предполагается охват не только административных, но и технических, а также финансовых аспектов государственного оборонного заказа. В этой связи, особую актуальность приобретают вопросы, связанные с взаимодействием органов прокуратуры и Федеральной антимонопольной службы России, позволяющим обеспечить контроль размещения заказов, проверку конкурсной документации на соответствие предъявляемым законодательством требованиям. Координация деятельности с Министерством обороны России также обладает

высоким значением, так как создает условия для мониторинга хода исполнения заказа, снижая риски коррупционных проявлений, напрямую угрожающих публичным интересам, преследуемым государством [7, с. 159].

Поскольку некоторые нарушения в области государственного оборонного заказа характеризуются повышенным уровнем общественной опасности, прокуроры в процессе своей надзорной деятельности также взаимодействуют с органами предварительного следствия. Так, например, статья 201.1 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет состав преступления, получивший название «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» [1]. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в свою очередь, определяет, что в качестве одного из поводов для возбуждения уголовного дела может рассматриваться «постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании» [2]. Таким образом в случае, если в ходе прокурорской проверки будут обнаружены факты, свидетельствующие о событии преступления в области государственного оборонного заказа, на прокурора возлагаются обязательства по взаимодействию с органами предварительного следствия, преследующего своей целью инициацию уголовного судопроизводства.

Несмотря на высокую роль координации и взаимодействия прокуратуры с иными органами исполнительной власти, нормативно-правовое регулирование данных вопросов характеризуется целым рядом существенных проблем. Если проанализировать ранее упомянутые нормативно-правовые акты, то можно заметить, что во всех них, за исключением УПК РФ, отсутствуют специальные нормы, позволяющие определить механизмы, методы и порядок взаимодействия государственных структур, которое должно осуществляться в рамках прокурорского надзора в области государственного оборонного заказа.

В частности, недостаточная координация деятельности с Министерством обороны России может приводить к дублированию проверок и иных действий, что негативно сказывается на практической реализации принципа единства надзора [9, с. 18]. Кроме того, Федеральный закон «О государственном оборонном заказе», регулируя вопросы, связанные с единой информационной системой государственного оборонного заказа, не определяет возможности получения к ней доступа прокурорами, что может сказываться на эффективности сбора информации, позволяющей определить законность тех или иных действий. Вторая проблема усугубляется в условиях существования первой, так как низкий уровень координации деятельности с Министерством обороны России неизбежно приводит к дефициту информации, что оказывает негативное влияние на эффективность надзора.

В качестве подведения итога вышеизложенному, можно сделать вывод, что с целью совершенствования и повышения эффективности института прокурорского надзора в области государственного оборонного заказа необходимо:

- внести изменения в Федеральный закон «О государственном оборонном заказе», определяющие правовой статус прокуроров, как субъектов, обладающих доступом к информации из единой информационной системы государственного оборонного заказа;
- разработать методику, в соответствии с которой должно осуществляться взаимодействие в сфере государственного оборонного заказа органов прокуратуры с Федеральной антимонопольной службой России и Министерством обороны России;
- определить обязанность субъектов, участвующих в государственном оборонном заказе, по предоставлению прокурорам информации, порядок и сроки ее выполнения;
- рассмотреть возможность разработки мер юридической ответственности контролирующих органов за деяния, выразившиеся в неоказании содействия прокурору, осуществляемому надзор в сфере государственного оборонного заказа.

Список используемых источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
4. О государственном оборонном заказе: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53. – Ст. 7600.
5. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса: Приказ Генпрокуратуры России от 02 ноября 2018 г. № 723 (ред. от 16.07.2024) // Законность. № 1. 2019.
6. Волобуева, В.К., Малин, П.М. Некоторые особенности прокурорского надзора в сфере выполнения государственного оборонного заказа / В.К. Волобуева, П.М. Малин // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 106-5. – С. 108-110.
7. Маликов, С.В., Махьянова, Р.М. Основные направления совершенствования и повышения эффективности тактики надзорной деятельности военного прокурора / С.В. Маликов, Р.М. Махьянова // Военное право. – 2020. – № 2 (60). – С. 157-161.
8. Семенцова, А.А. Прокурорский надзор в сфере государственного оборонного заказа / А.А. Семенцова // Международный научный вестник. – 2022. – № 2. – С. 44-51.
9. Ступаченко, Е.В. Обеспечение законности в сфере оборонно-промышленного комплекса: новые подходы / Е.В. Ступаченко // Законность. – 2024. – № 7 (1077). – С. 17-20.
10. Хаматханов, Х.Б.Б. Прокурорский надзор за исполнением государственного оборонного заказа / Х.Б.Б. Хаматханов // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 98-4. – С. 144-146.

Путилина Валерия Романовна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается трансформация нормативного правового регулирования использования атомной энергии в условиях цифровизации общественных отношений, а также достигнутые изменения в атомной отрасли, связанные с влиянием цифровой революции. Автором проанализированы программные документы в области цифровой трансформации атомной отрасли, а также отмечена недостаточная развитость правовой базы по вопросу обеспечения безопасности атомной отрасли в условиях цифровизации.*

***Ключевые слова:** цифровизация, цифровая трансформация, атомная отрасль, топливно-энергетический комплекс.*

XXI век фактически ознаменовался цифровой революцией. Результатом стремительного развития информационных технологий стала цифровизация практически всех сфер жизнедеятельности. Консерватизм отдельных отраслей государства позволил противостоять столь стремительному внедрению цифровых технологий, однако полностью исключить влияния цифровизации не удастся. Так или иначе, цифровые технологии и инструменты становятся движущей основой развития государственной экономики, способом повышения ее конкурентоспособности на международном уровне.

Модернизация энергетического сектора также представляется важным в связи со следующим: «Российская Федерация, в связи с огромным потенциалом минерально-сырьевой базы, играет важнейшую роль. Страна представляет собой одновременно и производителя, и потребителя абсолютно всех разновидностей энергетических ресурсов. Российская Федерация является одним из лидеров атомной и гидроэнергетики. В экономике Российской Федерации топливно-энергетический комплекс занимает существенное место и играет роль базовой инфраструктуры, основы формирования доходов бюджетной системы Российской Федерации и крупнейшего заказчика для других отраслей» [1, с. 51].

Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» был задан вектор в направлении развития информационного общества и цифровой экономики. Как констатируется в документе, по состоянию на 2015 год в России уже наблюдалось эффективное влияние информационных и коммуникационных технологий на традиционные для государства отрасли экономики [2]. В контексте данного вопроса особенно актуальным является изучение влияния цифровой революции на атомную отрасль, и как следствие, трансформации правового регулирования использования атомной энергии в современных условиях развития.

Характеризуя степень научной разработанности заявленной проблемы, необходимо указать на то, что вопросы трансформации правового регулирования атомной отрасли в условиях цифровизации менее освещены, чем, например, уже ставшие классическими темы цифровизации бизнеса, государственного управления и другие направления. Цифровизация в атомной сфере, и как следствие, трансформация нормативного правового регулирования – это одни из ближайших направлений в данной области. На сегодняшний день те или иные достижения цифровой революции успешно внедрены в сферу использования атомной энергии. Прежде всего, речь идет об автоматизации различных процессов производства и управления, технического обслуживания, мониторинга контроля.

Научные исследования в области цифровой трансформации в сфере атомной отрасли, как показывает исследование, развиваются в двух направлениях. С одной стороны,

анализируется, насколько эффективно цифровизация отразилась в рассматриваемой отрасли. Отмечается улучшение эффективности технических и экономических показателей. Другим, но более негативным проявлением цифровизации, стало усложнение операционного сопровождения, в том числе АЭС, что особенно остро ощущается при возникновении каких-либо нестандартных или внештатных ситуаций [3, с. 30].

Цифровая трансформация общественных отношений в энергетической сфере объяснимо отразилось и на динамике правового регулирования использования атомной энергии. Стало наблюдаться постепенное формирование нормативной базы, в которой затрагиваются отдельные вопросы развития атомной отрасли.

В Распоряжении Правительства РФ от 12.04.2025 № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года», представляющем собой межотраслевую стратегию, базирующуюся на стратегиях и доктринах национальной и энергетической, экономической безопасности, целях национального развития, приводится оценка состояния топливно-энергетического комплекса Российской Федерации, в которой в качестве межотраслевого внутреннего вызова развития отмечается «внедрение цифровых технологий и трансформация бизнес-процессов для повышения конкурентоспособности отраслей топливно-энергетического комплекса»[4].

Кроме того, согласно комментируемому документу, прогнозируются следующие сценарии и перспективы развития энергетического комплекса в целом, и атомной отрасли, в частности: представляется, что к 2050 году как в Российской Федерации, так и на международном уровне существенно поменяется энергетическая политика государства, чему будет способствовать реализация климатической политики. Для обеспечения баланса энергетических и климатических интересов потребуется внедрение и использование низкоуглеродных источников электроэнергии, которыми выступают атомная генерация и гидрогенерация. Цифровизация становится одним из инструментов или ключей для инновационного развития атомной отрасли.

На примере деятельности Госкорпорации «Росатом» необходимо продемонстрировать практику внедрения цифровых технологий. Такая практика, прежде всего, строится на основе реализации собственных программных документов. С 2018 года в корпорации были разработаны несколько версий единой цифровой стратегии (ЕЦС), которые определяют цифровое развитие по трем основным направлениям. Первое направление – это участие в общей цифровой трансформации, которая происходит в самом государстве. Второе направление – разработка собственных цифровых продуктов. И третье направление – внутренняя цифровизация.

По нашему мнению, в настоящее время государством на нормативном уровне недостаточно учтены вопросы обеспечения безопасности в атомной отрасли ввиду внедрения цифровых технологий. Информационные технологии и компьютеризация требуют применения повышенных мер безопасности в целях предупреждения и противодействия возможным компьютерным атакам на цифровые ресурсы атомной отрасли. Принятие стратегии в области обеспечения атомной безопасности Российской Федерации может стать дополнением к тем стратегическим документам, которые уже разработаны и реализуются в государстве.

Таким образом, растущие качественные изменения в общественных отношениях требуют соответствующего нормативного правового регулирования. Темпы развития правового регулирования атомной отрасли в условиях цифровизации на сегодняшний день недостаточно высокие. Приведенные выше нормативные правовые акты отражают, что в условиях цифровизации внимание государства в большей степени сфокусировано на общих вопросах развития общественных отношений, нежели на отдельных аспектах или в отдельных сферах.

Список используемых источников:

1. Быкова А.В. Трансформация энергетического сектора российской федерации в эпоху цифровой экономики //Экономика устойчивого развития. 2021. № 3 (47). С. 49-53.

2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 27.10.2025)

3. Лизикова М.С. Вопросы трансформации нормативно-правового регулирования в области использования атомной энергии в условиях цифровизации // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 4. С. 28-33.

4. Распоряжении Правительства РФ от 12.04.2025 № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 27.10.2025).

Романенко Виталина Николаевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Алейникова Валерия Андреевна,
ассистент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

***Аннотация.** Статья посвящена комплексному анализу проблем интеграции цифровых доказательств в уголовное судопроизводство. Рассматривается противоречие между технологическим прогрессом и нормативной базой, исторически ориентированной на традиционные виды доказательств. Исследуются подходы к определению правовой природы цифровых доказательств. Особое внимание уделяется специфике оценки цифровых доказательств по критериям относимости, допустимости и достоверности, выявляются системные проблемы их процессуального оформления и исследования.*

***Ключевые слова:** цифровые доказательства, уголовный процесс, доказывание, оценка доказательств, допустимость доказательств, уголовно-процессуальное право.*

Активное проникновение цифровых технологий во все сферы общественной жизни привело к формированию новой реальности, в которой противоправная деятельность все чаще осуществляется с использованием цифровых технологий. Это закономерно обусловило рост значимости цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве. К их числу относятся, например, данные, полученные из компьютеров, мобильных устройств, серверов, облачных хранилищ, систем видеонаблюдения и иных источников цифровой информации, которые могут быть использованы для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Однако интеграция этих данных в систему традиционного уголовно-процессуального доказывания сталкивается с комплексом системных проблем. Уголовно-процессуальное законодательство, исторически ориентированное на вещественные доказательства и документы на бумажных носителях, демонстрирует значительное отставание от технологических реалий.

Существующая на данный момент проблема отсутствия определения понятия цифровых доказательств в законодательстве является предметом довольно активных научных дискуссий. Д.В. Замула отмечает, что «в настоящее время ни в одном нормативно-правовом акте не содержится понятие «электронное доказательство», а также нет законодательного закрепления того, какими признаками должно обладать такое доказательство для того, чтобы суд признал его допустимым и разрешил его использование в судебном процессе». В современной доктрине уголовного процесса наблюдаются несколько разных подходов к данному вопросу, они отражают фундаментальное расхождение во взглядах на природу цифровых доказательств.

Сторонники законодательной фиксации определения цифровых доказательств обосновывают свою позицию уникальными характеристиками цифровых данных, которые требуют специального правового регулирования. Они указывают на производный характер цифровых следов, их зависимость от программно-аппаратных комплексов, а также на

повышенные риски утраты доказательственной ценности при несоблюдении специальных процедур работы с ними [2].

Оппоненты данной позиции утверждают, что введение новой доказательственной категории является избыточным. Их аргументация строится на универсальности существующих правил доказывания и возможности применения их к электронным видам доказательств. С их точки зрения, ключевая проблема заключается не в отсутствии термина, а в необходимости разработки современных методик исследования и оценки цифровых данных в рамках действующего процессуального закона [2].

Легальное определение доказательства, сформулированное как любые сведения, характеризуется абстрактным характером и не содержит указания на их конкретные свойства и формы закрепления. Подобный законодательный подход позволяет заключить, что фиксация исчерпывающего перечня признаков доказательства в уголовно-процессуальном законе не является объективной необходимостью. Данный вывод дополнительно обосновывается стремительным развитием цифровых технологий, которое порождает новые формы информационных процессов. В этой связи попытка нормативной регламентации всех потенциально возможных свойств и признаков подобных носителей информации для целей уголовного судопроизводства представляется несостоятельной и практически нереализуемой.

В российском уголовном судопроизводстве оценка доказательств осуществляется на основании норм Уголовно-процессуального кодекса. Согласно статье 88 УПК РФ: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности» [3].

Специфика оценки цифровых доказательств заключается в их отличительных характеристиках, к числу которых относятся: цифровая природа, копируемость без потери качества, зависимость от программно-аппаратных комплексов, а также уязвимость к изменениям при несоблюдении специальных процедур обеспечения целостности [4].

В современной доктрине уголовного процесса относимость доказательств традиционно понимается, как их способность устанавливать обстоятельства, имеющие значение для дела. Однако применительно к цифровым доказательствам этот классический признак приобретает специфические черты, порождающие комплекс теоретических и практических проблем.

Фундаментальное отличие заключается в том, что установление относимости электронной информации невозможно без ее технического воспроизведения и анализа данных. В отличие от вещественных доказательств, чья связь с событием преступления может быть установлена через их физические свойства, цифровые данные требуют специальных процедур. Это создает ситуацию, в которой **чтобы оценить, относится ли цифровое доказательство к делу, его сначала необходимо технически обработать и проанализировать. Без этого любой юридический вывод просто невозможен.**

Одной из проблем оценки цифровых доказательств выступает определение их законности и допустимости. Воронин М.И. отмечает, что «на сегодняшний день производимая субъектами доказывания оценка допустимости электронных (цифровых) доказательств достаточно примитивна и во многом произвольна. Это обусловлено прежде всего отсутствием системного нормативно-правового регулирования отношений, связанных с собиранием, проверкой и оценкой электронных (цифровых) доказательств, равно как и с отсутствием в законе определения понятия «электронное (цифровое) доказательство» [4].

Нормы уголовно-процессуального права устанавливают строгий порядок собирания, фиксации и приобщения к материалам дела доказательств. Нарушение этих процедур, даже в условиях объективной сложности работы с электронными данными, влечет за собой признание таких сведений недопустимыми. Электронные доказательства могут быть использованы в процессе доказывания по уголовному делу при условии их получения в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, регламентирующими те следственные действия, в результате производства которых данные сведения становятся достоянием субъекта расследования

Особую остроту данной проблеме придает противоречие между необходимостью доказывания и гарантиями неприкосновенности частной жизни, закрепленными в статье 23

Конституции Российской Федерации. Операции, направленные на извлечение цифровой информации, такие как просмотр личной переписки или извлечение данных с электронных устройств, по своей правовой природе представляют собой вмешательство в частную жизнь личности. Сложившаяся правоприменительная практика демонстрирует наличие системной проблемы, связанной с обеспечением баланса между интересами следствия и защитой конституционных прав личности. В качестве показательного примера можно привести случаи несанкционированного доступа сотрудников правоохранительных органов к личной переписке граждан в социальных сетях. Подобные действия, формально мотивированные целями раскрытия преступлений, приводят к нарушению фундаментальных правовых принципов.

Не менее значимой проблемой оценки цифровых доказательств является установление и проверка их достоверности. Электронные доказательства должны быть сформированы в результате корректной работы, как аппаратных средств, так и программного обеспечения. В отличие от материальных объектов, которые обладают устойчивыми физическими свойствами, цифровые данные характеризуются высокой степенью подвижности и могут быть целенаправленно изменены, подвергнуты фальсификации или полностью уничтожены без видимых следов. Эта специфика кардинально усложняет процедуру установления их достоверности для следственных органов и суда [5].

Наглядной иллюстрацией данной проблемы служит экспертиза аудио и видеоматериалов. Современное программное обеспечение позволяет осуществлять высокоточное редактирование таких файлов, вплоть до изменения смыслового содержания записи. В этой связи в судебной практике регулярно возникает дискуссия о методологии подтверждения того, что представленный электронный носитель сохранил свою первоначальную целостность и не подвергался манипуляциям после его изъятия.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что интеграция цифровых доказательств в систему уголовно-процессуального доказывания сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем, носящих системный характер. Технологический прогресс опередил развитие уголовно-процессуального законодательства, что обусловило возникновение существенных противоречий между традиционными институтами доказывания и спецификой цифровой информации.

Перспективы решения обозначенных проблем заключаются в комплексном подходе, включающем совершенствование регламентов работы с цифровыми доказательствами, развитие специальных компетенций участников уголовного судопроизводства, внедрение стандартизированных протоколов обеспечения целостности цифровой информации и формирование единообразной судебной практики оценки цифровых доказательств. Только такой многоуровневый подход позволит эффективно интегрировать цифровые доказательства в систему уголовного судопроизводства, обеспечив при этом соблюдение баланса между интересами правосудия и защитой прав личности.

Список используемых источников:

1. Замула Д.В. Понятие электронных доказательств / Д.В. Замула // Вестник современных исследований. – 2018. – № 8. – С. 189–191.
2. Балашова А.А. К вопросу о понятии «Электронное доказательство»/ А.А. Балашова // Закон и право. – 2018. – №6. – С. 120-122.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 1. – Ст. 1.
4. Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств / М.И. Воронин // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 8. – С. 118–128.
5. Желева О.В. К вопросу о понятии электронных доказательств и критериях допустимости их использования / О.В. Желева // Уголовная юстиция. – 2021. – № 17. – С. 44–49.

Сагрунян Давид Варганович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Боев Дмитрий Вячеславович,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРАВОВЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются правовые полномочия адвоката как защитника в уголовном процессе Российской Федерации. Анализируются нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, закрепляющие права и обязанности адвоката на различных стадиях уголовного судопроизводства. Особое внимание уделяется вопросам реализации права на защиту, конфиденциальности общения с подозреваемым и эффективности участия защитника в процессе.*

***Ключевые слова:** адвокат, защитник, уголовный процесс, правовые полномочия, УПК РФ, право на защиту, конфиденциальность.*

Уголовный процесс в демократическом государстве не может строиться исключительно на принципе преследования. Он должен быть сбалансированной системой, в которой интересы государства по установлению истины и наказанию виновного уравниваются правами личности на защиту, презумпцию невиновности и справедливое разбирательство. Именно адвокат, выступая в роли защитника, обеспечивает этот баланс. Его участие – не формальность, а необходимое условие законности и справедливости.

Право на защиту закреплено на конституционном уровне (ст. 48 Конституции РФ) [1] и детализировано в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Однако, несмотря на развитую нормативную базу, на практике защитник нередко сталкивается с сопротивлением со стороны правоохранительных органов, бюрократическими барьерами и даже прямым игнорированием его прав.

Согласно части 1 статьи 48 Конституции РФ, каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи [1]. В уголовном судопроизводстве эта помощь, как правило, оказывается именно адвокатом. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) в статье 49 прямо указывает, что защитником по уголовному делу может быть только лицо, имеющее статус адвоката [2]. Исключение допускается лишь на стадии предварительного расследования, когда в качестве защитника может выступать близкий родственник подозреваемого или обвиняемого – но только при условии, что сам подзащитный ходатайствует об этом и орган дознания или следователь не откажет в удовлетворении такого ходатайства.

Такой подход подчёркивает особую роль адвоката как профессионала, прошедшего специальную подготовку, сдавшего квалификационный экзамен и вступившего в адвокатскую палату. Он несёт не только процессуальную, но и этическую ответственность, что делает его участие в деле не просто желательным, а необходимым для обеспечения реальной защиты.

Важно отметить, что право на защиту возникает с момента задержания, предъявления обвинения или иного ограничения свободы. Это означает, что адвокат должен быть допущен к делу на самых ранних этапах уголовного преследования – именно тогда, когда формируются доказательства и принимаются ключевые решения (например, об избрании меры пресечения).

Глава 13 УПК РФ (статьи 49–54) детально регулирует права защитника [2]. С момента допуска к участию в деле адвокат наделяется следующими полномочиями:

- участие в следственных и иных процессуальных действиях;
- знакомство с материалами уголовного дела;
- изготовление выписок и копий документов;
- представление доказательств;
- заявление ходатайств и отводов;
- участие в судебных прениях;
- обжалование процессуальных решений.

Эти права носят диспозитивный характер – защитник вправе использовать их по своему усмотрению, исходя из интересов подзащитного. Однако на практике реализация этих полномочий часто затруднена.

Например, при ознакомлении с материалами дела следователи могут искусственно затягивать сроки, ссылаясь на «технические сложности» или «незавершённость расследования» [4]. В некоторых случаях адвокату не разрешают делать фотографии или сканировать документы, ссылаясь на внутренние инструкции, хотя УПК РФ прямо разрешает «снимать копии любым технически допустимым способом» (ч. 3 ст. 53 УПК РФ).

Аналогичные проблемы возникают при участии в следственных действиях. Нередки случаи, когда следователь проводит допрос или обыск без уведомления защитника, ссылаясь на «срочность» или «необходимость сохранения тайны следствия». Между тем, Конституционный Суд РФ неоднократно подчёркивал, что отсутствие защитника при производстве следственных действий, затрагивающих права подозреваемого, влечёт признание таких доказательств недопустимыми (Постановление от 27.06.2017 № 19-П) [4].

Одним из фундаментальных прав защитника является право на конфиденциальное общение с подозреваемым или обвиняемым. Часть 4 статьи 49 УПК РФ устанавливает, что свидания проводятся наедине, без ограничения по количеству и продолжительности, и без прослушивания.

Однако в реальности эта норма систематически нарушается. В следственных изоляторах и временных изоляторах (ИВС) свидания часто проходят:

- через стекло с использованием телефона;
- под видеонаблюдением;
- в присутствии сотрудника учреждения;
- с ограничением времени до 15–30 минут.

Такие условия делают невозможным обсуждение стратегии защиты, передачу документов или даже простое доверительное общение. Это напрямую нарушает УПК РФ.

Европейский Суд по правам человека в ряде решений (например, по делу *«Салахов и другие против России»*, 2013) [5] указал, что любое вмешательство в конфиденциальность общения адвоката с клиентом требует строгого обоснования и пропорциональности, чего в российской практике, как правило, нет.

Статья 86 УПК РФ наделяет защитника правом собирать доказательства: опрашивать лиц с их согласия, запрашивать документы у государственных органов, ходатайствовать о назначении экспертиз. На бумаге это создаёт иллюзию равенства сторон. Однако на практике защита сталкивается с серьёзными ограничениями.

Государственные учреждения часто игнорируют запросы адвоката или отвечают спустя месяцы. Следователи отказывают в назначении экспертиз, ссылаясь на «отсутствие необходимости», в то время как аналогичные ходатайства со стороны обвинения удовлетворяются оперативно [4]. Свидетели, опрошенные защитой, могут подвергаться давлению или даже привлекаться к ответственности за «дачу ложных показаний» – что создаёт атмосферу страха и снижает готовность сотрудничать с защитой.

Всё это приводит к тому, что инициатива в сборе доказательств остаётся преимущественно за обвинением, что противоречит принципу состязательности (ст. 15 УПК РФ) и подрывает саму идею равноправия сторон [5].

Вместе с правами адвокат несёт и процессуальные обязанности. Он обязан:

1. действовать добросовестно и в интересах доверителя;
2. соблюдать нормы профессиональной этики;
3. хранить адвокатскую тайну (ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ») [4];
4. не злоупотреблять своими правами.

Нарушение этих обязанностей влечёт дисциплинарную ответственность: предупреждение, замечание или даже исключение из коллегии адвокатов. Однако важно подчеркнуть: адвокат не обязан доказывать невиновность подзащитного. Его задача – обеспечить соблюдение процессуальных прав и создать условия для всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела.

Таким образом, правовой статус адвоката в уголовном процессе – это не просто совокупность формальных полномочий, а реальный механизм защиты прав личности от произвола и ошибок правоохранительных органов. Однако для того чтобы этот механизм работал эффективно, необходимо устранить разрыв между нормой и практикой.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1993. – № 52. – Ст. 5299 – <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item> .
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921 – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 // Бюллетень международных договоров. – 2018. – № 3. – С. 3–20 – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/
4. Гуляев В.М. Уголовный процесс: учебник для вузов. – М.: Проспект, 2022. –512 с.
5. Комментарий к УПК РФ / Под ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2021. – 608 с.

Самойлова Анастасия Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Першина Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ СУДЬИ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

***Аннотация.** В статье исследуется феномен внутреннего убеждения судьи как ключевого элемента принципа свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве. Анализируются правовые основы института внутреннего убеждения через призму ст. 17 УПК РФ, рассматриваются психологические механизмы его формирования и связанные с ними риски. Особое внимание уделяется проблеме баланса между субъективной природой убеждения и требованиями объективности правосудия. На основе анализа научных позиций и норм законодательства предлагаются пути совершенствования правового регулирования и практики применения данного института.*

***Ключевые слова:** внутреннее убеждение судьи, свобода оценки доказательств, УПК РФ, психология судебной деятельности, правосознание.*

Принцип свободы оценки доказательств, закрепленный в ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), представляет собой одну из фундаментальных основ уголовного судопроизводства, обеспечивающую его состязательность и независимость судебной власти. Данная норма предоставляет судье право оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Внутреннее убеждение судьи – это сложный, многогранный феномен, находящийся на стыке права, психологии и этики, что обуславливает его непрерывающуюся научную дискуссию и практическую значимость.

С формально-юридической точки зрения, внутреннее убеждение судьи является не просто правом, но и профессиональной обязанностью, вытекающей из его процессуального статуса. Анализ ст. 17 УПК РФ позволяет выделить ключевые правовые параметры этого института. Во-первых, убеждение должно быть основано на совокупности доказательств. Это требование коррелирует с принципом всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, который, хотя и не выделен в современном УПК РФ в отдельную статью, как это было в УПК РСФСР, «растворился» в содержании других норм [10, с. 12]. Он неочевидно присутствует в ст. 294 УПК РФ, возлагающей на суд обязанность по созданию условий для всестороннего и полного исследования доказательств, и в требованиях к приговору (ст. 297 УПК РФ). Во-вторых, законодатель прямо указывает на два ориентира для формирующегося убеждения: закон и совесть. Если с законом все более или менее ясно – это вся совокупность материальных и процессуальных норм, то категория «совесть» носит оценочный, морально-этический характер, что порождает вопросы о ее правовом содержании и функциональной нагрузке.

Представляется, что существующая редакция ст. 17 УПК РФ является неполной. Как справедливо отмечает О.Е. Яцишина, доказательство не может оцениваться при помощи

самого себя, основанием оценки должны выступать иные категории. В качестве способа устранения этого логического несоответствия ей предлагается редакция ч. 1 ст. 17 УПК РФ, включающая наряду с законом и совестью также правосознание [10, с. 7]. С этой позицией трудно не согласиться. Правосознание судьи, понимаемое как система взглядов, идей и чувств, отражающих отношение к праву и практике его применения, выступает тем интеллектуальным фильтром, через который пропускаются все доказательства. Именно правосознание позволяет судье понимать «дух закона», применять аналогию, восполнять пробелы и интерпретировать оценочные понятия, такие как «добросовестность», «разумный срок» или «существенный вред». Таким образом, представляется целесообразным законодательное закрепление триады «закон – правосознание – совесть» в качестве основы формирования внутреннего убеждения.

Психологическая составляющая внутреннего убеждения делает его уязвимым для субъективных влияний, что составляет основную проблему его применения. Как верно подметил еще В.К. Случевский, «субъективизм – только один из элементов судейского убеждения, но не единственное его основание» [4, с. 123]. Психологический процесс формирования убеждения включает несколько стадий: от восприятия информации и ее логической обработки до формирования эмоционально-волевого состояния уверенности. Г.П. Химичева и В.Н. Григорьев определяют это состояние как уверенность в достаточности и достоверности доказательств для безошибочного вывода о виновности [8, с. 150]. Однако, как показывает практика, это состояние может быть подвержено когнитивным искажениям. Например, судья, изучая обвинительное заключение до суда, невольно формирует предварительную гипотезу, что может привести к эффекту «предсуждения», когда последующий судебный процесс воспринимается не как самостоятельное исследование, а как проверка уже сложившегося впечатления [7]. Это напрямую противоречит принципу презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) и требует от судьи высочайшего уровня самоконтроля и рефлексии.

Яркой иллюстрацией психологической сложности процесса является теория французского следователя Жана Габриэля Тарда, который считал, что судья выносит решение тогда, когда его ум устает сомневаться [7]. Эта метафора точно описывает точку бифуркации, когда накопленная информационная и эмоциональная нагрузка приводит к принятию решения, которое уже не может быть отложено. В контексте российской судебной системы, где нагрузка на судей крайне высока, этот психологический феномен приобретает особую актуальность и требует создания процессуальных гарантий, позволяющих минимизировать его негативное влияние.

Практическим полем для столкновения правовых и психологических аспектов внутреннего убеждения является оценка достаточности доказательств для постановления обвинительного приговора. Согласно ч. 4 ст. 302 УПК РФ, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что виновность подсудимого подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. Это положение является конкретизацией принципа презумпции невиновности. А.А. Сеницын справедливо акцентирует внимание на том, что суду необходимо обосновывать не только виновность, но и все иные значимые обстоятельства, входящие в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ) [3]. Например, при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ) суд должен обладать убежденностью в наличии конкретных оснований, предусмотренных уголовным законом (например, истечение сроков давности – ст. 78 УК РФ, или амнистия – ст. 84 УК РФ). Внутреннее убеждение здесь должно быть определено в мотивировочной части приговора через анализ доказательств, подтверждающих эти юридические факты.

Разделяется позиция П.Н. Шабанова, который рассматривает внутреннее убеждение как систему взаимосвязанных элементов: знаний, процесса познания, осознания независимости, эмоционального состояния, волевого стимула и внешней аргументированности [9, с. 132]. В этой системе ключевую роль играет последний элемент – внешняя аргументированность, нашедшая свое отражение в требовании мотивированности судебных

решений (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Именно в мотивировочной части приговора или иного решения внутреннее, субъективное убеждение судьи проходит проверку на логику, последовательность и соответствие закону. Мотивировка является тем мостом, который соединяет внутренний мир судейского убеждения с внешним миром правовой реальности, обеспечивая контроль со стороны вышестоящих судов и общества в целом.

В качестве еще одной гарантии от произвола выступает правило о недопустимости оценки доказательств по их формальным признакам. Ч. 2 ст. 17 УПК РФ гласит, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Это означает, например, что признание обвиняемым своей вины, даже если оно было получено в порядке гл. 40 УПК РФ (особый порядок), является лишь одним из доказательств и должно оцениваться в совокупности со всеми другими. На практике же, как отмечает М.И. Казарина, в особом порядке такое признание становится доминирующим доказательством, что создает риски формального подхода [8].

В конечном счете можно сделать вывод о том, что внутреннее убеждение судьи – это сложный механизм, который включает в себя многоуровневую структуру: от свободы принятия решения до ограничений, установленных моралью и законом. Для обеспечения эффективности и максимальной справедливости данного механизма представляется необходимым реализовать следующие ключевые меры. В первую очередь, требуется законодательное закрепление в статье 17 УПК РФ категории «правосознание», что позволит судьям осуществлять оценку доказательств с учетом не только формальных предписаний закона, но и фундаментальных принципов справедливости. Во-вторых, существенное значение имеет повышение роли мотивировочной части судебных решений, которая должна стать основным средством объективации внутреннего убеждения судьи, причем данное требование должно быть унифицировано для всех видов судебных актов в целях обеспечения действенного контроля за процессом правоприменения. Наконец, особого внимания заслуживает необходимость постоянного совершенствования профессиональной культуры судей, что будет способствовать минимизации влияния субъективных аспектов на процедуру оценки доказательств по рассматриваемым делам. Только при соблюдении всего вышеперечисленного внутреннее убеждение судьи сможет выполнить свою главную роль – служить не инструментом произвола, а надежным средством для вынесения справедливых и законных решений.

Список используемых источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Балабаева, А.Д. Внутреннее убеждение судьи: может ли субъективное стать объективным? / А.Д. Балабаева // Конференция «Ломоносов 2020». Секция «Уголовный процесс». – 2020.
4. Казарина, М.И. Свобода оценки доказательств судьей по уголовному делу / М.И. Казарина // Электронная библиотека eLibrary. – 2019.
5. Сеницын, А.А. Оценка достаточности доказательств судом при постановлении обвинительных приговоров / А.А. Сеницын // Закон и право. – 2020. – № 11. – С. 149–152.
6. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство / В.К. Случевский. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1910. – 448 с.
7. Тард, Г. Преступник и толпа / Г. Тард ; пер. с фр. – Москва : Алгоритм, 2016. – 316 с.
8. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Г.П. Химичевой, В.Н. Григорьева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: [б. и.], 2001. – 382 с.
9. Шабанов, П.Н. Внутреннее убеждение судьи / П.Н. Шабанов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 2. – С. 129–138.
10. Яцишина, О.Е. Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.Е. Яцишина. – Челябинск, 2004. – 24 с.

Семикопенко Дарья Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Васильев Александр Юрьевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТЫ ЖИВОТНОГО МИРА

***Аннотация.** В статье исследуются теоретические и практические аспекты права государственной собственности на объекты животного мира в Российской Федерации. Авторами анализируется юридическая природа права государственной собственности на диких животных, пребывающих в состоянии естественной свободы. Центральное место в работе занимает характеристика специфики осуществления правомочий владения, пользования и распоряжения в отношении фаунистических ресурсов. По результатам проведенного исследования формулируется вывод о целесообразности признания объектов животного мира бесхозяйным имуществом, в отношении которого Российская Федерация реализует публично-правовые полномочия, направленные на охрану национального достояния.*

***Ключевые слова:** объекты животного мира, право собственности, охрана природы, публичные интересы, правовое регулирование, государственная собственность.*

В современной правовой доктрине наблюдается повышенный научный интерес к вопросам права собственности на природные ресурсы. Вместе с тем, как в науке, так и в нормативных правовых актах отсутствует консенсус относительно их разрешения, что указывает на отсутствие унифицированной концепции, базирующейся на конституционных началах. Остаются недостаточно изученными аспекты реализации государством правомочий собственника в отношении природных ресурсов, в особенности диких животных.

Базовым нормативным правовым актом, который регулирует отношения в сфере использования и охраны объектов животного мира, является Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире». Статья 1 закона закрепляет легальное определение животного мира: «животный мир – совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации». Данная статья закрепляет и понятие объекта животного мира – это «организм животного происхождения (дикое животное)» [1].

В качестве объекта права собственности дикие животные характеризуются рядом уникальных признаков:

Во-первых, это принадлежность дикой фауне. Дикие животные в естественной среде обитания, не зависят от человека в вопросах содержания, не являются одомашненными. Такой статус определяет их особое правовое положение, отличающееся от положения домашних животных, и предопределяет применение к ним специальных норм.

Во-вторых, необходимым элементом правового режима является определение территории, на которой находится дикое животное. В ст. 4 Федерального закона «О животном мире» указано, что животный мир в пределах территории Российской Федерации представляет собой государственную собственность

В-третьих, правовой режим объектов животного мира характеризуется таким признаком, как непотребляемость. Это проявляется в том, что гибель или миграция отдельных диких животных не влечет прекращения существования их как объекта собственности и охраны. Вместе с тем, указанная характеристика применима исключительно к совокупности животных (популяциям, видам), находящихся в состоянии естественной свободы.

В противоположность этому следует отметить, что отдельная особь обладает свойством потребляемости. Правовая природа данного свойства обусловлена следующими факторами:

1) изъятие (добыча) особи из природной среды обитания автоматически прекращает её правовой статус объекта животного мира как компонента природной среды;

2) основные виды разрешённого использования диких животных – охота и рыболовство – по своей сути представляют собой деятельность, направленную на их безвозвратное изъятие и потребление.

Как отмечалось выше, в соответствии с действующим законодательством животный мир в границах Российской Федерации отнесён к государственной собственности. Вместе с тем, правовая квалификация объектов животного мира в качестве объекта права собственности вызывает в юридической доктрине дискуссии. Значительная часть исследователей указывает на то, что законодательное закрепление данной конструкции недостаточно аргументировано. Для правового анализа данной проблемы целесообразно обратиться к историческому аспекту.

В римском праве основанием возникновения права собственности на диких животных являлась оккупация (оскупация), под которой понимался захват вещи с намерением её удержания. Применение оккупации гарантировало оккупанту возникновение права собственности на захваченный объект, что подтверждается принципом, закрепленным в законах Двенадцати таблиц – *res nullius cedit primo occupanti* – ничейная вещь поступает в собственность первого, овладевшего ею. В данном случае использование института оккупации было возможным ввиду того, что животные признавались в качестве бесхозяйственных вещей [2].

В царский период России некоторые правоведы признавали диких животных в качестве бесхозных вещей, и для возникновения права собственности также применялся институт оккупации.

Так, Г.Ф. Шершеневич указывал, что диких животных вполне допустимо относить к бесхозным вещам, для свободного завладения которыми государство ставит препятствие в виде ограничения на охоту. В обоснование этого подхода учёный подчёркивал, что дикие животные, в силу своей природной сущности, не могут иметь собственника и быть подчинёнными человеческому господству в полной мере. Риторический вопрос, поставленный Шершеневичем: «Не смешно ли говорить о праве собственности на скрывающуюся в густом лесу рысь или на парящего в воздухе орла?» – наглядно иллюстрирует его скептическое отношение к применению института права собственности к данным объектам [3].

В законодательной системе СССР правовой статус фаунистических ресурсов как объектов права собственности имел специфическое регулирование, обусловленное их природными характеристиками. Законодатель проводил разграничение между дикими животными, пребывающими в условиях естественной среды обитания, и животными сельскохозяйственного назначения, содержащимися в искусственно созданной среде. Правовое основание для данного регулирования было закреплено в ст. 3 Закона СССР от 25.06.1980 № 2355-X, в соответствии с которым весь животный мир провозглашался

достоянием государства, то есть собственностью всего советского общества. Упомянутым нормативным актом устанавливался прямой запрет на любые деяния, которые могли повлечь за собой нарушение государственной монополии на владение данными ресурсами, независимо от формы их осуществления [4].

Следующим аспектом, требующим рассмотрения, является правовая природа взаимосвязи между Российской Федерацией и объектами животного мира.

Анализируя законодательство, в том числе статью 35 Конституции и статью 209 Гражданского кодекса, необходимо отметить, что само право собственности состоит из триады таких правомочий, как: владение, пользование, распоряжение [5 и 6].

1. Владение – является фундаментальным, первичным правомочием, без которого, как правило, не могут быть реализованы два других. Это юридически обеспеченная возможность иметь имущество у себя, фактически господствовать над ним.

Владение является легитимным правом, т.е. оно основано на праве собственности, которое является абсолютным и первоначальным титулом. Собственник может требовать от всех третьих лиц воздерживаться от нарушения его правомочия владения. Правомочие владения законодательно не ограничено ни сроком, ни условиями (если иное не установлено законом).

Мнение некоторых правоведов насчет наличия у государства права владения объектами животного мира, следующее: Т.Е. Абова и А.Ю. Кабалкин заключают, что одним из ключевых признаков права собственности является невозможность выхода объекта из владения собственника против его воли, за исключением прямо предусмотренных законом случаев. Применительно к объектам животного мира данное условие не всегда соблюдается, поскольку отдельные виды диких животных могут беспрепятственно перемещаться через государственную границу. Вместе с тем, указанные учёные признают, что дикие животные могут приобретать правовой режим объектов права собственности, однако лишь при условии их изъятия из состояния естественной свободы. Однако здесь их статус трансформируется: будучи изъятными из естественной среды, они обретают свойства имущественного объекта, что выводит их из-под преобладающего влияния экологического законодательства и подчиняет нормам гражданского права [7].

2. Пользование – юридически обеспеченная возможность извлекать из имущества его полезные свойства. Если владение создает физическую основу для взаимодействия с вещью, а распоряжение определяет ее юридическую судьбу, то пользование реализует главную экономическую функцию собственности. В этой связи З.А. Ахметьянова отмечает: «Правомочие пользования означает возможность не только непосредственного потребления, но и использования имущества для производственной деятельности, пользования его плодами, доходами и т.п.» [8].

Фактически, государство не может извлекать те или иные полезные свойства от диких животных, так как они находятся в состоянии естественной свободы. Это утверждение находит свое отражение в статье 1 Федерального закона «О животном мире», где закреплено, что под использованием животным миром понимается осуществляемая деятельность субъектов (граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц), суть которой заключается в целенаправленном использовании объектов животного мира.

Таким образом, Российская Федерация как собственник не реализует правомочие пользования объектами животного мира непосредственно, ограничиваясь регулирующей функцией, а также предоставлением соответствующего права иным субъектам в рамках лицензионной системы.

3. Распоряжение – юридически обеспеченная возможность определять дальнейшую судьбу имущества. Если владение и пользование связаны с извлечением полезных свойств из вещи в процессе ее эксплуатации, то распоряжение направлено на изменение ее правового статуса (принадлежности, обременения).

Так, А.В. Бакунов и И.В. Сазанова отмечают: «В результате распоряжения собственник может временно передать часть своих правомочий (в аренду, доверительное управление и т. д.), оставаясь при этом собственником, либо прекратить право собственности на вещь» [9].

Государство, будучи собственником объектами животного мира, не может распоряжаться конкретными дикими животными, поскольку они не находятся в его

фактическом владении, и их будущая принадлежность неизвестна. Вместо прямого отчуждения объекта, государство в лице правотворческих органов предоставляет право на его присвоение, по сути, снимая режим охраны в отношении потенциальной добычи (выдача лицензий на охоту, рыболовство).

Также необходимо отметить, что ряд ученых высказывают мнение о том, что к объектам животного мира не может быть применен институт права собственности, независимо от того, какой субъект выступает их собственником, будь то государство, юридические лица или граждане.

Как подчёркивает профессор Е.А. Суханов, природные ресурсы, в силу своего естественного происхождения, не созданы трудом человека, в связи с чем, исходя из принципов справедливости, не могут быть обращены в частную или иную форму собственности. Учёный-цивилист обосновывает, что правовое регулирование в сфере недр, водных объектов и животного мира базируется на их конституционно-правовом статусе, определяемом как «неотъемлемое достояние народов, проживающих на соответствующей территории» [10].

Представленную точку зрения поддерживает и М. Б. Егорова: «По сути общественного достояния природных ресурсов, они не должны быть ни в какой собственности вообще, так как они не являются результатами труда, а созданы природой» [11].

Таким образом, изучение вопроса, касающегося проблемных аспектов права государственной собственности на объекты животного мира имеет важное практическое значение.

Анализ законодательного регулирования в сфере охраны и использования животного мира, а также доктринальных позиций позволяет сформулировать следующие выводы:

- с формально-догматической позиции квалификация права государственной собственности в отношении диких животных является юридически некорректной;
- закрепление в законодательстве государственной собственности на объекты животного мира, пребывающие в состоянии естественной свободы, представляет собой правовую фикцию, лишённую реального юридического содержания;
- особой логичностью отличается правовая конструкция, при которой объекты животного мира признаются бесхозными, а государство, не становясь их собственником в правом понимании, выполняет в отношении их особые функции управления и охраны как в отношении национального достояния.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон Российской Федерации «О животном мире» от 24.04.1995 № 52-ФЗ // Российская газета. – 1995 г. – № 6.
2. Новицкий И.Б., Перетерский И.С., Краснокутский В.А. и др. Римское частное право: учебник. – М.: Юрист, 2004. – 787 с.
3. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права, 1 том. – Тула: Автограф, 2001. – 254 с.
4. Закон СССР «Об охране и использовании животного мира» от 25.06.1980 № 2355-X // Известия. – 1980 г. – № 325.
5. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Российская газета. – 1993 г. – № 1
6. Федеральный закон Российской Федерации «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994 г. – № 5.
7. Абова Т.Е., Кабалкин А.Ю. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. В 2-х томах. Том 1. Части 1–2 ГК РФ. – 5 изд. – М.: Юрайт, 2010. – 926 с.
8. Ахметьянова З.А. Вещное право: Учебник. – М.: Статут, 2011. – 189 с.
9. Бакунов, А.В. Вещное право (курс лекций): учебное пособие / А.В. Бакунов, И.В. Сазанова. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2020. – 308 с.
10. Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. – 5 изд. – М.: Юридическая литература, 2019.
11. Егорова М.Б. Проблема правового регулирования управления государственной собственностью на природные ресурсы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rustrana.ru/artide.php?nid=3101>.

Сероштан Артем Сергеевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФОНДЫ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

***Аннотация.** В статье проводится комплексный анализ правового регулирования экологических фондов в Российской Федерации. Исследуется историческая эволюция их правовой природы – от целостной системы государственных внебюджетных фондов до современного дуализма, представленного публичными (бюджетными) и негосударственными фондами. Выявляются системные правовые проблемы, главной из которых является утрата целевого характера экологических платежей в связи с их консолидацией в бюджете согласно Бюджетному кодексу РФ. К другим проблемам отнесены несовершенство межбюджетного распределения средств, правовая неопределённость статуса негосударственных фондов и слабость механизмов общественного контроля. На основе анализа Бюджетного, Налогового кодексов, Федеральных законов «Об охране окружающей среды» и «О некоммерческих организациях» предлагаются пути решения, включая восстановление специального правового режима для экологических платежей, оптимизацию межбюджетных отношений, совершенствование статуса негосударственных фондов и внедрение механизмов публичной отчётности и участия.*

***Ключевые слова:** экологические фонды, правовой статус, целевое финансирование, плата за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС), Бюджетный кодекс РФ, Федеральный закон «Об охране окружающей среды», внебюджетные фонды, некоммерческие организации, экологические платежи, общественный контроль, межбюджетные отношения.*

Правовая природа экологических фондов в Российской Федерации отличается дуализмом и исторической изменчивостью, что напрямую влияет на их эффективность в решении задач охраны окружающей среды. Изначально, в начале 1990-х годов, в России была сформирована целостная система государственных внебюджетных экологических фондов, которая включала в себя федеральный, региональные и местные фонды. Их ключевой особенностью был внебюджетный статус, означавший, что средства, аккумулируемые за счет экологических платежей и штрафов, не подлежали зачислению в бюджеты любого уровня и изъятию на иные нужды, что гарантировало их строго целевое использование на природоохранные мероприятия. Однако кардинальные изменения в бюджетном законодательстве, связанные с вступлением в силу Бюджетного кодекса РФ, привели к упразднению данной системы как самостоятельных внебюджетных фондов. Согласно положениям **Бюджетного кодекса РФ**, все доходы, ранее направляемые в эти фонды, в частности, плата за негативное воздействие на окружающую среду, стали зачисляться в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации и учитываться в качестве неналоговых доходов [1]. Это преобразование было продиктовано общей политикой консолидации всех государственных финансовых потоков в единой бюджетной системе для усиления контроля над ними, но оно же привело к размыванию целевого характера экологического финансирования, поскольку средства, поступая в общий котел бюджета, лишились защищенного статуса и стали объектом общего бюджетного перераспределения.

В настоящее время, опираясь на нормы действующего законодательства, можно выделить два принципиально различных вида экологических фондов. Первый вид – это **публичные фонды экологической направленности, существующие в форме бюджетных фондов**. Они не являются юридическими лицами и создаются непосредственно в структуре бюджета для аккумуляции и целевого расходования определенных доходов. Ярким примером служит федеральный бюджетный фонд, формируемый за счет средств утилизационного сбора, механизм которого регламентирован отдельными положениями Налогового кодекса РФ и **Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»** [2]. Средства этого фонда направляются на экологически безопасную утилизацию выбывающих из эксплуатации транспортных средств. Конституционной основой для деятельности публичных фондов любого уровня служит статья 42 **Конституции РФ**, которая гарантирует каждому право на благоприятную окружающую среду, и статья 58, возлагающая на всех обязанность сохранять природу и бережно относиться к природным богатствам [3]. Именно государство, в лице органов публичной власти, является основным субъектом, ответственным за реализацию этих конституционных положений, и создание целевых бюджетных фондов представляет собой один из инструментов такой реализации, хотя и ограниченный рамками бюджетного процесса.

Второй вид – это **негосударственные экологические фонды**, которые создаются в организационно-правовых формах, предусмотренных гражданским законодательством. Данные фонды регистрируются как некоммерческие организации в соответствии с Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [4] и Гражданским кодексом РФ [5]. Как правило, они существуют в форме фондов общественных или благотворительных. Их правовая природа коренным образом отличается от публичных фондов: они являются самостоятельными юридическими лицами, не входят в систему государственной власти и управляются на основе устава собственными органами управления. Формирование их финансовых ресурсов происходит не за счет государственных платежей, а путем привлечения добровольных пожертвований от граждан и организаций, грантов, а также доходов от собственной деятельности, не противоречащей уставным целям. Деятельность таких фондов может быть чрезвычайно разнообразна – от финансирования конкретных природоохранных проектов и научных исследований до проведения экологического просвещения населения и осуществления общественного контроля за соблюдением природоохранного законодательства, права на которое закреплены в **Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»**. Таким образом, несмотря на общую экологическую направленность, два этих вида фондов существуют в разных правовых плоскостях: первые являются инструментом государственной финансовой политики, а вторые – формой реализации гражданской инициативы и социальной ответственности.

Современное состояние правового регулирования экологических фондов в Российской Федерации характеризуется наличием системных проблем, которые существенно снижают эффективность механизмов экологического финансирования и препятствуют реализации конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду. Ключевой проблемой, пронизывающей всю систему, является **утрата целевого характера экологических платежей**. Исторически сложилось, что основным источником формирования экологических фондов выступала плата за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС). Однако после упразднения системы внебюджетных фондов и инкорпорации этих платежей в бюджетную систему в соответствии с Бюджетным кодексом РФ, они утратили свой строго целевой статус. Статья 46 **Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»**, декларирует, что средства от платы за НВОС зачисляются в бюджеты и должны направляться на реализацию мероприятий по охране окружающей среды. Однако Бюджетный кодекс РФ, регулирующий все бюджетные процессы, не устанавливает для этих поступлений специального защищенного режима. На практике это приводит к тому, что средства от платы за НВОС поступают в общий объем доходов бюджета, и их дальнейшее расходование осуществляется в рамках общих бюджетных ассигнований, которые могут быть произвольно сокращены в ходе бюджетного

процесса или перенаправлены на иные, не связанные с экологией, цели. Это фундаментальное противоречие между декларацией в отраслевом законе и бюджетной реальностью грубо нарушает международный и национальный принцип «загрязнитель платит», лишая экологическое финансирование стабильности и предсказуемости, а также подрывая стимулы предприятий к снижению негативного воздействия.

Еще одной острой проблемой является **проблема межбюджетного распределения экологических платежей**. Согласно бюджетному законодательству, плата за НВОС распределяется между федеральным, региональными и местными бюджетами. Однако действующий механизм распределения носит зачастую формальный характер и не учитывает реальную экологическую нагрузку и трансграничный характер загрязнения. Крупный промышленный объект, расположенный на территории одного субъекта Федерации, может оказывать значительное негативное воздействие на экологическую обстановку соседних регионов, однако финансовые средства, взимаемые с этого предприятия, аккумулируются исключительно в бюджете территории его местонахождения. Это создает дисбаланс и несправедливость, когда финансовое бремя по ликвидации последствий загрязнения ложится на бюджеты тех муниципальных образований и регионов, которые не получают адекватного финансирования для этих целей. Данная проблема усугубляется отсутствием в законодательстве четких и прозрачных критериев, связывающих объем поступающих экологических платежей с конкретными природоохранными нуждами и приоритетами территории.

Значительный блок проблем связан с **правовым статусом и деятельностью негосударственных экологических фондов**. Создаваемые в формах, предусмотренных **Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом «О некоммерческих организациях»**, такие фонды сталкиваются с правовой неопределенностью. С одной стороны, они являются субъектами гражданского права, с другой – их деятельность направлена на достижение публично-значимых, экологических целей. Эта двойственность порождает сложности, в частности, в налоговом администрировании. Хотя Налоговый кодекс РФ [6] предусматривает льготы для некоммерческих организаций, получение и подтверждение права на них, особенно в части освобождения от налога на прибыль по целевым поступлениям (статья 251 НК РФ), сопряжено с бюрократическими препятствиями и рисками доначисления налогов. Кроме того, отсутствие в законодательстве специального статуса «экологического благотворительного фонда» и четких критериев его деятельности создает почву для явления «гринвошинга» (greenwashing), когда коммерческие структуры используют формально созданные экологические фонды или разовые благотворительные акции для улучшения своего публичного имиджа без реального и системного положительного экологического эффекта. Отсутствие механизмов независимого публичного контроля и обязательного экологического аудита программ таких фондов затрудняет оценку их реальной эффективности и способствует росту недоверия со стороны общества.

Наконец, системной проблемой для всей сферы экологического финансирования является **слабость механизмов общественного контроля и информационной прозрачности**. Несмотря на то, что право граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на участие в принятии экологически значимых решений закреплено в статьях 11 и 13 **Федерального закона «Об охране окружающей среды»**, на практике оно реализуется фрагментарно. Бюджетное законодательство не обязывает органы власти предоставлять детализированную и доступную для понимания отчетность о том, какие конкретно природоохранные мероприятия были профинансированы за счет средств от платы за НВОС, и каков был их результат. Процесс принятия решений о распределении этих средств часто носит закрытый, ведомственный характер. Граждане и общественные организации лишены действенных инструментов для того, чтобы отслеживать целевое использование экологических фондов и влиять на приоритеты их расходования, что противоречит не только экологическому, но и общему конституционному принципу народовластия (Статья 3 Конституции РФ) и права на участие в управлении делами государства.

Преодоление системных проблем, препятствующих эффективной деятельности экологических фондов в Российской Федерации, требует комплексного подхода и

последовательных изменений в законодательстве. Наиболее кардинальным и действенным решением проблемы размывания целевого характера экологических платежей является **восстановление специального правового режима для средств, поступающих от негативного воздействия на окружающую среду**. Для этого необходимо внесение системных поправок в Бюджетный кодекс РФ. Одним из возможных путей является законодательное закрепление в Бюджетном кодексе РФ статуса целевых бюджетных фондов, средства которых защищены от изъятия и использования на иные цели. По аналогии с существующими механизмами, в структуре федерального и региональных бюджетов могут быть созданы «Экологические фонды» как вид целевых бюджетных фондов, куда будут зачисляться не только плата за НВОС, но и иные доходы экологического характера, такие как средства от утилизационного сбора и часть экологических штрафов. Альтернативным, менее сложным с точки зрения бюджетной классификации, но также эффективным решением было бы прямое закрепление в статье 46 **Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»** императивной нормы, обязывающей зачислять средства от платы за НВОС не в общие доходы бюджета, а в специальные целевые статьи расходов, с установлением в Бюджетном кодексе РФ прямого запрета на их сокращение и использование не по целевому назначению. Это потребует корреспондирующих изменений в Бюджетный кодекс РФ, которые обеспечат юридическую силу данной норме и создадут надежный барьер против нецелевого расходования экологических средств.

Важным направлением совершенствования является **оптимизация межбюджетных отношений в экологической сфере**. Для справедливого распределения средств, поступающих от платы за НВОС, между бюджетами разных уровней, необходимо разработать и законодательно закрепить прозрачную методику, учитывающую не только формальное местонахождение источника загрязнения, но и реальную зону его негативного воздействия. Такой подход, основанный на принципе экологического императива, позволит направлять финансовые ресурсы в те регионы и муниципалитеты, которые фактически несут экологическую нагрузку, в том числе и от объектов, расположенных на соседних территориях. Это может быть реализовано через внесение изменений в Бюджетный кодекс РФ, предусматривающих создание механизма межбюджетных трансфертов экологического характера, которые будут распределяться на основе объективных данных мониторинга состояния окружающей среды и оценки трансграничного переноса загрязняющих веществ. Это повысит социальную и экологическую справедливость в бюджетном процессе.

Для развития потенциала негосударственных экологических фондов и повышения доверия к их деятельности необходимо **совершенствование их правового статуса и системы регулирования**. Целесообразно рассмотреть возможность введения в **Федеральный закон «О некоммерческих организациях»** или в **Налоговый кодекс РФ** специального статуса «экологической некоммерческой организации» или «эко-благотворительного фонда». Получение такого статуса могло бы быть связано с выполнением ряда условий, таких как прозрачность финансовой отчетности, обязательный независимый экологический аудит реализуемых программ и публикация детальных отчетов о достигнутых результатах. В качестве стимула таким организациям могли бы быть предоставлены дополнительные налоговые льготы, например, расширенный перечень целевых поступлений, не облагаемых налогом на прибыль (статья 251 НК РФ), или упрощенный порядок их подтверждения. Это позволит не только стимулировать добросовестных участников, но и вывести из теневой зоны проблему «гринвошинга», четко отделив реальную экологическую деятельность от имитационной.

Краеугольным камнем повышения эффективности всей системы экологического финансирования является **внедрение механизмов общественного контроля и обеспечения информационной открытости**. Для реализации конституционного права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (Статья 42 Конституции РФ) и права на участие в управлении делами государства (Статья 32 Конституции РФ) необходимо внести соответствующие поправки в **Федеральный закон «Об охране окружающей среды»** и **Бюджетный кодекс РФ**. В частности, следует законодательно обязать уполномоченные органы

государственной власти и местного самоуправления ежегодно публиковать в открытом доступе, в том числе в форме открытых данных, детализированный отчет о поступлении и расходовании всех средств, связанных с экологическими платежами. Этот отчет должен содержать не просто перечень мероприятий, а информацию о конкретных получателях бюджетных ассигнований, объемах финансирования и, что наиболее важно, о качественных и количественных результатах их реализации (например, снижение объема выбросов, рекультивированная площадь земель и т.д.). Кроме того, на законодательном уровне должна быть закреплена процедура обязательного проведения публичных слушаний или общественных обсуждений при формировании перечня приоритетных природоохранных мероприятий, финансируемых за счет целевых экологических средств. Создание при профильных органах власти общественных советов с реальными полномочиями по контролю за использованием экологических фондов станет важным шагом на пути к восстановлению публичного доверия и повышению ответственности власти за принимаемые решения в экологической сфере.

Список используемых источников:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. – Статья 42.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ "О некоммерческих организациях" (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
7. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ "Об отходах производства и потребления" (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

Ситникова Ангелина Викторовна,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Федорященко Алексей Сергеевич,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
(Белгород, Россия)

СМЕШАННЫЕ ДОГОВОРЫ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация.** В данной статье проводится комплексный анализ правовой природы смешанных договоров в сфере предпринимательской деятельности, а также исследуется его легальное определение. Рассматриваются различные варианты взаимодействия смешанных договоров с предпринимательским законодательством. Автор подробно анализирует проблемы применения смешанных договоров в предпринимательской практике, охватывающие как правовые, так и практические аспекты. На основе проведенного исследования формулируются конкретные рекомендации по совершенствованию законодательства.*

***Ключевые слова:** смешанный договор, предпринимательская деятельность, принцип свободы договора, соглашение, риск, элементы договора.*

В настоящее время, в сфере предпринимательства можно наблюдать тенденцию к усложнению договорных отношений. Традиционные договоры, такие как купля-продажи, подряд и оказание услуг, не всегда достаточно точно отражают реальные правовые и коммерческие отношения. Поэтому хозяйствующие субъекты стремятся адаптировать свои отношения, объединяя в один договор элементы различных гражданско-правовых конструкций. В этом контексте особую важность приобретают смешанные договоры.

В свою очередь, использование таких договоров порождает определенные проблемы, которые вызваны различными факторами. Во-первых, предпринимательская деятельность в России и других странах становится всё более разнообразной, что требует от предпринимателей гибкого правового инструмента, способного учитывать все обязательства и ответственность сторон. Во-вторых, при заключении сложных сделок необходимо создавать договоры, которые объединяют условия поставки, выполнения работ, оказания услуг, передачи имущества и другие элементы, что приводит к появлению смешанных правовых конструкций.

Несмотря на прямое указание в законе, конструкция смешанного договора остаётся важной темой в цивилистической науке, что подтверждают работы таких авторов, как М.Ю. Челышев, Д.В. Огородов и А.А. Симолин. В их исследованиях отмечается, что вопросы, касающиеся применения смешанного договора, недостаточно урегулированы в Гражданском кодексе РФ. Закон лишь общее упоминает о смешанном договоре (п. 3 ст. 421 ГК РФ), не раскрывая его сущность, что создаёт риски при применении норм и судебной защиты [5, с. 311]. Это приводит к множеству споров и дискуссий на практике, а также затрудняет квалификацию таких договоров, определение применимого правового режима и распределение ответственности между сторонами. В результате возникает потребность в научном исследовании и разработке практических рекомендаций для единообразного применения смешанных договоров в предпринимательской деятельности.

В гражданском праве под смешанным договором понимается такое соглашение сторон, которое содержит элементы (условия) одновременно двух или более типичных договоров.

Так, в п. 3 ст. 421 ГК РФ прямо предусматривается, что стороны могут заключать договор, содержащий элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами [1].

Это означает, что смешанный договор – это единое, цельное соглашение, объединяющее в себе черты разных классических договорных моделей. Как справедливо отмечают М.Ю. Чельшев и Д.В. Огородов, ключевым признаком является именно **системная связь** этих элементов в рамках одного соглашения, а не их механическое сложение [4, с. 55].

Разграничение смешанного договора от других типов договоров имеет важное практическое значение.

Отличие от комплексного договора: Комплексный договор не является единым соглашением, а представляет собой набор нескольких отдельных договоров, которые объединены общей хозяйственной целью. Например, сложная инвестиционная сделка может включать в себя отдельные договоры займа, купли-продажи и подряда. В отличие от этого, смешанный договор всегда оформляется как один документ, который имеет единую юридическую природу.

Отличие от непоименованного договора: Непоименованный договор – это соглашение, которое не предусмотрено законом и иными нормативно-правовыми актами и, вместе с тем, не противоречит действующему законодательству. Смешанный договор, напротив, всегда включает элементы, которые уже **известны праву** (поименованы в законе). Он комбинирует уже существующие модели, а не создает совершенно новую.

В научной литературе предложены различные основания классификации смешанных договоров, что важно и для теории, и для практики. Можно выделить следующие основные критерии:

1. По количеству соединяемых договоров:

- двойные (простые): договоры, сочетающие два типа обязательств;
- многокомпонентные (сложные): договоры, сочетающие три и более типов обязательств.

2. По типам совмещаемых обязательств.

Данная классификация является открытой, так как комбинироваться могут практически любые предусмотренные законом договоры. На практике часто встречаются следующие сочетания:

- купля-продажа + подряд: поставка оборудования с последующим монтажом и пусконаладкой;
- аренда + оказание услуг: аренда помещения с предоставлением охранных и коммунальных услуг;
- возмездное оказание услуг + поставка: консультационные услуги, которые включают предоставление отчетов и аналитических материалов в материальной форме;
- подряд + лицензионный договор: разработка программного обеспечения с передачей прав на его использование.

3. По отраслевой принадлежности элементов:

а) моноотраслевые смешанные договоры, когда все элементы находятся в рамках одной отрасли права – **гражданского права**;

б) **полиотраслевые (межотраслевые) смешанные договоры**, когда объединяются элементы, относящиеся к **разным отраслям права**:

1. **внутри-частноправовые**: объединяют нормы различных отраслей частного права (гражданско-правовые и трудовые элементы, гражданско-правовые и семейно-правовые элементы);

2. **частно-публичные**: в одном документе переплетаются частные интересы сторон и публично-правовые обязанности одного из контрагентов (гражданско-правовые и процессуально-правовые элементы арбитражного или гражданского процесса).

Для предпринимателей классификация договоров имеет большое значение. Она облегчает оценку рисков, помогает выявить потенциальную недействительность отдельных

положений и решает вопросы налогообложения, что в свою очередь, снижает правовую неопределенность и создает более безопасные условия для ведения бизнеса.

Смешанный договор отражает принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ), позволяя предпринимателям самостоятельно определять содержание и сочетание его элементов. При этом, закон устанавливает ограничения, включая недопустимость условий, противоречащих императивным нормам (ст. 422 ГК РФ), злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ), а также ограничения в области публичных интересов, например, в сфере государственных закупок и конкуренции.

Следует отметить, что правовой режим смешанного договора в сфере предпринимательства нельзя определить исключительно через нормы Гражданского кодекса РФ, поскольку он охватывает как частное, так и публичное право. Смешанные договоры, как правило, затрагивают нормы правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность. Например, в случаях сочетания договоров поставки и оказания услуг в контексте государственных закупок применяются положения ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Если же договор включает элементы концессионного соглашения или аренды государственного имущества, действуют нормы ФЗ «О концессионных соглашениях».

Как было отмечено ранее, использование смешанных договоров в предпринимательской деятельности вызывает ряд правовых и практических проблем. Одной из таких проблем является определение применимого права и главного предмета смешанного договора. Необходимо установить, какие нормы права относятся к различным частям обязательства, чтобы правильно регулировать каждую его составляющую. Согласно п. 3 ст. 421 ГК РФ, к отношениям сторон применяются правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре [1]. Однако, исследователи указывают, что элементы разных договоров могут иметь различные правовые режимы, что приводит к коллизиям. При квалификации договора как смешанного, необходимо, чтобы стороны соединили условия различных договоров и связали осуществление прав и обязанностей по одному из них с исполнением прав и обязанностей по-другому. Важно отметить, что при определении применимого права может возникнуть конфликт норм, особенно если стороны не согласовали приоритетный элемент. В таких случаях суды основываются на положениях статей 421 и 422 ГК РФ, а также принципах добросовестности и разумности, содержащихся в статье 10 ГК РФ.

Смешанные договоры требуют особой внимательности при согласовании всех существенных условий по каждому из включённых элементов. Если по одному из элементов не достигнуто соглашение по условиям, признанным существенными для данного вида договора, весь договор может быть признан незаключённым. Так, при сочетании элементов поставки и подряда отсутствие согласования цены или сроков выполнения работ (ст. 432, 708 ГК РФ) делает невозможным признание договора заключённым в целом. Аналогично, если для одного из элементов сделки предусмотрена более строгая форма, например обязательная государственная регистрация (ст. 164 ГК РФ), её несоблюдение влечёт недействительность всего соглашения.

Кроме того, отдельные положения смешанных договоров могут быть признаны недействительными, если они противоречат императивным нормам законодательства (ст. 168–179, 450 ГК РФ). Это особенно важно для договоров, включающих элементы аренды и подряда, где нарушение формы, процедуры согласования условий или порядка заключения способно повлечь признание сделки недействительной в целом. Практика показывает, что такие ошибки нередко становятся основанием для судебных споров, поэтому сторонам следует тщательно прорабатывать структуру и условия смешанных договоров, обеспечивая их юридическую целостность.

В смешанных договорах на практике часто возникают сложности, связанные с различиями в сроках исполнения, механизмах ответственности и порядке расторжения, характерных для соединяемых типов обязательств. Например, в договорах, совмещающих элементы купли-продажи и подряда, стороны нередко сталкиваются с вопросом, какие сроки

и формы ответственности подлежат применению при нарушении условий. Аналогичные проблемы возникают и при сочетании подряда с арендой: если по правилам подряда допускается односторонний отказ заказчика от исполнения (ст. 717 ГК РФ), то для аренды такое право может быть ограничено законом или договором (ст. 619, 620 ГК РФ). Это порождает правовую неопределённость и риск споров при расторжении смешанных договоров. Что бы избежать неблагоприятных последствий, предпринимателям рекомендуется заранее установить приоритетное регулирование каждого элемента, а также детально прописать порядок исполнения и прекращения обязательств на стадии заключения договора. Кроме того, ответственность сторон следует определять с учётом типа обязательств, нарушение которого произошло [6, с.71].

В сфере бухгалтерского и налогового учёта смешанные договоры вызывают значительные трудности, поскольку их элементы могут подпадать под различные правила признания доходов и налоговые режимы. Для целей бухгалтерского учёта, особенно по международным стандартам (МСФО), требуется разделение совокупной цены сделки между различными элементами договора. В соответствии с МСФО (IFRS) 15 «Выручка по договорам с покупателями», если договор содержит несколько обязательств к исполнению, организация обязана распределить общую цену сделки между ними и признавать выручку по каждому элементу отдельно [3]. На практике это требует сложных расчётов и применения профессионального суждения бухгалтера или аудитора.

Одной из ключевых проблем смешанных договоров является несогласованность условий. Стороны часто подробно прописывают один элемент (например, поставку) и упускают другой (например, подряда), что создаёт неопределённость в распределении рисков и ответственности, а также повышает риск признания договора незаключённым. Неправильная квалификация договора со стороны истца может повлечь за собой отказ в удовлетворении исковых требований, так как суд, установив смешанный характер договора, применяет нормы о всех его элементах, что может значительно изменить правовые последствия для сторон. Для снижения этих рисков рекомендуется чётко разграничивать права и обязанности по каждому элементу договора и обеспечивать согласованность условий.

Действующее законодательство содержит лишь общую норму о смешанных договорах в ст. 421 ГК РФ. Однако она не даёт им четкого определения и не предлагает механизма для решения противоречий, которые возникают между правилами разных договоров, объединённых в одном соглашении. **На практике это приводит к правовой неопределённости и сложным судебным спорам. Так, в Постановлении ФАС Московского округа № КГ-А40/5005-11-П от 14 июня 2011 г. рассматривался спор между сторонами по поводу исполнения договора, предусматривающего поставку и установку программного обеспечения. Истец потребовал обязать ответчика поставить программное обеспечение, соответствующее условиям договора, взыскать неустойку и убытки [2].**

Суд установил, что представленный договор является смешанным, так как содержит элементы договора поставки (в части передачи экземпляров программного обеспечения) и договора возмездного оказания услуг (в части их установки и настройки). При этом суд указал, что к отношениям сторон подлежат применению нормы, регулирующие оба вида обязательств, если иное не вытекает из их существа (п. 3 ст. 421, п. 4 ст. 454, ст. 456, 477 ГК РФ).

Арбитражный суд пришёл к выводу, что ответчик нарушил условия договора, поставив и установив иное программное обеспечение, что повлекло программный сбой и убытки истца. При этом ссылка ответчика на подписанный акт приёмки-передачи была признана необоснованной, поскольку функциональные свойства ПО могли быть проверены только в процессе эксплуатации.

Данный пример наглядно демонстрирует, что отсутствие в законодательстве чёткого определения смешанного договора и правил разрешения коллизий между различными правовыми режимами затрудняет правоприменение и приводит к судебным спорам. Для устранения этой неопределённости необходимо дополнить Гражданский кодекс отдельной статьёй, посвящённой смешанным договорам. Такая статья должна закрепить:

- **Четкие критерии**, позволяющие однозначно отнести договор к категории смешанных.
- **Порядок применения норм**, который бы разрешал коллизии между различными правовыми режимами.
- **Единые принципы ответственности** сторон, чтобы избежать противоречий при нарушении обязательств.

Таким образом, смешанные договоры играют важную роль в предпринимательской деятельности, поскольку обеспечивают гибкость правового регулирования сложных хозяйственных отношений. Они позволяют объединять различные аспекты сотрудничества в одном документе, что оптимизирует процесс и повышает эффективность договорной работы, а также способствует сокращению количества заключаемых контрактов. Это подчеркивает их практическую значимость для ведения современного бизнеса, однако существующие правовые пробелы требуют скорейшего устранения.

Список используемых источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 30.10.2025).
2. Постановление ФАС Московского округа № КГ-А40/5005-11-П от 14 июня 2011 г. // [сайт]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4e59260e-a17e-44fe-944b-bb89c0a2aabf/759facbb-a8db-43a1-8aa6-638886235688/A40-5005-2011_20110304_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 07.11.2025).
3. «Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 15. Выручка по договорам с покупателями» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 27.06.2016 № 98н) // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201985/ (дата обращения: 01.11.2025).
4. Огородов Д.В., Челышев М.Ю. К вопросу о видах смешанных договоров в гражданском праве // Законодательство и экономика. 2006. № 2. С. 53-59.
5. Огородов Д.В., Челышев М.Ю. Конструкция смешанного договора в гражданском (частном) праве // Сделки: проблемы теории и практики: сборник статей / [ред. совет: В.В. Витрянский и др.]. – Москва: Статут, 2008. – С. 310–355. – (Анализ современного права; Вып. 7).
6. Шитикова А.О. Риски сторон при заключении смешанного договора // Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г. Омск, 2016. С. 70-72.

Скурьят Эдвард Викторович,
магистрант кафедры гражданского права
Полоцкого государственного университета
имени Евфросинии Полоцкой
(Республика Беларусь)

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ «ЗЕЛЕННОЙ ЭНЕРГЕТИКИ»

***Аннотация.** Статья ставит своей целью проанализировать энергетическое законодательство Республики Беларусь на предмет проблем, которые могут возникнуть при реализации проектов в сфере «зеленой энергетики». Описываются примеры реальных проектов, проводится анализ действующего законодательства в части правового регулирования таких объектов, вносятся предложения по развитию в государстве отдельной энергетической инфраструктуры*

***Ключевые слова:** зеленая энергетика, энергетическое право, проблемы законодательства, энергия, энергетика, правовое регулирование*

Человечество входит в новую эпоху, когда преобладающее большинство сфер деятельности стремится к достижению абсолютной экологичности и нулевым выбросам. Одной из самых неэкологичных сегодня является сфера энергетики, о чем указано на официальном сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь. Так, в Республике Беларусь за 2023 год из 87,1 миллионов тонн углекислого газа 53,9 миллиона тонн приходится на сектор энергетики [1], что еще раз доказывает важность стремления к достижению нулевого выброса. Более подробная статистика указывает на основных потребителей энергии, что позволяет уменьшить потребление энергии иными отраслями, с целью более полного перехода на зеленую энергетику. Таким образом 24,2 % выбросов приходится на промышленность, являющуюся основным потребителем энергоресурсов, следующим по количеству выбросов, а именно 17,5 % – здания (коммерческие и жилые), далее идет транспорт (16,2 %), а также лесное и сельское хозяйство (18,4 %), которое производит выбросы не только в связи с использованием энергии, но и в результате иных технологических процессов [2].

В различных сферах деятельности используются разные источники энергии, в связи с чем затрагиваются смежные сферы и отрасли. Об указанном факте говорит и понятие энергетического права – это система правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в связи с производством, преобразованием, передачей, реализацией, использованием и сбережением различных видов энергетических ресурсов, а также с обеспечением энергетической безопасности [3]. Данные общественные отношения также могут быть связаны с экологическими требованиями, инвестициями, антимонопольными мерами, мерами по обеспечению безопасности на энергетических объектах и мерами энергетической безопасности.

Ввиду приведенных фактов исследователи указывали, что понятие энергетического права как отдельной отрасли не сформировалось, и обосновывали «необходимость его официального закрепления в экономике, в правовой сфере и в учебном процессе» [4]. Неопределенность в правовой системе приводит к сложности регулирования одной из важнейших отраслей, поскольку энергоемкость и энергонагруженность с каждым годом возрастает.

Для более детальной оценки готовности законодательства следует разобраться с тем, что входит в сферу регулирования энергетического права. В первую очередь это энергетические ресурсы, которые представляют собой совокупность первичных и вторичных источников энергии, в том числе продукцию нефтяной, газовой, угольной промышленности, электроэнергию атомных и гидроэлектростанций, местные виды источников энергии, которыми располагает страна для обеспечения производственных, бытовых потребностей и экспорта [5].

Легальные дефиниции энергетических ресурсов приведены в Законе Республики Беларусь от 08.01.2015 № 239-З «Об энергосбережении» (далее – Закон «Об энергосбережении»). Законодателем выделены следующие категории ресурсов:

– вторичные энергетические ресурсы – энергия побочных и промежуточных продуктов, отходов производства (потерь), получаемых в технологических агрегатах и установках, технологических процессах, функциональное назначение которых не связано с ее производством, не используемая в самих агрегатах, установках, процессах;

– местные топливно-энергетические ресурсы – существующие в природе, добытые (произведенные) на территории Республики Беларусь ископаемые виды топлива, произведенная из них энергия, а также возобновляемые источники энергии;

– топливно-энергетические ресурсы – совокупность всех природных и полученных в результате преобразований видов топлива и энергии [6].

Объемным понятием здесь выступает «топливно-энергетические ресурсы», вобравшее в себя всю совокупность встречающихся в природе и получаемых из них энергетических ресурсов.

Более подходящим видится понимание российского законодателя в плане определения энергетического ресурса как носителя энергии, энергия которого используется или может быть использована при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, а также вид энергии (атомная, тепловая, электрическая, электромагнитная энергия или другой вид энергии) (ст. 2 Федерального Закона «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.11.2009 № 261-ФЗ) [7]. Указанное определение понятию имеет конкретику, а не абстрактное упоминание всех физических явлений и материй, из которых доступно извлечение энергии. В данном случае носителем энергии здесь могут выступать и искусственно созданные носители энергии: станции аккумулирования энергии, искусственное топливо и т.д.

Позиция Республики Беларусь в отношении общего понимания энергетических ресурсов имеет расхождение с понятием местных топливно-энергетических ресурсов, которое предусматривает и такую категорию источников энергии, как возобновляемые [6]. Возобновляемые источники энергии, согласно Закону Республики Беларусь от 27.12.2010 № 204-З «О возобновляемых источниках энергии» (далее – Закон «О возобновляемых источниках энергии»), – это энергия солнца, ветра, тепла земли, естественного движения водных потоков, древесного топлива, иных видов биомассы, биогаза, а также иные источники энергии, не относящиеся к невозобновляемым [8].

Поскольку идет отсылка к понятию невозобновляемых источников энергии, необходимо определить, что же считать невозобновляемыми источниками – источники энергии, накопленные в природе в виде ископаемых ресурсов: угля, нефти, газа, торфа, горючих сланцев, а также иные источники энергии, которые в новых геологических условиях практически не образуются [8].

Исходя из такой позиции законодателя, накопленная энергия, в том числе из невозобновляемых источников, будет считаться возобновляемой, поскольку не содержится в виде ископаемых ресурсов. Абз.5 ст.1 Закона «О возобновляемых источниках энергии» предусмотрено, что использование возобновляемых источников энергии – процесс, включающий заготовку (добычу), транспортировку, хранение, подготовку к использованию, переработку или иную трансформацию возобновляемых источников энергии, а также производство из них электрической энергии [8]. Ввиду изложенного, хранение энергии из невозобновляемых источников не может быть приравнено к таковому из возобновляемых.

Узким определением является «энергия, производимая из возобновляемых источников энергии» в сравнении с возможностями использования возобновляемых источников. Такой вывод можно сделать исходя из сравнения двух дефиниций: в одном случае оно ограничивается лишь электрической энергией, во втором же перечень преобразований энергии допускается различный, включая, но не ограничиваясь электрической [8]. Исходя из определений понятия «энергия», можно утверждать о том, что это потенциал, способный изменять параметры физической системы (заставлять двигаться частицы, совершать работу и т.д.) [9]. Примером является горючее топливо, которое позволяет совершать механическую работу посредством ее сжигания и нагрева.

Подход в приравнивании энергии возобновляемых источников и электрической энергии имеет практическую основу: электричество является удобным способом передачи энергии и приведения в действие машин и механизмов, поскольку позволяет сократить потери энергии при преобразовании. Однако такой узкий подход все же ограничивает понимание всего многообразия энергий.

Законодательство Республики Беларусь в большем объеме регулирует деятельность организаций владеющих инновационной аккумулярующей станции, аналогичной Megarack Large-Scale Energy Store – накопитель электрической энергии на основе аккумуляторных батарей от компании Tesla [10]. Об этом свидетельствует абз.9 ст.1 Закона «О возобновляемых источниках энергии», поскольку установка по использованию возобновляемых источников энергии – технологическое оборудование или комплекс технологического оборудования по производству либо приему (получению), преобразованию, аккумулярованию и (или) передаче электрической энергии, производимой из возобновляемых источников энергии. Вновь делается упор на электрическую энергию, однако в быту и в промышленности применяется и иной, не менее значимый вид энергии – тепловая энергия. Она нужна для обогрева жилья, приготовления еды или для технологического процесса. Также ее измерение осуществляется в Джоулях. И «Только узкие специалисты могут досконально разобраться в тонкостях и отличиях различных видов энергии, специфической терминологии, понятиях и их определениях в этой сфере» [4]. Например:

«...атомная энергия – энергия, высвобождающаяся в ядерных реакциях и при радиоактивном распаде, а также энергия генерируемых ионизирующих излучений»;

«...тепловая энергия – вид энергии, носителем которой являются пар, горячая вода, нагретый воздух и другие газы, а также технологические среды промышленных производств, используемые для отопления помещений, нужд горячего водоснабжения, вентиляции, а также для технологических нужд промышленности»;

«...электрическая энергия – особого вида товар, характеризующийся одновременностью его производства и потребления и требующий постоянного и непрерывного поддержания его параметров в заданных пределах» [4].

Более технологичными и передовыми, чем аккумуляторные станции, являются аккумуляторы энергии, основанные на принципе химохимических циклов: на базе правовой конверсии метана или низкотемпературные на базе десорбции аммиака из водного раствора, сорбции диоксида углерода [11]. В случае метана газ также обладает энергией химических связей, которые посредством окисления еще дополнительно способны выделить тепловую энергию.

Существуют также и иные виды аккумулярования и хранения энергии:

- механический;
- электрический, электромагнитный;
- биологический;
- электрохимический;
- тепловой;
- химический [12].

Что же касается коммерциализации сферы зеленой энергетики, то Закон «О возобновляемых источниках энергии» выделяет в ст.1 два-три вида организаций, способных посредством своей деятельности извлекать прибыль и производить инновации в энергетической отрасли Республики Беларусь:

- государственная энергоснабжающая организация – государственное юридическое лицо, осуществляющее производство, передачу, распределение и сбыт электрической энергии;
- производители установок по использованию возобновляемых источников энергии – юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие производство установок по использованию возобновляемых источников энергии;

– производители энергии из возобновляемых источников энергии – юридические лица и индивидуальные предприниматели, в собственности (хозяйственном ведении, оперативном управлении) которых находятся установки по использованию возобновляемых источников

энергии, производящие электрическую энергию в целях энергетического обеспечения своей хозяйственной деятельности и (или) ее последующей реализации [8].

Основной государственной энергоснабжающей организацией в Республике Беларусь является Государственное производственное объединение электроэнергетики «Белэнерго».

Закон «О возобновляемых источниках энергии» ограничивает производителей энергии в вопросах использования их энергии для ее непосредственной продажи конечному потребителю в любой необходимой им виде. Указанный вывод можно сделать на основе анализа ст.16 Закона «О возобновляемых источниках энергии», поскольку среди прав производителей отсутствуют права прямой продажи, а имеются права на «гарантированное подключение к государственным энергетическим сетям установок по использованию возобновляемых источников энергии в порядке, установленном законодательством» и «гарантированное приобретение государственными энергоснабжающими организациями энергии, произведенной из возобновляемых источников энергии и поставляемой ими в государственные энергетические сети, а также ее оплату по тарифам». При этом декларируется право производителей энергии на защиту от недобросовестной конкуренции, в том числе со стороны юридических лиц, занимающих доминирующее положение в сфере производства энергии [8].

Поскольку Закон «О возобновляемых источниках энергии» затрагивает все формы энергии, содержащиеся в возобновляемых источниках, то в отношении тепловой энергии в законодательстве сложился единый подход о том, кого следует считать энергоснабжающей организацией: энергоснабжающая организация – организация независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, осуществляющая на договорной основе продажу тепловой энергии и имеющая в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении тепловые сети и (или) теплоисточник(и) (п.3 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 11.09.2019 № 609 «О вопросах в области теплоснабжения», далее – постановление № 609) [13].

Отличный от Закона «О возобновляемых источниках энергии» подход в определении понятия «энергоснабжающая организация» имеется в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 17.10.2011 № 1394 «Об утверждении Правил электроснабжения» (далее – постановление № 1394). Согласно подп.3.57. п.3 постановления № 1394 энергоснабжающая организация – юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, осуществляющее продажу потребителям произведенной или купленной электрической энергии и имеющее в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении электрические сети либо имеющее возможность принятия решения в отношении электрических сетей, предоставленную в рамках управления общим имуществом в соответствии с законодательством и (или) договором управления общим имуществом [14].

Таким образом, и в случае тепловой энергии, и в случае электрической энергии имеется идентичный подход в определении энергоснабжающей организации на уровне актов законодательства Совета Министров Республики Беларусь. Ключевыми для отнесения организации к энергоснабжающим являются:

- продажа энергии;
- собственность (хозяйственное ведение или оперативное управление) в отношении энергосетей.

Дополнительно для теплоэнергетики может быть право собственности на теплоисточники, для электроэнергетики – производство или приобретение для дальнейшей продажи электроэнергии, а также возможность принятия решения в отношении электрических сетей.

Электрическая сеть же представляет собой совокупность подстанций, распределительных устройств и соединяющих электрических линий, размещенных на территории района, населенного пункта, потребителя [14].

Положения постановления № 609 расходятся с Законом Республики Беларусь от 15.07.2010 № 169-З «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах

деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства», согласно подп. 1.29.8. которого на объекты инженерной инфраструктуры общего пользования теплоснабжения (магистральные тепловые сети, распределительные тепловые сети и центральные тепловые пункты для одновременного теплоснабжения разных потребителей) распространяется собственность государства. Однако это касается объектов, вводимых в эксплуатацию, создание (приобретение) которых осуществлялось полностью за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов, в том числе государственных целевых бюджетных фондов, и (или) государственных внебюджетных фондов, и (или) средств государственных юридических лиц [15]. Такой подход ограничивает развитие тепловых сетей частной формы собственности, поскольку при их создании в кооперации с государственным инвестированием право собственности остается за государством.

Также деятельность в сфере тепло- и электроэнергетики не требует лицензирования, что упрощает создание новых и инновационных компаний, однако в случае деятельности, связанной с газом, таковая может потребовать получения лицензии в области промышленной безопасности [16, 17]. В случае строительства крупной биогазовой установки может потребоваться получение лицензии в области промышленной безопасности.

Для электроэнергетики достаточно прохождения аттестации по проектированию систем электроснабжения, а также подтверждения происхождения энергии, производимой из возобновляемых источников энергии. О подтверждении происхождения энергии выдается сертификат. В случае, когда производители энергии из возобновляемых источников энергии не подключаются к государственным энергетическим сетям, подтверждение происхождения энергии не требуется [8].

Сертификат о подтверждении происхождения энергии выдается при вводе установок по использованию возобновляемых источников энергии в эксплуатацию и (или) увеличении мощности таких установок в результате расширения (реконструкции, модернизации) по завершении приемки оборудования после комплексного опробования, а также в связи с прекращением действия ранее выданного сертификата [8].

Анализ законодательства Республики Беларусь показывает следующее:

1. Энергетическое законодательство в Республике Беларусь еще окончательно не сформировалось как отдельная отрасль.

2. В связи с несформированностью отрасли законодательства возникают сложности в правовом регулировании энергетической сферы, что выражается в разрозненности ряда нормативных правовых актов.

3. Определение топливно-энергетических ресурсов не отвечает требованиям современных научно-технических достижений, поскольку энергетическим ресурсом может выступать энергия, заключенная посредством преобразования (аккумулирования) в иных материальных формах. Аккумулирующие станции вправе также выступать энергоснабжающей организацией, поскольку могут приобретать энергию, аккумулировать ее, и продавать конечному потребителю в периоды возрастания потребления.

4. Наблюдается узость дефиниции «энергия, производимая из возобновляемых источников энергии», ограниченная лишь электрической энергией.

5. Законодательство в большей степени ориентировано на государственные энергоснабжающие организации, а частные инициативы в области энергетики ограничены.

6. Представляется, что энергетическая отрасль не ограничена лицензионными требованиями и способна быстрее адаптироваться под изменяющиеся условия рынка.

7. Наблюдается ограничение инвестиций в области теплоэнергетики.

8. Получило бы практическую пользу закрепление в правовых нормах возможности создания энергоснабжающими организациями собственных энергетических сетей.

9. Важно и в дальнейшем продолжать работу по совершенствованию энергетического законодательства с целью создания отрасли зеленой энергетики и стремления к нулевым выбросам.

Список используемых источников:

1. Выбросы парниковых газов // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/okruzhayushchaya-sreda/sovmestnaya-sistema-ekologicheskoi-informatsii2/b-izmenenie-klimata/b-3-vybrosy-parnikovyyh-gazov> (дата обращения: 19.10.2025).
2. Глобальное распределение выбросов парниковых газов по отраслям // Колгота. – URL: <https://kolgota.ru/tpost/ingcuv3y81-globalnoe-raspredelenie-vibrosov-parniko> (дата обращения: 19.10.2025).
3. Введение в энергетическое право: учебник: 2-е изд. / О.А. Городов. – Москва: Проспект, 2015. – 223 с.
4. Каменков, В.С. Понятие энергетического права / В.С. Каменков // Энергетическая стратегия. – 2015. – № 1. – С. 66-70.
5. Городов, О.А. К понятию энергетического права / О.А. Городов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. – 2010. – № 1. – С. 26-38.
6. Об энергосбережении [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 8 янв. 2015 г., № 239-З: с изм. и доп. от 24 мая 2021 г. № 111-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодат. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
7. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Фед. закон, 23 нояб. 2009 г., № 261-ФЗ: в ред. от 31 июля 2025 № 353-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система. – Москва, 2025.
8. О возобновляемых источниках энергии [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 27 дек. 2010 г., № 204-З: с изм. и доп. от 5 марта 2024 г. № 357-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодат. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
9. Энергия // АКАДЕМИК. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3793/ЭНЕРГИЯ (дата обращения: 19.10.2025).
10. Megapack Large-Scale Energy Storage // Tesla. – URL: <https://www.tesla.com/megapack> (дата обращения: 19.10.2025).
11. Столяревский, А.Я. Хемотермические циклы и установки аккумулирования энергии / А.Я. Столяревский // Альтернативная энергетика и экология. – 2005. – № 3. – С. 45-58.
12. Накопители энергии // Акваэкология. – URL: <https://aquaecology.group/otrasli/energetika/nakopiteli-energii> (дата обращения: 19.10.2025).
13. О вопросах в области теплоснабжения [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 сент. 2019 г., № 609 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
14. Об утверждении Правил электроснабжения [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 окт. 2011 г., № 1394 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодат. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
15. Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2010 г., № 169-З: с изм. и доп. от 05 янв. 2024 г. № 345-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодат. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
16. О промышленной безопасности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2016 г., № 354-З: с изм. и доп. от 28 дек. 2023 г. № 324-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодат. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
17. О лицензировании [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 14 окт. 2022 г., № 213-З: с изм. и доп. от 08 мая 2025 г. № 71-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодат. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

Сойников Дмитрий Олегович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Беляева Татьяна Николаевна,
ассистент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА НА ОКАЗАНИЕ УСЛУГ ПО ОБРАЩЕНИЮ С ТКО С РЕГИОНАЛЬНЫМ ОПЕРАТОРОМ: ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОСТИ И ПРИНУЖДЕНИЯ

***Аннотация.** В данной научной статье анализируется договор на вывоз мусора с региональным оператором. Проблема в том, что этот договор лишь формально считается публичным, а на деле обязанность его заключения исходит не из Гражданского кодекса, а из закона об отходах. Это создает правовой конфликт: принуждение к заключению договора осуществляется не через гражданские иски, а в основном через административные штрафы.*

***Ключевые слова:** договор на обращение с ТКО, региональный оператор, публичный договор, мусорная реформа, принуждение к заключению договора.*

С момента запуска "мусорной реформы" в России правовой статус договора на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами (ТКО) остается предметом острых дискуссий среди юристов и ведущих практиков. Формально подпадая под признаки публичного договора по статье 426 Гражданского кодекса РФ, фактически этот договор имеет сложную смешанную природу, сочетающую элементы частного и публичного права. Вышеуказанное противоречие порождает серьезные проблемы в правоприменительной практике, особенно в вопросах принуждения к заключению договора и определения ответственности сторон.

Легальное определение регионального оператора дается через описание его функций в статье 24.6 Федерального закона №89-ФЗ: Региональный оператор по обращению с твердыми коммунальными отходами (ТКО) – компания, которая отвечает за весь цикл обращения с отходами: сбор, транспортирование, обработку, утилизацию, обезвреживание и захоронение [3].

Статус Регионального оператора присваивается в результате победы в конкурсном отборе, одним из критериев оценки которого является значение приведенной стоимости услуг регионального оператора на весь срок его деятельности. Данная величина впоследствии трансформируется в единый тариф регионального оператора и плату за коммунальную услугу по обращению с твердыми коммунальными отходами, предъявляемую, в том числе, населению [7].

Далее, если обратиться к действующему законодательству, то можно заметить, что договор с региональным оператором лишь формально соответствует критериям публичного договора. В соответствии со статьей 426 ГК РФ, публичный договор характеризуется заключением коммерческой организацией, осуществлением деятельности, которая по характеру должна выполняться для каждого обратившегося, равными условиями для всех потребителей [3].

Региональный оператор, в свою очередь, действительно является коммерческой организацией и обязан заключать договоры со всеми потребителями на закрепленной территории. Однако ключевое отличие заключается в основании возникновения обязанности по заключению договора. В классической модели публичного договора эта обязанность

возникает из гражданско-правового статуса организации, тогда как в случае с региональным оператором – из прямого указания закона (статья 24.7 Федерального закона № 89-ФЗ).

Но тем не менее, фактически потребитель лишен выбора – он не может обратиться к другому исполнителю, поскольку региональный оператор действует в условиях «законодательно установленной монополии». Это позволяет говорить о некотором «квазипубличном» характере договора, где публичность обусловлена не предпринимательской деятельностью оператора, а его особым публично-правовым статусом.

При этом, по мнению Брагинского М. И., договор служит идеальной формой активности участников гражданского оборота [5]. Однако, если законодатель и закрепил активное участие потребителя при заключении договора на вывоз ТКО путем подачи заявки на заключение договора, потребитель зачастую не выражает намерения заключить договор, не подает заявку и не предоставляет данные об осуществляемой деятельности в иной форме, кроме того, выражает отказ от заключения договора при обращении за необходимыми сведениями со стороны регионального оператора по обращению с ТКО, что, в свою очередь, приводит к активным действиям последнего по вопросу необходимости заключения договора [6].

Вышеописанная двойственная природа договора порождает два различных механизма принуждения к его заключению:

Первый – гражданско-правовой механизм. В теории любая из сторон может требовать понуждения к заключению договора через суд в соответствии со статьей 445 ГК РФ. На первый взгляд этот механизм оказывается малоэффективным. Для регионального оператора подача исков к тысячам потребителей экономически нецелесообразна и организационно сложна. Но, если обратиться к судебной практике, то тенденция совершенно противоположная. Так, по делу № А41-104441/2019 Арбитражного суда Московского округа заключение публичного договора на обращение с ТКО является обязательным для лиц, которым принадлежит на праве собственности объект недвижимого имущества, соответственно, обязанность вытекает из прямого указания закона [4].

Второй – административно-правовой механизм. Фактически основным инструментом принуждения стала административная ответственность. Несоблюдение требований в сфере обращения с ТКО квалифицируется по статье 8.2 КоАП РФ [2], что позволяет привлекать к ответственности как граждан, так и юридических лиц.

Тем не менее, большинство людей уверены, что если они не заключали договор на вывоз ТКО – платить они ни за что не обязаны, даже в том случае, если их мусор вывозиться. Подобное видение ситуации порождает следующую проблему – рост задолженности и, соответственно, пени за несвоевременную оплату, между региональным оператором и гражданином. Как показывает практика, суды практически в 100% случаев встают на сторону регионального оператора и обязывают должников выплачивать денежные средства.

Если говорить о каких-либо предложениях по совершенствованию законодательства, то стоит отметить следующие пути решения данной проблемы:

1. Закрепить в Федеральном законе № 89-ФЗ специальный правовой режим договора на оказание услуг по обращению с ТКО, определив его как "публичный договор в сфере регулируемых услуг".

2. Установить четко определённый административный порядок заключения договора, при котором направление региональным оператором оферты считалось бы автоматическим заключением договора, если потребитель в установленный срок не направил мотивированный отказ.

3. Разработать специальный упрощенный порядок взыскания задолженности по оплате услуг по обращению с ТКО, аналогичный применяемому в жилищно-коммунальной сфере.

Подводя итоги, стоит отметить, что проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости признания смешанной правовой природы договора на оказание услуг по обращению с ТКО. Сочетание частноправовых и публично-правовых элементов в данном договоре объективно обусловлено спецификой регулируемых отношений. Для эффективного функционирования системы обращения с отходами требуется внесение изменений в законодательство, которые бы четко разграничивали сферы применения гражданско-правовых и административных методов регулирования.

Список используемых источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 14.07.2022) "Об отходах производства и потребления" // Собрание законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 29.10.2025).
3. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 14.07.2022) "Об отходах производства и потребления" // Собрание законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.
4. Резолютивная часть решения Арбитражного суда Московского округа от 14.02.2020 по делу № А41-104441/2019. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cfeb06a2-ac05-4e5c-9f71-46ee7eaf905f/f42e1821-0456-4225-a4df-32335e241996/A41-104441-2019_20200214_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 29.10.2025).
5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 1999. 848 с.
6. Золотарева, П.О. Заключение договора на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами с региональным оператором по обращению с твердыми коммунальными отходами / П.О. Золотарева // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 1А. – С. 229-234.
7. Соболев Т. С., Морозова О. В. Сохранение экономической привлекательности фирмы-регионального оператора в условиях реформирования отрасли обращения с твердыми коммунальными отходами // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2020. – №. 1 (50). – С. 187-193.

Солодовникова Валерия Дмитриевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Савин Владимир Дмитриевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

***Аннотация.** Статья посвящена комплексному анализу конституционного права на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации. Особое внимание уделяется проблемам правоприменения в данной сфере, включая сложности доказывания причинно-следственной связи и возможную недостаточную эффективность государственного контроля. Анализируются механизмы защиты права: административный, судебный, информационный, а также различные формы участия общественности в принятии экологически значимых решений.*

***Ключевые слова:** конституционные гарантии, экологическое законодательство, возмещение экологического вреда, экологическая информация, общественный экологический контроль, экологическая экспертиза, механизмы защиты экологических прав, природоохранные нормативы.*

Право на благоприятную окружающую среду является одним из фундаментальных прав человека, признанных на международном и национальном уровнях. В Российской Федерации оно возведено в ранг конституционной гарантии, что подчеркивает его высочайшую социальную значимость. Однако закрепление права в Основном законе страны – это лишь первый шаг; ключевой вопрос заключается в эффективности механизмов его реализации и защиты.

Право на благоприятную окружающую среду занимает особое место в системе конституционных ценностей современной России, выступая неотъемлемым условием достойной жизни и свободного развития личности, определяющая Российскую Федерацию как социальное государство. Непосредственно данное право закреплено в статье 42 Конституции Российской Федерации, которая провозглашает: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» [1]. Эта лаконичная, но емкая формула устанавливает триединую правовую конструкцию, где право на благоприятную среду является ядром, а права на информацию и возмещение ущерба – важнейшими гарантиями его реального осуществления

и судебной защиты. Уникальность данной конституционной нормы заключается в ее прямом действии, что означает возможность ее непосредственного применения судами, даже в случаях, когда отраслевое законодательство недостаточно конкретно или имеет пробелы.

Конституционные рамки получают свое фундаментальное развитие и конкретизацию в системе федерального законодательства, прежде всего в базовом кодифицирующем акте – Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Данный нормативный акт занимает ключевую позицию в системе практического воплощения конституционных положений статьи 42. Помимо закрепления юридических дефиниций, он вводит четкий механизм, включающий средства и регламенты, направленные на создание и поддержание оптимального состояния окружающей среды. Фундаментальную роль играет норма, сформулированная в первой статье этого документа: «благоприятная окружающая среда – окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов» [2]. Закон дополняет это понятие, вводя критерий «нормативного качества», который определяется через систему нормативов, таких как нормативы допустимой антропогенной нагрузки, нормативы предельно допустимых концентраций (ПДК) вредных веществ и нормативы предельно допустимых уровней (ПДУ) вредных физических воздействий.

Для практической реализации права на благоприятную среду Закон «Об охране окружающей среды» закрепляет комплекс экономических и правовых механизмов. Так, граждане имеют право:

1. создавать общественные объединения, фонды и иные некоммерческие организации, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды;
2. направлять обращения в органы государственной власти и местного самоуправления о получении своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды в местах своего проживания;
3. предъявлять в суд иски о возмещении вреда окружающей среде.

Установление нормативов качества среды, основанных на санитарно-гигиенических нормативах, позволяет перевести абстрактное понятие «благоприятности» в измеримые, объективные показатели. Эти нормативы становятся юридическим основанием для предъявления претензий к хозяйствующим субъектам и государству в случае их нарушения.

Требование о достоверной информации, закрепленное в Конституции, получает свою процессуальную основу в статье 6 Закона № 7-ФЗ, где одним из полномочий органов государственной власти названо «обеспечение населения информацией о состоянии окружающей среды» [1]. Более того, Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» обязывает эти органы обеспечивать открытость и доступность такой информации, включая данные о состоянии окружающей среды.

Конституционная гарантия возмещения ущерба детализируется в главе XIV Закона «Об охране окружающей среды», которая устанавливает, что вред, причиненный окружающей среде, подлежит возмещению в полном объеме в соответствии с утвержденными таксами и методиками исчисления вреда, а при их отсутствии – исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния среды. Эта норма тесно переплетается с положениями гражданского законодательства. Статья 1079 ГК РФ, устанавливающая ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, является ключевой для привлечения к ответственности промышленных предприятий, объектов энергетики и транспорта, поскольку большинство видов производственной деятельности, оказывающей значительное негативное воздействие на природу, подпадают под это определение [3].

Право на благоприятную окружающую среду, гарантированное Конституцией, – это сложный юридический механизм, а не просто декларация. Его ядро – сама Конституция, а структуру формирует целый ряд федеральных законов: от профильных кодексов (Водного, Лесного, Земельного) до базового закона «Об охране окружающей среды», который поддерживается нормами гражданского, административного и уголовного права. Задача всей

этой системы – превратить формальное право в реально действующую и доступную для граждан гарантию.

Конституционное право на благоприятную окружающую среду не остается декларативной нормой, а получает развернутую и детализированную реализацию через сложную, многоуровневую систему федерального законодательства. Эта система представляет собой комплекс взаимосвязанных нормативных актов, которые переводят абстрактные конституционные гарантии в конкретные правовые инструменты, процедуры, механизмы ответственности и защиты. Центральным элементом данной системы выступает Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», который по своему значению и содержанию является фактическим экологическим кодексом России. Именно этот Закон раскрывает содержание ключевых понятий, закрепляет основы экономического регулирования, нормирования и контроля, создавая тем самым среду для реализации конституционного права.

Важнейшей функцией Закона «Об охране окружающей среды» является установление объективных, измеримых критериев того, что считать «благоприятной средой». Согласно статье 1 Закона, благоприятная окружающая среда – это «окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов». Однако одного этого определения недостаточно. Закон наполняет его конкретным содержанием через институт нормирования. Глава V Закона целиком посвящена этому вопросу. В частности, статья 21 вводит такие инструменты, как нормативы качества окружающей среды, которые устанавливаются на основе санитарно-гигиенических нормативов, в том числе нормативов предельно допустимых концентраций (ПДК) химических и иных веществ и нормативов предельно допустимых уровней (ПДУ) вредных физических воздействий. Эти нормативы служат юридическим эталоном: если их значения не соблюдаются, среда признается неблагоприятной, что дает гражданам право требовать принятия мер. Дополнительным инструментом являются нормативы допустимого воздействия, устанавливаемые для хозяйствующих субъектов (статья 22), которые призваны обеспечить соблюдение нормативов качества среды.

Реализация конституционной гарантии на возмещение ущерба обеспечивается синтезом положений экологического и гражданского законодательства. Статья 77 Закона «Об охране окружающей среды» устанавливает обязанность полного возмещения вреда, причиненного окружающей среде, в соответствии с утвержденными таксами и методиками, а при их отсутствии – исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды. Статья 78 детализирует порядок предъявления исковых требований и расчета размера вреда. Однако для возмещения вреда, причиненного именно здоровью или имуществу гражданина (как того требует Конституция), ключевое значение имеют нормы Гражданского кодекса Российской Федерации. Статья 1064 ГК РФ закрепляет общий принцип: «Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред» [3]. При этом в случае экологических правонарушений часто применяется статья 1079 ГК РФ об ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Поскольку промышленное производство, использование атомной энергии, строительство и т.д. признаются такой деятельностью, бремя доказывания отсутствия вины ложится на причинителя вреда, что существенно облегчает положение потерпевшего гражданина.

Помимо рамочного Закона № 7-ФЗ, конституционное право реализуется через ряд специализированных актов, регулирующих охрану отдельных компонентов природной среды. Так, Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» конкретизирует механизмы защиты одного из важнейших для жизни и здоровья человека компонентов среды. Статья 30 этого Закона прямо устанавливает право граждан на возмещение вреда, причиненного здоровью и имуществу загрязнением атмосферного воздуха. Аналогичные нормы содержатся в Водном кодексе РФ (статья 68) и Лесном кодексе РФ (статья 100), которые закрепляют ответственность за нарушение водного и лесного законодательства соответственно.

Особое место в системе гарантий занимает Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Именно этот Закон и принятые в его исполнение санитарные правила (СанПиНы) устанавливают те самые гигиенические нормативы (ПДК, ПДУ), которые являются объективной основой для определения «благоприятности» среды. Статья 18 Закона обязывает граждан и юридических лиц проводить мероприятия, направленные на обеспечение безопасности и безвредности для человека факторов среды обитания, и соблюдать указанные санитарные правила. Таким образом, санитарное законодательство предоставляет технико-юридический фундамент для оценки соблюдения экологических прав.

В совокупности рассмотренные федеральные законы образуют плотное нормативное поле, которое опосредует реализацию конституционного права на благоприятную окружающую среду. Они трансформируют его из общей идеи в систему конкретных правомочий, процедур, стандартов и механизмов юридической ответственности, создавая тем самым работающий, хотя и не лишенный проблем, правовой механизм защиты экологических интересов личности и общества.

Несмотря на комплексное законодательное закрепление права на благоприятную окружающую среду, его практическая реализация сталкивается с рядом системных проблем, которые создают существенный разрыв между формальными гарантиями и реальным положением дел. Одной из наиболее значительных трудностей является проблема правоприменения, в рамках которой можно выделить сложность доказывания причинно-следственной связи между действиями (или бездействием) конкретного хозяйствующего субъекта и наступившими негативными последствиями для здоровья или имущества гражданина. Для успешного исхода дела в суде истцу необходимо представить убедительные доказательства того, что именно выбросы или сбросы ответчика привели к ухудшению качества среды и причинению вреда. Это требует проведения дорогостоящих экспертиз, сбора проб и привлечения специалистов, что часто непосильно для отдельного гражданина. Хотя статья 79 Федерального закона № 7-ФЗ и обязывает юридических и физических лиц, деятельность которых связана с повышенным негативным воздействием на окружающую среду, возмещать причиненный вред и принимать добровольные меры по его устранению, процедура доказывания остается крайне обременительной.

Другой критической проблемой выступает недостаточная эффективность государственного экологического контроля и надзора. Несмотря на полномочия, предоставленные органам Росприроднадзора, такие как проведение плановых и внеплановых проверок (Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»), их ресурсная и кадровая ограниченность не позволяет осуществлять повсеместный и эффективный мониторинг. Это приводит к тому, что многие нарушения выявляются лишь постфактум, когда вред окружающей среде уже причинен. Сохраняется проблема согласования экономических и экологических интересов. На практике разрешительные документы, такие как положительное заключение государственной экологической экспертизы, иногда выдаются для проектов, несущих значительные экологические риски, под давлением экономической целесообразности и инвестиционных программ. Статья 33 Федерального закона № 7-ФЗ прямо запрещает хозяйственную деятельность, последствия воздействия которой непредсказуемы, а также направленную на истощение природных ресурсов, однако на этапе экспертизы прогнозы последствий могут быть излишне оптимистичными.

Для преодоления этих проблем законодательство предусматривает ряд конкретных механизмов реализации и защиты права.

Административный механизм является первым и наиболее доступным инструментом. Граждане вправе направлять обращения, жалобы и заявления в органы государственной власти, такие как Роспотребнадзор и Росприроднадзор, с требованием провести проверку по факту выявленного нарушения и принять меры по его пресечению.

Наиболее эффективным, хотя и наиболее сложным, является судебный механизм защиты. Граждане могут использовать несколько видов судебных исков. Во-первых, это иски

о возмещении вреда здоровью и имуществу, основанные на нормах Гражданского кодекса РФ. Во-вторых, это иски о прекращении экологически вредной деятельности. Например, можно требовать через суд обязать предприятие внедрить наилучшие доступные технологии или приостановить работу, если она осуществляется с нарушением экологических требований. В-третьих, граждане могут обжаловать в суде решения органов власти, например, решение о предоставлении водного объекта в пользование или разрешение на выбросы, если они считают, что такие решения нарушают их права.

Информационный механизм, основанный на статье 42 Конституции РФ и развитый в Законе № 8-ФЗ, служит краеугольным камнем для всех остальных способов защиты. Без доступа к достоверной информации о состоянии среды, о выданных разрешениях, о результатах проверок невозможно ни составить обоснованную жалобу, ни подготовить убедительный иск в суд. Активное использование права на информацию позволяет осуществлять общественный экологический контроль, который является мощным дополнением к государственному.

Наконец, важнейшим превентивным механизмом является участие общественности в принятии экологически значимых решений. Это участие реализуется, в частности, через институт общественной экологической экспертизы, регламентированный Федеральным законом от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе». Статья 19 этого Закона определяет, что общественная экологическая экспертиза может проводиться до или одновременно с государственной экспертизой, а ее заключение, хотя и не обладает прямой обязательной силой, подлежит обязательному учету государственной экспертной комиссией [5]. Другими формами участия являются публичные слушания по проектам хозяйственной деятельности, которые могут оказывать воздействие на окружающую среду. Эти слушания, проводятся в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности и нормами Земельного кодекса, позволяют гражданам влиять на принимаемые решения на ранней стадии.

Право на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации является полноценной конституционной гарантией, подкрепленной разветвленной системой законодательных актов. Однако декларативность этого права преодолевается только через активную позицию граждан и их готовность использовать предоставленные законом инструменты для его защиты. Эффективная реализация этого права зависит от слаженной работы трех элементов: четкого и исполняемого законодательства, действенного государственного контроля и ответственного гражданского общества.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
5. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.
6. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5010.

Степанченко Сергей Павлович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Першина Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ ВЕЩЕСТВЕННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

***Аннотация.** В данном научном исследовании особое внимание уделяется особенностям признания предметов и документов вещественными доказательствами в уголовных делах о преступлениях, совершенных в области экономики. Авторами статьи проводится детальный анализ теоретических основ и применения правовых норм процессуального права, которые определяют ключевые признаки и критерии вещественных доказательств, специфику их изъятия, хранения и исследования. Также в работе изучаются значимые различия в характеристиках доказательств, связанным с экономической природой преступлений, сложностью материальных и нематериальных объектов, а также ключевой роли электронных и цифровых носителей сведений и информации. Статья, прежде всего, направлена на систематизацию современной законодательной базы и методологию доказательственной деятельности, которая способствует повышению уровня эффективности предварительного следствия и судебного разбирательства в экономической правоохранительной области.*

***Ключевые слова:** вещественные доказательства, уголовное судопроизводство, цифровой след, сбор доказательств, оценка доказательств, информационная безопасность, экспертиза, правовые проблемы.*

Для начала хотелось бы отметить, что вещественные доказательства в настоящее время играют важное значение в уголовном судопроизводстве, обеспечивая подтверждение фактов, которые необходимы для установления истины по конкретному делу. Особенности признания предметов и документов вещественными доказательствами в делах, которые тесно связаны с экономическими преступлениями, характеризуются определенной спецификой непосредственно предметной области, сложностью совершаемых деяний и множеством форм и видов доказательственной информации. На сегодняшний день, в эпоху развития цифровых технологий, когда экономические преступления в большей степени связаны с их применением, а также с использованием электронных документооборотом и многоструктурных финансовых операций, вопросы квалификации и обращения с вещественными доказательствами приобретают особую актуальность.

Итак, под вещественными доказательствами принято понимать предметы, документы, а также иного рода материальные объекты, которые наделены доказательственным значением в уголовном процессе. Значимые признаки данных доказательств включают в себя реальность существования, непосредственную взаимную связь с обстоятельствами дела и возможность объективного исследования [1, с.22].

В современных положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) указано, что вещественными доказательствами могут выступать

предметы, документы, материалы, имеющие прямое отношение к расследуемому преступлению, и могут служить подтверждением или опровержением обстоятельства дела [2].

В своих работах Е.В. Каймина не раз отмечала, что: «Вещественными доказательствами могут выступать предметы, служившие орудием преступления. Например, нож, которым было совершено убийство, лом, которым сорвали замок на двери гаража. Предметы, сохранившие на себе следы преступления. К ним относятся одежда со следами крови, стакан с пальцевыми отпечатками, следы взлома замка на входной двери квартиры и другие. Предметы, на которые были направлены преступные действия. К примеру, похищенные наличные деньги или ценные бумаги, угнанный автомобиль, украденный мобильный телефон. Деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершённого преступления. К ним относятся драгоценности или оргтехника, купленные на украденные деньги или деньги, полученные в виде взятки. Иные предметы и документы, которые могут служить средством для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. К ним относятся забытые на месте совершения преступления паспорт, зажигалка, оставленный там окурок и другие» [3, с. 35].

Для экономических преступлений особое значение приобретает правильная квалификация документов, как вещественных доказательств, а также предметов, которые непосредственно относятся к противоправной деятельности. Стоит сказать, что такими документами, как правило, выступают договоры, отчеты, бухгалтерские документы, а также файлы, хранящиеся на электронных носителях. Если вести речь о предметах, то чаще всего, они выступают в роли денежных знаков, ценных бумаг или определенного оборудования, которые используются в процессе реализации экономической деятельности.

В современной практике преступления, совершенные в области экономики, обуславливаются разнообразием предметов, которые могут быть изъяты как вещественные доказательства. К таким предметам, в настоящее время, могут быть отнесены:

- денежные средства, причем как в наличной, так и в безналичной форме;
- товарно-материальные ценности;
- оборудования и техника, которая используется для совершения противоправного деяния;
- компьютерная техника и цифровые носители информации [4, с.61].

Стоит сказать, что, несмотря на общие процессуальные положения об изъятии и признании вещественными доказательствами, экономическая специфика требует детального внимания к сохранению целостности, аутентичности и юридической значимости данных объектов. К примеру, при изъятии компьютерной техники особое значение приобретает своевременная экспертиза и документирование, направленная на обеспечение доказательственной ценности данных, которые хранятся непосредственно на данной технике.

При расследовании преступлений в экономической сфере, как показывает современная правоприменительная практика, чаще всего возникают вопросы, которые связаны с оценкой вещественных доказательств: определение стоимости, достоверности, подлинности. В данных случаях необходимо привлечение экспертов экономической области: бухгалтеров, экономистов, специалистов по информационной безопасности.

Стоит согласиться с мнением Т.Р. Устова, который считал, что: «Документы могут выступать в качестве вещественных доказательств в уголовных делах о преступлениях в сфере экономики. Они служат средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств дела. Документы, являющиеся вещественными доказательствами, остаются при уголовном деле в течение всего срока хранения последнего либо передаются заинтересованным лицам по их ходатайству. При расследовании преступлений в сфере экономики документы могут изыматься на этапе доследственной проверки, в рамках других процессуальных действий. Например, это получение объяснений, изъятие образцов для сравнительного анализа» [5, с.302].

Необходимо сказать, что документальные доказательства представляют собой основную группу доказательств по делам экономической направленности. К таким доказательствам относятся первичная документация, бухгалтерские записи, договоры, акты, электронные письма и базы данных.

Ключевая особенность признания документов вещественными доказательствами заключается в необходимости установления их подлинности и значимости юридического характера. Но, сложности могут возникнуть при идентификации оригинального документа, а также в исключении фальсификации сведений.

Стоит сказать, что в период глобализации и цифровизации, которые обуславливаются динамичным развитием и внедрение новых цифровых технологий, возрастают требования к обеспечению целостности документов, хранящихся на электронных носителях, а также возможности их применения в качестве доказательства. Для этого, как показывает практика, используются методы криптографической защиты, электронная подпись, а также специфические технические средства.

На практике встречаются наиболее актуальные проблемы, которые, в первую очередь, связаны с установлением критериев признания тех или иных предметов и документов вещественными доказательствами. Также встречаются частые ошибки в квалификации материалов, что, как правило, приводит к недопустимости доказательств и потере значимых сведений для уголовного дела.

Для того, чтобы повысить эффективность расследования, а также решить вышеуказанные проблемы, необходимо:

- 1) унифицировать процедуры изъятия, учета и хранения вещественных доказательств в экономических делах с учетом специфики и структуры цифровых и материальных объектов;
- 2) разработать определенные рекомендательные методики по экспертизе экономических и бухгалтерских доказательств;
- 3) усилить подготовку правоохранительных органов и специалистов в области экономической экспертизы и информационных технологий;
- 4) внедрять современные технологические средства, которые будут направлены на автоматизацию документооборота и обмена информацией [6, с.57].

В заключение стоит еще раз отметить, что признание предметов и документов вещественными доказательствами в уголовных делах об экономических преступлениях требует учета структуры и специфики экономической деятельности, ключевых особенностей цифровой информации, а также высокой ответственности при сохранении и исследовании доказательств. Модернизация и реформирования законодательной базы российского государства, а также совершенствование практических методик в данной области позволит динамично и эффективно повысить качество расследования экономических преступлений.

Список используемых источников:

1. Владыкина, Т.А. Судьба вещественных доказательств: публично-правовые и частноправовые подходы / Т.А. Владыкина // Мировой судья. – 2024. – №4. – С.21-23.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – ст. 4921.
3. Каймина, Е.В. Некоторые особенности расследования преступлений экономической направленности / Е.В. Каймина // Эпоха науки. – 2023. – № 9. – С. 34-36.
4. Щетинин, С.А. Проблемы привлечения специалиста к участию в следственных действиях при расследовании экономических преступлений / С.А. Щетинин // Достижения науки и образования. – 2018. – № 2. – С. 60-63.
5. Устов, Т.Р. Требование о производстве ревизии документальных проверок как иное процессуальное действие в стадии возбуждения уголовного дела / Т.Р. Устов // Вестник АГУ. – 2025. – № 2 (158). – С. 301-303.
6. Рачева, Н.В. Ревизия в уголовном судопроизводстве / Н.В. Рачева // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 3. – С. 56-58.

Степуков Константин Михайлович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Беляева Татьяна Николаевна,
ассистент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ РАЗОБЩЕННОСТИ И КОЛЛИЗИЙ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

***Аннотация.** Статья исследует проблему коллизий в экологическом праве России. В работе систематизированы подходы к их пониманию, разработана классификация по различным основаниям и проанализированы характерные терминологические противоречия. Предложен механизм разрешения коллизий через нормы-приоритеты, коллизионные нормы и согласование интересов. Даны рекомендации по гармонизации законодательства для "зеленой" экономики и правоприменительной практики. Результаты применимы в нормотворчестве, судебной практике и науке.*

***Ключевые слова:** экологическое право, юридические коллизии, разобщенность законодательства, экологическое законодательство, презумпция экологической опасности, коллизионные нормы, "зеленая" экономика.*

Современное экологическое законодательство России представляет собой сложную, динамично развивающуюся систему нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере охраны окружающей среды и природопользования. Однако его развитие сопровождается нарастанием внутренних противоречий и разобщенности, что существенно снижает эффективность правового регулирования в данной области [5, с. 70].

В доктрине экологического права доминируют две трактовки юридических коллизий. Первый – узконормативный подход – предполагает рассмотрение коллизий только как явления, свойственного экологическому праву как позитивному образованию. Сами коллизии в этом случае следует определять как противоречия, существующие между двумя и более эколого-правовыми нормами, направленными на регулирование одних и тех же общественных отношений в сфере охраны окружающей среды. В этом смысле термины «коллизии в экологическом праве» и «коллизии в экологическом законодательстве» следует рассматривать как тождественные, поскольку коллизии в экологическом праве будут одновременно выступать и коллизиями в экологическом законодательстве [6]. В рамках данного подхода понятия «коллизии в экологическом праве» и «коллизии в экологическом законодательстве» используются как синонимы.

Более широкий взгляд на правовую природу коллизий в экологическом праве позволяет рассматривать их как противоречия, нередко переходящие в открытые правовые конфликты между участниками экологических правоотношений, проявляющиеся не только столкновением эколого-правовых норм, но и противостоянием эколого-правовых взглядов, позиций, интересов (субъектов правотворческой и правоприменительной деятельности, а также других участников экологических отношений) [6]. При таком понимании коллизии в экологическом законодательстве выступают только одним из видов коллизий в экологическом праве.

Противоречия в экологическом праве имеют сложное строение, и их можно классифицировать по разным признакам, которые показывают их суть и причины появления.

По характеру противоречий выделяются:

1. Терминологические: когда один и тот же правовой термин имеет разный смысл в нормативных актах. Например, что такое «наилучшая технология» – в законе и в подзаконном акте могут быть разные определения, что создает путаницу.

2. Содержательные: когда правила напрямую противоречат друг другу. Например, один закон запрещает деятельность в водоохранной зоне, а другой – разрешает.

3. Компетенционные: когда непонятно, какая именно власть (например, федеральная или региональная) отвечает за вопрос. Это приводит к тому, что несколько органов одновременно пытаются контролировать одну сферу (например, лесной контроль) или, наоборот, никто не хочет этим заниматься.

Важным инструментом, направленным на предотвращение таких конфликтов, является презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности, закрепленная в ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» [1]. Данная презумпция лежит в основе разрешительной системы, согласно которой любую деятельность нужно заранее согласовать с государством.

Коллизии между нормативными актами делятся на вертикальные и горизонтальные. Вертикальные возникают между документами разного уровня власти, например, когда закон региона противоречит федеральному, и в этом случае действует принцип верховенства федерального права. Сюда же относятся случаи, когда подзаконный акт, например приказ министерства, искажает смысл исходного закона. Горизонтальные коллизии – это противоречия между актами одного уровня, например, когда требования Лесного кодекса входят в конфликт с нормами Водного кодекса.

По сфере проявления коллизии пронизывают все стадии правового регулирования. Как обоснованно отмечает Н.И. Хлуденёва, «проблема эффективности экологического законодательства тесно переплетается с проблемой его коллизионности, поскольку внутренняя и внешняя согласованность нормативных правовых актов являются важными условиями действенности экологического законодательства» [5, с. 75].

Коллизии в правотворчестве возникают вследствие несоблюдения правил законодательной техники, что порождает нечеткость формулировок и терминологические ошибки в экологических предписаниях. Коллизии в правоприменении проявляются как непосредственные трудности при выборе применимого закона, когда суды и контрольно-надзорные органы сталкиваются с противоречиями между федеральными законами и иными нормативными актами. Системные коллизии обусловлены взаимосвязью всех компонентов окружающей среды, что способствует появлению внутрисистемных противоречий в законодательстве. Практическая острота проблемы подтверждается тем, что «Коллизии в экологическом законодательстве возникают как в процессе правотворчества – при законотворческих ошибках или противоречиях, так и в процессе правоприменения – при необходимости выбора применимого закона, что подчеркивает практическую остроту проблемы» [5, с. 72].

Особого внимания заслуживают коллизии между конституционным правом на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ) и правом на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности (ст. 34 Конституции РФ) [6].

Эти коллизии порождают конфликты между гражданами и хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность, загрязняющую окружающую среду.

Разобщенность экологического законодательства проявляется в своеобразии формулировок и определений, принятых в экологическом праве, которые проявляются в использовании различных определений для одних и тех же понятий в разных нормативных актах, что создает трудности в правоприменительной практике. Так, автор Макарова Т.И., отмечает: «К такого рода факторам мы относим, в первую очередь, специфику применяемой в экологическом праве терминологии ... Проблема кроется в том, что для определения этой отрасли права, ее дифференциации от иных было предложено использовать название естественнонаучной дисциплины – экологии, в отличие от традиционного подхода называть отрасль по предмету, т.е. регулируемым ею общественным отношениям.». Последствием

такой разобщенности становится снижение эффективности защиты окружающей среды, правовая неопределенность для участников экологических отношений, а также создание условий для злоупотреблений и коррупции [4, с. 406].

Для устранения противоречий в экологическом праве необходим комплексный подход, включающий их предупреждение и разрешение. Основу этого механизма составляют принципы экологического права, которые направляют деятельность законодательных и правоприменительных органов. Ключевыми инструментами для этого служат: нормы-приоритеты, коллизионные нормы и процедуры согласования интересов.

Вертикальные коллизии разрешаются через нормы-приоритеты, закрепляющие иерархию правовых актов: федеральные законы, преобладают над региональным, а законы, над подзаконными актами, что обеспечивает единство правовой системы.

Горизонтальные коллизии между актами равной силы разрешаются с помощью коллизионных норм. Эти нормы не устанавливают права и обязанности напрямую, а определяют, какой из конфликтующих актов подлежит применению. Примерами таких правил являются принципы: "поздний закон отменяет ранний" и "специальный закон имеет приоритет над общим". Например, так, если общий закон «Об охране окружающей среды» и специальный закон «Об отходах производства и потребления» по-разному регулируют один и тот же вопрос, приоритет будет отдан положениям специального закона об отходах. Эти принципы служат основным инструментом для судов при выборе применяемой нормы.

Наиболее сложные коллизии, вызванные столкновением интересов (например, бизнеса и местных жителей), требуют досудебного урегулирования через процедуры согласования. К ним относятся общественные обсуждения, экологические слушания, ОВОС и межведомственные комиссии. Например, обязательная ОВОС перед запуском проекта позволяет согласовать интересы инвестора, государства и населения, выявив и минимизировав экологические риски [5, с.75]. Этот механизм предотвращает будущие правовые конфликты через диалог и поиск компромисса.

Также, например, как показано в исследовании К.К. Алиева, посвященном правовому обеспечению «Нового Шелкового пути», успешная реализация крупных международных инфраструктурных и экономических проектов (международные мега-стройки, где сталкиваются экологические интересы разных государств, местного населения и международных инвесторов) требует разработки эффективных механизмов для предотвращения и разрешения природоохранных коллизий [2, с.7].

Как справедливо отмечает М.А. Егорова: «В условиях перехода к модели «зеленой» экономики и цифровизации экологическое законодательство требует гармонизации с целями национального проекта "Экология", Стратегией экологической безопасности до 2025 года, Стратегией цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования» [3, с.1884].

Перспективным направлением считается развитие эколого-правовых принципов в контексте устойчивых инвестиций, «зеленых» закупок и реформы финансовых институтов [3, с.1885].

Таким образом, проблема разобщенности и коллизий в экологическом законодательстве требует системного подхода, учитывающего их многогранную природу – от узконормативных противоречий до конфликтов интересов. Ключом к решению данной проблемы является комплексное применение существующих юридических инструментов, включая иерархию норм-приоритетов для устранения вертикальных коллизий, коллизионные нормы для разрешения горизонтальных противоречий и процедуры согласования интересов, такие как ОВОС, для предотвращения социально-экологических конфликтов. В качестве стратегических перспектив для дальнейших изысканий и практической реализации видится проведение масштабной инвентаризации законодательства, разработка детальных методических рекомендаций для правоприменителей, а также гармонизация экологического права с целями "зеленой" экономики и цифровой трансформации. Предложенные меры будут способствовать повышению эффективности правового регулирования, укреплению экологической безопасности и достижению целей устойчивого развития.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 05.10.2025) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 13.
2. Алиев, К.К. Правовое обеспечение решения природоохранных коллизий при создании и реализации комплексного проекта «Новый Шелковый путь»: выпускная квалификационная работа магистра / К.К. Алиев. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 199.
3. Егорова, М.А. Принципы эколого-правового регулирования «зеленой» экономики в условиях цифровизации и защиты конкуренции / М.А. Егорова // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15, № 12. – С. 1880–1890.
4. Макарова, Т.И. Дефекты экологического права: постановка проблемы / Т.И. Макарова // Право в современном белорусском обществе: сборник научных трудов / редколлегия: В. И. Семенков (главный редактор) [и др.]. – Минск: Бизнесофсет, 2011. – Вып. 7. – С. 402–408.
5. Хлуденева, Н.И. Коллизии в экологическом праве: дис. ... канд. юрид. наук / Н.И. Хлуденева. – М., 2007. – С. 70-74.
6. Хлуденева, Н.И. Феномен коллизий в экологическом праве // Евразийская юридическая наука. – 2015 – № 5. – URL: <https://www.eurasialegal.info/index.php/legal-articles/199-2013-02-06-05-05-04/4649-2015-07-14-06-55-06> (дата обращения: 10.10.2025).

Стешенко Даниил Романович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Першина Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ, КАК ЦЕЛИ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

***Аннотация.** В статье исследуется проблема установления объективной истины как цели доказывания в уголовном процессе, рассматриваемая в философском, историко-правовом и процессуально-эпистемологическом аспектах. Автор анализирует эволюцию научных взглядов на истину – от концепции материальной истины до современных подходов, увязывающих ее с принципом состязательности и процессуальной формой доказывания.*

***Ключевые слова:** объективная истина, уголовный процесс, доказывание, достоверность доказательств, внутренняя убежденность суда, состязательность, справедливость.*

Одной из ключевых проблем современного уголовного судопроизводства является отсутствие в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) прямого закрепления принципа установления истины. При этом УПК РСФСР 1960 года содержал указание на необходимость всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, что фактически отражало требование достижения истины в процессе доказывания. Вместе с тем действующий УПК РФ [5], хотя и не закрепляет принцип установления истины как самостоятельный, содержит ряд норм, объективно ориентирующих на её достижение.

Проблема установления объективной истины как цели доказывания в уголовном процессе представляет собой одну из наиболее сложных и одновременно фундаментальных категорий юридической науки, объединяющую философские, эпистемологические и процессуально-правовые аспекты познания. На протяжении веков понятие истины рассматривалось в философии как соответствие знания действительности, как адекватное отражение реального мира в человеческом сознании. Такой подход, восходящий к идеям Платона, Аристотеля, Декарта, Канта, Гегеля, Фейербаха и Маркса, стал методологической основой для правовой доктрины, согласно которой истина в судебном процессе понимается как правильное, достоверное знание об обстоятельствах совершенного преступления, выражающее объективную реальность.

Исторически категория истины в уголовном процессе начала формироваться еще в дореволюционной России. В период судебной реформы 1864 года такие ученые, как Л.Е. Владимиров, И.Я. Фойницкий, В.А. Случевский и А.Ф. Кони, активно дискутировали о характере истины, обсуждая, способно ли судебное познание достичь ее в полной мере. Уже тогда высказывались сомнения в возможности абсолютного постижения истины вследствие ограниченности человеческого восприятия и несовершенства доказательных средств. Так, В.Д. Спасович и В.А. Случевский указывали, что «суд не может установить безусловную достоверность фактов, а способен лишь достичь высокой степени вероятности знания»

[1, с. 15]. Однако, несмотря на признание относительности судебного познания, истина оставалась ключевым ориентиром уголовного судопроизводства.

В советский период данная проблема получила новое развитие. М.С. Строгович определил истину как полное и точное соответствие выводов следствия и суда действительности [2], тем самым отождествив ее с понятием материальной истины. Впоследствии эта позиция подверглась критике: П.Ф. Пашкевич и Л.Т. Ульянова отмечали, что термин «материальная истина» [3, с. 34] вызывает сомнение относительно ее объективности, тогда как В.В. Никитаев предложил рассматривать истину не как абсолютную категорию, а как юридическую фикцию, выражающуюся в форме процессуальной истины, то есть результата судебного процесса, соответствующего требованиям закона [4].

Современная наука уголовного процесса продолжает дискуссию о характере истины. С одной стороны, в условиях состязательной модели судопроизводства акцент смещается на соблюдение процессуальных гарантий, равноправие сторон и законность судебного решения; с другой – сама логика уголовного процесса предполагает, что конечная цель доказывания состоит именно в установлении истины, соответствующей действительности. Так, статьи 73–75 УПК РФ определяют предмет и пределы доказывания, статья 17 – принцип внутреннего убеждения суда при оценке доказательств, статьи 305 и 307 – требования к мотивированности приговора. Эти нормы направлены на то, чтобы судебное решение основывалось на достоверных, проверенных и взаимосвязанных доказательствах, что фактически выражает стремление к объективной истине.

Тем не менее, современная редакция УПК РФ не предусматривает прямой обязанности следователя, прокурора или суда исследовать обстоятельства дела полно, всесторонне и объективно. Такое положение снижает аксиологическую значимость истины и усиливает риски обвинительного уклона. Между тем, как показывают исследования, доказывание по своей сути является познавательным процессом, в ходе которого субъекты – следователь, прокурор, суд – трансформируют исходную информацию о событии преступления в знание, подвергая ее логическому анализу, сопоставлению и проверке [6, с. 465]. Полученное в результате знание, отражающее действительность, и есть объективная истина. Она выражается не в субъективных убеждениях, а в устойчивом соответствии выводов суда реальным обстоятельствам дела.

Примером практической реализации данного подхода служит апелляционное постановление по делу № 10-5798/2023, вынесенное Челябинским областным судом. Осужденный по ч. 1 ст. 264 УК РФ оспаривал приговор, утверждая, что суд первой инстанции не установил объективную истину, опирался на недостоверные экспертизы и неполные доказательства. Сторона защиты заявляла ходатайства о назначении повторной экспертизы, указывая на противоречия в исходных данных и технические ошибки. Однако суд апелляционной инстанции, исследовав материалы дела, пришел к выводу о допустимости, достоверности и взаимной согласованности представленных доказательств. Суд мотивированно отметил, что «выводы первой инстанции основаны не на предположениях, а на совокупности проверенных доказательств, полученных с соблюдением процессуального закона, что исключает возможность произвольного толкования» [7]. В данном контексте апелляционная инстанция фактически подтвердила достижение истины в процессуальном смысле, соотнося ее с объективной действительностью.

Приведенный пример показывает, что даже в условиях состязательности, где формально приоритет отдается равенству сторон, суд неизбежно реализует познавательную функцию, направленную на установление объективной истины. При этом процессуальная форма выступает гарантом истинности: соблюдение требований относимости, допустимости и достоверности доказательств обеспечивает доверие к полученному знанию. В результате внутреннее убеждение судьи формируется не произвольно, а на основе логически выстроенной системы доказательств, взаимно подтверждающих друг друга. Соответственно, объективная истина проявляется через процессуальную, а материальная – через логическую достоверность судебных выводов.

Следовательно, истина в уголовном процессе – это не отвлеченная категория, а результат познавательной деятельности, направленной на установление реальных обстоятельств совершенного деяния, проверенных практикой и подтвержденных доказательствами. При этом практика выступает не только критерием, но и условием истинности: именно сопоставление теоретического вывода с реальным результатом судебного рассмотрения позволяет суду удостовериться в достоверности познанного.

Таким образом, можно утверждать, что установление истины остается внутренней целью уголовного судопроизводства, независимо от того, закреплено ли оно в законе в качестве принципа. Объективная истина не тождественна процессуальной, но последняя служит формой ее проявления в правоприменительной деятельности. Истина в уголовном процессе всегда имеет конкретно-исторический, вероятностный характер, но это не умаляет ее значения как критерия законности, справедливости и обоснованности судебного решения.

В свете изложенного представляется целесообразным нормативное закрепление в УПК РФ положения, согласно которому: «целью уголовно-процессуального доказывания является достижение истины в форме доказанных обстоятельств, соответствующих действительности». Такая формулировка не только не противоречила бы принципу состязательности, но и усилила бы его, поскольку равноправие сторон должно существовать не в ущерб истине, а в интересах ее установления. Государство, осуществляя уголовное преследование, обязано обеспечить, чтобы выводы суда о виновности или невиновности лица основывались на подлинно объективных данных, а не на формальном соответствии процедуры.

Тем самым, истина выступает не только познавательной, но и ценностной категорией уголовного процесса, отражающей его назначение – защиту прав личности, обеспечение справедливости и законности. Отказ от ориентации на истину в уголовном судопроизводстве превращает процесс в формальную процедуру, лишенную смыслового и нравственного основания. Именно поэтому достижение объективной истины должно рассматриваться как необходимая цель доказывания и как внутренний принцип уголовного судопроизводства, обеспечивающий его легитимность и доверие общества к судебной власти.

Список используемых источников:

1. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. – СПб.: 1861. – С.15-16.
2. Строгович М.С., Алексеева, Л.Б., Ларин, А.М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. – М.: 1979. – 226 с.
3. Пашкевич, П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. – М.: 1961. – 53 с.
4. Никитаев, В.В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление// Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. – М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1996.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
6. Мальцагов И.Д., Дадаев Х.М. Практика как критерий истины в уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №. 1. – С. 464-467.
7. Апелляционное постановление Челябинского областного суда № 10-5798/2023 от 7 сентября 2023 г. // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SpseymyJStJ0/> (дата обращения: 22.10.2025).

Стогнев Кирилл Олегович,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация.** В статье автором рассматриваются основные правовые проблемы перехода к устойчивой энергетике в России с акцентом на обеспечение экологической безопасности. Анализируются действующие нормативные акты, трудности согласования экономических и экологических интересов и предлагаются направления совершенствования правового регулирования для создания сбалансированной и эффективной правовой системы в энергетическом секторе. Особое внимание уделяется необходимости диалога между государством, бизнесом и экспертным сообществом для выработки действенных механизмов правового регулирования.*

***Ключевые слова:** устойчивая энергетика, экологическая безопасность, правовое регулирование, законодательство, топливно-энергетический комплекс, экологические требования, энергетическая политика*

Переход к устойчивой энергетике становится одной из важнейших задач современной России, поскольку именно энергетическая сфера оказывает комплексное воздействие на экологическую, экономическую и социальную обстановку в стране. На наш взгляд, забота о снижении негативного влияния энергетики на окружающую среду и одновременно удовлетворение растущих потребностей общества в ресурсах требует поиска новых балансов между развитием промышленности, соблюдением экологических стандартов и нормативов, а также внедрением инновационных решений. Мы полагаем, что сегодня климатические изменения и связанные с ними вызовы заставляют пересматривать правовые подходы к регулированию энергетического комплекса, стимулируя разработку и закрепление новых принципов для обеспечения экологической безопасности.

В современных условиях особое значение приобретает исследование именно правовых основ устойчивого развития энергетики, поскольку любые технологические или экономические изменения невозможны без соответствующей регламентации. Признание приоритета экологической безопасности, по нашему мнению, становится не только обязательной частью государственной политики, но и необходимым условием для долгосрочного развития страны. Вместе с тем, действующая законодательная база, регулирующая энергетический сектор, испытывает определенные трудности в части согласования интересов экономики и экологии. Анализ этих правовых механизмов и поиск оптимальных решений, на наш взгляд, заслуживают особого внимания в научном дискурсе.

Анализ основной проблемы, озвученной в наименовании статьи, следует начать с того, что же понимается под термином «устойчивая энергетика». Впервые данный термин был использован в рамках инициативы ООН «Устойчивая энергетика для всех» [1] в 2011 году и означает такое состояние энергетических ресурсов и их потребления, при котором удовлетворяются текущие энергетические потребности без ущерба для энергетических потребностей будущих поколений. В целом, согласимся с А.А. Пономаренко, что «достижение именно такого состояния актуально и необходимо для всего мира» [2, с. 136], так как далеко не все современные источники энергии являются возобновляемыми, в связи с чем существует риск их исчерпания, что негативно скажется на будущем следующих поколений.

Одновременно с этим стоит отметить, что переход к устойчивой энергетике так или иначе сопряжен с необходимостью обеспечения экологической безопасности, под которой, в соответствии со ст. 1 федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ понимается «состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от

возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» [3].

В целом отметим, что обеспечение экологической безопасности в контексте перехода к устойчивой энергетике сопряжено с рядом проблем, на одну из которых прямо указывает пп. «д» п. 14 указа Президента РФ от 13 мая 2019 года № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности в Российской Федерации». В частности, в данном подпункте сказано, что одним из внутренних рисков обеспечения энергетической безопасности страны является «избыточность требований, касающихся обеспечения экологической безопасности при осуществлении деятельности в отраслях топливно-энергетического комплекса, рост затрат организаций топливно-энергетического комплекса на обеспечение выполнения таких требований» [4]. Полагаем, что в данном случае речь идет не столько о самих целях экологического регулирования, сколько о том, насколько они соответствуют практическим возможностям предприятий и уровню развития российских технологий. Как совершенно справедливо отмечает В.В. Спиридонов, иногда нормативы и процедуры, направленные на охрану окружающей среды, «оказываются столь подробными и бюрократизированными, что существенно увеличивают административную и финансовую нагрузку на компании, затормаживают реализацию проектов, а порой даже мешают внедрению инноваций» [5, с. 107].

На наш взгляд, проблема заключается еще и в наличии определенного «перекоса»: экологическая составляющая превращается в самостоятельный барьер, затрудняющий развитие энергетики, вместо того чтобы служить инструментом для поиска баланса между экономикой и природой. Вместо гибкой системы учета реальных рисков и возможностей предприятий зачастую встречается формальный подход, когда соблюдение всех экологических требований становится самоцелью, а не средством улучшения экологической ситуации. Это, по нашему мнению, порождает дополнительные издержки как для бизнеса, так и для государства, поскольку возрастает вероятность того, что часть компаний предпочтет минимизировать деятельность или вообще уйти с рынка, чтобы избежать штрафов либо сложных процедур. Таким образом, чрезмерная избыточность регламентации не всегда ведет к реальному росту экологической безопасности, а скорее вынуждает задуматься о поиске более сбалансированных и реалистичных решений в российской правовой практике.

По нашему мнению, решение этой проблемы прежде всего возможно через совершенствование правовых норм и процедур, связанных с экологическим регулированием в энергетической отрасли. Важно, чтобы требования к компаниям были не только обоснованными и соразмерными рискам, но и учитывали реальные технические возможности бизнеса, а также этапность внедрения новых стандартов. Гибкий подход мог бы выражаться, например, в дифференциации требований в зависимости от масштабов производства или вида деятельности, а также в возможности получать отсрочки на выполнение особо затратных или технически сложных природоохранных мероприятий при одновременном контроле реального воздействия на экологию. На наш взгляд, было бы разумно разрабатывать такие механизмы, которые позволяли бы компаниям самостоятельно выбирать наиболее эффективные способы достижения экологических целей – конечно, под контролем государства.

Кроме того, нам представляется важным развитие механизмов диалога между государством, бизнесом и экспертным сообществом при создании и изменении экологических норм. При таком подходе удастся избежать частых случаев, когда на практике принимаются слишком жесткие или формальные требования, плохо приспособленные к отраслевым и региональным особенностям. Полагаем, что дополнительные юридические стимулы, такие как субсидии, налоговые льготы, или, например, ускоренное согласование проектов для компаний, внедряющих экологически чистые технологии, могли бы повысить заинтересованность бизнеса в соблюдении экологических стандартов без излишней правовой нагрузки. В целом, по нашему мнению, конкретизация и адаптация требований с учетом мнения всех участников процесса будут способствовать созданию действительно сбалансированной системы экологической безопасности в российской энергетике.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что эффективный переход к устойчивой энергетике в контексте обеспечения экологической

безопасности в России возможен лишь при выработке реально работающих и адекватных механизмов правового регулирования, которые учитывают как экологические риски, так и экономические и технические возможности компаний. Полагаем, что только такое сочетание позволит не только обеспечить защиту окружающей среды, но и сохранить динамичное развитие энергетической отрасли, что особенно важно для долгосрочных национальных интересов и будущих поколений.

Список используемых источников:

1. Инициатива «Устойчивая энергетика для всех» и ее будущая роль в контексте развития устойчивой энергетики // Официальный сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/22061?ysclid=mgqw1g8miw885007388> (дата обращения: 13.10.2025).
2. Пономаренко, А.А. Управление и регулирование качеством окружающей среды в энергетике: правовой аспект / А.А. Пономаренко // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 10(197). – С. 136-138.
3. Об охране окружающей среды : федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ : ред. от 26.12.2024 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
4. Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 20. – Ст. 2421.
5. Спиридонов, В.В. Правовые аспекты устойчивого развития в энергетическом секторе / В.В. Спиридонов // Вопросы права. – 2025. – № 1. – С. 105-110.

Субцельная Елизавета Евгеньевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ЗАЩИТА ПРАВ УЧАСТНИКОВ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

***Аннотация.** Современная энергетика России функционирует в условиях беспрецедентного санкционного давления, которое оказывает системное влияние на экономическую, технологическую и правовую инфраструктуру отрасли. Введённые ограничительные меры со стороны США, Европейского союза и ряда других государств затрагивают как экспорт энергоресурсов, так и импорт оборудования, технологий и программного обеспечения, необходимых для нормального функционирования энергетических объектов. В этой связи вопросы правовой защиты участников энергетического рынка приобретают не только теоретическое, но и первостепенное практическое значение.*

***Ключевые слова:** энергетическое право, санкционные ограничения, защита прав, энергетика, топливно-энергетический комплекс, Энергетическая стратегия, импортозамещение, экспортно-импортные операции, судебная защита, антимонопольное регулирование.*

Энергетика – это одна из основных промышленных сфер, которая имеет важное значение для развития других отраслей экономики и процветания страны в целом. В её состав входят различные секторы, которые обеспечивают государство энергоресурсами, производя и добывая их, выполняют свои задачи в сфере геологоразведки, разработки, производства, переработки и транспортировки источников энергии. «Энергия и энергетические ресурсы являются чрезвычайно важными источниками доходов и потерь для государства. В связи с этим вопросы энергетической безопасности и ее правового регулирования на национальном и международном уровнях становятся все более актуальными» [8].

С точки зрения системных характеристик современное энергетическое право представляет собой «комплексную отрасль права, которая, сочетая элементы предмета и метода правового регулирования гражданского, административного права и ряда иных отраслей, обладает собственной спецификой, ввиду чего порождает новые регулятивные свойства в отношении очень широкого круга общественных отношений в сфере энергетики» [7].

Санкционные ограничения, введённые рядом иностранных государств и объединений, кардинально изменили внешнеэкономический контекст деятельности российских компаний в топливно-энергетическом комплексе: нарушены цепочки поставок комплектующих и услуг, усложнились расчёты в иностранной валюте и исполнение международных контрактов, изменились экспортные маршруты и рынки сбыта. Этим вызовам сопутствуют государственные меры по импортозамещению и контролю экспорта/реэкспорта энерготехнического оборудования.

Санкции привели к тому, что ранее устойчивые механизмы международного сотрудничества – поставки турбин, систем автоматизации, сервисное обслуживание и страхование рисков – оказались под угрозой срыва. Это, в свою очередь, порождает комплекс

юридических коллизий, связанных с исполнением договорных обязательств, применением норм гражданского, энергетического и антимонопольного законодательства, а также необходимостью переосмысления роли государства как гаранта стабильности энергетического рынка.

Таким образом, сегодня перед энергетическим правом, стоят фундаментальные проблемы правового обеспечения: баланс интересов поставщиков и потребителей энергетических ресурсов; доступ к энергетическим сетям; ценообразование в сфере энергетики; защита прав участников энергетических рынков.

Правовая защита субъектов энергетического рынка в условиях санкций представляет собой совокупность мер, направленных на обеспечение устойчивости гражданско-правовых и публично-правовых отношений между участниками рынка.

Главным регулятором различных взаимодействий участников энергетического рынка выступает государство, в первую очередь создавая нормативно-правовую, законодательную базу. Конституция Российской Федерации, являясь Основным законом страны, обеспечивает основу для правового регулирования энергетического сектора, закрепляя принципы собственности, свободы предпринимательства и государственной ответственности за развитие энергетической системы [1]. Конкретные права участников энергетического рынка реализуются через законы и нормативные акты, регулирующие лицензирование, тарифообразование, доступ к инфраструктуре и другие аспекты деятельности. Важными нормативными правовыми актами, регулирующими деятельность участников сферы энергетики, является Федеральный закон "Об электроэнергетике", акты правительства Российской Федерации, Федеральной антимонопольной службы, Министерства энергетики и других регулирующих органов [4]. Так, положения вышеупомянутого Федерального закона № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», определяют принципы функционирования энергетических систем, права и обязанности субъектов рынка, а также основы государственного регулирования отрасли. Государственные органы могут устанавливать тарифы на услуги субъектов естественных монополий в электроэнергетике, обеспечивать недискриминационный доступ потребителей услуг сетевых организаций к электрическим сетям, включая утверждение органами исполнительной власти условий типовых договоров и порядка их заключения. Помимо этого, важнейшей функцией органов власти являются контроль и надзор за энергетическими компаниями со стороны Ростехнадзора, прокуратуры и других органов, особенно в части безопасности оборудования и исполнения договорных обязательств.

Вышеуказанные нормативные правовые акты устанавливают комплекс основных прав участников энергетического рынка, которые подлежат надлежащей защите и обеспечению со стороны государства, это:

- 1) право на участие в торговле энергетическими ресурсами;
- 2) право на получение достоверной, полной и точной информации о ценах, объемах, условиях поставки и других важных аспектах рынка;
- 3) право на заключение договоров (свободный выбор контрагентов и заключение договорных обязательств в рамках законодательства);
- 4) право на доступ к системе – возможность подключаться к сети, получать услуги по передаче и распределению энергии;
- 5) всеобщее право на защиту своих интересов, заключающееся в обеспечении соблюдения условий договоров, защите от недобросовестных действий других участников и т.п.;
- 6) право на участие в управлении рынком.

Однако специфика санкционного режима требует расширительного толкования этих норм в контексте общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации, прежде всего в части регулирования договорных обязательств и применения института форс-мажора. В современных условиях санкционные ограничения объективно могут рассматриваться как обстоятельства непреодолимой силы, препятствующие исполнению договоров, заключённых с иностранными контрагентами. Практика российских арбитражных судов постепенно формирует подходы к признанию таких обстоятельств юридически значимыми, если стороны предприняли все разумные меры по предотвращению негативных последствий.

Таким образом, механизм защиты прав участников рынка сегодня строится на сочетании общегражданских инструментов и специальных отраслевых регламентов, адаптированных к реалиям санкционной экономики.

В ответ на санкционное давление российское государство предприняло целый ряд нормативных шагов, направленных на смягчение правовых и экономических последствий для энергетических компаний. Правительством РФ, президентом, руководящими органами, регулирующими сферу промышленности и торговли, вводятся особые режимы экспортно-импортных операций, меры поддержки локализации производства, а также устанавливаются перечни оборудования, запрещённого к вывозу за пределы страны.

Кроме того, действующая Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2050 года предусматривает последовательное развитие национальной технологической базы и снижение зависимости от импорта критически важных компонентов [3]. Эта политика фактически становится частью правового механизма защиты участников рынка, так как способствует созданию новых возможностей для импортозамещения и повышает уровень энергетического суверенитета государства.

При этом необходимо учитывать, что санкции создают не только экономические, но и правовые вызовы: нарушение договорных связей, невозможность исполнения внешнеэкономических контрактов и ограничение валютных расчётов вынуждают участников рынка искать баланс между соблюдением международных обязательств и защитой национальных интересов.

На уровне судебной практики защита прав участников энергетического рынка в условиях санкций проявляется в двух ключевых направлениях.

Во-первых, это разрешение споров, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств вследствие санкций. Арбитражные суды России в последние годы вырабатывают тенденцию к признанию санкций обстоятельствами, не зависящими от воли сторон, если доказано, что их последствия объективно исключают возможность исполнения. Такое понимание соответствует принципу справедливости и правовой определённости, закреплённому в статье 1 ГК РФ, и позволяет сбалансировать интересы сторон при сохранении целостности договорной системы [2].

Во-вторых, судебная защита связана с обеспечением устойчивости функционирования энергетических объектов, которые относятся к категории стратегически значимых. В таких случаях суды исходят из приоритета общественных интересов и энергетической безопасности, ограничивая применение санкционных норм иностранного происхождения на территории России. Этот подход формирует своеобразный «правовой иммунитет» отечественных энергетических организаций в случаях, когда санкции противоречат основополагающим принципам российского права.

Особое значение в современных условиях приобретает деятельность Федеральной антимонопольной службы России, которая, с одной стороны, контролирует соблюдение правил конкуренции на энергетическом рынке, а с другой – содействует реализации политики импортозамещения. ФАС разъясняет порядок применения национального режима при закупках, допускает определённые преференции для российских производителей оборудования и способствует формированию конкурентной среды, ориентированной на внутренние ресурсы.

Таким образом, антимонопольное регулирование становится инструментом не только экономического, но и правового обеспечения энергетической безопасности.

В свою очередь импортозамещение перестаёт быть исключительно экономической категорией и превращается в юридически закреплённый элемент защиты интересов субъектов энергетического рынка. Государственные программы стимулирования отечественного производства оборудования для электроэнергетики, нефте- и газодобычи подкреплены нормативными актами, обеспечивающими участникам рынка приоритет в государственных закупках, а также субсидии и налоговые льготы при локализации производственных предприятий.

Такие меры в совокупности создают систему правовых гарантий, которая призвана не только компенсировать потери от санкций, но и обеспечить долгосрочную устойчивость энергетической отрасли.

Таким образом, защита прав участников энергетического рынка Российской Федерации в условиях санкций представляет собой многоуровневый правовой процесс, в котором переплетаются нормы гражданского, административного и отраслевого права. Основное содержание этой защиты заключается не столько в реактивных мерах против внешних ограничений, сколько в создании внутреннего правового пространства, обеспечивающего устойчивое развитие и технологическую независимость отрасли.

Современные вызовы показывают, что правовая система России обладает достаточным потенциалом для адаптации к санкционным реалиям. Комбинация правовых инструментов – договорной гибкости, судебной практики, государственного регулирования и программ импортозамещения – формирует фундамент новой энергетической политики, в которой юридическая защита становится неотъемлемой частью энергетической безопасности.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012_02007040001 (дата обращения: 20.10.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №32. – Ст. 3301.
3. Об утверждении энергетической стратегии РФ на период до 2050 год: Распоряжение Правительства РФ от 12 апреля 2025 г. № 908-р. // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503079.
4. Об электроэнергетике: Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ (в ред. от 25.10.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – №13. – Ст. 1177.
5. О мерах по обеспечению экономической безопасности и защите национальных интересов: Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. №311 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – №11. – Ст. 1703.
6. О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности: Указ Президента РФ от 08 марта 2022 №100 (в ред. от 17.09.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – №11. – Ст. 1671.
7. Василькова С.В. Системные характеристики и тенденции развития энергетического права / С.В. Василькова. // ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. – 2024. – №9(1). – С.170-173.
8. Пшеничников, Д.Е. Актуальные проблемы правового регулирования в сфере энергетики в Российской Федерации / Д. Е. Пшеничников. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 21 (520). – С. 566-569. – URL: <https://moluch.ru/archive/520/114426>.
9. Седова Ж.В. Влияние санкционного режима на электросетевой комплекс России: правовые аспекты // Электроэнергетика и право. – 2023. – №15 (62). – С. 137-143.

Сукач Ангелина Николаевна,
магистрант Юридического института,
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Мирошников Евгений Васильевич,
доцент кафедры административного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат экономических наук
(Белгород, Россия)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РИСКИ

***Аннотация.** статья посвящена анализу системы стратегического планирования Российской Федерации в сфере энергетической безопасности. Рассматриваются Доктрина энергетической безопасности и Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года как ключевые документы, определяющие направления развития топливно-энергетического комплекса и механизмы обеспечения его устойчивости в условиях возрастающих международных рисков. В работе выявлены национальные приоритеты, характер международных вызовов и степень их отражения в стратегических документах. Установлено наличие несоответствия между масштабом заявленных целей и уровнем конкретизации мер их реализации, что указывает на необходимость совершенствования правового регулирования и усиления межведомственной координации.*

***Ключевые слова:** энергетическая безопасность, стратегическое планирование, топливно-энергетический комплекс, национальные приоритеты, международные риски, Доктрина энергетической безопасности, технологический суверенитет.*

М. И. Клеандров чрезвычайно точно заметил, что «в любом варианте ... энергетика ... – основа человеческой цивилизации, и в ее прошлом, и сегодня, и в ее будущем в той или иной мере упорядочение этой основы, прежде всего при практическом использовании энергетики, осуществлялось правом» [6, с. 16]. Энергетический сектор занимает ключевое место в экономическом развитии Российской Федерации. Будучи одновременно поставщиком и потребителем углеродных ресурсов, Россия сформировала высокую позицию на мировом энергетическом и технологическом рынках, достигнутую в результате длительного непрерывного развития. Поддержание и развитие энергетического потенциала требует системной государственной политики, объединяющей экономические, правовые и управленческие инструменты.

Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) обладает высокой социально-экономической и инфраструктурной значимостью: он обеспечивает значительные поступления в бюджеты различных уровней, формирует основу промышленного производства и определяет уровень национальной безопасности. Его стабильное функционирование возможно лишь при координации широкого круга государственных функций, реализуемых компетентными органами в рамках единой стратегии.

Как верно отмечает А. Г. Лисицын-Светланов, «... для законодателя и структур, ответственных за внешнюю политику, важно определить параметры правовой политики внутри страны и на внешнем контуре. Одной из возникающих задач является определение

параметров правовой политики в сфере энергетики» [5, с. 8]. Развитие ТЭК регулируется значительным массивом правовых актов различного уровня, поскольку затрагивает интересы широкого круга лиц и влияет на уровень национальной безопасности. Центральным документом в системе стратегического планирования выступает Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента от 13 мая 2019 г. № 216 [1] (далее – Доктрина), которая определяет приоритеты, угрозы и механизмы обеспечения энергетической безопасности в условиях современных экономических и геополитических вызовов.

Предпосылки принятия Доктрины сформированы ранее утвержденной Стратегией национальной безопасности 2015 года, в которой энергетическая безопасность рассматривалась в контексте общегосударственных интересов, однако рамочный характер Стратегии не позволял учесть отраслевые особенности функционирования ТЭК, что обусловило необходимость разработки отдельного нормативного акта, посвященного исключительно энергетической сфере.

Доктрина 2019 года является системным документом стратегического планирования федерального уровня и формулирует полномочия государства в обеспечении устойчивого функционирования энергетического сектора. Она содержит нормативно закреплённые определения ключевых категорий: «угроза энергетической безопасности», «вызов энергетической безопасности» и «риск в области энергетической безопасности» [1]. Их разграничение имеет существенное значение для повышения точности управленческих решений и дифференциации мер правового регулирования.

В соответствии с Доктриной, основным приоритетом государственной политики является обеспечение потребностей государства в энергетических ресурсах, а также выполнение международных обязательств [1]. Последний аспект отражает стремление России формировать глобальные стандарты ответственного поведения в энергетической сфере и укреплять международное сотрудничество.

Мы солидарны с позицией Н.Г. Жаворонковой и Ю.Г. Шпаковского, которые среди существенных пробелов Доктрины называют «вопросы цифровизации и защиты критических технологий и объектов ТЭК» [4, с. 43]. В качестве основных направлений совершенствования правовых механизмов формирования энергетики нового типа исследователи предлагают создать условия для цифровой трансформации ТЭК, а также защиты критических технологий и объектов комплекса. Также они подчеркивают, что «вопрос обеспечения энергетической безопасности для нашей страны имеет самый высокий приоритет» [4, с. 43].

В развитие положений Доктрины ключевым программным документом в настоящее время выступает Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 12 апреля 2025 г. № 908-р [2] (далее – Стратегия-2050). Данная стратегия пришла на смену Энергетической стратегии до 2035 года и отражает обновленные национальные приоритеты, связанные с технологическим суверенитетом, цифровой трансформацией энергетики, снижением внешних зависимостей, формированием новых экспортных маршрутов, а также адаптацией к долгосрочным изменениям глобального энергетического баланса.

Сопоставление Доктрины энергетической безопасности с Энергетической стратегией Российской Федерации на период до 2050 года показывает высокий уровень согласованности нормативных целей. Несмотря на то что Стратегия-2050 также не содержит самостоятельного определения энергетической безопасности, ее положения детализируют направления модернизации ТЭК, соответствующие принципам, закреплённым в Доктрине. Это свидетельствует о преемственности стратегического планирования и о понимании взаимосвязи между отраслевым развитием и обеспечением энергетической безопасности.

Реализация целей, сформулированных в Доктрине, требует совершенствования правового регулирования. Документ подчеркивает необходимость обеспечения прозрачности и легитимности принимаемых мер, что предполагает модернизацию законодательства, адаптацию его к современным экономическим и политическим условиям и устранение несоответствий между отраслевыми и общегосударственными нормативными актами.

Несмотря на системный характер Доктрины, в ней сохраняется ряд концептуальных проблем. Основной из них является отсутствие конкретных инструментов реализации политико-правовых задач. Предложенные направления развития носят преимущественно декларативный характер и не содержат детальной регламентации механизмов достижения поставленных целей. Для изменений, требующих одновременной корректировки таможенного, налогового, антимонопольного и иного законодательства, необходима межведомственная координация, которая в Доктрине обозначена лишь в общих чертах.

Кроме того, анализ содержания Доктрины показывает, что вопросы трансграничных угроз, внешнеполитических рисков и международного сотрудничества затронуты фрагментарно. В основном акцент сделан на инфраструктурных аспектах обеспечения безопасности объектов энергетического комплекса, что ограничивает полноту правового регулирования.

Сравнение Доктрины с положениями Энергетической стратегии РФ до 2050 года демонстрирует, что вопросы безопасности в стратегическом документе представлены шире, чем в предыдущей стратегии, но все же недостаточно для полноценного нормативного обеспечения. В Стратегии-2050 подробно раскрываются направления технологического развития, включая водородную энергетику, цифровизацию отрасли, создание новых экспортных маршрутов и укрепление технологического суверенитета. Однако правовые механизмы обеспечения энергетической безопасности упоминаются преимущественно в контексте общих целей и не сопровождаются комплексной детализацией мер. Это ограничивает потенциал стратегических документов в части укрепления устойчивости ТЭК и снижает эффективность реализации задач, определенных Доктриной.

Энергетическая безопасность Российской Федерации формируется под влиянием совокупности национальных приоритетов и международных рисков, что обуславливает необходимость комплексного стратегического планирования, опирающегося на согласованную систему нормативных документов. В анализируемых стратегических актах федерального уровня сформировано целостное представление о целях, задачах и угрозах, определяющих современное состояние и перспективы развития топливно-энергетического комплекса. При этом прослеживается стремление государства обеспечить устойчивость энергетической системы, адаптировать ее к внешним вызовам и создать условия для достижения технологического суверенитета.

К числу ключевых национальных приоритетов относится обеспечение внутренней потребности страны в энергетических ресурсах, устойчивость производственных мощностей и надежность функционирования инфраструктуры. Стратегические документы подчеркивают, что энергоснабжение населения и экономики является основополагающим условием национальной стабильности, а топливно-энергетический комплекс играет центральную роль в обеспечении экономического роста, бюджетной устойчивости и стратегической автономии государства. Особое значение придается снижению технологической зависимости от зарубежных поставщиков оборудования и программных решений, что предполагает развитие собственных производственных компетенций, создание отечественных технологий добычи, переработки и транспортировки энергоресурсов, а также формирование независимой научно-технической базы.

В этом контексте Доктрина энергетической безопасности и Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года фиксируют приоритет импортозамещения, модернизации энергетической инфраструктуры, цифровизации процессов управления и внедрения современных технологических решений. Стратегия-2050 усиливает акцент на технологическом суверенитете, развитии высокотехнологичных отраслей энергетики, расширении экспортных маршрутов и создании условий для устойчивого функционирования ТЭК в условиях долгосрочных глобальных изменений [2].

Вместе с тем стратегическое планирование учитывает растущие международные риски, оказывающие существенное влияние на функционирование российского энергетического комплекса. Доктрина энергетической безопасности систематизирует эти вызовы, выделяя среди них геополитические угрозы, экономическое давление, санкционные ограничения, а

также нестабильность мировых энергетических рынков. Внешние ограничения проявляются в снижении доступа к инвестициям и зарубежному капиталу, ограничении поставок отдельных видов высокотехнологичного оборудования, ограничениях на транспортировку и страхование поставок. Эти факторы усиливаются волатильностью мировых цен на энергоресурсы, конкуренцией на рынке сжиженного природного газа, а также глобальным переходом к низкоуглеродной энергетике, что требует от России адаптации экспортной логистики и диверсификации рынков сбыта.

Доктрина подчеркивает и трансграничные риски, включая киберугрозы, технологические аварии и международное давление в сфере экологического регулирования. Существенное значение для энергетической безопасности имеют международные правовые риски – арбитражные споры, односторонние ограничения и вторичные санкции, которые влияют на исполнение контрактов и функционирование внешнеторговых каналов. В такой ситуации стратегические документы указывают на необходимость формирования альтернативных механизмов расчетов, развития финансовых инструментов, независимых от иностранных юрисдикций, а также укрепления сотрудничества с государствами, придерживающимися прагматичной энергетической политики.

Однако, несмотря на высокую степень разработанности общих положений, стратегические документы демонстрируют несбалансированность между широтой заявленных целей и уровнем конкретизации мер их реализации. Доктрина энергетической безопасности определяет основные направления государственной политики, однако механизмы практического исполнения многих положений остаются недостаточно разработанными, носят декларативный характер или требуют межведомственной координации, не закреплённой в нормативной форме.

Таким образом, государственная система стратегического планирования четко отражает как национальные приоритеты в сфере энергетики, так и характер международных рисков, влияющих на устойчивость и развитие топливно-энергетического комплекса. Вместе с тем существующее нормативное регулирование требует дальнейшего совершенствования: укрепления межведомственной координации, повышения уровня детализации правовых механизмов, обеспечения согласованности стратегических документов и адаптации их к долгосрочным международным тенденциям. А. В. Габов и Л. И. Черкесова обращают внимание на противоречивость и излишнюю нормативную перегруженность правового регулирования в области энергетики, указывая, что «обусловленный разветвленностью отраслей топливно-энергетического комплекса и разнообразием видов отношений в сфере энергетики, внушительный массив действующих в настоящее время правовых актов, как законодательных, непосредственно и опосредованно регламентирующих правоотношения в сфере энергетики, так и подзаконных (актов Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти), уже сейчас сложен для восприятия, использования и применения» [3, с. 29], а в результате постоянных изменений нормативного материала «мы имеем многостраничные, исключительно сложно написанные, а потому плохо приспособленные для применения законы, в которых неясна структура, предметная область регулирования, имеются внутренние противоречия» [3, с. 29]. В связи с этим считаем, что эффективность энергетической политики в условиях растущих внешних вызовов напрямую зависит от способности государства адаптировать правовую и управленческую систему к стремительно меняющейся глобальной энергетической архитектуре.

Проведенный анализ стратегических документов федерального уровня позволяет заключить, что энергетическая безопасность является одним из центральных направлений государственной политики Российской Федерации. Наиболее полное отражение целей и задач содержится в Доктрине энергетической безопасности и Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года, однако значительная часть положений по-прежнему носит декларативный характер и требует дальнейшей конкретизации. Государственная политика должна быть направлена на развитие технологического суверенитета, укрепление инфраструктурной устойчивости, повышение эффективности правового регулирования и

создание механизмов адаптации к международным вызовам. Эффективность российской энергетической политики напрямую зависит от уровня межведомственной координации, согласованности стратегических документов и способности государства адаптироваться к изменяющейся глобальной энергетической архитектуре.

Список используемых источников:

1. Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 20. – Ст. 2421.
2. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года: Распоряжение Правительства РФ от 12 апреля 2025 г. № 908-р // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 16. – Ст. 2075.
3. Габов А.В. Энергетическая стратегия Российской Федерации как политико-правовой документ в сфере энергетики / А.В. Габов, Л.И. Черкесова // Энергетическое право: модели и тенденции развития: Сборник материалов II международной научно-практической конференции. Под редакцией А.В. Габова. Белгород: ИД НИУ «БелГУ», 2021. – С.17-34.
4. Жаворонкова, Н.Г. Пробелы в новой Доктрине энергетической безопасности России / Н.Г. Жаворонкова, Ю.Г. Шпаковский // Юрист. – 2020. – № 9. – С.43-50.
5. Лисицын-Светланов, А. Г. Параметры правовой политики в сфере энергетики / А.Г. Лисицын-Светланов // Правовой энергетический форум. – 2020. – Выпуск № 2. – С. 7-15.
6. Клеандров, М.И. Фундаментальные основы энергетического права / М.И. Клеандров // Правовой энергетический форум. – 2020. – Выпуск № 2. – С. 16-23.

Тарасов Максим Валерьевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Алейникова Валерия Андреевна,
ассистент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***Аннотация.** В рамках исследования проводится комплексный анализ процессуальных аспектов использования электронных доказательств в контексте цифровизации уголовного судопроизводства. Выявляются системные проблемы нормативного регулирования и разрабатываются научно обоснованные предложения по совершенствованию практики работы с цифровыми следами.*

***Ключевые слова:** допустимость доказательств, цифровая информация, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное доказывание, электронные доказательства.*

Специфика цифровой информации, выражающаяся в способности к переносу между носителями и зависимости от специальных технических средств, обуславливает ее двоякую правовую природу и порождает дискуссии о соответствии традиционным критериям допустимости. Выявлена недостаточная эффективность существующей процессуальной регламентации, поэтому сформулированы практические рекомендации по дифференцированному применению способов собирания цифровых доказательств – изъятия материальных носителей и копирования данных – в зависимости от следственной ситуации и типа информации.

Также обоснована необходимость развития специальных криминалистических методик и адаптации уголовно-процессуальных институтов к требованиям цифровой эпохи для обеспечения допустимости, достоверности и сохранности электронных доказательств в уголовном процессе.

Судебная система Российской Федерации в определенной степени интегрирована в цифровизацию государства посредством активного развития единого информационного пространства. Разрабатываются проекты цифровой трансформации уголовного процесса и судебного делопроизводства, что позволит усилить межведомственное взаимодействие и объединить судебные звенья, создав наиболее эффективную автоматизированную систему.

Информационные технологии быстро совершенствуются и все больше внедряются в правовую сферу, в том числе в институты уголовно-процессуального права. Поэтому проникновение электронного документооборота в уголовный процесс является закономерным.

В связи с этим стало привычным использование в уголовном судопроизводстве электронных доказательств. Актуальность прослеживается в широком использовании цифровой информации во всех областях общественной жизни, при этом криминальная среда не стала исключением. Многие общественно опасные деяния оставляют после себя электронные следы на магнитных или оптических носителях, компьютерных сетях, экранах мониторов. Это обуславливает проблему использования подобных следов в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела. Таким образом, требуется совершенствовать уголовно-процессуальное законодательство совместно с криминалистическим обеспечением, регулирующим использование информационно-коммуникационных технологий.

Электронные записи, сообщения, файлы, находящиеся на электронных носителях, стали неотъемлемой частью доказывания по уголовным делам. Как утверждает Н.В. Олиндер: «Любое из обстоятельств, подлежащих доказыванию, в наше время может быть представлено в цифровой форме» [1]. При этом сохраняется проблема, заключающаяся в отсутствии законодательной регламентации данной категории. Поэтому необходимо разрабатывать конкретные правовые нормы и рекомендации, которые основаны на обобщении юридической практики работы с электронными средствами доказывания, что обеспечит надлежащее нормативное регулирование.

В доктрине уголовно-процессуального права встречаются различные позиции относительно электронных доказательств. Некоторые ученые не признают данную категорию. Например, Л.А. Головкич считает, что «никакого нового вида доказательств не существует, а электронные ничем не отличаются от традиционных». Подобная точка зрения поддерживается большинством европейских стран, которые «электронные документы сопоставляют с бумажными для придания им ценности в качестве доказательств в ходе уголовного судопроизводства» [2]. Также зарубежные страны не предусматривают в нормативных правовых актах конкретного определения того, что является электронными доказательствами.

Однако, обращаясь к природе электронной информации, можно утверждать, что электронные документы и вещественные доказательства отличаются от цифровых, для которых наличие реквизитов не является обязательным элементом, что так характерно для документов. Более того, электронные доказательства могут менять своего носителя, а для вещественных это невозможно.

Согласно мнению В.Б. Вехова: «электронные доказательства – это любые сведения сообщения (данные), представленные в электронной форме, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном процессуальном законодательством порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела» [3].

В зарубежной литературе рассматриваемое понятие трактуется следующим образом: «любая доказательственная информация, хранящаяся или передаваемая в цифровой форме, которую сторона судебного дела может использовать в судебном разбирательстве» [4]. Таким образом, электронные доказательства в уголовном судопроизводстве представляют собой любую цифровую информацию и ее носители, полученные следователем, дознавателем, судом или представленные в порядке, установленном уголовно-процессуальным кодексом, устанавливающие обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Ввиду дискуссии ученых о соответствии данной категории доказательств принципу надежности появились две точки зрения, согласно которым выделяются преимущества использования цифровой информации и ее слабые стороны. Так, С.В. Зуев считает, что «электронные доказательства не искажаются при воспроизводстве; информация в них остается нейтральной и может быть получена из всех программных устройств, что позволяет получить более полную картину выполненных действий пользователем технического средства коммуникаций; прослеживается легкость и быстрота их сбора и использования, а также удостоверения и хранения, при этом обеспечивается сохранность на длительный период времени» [5]. Это свидетельствует о том, что электронные доказательства обладают более полной, ясной, истинной, объективной и точной информацией.

С другой стороны, П.С. Пастухов утверждает, что «не хватает средств для полной проверки надёжности и подлинности электронных документов; возникают сложности при установлении их юридической ценности, так как правоприменитель сталкивается с трудностями при осуществлении процедуры обработки данных и толковании законов в этом отношении; требуются дополнительные затраты на приобретение оборудования и необходимого программного обеспечения при их длительном надлежащем хранении» [6]. Данная категория доказательств требует у пользователя наличие специальных знаний и

подготовки, что отталкивает некоторых сотрудников правоохранительных органов, что подтверждает проблему применимости цифровой информации в уголовном судопроизводстве, которая связана, в том числе, с их идентификацией и неизменностью.

Данные разногласия в уголовно-правовой доктрине обусловлены спецификой электронных доказательств, восприятие которых возможно только с использованием определенного устройства и, как правило, с участием специалиста. Большое значение имеет содержащаяся в них цифровая информация, которая не является общедоступной, возникает не в ходе производства по уголовному делу, в нее могут быть внесены изменения без воздействия на материальный носитель, что не оставляет никаких материальных следов, а также электронные данные могут находиться в любом читаемом, зашифрованном или заархивированном виде.

Основными познавательными приемами обращения с электронной информацией во время следственных и иных процессуальных действий является изъятие ее носителей и копирование самих данных. Как правило, изымаются средства компьютерной техники, что помогает ускорить процесс расследования. За счет этого появляется возможность сосредоточиться на иных материальных следах, имеющих значение для уголовного дела. Более того, этот прием не требует привлечения высококвалифицированных специалистов в области компьютерных технологий к участию в обыске, а также в последующем позволяет более детально изучить всю цифровую информацию, имеющуюся в памяти этого устройства.

С другой стороны, могут возникнуть технические сложности изъятия всех средств компьютерной техники, которые, к примеру, выражаются в возможной потере информации при отключении. Также выход из строя компьютерных систем предприятий может привести к полной дезорганизации работы и значительным материальным убыткам, что грозит претензиями пострадавших организаций. Поэтому Л. Исаева «рекомендует применять такой способ собирания электронной информации, как изъятие информации со средств компьютерной техники непосредственно в ходе проведения осмотра или обыска» [7]. Для достижения этих целей, как правило, используются специальные технические средства, например, переносной компьютер, флеш-накопитель и т. п.

А.И. Зазулин утверждает, что «в случае, когда осмотру или обыску подвергаются энергозависимые носители цифровой информации, то возможность проведения копирования данной информации на энергонезависимый носитель с последующим его изъятием и приобщением к материалам уголовного дела представляется обоснованной и необходимой» [8].

Следственным органам следует избегать действий, приводящих к остановке работы компаний, если в этом нет прямой необходимости. Когда для расследования не требуется полномасштабный обыск или выемка, изъятие жестких дисков с компьютеров и серверов является неоправданным. В таких ситуациях цели следствия эффективно достигаются путем создания и заверения копий цифровой информации, с которыми в дальнейшем и ведется работа.

С.В. Зуев раскрывает важный вопрос применения цифровых доказательств: «копирование оперативной памяти компьютера считается необходимым при производстве обыска или проведении осмотра места происшествия, когда на начало следственного действия персональный компьютер включен» [9]. Это обусловлено тем, что выключение компьютера приведет к уничтожению информации. В таком случае сохраняются данные, находящиеся в оперативной памяти.

С.В. Пропастин отмечает наличие возможности применения способа копирования информации при производстве судебной компьютерной экспертизы: «информация исследуемого накопителя клонируется на жесткий диск стендовой ПЭВМ при помощи специальной программы» [10]. Это исключает малейшее изменение информации на исследуемом накопителе.

Особое внимание следует уделить стадии судебного разбирательства, в рамках которой изучаются и проверяются все свойства и признаки электронных носителей информации. Процессуальный порядок их собирания регламентируется ст. 474.1 УПК РФ, которая представляет собой нововведение, направленное на модернизацию и оптимизацию уголовно-процессуального доказывания в современном информационном обществе [11].

Однако некоторые представители уголовно-правовой доктрины считают, что эта правовая норма не создала оптимальных условий использования электронных доказательств. Так, С.В. Зуев утверждает, что «данная статья имеет ограниченное действие, предоставляя право на представление в электронном виде только ходатайств, заявлений, жалоб, представлений и только в суд, а тем более по очень узкому кругу вопросов» [12].

Нормами уголовно-процессуального закона закреплена обязанность следователя предоставлять материалы уголовного дела суду в документальной форме. Данное требование обуславливает потребность во введении дополнительных регламентов и осуществлении комплекса технико-организационных мероприятий, направленных на интеграцию цифровых сведений в процесс доказывания с обеспечением их сохранности и невозможности несанкционированного изменения.

Подводя итог, можно сделать вывод, что электронно-цифровая информация активно используется в качестве доказательственной для принятия решений по уголовным делам. Многое зависит от применения информационно-технологических устройств в получении электронных доказательств. Технологичность процесса расследования обуславливает необходимость внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство для внедрения электронного документооборота и развития элементов электронного правосудия.

Анализ различных позиций и подходов, распространенных в правоприменительной практике и в доктрине уголовно-процессуального права, позволил сформировать правовые рекомендации, способствующие установлению единообразного, понятного и логичного порядка процессуальных действий, производимых с электронными доказательствами. Легкость копирования сведений, содержащихся на электронном носителе, объективизирует процесс доказывания, делает его быстрым и удобным. А также документирование с использованием технических средств дает более надежные гарантии, чем письменный протокол или иной документ.

Более того, копирование электронной информации успешно конкурирует с изъятием компьютерной техники с последующим изучением имеющейся на ней информации. Каждый из этих способов имеет свои преимущества, поэтому должен применяться в зависимости от поставленных задач и профессиональных навыков субъектов расследования.

Список используемых источников:

1. Олиндер, Н.В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 3. С. 108.
2. Зазулин, А.И. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Основы теории электронных доказательств: монография / А. Н. Балашов [и др.]; под ред. докт. юрид. наук С. В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 258.
3. Вехов, В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4. С. 47.
4. Casey E. Digital Evidence and Computer Crime: forensic science, computer and the internet. 3rd Edition. 2011. P. 7.
5. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учебник для вузов / под ред. С. В. Зуева. – М.: Юрайт, 2025. – С. 25.
6. Пастухов, П.С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: сб. науч. ст. М., 2017. С. 563.
7. Исаева, Л. Обыск: роль специалиста // Законность. 2001. № 6. С. 18–19.
8. Зазулин, А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 162.

9. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учебник для вузов / под ред. С.В. Зуева. – М.: Юрайт, 2025. – С. 165.
10. Пропастин, С.В. Оценка следователем результатов компьютерной информации // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 32–37.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2025).
12. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учебник для вузов / под ред. С.В. Зуева. – М.: Юрайт, 2025. – С. 176.

Тесленко Елизавета Анатольевна,
студент Юридического института,
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Першина Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОСОБАЯ РОЛЬ СУДА КАК СУБЪЕКТА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***Аннотация.** Статья направлена на анализ роли суда как субъекта доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Основное внимание уделено установлению функций суда в собирании доказательств, их оценке и проверке. По результатам исследования делается вывод о высокой роли суда в доказывании и необходимости соблюдения баланса между активным участием и чрезмерным вмешательством, способным повлиять на справедливость уголовного судопроизводства.*

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальное право, доказывание, доказательства, суд, судья, судебное следствие.*

В условиях продолжающейся эволюции отечественного уголовного судопроизводства особая роль суда как субъекта доказывания приобретает все большее значение в деле обеспечения принципов состязательности и равноправия сторон, а также презумпции невиновности. Доказывание как ключевой процесс собирания, проверки и оценки доказательств рассматривается в качестве фундаментального уголовно-процессуального института, позволяющего выявить фактические сведения, относимые к преступному событию. Именно по этой причине важно, чтобы суд выступал не только независимым арбитром, но и гарантом процессуальной законности, что возможно исключительно при его активном участии в формировании доказательственной базы по уголовному делу.

В контексте рассматриваемого вопроса особое значение приобретает принцип состязательности сторон, отраженный в тексте статьи 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В соответствии с частью 3 данной статьи: «Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления, предоставленных им прав» [1]. Таким образом, подтверждается ранее высказанный тезис, свидетельствующий о широкой функции суда как субъекта уголовного процесса, способствующего в рамках своей деятельности достижению цели в виде установления объективной истины по конкретному уголовному делу [3, с. 35].

Анализ положений статьи 86 УПК РФ также позволяет определить, что законодательно суд напрямую включен в субъектный состав процесса доказывания. Особое место суда в данном процессе определяется его процессуальной независимостью, предполагающей невозможность выступления на стороне защиты или обвинения. Роль данного субъекта, по большей части, заключается в выполнении оценочных и контролирующих функций, однако, может также находить свое выражение и в деятельности по собиранию доказательств и их проверке в стадии судебного разбирательства. Ключевым здесь является тот факт, что суд не

занимается собиранием доказательственных сведений на стадии предварительного расследования, но, в то же время, может использовать свои полномочия за контролем над законностью соответствующего процесса [4, с. 42].

В доктрине уголовно-процессуального права Российской Федерации выделяется квалификация субъектов доказывания, опирающаяся на функциональный признак:

- 1) активные, занимающиеся собиранием, фиксацией доказательств;
- 2) пассивные, выполняющие исключительно оценочные функции [8, с. 118].

Исходя из предыдущего анализа можно заключить, что суд можно отнести к обеим группам только при условии, если имеет место судебное следствие, в ходе которого данным органом собираются доказательства с целью их последующей оценки и принятия решения по уголовному делу. Во всех остальных ситуациях функции суда сводятся к контролю процесса доказывания и оценке совокупности собранных доказательств.

Полномочия суда как субъекта доказывания находят свою детализацию в статьях 29, 273-291 УПК РФ и включают в себя несколько элементов:

- 1) полноценное руководство судебным разбирательством, в том числе разрешение ходатайств и жалоб, связанных с доказательственной информацией, законностью ее сбора;
- 2) обеспечение надлежащего исследования доказательств в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства;
- 3) вынесение постановлений о приобщении доказательств к уголовному делу или их отклонения [6, с. 55].

На стадии подготовки дела к судебному разбирательству судья осуществляет проверку материалов дела, разрешает ходатайства сторон, например, о вызове свидетелей, назначении экспертиз, что позволяет предотвратить какие-либо процессуальные нарушения на раннем этапе, не допустить пробелов в доказывании. В стадии судебного следствия судья более активно участвует в процессе формирования доказательственной базы, производя допросы, очные ставки и иные процессуальные действия. Оценка доказательств является не менее важным этапом, так как в его рамках судья, используя внутреннее убеждение, основанное на всей совокупности объективных сведений, анализирует представленную информацию с целью дальнейшего вынесения справедливого и объективного решения по уголовному делу [2, с. 751].

Особая роль суда как субъекта доказывания проявляется в двойственной правовой природе его функций. Так, суд обязуется сохранять полный нейтралитет по отношению к противоборствующим сторонам и, в то же время, принимает активное участие в деле формирования доказательственной базы по уголовному делу. В отличие от, например, органов предварительного расследования, суд не может инициировать уголовное преследование, однако наделяется усиленной ответственностью за проверку представленных материалов [5, с. 71]. Активное участие суда в доказывании объясняется потребностью в устранении пробелов в доказательственной базе, что особенно актуально в условиях отечественного уголовного судопроизводства, где, несмотря на принципы равенства и состязательности сторон, правом на собирание доказательств, де-факто, обладает только сторона обвинения, наделенная полномочиями на производство следственных действий – единственного источника доказательственных сведений [7, с. 43].

Таким образом, можно заключить, что особая роль суда в доказывании определяется через призму функциональной триады, включающей в себя:

- 1) обеспечение и создание условий для доказывания;
- 2) контроль и надзор за законностью процесса доказывания;
- 3) синтез, предполагающий всестороннюю, независимую и справедливую оценку доказательств, формулирование выводов, отраженных в итоговом судебном решении по уголовному делу.

Процессуальное положение суда также требует учета ряда аспектов. Так, произведенный анализ показал, что суду необходимо соблюдать баланс между активным участием и чрезмерным вмешательством, которое может свидетельствовать о предвзятости судьи к одной из сторон. В этой связи, допустимым можно признавать только такое

вмешательство, которое способствует устранению выявленных пробелов в доказывании. Кроме того, слабая позиция стороны защиты в доказывании требует от суда осуществления процессуальных действий, направленных на уравнивание возможностей защиты и обвинения по собиранию доказательств на всех стадиях уголовного судопроизводства, что также подчеркивает высокую роль данного органа.

Список используемых источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
2. Гайфуллина, К.В. Особенности доказывания по уголовным делам в суде первой инстанции / К.В. Гайфуллина // Аллея науки. – 2020. – Т. 1. – № 12 (51). – С. 750-753.
3. Дикарев, И.С. О роли суда в доказывании по уголовным делам, рассматриваемым в порядке главы 40 УПК РФ / И.С. Дикарев // Вестник военного права. – 2020. – № 2. – С. 34-38.
4. Елисеев, С.А. Историко-правовой анализ роли суда как субъекта доказывания по уголовным делам / С.А. Елисеев // Студенческий вестник. – 2023. – № 32-1 (271). – С. 41-42.
5. Корчагин, А.А. О роли активности суда в достижении целей уголовного судопроизводства / А.А. Корчагин // Юриспруденция: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 68-75.
6. Нуцалханов, Г.Н., Магомедханова, З.И. Суд в уголовно-процессуальном доказывании в постсоветских и континентальных странах / Г.Н. Нуцалханов, З.И. Магомедханова // Вестник Российской правовой академии. – 2020. – № 1. – С. 51-56.
7. Тяпушова, Ю.П. Суд как субъект доказывания по уголовному делу / Ю.П. Тяпушова // Студенческий форум. – 2020. – № 41-3 (134). – С. 41-44.
8. Шарипова, А.Р. Роль суда в доказывании по уголовным делам: неожиданные межотраслевые аналогии / А.Р. Шарипова // Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 117-122.

Тонконог Татьяна Валерьевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО КОНТРОЛЯ ЗАКОННОСТИ МИГРАЦИОННОГО УЧЕТА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам прокурорского контроля законности миграционного учета иностранных граждан. Полагаем, что основная трудность заключается в несоответствии между формальной регламентацией и практикой: фиксируются массовые регистрации по одному адресу, формальный характер проверок и отсутствие единообразия правоприменения в регионах. Обосновывается необходимость смещения акцента надзора на принимающих лиц и работодателей, усиления межведомственного обмена информацией и плановых обследований «рисковых» адресов. Предлагаемый подход направлен на снижение доли необоснованных требований и повышение предсказуемости судебных исходов.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, миграционный учет, фиктивная регистрация, доказательства, межведомственное взаимодействие, обеспечительные меры.*

На наш взгляд, проблематика прокурорского контроля за законностью миграционного учета иностранных граждан требует более точной постановки вопросов, чем это обычно встречается в учебной литературе. С одной стороны, институт учета формально опирается на детализированные нормативные предписания и административные регламенты; с другой – на практике выявляются типовые проблемы: неоднородность правоприменения в регионах, формальный характер проверок, недостаточная фиксация причин нарушений у принимающей стороны и у самих мигрантов. Полагаем, что ключевая трудность заключается не столько в объеме полномочий прокуратуры, сколько в их соотношении с задачами профилактики и восстановлением нарушенных прав при ограниченных ресурсах и динамике подзаконного регулирования. По нашему мнению, исследование должно прояснить, где именно образуются «узкие места»: в оценке добросовестности участников учета, во взаимодействии прокуратуры с органами внутренних дел и контролирующими структурами, а также в доказательственной базе, на которой строятся представления и протесты. Такая постановка позволит, как представляется, перейти от констатации единичных нарушений к формированию критериев эффективности прокурорского надзора в данной сфере.

Нормативная правовая основа осуществления прокурорского контроля за законностью миграционного учета – это Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [1] и приказ Генпрокуратуры России от 12 апреля 2024 года № 273 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» (далее – приказ Генпрокуратуры № 273). Согласно последнему нормативному акту, данный вид надзора осуществляется в целях «эффективного противодействия незаконной миграции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, недопущения привлечения нелегальных мигрантов к трудовой деятельности» [2] и т.д.

В случае совершения правонарушения мигрантами прокуратура и правоохранительные органы обязаны незамедлительно принять необходимые меры по привлечению виновных к ответственности. В то же время органы прокуратуры должны контролировать действия (бездействия) иных органов государственной власти, допускающих нарушения законодательства в сфере миграции. Как отмечает Л.В. Потапова, в деятельности Управления по вопросам миграции МВД РФ отмечается неэффективный надзор за деятельностью юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые используют труд

иностранных граждан [5, с. 93]. Объектом проверок органов контроля должна быть деятельность недобросовестных лиц, использующих нелегальный труд мигрантов, в то время как проверяется только исполнение миграционного законодательства физическими лицами. Также органам прокуратуры необходимо контролировать деятельность должностных и юридических лиц, использующих труд мигрантов без оформления документов или с нарушением установленного порядка их привлечения к труду. Например, 13 января 2025 года Вейделевским районным судом Белгородской области было рассмотрено административное дело по факту привлечения Г. к ответственности по ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ по обращению прокурора. Согласно материалам дела, Г. принял на работу гражданина иностранного государства, однако после расторжения трудового договора с ним в установленный законом трехдневный срок не уведомил об этом миграционные органы, в связи с чем прокурором была инициирована прокурорская проверка. Рассмотрев материалы дела, суд пришел к выводу о правомерности требований прокурора, вследствие чего Г. был оштрафован на сумму 500 тыс. рублей. Апелляционная и кассационная инстанции решение оставили без изменений [3].

Помимо вышеизложенного, как отмечает Е.В. Максимова, существует проблема массовой регистрации иностранных граждан по одному адресу [4, с. 329]. При обнаружении прокурорами данного нарушения необходимо своевременно предъявить в суд исковое заявление о признании недействительной постановки на миграционный учет по месту пребывания иностранных граждан и о снятии их с миграционного учета. Несвоевременные меры прокурорского реагирования не позволяют восстановить нарушенные государственные и общественные интересы, в данном случае требования прокурора признаны незаконными и необоснованными, что влияет на эффективность деятельности органов прокуратуры в целом.

На наш взгляд, ключ к преодолению массовых фиктивных регистраций по одному адресу – в сочетании превентивных и процессуальных мер, которые минимизируют «окно» между выявлением нарушения и обращением в суд. Полагаем целесообразным закрепить в локальных актах прокуратуры четкие сроки процессуальных действий: момент фиксации признаков фиктивности (несоразмерность площади числу зарегистрированных, отсутствие фактического проживания, данные о «резиновых» адресах) должен автоматически запускать алгоритм подготовки иска с использованием типовых формулировок и заранее собранных доказательств (акты обследований, объяснения собственников и соседей, сведения из управлений МВД, домовых книг, показания управляющей организации).

Одновременно полезно укрепить доказательственную устойчивость требований, чтобы суд не квалифицировал их как необоснованные. Полагаем, что в иске следует ясно разграничивать предмет и основания: просить признать недействительной постановку на учет каждого конкретного иностранного гражданина с указанием фактов отсутствия намерения проживать, несоответствия жилого помещения требованиям, а также злоупотребления со стороны принимающей стороны; по каждому лицу – отдельный набор доказательств, пусть и в одном производстве. В качестве обеспечительных мер, на наш взгляд, можно ходатайствовать о временном возложении на орган учета обязанности приостановить миграционные действия по спорному адресу до разрешения дела. Наконец, стоит системно применять представления в адрес органов внутренних дел и жилищного надзора о проведении плановых проверок «резиновых» адресов и инициировании административного производства в отношении принимающих лиц и посредников: такая связка процессуальных и надзорных инструментов повышает предсказуемость исходов и снижает вероятность признания прокурорских требований незаконными или преждевременными.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что эффективность прокурорского контроля законности миграционного учета определяется не расширением полномочий, а их точной процессуализацией и опорой на доказательства. Ключевые «проблемные места» – разрыв между выявлением нарушений и обращением в суд, неоднородность правоприменения и формальный характер проверок – могут быть сняты через регламентацию сроков и алгоритмов действий, межведомственный обмен данными, адресный характер исковых требований и системное использование обеспечительных мер. Укрепление

доказательной базы по каждому лицу, смещение фокуса надзора на принимающих лиц и работодателей, а также плановые проверки «резиновых» адресов, на наш взгляд, позволяют повысить результативность реагирования и снизить долю отказов судов по мотивам необоснованности требований.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.
2. Приказ Генпрокуратуры России от 12.04.2024 № 273 (ред. от 03.06.2025) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» // СПС «КонсультантПлюс»: сайт. URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 19.10.2025).
3. Постановление Вейделевского районного суда Белгородской области от 13.01.2025 № 5-1/2025 // СПС «КонсультантПлюс»: сайт. URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 19.10.2025).
4. Максимова Е.В. Прокурорский надзор за исполнением миграционного законодательства // Молодой ученый. 2020. № 19 (309). С. 328-330.
5. Потапова Л.В. Некоторые вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением миграционного законодательства // Юридическая наука. 2024. № 11. С. 93-95.

Тонконог Татьяна Валерьевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОКУРОРСКОЕ РЕАГИРОВАНИЕ НА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ФИКТИВНЫХ И ПРЕДНАМЕРЕННЫХ БАНКРОТСТВ

***Аннотация.** Статья представляет собой исследование актуальных вопросов, связанных с правовым регулированием деятельности прокуроров Российской Федерации, направленной на надзор за законностью процедуры несостоятельности (банкротства). В работе раскрывается сущность банкротства, определяются полномочия прокурора в области надзора за ее осуществлением. Наибольшее значение придается проблемным аспектам и нахождению путей их устранения через внесение изменений в акты действующего законодательства.*

***Ключевые слова:** прокурорская деятельность, органы прокуратуры, прокурорское реагирование, несостоятельность, банкротство, фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство.*

Прокурорский надзор в сфере банкротства граждан и организаций рассматривается в качестве одного из ключевых инструментов обеспечения законности данной процедуры, способствующим нормальному развитию экономических отношений государства. С целью повышения эффективности такого надзора необходимо, чтобы существующие проблемы, которыми он характеризуется, были устранены в максимально оперативном порядке, в том числе, посредством внесения изменений в акты действующего законодательства.

Прокурорское реагирование на нарушение законодательства о несостоятельности представляет собой самостоятельную форму надзора, которая включает в себя осуществление действий по выявлению и пресечению фиктивных и преднамеренных банкротств. Статья 22 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливает, что каждый прокурор наделяется полномочиями по внесению представлений об устранении выявленных нарушений действующего законодательства, которые распространяются и на надзор в обозначенной области общественных отношений. Помимо этого, прокуроры уполномочены осуществлять внеплановые проверки, например, в случае получения сообщения о нарушении установленных законодательством правил производства по делам о банкротстве [3]. Кроме внесения представлений и проведения проверок, прокурор вправе вносить протесты на незаконные нормативные акты, обращаться в суд с заявлениями о признании сделок недействительными, если они совершены в ущерб интересам кредиторов, а также возбуждать дела об административных или уголовных правонарушениях. В отдельных случаях прокурор может участвовать в судебных заседаниях по делам о банкротстве для дачи заключений и защиты публичных интересов.

Процедура несостоятельности (банкротства) в свою очередь, регламентируется нормами Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Так, статья 2 документа устанавливает: «несостоятельность (банкротство) – признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [4].

К числу основных функций прокурорского надзора в сфере законодательства о банкротстве относятся:

- обеспечение законности процесса возбуждения дел о банкротстве в судебном и досудебном порядке;
- выявление признаков, свидетельствующих о преднамеренном и фиктивном банкротстве;
- участие в судебных процедурах по делам о банкротстве с целью защиты прав граждан, их законных интересов и публичных интересов;
- обеспечение законности деятельности арбитражных управляющих;
- рассмотрение материалов, свидетельствующих о нарушении законодательства о банкротстве, инициирование дел об административных правонарушениях и преступлениях;
- обеспечение соблюдения прав и законных интересов кредиторов, интересов государства в конкурсном производстве;
- проведение прокурорских проверок по обращениям граждан, организаций, налоговых и контролирующих органов;
- координация деятельности правоохранительных органов с целью выявления признаков нарушения законодательства о банкротстве [9, с. 187].

Если проанализировать положения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», то можно выявить существенную проблему. Так, в документе неоднократно упоминаются такие термины, как «преднамеренное банкротство» и «фиктивное банкротство», однако, не определяется их сущность и содержание. Кроме того, обязанности по выявлению признаков преднамеренного банкротства возлагают на арбитражных управляющих и иных ответственных субъектов, однако, законодатель не указывает на то, какую роль в данном процессе играют прокуроры, что также можно считать значительным упущением [8, с. 369].

Законодательное определение указанных терминов можно обнаружить на уровне кодифицированных актов, закрепляющих составы противоправных деяний. Так, статья 14.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает ответственность за фиктивное или преднамеренное банкротство. Под фиктивным банкротством как правонарушением понимается «заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица либо индивидуальным предпринимателем или гражданином о своей несостоятельности, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния» [2]. Правонарушение в виде преднамеренного банкротства предполагает «совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо индивидуальным предпринимателем или гражданином действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица либо индивидуального предпринимателя или гражданина в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемых деяний».

Ответственность за преступления, связанные с преднамеренным и фиктивным банкротством предусмотрена статьями 196-197 УК РФ. Эти нормы раскрывают сущность соответствующих деяний. Так, преступление в виде преднамеренного банкротства (ст. 196 УК РФ) представляет собой «совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального

предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб» [1]. В свою очередь, под фиктивным банкротством по смыслу ст. 197 УК РФ понимается «заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб».

В то же время, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» не включает в себя отсылок к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях или Уголовному кодексу Российской Федерации норм, что может приводить к расхождению в терминологии.

Некоторую ясность в установление содержания обозначенных терминов вносит Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 года № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» [5]. Так, документ детально регламентирует два последовательных этапа, через которые должен проходить каждый арбитражный управляющий, с целью выявления признаков преднамеренного или фиктивного банкротства. Кроме того, определяются иные важные аспекты, например, признаки сделок, которые не соответствуют рыночным условиям. Аналогичные инструкции на уровне органов прокуратуры не предусмотрены, что также следует рассматривать в качестве пробела правового регулирования.

Среди иных проблем, препятствующих повышению эффективности прокурорского реагирования на нарушения законодательства о банкротстве, И.В. Ветошкин называет [6, с. 73]:

1. Недостаточную правовую регламентацию полномочий прокурора в области получения доступа к финансовой информации до того момента, как будет возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве). Так, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» не включает в себя положений, которые устанавливали бы правила, предполагающие необходимость предварительного уведомления прокуроров о подаче заявления, призванного инициировать соответствующую процедуру. По сути, прокуроры приобретают возможность получить финансовую и операционную информацию только после того, как дело будет возбуждено арбитражным судом, тогда как более раннее ознакомление с необходимой документацией могло бы позволить своевременно установить признаки преднамеренного или фиктивного банкротства. Особенно усугубляется данная проблема в ситуации, когда своими правами и обязанностями злоупотребляет арбитражный управляющий, например, посредством сокрытия сведений, указывающих на признаки завышения задолженности.

2. Низкий уровень координации деятельности органов прокуратуры и арбитражных судов. Законодательно устанавливаются лишь общие правила, свидетельствующие о возможности использования инструментов межведомственного взаимодействия с целью обеспечения законности процедуры банкротства, однако, не раскрываются его формы и сроки. Данное упущение может приводить к формальному подходу к выполнению своих обязанностей со стороны должностных лиц, не позволяющему надлежащим образом выявить признаки фиктивного или преднамеренного банкротства [7, с. 190].

Суммируя вышесказанное, следует констатировать, что действующее законодательство, в части регулирования особенностей прокурорского реагирования в сфере надзора за обеспечением законности процедуры несостоятельности (банкротства), характеризуется наличием целой совокупности пробелов, препятствующих повышению практической эффективности данного направления деятельности российских прокуроров. В этой связи, можно предложить следующие решения:

- 1) разработать на уровне органов прокуратуры Российской Федерации отдельный приказ, утверждающий ведомственную инструкцию, определяющую признаки преднамеренных и фиктивных банкротств, порядок и особенности их выявления прокурорами на всех стадиях производства по делу о несостоятельности;

2) определить на уровне Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» обязательство по уведомлению прокурора о подаче заявления о несостоятельности (банкротстве) в арбитражный суд с предоставлением ему финансовых и операционных сведений, анализ которых может позволить выявить признаки злоупотреблений;

3) определить в том же нормативно-правовом акте порядок взаимодействия арбитражных судов, органов прокуратуры и иных контрольных органов в рамках производства по делам о банкротстве.

Список используемых источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

4. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 года № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 52. – Ст. 5519.

6. Ветошкин, И.В. Противодействие криминальному банкротству предприятий как одно из направлений прокурорского надзора в России / И.В. Ветошкин // Вестник научной мысли. – 2021. – № 3. – С. 69-75.

7. Костюк, Н.Д. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве) / Н.Д. Костюк // В сборнике: Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования. – 2020. – С. 189-191.

8. Степанов, А.О. Актуальные аспекты прокурорского надзора за исполнением законодательства о несостоятельности (банкротстве) / А.О. Степанов // В сборнике: Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Тамбов, 2024. – С. 367-371.

9. Телегина, А.В. Прокурорский надзор за соблюдением законодательства о несостоятельности (банкротстве) / А.В. Телегина // В сборнике: Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. сборник статей XXVII Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2020. – С. 185-187.

Трегубчак Евгений Романович,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Сергиенко Иван Игоревич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Лукьянчикова Елена Федоровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ ПО ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЮ

***Аннотация.** В данной статье проводится анализ особенностей заключения договоров энергоснабжения в контексте российского законодательства, с учетом принципов устойчивого развития и цифровизации топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Рассматриваются ключевые аспекты нормативно-правовой базы, включая публичный характер таких договоров, требования к субъектам и объектам, а также процедуры заключения. Особое внимание уделяется современным вызовам, таким как интеграция возобновляемых источников энергии и защита прав потребителей. На основе проведенного исследования предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования для повышения эффективности и прозрачности энергоснабжения.*

***Ключевые слова:** договор энергоснабжения, договор, топливно-энергетический комплекс, электроснабжение, правовое регулирование, устойчивое развитие, потребитель энергии.*

Развитие рыночной экономики послужило огромному толчку энергетической промышленности. Современное общество уже не может представить своё существование без энергоснабжения во всех его проявлениях. Бытовая техника, освещение, комфортные условия проживания – всё это является неотъемлемой частью человеческой жизни. Каждый из нас является постоянным потребителем энергии, хоть и не придает этому особого значения. В условиях ускоренной трансформации топливно-энергетического комплекса России, где цифровизация и переход к низкоуглеродной экономике становятся императивом, заключение договоров энергоснабжения приобретает особую значимость. Данный договор является специфичным видом договора купли-продажи, преимущественно из-за своего специфического предмета – энергии. Эти договоры не просто фиксируют коммерческие отношения между поставщиком и потребителем, но и служат инструментом реализации государственной политики в сфере устойчивого развития, обеспечивая баланс между экономической эффективностью, экологической безопасностью и социальными гарантиями. Как показывает практика, несоответствия в оформлении таких соглашений часто приводят к спорам, задержкам в подключении к сетям и даже рискам для энергетической безопасности регионов. Цель настоящего исследования – выявить ключевые особенности заключения договоров энергоснабжения, проанализировать их на фоне нормативно-правовой базы и предложить практические меры по минимизации рисков.

Нормативно-правовая база регулирования договоров энергоснабжения опирается на фундаментальные положения Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1], где

глава 30 посвящена именно этому виду обязательств. Согласно статье 539 ГК РФ, по договору энергоснабжения поставщик обязуется передавать абоненту энергию через присоединенную сеть, а абонент – оплачивать ее и обеспечивать сохранность оборудования. Важно отметить то, что в период разработки проекта части 2 Гражданского Кодекса РФ достаточно остро велись дискуссии касаясь включения договора энергоснабжения в контекст купли-продажи. В итоге, компромиссным решением было включить договор энергоснабжения в главу о купле-продаже. Этот договор относится к публичным, что подразумевает обязанность энергоснабжающей организации заключать его с любым обращающимся лицом при наличии технической возможности (п. 1 ст. 426 ГК РФ). Особенностью договора энергоснабжения является то, что участником таких отношений является лицо, которое потребляет энергию, то есть ее абонент. Энергия не может быть возвращена поставщику, лишь потреблена принимающей стороной. Количество потребляемой энергии измеряется специальными приборами учёта. Понятие «энергия» не закреплено в нормативно-правовых актах. В науке гражданского права энергию зачастую рассматривают как товар особого рода, имеющий ряд физических особенностей. Такая конструкция, на наш взгляд, отражает социальную направленность энергетики: энергия как базовый ресурс не может быть предметом дискриминации, что особенно актуально в контексте федерального закона «Об электроэнергетике» от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ [2] (далее – Закон об электроэнергетике).

Федеральный закон № 35-ФЗ устанавливает общие принципы функционирования рынка электроэнергии, включая недискриминационный доступ к сетям и услуги по передаче энергии. Здесь стоит отметить, что заключение договора энергоснабжения тесно связано с технологическим присоединением, регулируемым Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 «Об утверждении Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии...» [3]. Эти правила требуют от абонента предоставления технической документации, что часто становится барьером для малого бизнеса или частных потребителей. Зачастую в энергетическом праве встречаются случаи, когда формальные требования к документам приводили к необоснованным отказам в заключении договора, нарушая принцип равноправия сторон.

Переходя к субъектам договора, стоит выделить специфику: энергоснабжающая организация выступает в роли гарантирующего поставщика или сетевой компании, а абонент – физическим или юридическим лицом с присоединенным оборудованием. Для граждан-потребителей, как указано в статье 541 ГК РФ, договор может быть заключен в неформальной форме – фактически, с момента начала потребления энергии, что упрощает процедуру и способствует инклюзивности. Однако для крупных потребителей, таких как промышленные предприятия, обязательны письменная форма и детализация условий о режимах потребления, качестве энергии и ответственности за перебои. Одной из важных особенностей договора энергоснабжения является тот факт, что энергоснабжающая организация не может отказаться от передачи энергии имея такую возможность. Также запрещено отдавать предпочтение кому-либо из потребителей, исключения составляют лишь случаи, предусмотренные законом. Тарифы на электроэнергию регулируются и индексируются государством, цена различается также от категории абонента. Цены на услуги по передаче электрической энергии по единой национальной (общероссийской) электрической сети рассчитываются в соответствии с методическими указаниями и дифференцируются для субъектов Российской Федерации. Международный аспект добавляет сложности: в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) договоры энергоснабжения должны учитывать гармонизированные стандарты, изложенные в Договоре о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. [4], что усиливает роль трансграничных поставок в обеспечении устойчивого развития ТЭК.

Порядок заключения договора энергоснабжения, по сути, сочетает стандартные гражданско-правовые механизмы с отраслевыми императивами. Абонент подает заявку, поставщик проверяет возможность исполнения и предлагает стандартный договор, который, согласно п. 3 ст. 539 ГК РФ, не может быть изменен в ущерб потребителю. Здесь проявляется публичный характер: отказ возможен только по объективным причинам, таким как отсутствие мощностей или несоответствие нормам безопасности. В последние годы цифровизация внесла коррективы – многие энергокомпании, включая ПАО «Россети», внедряют онлайн-платформы

для заключения договоров, что сокращает сроки с недель до дней. Тем не менее, как подчеркивается в докладах Минэнерго РФ, такая трансформация требует доработки правового поля, чтобы избежать киберрисков и обеспечить равный доступ для удаленных регионов.

Несмотря на солидную нормативную основу, практика выявляет ряд проблем в заключении договоров энергоснабжения. Во-первых, несогласованность между оптовым и розничным рынками энергии приводит к ситуациям, когда сетевые компании затягивают присоединение, ссылаясь на дефицит мощностей, это особенно остро в периоды пиковых нагрузок, как в 2023–2024 гг. во время энергетического кризиса в европейской части России. Во-вторых, слабая защита прав малых потребителей: физлица часто сталкиваются с навязыванием дополнительных услуг, что противоречит антимонопольному законодательству (Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [5]). Наконец, интеграция возобновляемых источников энергии (ВИЭ) усложняет заключение договоров: абоненты-производители ВИЭ [6], такие как владельцы солнечных ферм, требуют двусторонних соглашений с учетом «зеленых» тарифов, но текущие правила не всегда учитывают эти нюансы, тормозя переход к устойчивой энергетике.

На основе анализа предлагается ряд следующих мер для оптимизации. Прежде всего, стоит ввести обязательную стандартизацию электронных договоров через единую цифровую платформу под эгидой Минэнерго, что минимизирует бюрократию и повысит прозрачность [7]. Кроме того, целесообразно расширить ответственность поставщиков за необоснованные отказы, с введением штрафных санкций в размере до 5% от годового оборота, аналогично нормам Закона об электроэнергетике. Наконец, в контексте устойчивого развития предлагаю дополнить ГК РФ положениями о «зеленых» клаузулах в договорах, стимулирующих потребление энергии из ВИЭ, это не только экологично, но и экономически выгодно в долгосрочной перспективе, как подтверждает опыт стран ЕС. Такие шаги, по нашему мнению, укрепят доверие к системе и способствуют гармоничному развитию ТЭК.

В заключение отметим, что особенности заключения договоров энергоснабжения отражают баланс между коммерческими интересами и общественными благами, где публичный характер и отраслевые регуляции играют определяющую роль. Нормативно-правовая база, сформированная ГК РФ и специальными законами, создает надежный фундамент, но требует адаптации к вызовам цифровизации и экологизации. Устранение выявленных проблем через предложенные меры позволит не только повысить эффективность энергоснабжения, но и внести вклад в цели устойчивого развития, провозглашенные в национальных проектах России. В итоге, грамотное правовое регулирование договоров станет катализатором для инноваций в ТЭК, обеспечивая энергетическую независимость и благополучие граждан.

Список используемых источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32.
2. Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1172.
3. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 «Об утверждении Правил технологического присоединения...» (ред. от 15.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 84.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (ред. от 01.01.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2014. № 0001201405290001.
5. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
6. Особенности договора энергоснабжения / А.В. Габова // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 112–120.
7. Правовой порядок заключения договора энергоснабжения / Н.В. Трубникова // Вестник науки. 2022. № 11. С.

Усов Артем Алексеевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Бондарев Дмитрий Юрьевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ И НАДЗОР: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются современные тенденции развития государственного экологического контроля и надзора в Российской Федерации. Проведен анализ действующей системы государственного экологического надзора, выявлены ключевые проблемы и направления ее модернизации. Особое внимание уделено внедрению риск-ориентированных подходов, цифровизации процессов контроля, совершенствованию нормативно-правовой базы и повышению роли общественного участия в экологическом управлении. На основе анализа нормативных документов, статистических данных и научных публикаций за последние годы (2020–2025 гг.) автор определил перспективные направления развития системы государственного экологического контроля: внедрение цифровых технологий в мониторинг окружающей среды, переход к превентивной модели надзора, повышение открытости и взаимодействия с институтами гражданского общества, а также развитие кадрового и методического потенциала надзорных органов. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к реформированию экологического надзора, направленного на обеспечение устойчивого развития, экологической безопасности и повышение эффективности государственного управления в экологической сфере.*

***Ключевые слова:** государственный экологический контроль, экологический надзор, цифровизация, устойчивое развитие, риск-ориентированный подход, профилактика нарушений, экологическая безопасность, общественный контроль.*

Современное развитие общества невозможно без обеспечения экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов. Экологическая проблематика в последние десятилетия приобрела глобальный характер: ухудшение состояния окружающей среды, изменение климата, загрязнение водных и воздушных ресурсов, деградация земель и утрата биоразнообразия ставят под угрозу устойчивое развитие не только отдельных государств, но и всей планеты. В этих условиях особую роль приобретает эффективная система государственного экологического контроля и надзора, которая обеспечивает соблюдение природоохранного законодательства, предупреждение экологических правонарушений и минимизацию негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду.

В Российской Федерации вопросы государственного экологического контроля закреплены в Конституции РФ, Федеральном законе от 10.01.2002 года №7 «Об охране окружающей среды», а также в различных кодексах и в ряде подзаконных нормативных актов. Эти документы формируют правовую основу для деятельности органов государственной власти в сфере охраны окружающей среды. Вместе с тем, не смотря на наличие развитого законодательства, эффективность экологического контроля остаётся недостаточной. В стране по-прежнему фиксируется высокий уровень загрязнения природных сред, что указывает на необходимость совершенствования существующих механизмов надзора.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что на современном этапе государственный экологический контроль и надзор находятся в процессе реформирования. В последние годы предпринимаются меры по цифровизации контрольной деятельности. Внедрению риск-ориентированного подхода, оптимизации полномочий федеральных и региональных органов. Однако эти процессы сопровождаются рядом проблем: отсутствием комплексного подхода, недостаточной координацией между ведомствами, нехваткой квалифицированных кадров и несовершенством методической базы. В результате эффективность государственного воздействия на природопользователей часто оказывается ниже ожидаемой.

Система государственного экологического контроля и надзора представляет собой одну из ключевых правовых форм обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования. В современных исследованиях подчёркивается, что экологический контроль выступает не просто формой административной деятельности, но и становится гарантией эффективности государственного экологического управления. В Российском законодательстве понятие государственного экологического контроля закреплена в статье 65 Федерального закона от 10.01.2002 №7 «Об охране окружающей среды» Государственный экологический контроль рассматривается как деятельность уполномоченных органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений требований законодательства в области охраны окружающей среды и на систематическое наблюдение за исполнением обязательных требований. Законодатель фактически приравнивает понятия контроля и надзора, подчёркивая их единую цель— обеспечение законности в сфере экологических отношений.

В современной литературе российские авторы предлагают классификации экологического контроля, адаптированные к новым условиям. Юшко указывает, что «контроль и надзор в экологической сфере требуют иных подходов, чем, например, контроль в социальной или потребительской сфере. При этом в составе экологического контроля выделяют государственный, производственный и общественный» [1, с. 60]. Современные исследования также выделяют предупредительный контроль и текущий надзор как отдельные этапы процедуры. В исследовании Власенко В.Н. подчёркивается, «контроль, превращается из реактивной функции в инструмент постоянного мониторинга и анализа» [2, с. 30].

Теоретико-правовая основа института государственного экологического контроля и надзора в России представлена совокупностью: во-первых, понятийно-правовых категорий контроля и надзора, во-вторых, нормативно-правовой базой и, наконец, классификацией видов контроля и надзора в современных условиях. Именно через эту призму государство реализует свою природоохранную функцию— обеспечение охраны окружающей среды и рационального природопользования. При этом текущее состояние дел показывает, что совершенствование как правовой регламентации, так и практических механизмов контроля остаётся актуальной задачей правовой науки и государственной политики.

Система государственного экологического контроля и надзора в Российской Федерации на современном этапе характеризуется расширением функций, значительным укреплением нормативно-правовой базы и попытками внедрения современных технологических и институциональных механизмов. Так, с принятием множества федеральных законов был закреплён единый базис для контрольно-надзорной деятельности, включая экологическую сферу: закон определяет порядок осуществления контроля-надзора, перечень контрольных действий, и устанавливает, что инспекторы при осуществлении постоянного государственного контроля имеют доступ к объектам, документам, технологическим средствам.

Согласно отчёт Росприроднадзора за 2024 год, который входит в сферу деятельности федерального государственного экологического надзора, вступили в силу законодательные акты, которые, предусматривают профилактические меры, оценку соблюдения обязательных требований и санкции за их нарушение. Это даёт основания утверждать, что институт экологического контроля в настоящее время переходит от число реактивной модели к профилактической и риск– ориентированной.

Несмотря на расширение нормативной базы и институциональных форм, практика реализации показывает наличие серьёзных проблем. Исследование на примере Вологодской области– показало, что, хотя наблюдается тенденция к улучшению экологической обстановки, остаётся нерешённой проблема системного подхода государственных органов: недостаточная координация между ведомствами, недостаточное финансирование и кадровое обеспечение, а также низкая эффективность санкций. Аналогичным образом Н.В. Шехова указывает, что «стратегической задачей регулирования экологической безопасности является не только разработка новых инструментов, но и их интеграция с ESG– стратегиями, корпоративной социальной ответственностью и цифровизацией, что пока реализуется не в полной мере.» [3, с. 975].

В институциональном плане система контрольной деятельности распределена по уровням: федеральному и региональному. В законе закреплено, что федеральный государственный экологический контроль осуществляется федеральными органами исполнительной власти, региональный– органами исполнительной власти субъектов РФ. При этом на практике обнаруживается пересечение полномочий, дублирование функций, что снижает эффективность. В связи с этим в новейших исследованиях рекомендуется усилить межведомственное взаимодействие и чётко распределить обязанности.

Технологический аспект современного состояния отрасли подчёркивает растущую роль цифровизации и мониторинга в режиме реального времени. Хотя официальные отчёты ещё не содержат исчерпывающих данных об эффективности технологий, анализ нормативных изменений показывает, что в 2025 году законодательно были закреплены возможности использования различных цифровых источников, которые способствуют сделать надзор более прозрачным и оперативным, но требует соответствующей инфраструктуры и подготовки кадров.

Система государственного экологического контроля и надзора в России в настоящее время функционирует на более современной правовой основе, чем раньше. Тем не менее трансформация ещё продолжается, и её эффективность ограничена объективными препятствиями– кадровыми, организационными, технологическими и институциональными. Перспективы развития требуют решения именно этих проблем.

С учётом глобальных вызовов, ускоренного технологического развития и усиления международной экологической повестки перспективы развития системы государственного экологического контроля и надзора становятся особенно актуальными. Одним из ключевых направлений является дальнейшая цифровизация мониторинга и аналитики: как отмечено в материале Росприроднадзора, уже в ближайшие годы предполагается запуск единой информационной системы мониторинга окружающей среды, которая объединит данные по более чем 15 видам наблюдений. Такая система позволит перейти от фрагментарного сбора данных к оперативному управлению рисками и прогнозированию экологических нарушений. Во-вторых, необходимо усиление риск-ориентированных подходов и профилактической функции надзора: изменение индикаторов риска, утверждённых Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации приказом от 13.01.2025 №20, свидетельствует о переходе к более тонкому управлению экологическими угрозами. В-третьих, перспективы включают в себя расширение инструментов взаимодействия с бизнесом и общественностью: развитие открытых цифровых экологических профилей предприятий, расширение общественного экологического контроля и повышение прозрачности контрольно-надзорных процедур. Например, в 2023 году региональный контрольный орган в одном субъекте РФ утвердил программу профилактики рисков на 2024 год, включающую в себя публикуемые руководства, информационные письма и аналитические отчёты

Всё это требует усиления координации между федеральными и региональными органами, совершенствования нормативно-правовой базы, а также повышения квалификации кадров. При

этом модернизации системы не должна ограничиваться техническими средствами: как подчёркивает исследование Заславской Н.М. «сама архитектура управления должна трансформироваться, учитывая новые социальные, технические и экологические реалии» [4, с. 30].

В целом можно выделить следующие ключевые направления перспективного развития: интеграция цифровых платформ и автоматизированного мониторинга; усиление превентивных мер и риск-менеджмента; расширение вовлечения всех заинтересованных сторон; непрерывное совершенствование правового регулирования, в том числе пересмотр и унификация понятий, сбалансирование контроля и стимулирования добросовестного поведения. Эти направления образуют комплексную стратегию модернизации системы государственного экологического контроля и стимулирования добросовестного поведения. Эти направления образуют комплексную стратегию модернизации системы государственного экологического контроля и надзора, способную повысить её результативность и адаптивность к быстро меняющимся условиям.

Современное состояние системы государственного экологического контроля и надзора Российской Федерации характеризуется сочетанием масштабных институциональных реформ, цифровизации и внедрения риск-ориентированных подходов. В условиях роста антропогенной нагрузки и глобальных климатических вызовов данное направление государственного управления приобретает стратегическое значение, выступая инструментом обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития страны. Эффективность государственного экологического контроля во многом определяется не только полнотой нормативного регулирования, но и способностью системы адаптироваться к динамичным социально-экономическим изменениям с помощью цифровых технологий и аналитических платформ.

Ключевой задачей на ближайшие годы является интеграция данных экологического мониторинга в единую цифровую платформу, о чём говорится в концепции развития государственного экологического надзора, представленной Росприроднадзором в 2023 году. Такая система позволит повысить точности прогнозов, прозрачность процессов принятия решений и уровень общественного доверия к контролирующим органам. В этом контексте важным направлением становится развитие механизмов участия граждан и институтов гражданского общества в экологическом контроле.

Не менее важным направлением является совершенствование кадров и научно-методического потенциала. Как подчёркивают Алпацкая Е.Г. и Ведерникова Д.В. «для эффективной реализации функций экологического надзора требуется подготовка специалистов нового поколения, владеющих цифровыми компетенциями, обладающих аналитическим мышлением и способных применять комплексный риск-ориентированный подход в управленческой практике» [5, с. 7].

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды»: // Собр. законодательства РФ. – 2002. – №2. – Ст. 133.
2. Приказ Минприроды России от 13.01.2025 №20 «О внесении изменений в Перечень индикаторов риска нарушения обязательных требований по федеральному государственному экологическому контролю (надзору), утверждённый приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации» от 30 декабря 2021 г. №1044.
3. Юшко А.В. Актуальные проблемы государственного и муниципального контроля. 2023. Т. 16. с. 60.
4. Власенко В.Н. Цифровизация государственного экологического управления: правовые аспекты. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т.2. с. 30.
5. Шехова Н.В. Государственное регулирование экологической безопасности России в контексте глобальной повестки //Экологическая безопасность.2023. Т. 6 №3, с.975.
6. Заславская Н.М. Экологический контроль как гарантия эффективности государственного экологического управления в цифровом обществе. Правовое государство: теория и практика. 2023. №2. С. 30.
7. Алпацкая Е.Г., Ведерникова Д.В. Современные требования к осуществлению государственного экологического контроля и земельного надзора. 2023. Т. 7. № 4. с. 50.

Фандюшин Иван Николаевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Марченко Сергей Сергеевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Митякина Надежда Михайловна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ И ВОЗРАСТАЮЩЕГО АНТРОПОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

***Аннотация.** Статья направлена на рассмотрение актуальных вопросов, связанных с определением особенностей правового регулирования охраны водных объектов в условиях климатических изменений и возрастающего антропогенного воздействия. В исследовании определяется нормативная основа природоохранной деятельности в Российской Федерации и механизмов охраны водных объектов в частности; выявляются последствия влияния климатических изменений и возрастающего антропогенного воздействия на водные ресурсы; устанавливаются ключевые правовые механизмы охраны и защиты водных объектов, а также экономические меры, направленные на стимулирование хозяйствующих субъектов к рациональному водопользованию. В заключении определяются дальнейшие перспективы совершенствования таких механизмов.*

***Ключевые слова:** экологическое право, водное право, климатические изменения, антропогенное воздействие, водные объекты, природоохранная деятельность.*

Экологические вызовы современности, обусловленные климатическими изменениями и интенсификацией антропогенного воздействия, оказывают непосредственное влияние на состояние водных ресурсов. Повышение среднегодовых температур, изменение режима осадков, а также учащение экстремальных погодных явлений, в совокупности с увеличением промышленной активности, неизбежно приводят к деградации водных экосистем, истощению запасов пресной воды и ухудшению качества водных объектов. В подобных условиях правовое регулирование вопросов, связанных с охраной водных ресурсов, становится не просто одним из неотъемлемых элементов природоохранной политики государства, а выступает в качестве стратегического инструмента обеспечения экологической безопасности.

Конституция Российской Федерации в статье 9 определяет, что «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на территории соответствующей территории» [1]. Данная норма определяет обязанность государства по рациональному использованию и сохранению водных ресурсов, устанавливая их публично-правовой характер. Помимо этого, в статье 42 Конституции Российской Федерации закрепляется право каждого индивида на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и возмещение

ущерба, который причиняется нарушением норм экологического законодательства. Таким образом, охрана водных объектов рассматривается в качестве неотъемлемой части общего механизма реализации конституционных прав граждан на экологическую безопасность.

Среди ключевых принципов правового регулирования водных отношений выступают:

- приоритет сохранения водных экосистем перед их использованием в хозяйственной деятельности;
- обязательный учет природных и климатических факторов в деятельности по планированию использования водных ресурсов;
- сбалансированное сочетание правовых и экономических методов регулирования;
- обеспечение доступа гражданам и общественным организациям к деятельности по охране водных объектов [9, с. 573].

Правовые основы использования и охраны водных объектов конкретизируются на уровне Водного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ) [5], который регламентирует конкретные требования к водопользованию, водоохранным зонам, а также предотвращению вредного воздействия на воды и ликвидации его последствий. В соответствии с предписаниями статьи 3 ВК РФ, регулирование водных отношений предполагает под собой цель в виде обеспечения сохранности водных объектов, предотвращения их загрязнения, истощения и засорения. К основным механизмам, обеспечивающим охрану водных объектов, относятся:

- установление водоохранных зон и прибрежных защитных полос;
- регулирование вопросов, связанных со сбросом сточных вод и иных веществ в водные объекты;
- осуществление мониторинга на уровне государственных и муниципальных органов за состоянием водных объектов;
- проведение государственной экологической экспертизы в соответствии с предписаниями Федерального закона от 23 ноября 1995 года № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» [11, с. 65].

Особым значением обладают водоохранные зоны, которые предназначены для предотвращения загрязнения и иного вредного воздействия на водные объекты. Их размеры определяются в зависимости от того, к какой категории относится водный объект. Кроме того, устанавливаются ограничения на использование территорий таких зон. Например, не допускается возможность размещения складов горюче-смазочных материалов или строительных объектов, способных загрязнить воду.

Изменение климата оказывает непосредственное воздействие на водные ресурсы, провоцируя колебания водного стока, изменение режима рек и озер, засоление грунтовых вод и деградацию болотных экосистем. Такие процессы требуют от законодателя реформирования норм права посредством их адаптации к новым вызовам. Именно по этой причине, на текущий момент времени Российская Федерация официально признает изменение климата фактором, который оказывает влияние на состояние природных ресурсов, что отражено в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, где отмечается необходимость в совершенствовании правового регулирования с учетом климатических рисков [8].

В качестве одного из ключевых направлений адаптации экологического права является развитие норм, которые обеспечивают устойчивое управление водными ресурсами в условиях, когда водный баланс подвергается значительным изменениям. Так, Федеральный закон от 4 мая 1999 года № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» [6] и Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [7] вводят требования, которые указывают на обязанность хозяйствующих субъектов учитывать воздействие их производственной деятельности на климат и водные ресурсы в частности.

Антропогенное воздействие также признается причиной ухудшения состояния водных объектов. Среди основных факторов загрязнения ученые выделяют:

- сброс неочищенных сточных вод;
- промышленные выбросы тяжелых металлов;
- добыча полезных ископаемых в пределах территорий прибрежных зон;

- сельскохозяйственные стоки, которые выбрасывают в воду удобрения и пестициды;
- несоблюдение режима, установленного водоохранными зонами [10, с. 133].

Среди правовых мер воздействия на такие процессы следует называть:

- административную ответственность, например, за совершение деяния, предусмотренного нормой статьи 8.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях под заголовком «Нарушение прав водопользования» [4];
- уголовную ответственность, например, за совершение преступления по статье 250 Уголовного кодекса Российской Федерации «Загрязнение вод» [3];
- гражданско-правовые механизмы возмещения вреда, причиненного окружающей среде, основывающиеся на предписаниях статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации [2].

Отдельно также следует оговориться об экономических механизмах охраны водных объектов, так как они позволяют стимулировать граждан и организации на рациональное водопользование. Так, статья 20 ВК РФ устанавливает, что водопользователи обязуются вносить плату за эксплуатацию водных объектов. Такие платежи обладают двойной природой. С одной стороны, они рассматриваются в качестве формы экономического регулирования, с другой – элементом компенсации за использование природных ресурсов. Помимо этого, в статье 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» можно обнаружить указание на систему платы за негативное воздействие на окружающую среду, к которому относится сброс загрязняющих веществ в водные объекты. Размер такой платы рассчитывается исходя из актуальных нормативов и коэффициентов экологической значимости.

Существенным значением обладает государственная поддержка проектов, направленных на модернизацию существующих водоочистительных систем, которая реализуется через федеральные и региональные программы. Например, в рамках программы «Чистая вода» государство финансирует проекты по реконструкции очистных сооружений, а также по внедрению технологий глубокой очистки сточных вод и мониторингу качества поверхностных вод [12].

В качестве подведения итога можно сделать вывод, что правовое регулирование охраны водных объектов в условиях климатических изменений и антропогенного воздействия представляет собой многоуровневый сложный механизм, который включает совокупность норм конституционного, экологического, водного, административного и уголовного права. Актуальные вызовы требуют от законодателя адаптации экологического права к изменяющимся условиям, усиления взаимосвязи между наукой, правом и технологическим развитием. Сочетание императивных правовых требований с экономическими стимулами обеспечивает функционирование устойчивой системы охраны водных объектов. В то же время, для эффективного реагирования на экологические риски необходимо дальнейшее развитие законодательной базы, ее адаптация, в частности, по следующим перспективным направлениям:

- внедрение в существующие нормативно-правовые акты положений, указывающих на необходимость адаптации водного хозяйства к климатическим изменениям;
- введение системы экологического аудита водопользователей, позволяющего обеспечить независимую оценку деятельности хозяйствующих субъектов на водные ресурсы;
- использование цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, в деятельности по мониторингу состояния водных объектов на всей территории Российской Федерации.

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 1. – Ст. 8.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
5. Водный кодекс Российской Федерации от 03 июня 2006 г. № 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.
6. Об охране атмосферного воздуха: Федеральный закон от 04 мая 1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2222.
7. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
8. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 17. – Ст. 2546.
9. Батыгов, З.О., Гордан, М.М. Основные понятия и принципы охраны окружающей среды и рационального природопользования / З.О. Батыгов, М.М. Гордан // Образование и право. – 2023. – № 12. – С. 569-574.
10. Ермолов, С.И. Становление системы административно-правового регулирования охраны окружающей среды в Российской Федерации / С.И. Ермолов // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 11 (227). – С. 132-134.
11. Пономарев, М.В. Эколого-правовые средства охраны поверхностных водных объектов / М.В. Пономарев // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2024. – № 1. – С. 63-66.
12. Паспорт федерального проекта «Чистая вода» // КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=333238&cacheid=F6477EF9A03B20710CEE113B833B9380&mode=splus&rnd=9D158D83D9A24F71999F2CF278A0E6DB#TpGCq1VIF27pqaXi1> (дата обращения: 07.11.2025).

Фендрикова Елизавета Витальевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Алейникова Валерия Андреевна,
ассистент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университет
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМА НЕОБОСНОВАННЫХ ОТКАЗОВ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ И РОЛЬ ПРОКУРОРА В ИХ УСТРАНЕНИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается актуальная проблема необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел и влияние данных нарушений на обеспечение законности и защиту прав граждан. Анализируется действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, регулирующее порядок рассмотрения сообщений о преступлениях, а также практика прокурорского надзора в данной сфере. Особое внимание уделено выявлению типичных ошибок, допускаемых органами дознания и следствия при принятии решений об отказе в возбуждении уголовного дела.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, возбуждение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, законность, уголовный процесс, полномочия прокурора, досудебное производство, защита прав граждан.*

Одной из актуальных проблем современного уголовного судопроизводства является обеспечение законности на стадии возбуждения уголовного дела. На этом этапе формируются первичные процессуальные решения, от которых во многом зависит дальнейший ход расследования, реализация прав участников и достижение целей правосудия. Особое значение в данном контексте имеет вопрос необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел, которые препятствуют доступу граждан к правовой защите и подрывают доверие к системе правосудия.

Практика показывает, что значительная часть постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел принимается с нарушением требований уголовно-процессуального закона: при неполной проверке сообщения о преступлении, формальном подходе к оценке доказательств, неверной квалификации фактов.

Вопрос о законности и обоснованности отказов в возбуждении уголовных дел неразрывно связан с нормативной базой уголовно-процессуального законодательства. Согласно статье 24 УПК РФ, основаниями отказа в возбуждении уголовного дела являются отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, а также истечение сроков давности уголовного преследования [6]. В свою очередь, статья 148 УПК РФ [6] детально регулирует процедуру вынесения постановления об отказе, включая обязанность должностного лица уведомить заявителя, порядок обжалования, а также полномочия прокурора по отмене незаконного решения.

Таким образом, законодатель закладывает правовые гарантии, направленные на предотвращение произвольных решений, однако их реализация во многом зависит от надлежащего применения норм и эффективного прокурорского надзора.

Среди исследователей института отказа в возбуждении уголовного дела выделяется правово-формальный подход, сосредоточенный на нормативных аспектах и юридической технике принятия решений. Авторы этого направления – в частности, А. В. Маслов в статье «Отказ в возбуждении уголовного дела: правовая природа и проблемы регулирования» [2] –

подчёркивают, что одной из ключевых задач является обеспечение полноты и мотивированности постановлений, исключение формализма и абстрактных формулировок. По мнению Маслова, отсутствие мотивировки либо её несоответствие фактическим обстоятельствам превращает постановление в юридически дефектное и подлежащее отмене. Представители данного подхода предлагают унифицировать форму постановлений и закрепить в законе обязательные критерии их мотивировочной части. Вместе с тем, чрезмерная ориентация на формальные признаки решения, по мнению критиков, не затрагивает системные причины необоснованных отказов, оставляя без внимания факторы организационного и кадрового характера.

Иной ракурс предлагает институционально-системный подход, рассматривающий необоснованные отказы как следствие внутренних дисфункций правоохранительной системы. В исследованиях отмечается, что подобные решения нередко связаны с перегруженностью следственных подразделений, отсутствием единых методических рекомендаций по проверке сообщений о преступлениях и недостаточным контролем со стороны прокуратуры.

В диссертационном исследовании Петрова Д.В. «Организация прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела» [3] подчёркивается, что слабая координация между следственными и надзорными органами снижает эффективность контроля и создаёт условия для укрывательства преступлений от учёта. Авторы институционального подхода предлагают комплекс организационно-правовых мер, направленных на стандартизацию процедур проверки сообщений о преступлениях, усиление ведомственного контроля и развитие системы внутреннего аудита.

Особое место в научной литературе занимает прокурорский подход, в рамках которого основное внимание уделяется надзорным полномочиям прокурора. Сушков О.Э. в работе «О процессуальных полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела» [5] отмечает, что прокурор выступает ключевым гарантом законности и справедливости в начальной стадии уголовного процесса, обладая правом отмены незаконных и необоснованных отказов, а также правом давать указания о проведении дополнительной проверки.

Вместе с тем, в литературе существует дискуссия относительно объёма прокурорского вмешательства: одни исследователи (Ивлев С. В.) указывают на необходимость возвращения прокурору права самостоятельного возбуждения уголовных дел, тогда как другие предупреждают о рисках чрезмерной централизации и возможного давления на органы предварительного следствия. Несмотря на разногласия, большинство авторов сходятся во мнении, что эффективный прокурорский надзор является одним из ключевых инструментов устранения необоснованных отказов [7].

Существенный вклад в развитие теории данного института внесла процессуально-правовая школа, акцентирующая внимание на защите прав заявителя и судебном контроле за законностью постановлений об отказе. В соответствии со статьями 124 и 125 УПК РФ, гражданин имеет право обжаловать решение об отказе в возбуждении уголовного дела прокурору или в суд.

Как справедливо отмечает ряд исследователей, именно наличие действенного механизма обжалования обеспечивает реальный баланс между интересами государства и правами потерпевших [9].

Современные методологические исследования показывают, что проблема необоснованных отказов имеет комплексный характер и требует интеграции различных подходов. В ряде работ указывается на необходимость рассматривать отказ не только как процессуальное решение, но и как отражение системных дефектов взаимодействия следственных органов и прокуратуры.

Исследователи подчёркивают, что устранение необоснованных отказов невозможно без сочетания законодательных изменений, повышения профессионального уровня следователей и дознавателей, укрепления прокурорского надзора и совершенствования судебных механизмов контроля.

В связи с этим, теоретический анализ доктринальных позиций позволяет сделать вывод, что роль прокурора в обеспечении законности на стадии возбуждения уголовного дела

остаётся ключевым фактором предупреждения нарушений прав граждан и укрепления принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Судебная практика подтверждает, что надзорный и судебный контроль служат эффективным средством устранения нарушений законности, однако этот механизм носит преимущественно реактивный характер и не всегда предупреждает принятие незаконных решений на ранней стадии.

В соответствии со статьёй 125 УПК РФ суды рассматривают жалобы граждан на решения и действия (бездействие) должностных лиц, если они нарушают конституционные права и свободы заявителей [6]. В ряде постановлений Верховного Суда Российской Федерации подчёркивается, что судебная проверка законности отказа в возбуждении уголовного дела должна быть не формальной, а направленной на выявление реальной обоснованности выводов дознавателя или следователя.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 года № 1 [4] отмечено, что судья при рассмотрении жалобы обязан оценивать не только соблюдение процессуальных требований, но и фактические основания отказа, проверяя, была ли проведена полноценная доследственная проверка и приняты ли все возможные меры к установлению обстоятельств, указанных в заявлении о преступлении.

Судебная практика подтверждает, что значительная часть постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела отменяется как незаконные и необоснованные. Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ежегодно прокурорами отменяется от 10 до 15 % таких постановлений, однако около четверти из них в дальнейшем признаются судами незаконными повторно, что указывает на устойчивую тенденцию к формальному подходу на стадии проверки сообщений о преступлениях.

Интересен также анализ практики конституционного правосудия. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание на то, что отказ в возбуждении уголовного дела затрагивает не только процессуальные, но и конституционные права граждан. В Постановлении от 14 декабря 2000 г. № 15-П Суд подчеркнул, что решения, ограничивающие доступ граждан к правосудию, должны быть мотивированы, основаны на законе и подлежат эффективному обжалованию. Позднее, в Определении от 6 октября 2015 г. № 2256-О, Конституционный Суд указал, что прокурор обязан обеспечивать эффективную проверку доводов жалобы и не вправе оставлять без внимания факты возможного нарушения прав заявителя на доступ к правосудию [1].

Таким образом, судебная практика конституционного уровня формирует обязательный для правоприменителя стандарт добросовестности и полноты прокурорского надзора. Стабильное внимание судов к данной проблематике свидетельствует о её системном характере и необходимости комплексного подхода, включающего как законодательные, так и организационно-практические меры по укреплению прокурорского надзора и предупреждению необоснованных отказов.

Совершенствование правового регулирования института отказа в возбуждении уголовного дела требует комплексного подхода, объединяющего законодательные, организационные и процессуальные меры. В первую очередь необходимо уточнить положения статьи 148 УПК РФ, касающиеся процедуры проведения доследственной проверки и требований к содержанию постановлений об отказе. Целесообразно закрепить на нормативном уровне обязательный перечень действий, подлежащих выполнению в ходе проверки сообщения о преступлении, включая опрос заявителя, сбор объяснений очевидцев и фиксацию материальных следов события. Такие изменения позволят устранить практику формальных проверок и сократить количество решений, принимаемых без надлежащего исследования обстоятельств.

Важным направлением также является усиление прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела. Практика показывает, что эффективность прокурорского контроля напрямую зависит от полноты анализа поступающих материалов и оперативности реагирования на незаконные решения органов дознания и следствия. Следует развивать

систему ведомственных проверок, в ходе которых прокуроры анализируют причины вынесения необоснованных отказов и принимают меры дисциплинарного характера к должностным лицам, допустившим нарушения.

Отдельное значение имеет повышение профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов. Необходимы систематическое обучение, разработка методических рекомендаций по проведению доследственных проверок, внедрение практики внутреннего аудита.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что проблема необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел сохраняет свою актуальность и требует комплексного решения, включающего совершенствование законодательства, укрепление прокурорского надзора, повышение квалификации сотрудников органов предварительного расследования, а также развитие судебного контроля и прозрачных механизмов учета сообщений о преступлениях.

Анализ доктринальных подходов и судебной практики позволяет сделать вывод о необходимости интеграции формальных, организационно-процессуальных и надзорных мер для обеспечения реальной законности и защиты прав граждан. Эффективное взаимодействие органов прокуратуры, следствия и судов не только способствует устранению нарушений на стадии возбуждения уголовного дела, но и укрепляет доверие общества к системе уголовного правосудия в целом, реализуя принцип неотвратимости уголовной ответственности и соблюдения прав человека.

Список используемых источников:

1. Конституционный Суд Российской Федерации. Определение № 2942-О/2024 от 29 октября 2024 г. «По вопросу конституционности части 6 статьи 148 УПК РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ksrf.ru/decision/2942-o2024>
2. Маслов А.В. Отказ в возбуждении уголовного дела: правовая природа и проблемы регулирования // Российский следователь. – 2020. – № 12. – С. 18–24.
3. Петров Д.В. Организация прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 189 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/practice/32373>
5. Сушков О.Э. О процессуальных полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник прокуратуры. – 2021. – № 2. – С. 56–62.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
7. Фильчиков В.В. Совершенствование прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела // Юридическая наука. – 2022. – № 4. – С. 33–41.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Л.В. Головки. – М.: Норма, 2022. – 912 с.
9. Власова Т.В. Проблемы прокурорского надзора за законностью отказов в возбуждении уголовных дел // Прокурорский надзор. – 2021. – № 5. – С. 23-29.

Храмова Полина Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Першина Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам и особенностям признания экспертного заключения в качестве доказательства по уголовному делу. Отдельное внимание уделено процессуальным проблемам, в ходе нарушения которых результаты экспертного исследования не соответствуют критерию допустимости доказательств.*

***Ключевые слова:** заключение эксперта, эксперт, доказательство, уголовный процесс, допустимость, относимость.*

Процесс доказывания в уголовном процессе по сей день вызывает дискуссии в теории и правоприменительной деятельности. Очень часто возникают трудности с предоставлением определенных видов доказательств и дальнейшей их оценкой. Несмотря на то, что какое доказательство не имеет заранее установленной силой, на практике сложилась такая ситуация, что результаты экспертного исследования часто имеют определенный авторитет, но все не так однозначно. УПК РФ в ст. 74 закрепляет перечень сведений, которые являются доказательствами, в их число входит заключение эксперта [1]. С одной стороны, все достаточно ясно, но на практике наблюдаются существенные проблемы, которые во многом затрудняют признание экспертного заключения в качестве доказательств по уголовному делу.

В рамках настоящего исследования мы приведем отдельные проблемные аспекты заключения эксперта в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве.

Начнем с правовой составляющей вопроса. В ч. 1 ст. 80 УПК РФ упоминается термин заключения эксперта, он трактуется следующим образом: «представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонам» [1]. Также уголовно-процессуальный закон перечисляет элементы, которые в обязательном порядке должны быть в экспертном заключении (ст. 204 УПК РФ), в противном случае оно будет признано недопустимым доказательством, т.к. содержит в себе нарушения положений процессуального законодательства.

Далее, ч. 2 ст. 204 УПК РФ закрепляет право эксперта отвечать на вопросы, которые не поставлены перед ним в постановлении о назначении экспертизы. Но, повторимся, это не его прямая обязанность, в то же время эта информация может играть большую роль при рассмотрении уголовного дела. Здесь же и возникают некоторые проблемы.

С одной стороны, первоначальная задача эксперта заключается в формировании ответов на поставленные перед ним вопросы, если бы закреплялась обязанность заходить за их пределы, то исследование требовало бы намного больше времени и в таком случае есть риск нарушения принципа разумности сроков. С другой стороны, согласимся и с позицией

Д.А. Ковальских и С.А. Лапина, которые замечают, что: «проводя абсолютно полное исследование и указывая его результаты, эксперты содействовали бы расследованию, так как следователь в силу разных причин иногда может упустить некоторые моменты, касаемо назначения экспертизы, при этом получая не всю информацию» [4, с. 197].

Формулировка вопросов перед экспертами является одной из серьезных проблем в практической деятельности. Очень часто правоприменители неправильно ставят вопросы в постановлении по назначению экспертизы. Как правило, в таких случаях вопросы либо выходят за рамки компетенции эксперта, либо не соответствуют возможностям данного исследования, либо вопросы, которые ставят эксперта в роль следователя (например, о вине того или иного лица) и т.д. Поэтому, при назначении экспертизы рекомендуется обращаться к помощи специалистам в конкретных областях для формулировки соответствующих вопросов для экспертного исследования. В противном случае, итоговое заключение не принесет должных результатов или не будет принято в качестве доказательства вообще.

Процедура оценки заключений экспертов также представляется серьезной проблемой, т.к. для объективного анализа участники процесса должны иметь специальные знания, иначе такая оценка не будет иметь смысла, потому что заключение не было рассмотрено с точки зрения научной обоснованности, правильности выбора методики, верного подбора научной литературы и т.д. И.Г. Савицкая справедливо отмечает, что: «для квалифицированной оценки экспертного исследования следователь, дознаватель, суд, прокурор должны обладать тем же объемом специальных знаний в конкретной области, что и эксперт. Очевидно, что такие требования далеки от реалий современной жизни, и от следственной и судебной практики» [6, с. 143].

К тому же, из-за отсутствия специальных знаний им крайне сложно оценить научную корректность методики, что делает их зависимыми от мнения самого эксперта. Опять же, областей, в которых может проводиться судебная экспертиза достаточно много и правоприменители не могут иметь должные знания в каждой, поэтому, как уже ранее было нами отмечено, целесообразно обращаться за дополнительной консультацией к специалистам в определенных сферах. Помимо прочего, должны проверяться наличие диплома об образовании, о квалификации, сведения о стаже работы в экспертных учреждениях, наличие оборудования в конкретной экспертной организации и т.д.

Еще одной проблемой является наличие вероятностных выводов в заключении эксперта. Дело в том, что при проведении исследования возникают такие ситуации, когда не представляется возможным сделать точный и категоричный вывод, поэтому эксперты допускают возможность формирования обоснованного предположения о наличии или отсутствии тех или иных фактов. Действительно, для субъекта оценки доказательств такие выводы еще больше усложняют задачу, но при этом действующее законодательство не запрещает признавать доказательствами экспертные заключения с вероятностными выводами, несмотря на то, что по уровню убедительности они будут явно уступать заключению с более категоричной позицией. Причины наличия вероятностных выводов достаточно разнообразны: отсутствие нужных методик, оборудования и прочего. Также большую роль играет специфика области, в которой проводится исследование, много подобных случаев возникает у лингвистических экспертиз, например, когда у текста наличествует неоднозначность контекста.

Что касается использования заключений эксперта с вероятностными выводами в построении обвинительной позиции, здесь приведем мнение Н.П. Папоян, с которым мы солидарны: «нельзя игнорировать тот факт, что, если эксперт не может дать категоричный ответ на вопрос следователя или суда, его заключение остается неустранимым сомнением и не может использоваться как доказательство виновности обвиняемого, если он отрицает свою вину (действует принцип презумпции невиновности). Однако, если обвиняемый признает вину и не отрицает обстоятельства, установленные вероятным заключением эксперта, такое заключение, наряду с другими доказательствами, может быть использовано в доказывании и на него можно ссылаться в обвинительном заключении и приговоре» [5, с. 95].

Также принципиальной особенностью оценки экспертного заключения является положение ч. 2 ст. 17 УПК РФ, в котором закреплено, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы и, как отмечает Е.В. Цветкова: «если результаты заключения

эксперта будут существенно противоречить показаниям допрошенных лиц и иными материалами уголовного дела, а следователь не назначит дополнительную или повторную экспертизу для устранения противоречий, выявленных между важными доказательствами – заключением эксперта и показаниями свидетелей. Суд не может рассматривать заключение эксперта как доказательство по делу» [7, с. 414]. Это подтверждает, что оценка данного вида доказательств должна производиться в совокупности с уже собранными на предмет противоречий и приоритетного значения здесь быть не может.

Как мы уже упоминали, часто заключение эксперта признаются судами недопустимыми доказательствами в виду различного рода причин. Н.С. Гаспарян и А.А. Лямин с соответствующей ссылкой на судебное решение приводят показательный случай: дело было в том, что экспертное заключение было признано несоответствующим закону, так как эксперт не указал примененные методы и методики исследований [3, с. 163-164]. Заключение эксперта должно содержать не только выводы, но и подробное описание методов, которые использовались для их получения. Это необходимо для того, чтобы субъекты оценки доказательств могли проверить обоснованность и достоверность этих выводов. Также это все должно быть прописано таким языком, чтобы участники процесса смогли отследить, как и почему были получены соответствующие выводы. В своем заключении эксперт просто пересказал медицинские документы, описал повреждения и сразу указал на их степень тяжести, пропустив исследовательскую часть. Таким образом, заключение было составлено с существенным процессуальным нарушением и признано недопустимым доказательством.

Следующая ситуация заключается в незаконном получении образцов для экспертного исследования. Образцы голоса были получены 3 апреля, а на экспертизу попали только 26 апреля. При этом сама экспертиза была назначена 4 апреля, то есть до того, как образцы попали к следователю, что указывает на явное проявление фальсификации. Суд не дал оценку данным противоречиям и вынес обвинительный приговор. Позднее он был отменен кассационным определением в виду построения обвинения на недопустимых доказательствах [3, с. 166].

Очень часто происходят ситуации, когда участников уголовного процесса знакомят с постановлением о назначении экспертизы уже после ее проведения, что также прямо нарушает нормы уголовно-процессуального законодательства.

Суды, как правило, признают результаты «нетипичных» экспертиз недопустимыми доказательствами, хотя в законе это прямо не прописано. Ярким примером является психофизиологическая экспертиза (полиграф), в отношении которой до сих пор ведутся серьезные дискуссии. Что касается официальной позиции, то Верховный Суд РФ высказался весьма категорично: «для психофизиологического исследования с использованием полиграфа отсутствуют научно обоснованные методики, что не позволяет использовать полученные результаты в качестве доказательства по делу» [8].

Другие суды указывают, что полиграф не предусмотрен УПК РФ и его результаты не должны признаваться допустимыми доказательствами, хотя в процессуальном законодательстве также в целом не содержится перечень экспертиз, результаты которых должны быть признаны допустимыми или недопустимыми. Изредка исключения бывают, когда выводы по полиграфу включают в совокупность уже собранных доказательств (если не противоречит им), но в апелляции такие ссылки часто исключаются.

Аналогичная ситуация происходит в отношении результатов графологической экспертизы. Они становятся доказательством только если суд признает их допустимыми, что происходит далеко не всегда. Приведем также случай из практики. Суд отказал подсудимому в проведении экспертизы, которая должна была по почерку доказать его состояние опьянения во время допроса [2]. Обоснованием позиции послужило то, что заключение эксперта не повлияет на установление фактических обстоятельств преступления и юридическую оценку действий подсудимого. Проверка версии последнего была осуществлена другими способами.

Таким образом, можно сделать вывод, что экспертное заключение, хоть и является авторитетным источником информации, но остается уязвимым видом доказательства, чья допустимость и достоверность зависят от строгого соблюдения процедуры на всех этапах – от назначения экспертизы до её оценки в совокупности с другими доказательствами. Частые

нарушения возникают в процессуальном оформлении и приводят к тому, что результаты экспертного исследования становятся недопустимым доказательством. Более того, в отечественной судебной практике большое значение играет область проведения экспертизы, т.к. заключения экспертов в отечественных сферах в большинстве не признаются судами в виду отсутствия научно обоснованных методик. Поэтому, вопрос экспертного заключения в качестве доказательства по уголовному делу остается достаточно актуальным и открыт для нововведений со стороны науки и правоприменительной деятельности.

Список используемых источников:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2025).
2. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.02.2022 N 77-891/2022 Приговор: По ч. 3 ст. 162 УК РФ (разбой). // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2025).
3. Гаспарян Н.С., Лямин А.А. Энциклопедия недопустимых доказательств. – М.: Информ-Право, 2025. – 304 с
4. Ковальских, Д.А. Назначение и производство судебной экспертизы. Проблемы допроса эксперта / Д.А. Ковальских, С. А. Липин // Современные проблемы обеспечения безопасности : Сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 26–27 апреля 2023 года. – Екатеринбург: Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России, 2023. – С. 195-198. – EDN YQRSGJ.
5. Папоян, Н. Вероятный вывод судебной лингвистической экспертизы и его оценка правоприменителем / Н. Папоян // Юрислингвистика. – 2025. – № 35(46). – С. 91-97. – DOI 10.14258/leglin(2025)3514. – EDN IUCPWK.
6. Савицкая, И.Г. К вопросу об оценке экспертного заключения как доказательства в уголовном процессе / И.Г. Савицкая // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2019. – № 5-1. – С. 142-147. – EDN NKYBLL.
7. Цветкова, Е.В. Заключение эксперта как доказательство по уголовному делу / Е.В. Цветкова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 2. – С. 413-414. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_2_413. – EDN QMVDCJ.
8. Верховный суд объяснил, почему не доверяет показаниям на детекторе лжи: РАПСИ [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20220707/308110727.html (дата обращения: 01.10.2025).

Худобердина Диана Владимировна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Клюева Екатерина Сергеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Лукьянчикова Елена Федоровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ ЦИФРОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

***Аннотация.** В данной статье анализируется эволюция правового регулирования кибербезопасности в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК) России на фоне ускоренной цифровизации энергетической инфраструктуры. Особое внимание уделяется ключевым механизмам, включая категорирование объектов критической информационной инфраструктуры, меры государственной защиты и ответственность за нарушения. Выявляются пробелы в текущей нормативной базе, связанные с интеграцией международных стандартов и адаптацией к новым угрозам, таким как атаки на интеллектуальные сети. Предлагаются рекомендации по гармонизации законодательства для повышения устойчивости цифровых систем, с учетом принципов устойчивого развития. В итоге подчеркивается, что эффективное правовое обеспечение кибербезопасности не только минимизирует риски, но и способствует инновационному росту отрасли.*

***Ключевые слова:** кибербезопасность, цифровая энергетическая инфраструктура, нормативно-правовая база, топливно-энергетический комплекс, устойчивое развитие, критическая информационная инфраструктура.*

Опора на возможности цифровой экономики рассматривается в стратегических документах Российской Федерации в качестве одного из ключевых факторов, способных в современных условиях обеспечить экономический рост и национальный суверенитет, а также стимулировать развитие производства во всех сферах социально-экономической деятельности. В то же время, неуправляемый переход на новые принципы организации экономики может резко повысить ее уязвимость для враждебных действий в киберсфере. В этой связи представляется необходимым более подробно осветить вызовы и угрозы, с которыми сопряжен процесс цифровизации в экономической сфере. Цифровизация энергетической отрасли, которая в последние годы приобрела темпы настоящего прорыва, открывает перед ТЭК России широкие горизонты для оптимизации процессов и снижения издержек. Однако этот прогресс неизбежно несет с собой уязвимости: от кибератак на системы управления подстанциями до манипуляций с данными в интеллектуальных сетях. Актуальность темы усиливается геополитическими вызовами и глобальными тенденциями,

где энергетическая инфраструктура все чаще становится мишенью гибридных угроз. Сегодня человечество переживает интереснейший и чрезвычайно динамичный период своего развития. Проникновение информационных технологий (ИТ) во все сферы жизни и деятельности людей, формирование целостной глобальной техносферы из взаимосвязанных инфраструктур – энергетической, транспортной, производственной, финансовой и собственно информационной – создают предпосылки для возникновения в планетарном масштабе совершенно нового уклада жизни. Цель настоящей работы – разобрать правовые механизмы, закладывающие основу для кибербезопасности и устойчивости цифровых систем в энергетике, выявить их сильные и слабые стороны, а также предложить пути доработки, опираясь на системный подход к регулированию.

Нормативно-правовая база обеспечения кибербезопасности в ТЭК формировалась поэтапно, начиная с общих положений о защите информации и переходя к специализированным нормам для критической инфраструктуры. Центральным элементом здесь выступает Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [1], который определяет объекты энергетики как ключевые субъекты категорирования и устанавливает обязанности по выявлению угроз и внедрению защитных мер. Этим документом определены ключевые направления деятельности федеральных органов исполнительной власти в данной сфере. Важнейшим из этих направлений является создание под руководством ФСБ России государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак. Этот акт не просто фиксирует риски, но и обязывает операторов – от генерирующих компаний до системных операторов – разрабатывать планы реагирования на инциденты, что напрямую влияет на устойчивость сетей. В контексте ТЭК закон интегрируется с отраслевыми правилами, такими как Постановление Правительства РФ от 8 февраля 2018 г. № 127 «Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры» [2], где энергетические объекты автоматически попадают в высшую категорию из-за их потенциала для причинения ущерба в масштабе всей страны.

Переходя к практическим механизмам, стоит отметить, что устойчивость цифровой инфраструктуры обеспечивается через многоуровневую систему: от технических стандартов до административной ответственности. Например, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] закладывает фундамент для обработки данных в энергосистемах, требуя от операторов внедрения сертифицированных средств защиты. Дополнительный импульс дала недавняя редакция от 7 апреля 2025 г. № 58-ФЗ [4], усиливающая требования к мониторингу угроз в реальном времени для объектов ТЭК, включая обязательную сертификацию программного обеспечения. Эти механизмы работают в тандеме с Постановлением Правительства РФ от 3 августа 2024 г. № 1046 «Об утверждении Требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса» [5], которое вводит протоколы для противодействия киберугрозам, интегрируя их с физической защитой. В итоге, такая структура позволяет не только реагировать на атаки, но и предотвращать их, способствуя устойчивому развитию отрасли через минимизацию простоев. Функции по координации обеспечения устойчивого и безопасного функционирования российского сегмента интернета возлагаются на Роскомнадзор.

Несмотря на солидный арсенал правовых инструментов, практика выявляет ряд несоответствий, которые подрывают общую эффективность. Во-первых, фрагментарность регулирования: нормы о кибербезопасности в ТЭК часто дублируют общие правила информационной защиты, без четкой адаптации к специфике энергетики, такой как реальное время обработки данных в системах диспетчерского управления. Как отмечается в исследованиях, это приводит к задержкам в сертификации оборудования, особенно при импортозамещении [6]. Во-вторых, пробелы в ответственности: хотя статья 13 Федерального закона № 187-ФЗ предусматривает штрафы за несоблюдение мер защиты, на деле доказывание умысла в киберинцидентах остается сложным, что снижает эффект. Компании в ТЭК нередко

недооценивают риски из-за отсутствия унифицированных методик оценки уязвимостей, как это подчеркивается в анализе проблем цифровой энергетики [7]. Наконец, международный аспект: в эпоху глобальных цепочек поставок российское право слабо учитывает трансграничные угрозы, такие как атаки через устройства, подключенные к коллективной сети в возобновляемой энергетике, где уязвимости особенно остры. Эти вызовы не только тормозят инновации, но и ставят под угрозу цели устойчивого развития, провозглашенные в Энергетической стратегии РФ до 2035 г [8].

Чтобы преодолеть указанные барьеры, предлагается комплекс мер, ориентированных на гармонизацию и цифровизацию самого регулирования. Прежде всего, целесообразно ввести в Федеральный закон № 187-ФЗ раздел о специальных стандартах для энергетической инфраструктуры [9], включая обязательное использование блокчейн-технологий для защиты данных в децентрализованных сетях – это не только повысит прослеживаемость угроз, но и интегрирует принципы устойчивого развития, снижая углеродный след от сбоев. Далее, усиление межведомственного взаимодействия [10]: создание единой платформы под эгидой ФСТЭК и Минэнерго для обмена данными об угрозах, аналогично модели в ЕС по NIS Directive, позволит оперативно реагировать на инциденты. В плане ответственности стоит расширить арсенал санкций, вводя корпоративные штрафы за системные нарушения, как это реализовано в Постановлении № 221 от 28 февраля 2024 г., но с акцентом на превентивные аудиты. Наконец, инвестиции в подготовку кадров [11]: на основе опыта аналогичных программ, стоит развивать специализированные курсы по кибербезопасности в ТЭК, чтобы операторы могли самостоятельно оценивать риски. Такие шаги, на наш взгляд, сделают правовую систему более активной, обеспечивая долгосрочную устойчивость цифровой энергетики.

Подводя итог, можно сказать, что правовые механизмы кибербезопасности в цифровой энергетической инфраструктуре России уже обладают солидным фундаментом, но требуют тонкой настройки для дальнейшей реализации. Кибербезопасность в широком смысле определяется не только ее защищенностью от кибератак и наличием в ней ресурсов, позволяющих функционировать в условиях их успешной реализации, но и нормативно-правовой базой, определяющей правила, обязанности и ответственность всех субъектов данных правоотношений. В условиях, когда ТЭК становится нервным центром национальной экономики, игнорирование этих аспектов чревато не только финансовыми потерями, но и системными рисками для устойчивого развития. Мои выводы, основанные на анализе практики и доктрины, убеждают: только через баланс государственного надзора, отраслевой инновации и международного сотрудничества мы сможем превратить угрозы в возможности. В итоге, совершенствование нормативной базы не просто защитит инфраструктуру – оно укрепит позиции России как надежного энергетического партнера на глобальной арене.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 30 (ч. I). Ст. 4390.
2. Постановление Правительства РФ от 8 февраля 2018 г. № 127 «Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 9. Ст. 1482.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
4. Федеральный закон от 7 апреля 2025 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 15. Ст. 2487.
5. Постановление Правительства РФ от 3 августа 2024 г. № 1046 «Об утверждении Требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 32. Ст. 5123.

6. Иванов И.И. О вопросах кибербезопасности в энергетике // Вестник технологического университета. 2023. № 4. С. 67-72.
7. Кузнецов А.В. Методы и подходы к обеспечению кибербезопасности объектов цифровой энергетики // Энергетика и право. 2024. № 2. С. 45-52.
8. Сидорова Е.П. Решение проблем кибербезопасности, связанных с возобновляемой энергетикой // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 112-119.
9. Петров С.С. Киберопасность как одна из стратегических угроз энергетической безопасности России // Энергетическое право. 2024. № 1. С. 34-41.
10. Федоров М.Н. Информационная безопасность интеллектуальных сетей // Надежность и безопасность энергетики. 2022. № 3. С. 78-85.
11. Григорьева О.А. Аспекты подготовки специалистов по обеспечению информационной безопасности в сфере энергетики // Вестник МГУ. Серия Право. 2025. № 2. С. 56-63.

Худобина Алина Игоревна,
магистрант юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шалайкин Руслан Николаевич,
заведующей кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГАРАНТИРУЮЩИХ ПОСТАВЩИКОВ ЗА КАЧЕСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ: СТАНДАРТЫ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. Исследование направлено на рассмотрение вопросов, связанных с регулированием ответственности гарантирующих поставщиков за качество электроэнергии. В работе проводится анализ нормативно-правового обеспечения договора энергоснабжения, стандартов качества энергии. Отдельный акцент делается на материалах правоприменительной практике, демонстрирующих устойчивые тенденции к определению субъектов, несущих ответственность за поставку электроэнергии ненадлежащего качества. По результатам делается вывод, содержащий предложения по дальнейшему совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: энергетическое право, договор энергоснабжения, гарантирующий поставщик, сетевая организация, потребитель, качество энергии.

Вопросы, связанные с определением ответственности гарантирующих поставщиков за качество электроэнергии, обладают высокой практической и теоретической значимостью в силу того, что качество электроснабжения напрямую сказывается на жизни граждан, деятельности организаций и функционировании объектов критической инфраструктуры. Именно по этой причине важно, чтобы регулирование такой ответственности и практика реализации нормативных предписаний на характеризовались наличием проблем, препятствующих защите и восстановлению прав потребителей электроэнергии.

Федеральный закон от 26 мая 2003 года № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» в статье 38 определяет обязанность гарантирующего поставщика по обеспечению надежного электроснабжения и электроэнергии надлежащего качества перед потребителями в тех пределах, которые установлены нормами действующего законодательства или договором. Помимо этого, устанавливается, что некоторые обязанности по эксплуатации сетей и параметрам качества возлагаются на сетевые организации, в качестве которых выступают владельцы электросетевого имущества [4].

Стандарты качества устанавливаются на уровне ГОСТ 32144-2013 «Межгосударственный стандарт. Электрическая энергия. Совместимость технических средств электромагнитная. Нормы качества электрической энергии в системах электроснабжения общего назначения» [8]. Данный документ определяет показатели и нормы качества электрической энергии, в том числе, допустимые отклонения частоты, прерывания и прочие параметры, оценка которых позволяет определить соответствие энергии требованиям поставки. ГОСТ также устанавливает токи замера и критерии, которые применяются в процессе проведения экспертизы качества и сертификации. Учет положений обозначенного акта является обязательным при принятии решения о привлечении гарантирующего поставщика к ответственности.

Следует также отметить, что юридическая ответственность, меры которой могут быть применены в отношении указанных субъектов, определяется на уровне различных отраслей права. Так, статья 542 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет, что в ситуации, если имеют места нарушения в области качества энергии, абонент наделяется правом на отказ от ее оплаты в одностороннем порядке. Статья 547 ГК РФ также устанавливает возможность возмещения реального ущерба, который был причинен стороной договора энергоснабжения вследствие неисполнения предусмотренных в нем обязательств [1]. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» устанавливает ответственность для поставщиков услуг, которые нарушили права потребителей, что распространяется и на общественные отношения, связанные с поставкой электроэнергии [5]. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в статье 7.23 определяет состав правонарушения, получивший название «Нарушение нормативного уровня или режима обеспечения населения коммунальными услугами» [3].

На уровне договора энергоснабжения гарантирующий поставщик надлежащим образом исполняет свои обязательства по поставке электроэнергии, за неисполнение или ненадлежащее исполнение которых, как уже было сказано выше, предусмотрена ответственность. В то же время, в ряде случаев физическое качество энергии может определяться путем оценки работы сетевой организации, что порождает вопросы, связанные с определением субъекта, ответственного перед потребителем [9, с. 15]. Материалы судебной практики демонстрируют, что зачастую потребители взыскивают компенсацию с гарантирующих поставщиков, которые в последствие, руководствуясь положениями статьи 1081 ГК РФ [2], реализуют право регресса по отношению к сетевым организациям [11].

Сложность общественных отношений в сфере поставки электроэнергии также обуславливает необходимость проведения технических экспертиз и измерений, обеспечивающих возможность установления фактов, свидетельствующих о ненадлежащем качестве энергии. Данная особенность не редко усложняет процесс доказывания вины гарантирующего поставщика в суде, так как могут возникать трудности при выборе надлежащих методов измерения качества или потребность в производстве дорогостоящей экспертизы [10, с. 50].

Помимо этого, анализ материалов правоприменительной практики позволил установить несколько устойчивых подходов:

Во-первых, суды признают за потребителем право на возмещение ущерба, причиненного гарантирующим поставщиком, а также убытков, неустойки и морального вреда при условии, если будет доказан факт, указывающий на нарушение стандартов качества электроэнергии. При этом, гарантирующий поставщик после удовлетворения требований потребителя, может заявить обратный иск к сетевой организации или иному источнику нарушения. Так, в одном из дел суд частично удовлетворил иск потребителя, обязав гарантирующего поставщика выплатить компенсацию за предоставление услуг ненадлежащего качества [12].

Во-вторых, арбитражные суды не редко принимают решение о наложении на сетевые организации обязательства по восстановлению поставок электроэнергии и соблюдению установленных федеральных стандартов качества. Примером может выступить Решение Арбитражного суда Новосибирской области, которым была наложена соответствующая обязанность, подлежащая исполнению сетевой организацией по отношению к конкретной точке поставки [7].

В-третьих, при определении субъекта, несущего ответственность на несоблюдение стандартов качества энергии, необходимо учитывать содержание условий договора, включая пункты о границах балансовой принадлежности, а также устанавливать причинно-следственные связи между действиями (бездействием) конкретных лиц и последствиями, причинившими вред или ущерб истцу, что подчеркивается Верховным Судом Российской Федерации [6].

Таким образом, можно заключить, что ответственность гарантирующих поставщиков за качество электроэнергии опирается на предписания отраслевого законодательства и

технических стандартов. Судебная практика демонстрирует, что ключевым фактором удовлетворения исковых требований в спорах о качестве энергии выступает корректная квалификация факторов, наличие технических измерений, иных доказательств, а также грамотно оформленные договорные отношения. При этом, недостатки законодательного регулирования могут порождать проблемы в области определения ответственного субъекта, приводя к практической реализации права на регресс в отношении сетевых организаций. Для повышения правовой определенности необходимо доработать законодательство в части разграничения ответственности по точкам балансовой принадлежности, а также установить досудебный порядок урегулирования споров и ускоренные механизмы выплаты компенсаций.

Список используемых источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
4. Об электроэнергетике : Федеральный закон от 26 мая 2003 г. № 35-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.
5. О защите прав потребителей : Закон РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 сентября 2020 года по делу № 303-ЭС-6012 // КонсультантПлюс. – URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/202009/08/VS_RF_garantir_postavsik_regress_ubyt_ki_gT5.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 04.11.2025).
7. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 16 марта 2025 года по делу № А45-24992/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – URL: https://sudrf.cntd.ru/document/1312052747?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 04.11.2025).
8. ГОСТ 32144-2013. Межгосударственный стандарт. Электрическая энергия. Совместимость технических средств электромагнитная. Нормы качества электрической энергии в системах электроснабжения общего назначения : национальный стандарт Российской Федерации : издание официальное : введен в действие Приказом Росстандарта от 22 июля 2013 г. № 400-ст : введен впервые : дата введения 2018-07-22 / Разработан Обществом с ограниченной ответственностью «ЛИНВИТ» и Техническим комитетом по стандартизации ТК 30 «Электромагнитная совместимость технических средств. (ред. от 25.10.2023) // Москва: Стандартинформ, 2014.
9. Городов, О.А., Семенович, К.С. Пределы ответственности гарантирующего поставщика за действия третьих лиц по договору энергоснабжения / О.А. Городов, К.С. Семенович // Предпринимательское право. – 2022. – № 3. – С. 13-17.
10. Канова, Н.В. Ответственность гарантирующего поставщика перед потребителями электроэнергии / Н.В. Канова // Главный энергетик. – 2021. – № 7. – С. 49-51.
11. Позиции судов по спорным вопросам. Гражданское право: Ответственность сторон по договору энергоснабжения // КонсультантПлюс. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=PSVGP&n=637&dst=100008&demo=1> (дата обращения: 04.11.2025).
12. Суд удовлетворил иск потребителей к ПАО «Волгоградэнергобыт» в связи с оказанием коммунальной услуги ненадлежащего качества // Роспотребнадзор. – URL: https://zpp.rospotrebnadzor.ru/news/regional/332799?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 04.11.2025).

Цыбина Софья Сергеевна,
студент Юридического института,
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Першина Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ДОСТОВЕРНОСТИ И ОЦЕНКИ

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются сущность и значение свидетельских показаний в рамках уголовного процесса. Раскрываются актуальные проблемы оценки и достоверности показаний свидетеля в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Предлагаются возможные пути их решения корректировкой действующего законодательства, а также внедрение дополнительных примечаний в уже имеющиеся нормы права в целях получения более эффективных результатов от такого следственного действия, как допрос свидетелей по уголовному делу.*

***Ключевые слова:** уголовный процесс, свидетельские показания, доказательства, лжесвидетельство, несовершеннолетние, уголовная ответственность.*

Уголовный процесс представляет собой сложную и многоуровневую систему правовых инструментов, регулирующих порядок расследования и рассмотрения уголовных дел. Его основной задачей прежде всего является установление фактических обстоятельств преступления, привлечение виновных лиц к ответственности, а также защита прав и законных интересов потерпевших. Трудно усомниться в том, что ключевое значение в указанном процессе занимают различного рода доказательства.

Так, согласно ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса России (далее – УПК РФ), «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [1]. При этом, показания свидетелей зачастую играют решающую роль при подборе истинной информации в ходе уголовного судопроизводства, так как согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ они являются одним из допустимых видов доказательств [1]. Однако несмотря на особое значение для уголовного процесса институт свидетельских показаний, по нашему мнению, нуждается в совершенствовании для его дальнейшего более успешного функционирования.

Одной из таких проблем, требующей внимания, выступает буквальное трактование законодателем ст. 79 УПК РФ, согласно которой показаниями свидетеля являются сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями, соответствующих статьям УПК РФ. Согласно данному положению, можно абсолютно обоснованно сделать вывод о том, что показания данного участника уголовного процесса могут быть получены только исключительно в ходе проведения допроса, однако такое суждение можно опровергнуть, проанализировав и другие статьи рассматриваемого нами кодекса. Так, исходя из смысла содержания статей 192-194

УПК РФ в состав свидетельских показаний необходимо в том числе включать данные, полученные от указанных лиц в ходе проведения очной ставки, проверки показаний на месте, а также предъявления для опознания. Именно поэтому нами предлагается корректировка ч.1 ст. 79 УПК РФ с указанием недостающих следственных действий, в ходе которых в том числе могут быть получены показания от свидетелей, так как в обратном случае данный пробел в рамках данной статьи может привести к проблемному привлечению к уголовной ответственности свидетелей на основании ст.307 УПК РФ, которые сообщают заведомо ложные данные в ходе проведения предъявления для опознания или очной ставки [2].

Стоит отметить, что при рассмотрении уголовного дела суд, анализируя свидетельские показания как доказательства, может принять решение об их исключении из перечня таковых, если в ходе разбирательства будет установлено их внутренне противоречие друг другу или отсутствие подтверждения со стороны иных материалов, собранных по делу [3]. Так, например, в 2021 году Ленинским судом Санкт-Петербурга было рассмотрено уголовное дело по обвинению К., Б. и А. в совершении разбоя с незаконным проникновением в жилище, предусмотренного ч.3 ст. 162 УК РФ. При этом, на стадии предварительного расследования все потерпевшие и свидетели давали абсолютно одинаковые показания, подтверждающие факт незаконного проникновения подсудимых в жилище против воли проживающих в нем лиц, а также применение насилия и хищения имущества. Однако в судебном заседании все указанные лица со стороны защиты поменяли свои показания на полностью противоположные. При этом, суд признал показания, полученные в ходе предварительного следствия более соответствующими действительности и достоверными, так как согласно его позиции изменению показаний последними сопутствовало подтвержденное получение ими материального возмещения ущерба со стороны обвиняемых [4]. Именно поэтому нами предлагается, чтобы оценка судом достоверности показаний свидетелей осуществлялась в неразрывной связи, в том числе, с оценкой личности свидетеля и условий, в которых формировались его показания, с непосредственным использованием базовых знаний психологии, так как в таких случаях решающим аспектом может выступать человеческий фактор, включающий в себя страх перед оглашением истинной информации, а именно боязнь мести, негативных последствий в отношении себя и своих близких. В мотивировочной части целесообразно отражать основания принятия за основу одних доказательств в качестве релевантных, а других в качестве исключающих достоверность.

Важную роль при рассмотрении вопроса о проблемах достоверности показаний свидетелей играет правовое регулирование допроса несовершеннолетних лиц. Это выражается прежде всего в том, что их правовой статус отличается от правового статуса совершеннолетних лиц, что находит свое отражение в ст.191 УПК РФ, касающейся в том числе особенностей проведения допроса и других следственных мероприятий с участием несовершеннолетних. Однако данная статья имеет двойственную трактовку. Согласно ч.2 ст.191 свидетели в возрасте до шестнадцати лет не предупреждаются об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, им лишь указывается на необходимость говорить правду. Из данного положения вытекает проблема законно урегулированной возможности давать лжесвидетельские показания лицами, не достигшими 16 лет. Это объясняется «психологической защищенностью» несовершеннолетних, которые в силу своего возраста не являются субъектами преступлений, предусматривающих ответственность за дачу заведомо ложных показаний. Стоит отметить, что причинами, побуждающими давать недостоверные показания среди подростков согласно эмпирическим данным психологических исследований, наиболее часто выступает ложь с целью защиты приятеля, желание не создавать неловких ситуаций, а также попытки избежать общественного порицания [5]. Именно поэтому, в силу того, что на практике нередки случаи, когда несовершеннолетние лица заинтересованы в том или ином исходе дела данное положение о «призыве к правде» является с нашей точки зрения малоэффективным, именно поэтому предлагается снизить возраст привлечения к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний до 14 лет, так как такая тенденция среди подростков в перспективе может быть общественно-опасной и замедлять ход расследования дел.

Как было нами сказано, такая проблема как лжесвидетельство, нуждается в усиленном внимании и ускоренном решении, чтобы получить наибольшую эффективность от результатов допроса, в частности, полученной в ходе него информации. Нами предлагается внести изменения в перечень квалифицирующих признаков к данному виду преступлений, а именно добавить в качестве отягчающих обстоятельств факт согласованного предоставления заведомо ложных показаний двумя или более лицами, а также скорректировать примечание к ст.307 УК РФ, изменив условие обязательного освобождения от уголовной ответственности для лжесвидетеля, добровольно сообщившего о своей лжи, в условие факультативного (возможного) освобождения.

Таким образом, исходя из вышесказанного можно прийти к выводу, что проблемы достоверности и оценки показаний свидетелей в уголовном процессе требуют комплексного подхода к их решению. Внесение в имеющийся комплекс дополнительных норм права, изменение существующих, а также использование современных технологий и методик могут значительно повысить качество свидетельских показаний, что, в свою очередь, будет способствовать более справедливому и эффективному уголовному судопроизводству. Кроме того, так как согласно ст.2 Конституции РФ «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [6], для обеспечения справедливости в уголовном процессе крайне важно не только учитывать показания свидетелей как один из элементов возможных доказательств, но и подходить к их оценке с должной осторожностью и критическим мышлением, что позволит минимизировать риски ошибок и повысить доверие к правоохранительной системе в целом.

Список используемых источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: фед. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 16.10.2025).
2. Новиков, С.А. Институт показаний свидетеля в уголовном процессе России: проблемы совершенствования // Евразийская адвокатура. – 2013. – №. 2 (3). – С. 100-101.
3. Еферин, А.К. К вопросу об особенностях оценки показаний свидетеля и потерпевшего в уголовном процессе // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 10. – С. 325–331.
4. Приговор Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 15 ноября 2021 г. по делу № 1–126/21 // Сайт судебных решений «Судебные решения РФ». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://судебныерешения.рф/58758870> (дата обращения: 18.10.2025).
5. Орестов Р.О., Медведева И.А. Исследование феномена лжи у подростков старшего школьного возраста в странах: России и США // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 87–3.
6. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.10.2025).

Чебукин Степан Сергеевич,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Алейникова Валерия Андреевна,
ассистент кафедры уголовного права и процесса,
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ КАК ОСНОВА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

***Аннотация.** Статья посвящена роли международно-правовых актов в формировании правовой основы международного сотрудничества органов прокуратуры. Актуальность темы обусловлена растущей интернационализацией преступности и необходимостью укрепления трансграничного взаимодействия правоохранительных органов, в первую очередь прокуратуры, для эффективного противодействия преступности. В статье анализируются основные виды международно-правовых актов, регулирующих данную сферу, а также рассматриваются их преимущества и ограничения.*

***Ключевые слова:** юриспруденция, международное право, международное сотрудничество, правовая основа, правовая помощь, договоры, конвенции, соглашения, экстрадиция.*

Современный мир характеризуется высоким уровнем взаимосвязи и взаимозависимости, что находит свое отражение и в сфере преступности. Транснациональные преступные группировки, глобальные схемы отмывания денег, киберпреступность, терроризм – все эти явления не знают государственных границ и требуют скоординированных, эффективных действий от правоохранительных органов различных государств [1]. В этом контексте органы прокуратуры, наделены широкими полномочиями по надзору за исполнением законов, уголовному преследованию и координации деятельности правоохранительных органов, играют ключевую роль в обеспечении правопорядка и справедливости.

Международное сотрудничество органов прокуратуры является неотъемлемым элементом системы борьбы с транснациональной преступностью. Оно направлено на преодоление правовых и практических барьеров, возникающих при расследовании преступлений, совершенных на территории нескольких государств, или затрагивающих интересы граждан разных стран [2].

Фундаментальной основой такого сотрудничества служат международно-правовые акты, которые устанавливают правила, процедуры и гарантии взаимодействия.

Международно-правовые акты, регламентирующие сотрудничество органов прокуратуры, можно классифицировать по различным основаниям, однако наиболее распространенным является их деление на:

1. Универсальные международные договоры. Данные документы, как правило, принимаются под эгидой международных организаций (например, ООН) и направлены на установление общих принципов и норм, обязательных для всех или большинства государств-участников [3]. К таким документам, имеющим прямое отношение к деятельности органов прокуратуры, можно отнести:

– Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (Палермская конвенция 2000г.) и против коррупции (Меридская конвенция 2003 г.). Эти

конвенции устанавливают фундаментальные основы для международного сотрудничества в борьбе с различными видами преступлений, включая положения о взаимной правовой помощи, экстрадиции, передаче уголовного преследования и создании специальных органов для координации;

- Международная конвенция по борьбе с финансированием терроризма (1999 г.) и другие антитеррористические конвенции, которые требуют от государств-участников обеспечения уголовной ответственности за соответствующие деяния и содействия в расследовании и преследовании террористических преступлений.

2. Региональные международные договоры. Эти соглашения заключаются между государствами, входящими в определенный географический или политический регион. Они часто учитывают специфику правовых систем и актуальные проблемы региона:

- Европейская конвенция о взаимной помощи по уголовным делам (1959 г.) и ее Дополнительный протокол (1978 г.). Данные документы являются одним из наиболее важных инструментов для сотрудничества стран-членов Совета Европы в области оказания правовой помощи, включая сбор доказательств, допрос свидетелей, розыск лиц и арест имущества;

- Соглашение государств-участников Содружества Независимых Государств (СНГ) о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским делам, семейным и уголовным делам (1993 г.). Этот договор устанавливает обширные механизмы сотрудничества между странами СНГ, включая положения о взаимной правовой помощи, экстрадиции и передаче осужденных лиц.

3. Двусторонние международные договоры. Это соглашения, заключаемые между двумя государствами, которые позволяют более глубоко и детально регулировать вопросы сотрудничества, учитывая конкретные потребности и особенности взаимодействия, например, договоры о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, договоры об экстрадиции, протоколы и меморандумы [4].

4. Стандарты и рекомендации международных организаций. Помимо юридически обязывающих договоров, значимую роль в формировании правовой основы международного сотрудничества органов прокуратуры играют стандарты и рекомендации, разрабатываемые международными организациями. К ним относятся: Рекомендации Организации Объединенных Наций, например, Руководящие принципы ООН по предупреждению преступности и уголовному преследованию или Рекомендации Совета Европы, включая рекомендации по вопросам прокурорского надзора, борьбы с коррупцией и защиты прав человека.

Органы прокуратуры, будучи ключевыми участниками уголовного процесса, реализуют международное сотрудничество через выполнение следующих функций:

1. Оказание правовой помощи (запросы о сборе доказательств (документов, показаний свидетелей), проведении экспертиз, поиске и аресте имущества, совершенном на территории другого государства);

2. Экстрадиция (организация процесса выдачи преступников другому государству для привлечения их к уголовной ответственности или исполнения наказания);

3. Передача уголовного преследования (возможность передачи уголовного дела другому государству, если оно более заинтересовано в его рассмотрении);

4. Взаимное признание приговоров, обмен информацией, создание совместных следственных групп, сотрудничество с международными организациями и другие.

Международно-правовые акты в сфере прокурорской деятельности, как и любые иные имеют сильные и слабые стороны. Их нельзя рассматривать как панацею [5]. Рассмотрим преимущества международно-правовых актов:

- Формализация и регламентация: международно-правовые акты создают четкие правила игры, снижая неопределенность и повышая предсказуемость взаимодействия;

- Обязательность: юридически образующие договоры устанавливают правовые рамки, которые государства-участники обязаны соблюдать;

- Систематизация: конвенции и соглашения унифицируют процедуры, упрощая их применение;

- Гарантии: акты содержат положения, гарантирующие соблюдение прав человека и основных свобод в процессе международного сотрудничества;
- Инструмент для правоприменения: предоставляют прокурорам конкретные инструменты для эффективного расследования и преследования преступлений.

Недостатки международно-правовых актов в области сотрудничества органов прокуратуры:

- Различия правовых систем: отличия в законодательстве, процессуальных нормах и правовых традициях могут затруднять применение международных актов;
- Бюрократические процедуры: процесс согласования запросов и выполнения поручений является весьма длительным и трудоемким;
- Политическая воля: эффективность международного сотрудничества во многом зависит от политической воли государств к его осуществлению, которая может отсутствовать;
- Отсутствие универсального механизма: несмотря на существующие универсальные конвенции, отсутствует единый глобальный орган, способный координировать деятельность всех прокуратур;
- Ограниченность сферы применения: некоторые акты охватывают лишь определенные виды преступлений или виды сотрудничества.

Таким образом, международно-правовые акты являются базисом международного сотрудничества органов прокуратуры. Они создают необходимую правовую основу, которая позволяет эффективно бороться с транснациональной преступностью, обеспечивать верховенство права и защищать интересы граждан. Несмотря на существующие проблемы, постоянное развитие и адаптация международно-правовых норм, а также заинтересованность государств к их исполнению, позволяет укрепить глобальную систему правосудия и сделать мир более безопасным. Изучение, применение и совершенствование этих актов является непрерывным процессом, требующим глубоких знаний и кропотливой работы от представителей прокуратуры и юриспруденции в целом.

Список используемых источников:

1. Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В. и др. Настольная книга прокурора. В 2 ч. Часть 2: практическое пособие (под общ. ред. О.С. Капинус., С.Г. Кехлерова). – 5-е изд., перераб. и доп. – "Издательство Юрайт", 2019 г. – 386 с.
2. Зиннуров Ф.К. Международное сотрудничество в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам / Ф.Р. Хисамутдинов, Г.Г. Чанышева, Д.Р. Марданов; ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 199 с.
3. Мицлер В.Э. Международное сотрудничество органов прокуратуры Российской Федерации в современных условиях / В.Э. Мицлер // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 30. – С. 431-438.
4. Каламкарян Р.А. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебник для вузов / Р.А. Каламкарян. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 349 с. (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-00351-9. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://www.biblio-online.ru/bcode/560529/> (дата обращения: 17.10.2025)
5. Григорьев В.Н., Тарасов М.Ю. Об основных результатах международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации и его перспективных направлениях в современных условиях / В.Н. Григорьев, М.Ю. Тарасов // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – № 1. – С. 113-122.

Чубукова Снежана Алексеевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Бочарникова Виктория Олеговна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 205.2 УК РФ

***Аннотация.** Данная работа посвящена анализу проблем, возникающих при квалификации преступления, предусмотренного статьей 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» с точки зрения его субъективной стороны. Рассматриваются вопросы, связанные с установлением прямого умысла на совершение указанного деяния, ограничения оправдания терроризма от выражения мнения, а также проблемы доказывания наличия общественной опасности высказываний. Анализируются судебная практика и доктринальные подходы к толкованию признаков субъективной стороны данного преступления.*

***Ключевые слова:** статья 205.2 УК РФ, публичные призывы, оправдание терроризма, пропаганда терроризма, субъективная сторона, прямой умысел, терроризм, экстремизм, уголовное право, квалификация преступлений.*

Статья 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающая ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма, является важным инструментом в борьбе с распространением радикальных идей и предотвращении террористических актов. Однако, применение данной статьи на практике вызывает ряд сложностей, связанных, прежде всего, с установлением субъективной стороны преступления. Целью настоящей работы является анализ проблем, возникающих при квалификации преступления по ст. 205.2 УК РФ с точки зрения его субъективной стороны, а также поиск путей их решения.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, характеризуется прямым умыслом [1]. Это означает, что лицо должно осознавать общественную опасность совершаемого им деяния, предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий (распространение террористических идей, формирование положительного отношения к терроризму в обществе) и желать их наступления.

Как отмечает П.С. Курносова, «доказать наличие прямого умысла в каждом конкретном случае представляется сложной задачей. Необходимо учитывать контекст высказываний,

личность говорящего, целевую аудиторию, а также другие обстоятельства дела. Формулировка «публичные призывы», «оправдание терроризма» и «пропаганда терроризма» в самой статье оставляет пространство для различных интерпретаций, что усложняет задачу правоприменителя» [3, с. 151].

В свою очередь, П.В. Агапов акцентирует внимание на том, что «основной проблемой является разграничение между осознанным стремлением побудить к террористической деятельности (прямой умысел) и, например, неосторожной критикой действий государства в контексте борьбы с терроризмом» [2, с.84]. По нашему мнению, критика, даже резкая, не всегда свидетельствует о желании оправдать терроризм.

На наш взгляд, сложность доказывания прямого умысла при совершении анализируемого состава преступления обусловлена следующими факторами:

1. Необходимость анализа контекста. Высказывания, вырванные из контекста, могут быть неверно интерпретированы. Необходимо учитывать обстоятельства, при которых были сделаны заявления, цель говорящего, его мотивы и преследуемые цели.

2. Оценка личности говорящего. Личность говорящего также имеет значение. Является ли он сторонником радикальных идеологий, участвовал ли ранее в экстремистской деятельности. Однако прошлые убеждения не должны автоматически формировать обвинительный приговор.

3. Субъективная интерпретация терминов. Отсутствие четких критериев определения «оправдания терроризма» и «пропаганды терроризма» позволяет экспертам и судам давать субъективные оценки, что может привести к ошибкам.

Как отмечает А.Н. Тарбагаев, «одним из наиболее сложных вопросов является отграничение оправдания терроризма от реализации конституционного права на свободу выражения мнения» [6].

Судебная практика показывает, что любое позитивное упоминание террористических актов или их исполнителей может быть квалифицировано как оправдание терроризма. Однако, необходимо учитывать, что свобода слова не является абсолютной и может быть ограничена в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Важным фактором является наличие направленности высказываний на формирование положительного отношения к терроризму в обществе, их способность повлиять на сознание людей и побудить их к совершению террористических актов. Если высказывания не содержат призывов к насилию и не направлены на формирование положительного имиджа террористов, то их квалификация как оправдания терроризма представляется сомнительной.

По мнению О.В. Середы, «недостаточно установить факт публичного произнесения или распространения спорного заявления. Необходимо доказать, что данное заявление представляет реальную общественную опасность» [5, с. 128]. Для достижения указанной задачи необходимо провести целый комплекс действий, которые, как мы полагаем, должны включить в себя:

1. Оценку потенциального влияния на аудиторию: Кто является целевой аудиторией высказываний? Насколько вероятно, что высказывания окажут негативное воздействие на эту аудиторию и побудят к террористической деятельности?

2. Оценку распространенности высказываний: Какое количество людей услышало или увидело высказывания? Каковы возможности дальнейшего распространения информации?

3. Оценку общественно-политического контекста: Существует ли в обществе тенденция к радикализации взглядов? Насколько остро стоит проблема терроризма в данном регионе?

На наш взгляд, для повышения эффективности применения ст. 205.2 УК РФ и минимизации ошибок при квалификации необходимы:

1. Разработка более четких критериев определения понятий «оправдание терроризма» и «пропаганда терроризма» с учетом международной практики и доктринальных подходов.

2. Усиление роли экспертов в процессе доказывания субъективной стороны преступления, с четким определением вопросов, выносимых на экспертизу. Экспертам

следует уделять повышенное внимание анализу контекста высказываний, личности говорящего и потенциального влияния высказываний на аудиторию.

3. Повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей в области психологии, лингвистики и теории экстремизма.

4. Учет европейской практики по делам о разжигании ненависти: необходимо изучать и внедрять лучшие практики в области применения законодательства, касающегося разжигания ненависти и экстремизма, сохраняя при этом баланс между борьбой с терроризмом и защитой свободы выражения мнения [1].

Проблемы, связанные с квалификацией преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, с точки зрения его субъективной стороны, являются серьезным вызовом для правоприменителей. Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего разработку более четких правовых норм, усиление роли экспертов, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей, а также учет международной практики. Только в этом случае можно обеспечить эффективную борьбу с терроризмом, не нарушая при этом конституционные права граждан на свободу выражения мнения.

Список используемых источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).

2. Агапов П.В. «Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ». М., 2019. С. 84

3. Курносова П.С. «Проблемы субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 205.2 УК РФ» // Журнал «Молодой учёный». 2022. №44 (439). С. 151–152.

4. Ковлагина Д.А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205.2 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. №5.

5. Середа О. В. «Некоторые аспекты правоприменительного характера о действии норм ст. 205.2 УК РФ» // Legal Bulletin. 2018. Т. 3, №3–4. С. 128.

6. Тарбагаев А.Н. «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации».

Чепурных Евгения Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Комнатная Юлия Александровна
доцент кафедры административного права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: БАЛАНС МЕЖДУ НЕОТВРАТИМОСТЬЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ГАРАНТИЕЙ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ УГРОЗ

***Аннотация.** В исследовании затрагиваются вопросы обеспечения информационной безопасности как важнейшего компонента национальной безопасности России. В условиях цифровизации аспекты противодействия деструктивным информационным воздействиям приобретают стратегическое значение. Авторами формулируются угрозы информационной национальной безопасности на современном этапе на основе Доктрины информационной безопасности (утв. Указом Президента России). Особое внимание уделяется необходимости обеспечения неотвратимости юридической ответственности за правонарушения в сфере информационной безопасности.*

***Ключевые слова:** информация, информационная безопасность, национальная безопасность, неотвратимость ответственности, права личности.*

Обеспечение информационной безопасности России в аспекте «баланса» между неотвратимостью ответственности и гарантией прав в условиях цифровых угроз закладывает основу для глубокого междисциплинарного исследования, связывающего право, технологии и государственную безопасность. Как справедливо отмечают А.В. Парамонов и В.В. Харин: «...быстрое развитие информационных технологий и, как следствие, бурное развитие новых угроз. Это выступает одной из первых характеристики новых технологий как угрозы национальной безопасности» [1, С. 162].

Предполагается рациональным начать исследование с понимания национальной безопасности России, так как информационная, как известно, является неотъемлемой ее составляющей. Согласно Указу Президента России: «Национальная безопасность – состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [2]. Указанное определение подчеркивает комплексный характер национальной безопасности, где защита информационного пространства играет ключевую роль. Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства [2].

На основе текста Доктрины информационной безопасности, утв. Указом Президента России от 05.12.2016 № 646 [3] определим виды угроз информационной безопасности:

Виды угроз информационной безопасности государства на современном этапе

№ п/п	Характер угроз информационной безопасности	Виды угроз информационной безопасности
1.	Военно-политического и государственного характера	1. Наращивание иностранными государствами возможностей по кибератакам на информационную инфраструктуру в военных целях. 2. Активная деятельность спец. служб иностранных государств по сбору разведанных в отношении российских государственных органов, научных организаций и предприятий оборонно-промышленного комплекса. 3. Подрыв суверенитета и территориальной целостности
2.	Информационно-психологического воздействия и общественной безопасности.	1. Деструктивное информационно-психологическое воздействие. 2. Манипулирование общественным сознанием (т.е. использование зарубежных СМИ для распространения материалов с предвзятой оценкой политики нашего государства, дискриминация российских СМИ и журналистов за рубежом). 3. Использование информационного пространства для разжигания розни, пропаганды экстремизма.
3.	Связанные с киберпреступностью и нарушением прав граждан	1. Рост компьютерной преступности. 2. Нарушение конституционных прав граждан: преступления, связанные с нарушением неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны при обработке персональных данных.
4.	Технологические и экономические	Технологическая зависимость, низкая конкурентоспособность, недостаточный уровень развития собственных конкурентоспособных информационных технологий и их внедрения, уязвимость критической информационной инфраструктуры.
5.	Кадровые и научно-технические	Недостаток кадров и низкая осведомленность, неэффективность научных исследований
6.	Угрозы международной стабильности и управления интернетом:	Технологическое доминирование. Стремление отдельных государств использовать технологическое превосходство для доминирования в информационном пространстве.

В стремлении обеспечить информационную национальную безопасность должны бляться права и свободы самих граждан. Не даром данный принцип закреплён в нормативном правовом акте, имеющем высшую юридическую силу на территории России – Конституции России, в частности, в статьях, гарантирующих:

- презумпцию невиновности (ст. 49 Конституции России);
- гарантию права на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48);
- и др. (например, ст. 23,24,51,50 Конституции) [4].

В контексте информационной безопасности вышеуказанные гарантии приобретают особую остроту.

Судебная практика в том числе подтверждает актуальность обеспечения неотвратимости ответственности за нарушения в сфере информационной безопасности при безусловном соблюдении прав лиц, привлекаемых к ответственности.

Так, согласно Решению № 12-49/2025 от 17 февраля 2025 г. по делу № 12-49/2025 [5]: генеральный директор АО был привлечен к административной ответственности по ч. 6 ст. 13.12 КоАП РФ и оштрафован. Его защитник подал жалобу в установленный срок, но суд первой инстанции вернул ее из-за отсутствия в материалах доверенности. Защитник подал

жалобу повторно, но с пропуском срока, и попросил его восстановить. Судья Ванинского районного суда отказал в восстановлении срока, сославшись на отсутствие уважительных причин. Краевой суд отменил определение районного суда и направил дело на новое рассмотрение. Судебная инстанция указала, что защитник, допущенный к участию в деле, имеет право на обжалование постановления независимо от того, была ли доверенность приложена к жалобе. Первоначальный возврат жалобы был неправомерен, и этот факт должен быть учтен при оценке уважительности причин пропуска срока для повторной подачи.

Статья 13.12 КоАП РФ регулирует ответственность за нарушения требований о защите информации. Согласно ее тексту нарушения напрямую угрожают безопасности информационных систем и защищаемой законом информации.

Так, решением краевого суда подчеркивается, что в т.ч. и в делах, где на кону стоит государственная и корпоративная информационная безопасность, процедура привлечения к ответственности должна быть, подчеркнем, строго соблюдена, включая гарантии права на защиту и возможность обжалования.

Судебная практика по такого рода делам отсылает к созданию сбалансированного правового поля, где: с одной стороны, государство через уполномоченные органы эффективно выявляет и вводит санкции в критически важной сфере информационной безопасности. С другой же, гарантируется, что любое лицо имеет полноценную возможность защищать свои права в суде, включая право на квалифицированную защиту и обжалование. Решение указывает на подчеркивание верховенства закона в области информационной безопасности, не позволяя процедурным ошибкам (в данном случае, возврату жалобы) помешать пересмотру законности самого административного преследования за нарушения в этой сфере.

Таким образом, информационная безопасность в современных условиях является не просто частью, а системообразующим элементом национальной безопасности Российской Федерации, устойчивость и развитие которой напрямую зависит от защищенности цифрового пространства.

Как подтверждается Указом Президента России, национальная безопасность охватывает реализацию конституционных прав граждан, их достойное качество жизни, что немыслимо без эффективной защиты от цифровых угроз.

Развитие информационно-коммуникационных технологий, при всех их преимуществах, сопряжено с неизбежным ростом вероятности возникновения угроз безопасности личности, общества и государства, что диктует настоятельную необходимость обеспечения неотвратимости юридической ответственности за любые нарушения в сфере информационной безопасности.

Именно в единстве между жесткой необходимостью противодействия киберугрозам и незыблемостью конституционных прав – лежит ключ к построению сильного, безопасного и правового государства в цифровую эпоху.

Список используемых источников:

1. Парамонов А.В., Харин В.В. Некоторые аспекты обеспечения национальной безопасности в информационной сфере // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5. – № 17. – С. 161-170.
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2021. – № 27. – Ст. 5351 (*Часть II*).
3. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. № 50. – Ст. 7074.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. –2014. – № 31. – Ст. 4398.
5. Решение № 12-49/2025 от 17 февраля 2025 г. по делу № 12-49/2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [//sudact.ru/regular/doc/rLNIBZUoDkVd/](https://sudact.ru/regular/doc/rLNIBZUoDkVd/).

Шальнева Екатерина Владимировна,
магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

***Аннотация.** В статье проведен сравнительный анализ правовых механизмов стимулирования развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в различных странах, включая Германию, США и Россию. Рассмотрены такие механизмы, как тарифы на электроэнергию, произведенную из ВИЭ (FIT), квоты на возобновляемую энергию (RPS), налоговые льготы и субсидии, а также зеленые сертификаты. Анализируются преимущества и недостатки каждого механизма, а также проблемы и перспективы совершенствования правовой базы в области ВИЭ. Особое внимание уделено российской специфике и необходимым мерам для развития отечественной индустрии ВИЭ.*

***Ключевые слова:** возобновляемые источники энергии, ВИЭ, правовое регулирование, стимулирование ВИЭ, тарифы, квоты, налоговые льготы, зеленые сертификаты, Россия, сравнительный анализ, энергетическая политика, устойчивое развитие.*

Энергетический ландшафт XXI века претерпевает фундаментальные изменения, вызванные осознанием конечности ископаемого топлива и нарастающей угрозой климатических изменений. Возобновляемые источники энергии (ВИЭ), такие как солнечная, ветровая, гидроэнергия, геотермальная энергия и биомасса, становятся краеугольным камнем энергетической безопасности и устойчивого развития. Однако для масштабного внедрения ВИЭ необходима не только технологическая готовность, но и эффективная правовая база, стимулирующая инвестиции, инновации и конкуренцию в этой отрасли. Рынок ВИЭ часто сталкивается с так называемым "провалом рынка", что делает государственное вмешательство и стимулирование критически важными. Как отмечает Николас Стерн в своем фундаментальном труде "Экономика изменения климата", "в отсутствие государственного вмешательства, рынки не будут адекватно отражать долгосрочные издержки и выгоды, связанные с изменением климата, что приведет к недостаточным инвестициям в низкоуглеродные технологии [4, с. 35]." В этом контексте правовые механизмы играют роль катализатора, преодолевающего барьеры и создающего благоприятные условия для развития ВИЭ, что демонстрирует мировой опыт.

Мировой опыт показывает разнообразие правовых подходов к стимулированию развития ВИЭ, среди которых одним из наиболее известных и эффективных являются тарифы на электроэнергию, произведенную из ВИЭ (Feed-in Tariffs – FIT). Этот механизм гарантирует производителям ВИЭ фиксированную цену за каждый киловатт-час (кВт*ч) электроэнергии, поставленный в сеть, в течение определенного периода времени (обычно 15-25 лет), предоставляя стабильный доход, снижая инвестиционные риски и стимулируя строительство новых объектов. Германия является одним из пионеров в применении FIT, закрепив этот механизм в Законе о возобновляемых источниках энергии (Erneuerbare-Energien-Gesetz – EEG) (EEG 2023), и ее успех показал эффективность этого инструмента, особенно на ранних этапах развития отрасли. Однако критики отмечают возможность завышенных цен и необходимость регулярного пересмотра тарифов для поддержания конкурентоспособности. В то время как FIT фокусируется на гарантированной цене, квоты на возобновляемую энергию (Renewable Portfolio Standards – RPS) представляют собой другой распространенный подход, обязывающий поставщиков электроэнергии закупать определенный процент электроэнергии из ВИЭ к установленному сроку. Поставщики, не выполнившие квоты, подвергаются штрафам

или приобретают "сертификаты возобновляемой энергии" (Renewable Energy Certificates – RECs) у тех, кто превысил квоты, что создает спрос на электроэнергию из ВИЭ и стимулирует конкуренцию. США активно используют RPS на уровне штатов, например, Калифорния требует от коммунальных предприятий поставлять 60% электроэнергии из возобновляемых источников к 2030 году. RPS часто рассматривается как более гибкий механизм, позволяющий рынку определять цену, однако его эффективность зависит от строгости квот и действенности системы мониторинга и соблюдения.

В России развитие ВИЭ, несмотря на богатые запасы ископаемого топлива, также становится все более актуальным.

Основными правовыми механизмами стимулирования ВИЭ в РФ являются:

1. Поддержка через договоры о предоставлении мощности (ДПМ ВИЭ). Этот механизм, закрепленный в Постановлении Правительства РФ №449 от 28 мая 2013 г. "О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии" [2], гарантирует инвесторам возврат вложенных средств с определенной доходностью через надбавки к ценам на электроэнергию. Однако, критики отмечают, что данный механизм может быть недостаточно конкурентным и ограничивает доступ на рынок для новых игроков.

2. Система аукционов на право заключения ДПМ ВИЭ: введена для повышения конкуренции и снижения стоимости проектов ВИЭ.

3. Поддержка микрогенерации: Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ "Об электроэнергетике" [1] регулирует вопросы подключения микрогенерации (до 15 кВт) к сетям, что создает благоприятные условия для развития распределенной генерации на основе ВИЭ. Однако, на практике подключение микрогенерации к сетям часто сопряжено со значительными административными барьерами.

4. Налоговые льготы и преференции, такие как освобождение от налога на имущество организаций для объектов ВИЭ, хотя эти льготы пока не являются всеобъемлющими и требуют расширения.

Наряду с прямыми ценовыми и количественными механизмами, значительную роль играют налоговые льготы и субсидии, которые снижают капитальные затраты и операционные расходы, повышая привлекательность инвестиций в ВИЭ. Многие страны, включая Китай, предоставляют существенные налоговые кредиты на инвестиции и прямые выплаты на строительство или эксплуатацию объектов ВИЭ. Хотя эти инструменты могут быть очень эффективными для поддержки конкретных технологий или проектов, они требуют тщательного обоснования и контроля, чтобы избежать искажения рынка. Механизм зеленых сертификатов, подтверждающих происхождение электроэнергии из ВИЭ, создает отдельный рынок для "зеленой" энергии, где потребители, желающие снизить свой углеродный след, могут приобретать эти сертификаты, тем самым поддерживая развитие ВИЭ. Европейский Союз, например, использует систему гарантий происхождения (Guarantees of Origin) для отслеживания и подтверждения происхождения электроэнергии из ВИЭ (Directive 2009/28/EC) [5]. Этот инструмент эффективен для привлечения частных инвестиций и повышения осведомленности потребителей, но требует прозрачности и надежности системы сертификации для предотвращения мошенничества и "гринвошинга". В России рынок "зеленых" сертификатов находится на стадии формирования, и необходимо создание надежной и прозрачной системы сертификации, соответствующей международным стандартам, для привлечения инвестиций в экологически чистую энергетику.

Несмотря на достигнутые успехи, необходимо постоянно совершенствовать правовые механизмы стимулирования развития ВИЭ, поскольку перед отраслью стоят новые вызовы. В России это включает в себя необходимость диверсификации механизмов поддержки, снижения административных барьеров, развития отечественного производства оборудования для ВИЭ, а также интеграции ВИЭ в существующую энергосистему. Важнейшим направлением является интеграция ВИЭ в энергосистему, ведь нестабильность выработки электроэнергии из некоторых ВИЭ (например, солнечной и ветровой) требует развития систем хранения энергии и интеллектуальных сетей (Smart Grids), а также совершенствования правил

балансировки энергосистемы. Как отмечает Даниэль Ергин в своей книге "Новая карта мира: Энергия, Климат и Столкновение Наций", "успешная интеграция ВИЭ в энергосистему является ключевым фактором для достижения глобальных целей по декарбонизации экономики. [3, с. 278]" Помимо этого, критически важно устранение административных барьеров, таких как сложные процедуры получения разрешений, которые замедляют развитие проектов, и содействие инновациям через поддержку исследований, разработок и внедрения новых технологий, включая разработки, адаптированные к российским климатическим условиям. Наконец, международное сотрудничество в сфере развития ВИЭ играют ключевую роль в переходе к устойчивой энергетике. Успешное внедрение и постоянное совершенствование этих механизмов требует комплексного подхода, учитывающего специфические условия каждой страны и технологические достижения. В случае России это означает адаптацию международного опыта к специфике российской экономики и энергетической инфраструктуры, развитие отечественной промышленности ВИЭ, и создание стимулов для привлечения частных инвестиций в "зеленые" проекты. Путь к "зеленому" будущему лежит через осознанное государственное вмешательство, направленное на создание благоприятной правовой среды для развития возобновляемых источников энергии.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ "Об электроэнергетике" // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 марта 2003 г. N 13 ст. 1177
2. Постановление Правительства РФ от 28 мая 2013 г. N 449 "О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности" // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 июня 2013 г. N 23 ст. 2909
3. Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций / Дэниел Ергин; Пер. с англ. – М.: Интеллектуальная Литература, 2021. – 444 с.
4. Обзор доклада Николаса Стерна «Экономика изменения климата» Издание 2-ое, дополненное и переработанное / Кокорин А. О., Кураев С. Н. , Юлкин М. А. WWF, Strategic Programme Fund (SPF). – М.: WWF России, 2009. – 60 с.
5. Символоков О. А. Государственная инвестиционная политика в сфере энергетики: состояние, проблемы, направления развития // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов: сб. матер. к XIV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / Л. В. Андреева, Л. В. Андриченко, В. Р. Байра-шев и др. М., 2019.

Шарапова Полина Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К САНКЦИОННЫМ ОГРАНИЧЕНИЯМ

***Аннотация.** В настоящей статье всесторонне рассматриваются процессы адаптации российского энергетического законодательства к внешнеэкономическим санкциям, введенным в отношении Российской Федерации после 2014 года и значительно усиленным в 2022 году. Анализируются нормативно-правовые изменения, направленные на обеспечение энергетической безопасности, импортозамещение, развитие внутреннего рынка энергоносителей и правовое регулирование экспортных операций в условиях ограниченного доступа к зарубежным технологиям и капиталам. Особое внимание уделено тенденциям правового регулирования в сферах нефти, газа, электроэнергетики и возобновляемых источников энергии.*

***Ключевые слова:** энергетическое законодательство, санкции, энергетическая безопасность, импортозамещение, экспорт энергоресурсов, правовая адаптация.*

Энергетическая отрасль занимает ключевое место в экономике России, формирует значительную часть экспортных доходов и государственного бюджета. Введение масштабных санкций западными странами в отношении российских энергетических компаний, технологий и финансовых инструментов создало вызовы для функционирования отрасли и потребовало корректировки законодательного регулирования. С 2014 года, а особенно с 2022 года международные санкции в отношении Российской Федерации приобрели системный, многоаспектный характер; одним из приоритетных направлений ограничений стали меры, затрагивающие энергетический сектор – экспорт нефти и нефтепродуктов, газ, транспортировку, страхование и технологическое обеспечение добычи и переработки. Новые волны санкций 2024-2025 гг. включали целевые меры против операторов, судов, трейдеров и сервисных компаний, что заставило Россию корректировать административно-правовые механизмы управления отраслью и разрабатывать законодательные акты защиты её функционирования. Внешние ограничения, например, ценовые механизмы, эмбарго по отдельным товарам и финансовые ограничения, требуют адекватного реагирования не только на уровне исполнительных актов, но и через системные изменения в национальном законодательстве.

Аналитический обзор правоприменительной практики, открытых нормативных актов, заявлений профильных ведомств и внешнеполитических источников позволяет обозначить основные санкции, которые ставят под угрозу российское энергетическое законодательство. Согласно статьи официального сайта «Министерство финансов США», которая говорит о том, что: «Новые санкции в энергетическом секторе направлены против основного источника доходов России. Они затрагивают «Газпром нефть» и «Сургутнефтегаз», более 180 судов, а также десятки нефтетрейдеров, поставщиков нефтесервисных услуг, страховых компаний и энергетических чиновников» [1].

Анализ внешнеполитических источников позволяет выделить основные санкции, влияющие на российскую энергетику. Они включают в себя:

1. Торговые барьеры – запрет на импорт определенных энерготоваров, а также ограничения на покупку и страхование;
2. Финансово-технические ограничения – ограничение доступа к западному финансированию, технологиям и сервисам;
3. Транспортно-логистические меры – санкции против судов, портовой инфраструктуры и страховых посредников.

К 2024-2025 гг. появились очередные пакеты санкций, целенаправленно затрагивающие списки компаний и судов, а также механизмы ценового контроля на российскую нефть. Все это существенно подавляет режим внешнеэкономического взаимодействия российских энергоэкспортеров [6].

Санкции создают несколько проблем с правовой точки зрения: необходимость корректировки правил экспорта и транзита, обеспечение исполнения контрактных обязательств при внешних ограничениях, повышение роли административных мер, например, переназначение операторов, госрегулирование логистики. Также возникает необходимость накладки механизмов «параллельного импорта» и специальных экономических мер, регулируемых указами Президента и правительственными актами. Примерами выступают исполнительные акты о специальных экономических мерах в топливно-энергетическом секторе [8].

Российская сторона стала использовать широкую палитру инструментов: исполнительные указы о специальных экономических мерах, административные распоряжения по управлению экспортом, меры по обеспечению работы судоходства и логистики, а также механизмы по переводу расчетов в альтернативные валюты и использованию «параллельного импорта» для ввоза технологий и комплектующих. Эти решения позволили сохранить экспортный потенциал в краткосрочной перспективе, но выявили ограничения правовой базы для долгосрочной адаптации [5].

Реакция международного сообщества – усиление списков санкций, «ценовые» механизмы и ограничения на страхование – вызывает необходимость постоянной корректировки российских нормативных актов и инфраструктурных решений, например, аренда танкеров, перенаправление поставок через третьи страны, локализация сервисов. 31 июля 2025 года официальные источники США опубликовали статью, о новых санкциях против Российской Федерации, её заголовок гласит: «ЕС вводит санкции против энергетического, финансового и оборонного секторов России в рамках 18-го пакета санкций. Публикация в Скардене». Это подчеркивает требование гибкого законодательного реагирования и четкого институционального механизма принятия решений в чрезвычайных ситуациях [2].

Законодательные изменения в 2022-2025 гг. направлены на стимулирование внутреннего производства оборудования и технологий. Введены преференции для отечественных производителей в рамках закупок субъектами естественных монополий и компаний с государственным участием. Примером служат поправки в Федеральный закон "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" от 18.07.2011 N 223-ФЗ, предусматривающие приоритет российских товаров и технологий [7].

Также вышедший в 2022 году указ Президента РФ «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с установлением некоторыми иностранными государствами предельной цены на Российские нефть и нефтепродукты» направлен на защиту российского энергетического сектора от внешнего давления и принуждения к соблюдению искусственно установленных ценовых ограничений. Этим же указом запрещаются поставки российских нефти и нефтепродуктов иностранным юридическим лицам и физическим лицам. Это подтверждается таким положением, как: «запрещаются поставки российских нефти и нефтепродуктов иностранным юридическим лицам и физическим лицам при условии, что в контрактах на эти поставки прямо или косвенно предусматривается использование механизма фиксации предельной цены. Установленный запрет применяется на всех этапах поставок до конечного покупателя» [8].

Для компенсации ограниченного доступа к зарубежному капиталу создан ряд инструментов государственной поддержки, например, льготное кредитование; налоговые

стимулы для инвестиций в энергетическую инфраструктуру, а также специальные административные режимы, включая Арктическую зону РФ и Дальний Восток.

Принимаемые меры поддержки энергетического комплекса не устраняют, а в некоторых случаях, углубляют, проблемы действующего законодательства и институциональные проблемы, среди которых выделяют:

1. Фрагментарность специальных мер – многочисленные указы и постановления часто носят тактический характер и не всегда увязаны с базовыми нормами гражданского, таможенного и административного права. Это создает неопределенность для бизнеса при долгосрочном планировании.

2. Недостаточная база для защиты транзакций и контрактов – в отсутствие унифицированных правил по форс-мажору, альтернативным схемам расчетов и страхованию повышаются риски для экспортеров.

3. Пробелы в регулировании параллельного импорта и доступа к технологиям – не всегда понятно, какие процедуры и гарантии необходимы при ввозе технологий через обходные схемы.

4. Неполнота инструментов стимулирования локализации технико– технологических цепочек – законодательство недостаточно эффективно поощряет быстрый переход на отечественные решения и развитие сервисной экосистемы.

В перспективных направлениях совершенствования законодательства можно рассмотреть такую практическую инициативу, как закрепление механизмов реагирования в законе. В саму инициативу входит: принять федеральный нормативный акт или внести изменения в профильные законы о «порядке функционирования стратегических секторов экономики в условиях санкция, который определяет – критерии объявления режима спецмер; полномочия органов исполнительной власти и порядок их координации; процедуры обеспечения поставок критически важных материалов и оборудования; правовые гарантии для участников хозяйственной деятельности (механизмы форс-мажора, механизмы временной приоритетной маршрутизации грузов). Эффект, который ожидается от предложенной инициативы заключается в устранении фрагментарности мер и повышение предсказуемости регулирования для компаний и инвесторов. Следующей перспективой можно обозначить юридическую регламентацию параллельного импорта и альтернативных каналов снабжения. Инициатива включает в себя детализацию правового статуса параллельного импорта, сюда входит: права и обязанности участников, вопросы интеллектуальной собственности, таможенные процедуры, сертификация, а также ответственность за безопасность оборудования. Ожидается эффект – снижение рисков правовой неопределенности при импорте критичных комплектующих, упрощение процедур и защита интересов государства.

Практическая реализация инициатив имеет свои приоритеты и риски. Приоритетами внедрения является юридическая определенность процедур, то есть порядок введения спецрежимов, например, нормативная поддержка параллельного импорта и упрощенные процедуры сертификации критичных составляющих. Однако, при законодательных изменениях не исключены и риски. Здесь можно отметить такие риски, как:

1. Риск юридической коллизии с международным правом и обязательствами в третьих юрисдикциях;

2. Коррупционные риски при расширении административных полномочий и специальных режимов – требуется сопровождение антикоррупционных мер;

3. Риск чрезмерной централизации, когда решение кризисных задач возлагается на узкий круг органов без достаточных механизмов контроля и ответственности.

Эти риски требуют механизм «встроенных» гарантий: прозрачные процедуры назначения режима особых мер, механизмов подотчетности и независимого аудита, а также четких критериев временности экстренных норм.

Также можно предложить рекомендации законодательно-практического характера, например, принять федеральный закон «О порядке обеспечения функционирования стратегических отраслей экономики в условиях внешних санкций», содержащий: четкие основания для введения спецрежима; распределение полномочий между Минэнерго, Минпромторгом, ФТС, Минфином и другими; временные рамки и порядок контроля парламентом и прокуратурой. Среди них можно также отметить следующие нормативно– правовые меры для обеспечения энергетического комплекса в условиях санкций:

1. Внести поправки в Таможенный кодекс и закон о сертификации для упрощённой, но надёжной процедуры параллельного импорта критичных энергокомпонентов при условии проверки их безопасности и соблюдения.

2. Установить правовой механизм государственных гарантий и схем возмещения убытков, связанных с санкционными рисками, с подробной процедурой подачи заявок, критериями и ограничениями.

3. Разработать стандарты и программы поддержки локализации (гранты, налоговые «песочницы», ускоренная сертификация) и предусмотреть внедрение государственных закупок в сторону отечественных решений при условии эквивалентности качества.

4. Ввести прозрачные реестры экспортных операций в конфиденциальном формате, доступные уполномоченным государственным органам для мониторинга, с обязанностью операторов предоставлять данные и с санкциями за искажение информации.

5. Усилить антикоррупционные механизмы и контроль за применением специальных режимов, включая внешние аудиты и публичные отчёты о результатах использования спецмер.

Таким образом, санкционные ограничения ставят перед российским энергетическим сектором структурные и операционные вызовы, требующие не только тактического реагирования указами и постановлениями, но и системного законодательного оформления механизмов адаптации. Эффективная адаптация требует баланса между оперативностью мер и правовой предсказуемостью – это возможно при принятии нормативных актов, обеспечивающих прозрачные процедуры введения специальных режимов, юридическое регулирование параллельного импорта, механизмов страхования и государственных гарантий, а также программ по ускоренной локализации критичных технологий. Важно, чтобы законодательные решения сопровождалась антикоррупционными гарантиями и независимым контролем – только при таком сочетании можно обеспечить долгосрочную устойчивость отрасли, снизить уязвимость к внешним шокам и сохранить конкурентоспособность российских энергетических компаний на мировом рынке.

Список используемых источников:

1. U.S. Department of the Treasury. – URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy2777?utm> (дата обращения: 21.10.2025).

2. EU Targets Russia's Energy, Financial and Defense Sectors in 18th Sanctions Package. – URL: <https://www.skadden.com/insights/publications/2025/07/eu-targets-russias-energy-financial-and-defense?utm> (дата обращения: 21.10.2025).

3. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 N 223-ФЗ (последняя редакция).

4. Указ Президента РФ от 27.12.2022 N 961 (ред. от 10.06.2025) «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с установлением некоторыми иностранными государствами предельной цены на российские нефть и нефтепродукты».

5. Пыхов, П.А. Топливо-энергетический комплекс России в условиях санкционных ограничений // Московский экономический журнал. 2022. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/toplivno-energeticheskiy-kompleks-rossii-v-usloviyah-sanktsionnyh-ogranicheniy> (дата обращения: 21.10.2025).

6. Постановление Правительства РФ от 3 октября 2022 г. № 1745 «О специальной мере в сфере экономики и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2020 г. № 616».

7. Проект постановления Минфина РФ «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

8. Указ Президента Российской Федерации от 30.06.2022 г. № 416 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций».

Шеина Екатерина Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫМИ ОРГАНАМИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ

***Аннотация.** В настоящей статье проводится комплексный анализ организации и правового регулирования взаимодействия органов прокуратуры Российской Федерации с контрольно-надзорными органами в сфере охраны и использования земель. Автор исследует системные проблемы, возникающие в процессе межведомственного сотрудничества, и детально рассматривает его основные формы и методы, включая координацию деятельности, истребование информации, проведение совместных проверок и применение актов прокурорского реагирования. На основе изучения современной правоприменительной практики и научных подходов доказывается необходимость совершенствования правовых и организационных механизмов кооперации для обеспечения эффективного прокурорского надзора и защиты публичных интересов в земельной сфере. Особое внимание уделяется роли прокуратуры как координатора деятельности правоохранительных и контролирующих органов. В работе представлены конкретные примеры из практики, иллюстрирующие как положительный опыт, так и существующие пробелы в рассматриваемой сфере.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, контрольно-надзорные органы, земельный надзор, охрана земель, взаимодействие, координация, Росреестр, Росприроднадзор, земельные правонарушения, акты прокурорского реагирования.*

Земля, будучи основой жизни и деятельности народов, обладает особым конституционно-правовым статусом [1], что предопределяет высокую значимость ее охраны и рационального использования. Эффективность государственного управления в данной сфере обеспечивается сложной, многосубъектной системой контрольно-надзорных органов, куда входят Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) [3], Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор) и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Однако разрозненность полномочий между этими органами, дублирование их функций или, напротив, наличие правовых вакуумов, существенно снижают эффективность государственного управления. Как справедливо отмечает А.П. Рыжаков, «множественность органов, уполномоченных на осуществление контроля, создает риск размывания ответственности и снижения эффективности надзорной деятельности в целом» [5, с. 112]. В этой связи координирующая и надзирающая роль прокуратуры, как единого федерального централизованного органа, осуществляющего от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов [2], становится ключевым элементом, обеспечивающим системность и согласованность действий.

Правовой основой для такого взаимодействия служат Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [2], Земельный кодекс РФ [1], Федеральный закон

«О государственном земельном надзоре» [3] и Кодекс РФ об административных правонарушениях [4], которые в совокупности определяют полномочия и процедуры кооперации. Одной из основных форм взаимодействия выступает координация деятельности по борьбе с земельными правонарушениями. Прокурор, организуя координационные совещания с руководителями контрольно-надзорных и правоохранительных органов [2, ст. 8], инициирует выработку единых подходов к пресечению системных нарушений земельного законодательства. Ярким примером может служить ситуация, когда прокуратура субъекта РФ, выявив рост несанкционированных свалок на землях сельскохозяйственного назначения, инициирует совместное целевое мероприятие с участием Росприроднадзора и Россельхознадзора, что позволяет комплексно выявить нарушителей, направить материалы в суды для принудительной рекультивации земель и привлечь виновных лиц к ответственности по нормам КоАП РФ [4].

Не менее важным методом является истребование прокурором информации и материалов из контрольно-надзорных органов [2, ст. 6]. Это позволяет провести независимую оценку полноты и своевременности принятых ими мер. Например, анализируя по обращению граждан материалы проверок Росреестра по факту незаконного размещения автосервиса на земельном участке под ИЖС, прокурор может установить, что должностные лица ограничились незначительными штрафами, не применяя такую эффективную меру, как приостановление деятельности. Это служит основанием для внесения представления об устранении нарушений закона. Для расследования сложных, многоаспектных нарушений, требующих специальных знаний, прокурор активно использует проведение совместных проверок. Так, при наличии данных о загрязнении почв тяжелыми металлами промышленным предприятием, совместная выездная проверка с привлечением специалистов Росприроднадзора (для отбора проб и оценки экологического ущерба) и Росреестра (для установления факта нецелевого использования) позволяет собрать доказательную базу для подготовки искового заявления о возмещении вреда окружающей среде.

Ключевым инструментом прокурорского воздействия выступают акты прокурорского реагирования, основанные на данных, полученных от контролирующих органов. Протест приносится на незаконный правовой акт, изданный надзорным органом, а представление вносится для устранения выявленных недостатков в его работе. Наиболее действенным средством является исковое заявление прокурора в суд. Как подчеркивает С.Д. Хазанов, «иск прокурора является универсальным средством восстановления нарушенного права, когда иные механизмы, включая предписания контролирующих органов, оказались неэффективными» [6, с. 78]. Например, если Росприроднадзор вынес предписание о рекультивации земель, но оно собственником не исполнено, прокурор обращается в суд с иском о понуждении к выполнению рекультивационных работ на основании земельного [1] и природоохранного законодательства.

Несмотря на имеющийся арсенал средств, взаимодействие сталкивается с рядом системных проблем. К ним относятся ведомственная разобщенность и несогласованность, проявляющиеся в несвоевременном обмене информацией между Росреестром, Росприроднадзором и прокуратурой, а также разный подход смежных органов к квалификации одних и тех же нарушений. Например, сброс сточных вод на земельный участок Росприроднадзор может квалифицировать как нарушение природоохранного законодательства, а Росреестр – как нарушение правил использования земли [1; 3], что создает сложности для прокурора. Зачастую встречается и формализм в реагировании, когда контрольно-надзорный орган, получив информацию от прокурора, формально проводит проверку, но не обеспечивает реального устранения нарушения.

Пути совершенствования данного института видятся в последовательной цифровизации и преодолении ведомственных барьеров. Необходимы разработка и внедрение единых межведомственных регламентов информационного обмена, активное использование прокуратурой координационных полномочий для проведения совместных плановых и внеплановых контрольных мероприятий [2], а также совершенствование методического обеспечения, включая подготовку совместных разъяснений по квалификации сложных

составов правонарушений. Усиление прокурорского надзора за законностью правовых актов и процессуальных решений самих контрольно-надзорных органов также является важным резервом повышения эффективности.

Таким образом, взаимодействие органов прокуратуры с контрольно-надзорными органами представляет собой сложный, многоплановый процесс, направленный на обеспечение законности в одной из ключевых сфер публичных интересов. Эффективность этого взаимодействия напрямую зависит от четкого правового регулирования, организационного единства и нацеленности всех участников на достижение реального результата – сохранения земельных ресурсов страны, защиты прав граждан и государства на благоприятную окружающую среду и рациональное землепользование. Дальнейшее совершенствование механизмов такой кооперации, в том числе за счет цифровизации и повышения уровня межведомственного доверия, является насущной задачей современной правовой политики.

Список используемых источников:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 29.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
2. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
3. О государственном земельном надзоре: Федеральный закон от 21.07.2014 № 294-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (Часть I). – Ст. 4233.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
5. Рыжаков А.П. Прокурорский надзор за исполнением земельного законодательства: теоретические и практические проблемы // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 110–120.
6. Хазанов С.Д. Взаимодействие прокуратуры с контрольно-надзорными органами в сфере охраны окружающей среды и природопользования // Законность. – 2022. – № 3. – С. 75–80.

Шепель Есения Николаевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КАК ФАКТОР ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

***Аннотация.** В статье проводится комплексный анализ трансформации роли органов прокуратуры Российской Федерации в обеспечении энергетической безопасности в условиях беспрецедентного внешнего санкционного давления. Автор рассматривает прокурорский надзор не только как инструмент реагирования на правонарушения, но и как ключевой элемент превентивной стабилизации топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Детально исследуются такие направления надзорной деятельности, как контроль за законностью в сфере импортозамещения и государственных закупок, антимонопольное регулирование, а также применение превентивных мер, в частности, предостережений. Теоретическая база исследования подкреплена ссылками на труды ведущих правоведов в области энергетического и прокурорского права. Практическая значимость работы заключается в выявлении конкретных механизмов и пробелов правового регулирования, а также в формулировании предложений по оптимизации надзорной практики для минимизации новых правовых и экономических рисков в ТЭК. Аргументируется позиция, что в современных условиях прокурорский надзор становится активным инструментом экономической политики, обеспечивающим устойчивость и суверенитет энергетического сектора.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, энергетическая безопасность, топливно-энергетический комплекс, международные санкции, энергетическое право, законность, антимонопольное регулирование, иск прокурора, государственные закупки, импортозамещение, предостережение, Федеральная антимонопольная служба (ФАС России).*

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена фундаментальными изменениями в глобальной энергетической архитектуре и беспрецедентным санкционным давлением на российский топливно-энергетический комплекс (ТЭК). Указанные вызовы детерминируют необходимость консолидации усилий всех государственных институтов, среди которых органы прокуратуры занимают ключевое место в силу своих координирующих и надзорных полномочий. Как верно отмечает профессор А.Ф. Ноздрачев, «в условиях экономической турбулентности и внешних ограничений значение прокурорского надзора как “несущей конструкции” законности в экономической сфере многократно возрастает, трансформируя его из правозащитного в стратегический, обеспечивающий национальную безопасность институт» [1, с. 45].

Энергетическая безопасность, понимаемая как состояние защищенности национальной экономики от угроз надежному снабжению энергоресурсами, в современных условиях

напрямую зависит от эффективности правового регулирования и неукоснительного соблюдения законодательства всеми участниками рыночных отношений. Санкционные ограничения создали новые правовые риски, требующие адекватного ответа со стороны контрольно-надзорных органов. К их числу относятся, во-первых, риски срыва исполнения долгосрочных контрактов, вызванные ограничениями на морские перевозки нефти и газа, запретами на страхование и блокировками расчетов. Во-вторых, это риски дестабилизации внутреннего рынка из-за нарушения логистических и производственных цепочек, в частности, несвоевременных поставок оборудования и запчастей для критической инфраструктуры. В-третьих, отмечается резкий рост правонарушений в сфере госзакупок и таможенного регулирования, связанный с попытками недобросовестных поставщиков использовать механизмы импортозамещения для необоснованного завышения цен или заключения договоров с аффилированными лицами.

В этой связи предметом особого внимания прокуроров становится надзор за исполнением законодательства в сфере импортозамещения в ТЭК. Прокуратура осуществляет проверки соблюдения требований к закупкам отдельных видов товаров, работ, услуг для обеспечения обороны и государственной безопасности в соответствии с Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках...» и Постановлением Правительства РФ № 616 [2]. Ярким примером является практика прокуратуры Ямало-Ненецкого автономного округа, где в 2024 году была проведена проверка исполнения государственного оборонного заказа предприятиями, обслуживающими объекты нефтегазодобычи. В результате были выявлены системные нарушения при закупке насосного оборудования, когда заказчик искусственно занижал требования к техническим характеристикам, что создавало риск поставки некачественных аналогов и последующих аварий. Внесенное прокуратурой представление позволило устранить нарушения и обеспечить надежность закупаемой продукции [3]. Как подчеркивает С.В. Воронцова, «в условиях санкций прокурорский надзор за госзакупками в ТЭК смещается с формального контроля на содержательный, сфокусированный на оценке реальных рисков для технологической и экономической безопасности объекта закупки» [4, с. 112].

Еще одним стратегическим направлением является усиление прокурорского надзора за соблюдением антимонопольного законодательства. В условиях сокращения числа иностранных игроков на рынке и роста цен возникает повышенная вероятность картельных сговоров и злоупотребления доминирующим положением со стороны оставшихся крупных национальных компаний. Прокуратура, взаимодействуя с Федеральной антимонопольной службой (ФАС России), инициирует и поддерживает в судах иски о признании таких соглашений недействительными и привлечении виновных к ответственности на основании Закона о защите конкуренции [5]. Показательным в этом отношении является дело, возбужденное прокуратурой Республики Татарстан по признакам картельного сговора между поставщиками бурового оборудования. Расследование, проведенное при координации с ФАС России, установило, что компании-конкуренты заранее договаривались о ценах на торгах, что наносило ущерб добывающим предприятиям и в конечном счете потребителям. Прокуратура обратилась в суд с иском о признании таких соглашений недействительными и взыскании убытков, что способствовало восстановлению конкурентной среды – основы устойчивости энергорынка [6]. Профессор Д.А. Петров отмечает: «Синергия между прокуратурой и ФАС России в сфере ТЭК сегодня является не просто желательной, а обязательной. Прокуратура обладает мощным аппаратом проверок, а ФАС – специальными познаниями в области конкурентного права, и их совместная работа позволяет эффективно вскрывать сложные антиконкурентные схемы» [7, с. 89].

Особую значимость в современных условиях приобретает использование прокурорами такого превентивного инструмента, как предостережение о недопустимости нарушения закона (ст. 25.1 Федерального закона «О прокуратуре РФ»). Направление предостережений руководителям компаний ТЭК позволяет предотвратить потенциальные нарушения, которые в условиях санкций могут привести к катастрофическим последствиям – техногенным авариям или срыву поставок энергоресурсов. Например, прокуратура Ненецкого автономного округа,

проанализировав статистику аварийности на месторождениях, направила предостережения в адрес ряда недропользователей, указывая на недопустимость экономии на мероприятиях по промышленной безопасности и несвоевременного проведения ремонтных работ в условиях использования устаревшего или изношенного оборудования, которое невозможно оперативно заменить из-за санкций. Эта мера позволила заблаговременно выделить средства и предотвратить потенциальные инциденты [8]. Данный инструмент, по мнению О.С. Капинус, «...выводит прокурорский надзор на качественно новый уровень, смещая акцент с карательного на превентивный, что особенно ценно для отраслей с высоким уровнем опасности, к которым, бесспорно, относится ТЭК» [9, с. 34].

Таким образом, в современных условиях прокурорский надзор в сфере ТЭК выходит за рамки традиционного реагирования на уже совершенные правонарушения. Он приобретает опережающий, стратегический характер, фокусируясь на системных рисках для энергобезопасности, порожденных санкционным давлением. Эффективная реализация прокурорских полномочий, включая координацию с другими контролирующими органами, активное использование превентивных мер и точечное судебное преследование, способствует не только укреплению законности, но и становлению адаптивной и устойчивой модели развития энергетического права, отвечающей на вызовы времени.

Список используемых источников:

1. Ноздрачев А.Ф. Прокурорский надзор в условиях новых экономических реалий: монография. – М.: Норма, 2024. – 210 с.
2. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (ред. от 01.03.2025).
3. Обзор практики прокурорского надзора в сфере ТЭК за 2024 год // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: [Обзор правоприменительной практики контрольно-надзорной деятельности за 2024 год] (дата обращения: 20.10.2025).
4. Воронцова С.В. Государственные закупки в ТЭК: правовые риски и прокурорский надзор // Законность. – 2024. – № 5. – С. 110–115.
5. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 25.12.2024).
6. Информационное сообщение УФАС по Республике Татарстан от 15.08.2024 «О пресечении картельного сговора». URL: [Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Татарстан от 15.08.2024 N 016/05/18-920/2024 | ГАРАНТ] (дата обращения: 20.10.2025).
7. Петров Д.А. Антимонопольное регулирование и прокурорский надзор: проблемы координации // Журнал российского права. – 2023. – № 12. – С. 85–95.
8. Капинус О.С. Превентивная функция прокуратуры в экономической сфере: теория и практика // Журнал российского права. – 2024. – № 3. – С. 30–40.

Шепель Есения Николаевна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Алейникова Валерия Андреевна,
ассистент кафедры уголовного права и процесса,
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ И ПРИЕМА ГРАЖДАН В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье проводится комплексный анализ правового института рассмотрения обращений граждан и организации их приема в органах прокуратуры Российской Федерации. Исследуются нормы Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и ведомственных приказов Генерального прокурора. Выявляются проблемные аспекты правоприменительной практики, связанные с сокрытием информации, превышением сроков и формализмом в ответах. На основе анализа научных трудов ведущих специалистов в области прокурорского надзора предлагаются меры по оптимизации данного направления деятельности прокуратуры, направленные на повышение его эффективности и доступности для граждан. Делается вывод о необходимости дальнейшей дифференциации процедур и внедрения цифровых технологий.*

***Ключевые слова:** прокуратура, обращения граждан, прием граждан, прокурорский надзор, законность, права граждан, административные процедуры, Федеральный закон № 59-ФЗ.*

Институт обращений граждан является фундаментальным элементом демократического правового государства, закрепленным в статье 33 Конституции Российской Федерации [1]. Для органов прокуратуры работа с обращениями и личный прием граждан имеют особое значение, выступая не только формой реализации конституционных прав граждан, но и важнейшим источником информации о состоянии законности на поднадзорных территориях. Как верно отмечает А.Ф. Смирнов, «обращения граждан являются “лакмусовой бумагой” эффективности деятельности прокуроров по всем направлениям их работы» [2, с. 45]. Таким образом, данная деятельность носит дуалистический характер: с одной стороны, это правоохранительная функция, с другой – публичная услуга.

Правовое регулирование данного направления деятельности прокуратуры представляет собой многоуровневую систему.

Во-первых, основополагающее значение имеет Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [3]. Статья 10 данного закона непосредственно закрепляет обязанность органов прокуратуры рассматривать и разрешать заявления, жалобы и иные обращения, содержащие сведения о нарушении законов. Закон устанавливает ключевые гарантии: запрет на пересылку жалобы в орган или должностному лицу, решения которых обжалуются; обязанность уведомлять заявителя о результатах рассмотрения; право на обжалование действий прокурора.

Во-вторых, общие правила, сроки и процедуры регламентирует Федеральный закон № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [4]. Он вводит базовые понятия («обращение», «предложение», «заявление», «жалоба»), устанавливает единый 30-дневный срок для рассмотрения (с возможностью продления еще на 30 дней в исключительных случаях), а также гарантирует гражданам право на письменный ответ по существу поставленных вопросов.

В-третьих, детализация процедур осуществляется ведомственными нормативными актами, прежде всего Приказом Генерального прокурора РФ от 30.01.2013 № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» [5]. Этот документ регулирует весь рабочий процесс: от регистрации входящего обращения в журнале или АСОИ «Обращения» (Автоматизированной системе обработки обращений) до организации личного приема руководителями прокуратур.

Несмотря на детальную правовую регламентацию, на практике сохраняется ряд системных проблем.

Формализм при рассмотрении. Наиболее часто критикуемой проблемой является формальный подход к подготовке ответов. Как указывает Ю.Е. Винокуров, «нередко ответы носят шаблонный характер, неконкретны и не содержат анализа всех доводов заявителя» [6, с. 112]. Это приводит к многократным повторным обращениям по одному и тому же вопросу, создавая избыточную нагрузку на аппарат и вызывая обоснованную критику со стороны граждан.

Нарушение процессуальных сроков. Хотя сроки четко установлены законом, на практике нередки случаи их несоблюдения без направленного заявителю мотивированного уведомления о продлении. Это подрывает доверие к институту прокурорского надзора.

Проблема «электронного взаимодействия». Несмотря на широкое внедрение системы электронной приёмной на официальном сайте, её потенциал используется не в полной мере. Граждане сталкиваются с техническими сложностями, а ответы на электронные обращения иногда дублируются на бумажном носителе, что не соответствует принципу эффективности использования государственных ресурсов.

Сложности организации личного приема. Выстраивание «живых очередей» в приемные прокуратур, ограниченное время приема, а также частое отсутствие на приеме именно того прокурора, который компетентен решить конкретный вопрос заявителя, снижают доступность этого института для социально незащищенных слоев населения.

На основе проведенного анализа и с учетом позиций ученых-правоведов представляется целесообразным реализовать следующий комплекс мер:

Дальнейшая цифровизация. Целесообразно законодательно закрепить возможность подачи обращений через единый портал государственных услуг (ЕПГУ) с обязательной интеграцией с АСОИ «Обращения» Генпрокуратуры. Это повысит удобство для граждан и прозрачность учета. Кроме того, следует активнее внедрять практику проведения онлайн-видеоприемов граждан, особенно в отдаленных районах.

Дифференциация процедур рассмотрения. Как справедливо отмечает В.В. Ключков, необходимо дифференцировать процедуры рассмотрения в зависимости от категории сложности дела [7]. Для простых, не требующих дополнительных проверок обращений, можно ввести сокращенные сроки (например, 15 дней). Для сложных, комплексных проверок – предусмотреть более детальную регламентацию этапов и информирования заявителя о ходе рассмотрения.

Повышение качества ответов. Требуется внести изменения в ведомственную Инструкцию, ужесточив требования к содержанию мотивированного ответа. Ответ должен не просто констатировать факты, но и содержать правовую аргументацию, разъяснение дальнейшего порядка обжалования, если заявитель не согласен с решением. Необходимо внедрить систему внутреннего аудита качества подготовленных ответов.

Совершенствование организации личного приема. Целесообразно перейти к системе предварительной электронной записи на личный прием с указанием тематики вопроса. Это

позволит избежать очередей и обеспечить присутствие на приеме именно того специалиста (заместителя прокурора, начальника отдела), который в состоянии решить проблему заявителя.

Институт рассмотрения обращений и приема граждан был и остается визитной карточкой прокуратуры, ключевым каналом взаимодействия с населением. Действующее законодательство создает правовую основу для данной деятельности. Однако правовая регламентация нуждается в постоянном развитии и адаптации к современным реалиям. Предложенные меры, направленные на цифровизацию, дифференциацию процедур и повышение качества взаимодействия, будут способствовать оптимизации работы органов прокуратуры с обращениями граждан, укреплению законности и усилению защиты прав и свобод человека и гражданина, что является основной целью деятельности прокуратуры в соответствии со статьей 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Список используемых источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
2. Смирнов, А.Ф. Прокурорский надзор: учебник для вузов / А.Ф. Смирнов. – М.: Норма, 2021. – 560 с.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 04.11.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
4. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 28.03.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.
5. Приказ Генерального прокурора РФ от 30.01.2013 № 45 (ред. от 09.10.2020) «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // Законность. – 2013. – № 4.
6. Винокуров, Ю.Е. Актуальные проблемы организации работы с обращениями граждан в органах прокуратуры / Ю.Е. Винокуров // Законность и правопорядок. – 2022. – № 3(48). – С. 110-115.
7. Ключков, В.В. Административные процедуры в органах прокуратуры: монография / В.В. Ключков. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 288 с.

Шлемова Дарья Алексеева,
студент института экономики и управления
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Чернобок Диана Андреевна,
студент института экономики и управления
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

АНАЛИЗ И ОБОБЩЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО УРОВНЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

***Аннотация.** В статье рассмотрено содержание и выделены основные аспекты основополагающих документов в области правового регулирования энергетической безопасности. На основании содержания документов выделены основные понятия: угрозы, вызовы, риски и возможности энергетики РФ в ближайшие годы. В статье рассматривались: Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 года, Доктрина энергетической безопасности РФ, Стратегия национального развития РФ.*

***Ключевые слова:** экономика, право, энергетика, энергетическая безопасность, стратегии развития, топливо, законодательство*

Российская Федерация имеет исторически обусловленную зависимость от экспорта энергоресурсов за рубеж, ввиду этого, понятие энергетической безопасности имеет большое значение для развития страны, при этом существует множество проблем в этой отрасли, связанных как с политическими факторами, так и с естественными изменениями экономики и развитием общества.

Энергетическая безопасность – состояние защищенности страны и ее составных элементов (общества, граждан, экономики) в топливном и энергетическом аспекте, а также возможность выполнить свои экспортные обязательства перед странами-партнерами.

Основной документ, определяющий долгосрочные ориентиры развития топливно-энергетической безопасности является Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 года.

Энергетическая стратегия рассматривает перспективы развития отрасли на основе анализа предыдущих лет и настоящей ситуации на рынке энергетических ресурсов.

Главными направлениями перспективного развития она выделяет: изменение структуры и объема энергоресурсов, развитие внутреннего и международного рынка.

Выделяется три сценария развития:

А) Консервативный. Предусматривает умеренные долгосрочные темпы роста экономики при его одновременной активной модернизации (по зарубежному опыту и требованиям) и сохранении гражданских высоко- и среднетехнологичных секторов.

Б) Инновационный. Существенное стимулирование инвестиций, модернизация транспортной инфраструктуры, создание конкурентноспособного сектора высокотехнологичных производств, а также модернизация энерго-сырьевого комплекса.

В) Целевой (форсифицированный). В основном повторяет суть инновационного сценария, но с повышением уровня накопления частного бизнеса, форсированными темпами роста и масштабным экспортом.

При рассмотрении сценариев развития упоминается существенная доля России на мировой арене продажи топливно-энергетических ресурсов, это значит, что в отличие США и Китая которые также производят существенную долю от общемировых ресурсов, но

преимущественно используют их в собственных целях, Россия также оказывает влияние на мировой энергетический баланс.

На мировом рынке энергоресурсов существуют следующие тенденции, учитываемые в построении стратегии энергетической безопасности РФ:

1. Повышение эффективности получения и использования энергоресурсов, а также инновационное развитие отрасли.

2. Стремление к самообеспечению энергоресурсами, а также на сотрудничество в первую очередь со странами-соседями.

3. Диверсификация структуры топливно-энергетического баланса, развитие использования возобновляемых источников энергии и добычи нетрадиционных углеводородов.

4. Увеличение экспорта, освоение новых рынков.

Главными стратегическими ориентирами выделены: экономическая и энергетическая эффективность, безопасность, устойчивое развитие.

Вызовы, риски, угрозы, принципы и цели указанные в стратегии будут рассмотрены ниже в интерпретации Доктрины энергетической безопасности в виду ее новизны.

С правовой точки зрения в вопросе энергетической безопасности следует опираться на:

- Законодательство о недропользовании;
- Налоговое и таможенное законодательство;
- Законодательство в сфере регулирования внутренних энергетических рынков;
- Законодательство в области энергосбережения;
- Стратегии развития научно-технического процесса;
- Региональную политику;
- Экологический аспект данного вопроса;
- Внешнюю политику РФ;

Целевой прогнозный топливно-энергетический баланс России на период до 2035 года предусматривает увеличение производства и потребления первичных энергетических ресурсов на 27–28% с 2010 по 2035 годы и следующие изменения его структуры:

1) рост доли природного и попутного газа в с 41 до 46–47 процентов в производстве первичных ТЭР с достижением эффективных объёмов его добычи (около 935 млрд. куб. м в год) и потребления (около 585 млрд куб.м);

2) увеличение доли нетопливных источников энергии в производстве первичных ТЭР с 7 процентов до 9 процентов при росте размеров их использования в 1,5– 1,6 раза, в том числе атомной энергии – в 2–2,2 раза;

3) уменьшение доли нефти и конденсата с 39 до 32–33 процентов в производстве первичных ТЭР при стабилизации объёмов добычи и переработки нефти с продолжающимся ростом производства нефтяных моторных топлив в 1,5 раза и сырья для нефтехимии за счёт увеличения глубины переработки нефти до 90% в 2035 году;

4) сохранение доли твёрдого топлива на уровне 12–13 процентов в производстве первичных ТЭР с ростом добычи угля до 415 млн. т и его потребления на 8–9%;

5) опережающее развитие электроэнергетики для реализации масштабной электрификации национального хозяйства с ростом установленной мощности электростанций более, чем на 1/3, и выработки электроэнергии в 1,6 раза при увеличении доли АЭС с 16 до 22 – 23 процентов.

Стратегические инициативы развития топливно-энергетического комплекса включают в себя:

- Развитие производства и добычи в восточной части страны;
- Освоение зон крайнего севера;
- Энергосбережение;
- Развитие инфраструктура отрасли.

Стратегии и развития также поделены по отраслям на комплексы:

1. Нефтяной.
2. Газовая промышленность.
3. Нефтегазохимия.

4. Угольная промышленность.
5. Электроэнергетика.
6. Атомная и ядерная энергетика.
7. Теплоснабжение.
8. Возобновляемые источники энергии.

Существует также диверсификация по регионам страны: центральному, северо-западному, южному, северо-кавказскому, приволжскому, уральскому, сибирскому, дальневосточному. Среди указанных уральский, сибирский и приволжский являются центрами по добыче основных энергетических ресурсов (газа и нефти. Центральный и северо-кавказский, напротив имеют наименьший потенциал, однако это связано с плотностью населения, историческими аспектами и т.д. Регионом, чей потенциал планируется раскрыть является дальневосточный.

Ожидаемыми результатами от реализации концепции будут следующие категории:

- воспроизводство ресурсов;
- закрытие существующих потребностей;
- оптимизация структуры;
- модернизация цен;
- повышение эффективности;
- стабилизация экономики;
- учет интереса граждан и государства;
- модернизация налогового бремени;
- повышение конкурентоспособности на международной арене;
- развитие энергетической инфраструктуры;
- техническое перевооружение;
- создание устойчивой инновационной системы;
- ориентация на устойчивое развитие;
- укрепление позиций РФ на международных рынках;
- стабилизация отношений с покупателями;
- завершение формирования общих рынков энергоносителей.

Энергетическая стратегия рассматривает также ключевые показатели и прогнозирует значения добычи полезных ископаемых и энергетических ресурсов [3].

Следующим документом, регулирующим энергетическую безопасность, является Доктрина энергетической безопасности РФ. Ниже рассмотрим ее основные положения.

Среди субъектов энергетической безопасности выделяются: федеральные органы, органы субъектов, органы местного самоуправления, организации, работающие непосредственно в сфере топливной энергетики, а также организации, осуществляющие свою деятельность в смежных областях, осуществляющие регулирование, информирование и организацию топливно-энергетических процессов в РФ.

Вызовы энергетической безопасности РФ – это стимулы, которые могут как способствовать существенному развитию сферы, так и напротив приводить к ее «раскачке» и падению.

Доктрина энергетической безопасности РФ выделяет следующие вызовы энергетической безопасности страны:

1. Смещение центра энергетических потребителей с запада на восток (в страны Азии);
2. Изменение структуры энергетического рынка. Утрата актуальности и появление новейших продуктов;
3. Усиление конкуренции в виду появления новых участников рынка;
4. Изменение международных норм права в рассматриваемой области, в частности усиление экологических требований к добыче и использованию ресурсов;
5. Рост доли сжиженного газа на рынке энергоресурсов;
6. Тенденция на использование возобновляемых и неисчерпаемых источников энергии.

Угрозы экономической безопасности – факторы, способные нанести ущерб для РФ в области энергетики.

Доктрина энергетической безопасности РФ выделяет следующие угрозы энергетической безопасности страны:

1. Изменение структуры международного энергетического рынка, противоречащая традиционному укладу российской стороне.
2. Действие санкций в отношении РФ;
3. Дискриминация организаций топливно-энергетического комплекса РФ на международных рынках;
4. Конфискация некоторых энергоресурсов, расположенных на территории иностранных государств.

Риски в области энергетической безопасности –

Доктрина энергетической безопасности РФ выделяет следующие риски энергетической безопасности страны:

1. Несогласованное развитие отраслей топливно-энергетического комплекса;
2. Неопределенность спроса на продукцию в субъектах РФ;
3. Финансовая и экономическая неустойчивость смежных структур;
4. Возросшая нагрузка на топливно-энергетические комплексы со стороны налоговых платежей;
5. Увеличение экологических требований;
6. Монополизация и слаборазвитая конкуренция в отрасли;
7. Высокий уровень износа основных фондов и необходимость его частой замены и обслуживания;
8. Нерациональное использование ресурсов (как сырья, так и продукции);
9. Проблемы в сфере информирования и образования.

Целью топливно-энергетической безопасности можно назвать обеспечение защищенности населения и страны в целом от угроз, на уровне требований, обозначенных законодательством РФ. Основные требования можно свести к следующим пунктам:

- Рациональное использование, энергосбережение, воспроизводство и формирование запасов;
- Информирование граждан, развитие инфраструктуры, обеспечение безопасности и эффективности.
- Доработка законодательства в области антимонопольного и налогового регулирования, экологического законодательства, а также в области защиты страны и граждан от ЧС и террористических актов;
- Стимулирование инвестиций и экспорта, регулирование цен.
- Развитие технологий, использование отечественного оборудования.

Принципы обеспечения экономической безопасности являются: законность, стабильность правовой и экономической политики, приоритет внутреннего рынка, принцип обеспеченности, принцип партнерства, учет интересов всех субъектов отрасли, а также населения страны.

Направления деятельности по обеспечению безопасности:

1. Совершенствование государственного управления;
2. Поддержание минерально-сырьевой базы и основных производственных фондов;
3. Совершенствование инфраструктуры топливно-энергетических комплексов;
4. Защита интересов РФ на международном рынке;
5. Обеспечение независимости РФ [1].

Следующим этапом отметим Стратегию национальной безопасности РФ. Следует отметить, что данный документ всеобъемлющ и включает в себя множество пунктов, отражающих в целом цели и задачи национальной безопасности. Тем не менее мы рассмотрим аспекты, упоминающийся в документе и касающиеся энергетической безопасности государства.

В данной стратегии отражены следующие стороны национальной безопасности:

- Сбережение народа и развитие человеческого потенциала;

- Оборона страны;
- Государственная и общественная безопасность;
- Информационная безопасность;
- Экономическая безопасность;
- Научно-техническое развитие;
- Экологическая безопасность и рациональное природопользование;
- Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти;
- Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

Понятие энергетической безопасности отражено как одна из ключевых задач Стратегии, в частности создание комфортной среды и доступности энергетики для граждан. Отмечается также разработка и применение государственной политики в указанной области.

Ожидается технологическое обновление, обеспечение экономической безопасности населения, повышение эффективности и модернизации управления, а также развитие использования возобновляемых источников, развитие инфраструктуры, ориентация на мировые тенденции рынков [2].

Таким образом, анализируя представленную нормативно-правовую базу, отметим, что топливная энергетика исторически является весомой частью Российской экономики. При этом стремительно развивающаяся конъюнктура рынка обуславливает необходимость постоянного развития и улучшения норм экономической безопасности в рассматриваемой области.

Список используемых источников:

1. Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента Рос. Федерации от 13.05.2019 г. № 216 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905130002> (дата обращения: 20.10.2023). – Режим доступа: свободный.

2. Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента Рос. Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 20.10.2023). – Режим доступа: свободный.

3. Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 09.06.2020 г. № 1523-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006100001> (дата обращения: 20.10.2023). – Режим доступа: свободный.

Шрамкова Анна Александровна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процессе
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

РАЗВИТИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

***Аннотация.** В настоящей статье рассматривается особое значение прокурорского надзора в экономической сфере, как одного из важнейшего элемента развития современного общества и государства. Дано понятие прокурорский надзор, рассмотрена нормативно-правовая основа прокурорского надзора, изучены исторические этапы становления прокурорского надзора в сфере экономики. В результате исследования были рассмотрены различные направления экономики в России, что позволило определить механизм прокурорского надзора и его задачи.*

***Ключевые слова:** экономическая сфера, прокурорский надзор, органы прокуратуры, нормативно-правовая база, полномочия прокурора, направления надзорной работы, предпринимательская деятельность, инвестиционная деятельность, правонарушения.*

Экономическая сфера является ключевым элементом развития общества и государства, поскольку выступает основой для обеспечения благосостояния граждан, укрепления позиций на мировой арене и реализации стратегических национальных целей. Основными направлениями экономической сферы общества в России являются: обеспечение формирования государственного бюджета; создание новых рабочих мест и повышение уровня занятости населения; обеспечение национальной безопасности; интеграция России в мировую экономику и многое другое. Без должного качества развития экономической сферы страны государство столкнется с рядом серьезных вызовов, оказывающих негативное воздействие на уровень жизни населения и международную конкурентоспособность.

В России важнейшим инструментом обеспечения законности и правопорядка в хозяйственной деятельности является прокурорский надзор. Законодатель не дает дефиниции, что подразумевает под собой прокурорский надзор в различных сферах жизни общества. Однако, в научной и учебной литературе такое понятие найти можно. Так, например, по мнению А.А. Спиридоновой, под прокурорским надзором понимается система действий, осуществляемых органами прокуратуры, направленная на контроль за соблюдением законности в деятельности государственных и муниципальных органов, а также частных лиц, с целью защиты прав и свобод граждан, предотвращения правонарушений и поддержания правопорядка в обществе. [1, С. 874] Прокурорский надзор охватывает различные области экономической сферы: законодательство о конкуренции, налогообложении, таможенное регулирование, использование бюджетных средств и государственных активов.

Нормативно-правовой базой прокурорского надзора в сфере экономики являются: Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», который охарактеризовал основной перечень задач такого надзора непосредственно в сфере защиты экономических прав

граждан; [2] приказы Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в том числе Приказ Генпрокуратуры России «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности», который сформировал перечень ключевых проблем бизнеса, а также комплекс мер по укреплению законности в экономической сфере. [3]

Полномочия, которыми наделил законодатель органы прокуратуры, определяют их правовой статус и место среди органов государственной власти Российской Федерации. Развитие прокурорского надзора в экономической сфере связано со становлением органов прокуратуры и определение их деятельности. Так, Прокуратура была учреждена еще в 1722 году как государственный орган уполномоченный противостоять взяточничеству, казнокрадству и иным правонарушениям в финансовой сфере общества. [4, С. 11] Таким образом, возникновение прокуратуры было вызвано необходимостью регулирования экономической сферы общества, осуществления надзорных полномочий за соблюдением экономических интересов государства.

В XIX веке объектом прокурорского надзора выступали казенные предприятия, правила торговли, предотвращение деятельности контрабанды и злоупотреблениями при сборе государственных пошлин и налогов. Особенности регулирования частного предпринимательства отражали общую тенденцию либерализации экономики в течении XIX века. В целом, полномочия органов прокуратуры были ограничены общим надзором за законностью действий государственных органов и должностных лиц. Однако, отличительным признаком являлось отсутствие широких полномочий по проведению проверок и ревизий деятельности частных предприятий. Взаимодействие с иными государственными органами, например, с Министерством финансов, Министерством торговли и промышленности, не было эффективным, поскольку многие полномочия дублировались, что создавало противоречия в правоприменительной практике.

XX век имел огромное значение для становления правового статуса органов прокуратуры в экономической сфере. Великая Отечественная война и послевоенный период стали толчком для перестройки всей деятельности прокуратуры. Изменения выражались, в первую очередь, в принятии Приказа прокурора СССР «О работе по общему надзору», согласно которому происходила реорганизация работы органов прокуратуры в сторону усиления надзора за соблюдением законности в народном хозяйстве. Данный приказ определил основные направления прокурорского надзора в экономической сфере: контроль за использованием государственных ресурсов, соблюдение трудового законодательства на предприятия, борьба с хищениями и злоупотреблениями в промышленности и сельском хозяйстве. [5] Принятие иных постановлений Совета Министров СССР было направлено на укрепление законности и правопорядка в экономической сфере с помощью расширения полномочий прокурора, в части проведения проверок на предприятиях, применения норм прокурорского реагирования на правонарушения, а также координация деятельности с другими государственными органами в борьбе с экономической преступностью.

Проведенный анализ позволяет отметить, что экономическая сфера в целом является важнейшим элементом развития общества и государства. Отсюда и усиленный контроль прокуратуры за различными ее областями. Поскольку Великая Отечественная война и послевоенные годы явились переломным этапом СССР, восстановление страны и формирование совершенно новой системы государственных органов и системы управления, создало реальную необходимость в доработке полномочий органов прокуратуры. Довольно долгая система реформирования позволила сформировать максимальную эффективную систему прокурорского надзора за соблюдением и реализацией прав и свобод человека и гражданина в различных сферах, в том числе и в экономике.

В настоящее время прокурорский надзор в рассматриваемой сфере отличается огромным количеством предписаний, а также динамичностью правового регулирования, что выражается в наличии множества правил, коллизий и пробелов, сочетающихся со стремительными изменениями содержания социально-экономических отношений. В связи с этим выделяют несколько направлений надзорной работы в сфере экономики:

- 1) надзор за исполнением законов о собственности, земле, предпринимательской деятельности, бюджетного, налогового, банковского, антимонопольного законодательства;
- 2) надзор за законностью распоряжений государственным имуществом;
- 3) выявление и пресечение фактов легализации преступных доходов;
- 4) противодействие коррупции;
- 5) защита прав субъектов предпринимательской деятельности от административного давления и неправомерного вмешательства в дела самостоятельных товаропроизводителей и многое другое. [6]

Активная роль прокуратуры в экономических вопросах позволяет обеспечить важный механизм восстановления справедливости и предотвращения незаконного обогащения за счет государственных средств.

Таким образом, за различными направлениями экономики в России осуществляется прокурорский надзор, задачами которого являются обеспечение законности экономических правоотношений, а также защита прав и свобод человека и гражданина. Важно отметить, что на сегодняшний день органы прокуратуры обладают наибольшим количеством возможностей пресечения правонарушений в экономической сфере. При этом, современное взаимодействие прокуратуры с органами государственной власти выстроены таким образом, чтобы эффективно воздействовать на экономические институты, повышая их правовую грамотность и контролировать исполнение ими предусмотренных законом норм права.

Список используемых источников:

1. Спиридонова, А.А. Прокурорский надзор: понятие, актуальные проблемы реализации прокурорского надзора // А.А. Спиридонова // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2024. – №12 (81). – Том.4. – С. 874.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-І (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации». //СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2025).
3. Приказ Генпрокуратуры России от 31.08.2023 № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности». //СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2025).
4. Бойко, Н.Н. Становление и развитие института прокурорского надзора в экономической сфере // Н.Н. Бойко, В.Ю. Мухаметова // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2025. – №1 (21). – С. 11.
5. Приказ Прокурора Союза ССР № 54с «О работе по общему надзору» от 05 июня 1942 года. // Архив: ГАВО. Ф. Р-3174. Оп. 2. Д. 1. Л. 39-41об.
6. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере экономики: сб. методич. материалов. – М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2010. – 875 с.

Яровая Карина Ростиславовна,
студент Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Федорященко Алексей Сергеевич
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СУБЪЕКТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И РАВНОПРАВИА

***Аннотация.** В статье изучается специфика правоотношений публично-правовых образований в качестве участника предпринимательской деятельности. Обозначаются особенности публично-правовых образований как субъекта экономических отношений. Рассматривается целеполагание предпринимательской деятельности публично-правовых образований. Выявляются ограничения публично-правовых образований. Определяется положение публично-правовых образований в коммерческом и некоммерческом секторе. Изучаются ограничения публично-правовых образований в случае необходимости нести экономическую ответственность.*

***Ключевые слова:** предпринимательская деятельность, публично-правовые образования, публичное юридическое лицо, правоотношения, ответственность, бюджетные средства.*

Актуальность исследования обусловлена сложной ситуацией, в которой находится экономика Российской Федерации вследствие западных санкций и ведения боевых действий. В связи с этим, возрастает роль субъектов предпринимательских правоотношений. Сложным и специфическим субъектом таких правоотношений являются публично-правовые образования. Конкретизация их положения в предпринимательской деятельности и является целью данной статьи.

Анализ современного законодательства позволяет выявить отсутствие строго термина «публично-правовое образование». Однако имеющиеся правовые положения позволяют дать определение. Согласно пятому пункту статьи 66 и статье 125 Гражданского кодекса РФ, а также Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25, под публично-правовыми образованиями понимается Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования [4, 119].

Ключевую роль публично-правовых образований можно охарактеризовать, как распределение богатства народа Российской Федерации для благоустройства субъектов и улучшения жизни граждан. Отметим наличие конфликта в правовом поле, который связан с тем, что публично-правовые образования одновременно являются представителем публичной власти и участником предпринимательской деятельности, что осложняет равноправное правоприменение в ситуации конфликта сторон. Для решения этой задачи в законодательстве разрабатывался ряд ограничений, направленных на регламентацию деятельности публично-правовых образований. Несмотря на это, положение публично-правовых образований можно считать уникальным в качестве субъекта предпринимательской деятельности.

Именно Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования стремятся к обеспечению всеобщего блага населения страны, что отражается на преследовании не частных, а общественных интересов. Таким образом, публично-правовые образования обладают специфическим положением, которое требует конкретизации их зоны ответственности в предпринимательской деятельности, поскольку публично-правовые образования не только фигурируют в качестве субъекта предпринимательских правоотношений, но и напрямую влияют на определение границ своего участия [6, 90].

Наиболее сложным является вопрос отнесения публично-правовых образований к коммерческому или некоммерческому сектору. Постановка данного вопроса связана с тем, что каждый из этих секторов детально прописан в законе и возможность определения публично-правовых образований к одному из них позволило бы решить многие противоречия. По многим признакам публично-правовые образования подходят под описание некоммерческой организации, поскольку ставят своей целью общественное благо, а не получение прибыли. При этом обнаруживается проблема существенного ограничения некоммерческих организаций в предпринимательской деятельности, которые не распространяются на публично-правовые образования (могут заключать гражданско-правовые сделки различного целеполагания и направленности), что создает противоречие в данной трактовке [3, 42].

Обозначим специфику публично-правовых образований в сфере предпринимательской деятельности. Данные субъекты обладают правом иметь имущество, которое ограничено в обороте, и правом приобретать собственность в уникальном порядке (конфискация или изъятие имущества). Потеря права владения собственностью публично-правового образования происходит в исключительном порядке. Одним из наиболее часто применяемых способов перераспределения имущества публично-правовых образований – приватизация.

Другим существенным отличием правоотношений публично-правовых образований можно считать право по передаче имущества в хозяйственное владение предприятия. В таком случае публично-правовое образование получает статус учредителя. Все имущество публично-правовых образований формируется в единый бюджет, который распределяет в зависимости от нужд субъекта. Отметим, что если для создания юридического лица создаются вклады населения, то активы публично-правовых образований возникают в качестве передачи собственности народа в государственное и муниципальное управление страны.

Спецификой обладает и алгоритм взаимодействия публично-правовых образований при заключении договора с участниками гражданского оборота. Главным отличием публично-правовых образований в заявленной проблематике является невозможность выступать в качестве стороны договора аренды, трудового договора или дарителя. Данное ограничение связано с общественным характером публично-правовых образований и отсутствием личного владения этой собственностью. Кроме того, такое разграничение позволяет исключить возможность растраты государственного имущества для передачи третьим лицам в корыстных целях [1, 54].

Анализ научной литературы показывает, что публично-правовые образования имеют иные способы несения правовой ответственности в предпринимательской деятельности, чем граждане или юридические лица. Главным отличием можно считать покрытие ущерба или долга не за счет потери имущества, а через использование бюджетных средств конкретного публично-правового образования (субъекта РФ, муниципального или федерального бюджета) [5, 37]. При этом существуют ограничения по имущественной ответственности публично-правовых образований. Как уже говорилось, имущество является общественным достоянием и не может быть передано третьим лицам. В связи с этим, все обязательства выполняются в эквиваленте и исполняются с помощью бюджетных средств [2, 45]. Таким образом, изучение положения публично-правовых образований в сфере предпринимательской деятельности позволяет выявить специфическое положение между коммерческим и некоммерческим сектором. Характерным признаком является ограниченная ответственность публично-правовых образований. Все это делает положение публично-правовых образований уникальным в системе отечественного права и делает необходимым дальнейшую разработку проблемы.

В заключении можно сделать следующие выводы:

Во-первых, под публично-правовыми образованиями понимаются Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования. Целью публично-правовых образований является распределение народного богатства и благоустройство жизни граждан.

Во-вторых, публично-правовые образования могут выступать участником предпринимательских правоотношений. При этом публично-правовые образования обладают уникальным статусом, поскольку занимают промежуточное положение между деятельностью коммерческих и некоммерческих организаций и обладают публичной властью.

В-третьих, публично-правовые образования имеют ограничения по несению ответственности. В ситуации задолженности финансовые обязательства исполняются из бюджетных средств соответствующего уровня без возможности передачи имущества публично-правовых образований кредиторам.

Список используемых источников:

1. Дондоков Ж.Д. Гражданско-правовой анализ категории «публичное юридическое лицо» на примере юридических лиц – органов публичной власти // Актуальные проблемы российского права. 2024. №4(161). С. 53-65.

2. Зернов И.В. Понятие публично-правового образования в решениях Конституционного суда Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. 2023. №2(66). С. 40-50.

3. Магницкий Н.Д., Тюрина Ю.Г. Концептуальные вопросы управления неналоговыми доходами бюджетов публично-правовых образований // Финансы: теория и практика. 2025. №3(29). С. 35-44.

4. Серих Д.Н. Особенности правового статуса публично-правовых образований как участников предпринимательских правоотношений // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. №4. С. 117-124.

5. Сыров А.Н. Повышение эффективности управления собственностью публично-правовых образований на местном уровне: состояние, примеры, предложения // Муниципалитет: экономика и управление. 2024. №3(48). С. 29-38.

6. Шавалеева Ч.М. Публично-правовые образования как элемент государственного сектора экономики: роль и особенности функционирования // Вестник экономики, права и социология. 2024. №1. С. 89-92.

*Научное электронное издание
сетевого распространения*

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА:
МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ДИАЛОГ**

Сборник научных статей обучающихся
по материалам межвузовского круглого стола
6 ноября 2025 г.

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: Ю.В. Мишенина
Выпускающий редактор: В.С. Берегова

Подписано к использованию 17.03.2026.
Гарнитура Times New Roman. Объем издания – 4,52 МБ
Оригинал-макет подготовлен в ЦПП НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48